Пол Андерсон

Война крылатых людей

ПОЛ АНДЕРСОН

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века
****

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Poul ANDERSON

****

War of wing-men
The trouble twisters
Trader to the stars

Amber, Ltd.
1993

Пол АНДЕРСОН

****

Собрание сочинений

Война крылатых людей
Возмутители спокойствия
Звездный торговец

«Амбер, Лтд.»
1993

ББК 84.7 США
А 34

Перевод с английского

Андерсон Пол

А 34 Война крылатых людей. Пер. с англ. — Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. — 544 с.

ISBN 5-88358-017-3

© «Амбер, Лтд.»

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Великий Адмирал Сиранакс хир Урнан, Наследник Верховной Власти, Вождь Дракхоновского Флота, Рыбак Западных Морей, Первый Жрец и Оракул Путеводной Звезды распростер крылья и снова сложил их с шумом, выражающим предельное изумление. Лавина бумаг, сметенных со стола порывом воздуха, некоторое время опускалась на пол.

— Нет! — крикнул он. — Невозможно! Это какая-то ошибка!

— Как адмирал пожелает... — Главный Командор Дельп хир Орикан иронически поклонился. — Разведчики ничего не видели...

Гнев исказил лицо капитана Теонакса хир Урнана, сына Великого Адмирала и его законного наследника. Он оскалил клыки, сверкнувшие белизной на фоне темной пасти.

— Нет времени, чтобы тратить его на твою дерзость, командор Дельп, — холодно произнес он. — Было бы хорошо, если бы мой отец, наконец, решил избавиться от солдата, не питающего к нему уважения.

Большая фигура Главного Командора напряглась под перекрещенными ремнями с шитьем — знаками его положения. Капитан Теонакс сделал шаг вперед. Их хвосты распрямились, а крылья распростерлись в яростной готовности к битве, так что вся комната, казалось, была заполнена их телами и ненавистью, которую они питали друг к другу. Словно случайно рука Теонакса опустилась на обсидиановый трезубец. Желтые глаза Дельпа засверкали, а пальцы сжались на рукоятке боевого топора.

Адмирал Сиранакс ударил хвостом об пол, и это прозвучало словно грохот взрыва. Оба противника вздрогнули, вспомнив, где они находятся, и, медленно расслабляя мышцу за мышцей под блестящей коричневой шерстью, постепенно успокоились.

— Довольно! — рявкнул Сиранакс. — Дельп! Твой необузданный язык когда-нибудь обязательно тебя погубит. Теонакс, мне уже надоели твои фокусы! Тебе представится возможность заняться своими врагами, когда меня уже не будет на этом свете! А пока что побереги тех немногих способных офицеров, которые еще остались в нашем Флоте!

Уже давно никто не слышал от Адмирала таких решительных слов. Его сын и подчиненные осознали, что этот поседевший, ревматический старик с помутневшими глазами — это именно тот, кто был когда-то покорителем Майонского Флота! Тысяча отрубленных крыльев вражеских вождей повисла тогда на мачтах дракхонов. Это был все еще их вождь в войне со Стадом ланнахов. И они приняли позу почтения и стали ждать, что он скажет дальше.

— Ты понял меня слишком дословно, Дельп, — начал Адмирал, но уже более мягким тоном. Потянувшись к полке, размещенной над столом, он взял длинную трубку и начал набивать ее лепестками высушенного джа, которые доставал из кисета, висящего на поясе. Одновременно Адмирал удобно уложил свое плохо гнущееся старческое тело в кресле из дерева и кожи. — Конечно, я удивился, однако могу поспорить, что наши разведчики еще не разучились пользоваться подзорными трубами. Еще раз точно опиши мне, что произошло.

— Наш патруль отправился на обычную разведку в место, находящееся на расстоянии тридцати обдиенан отсюда на северо-северо-запад... — Дельп осторожно подбирал слова. — Это рядом с островом, который называют... Не могу выговорить варварского названия, данного ему тамошними обитателями, но оно звучит в переводе, как «Шелест Знамен».

— Да, да, — кивнул Сиранакс. — Знаю. — Он улыбнулся. — Знаешь ли, мой друг, мне еще случается временами рассматривать карты.

Теонакс улыбнулся. Дельп не умел быть льстивым, и это было его слабым местом. Дед Командора был обыкновенным парусным мастером, а отец смог дослужиться только до капитана Флота. Это, конечно, могло случиться

уже после того, как их род получил дворянство за героизм в битве за Ксариду — но все равно это было мелкое дворянство, немногим выше обычных моряков, и на их руках еще были видны следы тяжелой работы.

Сиранакс — воплощенный ответ Флота на те дни голода и опустошения — выбирал офицеров по их способностям — и ничего кроме этого! Именно таким образом простой Дельп хир Орикан в течение нескольких лет поднялся на второе по важности место среди дракхонов. Однако это не сгладило шероховатости его воспитания и не научило его как следует себя вести с истинно благороднорожденными.

Насколько Дельп пользовался популярностью среди простых моряков, настолько большинство аристократов ненавидело его — выскочку, простака, который посмел жениться на дочери рода Аксоллон! Пусть только хранящие его крылья старого адмирала сомкнутся в смертельном объятии.

Теонакс уже сейчас смаковал подробности того, что ожидает Дельпа хир Орикана. Найти какую-нибудь причину для обвинения будет нетрудно...

Командор сглотнул слюну.

— Прости, господин... — буркнул он. — Я не хотел... В конце концов мы недавно находимся в этом море... Разведчики увидели этот плывущий предмет, не похожий ни на что, известное нам. Двое из них прилетели, чтобы доложить нам об этом, и ждут приказа. Я не летал, чтобы проверить их донесение. Но уверен, господин, что это чистая правда!

— Плавающий предмет в шесть раз длиннее, чем самые длинные наши лодки. Предмет, который похож на лед, но не изо льда. — Адмирал потряс длинной седой гривой.

— Хорошо отполированный горный хрусталь похож на это вещество, — заявил Дельп. — Но он не такой светлый. И у него нет такого сияния.

— И ты говоришь, что по нему бегают животные?

— Три, господин. Примерно такого же роста, как и мы, или даже немного больше, но без крыльев и хвостов. Но это не животные... Я думаю... Дело в том... что они носят

одежду и, по-моему, то, на чем они находятся, не должно было служить в качестве лодки. На этом предмете тяжело удерживать равновесие и, кроме того, он тонет.

— Если это не лодка и не кусок дерева, смытый с берега, — удивился Теонакс, — то скажи, откуда он взялся? Из далеких морей?

— Не думаю, капитан, — бросил с раздражением Дельп. — Если бы это было так, то существа, находящиеся на этом предмете, были бы рыбами или морскими млекопитающими... Во всяком случае, они были бы приспособлены к жизни на воде. А эти не приспособлены. Они выглядят типичными сухопутными существами, хотя у них только четыре конечности.

— Итак, по всей вероятности, они упали с неба, — язвительно засмеялся Теонакс.

— Я не был бы сильно этим удивлен, — очень тихо сказал Дельп. — Никакое другое объяснение тут не подходит.

Теонакс от изумления раскрыл пасть. Но старый адмирал только кивнул головой.

— Очень хорошо, — буркнул он. — Мне приятно, что у кого-то из моих подчиненных еще осталось немного воображения.

— Но откуда они могли прилететь? — взорвался Теонакс.

— Быть может, наши враги, ланнахи, могут что-то знать об этом, — сказал адмирал. — Каждый год они облетают большие пространства, чем мы видим за целые поколения. Они встречаются с варварскими стадами в тропических районах и обмениваются новостями.

— А также самками, — вырвалось у Теонакса. В его голосе прозвучало наивысшее неодобрение, однако оно было скрашено сладострастием, что было характерно для отношения всего Флота к обычаям перелетных рас.

— Неважно! — рявкнул Дельп.

Теонакс ощетинился.

— Ты, помет мойщика палуб, как ты смеешь...

— Замолкни! — взревел Сиранакс, и оба притихли.

— Я прикажу допросить наших пленных, — через мгновение продолжал адмирал, но уже более спокойным

тоном. — Тем временем нужно будет послать быструю лодку, чтобы они забрали тех троих, пока не утонул предмет, на котором они находятся.

— Они могут быть опасными, — предостерег Теонакс.

— Вот именно, — кивнул его отец. — Если это так, то будет лучше, если они окажутся в наших руках. Ведь их могут спасти ланнахи и заключить с ними союз. Дельп, возьми «Герунис» с верной командой и поставь паруса. Возьми с собой ланнаха, которого мы поймали: как его там зовут... ну, того, который владеет языками...

— Толк? — У командора были трудности с чужим произношением.

— Вот именно, может быть, он сможет с ними поговорить. Пошли назад разведчиков, как только прибудете на место и захватите неизвестных, чтобы они представили мне отчет. Но держись подальше от главных сил Флота, пока у тебя не будет уверенности, что они для нас не опасны. А также пока мне не удастся уменьшить суеверный страх черни перед морскими дьяволами. Будь вежлив, насколько это возможно, но и резок, если это будет необходимо. Мы всегда сможем попросить прощения или выбросить тела за борт. А теперь лети!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Его угнетала пустота.

Даже с такой маленькой высоты, с колышащегося и неустойчивого корпуса планетолета, Эрик Вейс ощущал беспомощность человека перед природой. Ему казалось, что сама беспредельность горизонта, в котором смыкались морозная бледность неба и серость туч, бури и волн, движущихся вперед — всего этого хватит, чтобы испугать любого. Его предки смотрели в лицо смерти на Земле, но земной горизонт не был таким бескрайним.

Что с того, что его отделяли от Солнца более сотни световых лет? Эти расстояния были слишком велики, чтобы их можно было представить: они становились только числами и не ужасали того, кто измерял скорость

космического корабля с двигателями второго класса в парсеках за неделю.

Даже эти десять тысяч километров открытого океана, отделяющие его от торгового поселения — единственной человеческой колонии в этом мире — были не более чем еще одним числом. Позже, если бы ему удалось выжить, Эрик мучил бы себя размышлениями о том, как переслать через эту пустоту известие о себе. Однако пока он был занят лишь тем, как сохранить себе жизнь.

Тем не менее он только сейчас оценил величину этой планеты. Ранее, во время полуторагодичной службы, она не очень-то его поразила — но тогда он был изолирован психологически и физически безотказностью могучей техники. Теперь же он был на тонущем корабле и видел за холодными волнами только горизонт, в два раза более отдаленный, чем на Земле.

Планетолет затрясся от резкого удара. Вейс потерял равновесие и соскользнул с изогнутых плит брони. Он лихорадочно пытался ухватиться за тонкий трос, которым были привязаны к навигационной башне контейнеры с едой. Если он упадет в воду, то сапоги и мокрая одежда потянут его в глубину, как камень. Каким-то образом он все же сумел изловчиться и схватить трос, остановив свое падение. Разочарованная волна хлестнула его по лицу, словно влажная соленая рука.

Трясясь от холода, Эрик Вейс прикрепил на место последний контейнер и на четвереньках пополз к люку. Это был маленький аварийный люк: волны уже залили роскошную прогулочную палубу, по которой любили прохаживаться пассажиры, когда гравитаторы корабля несли его по воздуху. Нарядный бронзовый выход на палубу уже полностью находился под водой.

Когда они упали в море, вода залила разбитое машинное отделение. Она просачивалась через погнутые перегородки и лопающиеся плиты обшивки, и теперь уже корабль был почти готов к своему последнему путешествию — на дно моря.

Ветер своими худыми пальцами перебирал мокрые волосы Эрика и старался помешать ему закрыть люк. Эрик боролся с ураганом... С ураганом? Нет, черт возьми! Ве-

тер едва дул со скоростью неповоротливого бриза, но при атмосферном давлении, шестикратно превышающем земное, этот ветерок был посильнее земного шторма. Пусть поглотит ад Планетолет Галасоциотехнической Лиги номер 2987165/11! Пропади пропадом сама Лига, Николас ван Рийн и особенно Эрик Вейс, раз он оказался таким глупцом, что решился работать в Компании!

Борясь с люком, он вскользь посмотрел поверх него, словно ожидал откуда-то спасения. Он увидел красноватое солнце и огромные массы туч, грозящие бурей с севера, и на их фоне несколько точек — наверное, это были обитатели планеты.

Пускай дьявол их поджарит на медленном огне за то, что они не догадались прийти на помощь! Или пусть незаметно удалятся отсюда, когда люди пойдут на дно, пусть не висят здесь над нами, упиваясь этим зрелищем!

Вейс наконец закрыл люк, быстро повернул задвижку и спустился вниз по лестнице. У самого ее конца он был вынужден остановиться, чтобы не упасть от сильного толчка. Он еще слышал биение волн о корпус корабля и вой вихря.

— Все в порядке?

— Да, госпожа, — ответил он. — Насколько это возможно...

— А возможно немногое, не так ли? — Княгиня Сандра Тамарин осветила его фонариком. В тусклом свете она казалась еще одной тенью в глубине мертвой машины.

— Ты выглядишь как вымокшая крыса, приятель. Иди сюда, здесь для тебя есть сухая одежда.

Эрик кивнул. Он снял мокрую куртку и пинком сбросил сапоги, в которых хлюпала вода. Без них он промерз бы там, наверху, где не могло быть больше пяти градусов выше нуля, но ему казалось, что в них плещется половина океана. Когда Эрик шел вглубь коридора, его зубы стучали от озноба.

Эрик Вейс был молодым человеком, родом из Северной Америки. У него были рыжие волосы, голубые глаза и слегка квадратное лицо. Он вполне мог похвастать своей атлетически стройной фигурой. Работать он начал в возрасте двенадцати лет как практикант коммерческого

училища на складах Земли, а сейчас уже был представителем Галактической Компании пряностей и вин на всей планете Диомед. Нельзя сказать, что это была ослепительная карьера, поскольку ван Рийн был сторонником продвижения по службе согласно заслугам, и наибольшие шансы имели те, кто мог быстро соображать, метко стрелять и быть в ладах с фортуной. Карьера же Эрика Вейса продвигалась вперед спокойно, в перспективе у него были торговые точки на более близких и приятных планетах и, в конце концов, руководящая должность где-нибудь на Земле... Впрочем зачем об этом думать, коль скоро воды чужой планеты должны были поглотить его через несколько часов.

В конце коридора находилась навигационная башня, выступавшая из корпуса корабля. Сквозь прозрачную броню внутрь ее проникал дневной медный свет местного солнца, низко стоявшего на бледном небе, затянутом тучами на юго-западе. Княгиня Сандра выключила фонарик и указала на лежащий на столе комбинезон. Рядом находилась утепленная куртка с капюшоном и перчатками, которая ему понадобится, когда он снова выйдет наружу на предвесенний воздух.

— Надень это, — сказала княгиня. — Когда корабль пойдет на дно, отсюда нужно будет быстро убираться.

— А где ван Рийн? — спросил он.

— Он заканчивает работу над плотом. Ван Рийн знает, как обращаться с инструментами, правда? Он же когда-то был простым членом экипажа космического корабля.

Вейс пожал плечами и ждал, когда Сандра выйдет.

— Переодевайся же скорее! — прикрикнула она.

— Но...

— Ах... — По ее лицу промелькнула слабая улыбка. — Не думала, что на Земле все еще стыдятся наготы.

— Вообще-то нет, госпожа... но ведь ты благородно-рожденная княгиня, а я только простой торговец...

— Самые большие снобы происходят с республиканских планет, таких, например, как Земля, — сказала княгиня. — Здесь, на этом тонущем корабле, мы все равны. Быстро переодевайся! Я отвернусь, если ты стесняешься.

Вейс втиснулся в комбинезон так быстро, как только мог. Ее веселость принесла ему неожиданное утешение. И почему этому старому, толстому, льстивому козлу ван Рийну всегда так везет?

Колонисты на планете Гермес в большинстве своем происходили из дворянских родов, а их потомки свято чтили чистоту крови, особенно это вошло в моду после того, как Гермес объявил себя Автономным Великим Княжеством. Княгиня Сандра Тамарин была почти такого же роста, что и Эрик, а просторная полярная одежда не могла скрыть ее стройных женственных форм. Она не была красивой, ее лицо имело слишком выразительные черты: широкий рот, курносый нос, выдающиеся скулы. Однако ее большие зеленые глаза, оправленные в длинные черные ресницы, и тяжелые черные брови были такими красивыми, каких он в своей жизни не видел. Волосы у нее были прямые, длинные, пепельного цвета — сейчас они были собраны в узел, но Эрик видел их когда-то при свете свечи свободно падающими на плечи...

— Ты уже закончил, Эрик Вейс?

— Ох... Простите, госпожа. Я задумался. Еще минутку. — Он натянул утепленную куртку, но не стал ее застегивать. Внутри корпуса еще сохранялись остатки тепла. — Уже! Прошу прощения, госпожа.

— Ничего. — Она обернулась и, не взглянув на него, посмотрела вверх. — Эти туземцы... они еще там?

— Я думаю, да, госпожа. Но они слишком высоко летают, чтобы я мог знать это наверняка. Насколько мне известно, обычная высота их полета пять-шесть километров.

— Я тут думала кое о чем, Эрик, но у меня не было случая задать вопрос. Мне кажется, что существа величиной с человека вообще не могут летать! Они просто не могут существовать, так как должны обладать очень интенсивным обменом веществ.

— Госпожа, и ты задаешь такие вопросы сейчас?

Она улыбнулась.

— Конечно. Мы ведь ничем не заняты. Мы просто ждем Николаса ван Рийна. Что же нам еще остается делать, кроме как разговаривать об особенностях расы диомедианцев?

— Мы можем ему помочь... Помочь побыстрее закончить этот плот. Иначе мы все утонем!

— Ван Рийн сказал мне, что аккумуляторов хватает только на один сварочный аппарат, так что любая помощь будет ему только помехой. И не будем говорить о том, что ожидает нас. У высокорожденных жителей Гермеса есть свои обычаи и предписания, в том числе и относительно поведения перед лицом смерти. А из чего же состоит человек, как не из обычаев и предписаний? — Она говорила свободным, глухим голосом, слегка улыбаясь, но Эрик задумывался, какая часть этой свободы была притворством?

Он хотел сказать ей:«Мы находимся на чужой планете в водах океана, которые принесут нам смерть. В нескольких десятках километров отсюда есть остров, но в какую сторону — точно неизвестно. Что ожидает нас в лучшем случае? Может быть, нам удастся закончить вовремя плот, состоящий из пустых бочек из-под топлива; нам удастся погрузить на него пищу, пригодную для употребления людям; может быть, шторм, просыпающийся на севере, уляжется... Туземцы пролетели над ними еще несколько часов назад, но с того времени они не обращают на нас внимания, совершенно игнорируя — во всяком случае, помощи они нам не оказали!..

Кто-то ненавидит тебя или ван Рийна, — продолжал бы он. — Не меня, а вас! Я слишком маленькая фигура, чтобы меня можно было ненавидеть. Но ван Рийн владеет Галактической компанией пряностей и вин, которая имеет большое влияние в исследованной части Галактики. А ты, госпожа — княгиня Сандра Тамарин, наследница трона, владеющего целой планетой — конечно, если ты переживешь нынешние события. Ты отвергла много предложений замужества, сделанных представителями обнищавшей больной аристократии своей планеты, и публично объявила, что поищешь отца своим детям в каком-нибудь другом месте. Ты громогласно объявила, что очередным великим князем Гермеса будет мужчина, а не хихикающий манекен. Так что многие дворяне опасаются твоего возвращения на трон.

О, да, можно сказать, что есть много таких, которые воспользуются тем, что Николас ван Рийн или Сандра

Тамарин не вернутся из этого путешествия. Со стороны моего хозяина, конечно, было галантностью предложить вам, княгиня, путешествовать с Антареса, где вы познакомились, на Землю на собственном космическом корабле, с остановками в наиболее интересных местах в течение всего пути. Самое малое, на что мог рассчитывать ван Рийн — это на торговые привилегии на территории Великого Княжества. Самое большое — нет, он не мог рассчитывать на официальную связь. Для этого в нем слишком много двуличия, да и ты, гордая, красивая и невинная, не допустила бы его к высокому трону своих предков.

Но я удаляюсь от темы, моя дорогая госпожа, — говорил бы он дальше. — А самое главное — это то, что кого-то из нашей команды подкупили! Заговор был ловко подготовлен, и этот кто-то ждал только подходящего случая. Случай подвернулся после посадки на Диомеде, когда ты захотела увидеть, как выглядит настоящая девственная планета, даже главные континенты которой не смогли нанести на карту в течение тех пяти лет, как основана здесь колония. Да, случай подвернулся, когда мне было приказано отвезти тебя и моего шефа к тем крутым горам на другой стороне планеты, которые привлекали своим волшебным видом. Бомба в главном генераторе... Команда погибла, техники и стюарды убиты взрывом, пилот разбил себе голову, когда нас резко бросило в воду... Радио разбито... и планетолет тонет. Он затонет гораздо быстрее, чем персонал базы начнет беспокоиться и будет организована спасательная экспедиция. И даже если мы все еще к тому времени не утонем — есть ли хоть один шанс, что несколько воздушных платформ, кружащихся над почти совершенно неисследованным миром, в два раза большим, чем Земля, смогут заметить на воде три маленьких человеческих точки?

Таким образом, — хотел он еще сказать, — мы стоим перед лицом неминуемой гибели, и я предлагаю тебе, госпожа: забудь обо всем на то короткое время, которое нам еще осталось, и поцелуй меня!»

Но слова застряли у него в горле, и он ничего не сказал.

— Так что? — в ее голосе прозвучала нотка нетерпения. — Ты молчишь, Эрик Вейс?

— Прости, госпожа, — буркнул он. — Я боюсь, что не смогу вести светский разговор... в таких условиях.

— Я сожалею, что не обладаю достаточной квалификацией, чтобы отпустить твои грехи и дать духовное утешение, — с ранящей насмешливостью сказала она.

Большая гривастая волна поднялась над наружной палубой и достигла башенки. Они почувствовали, как конструкция из стали и пластика затряслась под ее ударом. Прежде, чем волна схлынула, они стояли в непроницаемой темноте.

Когда посветлело и Вейс увидел, как глубоко уже погрузился разбитый корабль, он задумался, сумеют ли они вообще перейти на плот ван Рийна через залитый люк грузового трюма. Неожиданно его взгляд привлекла белизна, сверкнувшая вдали.

Он не поверил своим глазам, решив, что зрение решило в эти последние минуты сыграть с ним злую шутку.

— Княгиня Сандра, — очень осторожно произнес он, потому что не мог позволить себе криков, которые можно простить только низкорожденным землянам.

— Да? — Она, не повернув головы, все еще созерцала горизонт на севере, наполненный только тучами и молниями.

— Там, госпожа... примерно на юго-востоке... паруса, идущие под ветром...

— Что? — вырвался у нее крик.

Ни с того ни с сего Эрик громко рассмеялся.

— Какая-то лодка идет к нам, — показал он. — И притом быстро.

— Я не знала, что туземцы еще и моряки, — тихо сказала Сандра.

— Те, что обитают рядом с нашей торговой точкой, наверняка, нет, — ответил Эрик. — Но нельзя забывать, что перед нами огромная планета. Поверхность ее суши примерно в четыре раза превышает поверхность суши Земли, а мы до сих пор узнали только маленький клочок одного континента...

— Так ты не знаешь, кто эти моряки?

— Не имею представления, госпожа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Привлеченный криками, Николас ван Рийн, сопя, подходил к навигационной башенке.

— Ад и дьяволы! — рычал он. — Что там у вас? Да, это похоже на лодку, а может быть, ялик. Нет, постой-ка. На грот-мачте поставлен квадратный парус и... да, есть и противовес. Хм.., он ведет себя так, словно у него есть приличный руль и... Все святыни господни, позаботьтесь о нас! Эта чертова штуковина выдолблена из ствола гигантского дерева!

— А чего вы ожидаете на планете без металлов? — не выдержал Эрик. Его нервы были так напряжены, что он забыл о почтении. Почтении, которое он должен был выказывать аристократу торговой профессии — своему начальнику!

— Хм... могли бы быть сборные суда, какие-нибудь плоты, катамараны... Сухую одежду, быстро! Слишком холодно для таких развлечений!

Вейс увидел, что ван Рийн стоит в луже соленой морской воды, которая стекает по его ногам. Трюм, в котором он работал, наверняка был залит уже много часов.

— Я сейчас принесу, Николас. — Сандра побежала вниз по коридору, разбрызгивая воду. Коридор постоянно наклонялся по мере того, как все больше воды проникало внутрь корабля через разбитую корму.

Эрик помог своему шефу снять промокший комбинезон. Обнаженный ван Рийн напоминал — как же называлась эта вымершая обезьяна? — двухметровую гориллу. Ван Рийн громко выражал свое недовольство холодом, влажностью и медлительностью движений своих помощников. На толстых его пальцах сверкали кольца, на запястьях — браслеты, на шее висел медальон с изображением святого Дисмаса. Вейс всегда считал, что короткие волосы и хорошо выбритое лицо более практичны; ван Рийн же завивал и помадил свои черные волосы согласно архаической моде, на лице он растил

козлиную бородку, а также ужасающе напомаженные усы под большим изогнутым носом.

Сопя, он рылся в навигационном ящике, пока не отыскал бутылку рома.

— Ага! Я знал, что она должна быть где-то здесь, родимая. — Он приложился к бутылке и одним глотком проглотил порцию, равную нескольким рюмкам. — Хорошо! Прекрасно! Может быть, мы снова теперь начнем жить, как уважающие себя люди, а?

Когда он услышал, что Сандра возвращается, он обернулся, величественный и круглый, как луна. Единственной подходящей ему одеждой была его собственная одежда: пышное одеяние, состоящее из рубашки, обшитой кружевами, вышитого жилета, шаровар и чулок из блестящего шелка, золотистых туфель, шляпы и лучемета в кобуре.

— Благодарю! — коротко сказал он. — Эрик, пока я буду одеваться, будь добр спуститься в холл и принеси мне оттуда коробочку сигар и бутылочку кальвадоса. А потом мы отправимся наружу, чтобы поприветствовать наших спасителей.

— Святой Петр! — закричал Вейс. — Холл находится под водой!

— Жаль, — болезненно вздохнул ван Рийн. — Ну, тогда принеси мне только кальвадос. Быстро! — щелкнул он пальцами.

— Нет времени, сэр, — поспешно сказал Вейс. — Я должен еще собрать кое-что из наших вещей. Надо прихватить немного боеприпасов, так как туземцы могут быть настроены враждебно.

— Да, такое возможно, если они уже слышали о нас, — согласился ван Рийн. Он начал надевать шелковое белье. — Бр-р-р! Я поставлю пять тысяч свечей, если вдруг снова окажусь в моей конторе в Джакарте!

— Какому же святому ты принесешь столь щедрую жертву? — смеясь, поинтересовалась Сандра.

— Конечно, святому Николаю, моему тезке и покровителю путешественников.

— Святой Николай будет дураком, если сейчас же не возьмет с тебя письменного обязательства, — вновь засмеялась княгиня.

Ван Рийн побагровел, но не нашелся, что ответить законной наследнице трона планеты, которая могла предложить выгодные торговые сделки. Вместо этого он облегчил себе душу, выкрикивая оскорбления вслед удаляющемуся Эрику.

Прошло немного времени, прежде чем они выбрались наружу. Ван Рийн застрял в аварийном люке и его пришлось проталкивать. Проклятия, выкрикиваемые разгневанным басом, заглушали грохот надвигающейся бури. Время обращения Диомеда вокруг своей оси составляло каких-то двенадцать часов, а на этой географической широте, в тридцати градусах на север, была еще зимняя пора, и солнце опускалось к морю с огромной скоростью. Они держались за тросы, не укрываясь от ветра и волн, которые перекатывались через них. Ничего другого им уже не оставалось.

— Это не место для старого больного человека, — застонал ван Рийн. Вихрь вырвал слова у него изо рта и швырнул их в воду. Длинные, до плеч, локоны ван Рийна трепетали, как обтрепанная хоругвь. — Мне нужно было остаться дома, на Яве, а не терять здесь свои жалкие последние годы жизни.

Вейс таращил глаза в темноту. Лодка подплывала все ближе. Даже такой сухопутной крысе, как Эрик, бросилась в глаза ловкость команды. Ван Рийн же свои похвалы выражал во весь голос:

— Дьявол, я возьму их в Воскресный яхт-клуб, а потом запишу на ближайшую регату и поставлю на них!

Это была большая лодка длиной более чем в тридцать метров, с искусно сделанным форштевнем, но при смелом размахе парусов она казалась небольшой. Несмотря на противовес, Эрик в любую минуту ждал, что она перевернется. Конечно, летающим существам в этом случае грозило меньше, чем людям.

— Эти диомедианцы... — голос Сандры едва донесся к нему сквозь свист ветра и гул моря. — Какие они? Ты был среди них полтора года, правда? Чего мы можем от них ожидать?

Вейс пожал плечами.

— А чего можно ожидать от любого человеческого племени из каменного века? Это могут быть и идолопок-

лонники, и людоеды, или и то и другое вместе! Я знаю только Тирланское стадо, в котором большинство составляют перелетные охотники. Они всегда придерживаются буквы своих законов, хотя и не слишком мелочны, если речь идет об их душе. Но в общем-то это приличные существа!

— Ты говоришь на их языке?

— Настолько, насколько мне позволяет строение органов речи и воспитание в земной технической культуре. Я не утверждаю, что усвоил все их понятия, но мне удалось с ними... — Корпус планетолета заметно погрузился в воду. Эрик услышал, как под напором поступающей внутрь воды лопается какая-то перегородка и в середину вливается очередная порция воды. Сандра оперлась о него, и он отметил, что брызги воды замерзают на ее бровях.

— Это не значит, что я пойму местный язык, — закончил он свою мысль. — Мы находимся от Тирлана дальше, чем Китай находится от Европы!

Лодка поравнялась с ними, и как раз вовремя — разбитый корабль мог утонуть в любой момент. Паруса опустились, был брошен якорь, и мощные руки моряков опустили весла на воду. Один из диомедианцев прыгнул на корпус планетолета, держа в руке канат. Двое других находились поблизости, несомненно, как стража. Первый приблизился и присмотрелся к людям.

Тирлан находился севернее, и его обитатели еще не вернулись из тропиков, так что это был первый диомеданец, которого Сандра увидела собственными глазами. Она слишком промокла, замерзла и устала, чтобы любоваться неземным очарованием его движений, но все же заставила себя присмотреться к этому существу. Теперь наверняка придется общаться с представителями этой расы длительное время, если они только захотят оставить ее в живых.

По человеческим критериям, диомеданец был низкого роста, и, кроме того, у него был толстый хвост метровой длины и огромные перепончатые крылья, как у летучей мыши, которые сейчас были сложены на спине. Плечи находились чуть ниже крыльев, ближе к половине бле-

стящего тюленьего тела. Мускулистыми руками с пятью пальцами он очень напоминал человека. Его ноги отличались от человеческих тем, что сгибались назад над стопами с четырьмя когтями, напоминающими лапы земных хищных птиц. Голова, сидящая на шее, в два раза более длинной, чем у человека, была круглой, с высоким лбом и желтыми глазами с мигающими перепонками. Над глазами находились тяжелые надбровные дуги. Лицо оканчивалось тупой мордой, под черным носом топорщились короткие, словно кошачьи, усики, большой рот и медвежьи клыки выдавали плотоядное животное, недавно превратившееся во всеядное. Ушных раковин не было, а мясистый гребень, размещенный посередине головы, очевидно, помогал управлять полетом. Диомеданец был покрыт коротким мягким коричневым мехом и, несомненно, был млекопитающим мужского пола.

На его плечах перекрещивались два ремня, а середину туловища охватывал пояс, к которому были прикреплены две пузатые кожаные сумки. К поясу крепилось вооружение: нож из обсидиана, небольшой топорик с кремневым наконечником, а также боло.

В наступающей темноте трудно было рассмотреть, как были вооружены его товарищи, кружащиеся в воздухе. У них было какое-то длинное и тонкое оружие, но это наверняка были не ружья, — их не могло быть на этой планете, лишенной меди и железа.

Эрик Вейс наклонился и начал ломать свой голос хрипящими звуками тирланского языка.

— Мы друзья. Ты меня понимаешь?

На него обрушился град совершенно незнакомых ему слов. Он грустно пожал плечами и развел руки. Диомеданец направился вдоль корпуса — на двух ногах, несколько наклоняясь вперед, чтобы уравновесить тяжесть хвоста и крыльев — и нашел выступ, к которому земляне прикрепили свои страхующие тросы. Он быстро привязал свой канат к этому месту.

— Корабельный канат, — тихо заметил ван Рийн. — Почти такой же, как у земных моряков.

Канат понадобился для того, чтобы подтянуть лодку поближе. Диомеданец обернулся к Эрику и показал на

лодку. Эрик кивнул головой и только потом прикинул, что такой жест наверняка здесь означает что-то иное, если вообще что-то обозначает. Через мгновение он уже делал первый шаг в указанном направлении. Диомеданец схватил брошенный с лодки другой конец каната. Он показал на него, на людей и начал энергично жестикулировать.

— Я понимаю, — сказал ван Рийн. — Они боятся подплыть поближе, потому что могут легко разбить лодку о корпус. Мы должны обвязаться канатом, и они нас перетянут. О, святой Христофор, чтобы вот так относиться к старым бедным костям!

— Еще наша еда, — напомнил Вейс.

Планетолет вздрогнул и погрузился глубже. Диомеданец нервно зашевелился.

— Нет, нет! — крикнул ван Рийн.

Ему показалось, что если он будет орать достаточно громко, то, возможно, и преодолеет языковой барьер. Он замахал руками:

— Нет! Никогда! Вы что, не понимаете, вы, капустные головы! Нам лучше утонуть в вашем загаженном океане, чем пробовать вашу пищу! Смерть! Зараза! Самоубийство! — Он прикоснулся руками ко рту, похлопал себя по животу, а потом махнул рукой в сторону запасов пищи.

Вейс мрачно подумал, что эволюция слишком эластична. Вот планета, обладающая кислородом, азотом, водородом, углеродом, серой... Биохимия, основанная на белке, образует гены, хромосомы, клетки, живую ткань... Местная протоплазма соответствует всем земным определениям, но любого человека, который осмелится съесть диомеданский фрукт или бифштекс, ждет верная смерть, вызванная примерно пятьюдесятью аллергическими реакциями. Их вызывали непригодные для человека белки. Только заблаговременно сделанные прививки оберегали людей от хронического насморка, астмы или крапивницы, вызванных воздухом, которым они дышали, либо водой, которую пили.

Эрик провел сегодня днем много времени, перетаскивая пищу на обшивку планетолета с тем, чтобы затем погрузить ее на плот. А уж если ван Рийн путешествовал

на планетолете, то, без сомнения, в рацион экипажа входили хлеб, масло, сыр всевозможных сортов, копченый лосось, индейка, компот в жестяных банках, шоколад, сладкие ватрушки, пиво, вина и еще бог знает что на несколько месяцев.

Диомеданец распростер крылья, маневрируя ими, чтобы сохранить равновесие. В полумраке казалось, что когти на верхнем краю крыла мелькают мимо лица ван Рийна словно косилка, управляемая ангелом смерти. Торговец ждал неподвижно, время от времени указывая пальцами на груду ящиков. Наконец, диомеданец или понял, в чем дело, или попросту уступил. Осталось уже немного времени. Он свистнул сидящим в лодке, откуда подлетела туча его товарищей, которые развязали тросы, скреплявшие ящики, и начали переносить их в лодку. Эрик помог Сандре обвязаться шнуром.

— Боюсь, что мы можем слегка промокнуть, госпожа, — попробовал он улыбнуться.

— Итак, это и есть героические приключения межзвездных храбрецов? — насмешливо сказала она. — Что ж, мне придется сказать пару слов моим придворным поэтам, когда я вернусь...

Когда Сандра была уже на другой стороне и канат бросили обратно, ван Рийн кивнул Эрику. Сам он что-то выспаривал у предводителя диомеданцев. Как ему это удавалось без знания языка, Вейс не знал, но оба собеседника уже достигли стадии выкрикивания оскорблений в адрес друг друга. В тот момент, когда Эрик сжал зубы и прыгнул в воду, ван Рийн взбунтовался и сел.

Когда молодой человек, мокрый, как крыса, наконец, добрался до лодки, торговец явно выиграл этот словесный поединок.

Один диомеданец может подняться в воздух с грузом примерно в пятьдесят килограммов и перенести его на небольшое расстояние. Трое туземцев связали из канатов примитивную упряжь и начали переносить ван Рийна над водой.

Прежде, чем они добрались до лодки, планетолет затонул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

В лодке сидело более сотни туземцев — все вооружены, некоторые в шлемах и нагрудниках из нескольких слоев твердой кожи. На носу стояла катапульта, едва видимая в темноте, на корме находилась каюта, построенная из стволов молодых деревьев, связанных канатами. Она возвышалась над лодкой, словно корма средневекового галеона. На ее крыше двое рулевых боролись с мощным румпелем.

— Как видно, мы оказались на военном корабле, — буркнул ван Рийн. — Это не очень-то хорошо. С капитаном торгового судна я еще могу договориться. Если же речь идет о каком-то паршивом офицеришке, у которого в голове одни только нашивки, то на такого я могу только орать. — Он поднял маленькие, близко посаженные глазки к ночному небу, по которому промелькнула молния.

— Я жалкий грешник! — крикнул он. — Но этого я не заслужил! Ты меня слышишь?

Через мгновение землян протолкнули между гибкими телами диомеданцев по направлению к каюте. Лодка начала убегать от шторма на частично — кроме кливера — зарифленных парусах. Качка, шум волн, ветра и удары грома постепенно ушли на дно сознания Эрика. Он хотел только найти какое-то сухое место, снять одежду, скользнуть в постель и спать сто лет.

Каюта была маленькой. Когда трое людей и двое диомеданцев оказались в ней, то они едва смогли сесть. Однако в ней было тепло, и каменная лампа, подвешенная к потолку, давала приглушенный свет, вызывающий гротескно двигающиеся тени.

Одним из двух диомеданцев в каюте был туземец, который первым прыгнул на корпус планетолета. В одной руке он держал стилет из стекла вулканического происхождения. Он не сел, а только осторожно присел, и его внимание частично сосредоточилось на втором туземце. Тот был значительно старше и худее первого, в его шер-

сти просвечивали пучки седых волос. Он был привязан ремнем к столбику в углу каюты.

Глаза Сандры сузились. Лучемет ван Рийна словно случайно оказался на ее коленях, когда она села. Диомеданец с ножом бросил взгляд на лучемет, и ван Рийн выругался.

— Глупая соплячка! Какого черта ты показала ему, что это оружие?

Первый туземец что-то сказал узнику. Тот что-то буркнул в ответ и обратился к людям. Когда он заговорил, то это прозвучало как другой язык, отличный от того, на котором говорил спасший их диомеданец.

— Ага! Переводчик! — закричал ван Рийн. — Ты говорить земной язык, нет? Моя, твоя... — Он хлопнул себя по бедру.

— Прошу прощения. Я думаю, мне стоит попробовать, — сказал Вейс и перешел на язык тирланцев:

— Ты меня понимаешь? Мы можем попытаться поговорить друг с другом только на этом языке.

Узник нахохлил гребень и присел на четыре лапы. То, что он ответил, было почти знакомо Эрику.

— Говори немного медленнее, хорошо? — сказал Вейс и почувствовал, как проходит сонливость.

Он с трудом понимал, что говорит туземец.

— Ты употребляешь разновидность языка карное, которую я никогда не слышал, — разобрал он слова диомеданца.

— Карное... Сейчас, сейчас... да, один из тирланцев упоминал о группе племен далеко на юге, которые так называются. Я говорю на языке тирланцев...

— Я не знаю этой расы. Они не зимуют у нас. Карное тоже не делают этого регулярно, но время от времени, когда мы бываем в тропиках, мы встречаем одного или двух из них, так что... — дальше Вейс перестал понимать.

Диомеданец с ножом что-то нетерпеливо сказал, и переводчик рявкнул ему в ответ. Затем он обратился к Эрику.

— Я Толк, мохра ланнахов...

— Что и кого? — удивился Эрик.

Даже двум людям трудно понять друг друга, когда они употребляют разные диалекты языка, который ни для одного из них не является родным. Эти трудности дополнительно увеличивала специфика человеческого произношения, сдвинутая вниз шкала слуха диомеданцев, а также отличающаяся кривая реакции в стрессовой ситуации. За целый час Вейс получил такое количество информации, что ее можно было вместить в несколько коротких фраз.

Толк был специалистом по языкам из Великого Стада ланнахов. В его задание входило изучение всех языков, с какими сталкивалось его племя, а их было очень много. Наверняка его титул можно было перевести, как герольд, поскольку его обязанности заключались часто в официальном объявлении присутствующих и прибывающих. Стадо находилось в состоянии войны с дракхонами, а Толка поймали в недавней стычке. Второго из присутствующих диомеданцев звали Дельп, и был он старшим офицером дракхонов.

Вейс, как мог, медлил с разговором о себе, не столько от желания сохранить тайну, сколько из-за сознания, каким трудным будет этот разговор. Однако он не забыл попросить Толка, чтобы тот предупредил Дельпа, что пища, которую забрали с планетолета, съедобная для землян, была смертельной для диомеданцев.

— А почему я должен ему это говорить? — спросил Толк с не очень приятной улыбкой.

— Если ты этого не сделаешь, — кивнул Вейс, — то, думаю, тебе не поздоровится, когда он узнает, что я просил тебя поставить его в известность об этом.

— Верно, — вынужден был согласиться ланнах. Сказав несколько слов офицеру, он подождал ответа. — Дельп говорит, что с вами ничего не случится, если вы сами чего-то не спровоцируете, — объяснил Толк. — Он говорит, что вы должны выучить его язык, чтобы он мог сам с вами разговаривать.

— Чего они хотят от нас? — прервал разговор ван Рийн.

Вейс объяснил. Торговец взорвался:

— Что? Что он такое плетет? Мы должны тут сидеть до тех пор, пока... А, чтоб тебя молния ударила! Скажи

этой сдохшей жабе... — Он поднялся с пола. Дверь каюты тут же раскрылась, и внутрь ввалились два стражника. Один из них держал в руке топорик, в руке другого был деревянный трезубец с отточенными кремневыми остриями.

Ван Рийн схватился за лучемет. Заскрипел голос Дельпа.

— Он требует, — начал переводить Толк, — чтобы вы сохраняли спокойствие.

После длительной беседы, с большим усилием отгадывая каждое слово, Эрик, наконец, кое-что понял.

— Дельп не хочет сделать нам ничего плохого, но он должен заботиться о своих людях. Вы являетесь для него чем-то новым. Может быть, вы сможете ему помочь, а может — навредить, поэтому он не хочет пока вас освобождать. Он должен иметь время, чтобы принять решение. Вы должны иметь время, чтобы принять решение. Вы должны снять одежду и другие предметы и оставить у него. Вы получите другие одеяния, поскольку, как видно, у вас нет шерсти.

Когда Эрик перевел все это своему хозяину, ван Рийн отреагировал на это с необычайным спокойствием.

— Пожалуй, у нас в этот момент нет выбора. Да, мы можем многих убить и даже занять всю лодку. Но ведь мы не можем сами доплыть до базы. Даже если бы с нами ничего не случилось по дороге, мы просто умерли бы от нехватки пищи. Если бы я был помоложе, то добрый святой Георгий мне свидетель, я сражался бы честно, согласно правилам. Я одной рукой разодрал бы его пополам, а второй играл бы на его ребрах, как на цымбалах. Я бы весь его народ заставил помогать мне. Но сейчас я уже слишком толст и измучен. Тяжело быть старым, мой мальчик...

Он нахмурил покатый лоб и с хитрым выражением на лице кивнул:

— Но там, где есть две враждебные стороны, которые можно выставить друг против друга, именно там честный торговец имеет шанс кое-что заработать!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Прежде всего, — сказал Вейс, — ты должен принять, что ваш мир шарообразный.

— Наши философы уже давно знают об этом, — ответил Дельп, довольный собой. — Даже такие варвары, как ланнахи, имеют об этом понятие. Во время перелетов они каждый раз преодолевают тысячи обдиенан. Мы так далеко не перемещаемся, но, прежде чем мы отправились в далекое плавание, мы должны были овладеть астрономией.

Вейс сомневался, могут ли дракхоны точно ориентироваться в пространстве. С изумлением осматривал он достижения их неолитической цивилизации в области обработки камня, стекла и керамики. Они даже производили некоторые синтетические смолы, изобрели телескоп, вид астролябии, а также навигационные таблицы, основанные на движении солнца, звезд и двух маленьких лун этой планеты. Однако изобретение компаса и хронометра не состоялось, так как для этих приборов требовалось железо, а его на планете не было.

Вейс машинально подумал о том, что с дракхонами было бы выгодно торговать. Жители Тирлана буквально бросались на простые инструменты и оружие из металла, платя баснословные суммы в мехах, драгоценных камнях и фармакологически полезных соках растений — именно тем, что вызвало интерес к Диомеду со стороны Галасоциотехнической Лиги. Дракхоны нуждались в более сложных механизмах — от часов и логарифмических линеек до двигателей высокого давления — и были в состоянии платить соответственно более высокие цены.

Вейс вдруг осознал, где находится: на лодке «Геруннис», представляющей собой ставку Главного Командования Флота дракхонов, а это милое существо, которое сидит на палубе и болтает с ним — это же стражник его тюрьмы!

Сколько времени прошло после катастрофы — пятнадцать диомеданских дней? Согласно земному отсчету времени — более недели! Земляне уже съели значительную часть захваченной с собой пищи...

Все это время Эрик старательно учил язык дракхонов с помощью своего товарища по заключению, ланнаха Толка. К счастью, Лига уже давно разработала систему усвоения как можно большей суммы знаний за короткое время. Тренированный мозг с первого раза запоминал любую информацию. Толк тоже применял подобную систему. Может быть, он никогда в жизни не видел металла, но в вопросах языкознания был специалистом.

— Ну так вот, — сказал Вейс все еще не слишком уверенно из-за пробелов в своем убогом словарном запасе, которого, однако, ему в принципе хватало, — знаешь ли ты, что этот шар, этот мир вращается вокруг солнца?

— Многие наши философы верят в это, — сказал Дельп, — но сам я практик, и мне всегда было безразлично, как там есть на самом деле.

— Движение вашей планеты необычно. Собственно, со многих точек зрения, это игра природы. Ваше солнце более холодное и красное, чем наше. Поэтому на вашей планете холоднее, чем у нас. Ваше солнце обладает массой немногим меньшей, чем масса нашего солнца, и находится от планеты примерно на таком же расстоянии. Поэтому год на Диомеде — так мы называем вашу планету — ненамного длиннее земного, кажется, он составляет семьсот восемьдесят два диомеданских дня, верно? Диаметр вашей планеты в два раза больше, чем Земли, но здесь отсутствуют тяжелые металлы, находящиеся в изобилии на других планетах. Поэтому гравитация... О, дьявол! Снова неизвестный термин... Поэтому мой вес здесь только на одну десятую больше, чем на Земле.

— Ничего не понимаю, — сказал Дельп.

— А, неважно, — хмуро ответил Вейс.

Диомед не давал покоя планетологам. Его нельзя было отнести ни к одному из основных типов планет: он не был относительно маленьким шариком твердой материи, как Земля или Марс, он не был также газовым гигантом

со сколлапсированным ядром, как Юпитер или 61С Лебедя. Он был средним телом, масса которого составляла 4.75 массы Земли, но абсолютная плотность была гораздо ниже. Это было вызвано почти полным отсутствием всех элементов, более тяжелых, чем кальций.

В планетной системе, к которой принадлежал Диомед, была еще одна похожая на него планета, остальные были более или менее нормальными газовыми гигантами, вращающимися вокруг центрального светила, карлика типа G8, принципиально не отличающегося от других звезд такой величины и температуры. Доказывали, что какое-то неправдоподобное космическое отклонение или же особенное магнитное поле, словно случайно созданный масс-спектограф космического масштаба, привели к тому, что в этой части первичной газовой тучи не оказалось никаких тяжелых элементов. Почему же внутри Диомеда не произошел молекулярный коллапс? Сам напор массы должен был вызвать дегенерацию материи. Наиболее вероятный ответ на этот вопрос предполагал, что минералы, образующие массу планеты, были не типичными, поскольку возникли при отсутствии таких элементов, как хром, марганец, железо и никель. Их кристаллическая структура явно была более стабильной, чем, к примеру, структура оливина, самого важного из земных веществ, созданных при конденсации в результате давления...

— Оставим в покое эту тяжесть, — сказал Дельп. — Так что же необычного в движении Иктанис? — Так звучало местное название планеты, которое соответствовало земному понятию «Океания».

Вейсу нужно было время для размышления — технические детали еще выходили за пределы его небольшого словарного запаса. Дело было в том, что наклон оси Диомеда составлял почти девяносто градусов, так что оба полюса планеты находились в плоскости эклиптики. Этот факт в сочетании со светом холодного солнца, бедным ультрафиолетовым излучением, имел решающее влияние на формы жизни.

На полюсах почти полгода царила ночь, и ее влияние на процессы эволюции не мог ослабить день, продолжавшийся остальные полгода. В полярной зоне обитали не-

которые виды животных, впадавшие в спячку на всю долгую ночь, но они не представляли интереса для людей. Даже на широте в 45 градусов длинная ночь продолжалась три месяца, а зима была более суровой, чем где-либо на Земле. Диомеданцы, наделенные разумом, обитали на территории, ограниченной 45 градусами северной и южной широты. Ближе к полюсам находиться они не могли. Ежегодные перелеты в более теплые районы и обратно отнимали слишком много времени и энергии, и обитатели планеты находились в состоянии постоянной борьбы за существование на уровне палеолита.

Здесь, на тридцатом градусе северной широты, Абсолютная Зима продолжалась одну шестую часть года (немного больше двух земных месяцев), а полет к экватору, где размножались туземцы, занимал несколько недель. По этой причине ланнахи были в значительной степени более цивилизованными. Дракхоны же прибыли сюда из мест, расположенных еще южнее.

Но без металлов достичь можно было немного. Конечно, магния, бериллия и алюминия на планете было достаточно, но что пользы в них без развитой технологии электролиза, для которой нужны были медь и серебро?

Дельп склонил голову.

— Ты говоришь, что на твоей земле день всегда равен ночи?

— Ну, не всегда. Но с вашей точки зрения, это почти так.

— Значит, поэтому у вас нет крыльев. Путеводная Звезда не дала вам их, потому что они вам не нужны.

— Может быть и так, — вынужден был согласиться Вейс. — Впрочем они нам и не пригодились бы. Земной воздух слишком разрежен, чтобы существо твоих или моих размеров могло летать при помощи собственных сил.

— Как это понять — разрежен? Воздух — это... воздух!

— Это неважно. Ты должен поверить мне на слово.

Как можно пояснить понятие гравитационного потенциала представителю цивилизации, в которой математика находится на евклидовом уровне? Можно было бы сказать так: «Слушай, если ты поднимешься на шесть тысяч триста километров над Землей, ее притяжение упадет до одной четвертой первоначального. Но чтобы уменьшить притяже-

ние Диомеда до такой же величины нужно подняться уже на тринадцать тысяч километров. Отсюда также следует, что Диомед может удержать вокруг себя значительно больше воздуха. К этому еще прибавляется более слабое излучение солнца, а также относительно меньшее ультрафиолетовое излучение. Но все же основное значение имеет гравитационная постоянная.

Здесь такой плотный воздух, что если бы пропорции содержания в нем кислорода и азота были такими же, как на Земле, то это вызвало бы у меня отравление. К счастью, диомеданская атмосфера содержит семьдесят процентов неона. Кислород и азот находятся в меньшинстве — их молекулярное давление немногим больше, чем на Земле. Похоже обстоит дело и с водяными парами, и с двуокисью углерода.

Но Эрик Вейс не стал пускаться в пространные объяснения.

— Поговорим о землянах, — сказал он только. — Понимаешь ли ты, что звезды — это тоже солнца, такие же, как и твое, но неизмеримо более далекие? А также то, что Земля вращается вокруг одной такой звезды?

— Да, это я могу понять. Я слышал похожие рассуждения философов и могу поверить твоим словам.

— Понимаешь ли ты, какие мы могущественные, если можем преодолевать межзвездные пространства? Понимаешь ли ты, как мы можем вознаградить тебя и твоих друзей за помощь при доставке нас на базу, и как наши друзья смогут вас покарать, если вы заточите нас здесь?

На короткое мгновение Дельп распростер крылья, шерсть на его хребте встала дыбом, а глаза пожелтели от гнева — ведь он был сыном гордого народа!

Потом он снова сгорбился. Несмотря на барьер, разделяющий обе расы, Эрик понял его душевный разлад.

— Ты сам сказал, землянин, что вы летели над Океаном с запада и на протяжении тысяч обдиенан не было видно ни одного островка! Это подтверждает наши наблюдения. Нет никакой возможности помочь вам. Мы не можем летать так далеко и при этом нести вас. Мы не можем даже принести весть о вас вашим друзьям, так как по дороге нам негде остановиться на отдых!

— Понимаю... — Вейс медленно кивнул головой размышляя. — И нам не удастся доплыть до базы даже на самой быстрой лодке, так как раньше кончится наша пища...

— К сожалению, это так. Даже если бы ветер всю вашу дорогу был попутным, лодка значительно медленнее, чем крылья. Преодоление такого расстояния заняло бы у вас минимум полгода, если не больше.

— Но должен же быть какой-то способ!

— Может быть... Но помни, что мы ведем тяжелую войну. Мы не можем посвятить вам ни слишком больших усилий, ни дать слишком много воинов. Я думаю, что Адмирал не станет помогать вам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На юге находился Ланнах, остров, размерами своими приближающийся к земной Британии. Начиная от Ланнаха, архипелаг Хольменах изгибался на расстояние в несколько сотен километров на север, к районам, еще скованным зимой. Острова представляли собой естественную границу, окружая море Ахан и предохраняя его от мощных холодных течений океана.

Здесь стоял Флот дракхонов.

Николас ван Рийн стоял на главной палубе «Герунис», всматриваясь в видевшуюся на востоке главную группировку Флота.

Куртка и брюки, неумело сшитые из твердого полотна парусным мастером, раздражали кожу, привыкшую к более дорогим тканям. Ему уже надоело меню из мясных и фруктовых консервов — но если бы и этого не стало, он попросту бы голодал. У него вызывало ярость сознание того, что он сидит тут, как узник, с желаниями которого никто не хочет считаться. Такой же неприятной была мысль о том, сколько денег теряет его фирма из-за отсутствия его личного присмотра.

— Йа! — загудел он. — Если бы они действительно хотели посвятить себя проблеме, как доставить нас на базу, они, без сомнения, нашли бы решение!

Сандра бросила на него усталый взгляд.

— А ланнахи, очевидно, будут сидеть все это время тихо, пока дракхоны бросят все силы на то, чтобы доставить нас домой, не так ли? — иронически скривила она губы. — Победа в этой войне пока еще не пришла ни на ту, ни на эту сторону. Дракхоны еще могут ее запросто проиграть.

— Черт возьми! — потряс ван Рийн в воздухе своим кулаком. — Эти дураки ссорятся из-за жалкого клочка земли, а тем временем Галактическая компания пряностей и вин теряет миллионы кредитов в день!

— Но, тем не менее, эта война — дело жизни или смерти каждой из сторон, — опять уколола толстяка девушка.

— И для нас тоже! — взревел он. — Разве не так? — Он порылся в карманах в поисках трубки, потом вспомнил, что она лежит сейчас на дне океана, и застонал. — Ну, пусть я только узнаю, кто подбросил мне эту бомбу в планетолет... — Ему не пришло в голову посочувствовать девушке, что она вместе с ним попала в затруднительное положение. А может быть, все эти хлопоты именно из-за нее?..— Разумеется, мы здесь должны уладить несколько дел, — произнес он уже спокойнее. — Нужно закончить за них эту войну, чтобы они могли заняться более важными делами, среди которых первое место занимает вопрос, как доставить нас домой!

Сандра нахмурила брови.

— Это значит что — помочь дракхонам? Я в этом как-то не заинтересована. Это они захватчики. Хотя, если принять во внимание, что их жены и дети голодают... — Она вздохнула. — Это трудно распутать. Хорошо, пусть будет так...

— О, нет! — ван Рийн погладил бороду. — Мы будем помогать не дракхонам, а совсем наоборот — ланнахам!

— Что?! — девушка отпустила фальшборт и с изумлением уставилась на ван Рийна. — Но...

— Видишь ли, — начал объяснять ван Рийн, — я кое-что понимаю в политике. Знание политики необходи-

мо честному торговцу, который ищет случая немного заработать, иначе какой-нибудь двинутый политикан сразу же придерется и обложит дело податью на какую-нибудь школу или дом престарелых. Политика на этой планете немногим отличается от того, что мы видим у себя дома. Вся сила этого флота опирается на группу влиятельных аристократов, и тот, кто находится на троне, все еще имеет достаточно сил воздействовать на события в этой части мира. Однако нельзя забывать, что он стар. Да, да, Адмирал стар: а у его сына, наследника трона, есть что сказать, причем даже больше, чем нужно. Я прислушиваюсь к сплетням — туземцы забывают, что мы слышим значительно лучше, чем они в этой атмосфере, похожей на гороховый суп. И я знаю, что этот Теонакс — твердый орешек.

— Итак, допустим, мы поможем дракхонам победить Стадо, — продолжал он через мгновение, — и что же? Они и так выигрывают войну. Стадо сейчас ведет борьбу только небольшими отрядами в диких районах Ланнаха. Они еще сильны, но у дракхонского флота есть преимущество, и, чтобы победить, дракхонам достаточно будет какое-то время поддерживать существующее положение вещей. В конце концов, что мы, которым бог не дал крыльев, можем предпринять против партизанской борьбы ланнахов? Ну, скажем, я покажу Теонаксу, как пользоваться лучеметом, так я еще должен буду найти ему цель, против которой он сможет его применить!

— Да... — Сандра кивнула. — Насколько я тебя поняла, дело обстоит следующим образом. Потом, когда нас доставят домой, нам будет нечего предложить дракхонам, кроме торгового договора, так?

— Вот именно. А зачем они должны спешить встретиться с Лигой? Они справедливо осторожны при встрече с неизвестным, таким как, например, пришельцы с Земли. Они должны закрепиться после завоевания, прежде чем начнут принимать визиты могущественных гостей, так ведь? Как я и говорил, я слышал сплетни и знаю, как складываются их планы относительно нас. Может быть, Теонакс даст нам умереть с голоду или еще раньше перережет нам горло? Может быть, он выбросит наши

вещи за борт и позже скажет кому-то из спасателей, что и в глаза нас не видел? А может быть, он скажет представителю Лиги, что да, мол, мы вытащили из воды каких-то людей, мы, дескать, хотели для них только добра, но нам не удалось доставить их вовремя домой.

— Ну, а были ли они в состоянии это сделать? А ты, дорогой Ван Рийн, что бы ты сделал на месте диомеданцев, чтобы доставить нас домой?

— Фи, это уже технические детали. А я не из умников, которые должны их разрешать! Я просто понимаю их. Это не мое дело — делать невозможные вещи, а вот проследить, чтобы это сделали другие — да. Только как я это могу организовать, если являюсь пленником короля, который не стремится ко встрече с людьми, а?

— А ланнахи нуждаются в помощи и отдадут тебе в руки свою судьбу, так? — Сандра почти весело засмеялась. — Прекрасно, мой дорогой! Один только вопрос — как мы доберемся до этих ланнахов?

Она обвела вокруг себя рукой. Вид был не очень-то ободряющим.

«Герунис» был типичным плотом дракхонов: большой, построенный из легких, но твердых пород дерева, связанный пеньковыми веревками. Плоты этой конструкции имели достаточно эластичности, чтобы противостоять морским волнам. Стены, построенные из вертикально поставленных балок, прикрепленных к поперечным колодкам, создавали обширный трюм, а также поддерживали главную палубу, состоящую из тщательно подобранных досок. На двух противоположных концах плота поднимались корма и бак; на их плоских крышах находилась артиллерия плота; на корме помещался также большой румпель. Между баком и кормой находились помещения трюма, кают и мастерских. Плот был примерно шестидесяти метров в длину и пятнадцати в ширину. Он сужался к носу, что придавало ему более обтекаемый вид. На фок-мачте и грот-мачте были растянуты три больших квадратных паруса, а перед самой кормой была размещена латинская бизань. При попутном ветре, принимая во внимание его силу на этой планете, этот на первый взгляд неуклюжий корабль мог достигать скорости в не-

сколько узлов, а во время штиля его можно было приводить в движение при помощи весел.

На плоту находилась сотня диомеданцев, а также их жены и дети. В их числе было десять супружеских пар аристократов, которые имели право на личные каюты, находящиеся на корме. Остальные двадцать супружеских пар обитали в одной общей каюте на главной палубе. Это были семьи офицеров и унтер-офицеров. Простые неженатые матросы обитали в казарме на форкастеле.

Неподалеку плыли остальные плоты эскадры. Это были плоты разных типов — некоторые жилые, как «Герунис», другие трехпалубные, предназначенные для перевозки грузов. Третьи несли на себе длинные постройки, в которых перерабатывали рыбу и водоросли. Иногда несколько плотов соединяли вместе, чтобы создать временный остров. Лодки с противовесами были либо пришвартованы к плотам, либо патрулировали море вокруг эскадры. Сверху доносился шум крыльев воздушных разведчиков, высматривающих врага. Это были профессиональные солдаты, составляющие ядро боевой силы дракхонов.

Налево и направо от этой эскадры, насколько можно было охватить взглядом, море было черно от кораблей Флота. Большинство из них сейчас занималось ловлей рыбы. Это был физически тяжелый труд, заключающийся в выбирании на борт вручную длинных сетей. Впрочем вся жизнь дракхонов опиралась на тяжелый труд. Однако водные поля давали все же недостаточный урожай.

— Они вынуждены вкалывать, как черти, — заметил ван Рийн. Он хлопнул ладонью по фальшборту. — Эта древесина очень твердая, даже если брать еще молодое дерево, а они обрабатывают его орудиями из стекла и камня! Иногда я даже начинаю подумывать, а не использовать ли мне несколько дракхонов для определенных видов работы, но как только я подумаю, что кто-то может вложить в их головы глупости о правах работников...

Сандра со злостью топнула ногой. Она не жаловалась на опасность смерти, холод и неудобства.

Она презирала монотонность уроков языка, которые проводил Толк при посредничестве Эрика, но ведь всему есть предел!

— Или ты будешь говорить по делу, или я уйду! Я спрашивала тебя, как мы сможем отсюда выбраться?

— Но я же тебе уже говорил об этом. Нас спасут ланнахи! — засмеялся ван Рийн. — Или, если быть точным, они выкрадут нас. Да, так будет лучше.

Сандра остолбенела.

— Не понимаю, откуда они узнают, что мы находимся здесь?

— А Толк, по-твоему, на что?

— Но ведь Толка охраняют даже больше, чем нас!

— Это так. Однако... — ван Рийн потер руки. — Я составил с ним малюсенький планчик. У этого парня есть голова на плечах, я бы даже сказал, что она такая же неглупая, как и моя.

Глаза девушки блеснули.

— Может быть, ты соизволишь рассказать мне, как тебе удалось сговориться с Толком на виду у врага, коль скоро ты не знаешь даже языка дракхонов?

— О, я вполне прилично говорю на этом языке, — сладенько произнес ван Рийн. — Разве ты не слышала, как я упоминал о подслушивании сплетен на корабле? Ты думаешь, что если я создаю себе такие трудности и часами просиживаю с Толком на уроках языка, то это только потому, что я старый дурень, которого трудно чему-либо научить? Это только видимость! Большую часть времени мы проводим, изучая его язык — язык ланнахов. Его здесь никто не знает. Так что если кто и слышит какие-то странные слова, то думает, что это Толк говорит на моем языке. Они наверняка думают, что этот полиглот решил взяться и за земной язык. Ха! Вообрази себе, я вчера рассказал Толку один пикантный анекдот, и, пожалуй, успешно, так как он был очень шокирован. Это еще раз доказывает, что у доброго старого ван Рийна не жир между ушами! Об остальной его анатомии не будем говорить.

Сандра некоторое время стояла в молчании, пытаясь представить себе, как это возможно учить два внеземных языка одновременно, причем один из них — тайком.

— Я не знаю, что ему в этой шутке не понравилось, — продолжал ван Рийн. — Это был очень хороший анек-

дот. Слушай, значит, один торговец добрался до планеты, колонизированной людьми и...

— Я догадываюсь, что его смутило, — поспешно прервала его Сандра, — почему Толк не посчитал эту шутку смешной. Эрик позавчера объяснял мне, что у ланнахов не бывает постоянного полового влечения. Их период размножения наступает раз в год, в тропической зоне. По их мнению, — она покраснела, — наш постоянный интерес к этим делам не является нормальным, а о приличиях и говорить нечего.

Ван Рийн кивнул.

— Это я тоже знаю. Но ведь Толк видел жизнь на флоте, а здесь есть супружеские пары, и дети рождаются круглый год, как у людей.

— Я заметила это, — медленно проговорила Сандра, — но почему так, никак не могу понять. Эрик Вейс говорил, что для диомеданцев генетически обусловлена цикличность в размножении. Но как дракхонам удается жить вопреки своим собственным железам, вот этого я никак не могу понять!

— Тем не менее, они живут иначе, чем ланнахи, — ван Рийн пожал мощными плечами. — Что можно сказать... Пусть какой-нибудь ученый напишет работу на эту тему, мы ему в этом поможем, а?

Неожиданно Сандра схватила его за плечо так сильно, что он даже заморгал от удивления. Ее глаза пылали зеленым светом.

— Но ты не сказал мне, что... что ты придумал? Как Толк скажет о нас ланнахам? Что мы должны сейчас делать?

— Не имею понятия, — весело ответил ван Рийн. — Я могу только импровизировать...

Он бросил взгляд на светло-красное небо. В нескольких километрах от них, обшитый деревом, словно истинный замок на воде, плыл флагманский корабль дракхонов.

С корабля поднялась туча крыльев, направляясь к «Герунис». Где-то вдали был слышен слабый голос рога, сделанного из раковин.

— И все же я думаю, что мы должны поспешить с решением, — закончил свою мысль ван Рийн, — потому

что его ревматическое королевское величество прибыло сюда собственной персоной, чтобы решить, что с нами делать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отряд дворцовой гвардии Адмирала, состоящий из сотни профессиональных военных, с завораживающей взгляд точностью опустился на палубу и взял оружие «на караул». Полированный камень и пропитанная жиром шкура отражали мутный свет, словно волны моря; на палубе бушевала буря, вызванная хлопающими крыльями. Затрепетал пурпурный флаг, и члены экипажа «Герунис», толпящиеся среди снастей и на крыше форкастеля в позах, полных почтения, издали хриплый ритуальный крик.

Дельп хир Орикан приблизился со стороны кормы и склонился перед своим владыкой в поклоне. Его супруга, прекрасная Родонис са Аксоллон, а также двое детей ступали за ним, склонившись к палубе и прикрывая крыльями глаза. Все четверо были перепоясаны пурпурными шарфами, а на плечах несли перевязи, вышитые драгоценными камнями, что составляло официальную придворную одежду. Трое людей стояли рядом с Дельпом. Ван Рийн не согласился ни на какие поклоны и приседания.

— Ни один член Галасоциотехнической Лиги не будет ползать на коленях и локтях! У меня, во всяком случае, для этого неподходящая комплекция!

Толк из Ланнаха гордо сидел рядом с ван Рийном. Его крылья были связаны веревками, а на шею был одет ошейник, поводок которого находился в руках у одного из членов экипажа «Герунис». Толк, словно змея, впился мрачными глазами в Адмирала.

Молодые воины, составлявшие несколько беспорядочную почетную гвардию Дельпа, своего капитана, вели себя сдержанно, и причиной этой холодности был не Сиранакс, а его сын, наследник трона. Старый Адмирал опирался на его плечо. Стража, не выпускавшая из рук копья, трезубцы, топорики и духовые ружья с деревян-

ными штыками, стояла с видом, выражающим полное почтение.

Вейс подумал, что крупный нос ван Рийна издалека чует любые признаки разногласий. Сам он только сейчас почувствовал напряжение, на которое явно рассчитывал его шеф.

Сиранакс откашлялся, замигал глазами и обратился к землянам:

— Кто из вас капитан? — спросил он. Его голос был все еще красивым, но потерял звучность и прерывался хрипами.

Эрик выступил вперед. Он сказал вслух то, что поспешно подсказал ему ван Рийн, не вдаваясь в объяснения.

— Вот этот мужчина, господин, наш командир. Он еще плохо знает ваш язык. У меня тоже есть трудности с языком, поэтому я прошу вас, чтобы вы разрешили этому узнику из страны ланнахов переводить некоторые наши слова.

Теонакс нахмурил брови и спросил:

— Откуда он будет знать, что вы хотите нам сказать?

— Он учит нас вашему языку, — ответил Вейс. — Ты же знаешь, господин, он знает много языков. Его врожденный дар и большой опыт разговоров с нами помогут, если у нас возникнут трудности.

— Это звучит разумно, — Сиранакс утвердительно кивнул седой головой. — Хорошо.

— Ну же! — Теонакс окинул Дельпа напряженным взглядом. Дельп ответил ему тем же.

— Черт побери, теперь я буду говорить, — Ван Рийн выдвинулся вперед. — Мой добрый друг... э-э-э... гм-м... что это за слово? Мой Адмирал, мы... того... мы болтать, как хорошие братья — хорошие братья, я хорошо болтать, Толк?

Эрик удивленно заморгал. Несмотря на то, что Сандра шепотом старалась втолковать ему что-то, когда их вели сюда на встречу с Адмиралом, ему было трудно поверить, что ван Рийн сознательно и умышленно пользуется этим ломаным, со смешанными ударениями, языком. И зачем?

Сиранакс нетерпеливо зашевелился и предложил:

— Может быть, мы лучше будем разговаривать при посредничестве этого ланнаха?

— К черту! — завопил ван Рийн. — Его? Нет, нет, моя будет говорить сам! Ясно, просто, как ты, как там тебя звать! Мы говорить братья, да?

Сиранакс вздохнул, однако ему и в голову не пришло возразить Ван Рийну. Аристократ, хоть и с другой планеты, тем не менее был аристократом в глазах представителя кастового общества и, как таковой, имел право говорить от своего имени.

— Я прибыл бы сюда раньше, — сказал Адмирал, — но я так или иначе не смог бы с вами разговаривать, а кроме того, были и другие дела. Отчаявшиеся ланнахи становятся более грозными в нападениях из засад. Нет ни дня без хотя бы небольшой стычки.

— Гм-м-м? — ван Рийн начал вслух склонять на языке дракхонов слово «стычка» по степеням интенсивности. — Ксамагапан... сейчас... сейчас... ксамаган, ксамаган... а, вот так! Маленькая битва! Я не видеть никакая битва, старый Адмирал, то есть почтенный Адмирал.

Теонакс ощетинился:

— Следи за тем, что говоришь, землянин! — рявкнул он. Он уже побывал на корабле Дельпа, чтобы присмотреться к узникам, и их реквизированная собственность находилась у него. Люди уже не будили в нем страха, возможно, потому что, по мнению Эрика, Теонакс просто не мог допустить мысли о чьем-то превосходстве над собой.

— И ты тоже будь выдержаннее, сын, — буркнул Сиранакс. — Сюда ланнахи не долетают, — ответил он уже ван Рийну. — Но на суше наши позиции постоянно атакуются ими.

— Понимать вам, — поддакнул ван Рийн.

Сиранакс широко разлегся на палубе. Теонакс остался стоять, не позволяя себе расслабиться в присутствии Дельпа.

— Конечно, мне говорили о вас, — продолжал Адмирал. — Интересно, очень интересно. Кажется, вы прилетели со звезд?

— Звезды, да! — Голова ван Рийна закивала в притворном возбуждении. — Мы со звезд. Далеко, далеко.

— Правда ли то, что существа, похожие на вас, основали базу на другой стороне океана?

Ван Рийн вступил в дискуссию с Толком. Переводчик повторил вопрос более простыми словами. Через несколько минут объяснений лицо ван Рийна прояснилось.

— Да, да, мы из-за океана. Далеко, далеко.

— А твои друзья не будут тебя искать?

— Они искать, йа, они искать множество дней. Майн Готт! Искать везде! Вы к нам относиться хорошо, потому что если они узнать, то... — Ван Рийн прервал тираду с замешательством на лице и вступил в дальнейший разговор с Толком.

— Землянин, пожалуй, хочет извиниться за отсутствие такта, — сухо объяснил герольд.

— Эта бестактность от искренности, — заметил Сиранакс. — Действительно, если его друзья найдут его еще живым, то многое будет зависеть от того, как мы к нему относились. Дело в том, найдут ли они его достаточно быстро? Как ты считаешь, землянин? — Этот последний вопрос он метнул, словно копье.

Ван Рийн отпрянул назад, поднимая руки, словно желая заслониться от удара.

— Помощи! — застонал он. — Вы нам помочь, старый Адмирал, забрать нас домой... уважаемый Адмирал... Мы добраться домой и заплатить вам много-много рыба!

— Правда выходит наружу, — шепнул Теонакс на ухо отцу. — Так, впрочем, я и подозревал: у него мало шансов, что его приятели найдут его, прежде чем он умрет от голода. Если бы это было возможно, то он не умолял бы нас о помощи. Он требовал бы всего, чего душа желает!

— По крайней мере, я бы поступил именно так, — кивнул Адмирал. — Наш гость не слишком опытен в таких делах, а? Хорошо, теперь мы знаем, что из этих землян можно легко выжать правду.

— Итак, — презрительно произнес Теонакс, не беря на себя труд приглушить голос, — необходимо извлечь из них максимум пользы, прежде чем они погибнут.

У Сандры вырвался крик ужаса. Эрик схватил ее за руку и открыл рот, чтобы что-то сказать, когда до него донесся шепот ван Рийна:

— Сейчас же заткнись! Ни слова, ты, безмозглый идиот! — Затем он снова украсил свое лицо боязливой улыбкой и принял положение напряженного внимания.

— Это нечестно! — взорвался Дельп. — Во имя Путеводной Звезды, господин! Это наши гости, а не враги — мы не можем их просто использовать, а потом предоставить самим себе!

— А ты — что бы ты сделал? — Теонакс пожал плечами.

Его отец заморгал, что-то бормоча себе под нос, словно взвешивая аргументы обеих сторон. Между Теонаксом и Дельпом проскочила искра электрического разряда, передавшаяся стоящему в шеренгах экипажу «Герунис» и дворцовой гвардии, вызвав чуть заметное напряжение, минимальное вздрагивание мышц и движение оружия.

Ван Рийн сделал вид, что внезапно понял, о чем идет речь. Он отпрянул назад театральным движением, заслонил глаза руками, чтобы, наконец, упасть на колени перед Дельпом.

— Нет, нет! — закричал он. — Ты нас забрать домой! Ты нам помочь, мы помочь тебе! Ты помнить, как говорить ты нам помочь, а мы помочь тебе!

— Что все это значит? — Слова со звериным рыком вырвались из груди наследника престола. Он бросился вперед:

— Ты с ним договорился за нашей спиной? Да?

— Что ты имеешь в виду? — Зубы первого офицера клацнули в нескольких сантиметрах от носа Теонакса. Шпоры на его крыльях поднялись, словно острия ножей.

— Какую помощь должны были оказать тебе пришельцы?

— А как ты думаешь? — Дельп бросил вызов и напрягся в ожидании ответа.

Теонакс не сразу поднял перчатку.

— Может быть, у тебя появилось намерение избавиться от некоторых соперников во Флоте? — сладенько замурлыкал он.

В тишине, которая воцарилась на плоту, Эрик Вейс слышал участившееся дыхание матросов и прибывших солдат. Он слышал скрип дерева, из которого был по-

строен плот, плеск волн и приглушенный шум ветра. Эрик уже различал среди этих звуков лязг обсидиановых кинжалов, наполовину вынутых из ножен.

Когда непопулярный князь найдет повод, чтобы заточить подданного, которому доверяет простой народ, всегда найдутся такие, кто будет готов к битве в защиту несправедливо обиженного. Так было и на Диомеде.

Сиранакс прервал полную напряжения тишину.

— Произошло какое-то недоразумение, — громко сказал он, — никто никого не собирается обвинять на основании болтовни этого создания без крыльев. К чему этот переполох? В конце концов, чем он может нам помочь?

— Это еще будет видно, — ответил Теонакс. — Цивилизация, представители которой могут перелететь океан в течение одного равноночного дня, должна иметь какие-нибудь полезные вещи.

С удовлетворением инквизитора, чей узник дрогнул, он обратился к ван Рийну.

— Может быть, мы как-нибудь поможем вам добраться домой, — бросил он. — мы еще не знаем, как это сделать. Может быть, ваши вещи помогли бы доставить вас домой? Покажите нам, для чего они служат и как ими пользоваться.

— О, да! — закричал ван Рийн. Он хлопнул в ладоши и закивал головой. — Я показать тебе все, добрый господин!

Теонакс бросил короткий приказ. Один из солдат приблизился, неся большой сундук.

— Я позаботился об их вещах, — улыбнулся наследник престола. — Я не пытался трогать их, за исключением, правда, этой пары ножей из какого-то блестящего материала. — На мгновение его глаза заблестели искренним энтузиазмом. — Отец, ты никогда не видел таких ножей! Они не рубят и не рвут, а разрезают! Они могут рассечь хорошо высушенное дерево!

Он открыл сундук. Приближенные, забыв о своем ранге, оживленно сгрудились вокруг, словно дети у новой игрушки. Теонакс жестом отослал их в сторону.

— Дайте этому недотепе место для показа! — потребовал он. — Лучники! Стреляйте в него при первой же опасности!

Ван Рийн взял в руки лучемет.

— Вы хотите прорываться? — прошипел Эрик. — Но это же невозможно! — Он постарался заслонить Сандру от оружия, нацеленного на них со всех сторон. — Они продырявят нас стрелами прежде, чем...

— Знаю, знаю, малыш, — зарычал ван Рийн. Когда же эти молодые зазнайки поймут, что у шефа, даже если он уже стар и одинок, не труха в голове? — Отодвинься назад, мальчик, а когда все начнется, падай на палубу и как можно быстрее выкапывай в ней себе могилу!

— Что ты...

Ван Рийн повернулся к нему широкой спиной и на ломаном туземном языке начал объяснять с подобострастным запалом:

— Это быть... Как это называется?.. Вещь. Она делать огонь. Выжигать дыры...

— Выжигать дыры? — Теонакс удивленно вскрикнул. — Ты хочешь сказать, землянин, что это переносной огнемет? Такой маленький? — На мгновение в тоне его голоса послышалась тревога.

— Я говорил тебе, — вступил в разговор Дельп, — что мы больше выиграем, если будем хорошо относиться к ним. Клянусь Путеводной Звездой, я думаю, что мы могли бы даже доставить их домой, если бы действительно этого хотели.

— Прежде, чем командовать здесь, Дельп, ты мог бы подождать, пока я умру! — твердо произнес Сиранакс. Если это была шутка, то она произвела потрясающее впечатление. У моряков, стоящих ближе всех и оттого слышавших ее, от ужаса перехватило дыхание. Дворцовая стража схватилась за оружие. Родонис са Аксоллон прикрыла детей крыльями и глухо заворчала. Жены моряков, столпившиеся в форкастеле, издали вопль полуосознанного испуга.

Но Дельпа не так легко было смутить.

— Тихо! — рявкнул он на подчиненных. — Смирно! Сохранять спокойствие! Во имя всех дьяволов с Дождевой Горы, неужели эти существа помутили вам разум?

— Ты смотреть... — трещал ван Рийн. — Брать лучемет... Это так называется, лучемет... Нажимать здесь...

Из лучемета вылетел поток ионов и ударил в грот-мачту... ван Рийн немедленно перевел лучемет вбок, но в мачте осталось отверстие глубиной в несколько сантиметров. Бело-голубое пламя лизнуло палубу, зажгло бухту каната и срезало часть фальшборта, прежде чем ван Рийн снял палец со спуска.

С ревом трепещущих крыльев дракхоны сорвались в полет.

Только через несколько минут они вернулись на палубу. Прочие же любопытные, прилетевшие с других плотов, все еще испуганно носились в воздухе. Тем не менее, это были по-своему технически развитые существа, и их реакция была скорее результатом возбуждения, чем тревоги.

— Покажи это! — Теонакс схватился за лучемет.

— Ждать! Сейчас, сейчас, добрый господин, ждать. — Ван Рийн открыл зарядную камеру и несколькими быстрыми движениями, заслоняя оружие от глаз наблюдателей, разрядил его. — Прежде всего поставим на предохранитель. Вот так!

Теонакс долго вертел оружие в руках.

— Что это такое? — шептал он. — Что это такое — лучемет?

Вспотевший от страха, ожидая осуществления сатанинского плана, задуманного ван Рийном, Эрик Вейс подумал, что дракхоны переоценивают силу этого оружия, что, впрочем, было понятно. Такое оружие было ценным только в борьбе на земле или на воде — к тому же старый пройдоха разрядил все лучеметы, так что необученный диомеданец не имел бы от них никакой пользы...

— Я поставил на предохранитель, — забулькал ван Рийн. — Поставить на предохранитель раз, два, три, четыре, пять... четыре? пять? шесть? — Он начал рыться в куче одежды, одеял, подогревателей, плиток и другого снаряжения. — Где быть еще три лучемет?

— Какие три? — вытаращил глаза Теонакс.

— Мы иметь шесть, — ван Рийн тщательно просчитал на пальцах. — Да, шесть. Я дать их всех этот добрый Дельп.

— Что?! — Дельп с проклятиями бросился на ван Рийна. — Это ложь! Было только три, и все они здесь!

— Помогите! — Торговец спрятался за Теонаксом. Дельп с размаха ударился в сына Адмирала. Оба дракхона упали на палубу в путанице крыльев и хвостов.

— Это бунт! — завопил Теонакс.

Эрик толкнул Сандру на палубу, прикрывая ее собственным телом. Воздух над ними почернел от стрел и пулек из духовых ружей.

Ван Рийн неловко повернулся, чтобы заняться моряком, стерегущим Толка, но тот уже бросился на помощь Дельпу. Торговцу оставалось только убрать сеть, связывающую герольда.

— Теперь, — свободно произнес он на языке дракхонов, — приведи своих солдат, чтобы они забрали нас отсюда. Быстрее, пока никто не заметил!

Толк кивнул, распростер крылья и исчез в небе, где битва разгоралась уже вовсю.

Ван Рийн склонился над Эриком и Сандрой.

— Туда! — Его запыхавшийся голос едва пробился через шум битвы. Удар, нанесенный хвостом моряка, сражающегося с двумя стражниками, вызвал у торговца поток проклятий.

— Ад и дьяволы! — рявкнул он, помогая Сандре подняться и подталкивая ее перед собой к относительно безопасному убежищу в форкастеле.

— Жаль, что Дельп должен проиграть, — сказал он, когда они оказались внутри, среди перепуганных женщин и детей, наблюдавших за битвой. — У него нет никаких шансов. Это приличный парень, я мог бы даже поторговаться с ним...

— Во имя всех святых! — закашлялся Вейс. — Вы вызвали гражданскую войну только для того, чтобы послать гонца к ланнахам?

— А что, был лучший способ? — спросил ван Рийн.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Когда генерал Крахна пал в сражении с захватчиками, Верховный Совет Стада выбрал ему в преемники некоего Трольвена. В Совете заседали старейшины, но их избранник был относительно молод. Для ланнахов было правилом выбирать в предводители молодых военных. Генералу нужна сила, чтобы каждый год вести Стадо во время трудного и опасного перелета — и он редко доживал до преклонного возраста. Если у него возникали какие-нибудь претензии, свойственные молодости, Верховный Совет мог сразу же приструнить своего ставленника. Совет состоял из предводителей кланов, которые были уже слишком стары, чтобы руководить родовыми эскадрами, но еще не настолько, чтобы бросить их на произвол судьбы, когда приходит зимняя пора перелетов.

Мать Трольвена принадлежала к клану Треккан, известному роду, владеющему большими поместьями в стране ланнахов. Сама она была довольно богата, ведя мудрую торговлю среди соплеменников. Ни для кого не было секретом, что отцом Трольвена был Торнак из клана Вендру. Это не имело особенного значения, но Трольвену просто было приятно осознавать, что он похож на этого мужественного воина.

И вот Трольвена, офицера клана Треккан, за личные заслуги, проявленные им во время бурь и битв, переговоров и перелетов, Совет избрал предводителем всех кланов. Уже не один десяток дней он руководил кланом в этой заранее проигранной войне, но, может быть, именно благодаря ему ланнахов оттесняли ко взгорьям медленнее, чем это могло бы быть без него.

Теперь он летел во главе основных сил Стада на битву со всем Флотом.

Уже миновало весеннее Равноночие, и дни удлинялись большими скачками — каждое утро солнце вставало все дальше и дальше на севере, а теплеющий воздух заставлял таять снега. От Равноночия до Последнего Восхода

Солнца было только сто тридцать дней, а потом, в течение непрерывного дня Полного Лета, только дождь или туман могли скрыть неожиданную атаку.

«А если мы не победим дракхонов до осени, — мрачно думал Трольвен, — то уже не будет смысла сопротивляться дальше. Дни Стада будут сочтены.»

Он размеренно ударял крыльями в сохраняющем силы ритме прирожденного путешественника. Под ним простиралась белая таинственная туча, сквозь которую иногда проглядывало море, сверкая, словно полированное стекло. Над головой он видел фиолетово-голубое покрывало из ночи и звезд. Обе луны находились на этой стороне планеты — быстрый Флихтан, который за полтора дня пробегал от горизонта до горизонта, и значительно более медленная Нуа, четверти которой сменялись быстрее, чем бежала она сама.

Трольвен втягивал в легкие темный холод воздуха, ощущая напряжение мышц и волн, пробегающих по шерсти, но не чувствуя той особой радости, которую дает полет. Он слишком сосредоточился на предстоящей битве.

Генерал не должен выказывать нерешительности. Трольвен был молод, и герольд Толк, пожалуй, осознавал это как никогда.

— Откуда известно, что эти существа все еще находятся на том плоту, с которого ты улетел? — спросил Трольвен. Он выговаривал слова ритмично, равномерно дыша в полете. Они отчетливо звучали на фоне шума ветра.

— Конечно, уверенности в этом не может быть, предводитель, — сказал Толк. — Однако этот толстяк предвидел такую возможность. Он сказал, что постарается ежедневно на восходе солнца быть на палубе, только как это ему удастся...

— Может быть, — беспокоился Рольвен, — дракхоны заточили его, подозревая, что это он помог тебе освободиться?

— В такой кутерьме этого наверняка никто не заметил, — прокричал Толк.

— А может быть, он вообще не сможет нам помочь? — Трольвен вздрогнул. Совет решительно возражал про-

тив этой экспедиции: мол, рискованно и потребует слишком много жертв. Возбужденные главы кланов громко выражали свое неудовольствие. Ему удалось переубедить их с большим трудом.

И если окажется, что он пожертвовал жизнями многих своих воинов ради чего-то несбыточного, без особых на то причин... Трольвен был настроен так же патриотично, как и любой другой молодой ланнах, на чей народ жестоко напали, но он должен был позаботиться и о своем будущем. В прошлом случалось, что предводителей, покрывших себя позором, навсегда изгоняли из Стада, как обыкновенных воров или убийц.

Он продолжал лететь вперед.

Уже некоторое время он замечал холодный слабый свет. Находящиеся выше тучи начали покрываться красным отсветом, а наполовину скрытое море разгорелось световыми вспышками. Было важно добраться до Флота именно в этот момент, когда света уже достаточно для атаки, но не для того, чтобы враг мог заметить их раньше времени.

Один из молодых свистунов, чей возраст выдавало небольшое тело и непропорционально большие крылья, вынырнул из клубов тумана. Резкие звуки, вылетавшие из его рта, были слышны далеко и четко. Толк, обучавший разведчиков и руководивший ими, кивнул головой в знак того, что все понял.

— Мы хорошо все рассчитали, господин, — обратился он к генералу. — Плоты Флота находятся в нескольких буасках отсюда.

— Я понял... — Голос Трольвена дрожал от напряжения. — Сейчас...

Он прервал речь. Все больше молодых разведчиков подлетало снизу. Их свист сливался в симфонию полезной информации. Трольвен услышал короткий рапорт Толка, стиснул челюсть и махнул рукой знаменосцу. Затем, словно камень, ринулся вниз.

Когда Трольвен прорвался сквозь тучи, он увидел далеко внизу Флот, раскинувшийся на огромной акватории — от островов, называемых Щенятами, к берегам суши на востоке. Палуба за палубой, колышущиеся в пурпур-

но-серой тишине мачты, словно зубы, оскаленные к небу, свет зари, отражающийся от водяного дворца адмирала и краснеющий на его флаге. Когда дракхоны услышали крики стражи и схватились за оружие, на плотах и лодках поднялась буря криков.

Трольвен сложил крылья и сжался в полете. За ним в форме клина, состоящего из эскадр отдельных кланов, рассекали воздух три тысячи ланнахов. Даже пикируя вниз, Трольвен искал, где этот дважды проклятый иноземец, это чудовище с Земли... Там! Он увидел три уродливые фигурки, подпрыгивающие и размахивающие руками на надстройке плота.

Чтобы притормозить, пришлось расправить крылья.

— Туда! — крикнул он, указывая направление.

Знаменосец приостановил свой полет и развернул красный флажок предводителя. Эскадры перестроились в боевые порядки, разделились и поочередно ринулись к плоту.

Дракхоны перестраивались с поразительной быстротой и дисциплиной.

— Во имя всех дьяволов! — застонал Трольвен от удивления. — Если бы мы могли действовать одной эскадрой... Если бы это был обычный налет, а не битва...

— Одна эскадра не смогла бы вытащить пленников живыми, предводитель, — возразил Толк. — Только не из самой середины неприятельской группировки. Нужно было создать впечатление... что им дорого обойдется, если они бросятся за нами в погоню. О, извини, предводитель, что я это тебе говорю!

— Ничего, — попытался успокоиться Трольвен. — Они и так хорошо знают, зачем мы сюда прилетели. Посмотри, как они роятся у того плота!

Отряд ланнахов уже пробился через ослабленную линию обороны дракхонов и достиг поверхности воды. Одно подразделение атаковало плот — цель их нападения. Оно высадилось кругом вокруг людей и начало наступать от середины, чтобы занять все судно. Остальные находились в воздухе, чтобы отбивать контратаки противника.

На палубе разыгрывалось обычное неуклюжее сухопутное сражение. Обе стороны были одинаково воору-

жены — военная техника явно распространялась быстрее, чем другие технические новинки. Деревянные мечи с остриями, усаженными обломками кремня; копья с остриями, закаленными в огне, палки, кинжалы, топоры — все это ударяло в маленькие сплетенные из веток щиты и нагрудники из кожи. Хвосты ударяли, когти разрывали тела противников, крылья толкали и рассекали плоть шиповидными наростами на концах, зубы смыкались на глотках, кулаки старались найти самое уязвимое место. Когда кто-то напирал слишком сильно, его противник искал спасение во взлете. Никто не пытался сомкнуть ряды — каждый сражался за себя. Трольвен не слишком интересовался этой фазой битвы. Разместив на плоту превосходящие силы, он знал, что сможет в конце концов его занять. Однако, как долго он сможет его удерживать, зависело от эскадры, находящейся в воздухе и отбивающейся от атакующих дракхонов.

Трольвен подумал, как сильно эта воздушная битва напоминает танец — сложный, красивый и в то же время такой страшный. Да, координация действий тысячи или более воинов в полете требовала высочайшего искусства.

Главной силой нападавших были лучники. Каждый из них держал в когтях ног лук длиной с самого лучника, натягивал его руками и, пустив стрелу, из колчана на животе доставал зубами новую и накладывал ее на тетиву, прежде чем та успокаивалась от предыдущего выстрела. Такой отряд, обученный с детских лет, мог поставить заслон из стрел, преодолеть который никто не мог бы живым. Однако, когда в колчанах заканчивалась свистящая смерть, а это происходило довольно скоро, они должны были отступать к носильщикам за новыми стрелами. Это была самая опасная фаза боя, и вся остальная армия служила для того, чтобы обеспечить им в это время прикрытие.

Одни бросали боло, другие — тяжелые бумеранги с заостренными краями, третьи — утяжеленные сети, запутавшись в которых, враг падал в смертельном полете.

Духовые ружья были новым изобретением, высмотренным у других племен, обитающих в тропических районах. Здесь у дракхонов было некоторое преимущество

— их духовые ружья имели рычажные самозарядные механизмы и были снабжены штыками из дерева, обожженного на огне. Нельзя было также отрицать, что боевые единицы Флота были с лучшей выучкой, чем у ланнахов.

С другой стороны, дракхоны все еще управляли боем с помощью посыльных, которые передавали командирам подразделений приказы, написанные Главнокомандующим. Значительно более подвижные отряды свистунов устно передавали распоряжения от одного командира к другому, связывая Стадо в один огромный, отлаженный в бою организм.

Битва переносилась то вверх, то вниз, когда тучи разорвались, показав высоко стоящее в небе солнце, окрасившее волны моря в красный цвет. Трольвен отдавал приказы: Хунлу — укрепить правое крыло, Торху — обозначить атаку на плот адмирала, Стигену — перейти в наступление на противоположном фланге...

«Но Флот есть Флот, — невесело думал Трольвен, — и этим все сказано». У него было больше вооружения и боеприпасов, чем могли взять с собой его воздушные войска, которые и так находились в меньшинстве... Если битва не закончится быстро...

Плот с землянами уже был полностью занят ланнахами, но лодки дракхонов уже окружали его, чтобы отбить. Одна из них брызнула огнем — страшным, непобедимым огнем масла — изобретением Флота. Катапульты метали сосуды с этим же маслом, которые взрывались пятнами огня при ударе. Именно это оружие в свое время уничтожило лодки, находящиеся во владении Стада, и помогло дракхонам захватить прибрежные ланнахские города. При виде этого Трольвен выругался с солдатской резкостью.

Но земляне уже находились вне плота — каждого из них несли три носильщика в специально сотканной сетке. И поскольку носильщики менялись часто, то представлялась реальная возможность донести этот живой груз до горной твердыни Стада. Сундуки с пищей, поспешно вытащенные из трюма, были более легкими — каждый из них мог нести один носильщик. Свистун возвестил об успехе операции.

— Отлет! — Трольвен отдал приказ, отлично сознавая, что он будет тут же передан всем эскадрам. — Хунлу и Стигену сомкнуть ряды вокруг носильщиков! Дварн — в авангард с половиной отряда! Хмуру — с другой половиной прикрывать наше отступление!

День был уже в разгаре, когда Трольвену удалось оторваться от погони. В самых худших своих предположениях он ожидал, что весь Флот устремится за ним в погоню. Битва в полете в течение всего пути домой могла бы завершиться полным разгромом его армии. Но как только стало ясно, что ланнахи удирают, враги прекратили боевые действия и вернулись на плоты.

— Ты все верно предвидел, — тяжело дыша, произнес Трольвен. — И как это тебе удалось, Толк?

— Видишь ли, предводитель, — герольд начал с обычным для себя спокойствием, — их силы были чрезмерно растянуты, плоты оставлены практически без охраны. Они могли даже подозревать, что в нашу задачу входило заманить их как можно дальше в море и устроить какую-то западню. Очевидно, они решили, что земляне не стоят такого труда и риска, и мне кажется, что в таком мнении немалая заслуга самих землян...

— Будем надеяться, что это мнение ошибочное. Однако независимо от того, как распорядятся боги... Ты правильно предсказал исход этой битвы. Может быть, тебе стать предводителем?

— О нет, только не я. Это тот толстый землянин все придумал — вплоть до мельчайших деталей.

Трольвен засмеялся.

— Значит, тогда, может быть, он должен стать предводителем?

— Кто знает... — в глубоком раздумье произнес Толк. — Может быть, он им и станет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Северное побережье Ланнаха широкими долинами спускалось к морю Ахан; здесь, в лесах, полных дичи, на травянистых равнинах выросли деревеньки, в которых обычно жили кланы Стада. Там, где залив Сагна врезался в сушу, таких поселений в свое время выросло очень много. Они-то и дали начало городам ланнахов — Ульвену, Манненаху — городам мастеров по обработке кремня, и Ио — городу плотников.

Однако теперь этих городов уже не было. Все, что могло гореть — сгорело, остальное было разрушено. Лодки дракхонов лежали на пляже залива. Отряды захватчиков патрулировали побережье и периодически прочесывали леса, заготавливая мясо рогачей, просыпающихся сейчас от зимнего сна на склонах Дуна. Лодки ланнахов были затоплены, дома сожжены. Они были отрезаны от своих охотничьих и рыболовных угодий, и оставался единственный выход для Стада — уйти в горы.

На вулканических склонах горы Оборх, покрытых лавой, и в холодных ущельях Туманных Гор ютилось несколько небольших деревенек ланнахов, в которых обычно жили самые бедные кланы. Женщины, старики и дети еще могли там разместиться: можно было разбить палатки и занять все свободные пещеры. Используя до последнего ресурсы этой убогой местности, часто голодая, Стадо со своей основной силой — мужчинами — продержаться долго не смогло бы.

Сердцем страны ланнахов было северное побережье, доступ к которому сейчас преграждали дракхоны. Без этого побережья Стадо было всего-навсего голодающим племенем дикарей. И это сейчас, а что ожидается осенью, когда Пора Рождений сделает их совершенно беспомощными?

— Нехорошо это все, — сказал Трольвен, явно преуменьшая серьезность ситуации.

Он направился вверх по узкой тропинке, ведущей к поселению Сальменброк, которое притулилось на рваном краю взгорья. Немного ниже темная вулканическая скала, все еще покрытая заплатами снега, головокружительно вздымалась к кратеру, скрытому от взора клубами дыма. Почва под ногами заколебалась, и ван Рийн услышал бурчание в недрах планеты.

Слабое изостатическое равновесие, вполне понятное в этих условиях, вызванных низкой плотностью материи, геологическая история, наполненная слишком быстрыми изменениями, землетрясениями, взрывами, наводнениями и появлением новых земель, поднимающихся со дна моря в течение какой-то тысячи лет — отсюда этот катастрофически неуравновешенный климат, несмотря на обилие воды. Ван Рийн плотнее запахнул вонючую меховую куртку, полученную от ланнахов, подул на озябшие ладони и поднял глаза к небу в поисках хотя бы проблеска солнечного света. О, дьявол!

Это было не место для человека его возраста и комплекции! Ему бы сейчас сидеть дома, в своем удобном глубоком кресле, с хорошей сигарой и спиртным в бокале, и наблюдать за пылающими за окном красками садов Джакарты. Горько было оставаться навеки в этой кошмарной стране, сознавая вдобавок, что наверняка каждый день его фирма терпит убытки из-за отсутствия должного присмотра! Эта мысль перенесла его из страны мечтаний в реальный мир.

— Давай-ка я все-таки приведу все сказанное в порядок, — предложил он. Даже без притворства язык ланнахов был ему ближе, чем речь дракхонов. Здесь, в силу простого совпадения, грамматика и произношение не особенно отличались от его родного языка.

— Значит так... Вы вернулись из теплых краев и уже застали здесь врага?

Трольвен откинул назад голову в жесте, выражающем боль и горечь.

— Да. До этого времени мы только догадывались о их существовании, поскольку их страна находится на юго-востоке, далеко от нас. Мы знаем, что они вынуждены были покинуть свои поселения в результате того, что

трех-рыба, являющаяся основой их питания, изменила свои места обитания и перебралась из вод драккхонов в море Ахан. Но кто бы мог подумать, что они попытаются захватить нашу страну?

Длинные волосы ван Рийна, прямые и грязные, уже давно не напоминали завитые локоны. Торговец понимающе кивнул, всколыхнув ими воздух вокруг лица.

— Подобное было у нас в средние века, когда сельдь изменила своим привычкам по каким-то ей одной понятным причинам. И что же ты думаешь? У нас даже были «селедочные войны»! Правительства трепетали перед гневом народа, требовавшим бороться за новые зоны рыболовства. А что оставалось делать беднягам? Ведь они так же, как и вы, жили морским промыслом!

— Рыба никогда не имела для нас большого значения, — отмахнулся Трольвен. — Да, некоторые кланы в районе залива Сагна имели... теперь уже только имели, небольшие лодки-долбленки, на которых выходили в море и ловили немного пищи с помощью крючка и лески. Никакого каторжного труда, как у драккхонов, с забрасыванием сети, даже если это дает большое количество рыбы. Для нашего народа рыба не являлась основной пищей. Конечно, мы были довольны, когда несколько лет тому назад трех в большом количестве появился в море Ахан. Трех — большая и вкусная рыба, к тому же жир и кости находят широкое применение у наших мастеров. Однако, еще раз говорю, появление этой рыбы не привело к такой радости, которую мы испытали бы, удвойся, к примеру, стадо рогачей за ночь.

Он судорожно сжал пальцы на рукоятке топорика; все же он был совсем еще молод.

— Теперь я вижу, что боги послали нам эту рыбу за какие-то наши грехи, поскольку Флот устремился за трехом.

Ван Рийн остановился на тропинке, сопя так громко, что заглушал даже отдаленное ворчание вулкана.

— А ну-ка, подожди! — прокашлялся он. — Если рыба не имеет для вас такого большого значения, почему вы просто не предоставите Флоту владеть водами Ахана?

В принципе это был риторический вопрос, но сейчас он явился стимулом для дальнейшего словоизлияния лан-

наха. Трольвен позволил себе несколько вспыльчивых проклятий, прежде чем ответить.

— Они атаковали нас сразу же, когда мы весной вернулись домой. К тому времени они уже захватили наше побережье! А если бы они даже не сделали этого, то кто впустит к себе дикую орду чужаков, у которых даже обычаи варварские и отвратительные! Вы разрешили бы поселиться таким с вами по соседству? Сколько бы времени продержался любой договор с ними?

Ван Рийн снова кивнул. Допустим, какая-то раса из космоса, управляемая тираном и имеющая отвратительные привычки, попросит разрешения поселиться на Луне, поскольку она им нужна, а землянам, собственно, ни к чему...

Себе лично он мог позволить снисходительность. Во многом дракхоны были ближе к людям, чем ланнахи. Их культура, не опирающаяся на одиночек, была естественным результатом развития экономики: имея в распоряжении орудия эпохи неолита, владелец плота, на котором размещалось много семей, сильно тратился, когда его строил. Недовольные единицы просто не имели шанса на самостоятельную жизнь и целиком зависели от милости государства. В средние века на Земле власть концентрировалась в руках рыцарей-аристократов и жрецов-интеллектуалов. У дракхонов два этих класса слились в один.

С другой стороны, ланнахи были более типичными представителями жителей Диомеда и занимались, главным образом, охотой. Среди них было очень мало квалифицированных ремесленников, поскольку каждый мог жить, применяя инструменты и оружие, сделанные самостоятельно. Низкий калорийный коэффициент поверхности, характерный для охотничьего хозяйства, привел к тому, что ланнахи селились далеко друг от друга, а каждая группа была самостоятельной и почти независимой от остальных. Свои силы они напрягали изредка, например, догоняя дичь, но им не нужно было трудиться в поте лица изо дня в день, падая от усталости, словно обычным гребцам или морякам на Флоте — так что у этого народа не было экономического обоснования для возникновения классов рабов и господ.

По этой причине основной организационной структурой обитателей Ланнаха был небольшой клан, связанный родством по женской линии. Эти полуформальные родовые группы, почти не обладающие какой-либо системой жесткой власти, свободно объединялись в Великое Стадо. А причиной существования Стада, кроме ведения мелких дел между кланами в собственной стране, было обеспечение безопасности диомеданцев из Ланнаха, когда они улетали на юг на зимовку или возвращались домой, зачастую заставая там пришельцев, объявивших им войну.

— Интересно... — продолжал размышлять ван Рийн, частично вслух на своем родном языке. — Среди наших народов, а также среди народов других планет цивилизованными стали только те, кто занимался сельским хозяйством. Что же мы имеем на нашей планете? Здесь вообще нет сельского хозяйства. Вы охотитесь, собираете ягоды, зерна дикорастущих злаков, ловите рыбу — и несмотря на это, некоторые из вас знают письменность и пишут книги: я увидел у вас кое-какие машины, вы строите дома, у вас есть ткацкие станки. Может быть, ежегодные контакты с другими народами в тропиках являются для вас стимулом развития?

— Что ты там говоришь? — переспросил ничего не понявший Трольвен.

— Ничего. Я только задумался, почему, раз жизнь здесь у вас такая легкая и у вас еще остается время на то, чтобы развивать вашу цивилизацию, вы не размножились настолько, чтобы съесть все свои стада рогачей и вырубить все леса? Мы на Земле именно так понимаем хорошо развитую цивилизацию.

— Мы быстро не размножаемся, — ответил Трольвен. — Примерно триста лет тому назад, когда нас было слишком много, часть Стада отделилась от нас и перебралась в какое-то другое место; а в общем, естественный прирост в нашем обществе невелик. Многие гибнут во время перелетов, бурь, болезней, нападений дикарей, хищников, временами от голода и холода... — Он пожал плечами.

— Ага! Естественный отбор, который сам по себе неплох, если это тебя природа выбрала для того, чтобы

выжить. Иначе — это трагедия. — Ван Рийн погладил себя по бородке. — Итак, у нас уже есть определенное мнение, откуда взялся на этой планете разум. Или замерзай, или улетай в теплые края. А если улетаешь — будь внимателен к тому, что с тобой может случиться в пути, так? Хотя на Земле ведь тоже существуют перелетные птицы, а разум у них что-то не развился...

Он снова стал, сопя, подниматься по тропинке.

— А теперь поговорим о делах текущих. Я понимаю, что Флот разогнал вас на все четыре стороны и спихнул сюда, где единственная плоская местность — это та, что нарисована на карте. А вы хотите обратно, в свои дома на равнине. Ну и, конечно, хотите избавиться от Флота.

— Мы отважно защищались, — с трудом произнес Трольвен. — Мы все же можем показать им — и сделаем это, клянусь духом моей бабушки! Были серьезные причины, из-за которых мы потерпели столь тяжелое поражение. Мы прибыли сюда усталыми и голодными, после десятков дней полета; после весеннего путешествия домой любой из нас ослабевает. Наши крепости были уже заняты. Огнеметы дракхонов уничтожили наши лодки и сделали невозможной борьбу с ними на море, где сосредоточены их главные силы.

Он обнажил зубы в хищном оскале.

— Мы должны победить их, и немедленно! Если это не удастся, то с нами будет покончено. И они знают об этом!

— Я еще не совсем хорошо это понимаю, — признался ван Рийн. — Вся эта спешка из-за того, что ваши малыши рождаются одновременно, да?

— Да. — Трольвен добрался до вершины и у стен Сальменброка ожидал своего запыхавшегося гостя.

Как и каждое поселение ланнахов, Сальменброк был укреплен от врагов — разумных или же обыкновенных животных. Здесь не было крепостных стен, так как они были бы бессмысленны на этой планете, где все высшие формы жизни природа одарила крыльями. Типичный дом ланнахов своей формой напоминал старинные земные каменные дома. На первом этаже дверей не было, и только узкие щели служили окнами. Внутрь входили че-

рез верхний этаж или люк в крыше. Фортификация дворика заключалась в том, что отдельные дома соединялись крытыми мостами и подземными переходами.

Здесь, в горах, выше границы лесов, дома были построены из камня, связанного белковым раствором, а не из деревянных бревен, которые чаще встречались у низинных кланов. Однако это не самое значительное из ланнахских поселений было весьма солидно. Оно было так удобно расположено на местности, что невольно возникала мысль, насколько богаче должны были быть равнинные поселения этого народа. Ван Рийн искренне восхищался такими предметами, как деревянные часы, сделанные по типу китайских головоломок, деревянный токарный станок с резцом, изготовленным из обработанного с большим трудом алмаза, а также деревянная пила с заменяемыми зубьями из вулканического стекла. Ветряная мельница, построенная в Сальменброке, служила для того, чтобы молоть орехи и собранные зерна, а также приводила в движение различные небольшие механизмы, среди которых находился примитивный насос, наполняющий водой большой резервуар, вырубленный в скальном навесе над поселением. Когда ветра не было, из резервуара выпускали воду, которая приводила мельницу в движение. Он увидел даже небольшое подобие железной дороги, состоящее из движимых при помощи парусов плетеных тележек, катящихся по рельсам из специально обработанного твердого дерева. Тележки свозили кремень и обсидиан из местных каменоломен, дерево из лесов, сушеную рыбу из равнин, а также ремесленные изделия со всего острова. Ван Рийн был на седьмом небе от восторга.

— Ага! — опять воскликнул он. — Торговля! Да вас можно назвать капиталистами! Черт возьми, я думаю, мы с вами можем неплохо торговать!

Трольвен пожал плечами.

— Здесь почти всегда дует сильный ветер. Его силу мы используем для поднятия тяжестей. Но изготовление этих машин заняло у нас очень много времени — мы не похожи на дракхонов, которые падают от изнурения после тяжелой работы.

Жители Сальменброка, как постоянные, так и временные, сбежались к ван Рийну, что-то бормоча, подпрыгивая, трепеща крыльями; дети путались у него под ногами, а матери звали их назад.

— Во имя ста тысяч пурпурных дьяволов! — завопил ван Рийн. — Я что, кандидат в президенты и, может быть, еще должен целовать детей избирателей, а?

— Идем туда, — сказал Трольвен, — к Святыне Мужей, куда женщинам и детям входить воспрещается, у них есть своя собственная святыня.

Он первым направился по другой тропинке, совершив сложный культовый реверанс перед небольшим божком, размещенным рядом с ней. Судя по примитивному виду, фигурка была сделана много веков тому назад. Как оказалось, Стадо исповедовало довольно бессвязную пантеистическую религию, которую в настоящее время уже не воспринимали всерьез. Однако Стадо придерживалось ритуалов и традиций так строго, словно это был полк гвардии английской королевы... на который, впрочем, оно было похоже со многих точек зрения...

Ван Рийн поспешил за ним, временами оглядываясь на туземцев. Местные женщины несколько отличались от женщин дракхонов. Они были немного ниже и стройнее мужчин, у них были более широкие крылья, но без сформировавшегося шипа.

Трольвен заметил любопытный взгляд ван Рийна и вздохнул:

— Как видишь, половина наших зрелых женщин ожидает очередного ребенка.

— Гм... йа, это проблема. Впрочем хорошо ли я понял тебя? Все ваши младенцы рождаются примерно в осеннее Равноночие...

— Да, буквально в течение нескольких дней. Исключений так мало, что о них можно и не упоминать.

— Получается, что почти сразу после этого вы должны улетать на юг... Но ведь маленький ребенок еще не умеет летать?

— Конечно, всю дорогу он держится за тело матери; новорожденный младенец обладает сильными руками, которыми он и придерживается. У матери новорожденного,

как правило, нет ребенка с прошлого года, поскольку, если она воспитывает ребенка, то в течение года не беременеет. А когда ребенку уже два года, он достаточно силен, чтобы преодолеть огромные расстояния перелета, он должен только через определенные промежутки времени отдыхать на спине. Тем не менее, в этой возрастной группе мы теряем самое большое количество детей; трехлетние и более старшие нуждаются только в охране и руководстве, поскольку их крылья вполне справляются с перелетом.

— Но ведь матери ребенка труднее всех в полете?

— Ей помогают все подрастающие члены клана или же старшие женщины, у которых миновал период плодовитости, но которые еще не настолько стары, чтобы не выдерживать путешествия. А мужчины, конечно, занимаются охотой, разведкой, охраной и так далее.

— Понятно... Итак, вы летите на юг. Мне говорили, что там легко жить, много плодов, орехов, рыбы в реках и морях. Так зачем вам возвращаться назад, сюда?

— Здесь наш дом, — ответил Трольвен. — И кроме того, — добавил он через мгновение, — тропические острова были бы не в состоянии обеспечить проживание ордам пришельцев, которые собираются на них только на время зимовки. Когда мы улетаем из тропиков, там уже нечего есть.

— Понимаю. Значит, пребывание на юге одновременно является для вас периодом спаривания?

— Да. Нас так охватывает желание... ну, ты ведь понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно, — вежливо согласился ван Рийн.

— Во время пребывания на юге мы позволяем себе расслабиться. Устраиваем карнавалы... ну, там разные шалости и озорства... Однако не забываем и об общении с другими племенами. — Трольвен вздохнул. — А сразу же после летнего Солнцестояния мы возвращаемся сюда. Мы прибываем незадолго перед Равноночием, когда большие животные, на которых мы охотимся, уже проснулись и немного набрали в весе. Вот и вся наша жизнь, землянин.

— Веселая жизнь, но не для меня: я слишком стар и толст для этого, — ван Рийн жалобно шмыгнул носом.

— Упаси тебя боже, Трольвен, постареть. Человек становится таким одиноким в старости. Но у вас такого, пожалуй, не бывает. Старики гибнут у вас во время перелетов и не доживают до дряхлого возраста бессилия, когда не остается ничего, кроме воспоминаний, как мне...

— Если так пойдет и дальше, то и речи быть не может о том, что я доживу до преклонного возраста, — печально произнес Трольвен.

— Ваши дети рождаются все сразу, осенью... — задумался ван Рийн. — Теперь я вижу, что осень у вас — это пора, посвященная прежде всего акушерству. А если для новорожденных не будет пищи, укрытия и других удобств, они в большинстве своем погибнут...

— Родятся новые, — ответил Трольвен бесстрастно. — Но женщины, которые их рожают, нам необходимы. Молодая мать должна соответствующе отдыхать и питаться, иначе она никогда не долетит до юга. Посмотри, сколько среди наших женщин таких, кто скоро станет матерью. Это проблема существования Стада, как целого народа! Эти паршивые дракхоны плодятся целый год... как какие-то рыбы... Нет! Мы обязаны выжить во что бы то ни стало!

— Конечно, — сказал ван Рийн. — Мы должны немедленно что-то придумать, потому что иначе я сам не доживу до...

— Я пожертвовал жизнями многих моих воинов, — перебил его Трольвен, — в надежде, что вы что-нибудь придумаете!

— Итак, — кивнул ван Рийн. — Самое важное — отнести известие моим людям на базу. Они сюда быстро прилетят, и тогда я скажу им, чтобы они навели порядок со всем этим чертовым Флотом.

Трольвен улыбнулся. Даже принимая во внимание отличающуюся от человеческой форму рта, было видно, это не дружеская и не веселая улыбка.

— Не так быстро, землянин! Я не могу пожертвовать ни людьми, ни временем, ни усилиями на такое безумное мероприятие, как перелет через океан! Во всяком случае, пока дракхоны держат нас за горло, это невозможно. И еще, прости, но откуда у меня возьмется уверенность в

том, что когда ты отсюда выберешься, то не раздумаешь нам помочь?

Он отвел взгляд от ван Рийна на украшенные ворота пещеры, в которой находилась Святыня Мужей. Из нее поднималось облако пара от гейзера, шипящего внутри.

— Я сам мог бы рискнуть, — неожиданно добавил он тихо. — Но мои возможности ограничены; Совет может не утвердить любой мой план в отношении вас. Члены Совета не поверят трем чудовищам без крыльев. Дело в том, что мы так мало знаем о вас. Единственное преимущество над вами — это возможность использовать вашу потребность поскорее добраться домой... Совет не разрешит оказать вам помощь, пока идет война.

Ван Рийн развел руками.

— Говоря между нами, мой мальчик, на их месте я и сам поступил бы подобным образом. Ну что ж, у меня есть еще время. Пока что спешить некуда...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Темнота уже отступала. Скоро должны были прийти белые ночи, во время которых солнце пряталось у самого горизонта, а небо приобретало цвет весенних цветов. Уже сейчас после захода солнца обе луны были полными. Когда Родонис вышла из каюты, быстрый Скуанакс выбрался на горизонт и помчался среди звезд к Медленной и терпеливой Ликарис. Обе луны — Та, Которая Ждет и Тот, Который Догоняет, — перебросили между собой колышущийся двойной мост на широкой воде.

Родонис происходила из старого дворянского рода, и ее научили насмехаться над верой почитателей лун. Эта вера была хороша для простых моряков, которые иначе вернулись бы к старым кровавым жертвоприношениям Акхану из глубин. Но образованный человек должен чтить только одно божество — Путеводную Звезду. Тем не менее, Родонис упала на палубу, накрыла голову крыльями и прошептала о своих заботах светлой матери Ликарис:

— Я обещаю тебе песню, песню только для тебя, ее сложат лучшие барды Флота и будут петь во время твоего последующего обручения с Тем, Кто Догоняет. Астрологи говорят, что это обручение произойдет не раньше, чем через год, и времени будет достаточно, чтобы сложить для тебя достойную песню, о Ликарис, которая будет жить так долго, пока плавает Флот. Только молю тебя, сохрани мне моего Дельпа!

Она не умоляла воителя Скуанакса, Верховное божество язычников, об этом даже нельзя было подумать, как и о молитве мужчины к Матери Ликарис. Однако в мыслях она обращалась к Ликарис и просила ее напомнить воителю, что Дельп отважный мореход, который никогда не забывал о достойной жертве.

Луны посветлели. На западе собрались тучи в форме горной цепи; вдали маячил рваный контур лопающихся льдов. Море здесь выглядело странно, ничем не напоминая милого сердцу вида Южных Вод, откуда голод вывел Флот. Родонис задумалась, допустят ли когда-нибудь боги, чтобы дракхоны остались здесь.

Плеск волн, треск балок, писк тросов, натянутых между мачтами, свист вихря в вантах, хлопание парусного вооружения, далекая жалобная песня флейты и более близкие звуки, доносящиеся из форкастеля ее собственного плота: храп, детский плач, вздохи удовольствия, издаваемые какой-то парой... — все эти звуки давали утешение в этой холодной пустоте, называемой морем Ахан.

Родонис подумала о своих малышах, о двух маленьких детях, сжавшихся в кроватках, богато обитых тканями, и это прибавило ей сил. Она распростерла крылья и поднялась в воздух.

Сверху весь Флот выглядел, как скопление теней, тут и там пронизанных огнями — там, где какой-то экипаж работал поздно ночью. Большинство моряков уже давно спало, отдыхая после трудов: вытягивания сети, обслуживания плота, чистки, соления и маринования улова, сворачивания и разворачивания тяжелых парусов на плотах, сбора ариса и других сладких водорослей, рубки деревьев и обработки их каменными топорами. Простой член экипажа, будь то мужчина или женщина, мало что имел

от жизни, кроме тяжелой работы. Их отдых заключался в незатейливых развлечениях: танцы, борьба, безустанная копуляция, непристойные песенки, выкрикиваемые во всю глотку над бочонком пива, которое варили из морского зерна.

На мгновение, когда мысли об этом мелькали у нее в голове, Родонис почувствовала гордость за свою команду. Для аристократа простой моряк был не более чем домашним животным, плохо воспитанным, неграмотным, некультурным, которое нужно было держать в повиновении бичом и палкой для его же блага. Пролетая над Флотом, который лежал внизу, словно огромный спящий зверь, Родонис, однако, сознавала все его могущество. Владыки Флота были истинными хозяевами моря, а гордая слава драккхонов держалась на крепких спинах обыкновенных моряков.

Может быть, это чувство появилось оттого, что предки ее мужа еще не так давно покинули помещение форкастеля? Она не раз видела, как Дельп помогает команде, работая плечом к плечу с ними как во время шторма, так и во время лова рыбы. Родонис сама привыкла к тому, что вращение жерновов или сидение за прялкой не унижает ее достоинства.

Если труд приятен Путеводной Звезде, как утверждают святые книги, то почему же тогда состоятельные драккхоны относятся к нему с отвращением? Не в этом ли причина проклятия, тяготеющего над старыми аристократическими кланами? Члены этих родов вымирали век за веком, а приходившие им на смену новые фамилии с течением времени перенимали их привычки. А ведь у простых моряков, как известно, бывает больше всего детей, у квалифицированных ремесленников и профессиональных солдат — меньше, и меньше всего — у потомственных офицеров.

Сам адмирал Сиранакс за всю свою жизнь зачал только одного сына и двух дочерей. У нее, Родонис, было уже двое маленьких после каких-то четырех лет замужества.

Разве это не доказательство, что Путеводная Звезда благоприятствует людям трудолюбивым, привыкшим содержать себя и свою семью трудом своих рук?!

Но нет... Женщины ланнахов рожали детей каждый второй год, как заводные, хотя многие из малышей гибли во время перелетов. А ланнахи не работали. То, что они делали всю свою жизнь, никак нельзя было назвать работой: они охотились, пасли полудикие стада, ловили рыбу на какие-то примитивные крючки. Сил у них было достаточно, но они никогда не придерживались постоянного занятия, как моряки дракхонов... И, кроме того, их обычаи были по-простому отвратительными, животными! Две декады в году, во время экваториального летнего Солнцестояния — неукротимая похоть и только! Всю остальную жизнь отец ребенка был для тебя только одним из самцов — если ты вообще знала, кто является отцом, ты, распутница! А дома — никакой скромности в отношениях полов, даже обычаи женщин и мужчин почти не отличались, да и зачем, раз уж нет желания. Бр-р-р...

Но тем не менее, эти отвратительные ланнахи живут и дальше, так что, может быть, Путеводной Звезде это безразлично? Невозможно — эта мысль пронзила ее холодом, когда она летела, несомая ночным ветром под посеревшим диском Скуанакса. Несомненно, Путеводная Звезда предназначила Флот для исполнения ее желания — уничтожить этих чудовищ, ланнахов, и отнять у них земли, которые они попросту поганят!

Взмахи ее крыльев набирали силу. Флагманский корабль был уже близко. Его башенки виднелись, словно горные вершины на фоне темного неба. На судне горело много ламп как на палубе, так и в помещениях, окна которых были закрыты ставнями. Тут и там болтались группки воинов. Флаг Сиранакса все еще развевался на мачте, значит, старый адмирал еще не умер, но число дежуривших у постели умирающего увеличивалось с каждой минутой.

«Они ждут, как пожиратели падали», — подумала Родонис и содрогнулась. Один из часовых приказал ей замедлить полет и подлетел ближе. Свет луны отражался от полированного острия его копья.

— Стой! Кто ты?

Родонис была готова к тому, что ее задержит стража, но на мгновение язык отказался ей повиноваться. Она

была только женщиной, перед которой маячила грозная фигура воина.

Порыв ветра потряс высохшие останки, свисающие с реи — это были крылья, отрубленные некогда у какого-то преступника, который торчал теперь прикованный к веслу или дробил камни в каменоломне, если еще был жив. Родонис вообразила себе спину Дельпа с кровавыми культями от отрубленных крыльев, и ее гнев нашел выход в крике:

— Как ты смеешь говорить таким тоном с дочерью рода Аксоллон?!

Воин не знал ее лично — она была все-таки одной из многочисленных обитательниц Флота; однако он узнал шарф офицерской касты. Кроме того, было видно, что стройное тело Родонис никогда не сгибалось под бременем тяжелой работы.

— Упади лицом вниз, мерзавец! — кричала Родонис. — Закрой глаза, когда обращаешься ко мне!

— Я... госпожа, — начал заикаться стражник. — Я не... — Она понеслась прямо на него. У часового не оставалось другого выбора, как убраться с дороги. Вслед ему неслись ее слова, разящие, словно удары бича:

— Конечно, если твой боцман получит для тебя мое разрешение, чтобы ты мог обратиться ко мне...

К стражнику приблизились другие воины, так же бессильно кружащиеся в воздухе. Когда Родонис приземлилась, офицер, стоящий на палубе, взял дело в свои руки.

— Госпожа, — сказал он с надлежащим почтением, — вам не следовало улетать со своего плота без сопровождения, тем более сюда, на этот траурный корабль...

— Так было нужно, — ответила Родонис. — У меня к капитану Теонаксу есть дело, не терпящее промедления.

— Капитан у ложа своего почтенного отца, госпожа. И я не осмелился бы...

— Тогда пусть твои крылья повиснут на рее, когда он узнает, что Родонис са Аксоллон могла предотвратить новый бунт, а ты его не предупредил!

Она направилась к фальшборту и перегнулась через поручни, словно выливая свой гнев в волны моря. У офицера перехватило дыхание в груди, словно он получил удар хвостом в желудок.

— Госпожа! Соизвольте подождать здесь немного... — взмолился он. — Стража! Эй, стража! Не спускайте глаз с этой дамы и следите, чтобы она ни в чем не нуждалась! — И он поспешно улетел.

Родонис ждала. Теперь должно было произойти настоящее испытание.

Пока все шло гладко. Флот был возбужден; ни один офицер не отказал бы ее требованию, коль скоро она упомянула о новой попытке бунта.

Первый бунт был страшен. Даже не бунт — фактически восстание против самого Оракула Путеводной Звезды! Это было чем-то неслыханным за последние сотни лет — да еще во время войны! Все пытались отрицать, что вообще случилось что-то серьезное. Недоразумение, достойное сожаления... Народ Дельпа, введенный в заблуждение, героически сражался, движимый лояльностью по отношению к капитану... Нельзя ожидать, что простые моряки понимают тот современный принцип, что Флот и его адмирал стоят выше, чем каждый из отдельно взятых плотов.

Родонис с досадой вспоминала разговор с Сиранаксом, произошедший пару дней тому назад, хотя слезы того дня уже высохли.

— Мне очень жаль, госпожа, — говорил тогда адмирал. — Поверь, я очень сожалею. Да, твоего мужа обманули, и он прав больше, чем Теонакс. Я сам знаю, что это было всего лишь случайное столкновение, искра, воспламенившая старые раздоры, за которые, главным образом, следует винить только моего сына.

— Так пусть твой сын и понесет наказание! — крикнула она тогда.

Седая голова неумолимо качнулась вперед и назад.

— Нет. Теонакс, может быть, не самый благородный среди обитателей этого мира, но он мой сын и наследник трона. Мне недолго осталось жить, а военное время — не самое подходящее для того, чтобы устраивать борьбу за наследство. Для блага Флота Теонакс должен наследовать трон после меня без всякого сопротивления с чьей-либо стороны, и для этого у него не должно быть запятнанного прошлого.

— Почему же, однако, ты не можешь простить и Дельпа?

— Во имя Путеводной Звезды, если бы я только мог это сделать! Но подобное невозможно. Всем остальным можно простить вину — и она будет прощена. Однако должен быть кто-то один, на кого падет обвинение, и это умерит боль наших ран. Дельп должен быть обвинен в подготовке бунта и наказан за это. Наказан, чтобы все остальные участники могли сказать:«Мы сражались в братоубийственной войне, но это была его вина, так что теперь с его наказанием мы можем снова верить друг другу...»

Старый адмирал вздохнул; негромкое шипение донеслось из его раздувшихся легких.

— Пусть Путеводная Звезда поможет тебе и сделает так, что не я исполню ее волю. О, как много бы я дал, чтобы к этому времени я был бы уже... Поверь, госпожа, что к тебе я очень хорошо отношусь. И если бы мы снова могли жить в дружбе...

— Можем... — прошептала она. — Если ты освободишь Дельпа.

Завоеватель Майона хмуро посмотрел на нее.

— Нет! — ответил он. — И хватит об этом говорить!

Она вышла из его каюты.

И потянулись дни, во время которых она пережила кошмарный фарс суда над своим мужем и еще один кошмар — ожидание исполнения приговора. Налет ланнахов был словно кратковременное пробуждение от горячечного сна.

Адмирал Сиранакс лежал на ложе смерти. Если бы не его внезапная болезнь, Дельп уже был бы искалеченным невольником, но в этой ситуации напряжения и неуверенности выполнение столь противоречивого приговора было отложено.

«Когда Теонакс станет Великим Адмиралом, — думала Родонис той частью своего разума, которая еще могла холодно рассуждать, — то промедления уже не будет. Разве что...»

— Госпожа, извольте пройти туда, — ее размышления прервал голос офицера.

Офицеры, которые вели ее по палубе к большому мрачному строению из деревянных колод, относились к ней с почтением. Дворцовые слуги, бегающие вверх и вниз по коридорам без окон, смотрели на нее словно с ужасом. Каким-то образом самые тайные вещи становились известными обитателям форкастеля, которые могли их вынюхать.

Внутри здания было темно, душно и тихо. Очень тихо. Море никогда не бывает спокойным. Только сейчас Родонис осознала, что никогда раньше она за всю свою жизнь не была изолирована от шума волн, скрипа дерева и канатов. Мышцы ее крыльев напряглись: она хотела с криком подняться в воздух. Но, преодолев это желание, она двинулась дальше.

Перед ней открыли какую-то дверь, в которую она вошла. Дверь закрылась, Родонис увидела маленькую комнатку, богато выложенную мехами и коврами, освещенную многими лампами. Воздух был таким тяжелым, что у нее закружилась голова. Теонакс лежал на кровати, играя одним из земных ножей. Больше в каюте никого не было.

— Садись, — предложил он.

Она присела на хвосте, смотря на Теонакса так, словно они были равными.

— Что ты хочешь мне сказать? — глухим голосом поинтересовался он.

— Твой отец, Адмирал, еще жив? — ответила она вопросом.

— Боюсь, что ему недолго осталось жить, — сказал он. — Акхан сожрет его еще до полудня. — Его бессознательный взгляд переместился на гобелен. — Как длинна эта ночь!

Родонис ждала.

— Итак? — сказал Теонакс и змеиным движением откинул голову назад. В его голосе звучал холод. — Ты упоминала что-то о новом бунте?

Родонис присела не сгибаясь. Ее гребень встопорщился.

— Да, — холодно произнесла она. — Команда моего мужа не забыла его.

— Может быть, — бросил Теонакс. — Но они достаточно лояльны по отношению к Адмиралу. Это им успешно вбили в голову.

— Конечно, они лояльны по отношению к Адмиралу Сиранаксу, — ответила она. — Этого у них не отнять. Ты сам знаешь так же хорошо, как и я, что то, что произошло, не было бунтом, а только столкновением, вызванным теми, кто против тебя. Сиранакса всегда уважали и даже любили. Истинный бунт будет направлен против того, кто его убил.

Теонакс вскочил.

— Что... что ты имеешь в виду? — крикнул он. — Кто мог поднять руку на него?

— Ты! — сквозь зубы процедила Родонис. — Ты отравил своего отца.

Она ничего уже не боялась. Хотя и знала, что Теонакс, известный своим буйным характером, может запросто убить ее за эти слова.

И он почти сделал это. Но все же отпрянул, когда его нож прикоснулся к ее горлу. Его челюсти снова были плотно сжаты, он прыгнул на кровать и стоял там на четырех ногах — с выгнутым хребтом, напряженным хвостом и поднятыми крыльями.

— Говори дальше, — прошипел он. — Произноси свою ложь. Я хорошо знаю, как ты ненавидишь всю мою семью из-за своего никчемного мужа. Весь Флот это знает. Ты думаешь, что твоим словам поверят без доказательств?

— Я всегда уважала твоего отца, — произнесла Родонис, потрясенная: ведь смерть была так близко. — Да, он приговорил Дельпа. Он поступил несправедливо, но сделал это для блага всего Флота, а я... я сама из офицерского рода. Вспомни, как через день после налета ланнахов я пригласила его на пир в знак того, что дракхоны должны сплотить свои ряды.

— Ну и что из этого? — насмешливо произнес Теонакс. — Красивый жест и ничего более. Я помню, как гости жаловались, что блюда были слишком остро приправлены. А этот подарок, который ты ему сделала, этот блестящий кружок, принадлежащий землянам! Разве не трогательно? Только ты не имела права это дарить! Вся их собственность принадлежит Адмиралу!

— Этот толстый землянин сам мне его дал, — ответила Родонис. Она специально переводила разговоры на менее

важные темы, желая успокоить себя и Теонакса. — Он сказал, что вытащил этот кружок из своего багажа. Он говорил, что это монета и что она является предметом торговли на его родной планете... и что он дает мне это на память о себе. Это было сразу же после столкновения, перед тем, как его и его спутников перевели с «Герунис» на другой плот.

— Подарок нищего! — засмеялся Теонакс. — Кружок был совершенно вытертый и бесформенный. — Его мышцы снова напряглись. — Ну давай, обвиняй меня дальше, если осмелишься!

— Я не так глупа, — покачала головой Родонис. — Я отправила письма друзьям и попросила их ознакомиться с их содержанием, если не вернусь отсюда. Взвесь факты. Ты гордый, и большинство думает о тебе очень плохо. Смерть твоего отца сделает тебя Адмиралом. Фактически властелином Флота. Как же долго и нетерпеливо ты должен ждать этого! Твой отец умирает, пораженный болезнью, неизвестной нашим медикам. Ее симптомы даже не напоминают отравление каким-либо из известных ядов — так бурно уничтожает его эта болезнь. И еще: многим известно, что нападавшие не смогли унести всю пищу землян, оставив три маленьких пакета. Земляне часто и в присутствии всех предостерегали нас, что их пищу есть нельзя. А все вещи землян находились у тебя!

Теонакс тяжело вздохнул.

— Это ложь! — заскулил он. — Я ничего не знаю... я никогда... Кто поверит, что я или кто-нибудь другой мог бы сделать нечто подобное... Отравить своего отца!

— Если речь идет о тебе, то поверят! — твердо произнесла Родонис.

— Клянусь Путеводной Звездой, я не...

— Путеводная Звезда не принесет счастья Флоту, руководимому отцеубийцей. Одного этого хватит, чтобы вызвать бунт, Теонакс!

Тяжело дыша, он пронзил ее яростным взглядом и прошипел:

— Чего ты хочешь?

Родонис посмотрела на него таким холодным взглядом, с каким его глаза еще не встречались.

— Я сожгу эти письма, — сказала она, — и навсегда сохраню молчание. Я буду отрицать это вместе с тобой, если подобная мысль еще кому-нибудь придет в голову. Однако Дельпа нужно немедленно и полностью простить.

Теонакс съежился и заворчал:

— Я мог бы бороться с тобой, Родонис. Я мог бы заточить тебя в тюрьму за государственную измену и убить всякого, кто осмелился бы...

— Вполне может быть, — кивнула Родонис. — Но стоит ли? Ты этими действиями наверняка вызвал бы раскол во Флоте и бросил бы его на произвол ланнахов. А я прошу тебя только вернуть мне мужа.

— И только поэтому ты грозишь уничтожением Флота?

— Да! — ответила она и через мгновение добавила: — Тебе этого не понять... Вы, мужчины, основываете новые государства, объявляете войны, слагаете песни, создаете науку. Вы воображаете, что вы практичны и сильны. Однако это женщины постоянно приближаются к тени смерти, чтобы дать новую жизнь. Это мы — сильный пол! Мы должны им быть, иначе...

Теонакс отпрянул. По его телу пробежала дрожь.

— Да, — прошептал он, перебивая ее. — Да, черт тебя возьми, ты получишь его. Я отдам приказ сейчас же, немедленно! Забирай своего мерзавца долой с глаз моих еще до рассвета! Но знай одно: я не убивал своего отца! — Он с гулом замахал крыльями так, что поднялся под потолок и бился о него крича, словно был заточен в клетке: — Я не убивал его! Не убивал его!..

Родонис молча ждала.

Затем она взяла письменный приказ и вышла из каюты, направляясь к палубе, где были разрезаны узы, стягивающие Дельпа хир Орикана. Он упал в ее объятия и зарыдал:

— Я сохранил свои крылья... Сохранил свои крылья...

Родонис са Аксоллон гладила его по груди, что-то ему шептала, говорила, что теперь все уже будет хорошо, что они уже возвращаются домой, и через мгновение сама заплакала, потому что безмерно любила его.

В ее памяти билось вызывающее дрожь воспоминание о том, как Ван Рийн давал ей эту монету, одновременно

предостерегая ее от... как это он тогда сказал?.. Отравление тяжелыми металлами!

— Для вас железо, медь и цинк — это чужие вещества. Я сам не химик, но когда нужно, я этих ученых понимаю. Поэтому могу посоветовать тебе только одно: ни ты, ни твои дети пускай ни в коем случае не пробуют эту монету на зуб!

И она вспомнила еще, как ночью сидела у камня и опиливала монету, приготавливая из стружек приправу для блюда, предназначенного неумолимому адмиралу...

Потом она задумалась над тем, что толстый землянин по странному стечению обстоятельств обладал неожиданно хорошим знанием ее языка. Теперь ей пришла в голову именно эта мысль, и от этого в теле возникла дрожь. А может быть, земляне специально оставили здесь эти три пакета пищи, в надежде, что они вызовут какие-то осложнения? Неужели они так точно все предвидели?!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

В двери появилась Гунтра из рода Энклана, и Эрик Вейс поднял на нее усталые глаза. Позади него кипела работа у водяного колеса, на которое падали тени от мерцающего огня факелов.

— Да? — спросил он, тяжело вздыхая.

Гунтра показала ему широкий щит длиной в метра два — легкую, но солидную конструкцию из прутьев, сплетенных на деревянной раме. Она много дней присматривала за сотней женщин и детей, которые собирали, расщепляли и сушили прутья, выгибали дерево, плели и складывали всю конструкцию. Она была так измучена, словно только что перенесла перелет из тропической зоны. Однако в ее голосе звучала гордость:

— Это уже четырехтысячный, Советник. — Эрик Вейс никогда не носил такого титула, но ланнахи просто не могли представить себе, чтобы у кого-то не было определенного положения в организации Стада. Ввиду авто-

ритета, которым пользовались эти бескрылые существа, их, естественно, называли Советниками.

— Хорошо, — Эрик взвесил щит на огрубевшей ладони. — Хорошая работа. — Он кивнул. — Четыре тысячи — это больше, чем нужно; наше задание выполнено, Гунтра!

— Благодарю, — она с интересом посмотрела на перестроенную мельницу. Трудно было поверить, что еще не так давно она служила для помола зерна.

К ним подошел Ангрек из клана Треккан, держа в руках кусок дерева.

— Советник, — начал он, — я... — Тут он прервал речь. Его взгляд упал на Гунтру, которая только вступила в средний возраст, и ее всегда считали красивой.

Их глаза встретились, потом затуманились. Ангрек распростер крылья и сделал шаг по направлению к ней.

С коротким вскриком, почти рыданием, Гунтра отвернулась и убежала. Ангрек посмотрел ей вслед, швырнул дерево на землю и выругался.

— Что случилось, черт возьми? — спросил Вейс.

Ангрек ударил кулаком по открытой ладони.

— Духи... — пробормотал он. — Это наверняка духи... беспокойные духи всех грешников, которые когда-либо ходили по свету. Сначала они посетили дракхонов, а теперь пришли преследовать нас!

Две фигуры замаячили в двери, открытой настежь в эту короткую ясную ночь раннего лета. Вошли Николас ван Рийн и герольд Толк.

— Как дела, мой мальчик? — загудел ван Рийн. В зубах он вертел маринованную луковицу: похудение, которое коснулось Эрика и даже Сандры, на нем даже не сказалось.

«Ну да, — горько подумал Вейс, — старый толстяк даже руки не приложил к работе. Единственное, чем он занимался, так это лазил по окрестностям, разговаривал с предводителями ланнахов и жаловался, что работа не продвигается вперед достаточно быстро...»

— Потихоньку, сэр. — Молодой человек прикусил язык, не отваживаясь произнести слова,которые вертелись у него в голове:«Ты, толстая пиявка, ты намерева-

ешься добраться домой с помощью моего труда и мыслей, а потом отделаться от меня должностью посредника на другой периферийной планете?»

— Так их нужно ускорить, — сказал ван Рийн. — Мы не можем ждать так долго, ни ты, ни я.

Толк внимательно присмотрелся к Ангреку. Ремесленник все еще дрожал и шептал заклятия.

— Что случилось? — спросил герольд.

— Это дьявольское влияние дракхонов, — Ангрек прикрыл рукой глаза. — Герольд, — выдавил он из себя, — недавно здесь была Гунтра из Энклана, и какое-то время... мы желали друг друга...

У Толка было серьезное выражение лица, но он заговорил без укора в голосе:

— Это уже случалось со многими. Ты должен это преодолеть.

— Но что это, герольд? Болезнь? Предначертание судьбы? Что я такого сделал?

— Эти неестественные порывы уже встречались, — сказал Толк. — Время от времени они проявляются у большинства из нас. Просто об этом не говорят. Их нужно подавлять, а еще лучше через какое-то время вообще забыть об этом, забыть о том, что нечто подобное имело место. — Он грозно нахмурился. — В последнее время такие рефлексы возникают все чаще, и никто не знает, почему. Возвращайся к работе и избегай женщин.

Ангрек тяжело вздохнул, поднял кусок дерева и прикоснулся к плечу Эрика:

— Я хотел посоветоваться. У этого дерева, пожалуй, неподходящая форма для моей цели...

Толк осмотрелся. Он только что вернулся из далекого путешествия, во время которого он облетел страну, оповещая рассеянные кланы.

— Здесь многое сделано, — сказал он.

— Да, — милостиво согласился ван Рийн. — Он талантливый конструктор, этот мой молодой друг. Но, в конце концов, торговец на новой планете должен быть, черт побери, мастером на все руки.

— Я не слишком хорошо понимаю детали его планов.

— Моих планов, — поправил обиженно ван Рийн. — Это я ему говорю, чтобы он сделал оружие. Он только исполняет мои приказания.

— Все? — сухо спросил Толк. Он осмотрел скелет сложного устройства. — Что это?

— Самозаряжающийся метатель снарядов, другими словами, пулемет. Посмотри вот сюда: этот балансир вращает зубчатое колесо. Снаряды подаются лентой к колесу, вот так, и быстро выбрасываются, — прежде чем ты успеешь моргнуть глазом, уже два, три полетят. Колесо смонтировано на вращающейся подставке, чтобы его можно было направить в любую сторону. Эта старая идея, кажется, какой-то Миллер или де Камп уже давно построил его, этот... пулемет. И должен вам заметить, что в битве он очень эффективен!

— Прекрасно! — похвалил Толк. — А это что такое?

— Это баллиста. Она напоминает катапульты драккхонов, но гораздо лучше, чем они. Она метает достаточно большие камни, чтобы разбивать ими стены или топить лодки. А здесь... Йа, — ван Рийн поднял с земли щит, который принесла Гунтра. — Может быть, это не выглядит захватывающе, но по мне оно важнее, чем все другие машины. Воины должны носить это на спине.

— М... м... да, я вижу, где крепятся ремни... это служит для защиты от снарядов, падающих сверху, да? Но наш воин не взлетит, имея это на спине.

— В этом-то и дело! — рявкнул ван Рийн. — В этом все и дело, доннерветтер! Именно это и есть проблема жителей Диомеда. Майн готт! Как можно вести настоящую войну, имея только воздушные силы? Здесь, в Сальменброке, я потратил много дней, вбивая в тупые лбы офицеров, что именно пехота занимает позиции и обороняет их, пе-хо-та! Теперь офицеры должны вбить это в головы солдатам и обучить их... О, черт, у нас нет времени! За оставшиеся несколько десятков дней я должен сделать нечто, на что в общем-то уходят годы!

Толк кивнул почти машинально.

Даже Трольвену понадобилось время и аргументы, прежде чем он понял идею боевых сил, главная часть которых вынуждена целенаправленно действовать исклю-

чительно на земле. Замысел был слишком чуждым. Но герольд принял его без слов.

— Я понимаю ход твоих мыслей, — сказал он. — Те, кто занимает крепости, владеют всем Ланнахом! Укрепленные города господствуют над сельскими районами, откуда поступает пища. Но, чтобы завладеть городами, мы должны захватить их.

— Ты рассуждаешь мудро, — похвалил его ван Рийн. — История Земли знает много примеров, когда одно превосходство в воздухе не давало победы!

— Остается еще огневое оружие дракхонов, — заметил Толк. — Что ты намерен ему противопоставить? Вся моя миссия в течение последних дней в основном заключалась в том, чтобы уговаривать кланы присоединиться к нам. Я передал им твои слова, что будет защита от огня, что у нас будут собственные огнеметы и огненные бомбы. Я надеюсь, что я говорил правду!

Он осмотрелся вокруг. Старая мельница, превращенная в примитивную фабрику, была так заполнена рабочими, что кроме них трудно было что-то увидеть. Недалеко от них на простом токарном станке, несколько усовершенствованном Эриком, точили древки копий и рукоятки топориков. Другая машина, шлифовальная, до сих пор не была ему известна. Она производила острия топориков и другого колющего оружия. Они были, конечно, не так тщательно сделаны, как вручную, но зато в значительно больших количествах. Механический молот дробил осколки кремня и обсидиана в режущие острия; дисковая пила резала дерево, другая машина сворачивала канаты быстрее, чем это мог заметить глаз. Все машины приводились в движение трансмиссионными ремнями и при помощи больших мельничных колес. Все это вместе взятое выглядело сложным и запутанным, но производило военное снаряжение быстрее, чем ланнахи могли его употребить. Готовым снаряжением наполнялись целые лари.

— Это воистину волшебство, — заметил Толк, — и оттого немного пугает.

— Я ввел здесь новый стиль жизни, — откровенно произнес ван Рийн. — Здесь не идет речь об одной или другой машине, которые и так неотвратимо повлияют на

вашу историю. Речь идет об основной идее, которую я ввел, а именно — о производстве массовой продукции!

— Но огонь...

— Вейс уже начал делать для нас огневое оружие. Серу нашли неподалеку от горы Оборх. Есть также неплохие источники нефти. Дистилляция — это еще одно умение, которым обладают дракхоны, а вы нет! Теперь мы сделаем себе собственные зажигалки...

Ван Рийн нахмурил брови:

— Но одно, к сожалению, верно, — продолжал он. — У нас не было времени научить ваших воинов, как они должны применять это снаряжение. Вскоре я буду голодать; вскоре ваши женщины будут беременны и нужно будет накапливать пищу... — Он театрально вздохнул. — Однако, прежде чем вы действительно начнете страдать, я уже давно буду мертв.

— О, нет, — мрачно сказал Толк, — это правда, у нас еще есть почти полгода до Поры Рождений. Но уже теперь мы слабы от голода, холода и отчаяния. Уже теперь мы не выполняем многие наши обряды...

— К дьяволу ваши обряды! — вскричал ван Рийн. — Прежде всего нужно отобрать назад Ульвен, потому что именно он расположен над склонами Дуна, где, как известно, живут все рогачи. Если мы возьмем Ульвен, то будет достаточно еды, а кроме всего прочего, у нас будет форт, который легко оборонять. Но Трольвен и Совет упорствуют и настаивают, чтобы мы ударили на Манненах, оставляя в тылу Ульвен, находящийся в руках врага. Нельзя забывать, что, двигаясь к заливу Сагна, мы рискуем многим... И все ради того, чтобы совершить возле Манненаха какой-то там паршивый обряд!..

— Ты не поймешь этого, — мягко сказал Толк. — Мы слишком отличаемся друг от друга. Даже я, в чьих обязанностях находится общение с другими народами, не могу понять твою позицию. Наша жизнь основывается на годовом цикле. Дело в том, что мы весьма серьезно воспринимаем наших богов... — Он посмотрел вверх на скрытую в тени крышу, где ветер свистел и крутил работающие колеса мельницы. — Нет, я не верю, что духи предков вылетают ночью. Однако я верю, что если я

поприветствую Полное Лето во время большого обряда в Манненахе так, как это делали мои предки со времен существования Стада, то тем самым я внесу вклад в поддержание нашего единства, в сплочение нашего сообщества...

— Фи! — ван Рийн протянул грязную руку, чтобы почесать всклокоченную бороду, обрамлявшую его лицо. Здесь он не мог ни бриться, ни мыться — даже после анестезирующих уколов человеческая кожа не принимала диомеданское мыло. — Я тебе скажу, откуда весь этот ритуал. Во-первых, вы невольники времен года, даже больше, чем какой-нибудь фермер на Земле. А во-вторых, вы вынуждены летать так далеко и оставлять свои дома пустыми так надолго, что этот обряд — ваша самая ценная собственность. Это нечто такое, что не весит много и что можно забрать с собой...

— Может быть, ты и прав, — согласился Толк. — Однако факт остается фактом. Если существует какой-то шанс на то, чтобы поприветствовать Полное Лето на Валунах Манненаха, то мы пойдем на этот риск. Дополнительные потери в людях по той причине, что это не самая лучшая стратегия, мы понесем с радостью.

— Если вообще не потеряете шансов на победу в этой проклятой войне, — фыркнул ван Рийн. — Ад и дьяволы! Мой личный капеллан на Земле не заботится так о правилах этикета. Посмотри — этот юноша только что был близок к самоубийству, потому что его возбудил вид девицы в неподходящее время!

— Это не в счет, — скованно произнес Толк и вышел из мастерской. Через мгновение ван Рийн поспешил за ним.

Вейс закончил давать объяснения Ангреку, проверил остальные работы, обругал носильщиков, которые поставили сосуды с летучими фракциями нефти у печи, и вышел. Его ноги отяжелели. Для одного человека было слишком много работы: организация, проектирование, надзор, преодоление трудностей. Ван Рийну казалось, что это так просто — перенести охотников из каменного века в эру машин за несколько недель. Пусть бы он сам попробовал, может быть, потерял бы тогда хоть немного жира!

Ночи были уже такими короткими, что Эрик Вейс не обращал внимания на часы. Он работал до тех пор, пока не падал с ног, засыпая на короткое время, и снова возвращался к работе.

Иногда он думал: а отдыхал ли он вообще когда-либо, был ли он когда-нибудь чист, накормлен, утешал ли его кто-нибудь в одиночестве?

Рассвет заалел над северными взгорьями, где ряд вулканов гневной чернотой закрывал лик бледного солнца. Обе луны заходили; каждая из них висела над горизонтом, как медный круг, диаметром раза в два больше чем диаметр земной Луны. Склоны горы Оборх дрожали, плюясь валунами в бледное небо. Каменная стена Сальменброка ежилась под резкими ударами ветра.

Эрик добрался до лестницы, сделанной специально для него, чтобы он мог взбираться на чердак, где жил. Сандра вышла из-за ближайшей башенки. Она остановилась, приложив ладони к губам. В грохоте ветра не было слышно, что она говорила.

Эрик подошел поближе. Под ногами, на которых были неуклюжие сапоги из кожи рогачей, заскрипел гравий.

— Слушаю тебя, госпожа, — произнес он.

— Ох... ничего такого Эрик Вейс. — Его взгляд встретился с ее зелеными глазами, непреклонными и гордыми; однако он увидел, что ее лицо покрылось румянцем. — Я хотела только пожелать тебе... доброго утра.

— Я тоже желаю тебе того же, госпожа. — Он потер уставшие глаза. — Я давно не видел тебя. Как себя чувствуешь?

— Я беспокоюсь, — ответила она. — Мне так одиноко. Может быть, мы немного поговорим?

Они оставили строения, идя по запущенной тропинке, карабкающейся вверх среди низких острых кустов, покрытых пурпурными цветами. Высоко над ними кружили стражники, но сейчас это были малозаметные точки на фоне неба. Эрик Вейс почувствовал, как его сердце забилось чаще.

— Что ты делаешь, госпожа? — поинтересовался он.

— Ничего особенного. Что я могу делать? — Она посмотрела на свои ладони. — Я пытаюсь, но мне не хватает навыков, которые есть у тебя или у ван Рийна.

— Что? — Вейс пожал плечами. Несомненно, у старого козла достаточно поводов, чтобы бахвалиться собственными заслугами, когда он бесцельно болтался по Сальменброку. — Достаточно... — он подбирал подходящие слова, — достаточно того, госпожа, что ты здесь, рядом со мной.

— Но Эрик, — засмеялась она с искренним удовольствием, слегка развеселившаяся и вовсе не обиженная. — Я не думала, что на словах ты такой рыцарь...

— До сих пор не было случая, госпожа, — буркнул он, слишком уставший и измученный, чтобы обращать внимание на слова.

— Не было? — Она искоса посмотрела на него. Ветер ворвался в ее тесно сплетенные косы и развил их в маленькие серебристые ленты. Она еще не выглядела страдающей от голода, но височные кости на ее лице обозначились немного четче, на щеке виднелась темная полоса, а одежду составляли мешковатые лохмотья, сшитые портными, которые никогда раньше не видели человеческих фигур. Но, лишившись своего королевского вида, она казалась теперь Эрику даже красивее, чем раньше, может быть, потому, что теперь стала ближе к нему? Или, может быть, потому, что ее нищета искренне свидетельствовала о ее человеческой сущности?

— Нет, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Не понимаю, — пожала плечами девушка.

— Прости, госпожа. Я просто думал вслух. Плохая привычка. Это иногда случается на таких отдаленных планетах. Видишь одних и тех же людей так часто, что они перестают быть желанными; начинаешь избегать их — и кроме того, конечно, людей всегда не хватает, так что многие работы приходится делать самостоятельно, часто в течение многих недель. Зачем я это все говорю? Господи, как же я устал!

Они остановились на краю взгорья. У их ног лежала скала, круто опускавшаяся вниз на сотни метров к пенящейся реке. С другой стороны ущелья поднимались снежные склоны гор, окрашиваемые солнцем в кровавый цвет. Ветер протискивался в верхнюю часть ущелья, ударяя в лица землян.

— Я понимаю тебя. — Сандра серьезно посмотрела на Эрика. — Ты всю жизнь вынужден был тяжело работать. У тебя не хватало времени на удовольствия, на обучение хорошим манерам, культуре... правда?

— Времени не было ни на что, госпожа, — ответил он. — Я родился в трущобах, в километре от старого порта на Тритоне. Только самые бедные живут так близко от космодрома, где жизни нет от постоянного движения машин, вони и шума, словно от землетрясения... Хотя к этому можно привыкнуть, и это врастает в тебя, в твои кости. Половина моих друзей детства уже мертва или сидит в тюрьме, а вторая половина хватается за любую временную работу, не требующую квалификации, тяжелую и грязную, которой никто другой не хочет заниматься. Но не надо мне сочувствовать. Мне повезло. В возрасте двенадцати лет я стал практикантом у оптового торговца мехами. Через два года я установил несколько контактов, которые позволили мне найти такое же тяжелое и грязное занятие только на космическом корабле охотников за пушными животными, летящем на Рианон. В свободные минуты я учился, и благодаря этому мне удавалось находить все лучшую работу. И так далее, и так далее. Пока меня не поставили во главе здешнего пункта по заготовке, мелкого предприятия, которое со временем, может быть, начнет окупаться, но большого значения так никогда и не получит. Однако, это все же был какой-то очередной шанс. И вот я здесь, на вершине этой горы, подо мной лежит Диомед... И что теперь?

Он резко потряс головой, удивляясь, что иссяк запас его слов. Это немного напоминало алкогольное опьянение. Хотя, может быть, нечто большее... Не то, чтобы он искал сочувствия, но в глубине души он хотел знать, понимает ли она его? Сможет ли понять?

— Ты обязательно вернешься домой, — тихо сказала она. — Такие, как ты, выходят целыми из всех затруднительных положений.

— Хочется в это верить!

— То, что ты сделал, это уже героический поступок. — Она посмотрела в сторону на тучи, проплывающие рядом с вершиной Оборх. — Я думаю, что никто не сможет тебя удержать. Пожалуй, только ты сам.

— Я? — Его замешательство росло, и он уже хотел сменить тему. Эрик погладил заросший щетиной подбородок.

— Ну да. А кто другой? Ты так быстро достиг столь многого. Может, следует остановиться? Ты не задавал себе вопрос: как долго стоит продвигаться в этой жизни?

— Не знаю. Я думаю, что так далеко, как только можно.

— Зачем? Стоит ли становиться большим человеком? Не будет ли достаточно оставаться просто-напросто свободным? С твоим талантом и опытом ты достаточно заработаешь на любой из колонизированных планет, где условия жизни для людей получше, чем здесь. Например, на Гермесе. Не кроется ли в этом стремлении к богатству и власти лишь желание насытить того маленького мальчика, который когда-то плакал перед сном от голода в трущобах Тритона? Однако ты никогда не сможешь утешить того мальчугана, приятель. Он уже давно умер, его уже нет!

— Ну... не знаю... Я думаю, что когда-нибудь заведу семью... Я хотел бы дать семье нечто большее, чем средства на жизнь. Я хотел бы оставить моим детям и внукам достаточное состояние, чтобы обеспечить им будущее, чтобы они могли противостоять любым трудностям, если будет нужно.

— Значит, так. Я думаю, что... — Прежде, чем она отвернулась, Эрик увидел, что кровь прихлынула к ее лицу, — что давние, энергичные князья Гермеса были похожи на тебя. Было бы хорошо, если бы они снова взошли на трон... — Неожиданно она быстрым шагом пошла по тропинке. — Довольно. Лучше всего будет, если мы вернемся, правда?

Эрик пошел за ней, едва осознавая, что ступает по земле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Ланнахи были готовы к битве. По зову свистунов Толка они собрались в Сальменброке, и небо потемнело от их крыльев. Трольвен проложил себе дорогу к ван Рийну через клубок тел.

— Воистину боги неблагосклонны к нам, — горько сказал он. — В это время года почти всегда дуют сильные южные ветры. — Он указал рукой на безветренное небо. — Знаешь ли ты какие-то чары, призывающие ветер?

Торговец, несколько раздраженный, посмотрел вверх. Он сидел за столом перед домиком из тростника и глины, выстроенным для него за поселением, поскольку не желал ни карабкаться в дом по лестнице, ни спать во влажной пещере. Он проводил время, играя в кости с капитаном Стигеном на камни, напоминающие бериллы, которые являлись местным эквивалентом денег. Число цивилизаций, населяющих галактику, которые независимо друг от друга изобрели тот или иной вид игры в кости, не поддается определению.

— Ха! — бросил он. — Без ветра под хвост вы уже не полетите? Ага, семерка! Нет, черт возьми, я забыл, что семерка здесь не является счастливым числом. Попробуем еще раз. — Три кубика затарахтели у него в руке и упали на стол. — Гм-м-м, снова семь. — Ван Рийн сгреб кон. — Удваиваем?

— Пусть тебя похитят пожиратели духов! — Стиген сорвался с места. — По-моему, ты слишком часто выигрываешь!

Ван Рийн сам вскочил на ноги, как атакующий носорог.

— Черт побери, а ну-ка, возьми эти слова назад, приятель, или...

— Я не сказал ничего оскорбительного, — холодно ответил Стиген.

— Спокойно! — рявкнул Трольвен. — Это что, пьянка? Землянин, все боевые формирования ланнахов собрались здесь на этих взгорьях. Мы не сможем кормить

их слишком долго. А с другой стороны, мы не сможем выступить, потому что новое оружие погружено на парусные тележки. Что же делать?

Ван Рийн яростно посмотрел на Стигена:

— Я говорю, что меня оскорбили. А когда меня оскорбляют, я не могу давать разумные советы!

— Я уверен, что капитан извинится за неумышленную обиду, нанесенную тебе, землянин, — сказал Трольвен, бросая на капитана разгневанный взгляд.

— Конечно. — Стиген с трудом выдавил из себя это слово.

— Хорошо. — Ван Рийн погладил себя по бороде. — Итак, чтобы доказать, что ты не сомневаешься в моей порядочности, брось кости еще раз. Удваиваешь?

Стиген схватил кости и бросил их на стол.

— Ага, у тебя шестерка, — сказал ван Рийн. — Что ж, это нелегко побить. Я боюсь, что уже проиграл. Нелегко быть бледным, уставшим, голодным стариком, брошенным далеко от дома и его сиамских кошек: они одни любят его ради него самого, а не из-за денег... Трам-та-та-там... Восемь! Два, три и еще раз три! Ну и ну!

— Нам нужен транспорт, — проговорил Трольвен, усиленно стараясь овладеть собой. — Новое оружие слишком тяжело для носильщиков. Оно должно ехать по рельсам. Как мы довезем его без ветра до залива Сагна?

— Это просто, — сказал ван Рийн, считая выигрыш. — Прежде, чем поднимется попутный ветер, привяжите канаты к тележкам, и эти ваши молодые балбесы их потянут.

Стиген взорвался:

— Свободный народ клана должен тянуть тележку, как... дракхон? — Он овладел собой и уже гораздо спокойнее произнес: — Нет, это невозможно.

— Иногда, — отрезал ван Рийн, — и то, что невозможно, должно стать возможным! — Он сгреб драгоценные камни, бросил их в мешочек и направился к колодцу. — Черт возьми, есть какая-то дисциплина в этом Стаде?

— Да... я думаю, да... — Растерянный взгляд Трольвена обратился на кричащую волну крылатых существ, которая поглотила селение. — Однако такая работа, продолжаю-

щаяся длительное время, всегда была... прежде, чем пришли дракхоны... ее всегда считали в определенном смысле вырождением... не то, чтобы она была запрещена, но она не делалась без крайней необходимости. Физический труд в общественном месте... Нет!

Ван Рийн завертел воротом колодца.

— Почему же нет? Дракхоны много болтают об уважении к труду. Им он нужен, у них надо много и тяжело работать, если хочешь жить. А для вас? Почему ланнахи не могут работать?

— Нет! — твердо произнес Стиген. — Это не для нас! Иначе мы станем животными!

Ван Рийн поставил ведро на колодезный сруб и вытащил из него бутылку земного пива.

— Ах, какое холодное и приятное... гм... похоже, слишком холодное... Пусть ад поглотит все места, где нет холодильников с терморегуляторами! — Он открыл бутылку о сруб и попробовал. — Может быть... Я много путешествовал и убедился, что везде образ действий и мораль обитателей отдельных планет зависит от вполне реальной причины. Может быть, раса даже забыла, откуда берет начало тот или иной закон, но если бы закон не имел смысла, он долго не просуществовал бы. Отсюда следует, что вы не любите длительной тяжелой работы, конечно, за исключением труда перелетов, потому что по каким-то причинам она вам не подходит. И в то же время тяжелый труд не вредит дракхонам. Парадокс!

— Пусть злые силы похитят твои рассуждения, — рявкнул Трольвен. — Это была твоя идея, чтобы сделать все эти новомодные устройства вместо того, чтобы сражаться, как сражались наши предки. Так скажи теперь, как спустить тележки в долину, не демобилизуя для этого армию?

— Ах, дело в этом! — Ван Рийн пожал плечами. — У вас есть какие-нибудь соревнования, спорт или что-то в этом роде?

— Конечно!

— Значит, нужно объяснить, что эти тележки нужно спустить вниз, и так как мы не должны отправиться сразу...

— Должны! Мы будем голодать, если не отправимся немедленно!

— Мой юный друг, — терпеливо сказал ван Рийн. — Я вижу, что ты очень слаб в политике. Вы, ланнахи, не можете лгать, наверное, потому, что никогда не заключаете браков. Так что ты скажи воинам следующее, слушай внимательно:«Мы могли бы сидеть и ждать южного ветра, но я знаю, что вы рветесь в битву с врагом, так что я объявляю соревнование. Каждый клан должен свезти вниз столько тележек, сколько сможет, а мы измерим скорость и лучшим дадим награду!»

— Пусть меня похитят злые духи... — удивленно произнес Стиген.

Трольвен охотно кивнул.

— Традиции кланов позволяют нечто такое...

— Видишь ли, — объяснил ван Рийн, — на Земле мы называем это семантической проблемой. Я стар и у меня одышка, так что я могу равнодушно смотреть все эти бейсболы, футболы и гонки в мешках и знаю, что спорт — это просто вид тяжелого труда, которым ты не обязан заниматься.

Он громко икнул, открыл еще одну бутылку пива, а из сумки вытащил кусок салями. Запасы пищи таяли катастрофически быстрыми темпами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Когда вся экспедиция находилась на полпути вниз по склону Туманных Гор, наконец, появился долгожданный попутный ветер. Воины, запряженные в тележки, облегченно вздохнули и остановились, ожидая Измеряющих время, которые должны были при помощи песочных часов определить победителя.

— Вряд ли все они дали провести себя с этими соревнованиями, — заметила Сандра.

— Конечно, — ответил Вейс. — Однако те, кто был достаточно разумен, чтобы разгадать план старого Ника, понял, что это необходимо, и держал язык за зубами.

Он сжался под резким порывом ветра, который дул с горных склонов в направлении далекой затуманенной зелени холмов и долин, и присмотрелся к работе механиков. Поезд ланнахов состоял примерно из тридцати легких тележек, связанных тросом; в начале и середине поезда находились «локомотивы». Это были прочные тележки, которые несли по две мачты с квадратными парусами. Дерево, твердое, как металл, смазываемые деревянные втулки для колес и крепкий ветер обеспечивали неуклонное продвижение колонны. Достигаемая при этом скорость не была ошеломляющей, и часто нужно было ждать попутного ветра, однако ланнахи не привыкли работать с часами в руках.

— Госпожа, еще не поздно вернуться, — сказал Эрик. — Я организую эскорт.

— Нет. — Она притронулась к луку, сделанному специально для нее. Это была не игрушка: он весил десять фунтов и напоминал тот лук, с которым она охотилась в лесах Гермеса. Сандра гордо подняла голову, а ее светло— серебристые волосы поймали красный свет солнца и отразились в темном зеркале скал и льда. — Мы останемся вместе и, если нужно, вместе умрем! Не подобает владыке оставаться дома, когда другие сражаются!

Ван Рийн откашлялся и буркнул:

— Беда с этой аристократией! Для них главное — продемонстрировать благородство и отвагу, а не разум. Зато я охотно остался бы дома, если бы не нужно было показать, что я доверяю собственным планам.

— А в самом деле вы не доверяете? — скептически поинтересовался Эрик.

— Не болтай глупостей, — фыркнул ван Рийн. — Конечно, нет. — Он проковылял к специально сделанной для него штабной тележке. Там, по крайней мере, были стены, крыша и кровать. Ветер свистел в каменном ущелье, и ван Рийн сопротивлялся ему изо всех сил. Над головами парили, пикируя вниз, эскадры ланнахов.

У Вейса, как и у Сандры, была собственная тележка, но княгиня попросила Эрика, чтобы он ехал вместе с ней.

— Прости меня за эту театральность, Эрик, но мы можем погибнуть, а очень досадно умирать в одиночест-

ве, когда рядом нет человека, который может взять тебя за руку. — Она несколько принужденно засмеялась. — И тут, по крайней мере, мы можем поговорить.

— Боюсь... — он откашлялся, так как горло у него сжало, — боюсь, госпожа, что я не смогу так гладко произносить речи, как Николас ван Рийн.

— Ох, — улыбнулась Сандра. — Я как раз хочу именно разговаривать, а не слушать чьи— то монологи.

Однако, когда тележки двинулись, она замолчала. Молчал и Эрик.

Без часов им трудно было оценить, сколько времени заняло путешествие. В стране ланнахов лето было уже почти в самом разгаре: через каждые двенадцать с половиной часов солнце касалось горизонта на севере, но настоящей ночи не было.

Эрик Вейс смотрел, как мимо них пробегают окрестности, ел, спал, разговаривал с Сандрой или молодым Ангреком, который помогал им, а тем временем окружающая их горная страна все больше переходила в волнистые долины и леса, состоящие из низких деревьев с перьевидными листьями; море же становилось все ближе.

Иногда перегрев оси или встречный ветер приостанавливали движение вперед. В ряды ланнахов вкрадывалось беспокойство; они привыкли к быстрым перелетам с гор к побережью, продолжавшимся от силы один день, а не к кружению над поездом, ползущим, как медленный червяк. Разведчики дракхонов, конечно, высмотрели их с воздуха, и в залив Сагна вошел конвой плотов с сильным подкреплением. Дозоры устраивали стычки с флангами колонны. И несмотря на это, поезда должны были продвигаться вперед.

Манненах лежал на берегу залива Сагна, вдали от открытого моря, и был окружен поросшими лесом взгорьями. Это был мрачный и хмурый комплекс каменных башен, тесно сплетенных цепью туннелей и крытых мостов, с дюжиной больших ветряных мельниц. Манненах располагался на небольшой косе, которую дракхоны расширили. Вдали, на фоне бушующих коричневых волн темнели колышущиеся силуэты нескольких десятков плотов.

Когда поезд остановился, Эрик Вейс выпрыгнул из тележки Сандры. Стрелять было еще не во что: было видно

только несколько остроконечных крыш, торчащих из— за травянистого края находящегося перед ними взгорья. Несмотря на свист ветра, Эрик слышал шум от крыльев дракхонов, взлетающих над городом, кружащихся в воздухе, словно обретший телесную оболочку смерч. Однако в воздухе было густо от ланнахов, и враг еще не решался на немедленную атаку.

Сердце учащенно билось, словно хотело вырваться из груди, а во рту пересохло так, что Эрик не мог подать голос. Словно сквозь туман он заметил, что Сандра спала рядом с ним. Диомеданская охрана под предводительством Ангрека окружила их остроконечным частоколом копий.

Девушка проснулась и улыбнулась.

— Ну что ж, уже легче, — сказала она. — Конец вынужденному сидению без дела. Теперь мы сделаем все, что сможем, правда?

— Неправда! — прохрипел ван Рийн, ковыляя по направлению к ним. Так же, как Эрик и Сандра, он надел шлем и плохо лежащую на нем кирасу из многих слоев твердой кожи, одетую на дурно пахнущую одежду из местных тканей. Для уверенности торговец надел два панциря, один поверх другого; на левом плече у него был щит, а другой, словно защитный экран, над ним держали два молодых воина. За поясом у ван Рийна торчал топорик и множество каменных ножей.

— Если мне удастся, то я ничего не буду делать, черт побери! Вы можете вступать в сражение, а я останусь так далеко в тылу, как только позволят добрые святые.

Эрик обрел дар речи.

— Я часто думал, — язвительно заметил он, — что, может быть, между цивилизованными существами было бы меньше войн, если бы их генералы выходили бы на поле боя, согласно древним обычаям.

— Фи! Ерунда! Войн было бы столько же, только у генералов было бы больше отваги и меньше ума. По моему мнению, трусы — самые лучшие стратеги, это можно легко доказать! Я остаюсь в тележке.

Ван Рийн ушел, бормоча что-то себе под нос.

Вновь созданные подразделения полевой артиллерии Трольвена поспешно выгружали свои неуклюжие орудия

с тележек и монтировали их, в то время как эскадры и воздушные патрули сталкивались вверху. Вейс выругался: наконец-то было что-то для него! — и поспешил к ближайшему центру замешательства.

— Эй, вы там! Назад! Что вы делаете? Эй, ты, войди в тележку и отвяжи главную раму... нет, не то... Вот идиот!

Через некоторое время он почти забыл о битве, которая разгорелась вокруг него.

Гарнизон Манненаха и подкрепления, подошедшие с моря, начали с осторожного прощупывания, применяя только несколько эскадр одновременно; эти эскадры выдвигались к летящим подразделениям ланнахов, чтобы затем отступить к городу. Здесь дракхоны были в значительном меньшинстве; Трольвен правильно рассчитал, что ни один адмирал не решился бы оставить главные силы Флота без достаточно мощного прикрытия, пока ланнахи были еще достаточно грозны. Кроме этого, моряки удивились и немного испугались при виде странных войсковых соединений атакующих.

По крайней мере, половина ланнахов маршировала в шеренгах на земле, прикрытая крышеподобными щитами, которые даже не позволяли им летать! Никто о подобном даже не слышал!

В течение часа обе армии вошли в более тесный боевой контакт. Имея преимущество в воздухе, дракхоны все время пробивали воздушное прикрытие Трольвена. Но тут же строй воздушных сил восстанавливался, координируемый летучими отрядами свистунов. Атаки на пехоту ланнахов не приносили пользы: эти неуклюжие щиты из прутьев задерживали метательные снаряды с заостренными концами, отбивали камни, и налеты с воздуха не причиняли атакующим почти никакого вреда.

Стрелы уже падали густо, когда Эрик, наконец, расставил по местам всю боевую технику. Он кивнул головой свистуну, который немедленно взлетел, чтобы передать известие Трольвену. С командного пункта, где находился Трольвен, вылетела туча посланников. На земле развернулись знамена, ветер понес военные кличи, одним словом, это был сигнал к наступлению.

В окружении охраны Ангрека Эрик хорошо осознавал, что он находится в передней линии наступления. Сандра с полуоткрытым ртом стояла рядом с ним. На обоих флангах растягивались ощетинившиеся копьями шеренги воинов. Казалось, они еще долго не достигнут гребня взгорья.

Один за другим офицеры дракхонов начали понимать, в чем дело. Тут и там раздавались крики изумления.

Невозмутимые подразделения пехоты ланнахов, которые нельзя было победить с воздуха, не встречая сопротивления на земле, медленно переливались через край холма, направляясь к стенам Манненаха, и тянули за собой осадные машины. Когда воины добрались до места, они принялись за дело.

В воздухе бушевал ураган крыльев и оружия. Дракхоны ныряли, рубили и кололи пехоту Трольвена и сами, в свою очередь, оказывались атакованными сверху, когда летучие отряды ланнахов, рассеянные на мгновения, снова возвращались в боевой порядок. Одновременно — трах, трах, трах — тараны ударяли в стены, а пешие отряды обходили город, направляясь к порту.

— Так! Дай ему еще! — Вейс вдруг осознал, что это кричит он сам.

Что-то пролетело через хаос в воздухе. Прошитое стрелами тело ланнаха рухнуло на землю. За ним поспешило другое, живое тело воина— дракхона, с треском рассекающее крыльями воздух. Он летел быстро и низко; один из воинов Ангрека замахнулся на него мечом, промахнулся и упал с головой, разбитой топориком моряка.

Не отдавая себе отчета в том, что произошло, Эрик увидел дракхона перед собой. Он резко замахнулся на него каменным топориком, но удар крылом повалил его на землю. Он опять вскочил на ноги, плюясь кровью, но в этот момент моряк снова оказался над ним в пикирующем полете. Ладони Эрика были пусты... Неожиданно дракхон крикнул, схватился за горло, в котором торчала стрела, упал, скорчился и замер.

Сандра наложила на тетиву новую стрелу и сказала:

— Я же говорила, что могу пригодиться.

— Я... — Эрик Вейс обернулся и посмотрел на нее.

— Иди, — сказала она, — помоги им прорваться. Я буду тебя прикрывать.

Она была бледнее, чем обычно, но в ее глазах горел зеленый огонь.

Эрик снова принял под свое командование саперов. Уже было видно, что атака таранами не привела к успеху: через каменные стены, связанные раствором, они могли пробиваться до следующей весны. Эрик отозвал всех с осадных машин и послал на помощь копающим. Имея в распоряжении много деревянных лопат, или даже голыми руками они стремились прорыть подкоп в город.

Где-то вдалеке раздался такой сильный шум, что он заглушил другие звуки битвы. Вейс прыгнул на раму тарана и поверх голов осмотрелся вокруг.

Группа дракхонов приняла бой на земле. Они не были обучены такой тактике, но и ланнахи сами делали лишь первые шаги в ее освоении. В яростной атаке дракхоны теснили своих противников назад.

Трольвен видел, что в передней линии наступления появилась серьезная брешь.

— Где же, черт возьми, машинное оружие?

Но вот на маленькой подпрыгивающей тележке подвезли орудие. Двое ланнахов начали разгонять колесо, а третий подавал снаряды. Поток смерти понесся на дракхонов. Их наступление захлебнулось и дракхоны начали спасаться бегством в воздух. Эрик схватил Сандру в объятия и пустился с ней в пляс по полю.

Настоящий ад бушевал на крышах города. Отряд Эрика наконец-то докопался до подземного перехода, открывая себе дорогу в город. Оттесняя врага перед собой на верхние этажи и крышу, ланнахи моментально заняли одну башню.

— Ангрек! — Вейс тяжело дышал. — Помоги мне туда добраться! — Кто-то опустил канат, по которому Эрик, а за ним и Сандра забрались наверх. Стоя на коньке крыши, он смотрел поверх каменных парапетов и вращающихся ветряных мельниц в сторону залива. Силы Трольвена заняли пирс безо всяких хлопот. Однако они не могли продвинуться дальше. Их сдерживал непрерывный поток огня, зажигательных бомб, снарядов с катапульт,

находящихся на плотах, стоявших на якоре. Подобное оружие ланахов имело значительно меньший радиус действия.

Сандра отвернулась от ветра, который выдавливал слезы из ее глаз, и показала на что-то.

— Эрик, узнаешь ли ты вон тот флаг на самом большом судне?

— Гм-м-м...дай-ка, я хорошо присмотрюсь... Не личный ли это флаг нашего старого знакомого Дельпа?

— Конечно. Видимо, он избежал наказания за замешательство, которое мы вызвали. Честно говоря, я предпочла бы сражаться с кем-нибудь другим. Это было бы лучше для нас...

— Может быть, — согласился Вейс. — Но сейчас не до рассуждений. Мы уже одной ногой в городе. Теперь мы должны разбить ворота и вытеснить врага метр за метром. Ты останешься здесь!

— Не останусь!

Вейс пальцем подозвал Ангрека и бросил:

— Вышли отряд, чтобы он провел госпожу к тележкам!

— Нет! — крикнула Сандра.

— Слишком поздно, — улыбнулся Эрик. — Я обговорил это еще до того, как мы выступили из Сальменброка.

Она бросила ему проклятие, но потом неожиданно ласково обратилась к нему:

— Возвращайся целым и невредимым, дорогой, — прошептала она едва слышно сквозь свист ветра и военные крики.

Эрик повел солдат внутрь башни.

После он даже не мог вспомнить подробности боя. Это была тяжелая и кровавая битва, которую вели топором и ножом, зубами и когтями, крыльями и хвостом, в узких туннелях и больших залах. Эрик получал удары и отвечал на них; один раз он на несколько секунд потерял сознание, в другой раз провел победное наступление на просторный зал собраний. У него не было клыков, крыльев или хвоста, но свои удары он редко вынужден был повторять, так как был сильнее любого диомеданца.

Ланнахи заняли Манненах потому, что имели больше времени для изучения тактики битвы со стесненными

крыльями. Такая борьба была настолько чужда инстинкту диомеданцев, как для людей борьба со связанными руками, с применением только зубов. Не готовые к этому драккхоны, как крысы, удирали по туннелям в поисках открытого неба.

Через много часов, шатаясь от усталости, Эрик Вейс вскарабкался на плоскую крышу дома на другой стороне улицы. Там сидел Толк, ожидая его.

— Я думаю, что весь город в наших руках, — сказал Вейс.

— Но это еще не победа! — Толк указал на залив. — Посмотри вон туда!

Вейс схватился за парапет, чтобы встать.

Уже не было ни пирса, ни бараков на последней платформе — все окутывал густой черный дым. А плоты и лодки драккхонов собрались на отмелях, создавая нечто вроде моста. По их палубам моряки перетаскивали на берег части катапульт и огнеметов.

— У них хороший командир, — заметил Толк. — Он очень быстро понял, в чем дело; должен сказать, что у наших методов ведения боевых действий есть свои слабости.

— Что Дельп намеревается делать? — прошептал Эрик.

— Подожди немного и сам все увидишь! — усмехнулся герольд. — Мы уже ничего не сможем сделать, чтобы воспрепятствовать ему!

Драккхоны все еще имели преимущество в воздухе. Посматривая на низкое и мрачное небо, заполненное дождевыми тучами, проплывающими над бурным морем цвета бронзы, Эрик Вейс увидел, как драккхоны подлетают, чтобы окружить воздушную охрану ланнахов.

— Видишь, — сказал Толк. — Это правда, что их воздушные силы ничего не могут сделать нашей пехоте, но Дельп понял, что это относится и к противной стороне.

Трольвен был слишком хорошим командиром, чтобы дать захватить себя врасплох. Его летающие солдаты отступали, сражаясь за каждый метр, и через короткое время в воздухе летали только серые перья.

На земле, под прикрытием снарядов, которые метали с плотов по навесной траектории, моряки монтировали подвижную артиллерию. У них ее было больше, чем у

лаппахов, и они были лучшими стрелками. Несколько атак пехоты захлебнулось в кровавом беспорядке.

— Разумеется, у них нет нашего автоматического оружия, — сказал Толк. — Но и у нас его нет в таком количестве, чтобы это могло оказать решающее влияние на ход битвы.

Вейс повернулся в сторону Ангрека, который приблизился к ним, и крикнул:

— Не стой здесь! Сойди вниз, собери наших, возьми катапульты! Может быть, нам удастся что-то сделать!

— Теоретически, да, — Толк кивнул худой головой. — Я понимаю, что солдаты, сражаясь на земле, могли бы передвигаться от укрытия к укрытию, подкрасться к катапультам и огнеметам и топорами выбить их расчеты. Но практически это невозможно осуществить!

— Так что бы ты сделал? — застонал Эрик.

— Сначала подумаем, что произойдет наверняка, — начал Толк. — Мы скорее всего потеряем наши поезда, если их еще не захватили. Я думаю, они будут сожжены. Таким образом, наше снабжение прекратится. Наши силы разделены. Наши воздушные силы рассеяны. Наземные остались здесь. Трольвен не сможет пробиться к нам, потому что он находится в меньшинстве. Мы здесь, в Манненахе, количественно значительно превышаем наших противников. Но с их артиллерией мы не можем мериться силой. Для того же, чтобы продолжать сражаться, мы должны отбросить наши большие щиты и другие новомодные устройства и вернуться к обычной битве в воздухе. Но пехота плохо вооружена для традиционной борьбы. У нас, например, слишком мало лучников. Дельпу будет достаточно только спрятать войско на плотах, под прикрытием огневого оружия, и несмотря на все наше преимущество, мы не сможем до них добраться. Тем временем он держит нас здесь под огнем, отрезанных от пищи и жилья. Дополнительное вооружение, которое произвела наша мельница, бесполезно лежит в Сальменброке. А вскоре, несомненно, подойдут сильные подкрепления Флота.

— К черту все это! — крикнул Вейс. — Мы взяли город, не так ли? Мы можем в нем защищаться до тех пор, пока драккоры не рассыпятся от старости.

— А что мы будем есть все это время? — спросил Толк. — Ты хороший инженер, землянин, но слабый воин. Неопровержимым фактом является, что Дельпу удалось разделить наши силы и тем самым он уже победил. Я предлагаю отступить сейчас, пока мы еще можем это сделать.

Неожиданно его спокойствие исчезло, он съежился, закрыл глаза крыльями, и изумленный Вейс заметил у герольда первые признаки старости.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На палубах продолжались танцы победы, и радостное пение звучало по всему заливу Сагна, отражаясь от окружающих его взгорий. Вверху, внизу, спереди и сзади ноги и крылья сплетались в танце так, что доски трещали. Высоко на мачте игрок добывал высокие звуки из пищалки; внизу большой бубен надсмотрщика, служащий для поддержания темпа работы весел, на этот раз выбивал ритм танца. В кругу фигур, стоящих со сложенными крыльями, мокрой от пота шерстью и блестящими глазами, кружился моряк с женщиной, и сотни глоток гудели песню:

«...Плыть, плыть, плыть по морю Пива!
Полюби меня, родная,
И мы вместе поплывем
На моем плоту...»

Дельп вышел из каюты на корму и посмотрел на экипаж.

— Через шестьдесят декад состав Флота значительно увеличится, — засмеялся он.

Родонис крепко держала его за руку.

— Я хотела бы... — начала она.

— Да?

— Иногда... да нет, ничего...

Танцующая пара вспорхнула вверх, и ее место на палубе тут же заняла следующая. Доски затрещали под очередной бочкой пива, выставленной в знак победы.

— Иногда я хотела бы быть такой, как они, — наконец закончила Родонис.

— И жить в форкастеле? — сухо поинтересовался Дельп.

— Ну нет, конечно же, нет...

— За отдельную каюту, слуг, красивую одежду и свободное время нужно платить соответствующую цену, — сказал Дельп. Его глаза поблекли. — Как раз сейчас я буду платить очередной взнос.

Он коснулся хвостом стены, распростер крылья и ударил ими, поднимаясь в воздух. Дюжина вооруженных воинов поспешила за ним. Взгляд Родонис тоже.

Плоты дракхонов тесно сбились под потрескавшимися стенами Манненаха; следы битвы еще не были убраны, потому что моряки спешили отпраздновать тяжело завоеванную победу. Только профессиональные солдаты остались на страже, поскольку никого нельзя было преждевременно предупреждать о возможности нападения. На форкастеле хвалились, что моряк Флота, пьяный, с женщиной на коленях победит трех солдат любой другой расы, будь они даже трезвыми.

Летя над спокойными водами под высоким безоблачным небом, Дельп раздумывал над значением такого хвастовства для морального облика Флота и сопоставлял его с суровой действительностью... Ланнахи сражались, как дьяволы, дракхоны еще победили в этот раз...

Внизу оказалась группа лодок. На одной мачте, украшенной гирляндами, развевался флаг Адмирала. Теонакс прибыл сам, вместо того, чтобы вызвать Дельпа к себе. Это могло означать, что он хочет забыть старые распри. Родонис не хотела говорить мужу, что произошло между ней и Теонаксом, и Дельп не заставлял ее делать это; однако было очевидно, что она чем-то вынудила наследника трона вынести оправдательный приговор. Более правдоподобным казалось, что новый Адмирал прибыл для того, чтобы присмотреть за этим ненадежным капитаном, который превратил в большую победу невыполненное задание

удержать гарнизон в городе. Иногда случалось, что командир, пользующийся уважением, поднимал флаг бунта и пытался стать Адмиралом.

Дельп, который не питал уважения к Теонаксу, но чтил его должность, чувствовал себя обиженным таким подозрением.

Он приземлился, как ему было указано, на противовесе лодки и ждал, когда на палубе зазвучит рев приветствия. Ожидание длилось дольше, чем нужно. Подавляя гнев, Дельп перелетел на палубу лодки и упал лицом вниз.

— Встань, — сказал Теонакс безразличным тоном. — Мои поздравления по случаю победы. Ты хотел со мной говорить? — Он едва сдерживал показную зевоту. — Можешь сейчас...

Дельп посмотрел на сгрудившихся вокруг офицеров, солдат и моряков.

— Если Адмирал позволит, я хотел бы поговорить с ним отдельно, только в присутствии самых приближенных офицеров, — сказал он.

— Ах, так? Ты считаешь, что то, что ты хочешь сказать, настолько важно? — Теонакс толкнул молодого офицера, стоящего рядом, и многозначительно подмигнул.

Дельп распростер крылья, затем вспомнил, где находится, и медленно кивнул. Он держал голову так прямо, что у него заболела шея.

— Да, господин, я так считаю, — выдавил он из себя.

— Хорошо... — Теонакс неспешно направился в сторону каюты.

Она была достаточно обширна, чтобы вместить четверых человек, но внутрь вошли только они вдвоем, а также молодой фаворит, который улегся на полу и со скучающим видом закрыл глаза.

— Адмирал не хочет, чтобы присутствовали советники? — спросил Дельп.

Теонакс улыбнулся.

— А ты сам, капитан, разве не имеешь намерения давать мне советы?

Дельп медленно посчитал до двадцати, разжал стиснутые челюсти и заговорил:

— Как Адмирал пожелает. Я думал о нашей новой стратегии, и эта битва меня немного испугала...

— Я не знал, что тебя может что-то испугать.

— Адмирал, я... Впрочем неважно! Прими во внимание, господин, что враг был очень близок к тому, чтобы победить нас. Они заняли город. Мы перехватили их оружие, которое является таким же хорошим, как и наше, или даже лучшим, в том числе несколько устройств, о которых я никогда не слышал... Оружия было на удивление много, принимая во внимание то, как мало у них было времени, чтобы сделать все это. Кроме того, эта их проклятая тактика сражения на земле... Не как временное действие, например, при захвате плота, но главная тактика боевых действий! Единственная причина, из-за которой они проиграли, это недостаточная координация между силами на земле и в воздухе, а также неподготовленность к возможному изменению обстановки. Они не были готовы моментально отбросить щиты и перейти к сражению в воздухе организованными эскадрами. Но, если мы дадим им шанс, они исправят эту ошибку...

Теонакс провел когтями по шерсти на плече и хмыкнул.

— Не люблю пораженчества, — сказал он.

— Адмирал! Я стараюсь избежать недооценки противника. Ясно, что свои новые идеи они почерпнули от землян. Но что они еще могут получить от них?

— Гм-м-м... Да... — Теонакс поднял голову. На мгновение в его глазах появилось выражение неуверенности. — И что ты предлагаешь?

— Сейчас они рассеяны, — начал Дельп с растущим энтузиазмом. — Я уверен, что неудача повлияла на них деморализующе. И к тому же они потеряли все свое тяжелое оборудование. Если мы сейчас не дадим им опомниться, то война может закончиться. Прежде всего мы должны нанести решающее поражение всей их армии. Тогда они будут вынуждены уступить и отдать нам эту страну, иначе они полностью вымрут, как насекомые, когда придет их время рождений.

— Да... — Теонакс с удовлетворением улыбнулся. — Как насекомые. Как грязные, паршивые насекомые. Мы не позволим им улететь, капитан.

— Они заслуживают того, чтобы мы им дали шанс, — запротестовал Дельп.

— Это дело высокой политики, капитан, и это буду решать я.

— Прости, господин, — произнес Дельп. — Адмирал, — добавил он через мгновение, — не отдашь ли ты часть войск под мое командование с приказом атаковать ланнахов?

— Ты же не знаешь, где они сейчас находятся!

— Они могут быть где угодно в горах, господин. У нас есть пленные, которых можно заставить указать нам путь и снабдить нужными сведениями. Разведка утверждает, что ставка ланнахов находится в месте, известном под названием Сальменброк. Хотя... они могли исчезнуть куда угодно... даже провалиться сквозь землю. — Дельп вздогнул. Его мир состоял из отдельных островов и плоского горизонта на море: склоны гор наполняли его ужасом. — Местность дает множество укрытий. Думаю, наша атака не будет легкой...

— Как ты предлагаешь ее провести? — ворчливо спросил Теонакс. Ему не нравилось, что во время торжеств, во время победы и обильного пира ему напоминали, что впереди еще много жертв, которые должны были быть понесены в этой войне.

— Нужно вынудить их выступить в открытой битве, господин. Я хотел бы взять наши главные силы, а также несколько местных проводников, которых я заставлю оказать нам помощь, и отправиться от города к городу туда, наверх, сравнивая с землей все, что нам попадется, сжигая леса и убивая животных. Не дать им возможности добывать пищу для женщин и детей. Рано или поздно они вынуждены будут выступить против нас. И тогда я добьюсь победы над ними!

— Понимаю, — кивнул Теонакс. — А если они победят тебя? — тут же добавил он с усмешкой.

— Это невозможно!

— В священных письменах написано: «Путеводная Звезда светит не только одному избранному народу!»

— Адмирал знает, что война всегда несет в себе какой-то риск. Но я убежден, что мой план гораздо безопаснее, чем ждать здесь, внизу, пока земляне выдумают какую-то новую чертовщину.

Палец Теонакса ткнул в Дельпа.

— Не беспокойся! Ты забыл, что у них скоро кончится еда? Мы можем не принимать их во внимание.

— Я думаю...

— Молчать! — визгливо крикнул Теонакс. — Не забывай, что твои огромные экспедиционные силы оставят Флот без соответствующей защиты. А без Флота, без пилотов мы пропали.

— Ах, господин! Не опасайся атаки... — начал с оживлением Дельп.

— Что? Опасаться? — напыжился Теонакс. — Капитан, ты забываешь, что сомнение в компетентности Адмирала — государственная измена!

— Я не имел в виду...

— Я не буду делать из этого выводов, — спокойно произнес Теонакс. — Однако или ты полностью покоришься, моля о пощаде, или вон отсюда!

Дельп поднялся. Его губы приоткрылись, показав клыки: расовый инстинкт, берущий начало у диких предков, призывал его разорвать глотку противнику. Теонакс сжался, готовый позвать на помощь.

Очень медленно Дельп овладел собой. Через мгновение он направился было уже к выходу, но тут остановился, сжав кулаки, и пленка на его крыльях явственно набухла от прилива крови.

— Ну же, — улыбнулся Теонакс.

Словно испорченный механизм, Дельп упал на живот.

— Я унижаюсь, — пробормотал он. — Я съедаю твои отходы, господин. Я заявляю, что мои отцы были невольниками твоими. Как рыба в сети, ловя воздух, я умоляю тебя о прощении.

Теонакс упивался каждым словом. Дополнительное удовольствие приносило ему сознание того, что Дельп так ловко дал поймать себя в ловушку между своей гордостью и желанием служить Флоту.

— Очень хорошо, капитан, — сказал Адмирал, когда церемония завершилась. — Благодари меня за то, что я не потребовал твоего унижения в присутствии всех. Теперь я хочу слышать, что ты хочешь сказать. Мне кажет-

ся, что ты говорил что-то об обеспечении прикрытия плотов.

— Да, господин. Я говорил, что плоты могут не опасаться врага.

— В самом деле? Они действительно находятся в открытом море, но не так далеко, чтобы до них нельзя было долететь в течение нескольких часов. Что удержит армию Стада от того, чтобы собраться в горах, о чем ты не будешь знать, и атаковать плоты, прежде чем ты сумеешь прийти к нам на помощь?

— Как бы я желал этого, господин. — К Дельпу немного вернулся энтузиазм. — К сожалению, их командиры не так глупы. Никогда в истории морских войн воздушные силы не были в состоянии победить Флот без поддержки с воды. Самое большее, что они могут сделать, это с огромными потерями занять один или два плота... на определенное время... как во время того налета, когда они унесли землян. Другие суда подойдут и отгонят их. Видишь ли, господин, те, кто находится в воздухе, не могут пользоваться военными машинами: катапультами, огнеметами и так далее, которые сами по себе способны уничтожить морские силы. И одновременно экипажи плотов могут стоять под прикрытием и стрелять вверх, поражая нападающих, сколько душе будет угодно.

— Ну что ж, верно, — кивнул Теонакс. — Все это так очевидно, что повторение этого было бы для меня потерей времени. Однако я понимаю, что, по твоему мнению, небольшой группы стражников будет достаточно, чтобы сдержать любую атаку ланнахов.

— Если нам повезет, мы свяжем врага битвой на море, пока не прилечу я с главными силами. Но, как я уже сказал, господин, они наверняка достаточно разумны, чтобы воздержаться от таких действий...

— Ты строишь слишком смелые предположения, капитан, — буркнув, перебил Дельпа Теонакс. — Ты не только предполагаешь, что я отпущу тебя в горы, но даже думаешь, что я вручу тебе командование главными силами?

Дельп склонил голову и опустил крылья.

— Прости, господин, — пробормотал он.

— Я думаю, что будет лучше всего, если ты останешься в Маннеиахе вместе со своей флотилией.

— Как Адмирал пожелает. И все же, господин, не хочешь ли ты все-таки обсудить мой план?

— Пусть тебя сожрет Акхан! — рявкнул Теонакс. — Ты хорошо знаешь, что мне не за что тебя любить, но твой план хорош, и ты сам лучше всего претворишь его в жизнь. Я назначаю тебя командующим экспедиционными силами.

Дельп имел такой вид, будто только что был поражен молнией.

— А теперь убирайся! — приказал Теонакс. — Официальное совещание мы проведем позже.

— Я благодарю моего господина...

— Убирайся, я сказал!

Когда Дельп вышел, Теонакс обратился к своему фавориту.

— Не беспокойся, — усмехнулся он. — Я знаю, о чем ты думаешь. Этот солдат выиграет свою кампанию и станет еще популярнее, а значит, со временем ему в голову может прийти мысль о посягательстве на трон Адмирала, так?

— Я только задумываюсь, как мой господин собирается избежать этого, — прошептал дворянин.

— Что может быть проще, — засмеялся Теонакс. — Я знаю такие характеры. Пока продолжается война, с его стороны можно не ожидать никаких предосудительных поступков. Так что пускай пока повоюет. Он победит этих ланнахов, в этом нет сомнений, уж очень ему этого хочется. Потом он отправится в погоню за оставшимися в живых, чтобы довершить дело. И во время этой погони какая-нибудь шальная стрела окажется очень кстати. Такие вещи, к сожалению, случаются. Да!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Густая атмосфера Диомеда поднимала частицы пыли — центры конденсации воды — в более высокие и холодные слои. Поэтому на планете было большее количество разного рода осадков, чем на Земле. Когда небо было чистым, звезд все равно было видно меньше, а в облачные ночи кругом стоял непроницаемый мрак.

Туман через каменистые долины и высокое солнце Полного Лета перешел в холодный сумрак. Толпы ланнахов, расположившихся вокруг Сальменброка, роптали от голода и отсутствия надежды. Само солнце отвернулось от них!

Не горел ни один костер, так как все топливо в округе было уже сожжено. Все срединные земли были уже лишены зверья, несозревших посевов, даже червей и насекомых не было, так как и они исчезли в желудках полчищ воинов.

Теперь, в этой страшной темноте, истекающей влажностью, существовал только ветер и быстрые воды, бегущие среди ледников... а также гора Оборх, извергающая клубы дыма из глубин земли.

Трольвен и Толк оставили позади отчаявшихся предводителей кланов и пошли вверх по узкой тропинке, закрытой туманом, к мельнице, в которой работали земляне.

Только здесь, как казалось, жизнь продолжалась — огонь пылал, вода из резервуара текла по желобам, заставляя вращаться колеса, брошенные ветром; в мерцающем свете лампадок было видно только движение — тарахтение токарных станков и удары молотов. Сверхчеловеческими усилиями Николас ван Рийн подавил горькие протесты людей Ангрека, и фабрика работала дальше.

— Зачем? — подумал Трольвен. Мысли его были серыми, как тот туман, который клубился вокруг.

Ван Рийн лично поприветствовал их у двери, скрестив на груди мощные руки.

— Как дела, друзья? — спросил он. — Здесь все идет нормально, вскоре артиллерия будет готова.

— На что она нам? — автоматически спросил Трольвен, но тут же поправился: — Конечно, у нас тогда будет возможность сделать Сальменброк неприступным, что означает, что мы сможем здесь окопаться и защищаться от врага, пока не умрем от голода.

— Не говори мне о голоде, — ван Рийн засунул руку в сумку, выудил оттуда кусок сухого сыра и с грустью осмотрел его. — Подумать только, что совсем недавно это был сочный и вкусный швейцарский сыр. Теперь я не дал бы его и крысам. — Тем не менее, он впихнул кусок себе в рот и, скривившись, начал жевать. — Мои проблемы с наполнением желудка более серьезны, чем ваши. Во-первых, высокая температура кипения воды приводит к тому, что кухня на этой планете отвратительна. Повара не имеют понятия о регулировании температуры. Во-вторых, ваши носильщики несли меня весь этот путь от Манненаха только для того, чтобы я сейчас мог умереть с голода, да?

— Нет, — покачал головой Толк. — Он и его друзья приложили все старания, Предводитель Стада, — обратился он к Трольвену.

— Прости меня, — вожак кивнул толстому землянину. — Видишь ли, только что пришло известие, что дракхоны уничтожили Эйсельдрас.

— Этот покинутый город?

— Священный город! Они осмелились поджечь лес вокруг него! — Трольвен напрягся. — Так дальше продолжаться не может! — продолжал он. — Через какое-то время эта страна будет так опустошена, что даже если мы и победим, она не прокормит нас. А это означает...

— Я думаю, что вы еще можете пожертвовать парочкой лесов, — махнул рукой ван Рийн. — Это не слишком перенаселенные края.

— Послушай-ка, — жестко произнес Трольвен. — До сих пор я спокойно переносил твое поведение. Я согласен, что ты в принципе прав: выступив всей нашей мощью в решительной битве с врагом, мы рискуем потерпеть окончательное поражение. Но бездеятельно сидеть здесь,

предпринимая всего несколько партизанских вылазок против выдвинутых вперед постов врага, в то время, когда он уничтожает весь наш народ! Это верная дорога к гибели!

— Нужно было время, — покачал головой ван Рийн. — Время для того, чтобы восполнить то, что мы потеряли в Манненахе и на то, чтобы создать новое вооружение.

— Зачем? То, что вы наизобретали, нельзя переносить иначе, как с использованием большого каравана. И, что самое плохое, этот сукин сын Дельп, будто бы зная это, уничтожил дорогу!

— Тут ты не прав, Троль, — усмехнулся ван Рийн. — Мой молодой друг Эрик немного переделал это вооружение. Сейчас оно разбирается, и его можно будет транспортировать при помощи женщин и детей, которые будут нести всего по одной или по две части...

— Я знаю об этом, — прервал его вождь. — Ты уже объяснял это раньше. Но я продолжаю повторять: против кого мы его употребим? Если мы поставим его в каком-то определенном месте, дракхонам будет достаточно избегать этого места. А мы не можем долго оставаться в каком-то районе, так как толпы наших солдат объедят его до голой земли. — Трольвен набрал в грудь воздуха: — Я прибыл сюда не для того, чтобы препираться с тобой, землянин. Я прибыл с посланием Верховного Совета Ланнаха, в котором сказано, что пища в Сальменброке на исходе так же, как и терпение войска. Мы должны, нет, мы обязаны дать сражение!

— Конечно, надо дать сражение, — невозмутимо кивнул толстяк. — А пока что я хотел бы поговорить с этими вашими надутыми членами Совета.

Он просунул голову в помещение:

— Эрик, мальчик мой, будет лучше всего, если ты немедленно начнешь упаковывать то, что у нас уже есть. Скоро это нужно будет переносить.

— Я понял! — донесся до стоящих снаружи ответ.

— Вот и хорошо. Ты здесь работай, а я немного займусь политикой, чтобы все это хорошо пошло. — Ван Рийн потер волосатые руки, усмехнулся и отправился с Толком и Трольвеном, шаркая ногами, очевидно, для того, чтобы показать свою страшную усталость.

Эрик вышел и смотрел ван Рийну вслед даже тогда, когда тот исчез в стене тумана.

— Да... — наконец прошептал он. — Так всегда. Мы делаем, а он болтает. Да здравствует равенство!

— Что ты имеешь в виду? — Сандра отошла от стола, возле которого работала, и подошла к нему.

— То, что говорю. Я вот думаю, почему я еще не сказал ему это прямо в лицо. Я не боюсь этого жирного паразита и не нуждаюсь в его дерьмовом жаловании!

Эрик махнул рукой на мельницу и на рабочее оживление ланнахов, царящее вокруг него.

— Он говорит — сделай это, сделай то, а сам идет на прогулку. Когда я думаю о том, как он обжирается едой, которая нужна тебе, госпожа, для того, чтобы выжить...

— Разве ты не понимаешь? — Сандра продолжительно посмотрела на юношу. — Нет, я думаю, что ты слишком занят все это время, чтобы спокойно все обсудить. А до этого тебе поручали мелкие задания и ты не познал искусства управления, разве не так?

— Что ты имеешь в виду? — повторил он за ней, как эхо, и посмотрел на Сандру потускневшим взором, затянутым туманом усталости.

— Может быть, ты поймешь это позже. Сейчас мы должны спешить. Вскоре мы выйдем из города, и все должно быть готово для пути.

На этот раз она нашла себе занятие на те десять или пятнадцать земных дней, которые прошли со времени битвы за Манненах. Ван Рийн требовал, чтобы все дополнительное снаряжение, которое не взяли на битву из-за нехватки места, было приспособлено к воздушной перевозке. Это требовало определенных изменений, таким образом, чтобы большие элементы из дерева можно было разделить на меньшие и потом складывать их, когда нужно. Вейс этого достиг. Однако в месте назначения возник бы хаос, если бы не было возможности идентификации каждой части. Сандра разработала систему обозначений и теперь наносила их кисточкой.

Ни у нее, ни у Эрика Вейса не было времени на длительный сон. Они даже не были в состоянии вдуматься глубже в то, на что пригодится их труд.

— Старый Ник говорил что-то о нападении на сам Флот... — буркнул Эрик. — Он что, в своем уме? Неужели мы должны садиться на воду и там монтировать катапульты?

— Может быть, — пожала плечами Сандра. Ее голос был равнодушен. — Меня это уже не так беспокоит. Вскоре все должно решиться, так как у нас осталось пищи только на четыре земных недели или даже немного меньше.

— Мы можем прожить, по крайней мере, два месяца, вообще не принимая пищи, — сказал Эрик.

— Но мы слабеем... — Сандра опустила взгляд. — Эрик...

— Да? — он отошел от дисковой пилы с обсидиановыми зубьями, приводимой в движение ветряком, и склонился над Сандрой. Слабый свет плошки отражался в каплях росы, собравшихся в ее волосах и сверкающих теперь, словно драгоценные камни.

— Вскоре мой вклад в работу уже не будет иметь значения... Работа будет тяжелой, требующей сил и умения, которых у меня нет... Разве что сражение, в котором я была бы еще одной лучницей, и то не слишком умелой. — Ее руки побелели, так сильно она сжала пальцы. — Так что, когда придет пора, я уже не буду есть. Ты и Николас можете поделить мою пищу между собой.

— Не глупи! — не выдержал Эрик.

Она выпрямилась и отвернулась, сверкнув по его лицу гневным взглядом. Ее бледные щеки покраснели.

— Это ты не будь глупцом, Эрик Вейс! — произнесла она. — Если я смогу обеспечить тебе и ему дополнительную неделю работы полными силами, чтобы голод не мутил вам мысли, тогда я, быть может, спасу и себя. А если нет, то я потеряю только одну или две недели, не имеющие никакого значения. А сейчас возвращайся к машине!

Он мгновение смотрел на нее, и сердце стучало в его груди. Потом кивнул и вернулся к работе.

Ван Рийн, непрерывно ругаясь, продвигался по тропинке вниз, к открытому месту, покрытому острой травой, где на краю скалы собрался Совет.

Старейшины ланнахов сидели, словно группа сфинксов на фоне серого неба, и ожидали землянина. Трольвен стоял во главе двойной шеренги ланнахов. Толк же остался рядом с землянином.

— Мы собрались здесь во имя Наимудрейшего, — церемониально произнес вождь. — Пусть солнце и луны осветят наш разум. Пусть духи наших праматерей дадут нам свои советы. Да не покрою я позором тех, кто жил до меня, и тех, кто придет после меня. — Он несколько расслабился. — Итак, мои офицеры, было решено, что мы не можем здесь больше оставаться. Я привел сюда землянина, чтобы он посоветовал нам. Желаете ли вы объяснить ему, как обстоят дела?

Один из ланнахов, исхудавший старик с гневными глазами, напряг крылья.

— Во-первых, Предводитель Стада, почему он вообще здесь находится? — со злостью фыркнул он.

— По приглашению Предводителя, — объяснил Толк.

— Герольд, не лови меня на слове! Ты знаешь, что я имел в виду. Экспедиция на Манненах была предпринята по его предложению. Она принесла нам самое страшное поражение в истории. С этого времени он требует, чтобы наши главные силы оставались тут в бездеятельности, в то время как враг опустошает беззащитный край. Я не вижу, почему мы должны выслушивать его советы!

В глазах Трольвена мелькнуло беспокойство.

— Есть ли еще какие-то возражения? — спросил он тихо.

Ропот возбуждения пронесся вдоль шеренг.

— Да... да... Пусть ответит, если сможет...

Ван Рийн побагровел и начал надуваться, словно жаба.

— Землянин, ты стоишь перед лицом Совета, — сказал Трольвен. — Что ты ответишь?

Он сел в ожидании, как и другие.

И тут ван Рийн взорвался.

— Ад и дьяволы! Во имя всех жалких грешников, поджаривающихся в аду! Как долго я должен выносить ваши издевательства, тупые неблагодарные личности? О ты, который там, наверху, сколькими еще бюрократами и умничающими офицериками ты населил эту Вселенную?..

Он погрозил небу кулаком и продолжал рычать дальше.

— Во имя Сатаны и Адского огня! Это просто невыносимо! Если вы намереваетесь совершить коллективное самоубийство, то зачем бедный старый ван Рийн должен постоянно вас от этого удерживать? Или вы перестанете меня оскорблять, или я вам всем заткну глотки!..

Он двинулся к ним, словно шагающая гора, рыча от переполнявшего его гнева. Ближайшие члены Совета поспешно отодвинулись.

— Землянин... офицер... господин... прошу тебя! — нерешительно проговорил Толк.

Когда ван Рийн решил, что произвел достаточное впечатление, тон его излияний несколько смягчился.

— Ладно, черт с вами. Я вам дам кое-какие полезные советы... Хотя я и прежде давал вам отличные советы, а вы все портите и еще сваливаете вину на меня. Но я бедный и терпеливый старик, не такой, каким я был в молодости, нет, я выношу это с христианской покорностью и продолжаю давать вам добрые советы. И я предупреждал вас, — продолжал он, — да, да, предупреждал, не атакуйте сначала Манненах. Я предупреждал — говорю это еще раз! Я говорил, что там плоты подойдут под самые стены, а плоты составляют мощь Флота. Так вот, упал я на свои бедные коленки, вымаливая милость и умоляя вас, чтобы сначала главные города на высотах. Но нет, вы не хотели меня слушать. И, несмотря на это, мы итак заняли Манненах, но победа наша пропала зря. Ах, если бы у меня были такие ангельские крылья, я сам бы повел вас! Я возвещал бы сейчас о победе пением на мачте адмиральского плота, клянусь митрой святого Николая. И поэтому с этих пор вы будете слушать мои советы; нет, черт возьми, мои приказы! Никаких возражений с вашей стороны, или я умываю руки и сам доберусь домой. С этого момента, если вы хотите остаться в живых, то когда старый ван Рийн крикнет «джамп»*1, вы должны прыгать! Понятно?

---

1 «Джамп» — команда в воздушно-десантных войсках армии США. По этой команде солдаты должны как можно выше подпрыгнуть.

Он остановился. Он слышал свое астматическое дыхание, а также ропот неудовольствия, доносившийся из лагеря, плеск воды о скалы чужого мира... и ничего больше.

Слово взял Трольвен.

— Если, — начал он тихим голосом, — мы решим, что землянин дал ответ на вызов, мы можем перейти к делу.

Никто не отозвался.

— Хочет ли землянин вновь взять слово? — спросил Толк. Он один сохранил хладнокровие, с критическим удовлетворением наблюдая прекрасное актерское мастерство толстяка-землянина.

— Да! — вскричал ван Рийн. — Я сам знаю, что мы можем, а что не можем! Так вот знайте, что мы в самом деле не можем остаться здесь! И тогда вы справедливо можете спросить, почему же тогда я за то, чтобы держать здесь, как на привязи, позволяя этому негодяю Дельпу делать все, что заблагорассудится! — Ван Рийн начал отсчитывать на пальцах: — Во-первых, непосредственная атака была бы ему на руку; вероятнее всего, он победил бы нас, поскольку его войска более многочисленны и не так изнурены голодом, к тому же сам ход кампании значительно поднял их моральный дух. Во-вторых, он не подойдет к Сальменброку, пока мы здесь находимся, потому что здесь мы могли бы его побить. Оставаясь на месте, войско дало мне возможность закончить перевооружение. У нас появилась артиллерия. В-третьих, я надеюсь, что из-за этой проволочки, во время которой работала мельница, я получил шанс на победу.

— Что?! — вырвался крик из глоток членов Совета, забывших о церемониале.

— Ага! — Ван Рийн прикоснулся указательным пальцем к своему импозантному носу и подмигнул. — Я говорю вам — увидим! Может быть, сейчас вы думаете, что я дряхлый старик, которому следует угасать в постели со стаканом горячего грога и сигарой в руке? Так вот знайте — я торговец из Галасоциотехнической Лиги, и это вам не что попало! Поняли? Вот и хорошо. Я предлагаю всем уйти отсюда и направиться на север.

Поднялся ужасный переполох. Ван Рийн терпеливо ждал, пока все утихнет.

— Спокойствие! — крикнул Трольвен. — Тихо! — Он ударил хвостом о землю. — Смирно, офицеры! Землянин, мы уже говорили о том, чтобы навсегда покинуть Ланнах, впрочем мы говорим об этом все чаще, по мере того, как дух в народе падает. Мы все еще могли бы добраться до болот Килну и пробыть там какое-то время, чтобы спасти большинство наших женщин и детей в Пору Рождения. Но это означает, что мы должны бросить наши города, поля и леса, все, что у нас осталось, все, что наши предки добыли тяжелым изнурительным трудом на протяжении сотен лет. Это означает также, что нам грозит чудовищное одичание, жизнь в темных джунглях, эпидемии, жалкое существование... Я скорее желал бы погибнуть в битве, чем выбрать такую жизнь! — Он набрал воздух в легкие. — Но Килну, по крайней мере, находится на юге. На север от Ахана — лед!

— Совершенно верно, — подтвердил ван Рийн.

— Так что, мы должны умереть от голода и холода на ледниках Даврнаха? Ближе, чем там, мы не можем приземлиться, потому что разведчики Флота заметят нас в любом месте Хольменаха. Пожалуй, мы должны вступить в нашу последнюю битву на архипелаге!

— Нет! — загремел опять ван Рийн. — Нужно пробраться в этот Даврнах! Мы возьмем второй завтрак... то есть пищу где-то дней на десять, топливо и оружие...

— Зачем? Ты предлагаешь, чтобы мы атаковали Флот с севера? Это будет атака оттуда, откуда противник не ожидает, согласен. Но должен сказать, что это будет безнадежная атака!

— Неожиданность необходима для моего плана, — произнес ван Рийн. — Но солдатам ничего говорить нельзя! Представьте, если хотя бы одного из них схватят в какой-то стычке. Они же могут заставить его сказать все, что он знает. Мне жаль, что я изложил свой план даже вам!

— Довольно! — крикнул Трольвен. — Ты еще не рассказал нам суть своего плана! Хотя все равно из него ничего не выйдет. Может быть, технически такое и выполнимо, но политически — невозможно.

— Снова политика! — застонал ван Рийн. — В чем дело на этот раз?

— В людях! Воины, женщины, дети и все остальные — весь народ должен отправиться в Даврнах; им нужно сказать, зачем мы туда летим. А ведь весь этот план, как ты сам говоришь, ни на что не будет годен, если хотя бы один человек попадется в руки врага и под пыткой скажет все, что знает.

— Но он и не должен ничего знать, — пожал плечами толстяк. — Единственное, что можно довести до их сведения, так это то, что они должны набрать немного пищи и дров, чтобы взять с собой. И еще — надо будет сказать, что потом мы перенесем все это в какое-то другое место, а вот в какое, не скажем.

— Мы не дракхоны! — гневно произнес Трольвен. — Мы свободный народ. Я не имею права принимать столь важные решения, не вынося их на голосование всего народа.

— Гм... Может быть, ты мог бы с ними поговорить? — Ван Рийн дернул себя за усы. — Произнеси им речь. Уговори их, чтобы они отказались от своего права на осведомленность и принятие решения. Уговори их, чтобы они пошли за тобой, не задавая вопросов.

— Нет! — покачал головой Толк... — Я специалист в искусстве уговоров и знаю границы этого искусства. Сейчас мы уже имеем дело не со Стадом, а скорее с толпой — замерзшей, голодной, без тени надежды, без веры в руководство, готовой отдать все, только чтобы ринуться в бой и победить или умереть. Им не хватит силы духа, чтобы пойти за кем бы то ни было в поход за неизвестным.

— Дух можно закалить, — сказал ван Рийн. — И я это попробую.

— Ты?!

— Я не так плох в речах, когда нужно. Я обращусь к ним!

— Они... они... — Толк смотрел на землянина с изумлением. Потом он засмеялся, но в этом смехе зазвучала ирония.

— Пусть будет так, — решил Предводитель Стада. — Мы послушаем, какие слова найдет землянин, слова, которые будут лучше наших.

А часом позже он сидел на краю обрыва, видя перед собой народ Ланнаха и слушал бас ван Рийна, который прорывался сквозь туман, словно раскаты грома.

— Итак, я говорю: взвесьте то, что вы имеете и что у вас могут отобрать:

«...О! Этот трон королей,
Царственный остров,
Величие Земли,
Второй Эдем, частица рая,
Твердыня,
Которую природа сама себе
Воздвигла заслоном от зла
И военных набегов,
О ты, народ счастливый...»**2

— Ничего не понимаю, — шепнул Толк.

— Успокойся! — ответил Трольвен. — Дай послушать. — В глазах вождя появились слезы, он весь дрожал.

«...Блаженный сад, жемчужина,
О ты, Ланнах...»

Солдаты захлопали крыльями, и из недр их грудных клеток вырвался мощный гортанный вопль.

Ван Рийн продолжал свою речь соответствующе переработанными фрагментами погребальной речи Перикла и речи Линкольна в Геттисберге. Когда он закончил, то, если бы захотел, мог бы стать верховным вождем ланнахов.

---

2 Николас ван Рийн начал свою речь фрагментом «Ричарда III», адаптировав его соответствующим образом.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Остров, называемый Даврнахом, находился далеко за пределами архипелага, в нескольких сотнях километров севернее Ланнаха. Несмотря на скорость полета Стада, прерываемого только короткими привалами на скалистых островках, дорога к месту назначения заняла несколько земных дней и представляла собой кошмар для людей, которых несли в транспортных сетках. Позже Эрик вспоминал это путешествие словно сквозь туман.

Когда он оказался на берегу острова, являвшегося целью их перелета, то едва держался на ногах, и первым чувством, которое он испытал, было чувство огромного облегчения.

Лето и здесь было в разгаре, но несмотря на это, север был севером — воздух был наполнен небольшим морозцем, и Эрик начал понимать, почему Толк говорил, что никто никогда не пытался поселиться здесь. Острова Хольменах изменяли направление холодного течения океана к северу, к морю Ледовых гор, и эти холодные воды омывали Даврнах.

И вот Стадо, крыло за крылом опускаясь с неба, достигло цели своего путешествия: омываемых тяжелыми и темными приливами черных песков, взбирающихся вверх через вечные льды к пылающей глотке вулкана.

Тонкие и прямые деревья попадались тут и там в нижней части склона, между островками зарослей; морские птицы ныряли за чем-то съестным в холодные воды океана; солнце за тучами отбрасывало на землю отблески цвета засохшей крови.

Сандра дрожала. Вейс с ужасом заметил, как она похудела. А теперь, когда они уже добрались сюда, в последней фазе усилия, а может быть, и жизни, это ее решение ничего не есть...

Эрик увидел, что она еще теснее завернулась в вонючую куртку из ткани, сделанной ланнахами. Ветер подхватил ее волосы и разметал в воздухе на фоне

вулканических скал. Вокруг нее около десяти тысяч ланнахов сидели на земле, ходили, крутились и хлопали крыльями; хрип и свист нечеловеческой речи, грохот бьющих по воздуху перепончатых крыльев заглушали пустой стон ветра. Когда Сандра протерла глаза трогательным жестом маленького ребенка, Эрик Вейс отметил про себя, что ее некогда красивые руки были растерты до крови в тех местах, где прикасались к сетке; он заметил также, что Сандра валится с ног от усталости.

Эрик почувствовал, что его сердце забилось сильнее, и непроизвольно направился к ней. Но первым около девушки оказался Николас Ван Рийн, жирный и грязный, издавая крики утешения.

— Ничего, ничего, моя девочка, мы-таки добрались сюда и скоро, очень скоро я заберу вас домой, в ванну с горячей водой! Клянусь святым Дисмасом, я сделаю это!

Принцесса Сандра Тамарин, наследница трона Великого Княжества планеты Гермес, слабо улыбнулась ему и прошептала:

— Я хотела бы только немного отдохнуть...

— Да, да, дорогая. Сейчас будет сделано! — Он засунул два пальца в рот и издал оглушительный свист, который привлек внимание Трольвена.

— Эй, ты там! Найди госпоже пещеру или нечто подобное, и помоги ей расположиться там на отдых!

— Я? — Трольвен едва сдержал гнев. — У меня на шее целое Стадо!

— Ты что, не слышал, что я сказал, бестолковщина? — Ван Рийн захромал в сторону Эрика, который, остолбенев от изумления, застыл на месте. — Теперь ты! Приготовься к работе! Собери команду — столько, сколько нужно для начала!

— Я... — Вейс попытался собраться с мыслями. — Послушайте, со времени последнего отдыха прошло не знаю сколько часов и...

Ван Рийн взорвался оглушительным воплем:

— А сколько недель прошло с того времени, когда у меня во рту была сигара или хотя бы маленький глоток джина? О других ты не беспокоишься, да? — Толстяк

обратил к нему свой крючковатый нос и затряс поднятыми руками: — Неужели я один должен все делать? О ты, Там Наверху, зачем ты заполонил Галактику лентяями и бездельниками?! Это невыносимо!

— Ну... — Эрик увидел, как Трольвен отводит Сандру в место, где она могла бы поспать, забыв хотя бы на несколько часов о холоде, боли и одиночестве. Он сжал пальцы в кулаки: — Хорошо! А вы — что будете делать именно вы?

— Я должен заняться организацией, малыш. Сначала Трольвен выделит группу, которая займется рубкой деревьев и сооружением мачт, рей и весел. Тем временем полотно, которое мы взяли с собой, нужно как-то превратить в паруса... остается еще такелаж, постройка помещений для приема пищи и сна... Фи! Это только детали. Я не буду заниматься этим! Для деталей я нанимаю таких людей, как ты!

— Конечно, зачем заниматься какими-то деталями, есть вещи и поважнее, — попытался сострить Эрик.

Маленькие серые глазки Ван Рийна некоторое время внимательно буравили Эрика.

— Значит так... — наконец пробурчал торговец. — Ты тоже начинаешь отчаиваться? Ты, может быть, думаешь, что раз я стар, слаб и не так вынослив, как тогда, когда я был молод, то только извлекаю выгоду из твоей работы, да? Сейчас слишком мало времени на то, чтобы добавить немного смазки в твои мозги. А может быть, ты и сам научишься жить!

Он щелкнул пальцами.

— Марш на работу! Разговаривать будем потом!

Эрик ушел, проклиная себя за то, что не двинул этого старого кабана в живот. Но на это еще придет время! А сейчас, к сожалению, Ван Рийну удалось попасть в такое положение, в котором он был авторитетом для ланнахов. И это он! А не Эрик, который в основном делал всю работу!

Но идея все же толстяка. От этого не уйдешь. Да, это Ван Рийн высказал мнение, что такой остров, как Даврнах, полный айсбергов у берегов и ледников на поверхности, представлял неисчерпаемый источник строительного материала. При помощи каменных долот можно было в течение

нескольких часов обтесать ледовое судно, такое же большое, как любой плот дракхонов. Для того, чтобы выровнять поверхность, можно воспользоваться самой примитивной горелкой, состоящей из масляной лампадки с меховой гармошкой для подачи воздуха. В отверстиях, сделанных во льду, можно поместить простую мачту и рулевой рычаг; используя замерзающую воду как вяжущий материал, можно надежно установить их на плоту. Если бы за такую работу взялось большинство Стада — мужчины, женщины, старики, молодые — то за неделю можно было бы создать флотилию такую же большую, как весь Флот дракхонов.

Конечно, только инженер спроектирует всю эту технологию. Какой глубины должно быть отверстие для закрепления мачты? Каким образом произвести прямое резание в блоке льда неправильной формы и длиной в несколько сотен метров? Как выгладить низ, чтобы уменьшить трение? Строительный материал легко таял, и его можно было укрепить, разливая по законченному корпусу несколько ведер смеси опилок и морской воды, которая, замерзая, создаст нечто вроде брони. Но в какой пропорции смешать опилки и воду?

Не было времени проводить необходимые эксперименты. Каким-то образом, с божьей помощью и по счастливой случайности, имея против себя все стихии, Эрик Вейс должен был получить ожидаемые результаты.

А Ван Рийн? Что внес в дело этот толстяк? Только общую идею, небрежно оброненную; словно Вейс был джинном Алладина, который мог исполнять все желания. Это были наверняка проблески интуиции, развитого воображения, это нельзя было отрицать. Но воображение немного стоит в этом мире...

Каждый может сказать: «Нам нужно новое оружие, которое можно сделать из таких-то и таких ранее не применяемых материалов...» Однако все останется только в сфере бесплодного воображения, пока не найдется кто-то, кто сможет сообразить, как сделать то, что было задумано.

Закабалив таким образом своего инженера, Ван Рийн промаршировал дальше, одну часть Стада вежливостью, другую — силой заставляя работать. А когда уже все

были запряжены в тяжелый труд, он вытянулся на одеяле и заснул!..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Эрик Вейс стоял на палубе корабля «Рийнстаффель»и наблюдал, как из-за горизонта появляется неприятельский флот.

Он медленно опустил руку в сумку, пришитую к поясу. Его пальцы сжались на кусочке черствого хлеба и ломтике засушенной колбасы. Это была последняя порция земной пищи, которая оставалась у него; уже много дней он уменьшал себе рацион питания, чтобы вступить в бой, имея что-нибудь приятное в желудке. Но сейчас он совсем не хотел есть.

Лед холодил ноги неожиданно слабо. Теплый воздух моря Ахан прогонял холод, идущий ото льда. Эрик не удивлялся тому, что в течение недели, когда они плыли на юг, лед растаял лишь незначительно — он знал тепловые свойства воды.

Сзади, за его спиной, наполненные ветром, громко хлопали примитивные квадратные паруса, привязанные к реям, которые были укреплены на перегруженных одночастных мачтах. Корабли изо льда были массивны, но в то же время более обтекаемой формы, чем корабли драконов. Ван Рийн использовал свои невероятные ораторские способности, чтобы заставить сопротивляющихся ланнахов работать под водой для того, чтобы выгладить нижнюю часть. Теперь же, при попутном диомеданском ветре, Военный Флот ланнахов плыл, покачиваясь на волнах Ахана, со скоростью в добрых пять узлов.

Однако самый трудный момент наступил не тогда, когда все надрывали жилы, чтобы закончить постройку. Он пришел позже, когда они были почти готовы отправиться в путь. В этот момент ветер изменил свое направление. Тысячи ланнахов жались от отчаяния под холодным дождем, ища рыбу и гнезда птиц, чтобы накормить детей, плачущих от голода. Члены Совета и предводители клана

доказывали, что невозможно вести войну с судьбой, что нет иного выхода, как поддаться и искать убежище в болотах Килну. Каким-то образом, угрожая, стеная, умоляя, обещая, а несколько раз и подкупая при помощи того, что он выиграл в кости, Ван Рийн сумел удержать их на Даврнахе.

Но теперь все было позади.

Торговец вышел из маленькой каюты, построенной из камня, прошелся по палубе, посыпанной песком, рядом со стоявшими на ней военными машинами и кучами метательных снарядов, пока не добрался до носа, где стоял Вейс.

— Лучше съешь все сейчас, — сказал толстяк, словно читая мысли Эрика. — Потом будет уже поздно.

— Я не голоден... — покачал головой Вейс.

— Ах, нет? — Ван Рийн вырвал еду из его рук. — Зато я, черт побери, голоден! — И стал запихивать в рот хлеб и колбасу.

На нем снова был двойной панцирь, но на этот раз торговец остановился только на одном виде оружия — мощном каменном топоре с рукояткой метровой длины. У Эрика Вейса на боку висел гораздо меньший топорик, зато в руке он держал щит. Вокруг землян кишели вооруженные ланнахи.

— Они, конечно, уже готовятся к встрече с нами, — кивнул, разговаривая с полным ртом, Ван Рийн.

Эрик остановился взглядом на узких лодках противника, плывущих по направлению к ним на веслах против ветра.

— А ты что, ожидал красную дорожку в знак приветствия? — захохотал торговец, заметив, куда смотрит Вейс. — Я могу поспорить, что они увидели нас с воздуха уже много часов назад. Теперь они поспешно шлют гонцов в армию, находящуюся внутри Ланнаха, — Ван Рийн поднял вверх последний кусочек колбасы, с благоговением поцеловал его и съел.

Вейс посмотрел назад. Их судно было флагманским. Так было решено, когда выяснилось, что оно самое быстрое. Оно занимало положение в вершине огромного клина. За ним плыло несколько десятков серо-белых не-

уклюжих корабликов со рваными парусами. Их было, конечно, меньше и вооружены они были хуже, чем плоты драккхонов; им оставалось только надеяться, что превосходство врага не будет слишком подавляющим. Значительно более низкий свободный борт имел для расы крылатых небольшое значение; куда более важным был тот факт, что ланнахи не были настолько опытными моряками, чтобы...

«Однако, по крайней мере, они были отважными воинами, как тигры с крыльями», — подумал Вейс. Во время путешествия на юг они отдохнули, отъелись дарами моря, и воля к победе снова заполнила их сердца. Хотя флот ланнахов численно уступал противнику, воинов на его палубах было, пожалуй, больше, даже если к драккхонам присоединятся солдаты армии Дельпа.

К тому же ланнахи могли позволить себе пойти на риск. Их женщины и дети остались на Даврнахе, остались вместе с Сандрой, бледной и сейчас уже почти немощной... Ланнахи не взяли с собой имущества, о котором должны были бы беспокоиться. Весь их багаж составляли оружие и ненависть.

Герольд Толк выплыл из тучи прямо над головами землян. Он затормозил распростертыми крыльями и приземлился, наклонив шею, словно лебедь, чтобы присмотреться к землянам.

— Все ли идет хорошо здесь, внизу? — спросил он.

— Насколько это возможно, — ответил Ван Рийн. — Мы пока еще движемся по направлению к этому вшивому флоту?

— Да. До него осталось несколько буасков. Скоро вы увидите их основные силы. Они пытаются с помощью ветра и весел уйти с нашего пути, но если ветер удержится, то им это не удастся...

— Армии Дельпа не видно?

— Еще нет. Я думаю, что этот новый Адмирал, о котором мы наслышаны от пленных, уже выслал посланцев в горы. Но горы велики. Пройдет немало времени, прежде чем они нас найдут, — тут Толк фыркнул с профессиональным презрением. — Я бы, например, поддерживал постоянный контакт при помощи двухсторонней связи свистунов...

— Несмотря на все, — прервал его Ван Рийн, — их нужно скоро ждать, а это означает, что с их прилетом для нас начнется сущий ад!

— Ты уверен в том, что мы можем...

— Ни в чем я не уверен! А сейчас возвращайся к Трольвену и продолжай вести наблюдение!

Толк кивнул и снова поднялся в воздух.

Темная, пурпурного цвета вода белыми гребнями пены вздымалась к небу, где тучи играли, словно какие-то диковинные животные, окрашиваемые солнцем в немыслимо розовые тона. В нескольких километрах от Вейса был четко виден маленький островок; через подзорную трубу Эрик мог видеть кучки желтоватых цветов под деревьями. Над его головой ныряла и снова взмывала в воздух пара молодых свистунов. Нелегко было осознавать, что плывущие так близко лодки, вырезанные изо льда, несли на себе огонь и острые камни.

— Ну, — проворчал Ван Рийн, — вот и начинается наш бал. Добрый святой Дисмас, возьми меня под свою защиту!

— Пожалуй, святой Георгий был бы сейчас больше к месту? — попробовал пошутить Вейс.

— Тебе, может, кажется, что это так. Но я слишком стар и труслив для того, чтобы призывать Михаила, Георгия, Олафа или каких других более могущественных святых. Я лучше себя чувствую в обществе не столь энергичных особ: например, святого Дисмаса, столь полезного для странствующих.

— Но нельзя забывать, что он — покровитель разбойников, промышляющих на дорогах, — с горечью ответил Эрик. — Разве не так?

Сейчас он почувствовал себя препаршиво. В горле першило, язык колом торчал в глотке. В ногах была слабость. В принципе он не ощущал страха, но, тем не менее, колени его подгибались.

— Йа-а-а! — загудел Ван Рийн. — Хороший выстрел, мой мальчик. Я не ошибся в тебе!

Передняя балиста на «Рийнстаффеле»со свистом и шумом точно уложила полутонный камень как раз посередине ближайшей лодки неприятеля. Та медленно переломи-

лась, словно спичка: команду повыбрасывало в воздух, и на нее ринулся отряд летучих солдат Трольвена. Настал момент убийственной неразберихи, и через мгновение дракхоны перестали существовать.

Ван Рийн схватил изумленного командира баллисты в объятия и закружился с ним по палубе, распевая во всю глотку:

«Ты мой солнечный свет,
Мой единственный солнечный свет,
Только ты приносишь радость...»

Приблизилась другая лодка дракхонов. Вейс заметил, как расчет огнемета склонился над своим орудием, и это заставило его тут же упасть под низкий ледяной борт, окружающий палубу.

Струя огня достигла борта, отразилась от него и разлилась по морю. Она ничего не смогла сделать замерзшей воде. Даже растопить ее так, чтобы это имело какое-то значение для лодки, она не могла. Из защищенного места посередине судна сотня ланнахов выслала вверх дождь стрел, которые по дуге пронеслись по небу и упали на лодку врага.

Вейс выглянул из-за борта. Заряжающий огнемет был мертв; воина, державшего ствол, сковала стрела, которая пробила ему крыло...Рулевого не было видно, очевидно, убитый или раненый, он упал в море. Лодка стала неуправляемой, боло на мачте описывало свои смертоносные круги, и экипаж дракхонов сжался на дне, не желая попадаться на его пути.

— Полный вперед! — рявкнул Эрик. — Таранить!

Корабль ланнахов раздавил лодку своей тяжестью. Лодки дракхонов, словно стая волков вокруг стада буйволов, кружили вокруг ледяных судов ланнахов, используя свою скорость и более высокую маневренность. Некоторые прорывались сквозь строй ланнахов, чтобы атаковать с тыла; другие отходили еще дальше, за края клина. Потери несли обе стороны: стрелы, снаряды катапульт, камни, метаемые вручную — все это доставляло неприятности ланнахам. Сосуды с пылающим маслом, перебрасываемые через воду, взрывались на ледяных палубах, тут и там огонь

охватывал паруса и мачты. Но крылатые существа с удивительной легкостью могли погасить огонь, разъедающий такелаж. За все время битвы только один корабль ланнахов полностью потерял мачту, и экипаж попросту его бросил, перебравшись на другие суда. Кроме мачт, ничто не могло загореться, за исключением тел солдат, которые, однако, являются самым дешевым военным материалом...

Несколько лодок собралось у одного корабля, пытаясь взять его на абордаж. Однако их экипажи находились в значительном меньшинстве и дорого заплатили за эту попытку. Тем временем силы Трольвена полностью контролировали воздушное пространство, наступали, метали снаряды, наносили удары.

Лодки драккхонов какое-то время все же сдерживали наступательный порыв ланнахов. Но время шло, и вскоре все они были протаранены, подожжены, разбиты, оттеснены в сторону непотопляемым врагом.

Только потому, что он был первым и своей мощью сразу же прорвался сквозь фронт врага, «Рийнстаффель»натолкнулся на небольшое сопротивление, впрочем, быстро подавленное с помощью баллисты, катапульт, сосудов с горящей жидкостью и стрел. За ними горело и дымилось само море; перед ними же находились большие плоты драккхонов — основная военная мощь врага.

Когда паруса плотов оказались в поле зрения ланнахов, команда Эрика затянула победную песнь Стада.

— Несколько рановато, мне кажется, — Эрик старался перекричать шум.

— Ну их, — тихо произнес Ван Рийн, — пусть теперь потешатся. Многие из них вскоре погибнут и пойдут кормить рыбок, не так ли?

— Пожалуй... — начал Эрик, но поспешно сменил тему, словно испугался всего того, что сделал. — Мне нравится эта песенка, а вам? Она немного напоминает мне старые американские народные песни, например «Джон Харди».

— Народные песни хороши, но если кто-то их любит, то в глубине души он деревенщина, — фыркнул Ван Рийн. — Что касается меня, то я предпочитаю Моцарта.

Он смотрел на воду, и в его голосе зазвучала особая тоска.

— Я всегда надеялся, что однажды, еще до того, как умру, мне удастся понять Баха, старого Иоганна Себастьяна, который разговаривал с Господом Богом языком звуков и математики. Однако моей старой глупой голове не хватает ума.

Со стороны Флота послышались крики.

Медленно и тяжело, молотя воду тонкими, словно паучьи ножки, веслами, плоты формировали боевые порядки, оставив попытки принять бой в более выгодной для них позиции. Ван Рийн гневно махнул свистуну:

— Быстро! Лети вверх и скажи этому балбесу Трольвену, чтобы он не морочил себе голову охраной нас от лодок. Пусть он атакует плоты. Пусть он займется ими! Нельзя позволить посланцам неприятеля свободно перелетать от одного капитана к другому, чтобы они могли организоваться!

Когда свистун улетел, торговец потрепал свою козлиную бородку, уже почти полностью потерявшуюся в густой, жесткой от грязи щетине.

— Ко всем чертям! — рявкнул он. — Как долго еще я один буду думать за всех! Добрый святой Николай, хранитель мой, пришли мне с неба штабного офицера, у которого между ушами находилась бы хоть крупица мозгов, а не взболтанная овсянка, и я поставлю тебе собор на Марсе! Слышишь меня?!

— Трольвен находится в самом центре битвы наверху, — запротестовал Эрик. — Он не может думать обо всем!

— Может быть, и нет, — ворчливо согласился торговец, — Может быть, он единственный в Галактике, кто не совершает ошибок.

Когда Трольвен последовал его советам, то словно шторм обрушился на находившуюся поблизости группировку плотов. В пурпурном хаосе переплелись сражающиеся дьяволы с крыльями летучих мышей. Эрик Вейс отметил, что в этой смертоносной путанице подход его корабля должен остаться почти незамеченным.

— Они не могут сомкнуть строй! — крикнул он, ударяя кулаком по борту. — Богом клянусь, не могут!

На палубу приземлился свистун, харкая кровью, в его боку зияла страшная рана.

— Там... Герольд Толк говорит... пустое место... вбит клин во Флот... — Худое тело посланца изогнулось и бессильно опало на палубу. Вейс склонился и подхватил молодого ланнаха на руки. Он услышал бульканье в легких, пробитых сломанными ребрами.

— Мама, мама... — тяжело стонал свистун. — Он ударил меня топором... Мамочка... не дай мне так страдать!

Через мгновение он был уже мертв.

Ван Рийн проклятиями, которые он метал в команду, вызвал изменение курса не больше чем на несколько градусов, так как его плот на большее и не был способен; но когда плоты противника были совсем уже близко, с ледяной палубы отчетливо было видно, что в линии дракхонов зияет широкая брешь. Атака Трольвена до сих пор не позволяла ей захлопнуться. Красная от крови вода, устланная оброненными копьями и луками, словно кровавая стрела указывала направление к плавающему дворцу Адмирала.

— В середину! — орал Ван Рийн. — Лупите их! Съешьте их на завтрак!

Над бортом с шумом пролетел снаряд, выпущенный из катапульты. Ван Рийн засмеялся, но уже следующий разорвал у него рукав и сыпанул осколками льда в том месте, куда упал. Три струи жидкого огня через мгновение сосредоточились на «Рийнстаффеле».

Огненные пальцы поползли по палубе, настигнув одного из ланнахов, который с криком упал, и тело его тут же обуглилось в местах соприкосновения с огнем. Огонь добрался до парусов. На этот раз не было сигнала лить на них воду, и мачта, такелаж и полотно, пропитанные маслом, запылало, как гигантский факел.

Ван Рийн отвернулся от рулевого, которого осыпал страшными проклятиями, и направился поперек палубы. Но уже через несколько шагов он поскользнулся на том месте, где палуба частично растаяла от огня, и поехал на своей широкой заднице, посылая проклятия на весь Космос. Через мгновение он все же встал и дохромал до правой ванты, где принялся рубить канат каменным топором.

— Сюда! — закричал он. — Быстрее помогите мне, моллюски! У вас что, ваш мозг оброс шерстью? Быстро, пока мы не проплыли мимо!

Эрик Вейс, который руководил обслуживанием баллисты, забрасывающей снарядами ближайший плот противника, не очень ясно понимал намерения Ван Рийна. Другие поняли это лучше, подбежали с топорами и набросились на ванту. Сам торговец подхватил из кучи одну из масляных бомб, зажег ее и бросил у подножия пылающей мачты.

Отверстие, в котором была закреплена мачта, подтаяло, а когда были перерублены правые ванты, огромный факел, который до того времени держался на них, упал на левую сторону. Он ударил в находящийся там плот. Огонь тут же разгорелся на плоту противника, отгоняя драккхонов, которые яростно пытались спихнуть упавшую мачту со своего судна. Через мгновение загорелся такелаж, затлели доски палубы. Прежде, чем «Рийнстаффель»отплыл дальше, весь вражеский плот превратился в остров безумствующего огня.

Ледяной корабль ланнахов почти потерял управление, но инерция и случайные течения вели его в глубину порядков уже находящегося в панике Флота. Следующие суда ланнахов уже входили в брешь, столь героически расширенную Ван Рийном.

Между плывущими ледяными монстрами бушевали огнеметы — но, как известно, дерево горит лучше, нежели лед, так что драккхоны в своем усердии больше поражали своих же собственных солдат на других плотах, чем ланнахов.

Сквозь завесу дыма, среди стрел и снарядов, продолжавших лететь сверху, по палубе, устланной убитыми и ранеными, Эрик Вейс направился к ближайшему огнемету. Его расчет готовился поджечь очередной плот, как только течение поднесет их к нему.

— Нет! — закричал Эрик.

— Что? — капитан повернул к нему свое грязное от сажи и крови лицо, его гребень от усталости упал на бок. — Но, господин, они же сейчас зальют нас огнем!

— Мы выдержим это, — прокричал Вейс. — Борта защитят нас. Я не хочу сжигать — я хочу захватить его!

Диомеданец тихо свистнул. Затем он распростер крылья и его глаза заблестели. Он спросил:

— Могу ли я быть первым из атакующих?

Рядом прошел Ван Рийн, таща за собой топор. Он не мог слышать, о чем говорили Эрик и капитан, но голос его загудел в ответ:

— Йа! Я как раз хотел распорядиться об этом, мальчик. Нам пригодится судно, способное к маневру!

Приказ передали дальше по палубе, которая заполнилась фигурами вооруженных ланнахов, сжавшихся в ожидании сигнала к атаке. Корабль, который был ничем иным, как обработанной льдиной, нес их все ближе к более высокому и мощному плоту. Огонь, камни и стрелы падали на ланнахов, которые стоически переносили удары противника. Эрик послал свистуна вверх, к Трольвену, с просьбой о помощи, и вскоре воздушный отряд стрелами успокоил артиллерию дракхонов.

Трольвен продолжал владеть подавляющим преимуществом. Он был в состоянии поднимать в воздух все новых воинов, спихивая дракхонов на палубы, где они ожидали атаки с воздуха. «До сих пор, — подумал Вейс, — скупые на ласку боги Диомеда благоволили к землянам. Но такое не могло продолжаться вечно.»

Эрик двинулся вперед за первой волной ланнахов, которая упала на плот с воздуха, чтобы захватить плацдарм. Он подпрыгнул вверх с поверхности льдины, когда та ударилась о дерево плота, схватился за какую-то балку и вскарабкался на плот. Когда ноги его коснулись палубы, оказалось, что он стоит в шеренге атакующих воинов. Глаза разъедал дым, ползущий со всех сторон, и от этого трудно было различить стоящих перед ним в шеренге защищающихся дракхонов.

Возня и крики, доносящиеся сверху, с воздуха, усилились.

Он почувствовал на своем плече прикосновение чьей-то руки и, обернувшись, увидел перед собой поросячьи глазки Ван Рийна!

— Уфф! Что за дьявольский подъем! Жаль, что я не остался. Итак, мой мальчик, мы остались живы. Толк как раз прислал сообщение, что экспедиционные силы драк-

хонов показались на горизонте и что есть мочи в крыльях чешут в нашем направлении.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Эрик на мгновение почувствовал слабость. Неужели все кончится обломком кремня в его черепе, когда армия Дельпа победит ланнахов?

Неожиданно он вспомнил, как стоял на холодном черном побережье Даврнаха незадолго до отплытия и разговаривал с Сандрой... Может быть, в последний раз?

— Мне будет легче, когда нас победят, — сказал он тогда. — Для меня все окончится быстро. Но ты...

Она на это ответила ему гордым взглядом и спросила:

— Почему ты думаешь, что вы будете побеждены?

...Эрик поднял оружие. Воины, собравшиеся вокруг него, взъерошили перья и с шипением выкрикнули свой боевой клич.

Большинство из них составляли пехотинцы, воевавшие за Манненах; впрочем на каждом судне находились многие, кого научили основам тактики битвы на Даврнахе. Во время всего путешествия на юг в поисках флота Ван Рийн и военначальники ланнахов шлифовали их искусство. «Вам нельзя присоединяться к нашим бойцам в воздухе», — говорили Толк и Трольвен. А Ван Рийн басил еще о каких-то Вооруженных Силах. «Вы должны оставаться на палубе и будете участвовать в захвате плотов. Весь наш план зависит от того, сколько плотов нам удастся перехватить или уничтожить. Помните, что те, кто будет наверху, прикроют вас.» Диомеданский разум неохотно воспринимал эту стратегию, и Эрик Вейс не был уверен в том, что она удержится в их головах хотя бы на час, и не оставят ли ланнахи его и толстяка Ван Рийна отрезанными на вражеской палубе, ринувшись в бессмысленное воздушное сражение. Но другого выхода не было, и приходилось сейчас доверять тому, что было сделано за время обучения.

Эрик побежал наверх. Нечеловеческий крик, вырвавшийся из груди атакующих, рвал барабанные перепонки в его ушах.

Перед ним захлопали крылья — это ломались шеренги ведомых инстинктом драккхонов, непривычных к битве на суше. В течение веков любой диомеданец, находящийся в здравом уме, атакуя, старался оказаться над противником. Вейс бросился по направлению к позиции, которую драккхоны занимали перед тем, как подняться в воздух.

Поднимаясь со своего стула, моряки пикировали на этого странного нелетающего противника. Кто-то из ланнахов забылся, взвился в воздух, и его немедленно ударили трое нападавших. Беспомощное тело ланнаха, словно марионетка, упало в воды океана. Драккхоны продолжали пикировать вниз.

Но внизу их встретил частокол копий, который, словно лес, внезапно вырос над палубой. Многие из воинов бывшей пехоты ланнахов сохранили во время бегства из-под Манненаха свои плетеные щиты и теперь вновь приняли черепахоподобный вид. Остальные отражали воздушную атаку — а тем временем лучники готовились к решительным действиям.

Эрик Вейс услышал, как раздался зловещий свист, а мгновением позже пятьдесят драккхонов начали падать в воду.

В следующий миг перед ним вырос один из драккхонов, замахиваясь острым, как нож, трезубцем. Вейс прикрылся от удара щитом, который задрожал на его левом плече, парализовав мышцы. Пинок, нанесенный ногой в тяжелом сапоге, попал в твердый живот драккхона и на некоторое время перебил ему дыхание. Эрик туг же поднял топорик и, опустив, услышал тупой звук. Диомеданец отскочил в сторону, хватаясь за сломанное крыло.

Эрик направился дальше. Драккхоны, ошеломленные тактикой абордажной группы, толкались в воздухе вне досягаемости стрел.

Женщины драккхонов враждебно ворчали в двери форкастеля, расправив крылья, чтобы прикрыть детей. Но никто не обращал на них внимания — речь шла о том, чтобы захватить артиллерию плота.

Кто-то из находившихся в воздухе дракхонов угадал намерения атакующих. Его ястребиный крик и бросок вниз закончился гибелью от стрел ланнахов, но уже через мгновение целая туча дракхонов оторвалась от висящей в воздухе массы нападающих и ринулась на носовую палубу, занимая позиции перед главной батареей баллист и огнеметов.

— Ага! — тут же загудел Ван Рийн. — Наконец-то они захотели немного размяться. Ну что ж, займемся этим! Доставим ребятам такое удовольствие!

И он слоновой трусцой ринулся вперед, выписывая над головой вензеля огромной дубиной. Камень, выпущенный из пращи, отскочил от его живота, другой зацепил щеку; стрелы из духовых ружей испещрили панцирь. Два крылатых ланнаха-телохранителя подсадили его вверх, так как голая стена носовой надстройки была без всякой лестницы. Через мгновение Ван Рийн уже находился среди защитников плота.

— Йа, майнтехдвай, — завыл он, разбивая голову ближайшему дракхону. — Бог посылает неверным ночь! — следующий боевой клич торговца раздался тогда, когда он голыми руками схватил трезубец врага, который пытался поразить его им. — Фрам, фрам, Квистмен, Кромзен, Кепигмен! — завывал он, выбивая ритм битвы на ребрах трех воинов, которые попались ему под руку. — Йа, йа, йа, — затрубил он, оборачиваясь, чтобы заняться крылатым существом, вцепившимся ему в спину. Результат немедленно сказался на шее нападавшего.

Вейс и ланнахи поспешили за Ван Рийном. Наступил перерыв в боевых криках. Слышался только стук ударов боевого оружия, шум толчков, хруст ломающихся костей от выпадов, наносимых крыльями и хвостами. Оборона дракхонов развалилась, Ван Рийн бросился к огнемету и принялся орудовать мехами.

— Направьте горловину! — продышал он с трудом. — Выметем их отсюда огнем, болваны!

Один из ланнахов, обрадовавшись, схватил керамическую горловину орудия, нажал деревянный рычаг зажигания и направил струю огня вверх.

На нижней палубе уже раздался грохот баллисты, пение катапульт и свист очередных огнеметов. Группа

ланнахов с ледяного корабля смонтировала один из деревянных пулеметов и начала забрасывать остатки защитников плота градом снарядов.

Из носового помещения выбежала женщина и крикнула:

— Они убивают наших мужей! Мы должны помочь...

Ван Рийн спрыгнул с трехметровой высоты крыши носовой надстройки. В том месте, где он приземлился, доски прогнулись и застонали. Тяжело дыша и размахивая руками, он преградил путь обезумевшему существу и рявкнул на своем родном языке:

— Возвращайся! Немедленно убирайся обратно! Брысь отсюда! Вон! Оставляешь детей без опеки? Что? Ты не знаешь? Да, я пожираю зараз с десяток маленьких дракхончиков! На завтрак с зеленым лучком!

Мгновенно женщина вскрикнула и отступила в носовое помещение. У Эрика от изумления пропал дар речи. Он весь истекал потом... Может быть, опасность и не была такой серьезной... теоретически толпа женщин могла быть перебита на глазах их детей... но кто бы совершил нечто подобное? Наверняка не Эрик Вейс! Лучше уступить и по-рыцарски принять удар копьем.

Неожиданно он понял, что Флот захвачен.

Воздух был все еще настолько насыщен дымом, что Эрик плохо видел, что происходит в других местах. Тут и там возникали на мгновение какие-то образы: брошенный плот, пылающий таким огнем, что его невозможно было уже погасить; ледяной корабль, побитый, без мачты, без экипажа...

Другой корабль ланнахов, на борту которого сгрудилась очередная абордажная группа; штандарт одного из кланов ланнахов, победно развевающийся на чужой мачте...

Вейс не имел возможности оценить это морское сражение в целом — на скольких ледяных кораблях полностью уничтожены экипажи, сколько покинуто воинами, сколько вывели из строя контратаки дракхонов, а сколько еще дрейфовало вдалеке от врага. Сразу было известно, подумал он — Ван Рийн говорил об этом открыто Трольвену и Толку — что меньший, хуже обеспеченный, почти необученный флот ланнахов не имеет никаких шан-

сов нанести сокрушительный удар Флоту. Исход этого сражения не решит обмен ударами камней из баллист или огня из огнеметов.

Эрик посмотрел вверх. Над мачтами и такелажем, куда не доставал дым, небо было удивительно чистое. Боевые отряды, кружащие то тут, то там, были так высоко, что снизу походили на стаю ласточек.

Только сейчас, спустя несколько минут, его неопытный глаз смог охватить всю картину боя.

Имея превосходство в силах над плотами дракхонов, армия Трольвена оказалась в меньшинстве, когда подошли силы Дельпа. С другой стороны, солдаты Дельпа летели много часов подряд к месту битвы, и сейчас им было трудно сражаться с отдохнувшими ланнахами. Понимая это, каждый из противников хотел использовать свое небольшое преимущество: Дельп решил прибегнуть к массированной атаке, а Трольвен предоставил решать исход сражения небольшим группам, каждое мгновение набрасывающимся на врага, кусавшим его, словно волки, нападающие на большого оленя, и тут же отскакивающим назад.

Ланнахи отступили, как только Дельп отдал приказ послать отряды на помощь плотам. Перегруппировав свои силы, Трольвен ударил в один из таких отрядов.

Бой, вспыхнувший под солнцем Полного Лета, не поддавался описанию. Вейс погрузился в созерцание жуткого танца крылатой и неумолимой смерти. Голос Ван Рийна вернул его, хотя и не без труда, к жалкой, бескрылой человеческой сущности.

— Проснись! Может быть тебе привиделось, что ты скалишь клыки и машешь крыльями? Ад и дьявольщина! Проснись! Возьмись за артиллерию, а я пойду отдам приказ рулевому. Ну! — Он гневно повернулся всем своим телом и с шумом и резвостью, напоминающий старинный локомотив, направился на корму.

Все попытки захватить плоты были отражены, и воины Дельпа отступили. Ланнахи без лишних слов взялись за весла и направили захваченные плоты вперед.

Плот, на котором находился Вейс, тоже двинулся вперед. Но уже через несколько минут в просвете отогнан-

ного ветром дыма перед ним возник корпус другого плота. Тотчас же с обоих бортов посыпался град стрел, а оба экипажа столкнулись в воздушном бою на полпути между плотами.

Вейс находился на своем месте, на носовой палубе, управляя огнем боевых машин, метавших камни, стрелы, бомбы; языки огня выбрасывались на несколько метров, бомбы после удара разбрасывали вокруг искры и обугленное дерево.

Он организовал группу воинов с ведрами для тушения пожаров от бомб, падавших с неприятельского судна.

Двухтонная глыба упала на одну из его новых катапульт, унося в ничто обслуживающих ее ланнахов. Те, что остались в живых, в ужасе завопили и начали в панике разбегаться, но Вейс быстро привел их в чувство и приказал занять места у других боевых машин. Он видел, как рвались паруса, повисали сломанные реи, кучи трупов вырастали на обоих плотах после каждого залпа. И все время где-то в отдаленном уголке его сознания таилась мысль: почему хоть где-нибудь во Вселенной разумная жизнь не прекратит, наконец, уничтожение самой себя.

Ван Рийн не располагал таким экипажем, как какой-то доисторический Адмирал Нельсон, чтобы выиграть сражение только за счет артиллерии. Он не хотел брать на абордаж очередной плот, его маленький и неопытный отряд едва ли сумел бы захватить судно дракхонов, не говоря уже о том, чтобы управлять им. Однако он упрямо правил вперед, приказывая рулевому держать курс на сближение, сам тем временем прохаживаясь по палубам, поддерживая обессиленных ланнахов, сидящих на тяжелых веслах. А плот шел вперед сквозь огненную бурю, камень и живые тела, пока не оказался почти у борта вражеского плота.

Тотчас же заревели трубы дракхонов, весла ударили по воде, и неприятельский плот резко отпрянул в сторону, покидая свое место в строю Флота, чтобы избежать столкновения.

Ван Рийн позволил им бежать. Взобравшись на главную палубу и воздев руки к небу, он заорал:

— Ага, испугались? Сучьи дети, испугались!

— Не понимаю, советник, — с уважением изрек Эрик. — У нас малочисленный и менее опытный экипаж. Они должны были остаться на курсе и атаковать нас. Они ведь могли запросто уничтожить нас, если бы мы не захотели покинуть плот.

— А! — махнул рукой Ван Рийн. — Видишь ли, мой юный и невинный приятель, у них на борту женщины и дети, а также много ценных инструментов и другого добра. У них вся жизнь связана с плотами. Они просто не могли отважиться рискнуть их целостностью; нам было бы легче поджечь, а может быть, даже и захватить его. Йа! Ад скорее покроется льдом, нежели кто-то разумом превзойдет Ван Рийна!

В небе сражение подходило к концу. Дельпу удалось собрать армию в один кулак и вывести в целости на передовую позицию. Здесь дракхоны бросились в бой для защиты своих плотов. Теперь каждая абордажная группа ланнахов, захватившая плот, внезапно оказывалась в меньшинстве и не имела другого выхода, как ретироваться с захваченного судна, бросая его, даже если это был их собственный ледяной корабль, и присоединяясь к Трольвену в небе.

Ланнахи были стойкими бойцами, но сейчас, казалось, не подтверждалась классическая формулировка, утверждающая, что армия, состоящая исключительно из воздушных сил, не опасна для хорошо защищенной единицы флота. Установив окончательно, кто владеет каждым из плотов, Дельп перегруппировал свои силы и значительную их часть повел вверх, чтобы связать боем усиленные эскадры Трольвена. Если бы им удалось разбить в небе ланнахов, располагая оставшимися у дракхонов плотами вместе с полным преимуществом в воздухе, можно было бы легко отвоевать утраченные плавсредства. Однако Трольвен не сдался так легко. И в то время, как внизу разворачивалась морская битва, в небесах с новой силой завязались воздушные поединки. Но пока что не было видимого превосходства какой-либо стороны.

Так выглядела в общем картина в донесении Толка, которое он доставил час спустя. С моря можно было

только рассмотреть, что обе воздушные армии разделились. Летающие воины кружили и пикировали ошеломляюще высоко над головами стоящих на плотах, как два больших скопления точек на фоне рыжеватых облаков. С обеих сторон доносились угрозы, проклятия и оскорбления, однако перестрелка не возобновлялась.

— Что это? — крикнул Эрик. — Что там происходит?

— Временное перемирие, — изрек Ван Рийн. Он поковырял пальцем в зубах, сплюнул и похлопал себя по животу. — Очевидно, ничего не получилось у них, и Толк послал к Дельпу какого-то свистуна со словами:«поболтаем». Как видишь, Дельп согласился.

— Но... но ведь нельзя... Нельзя договариваться с врагом... с дракхонами... Это же чудовища!

Леденящий кровь рев ненависти пробежал по рядам уставших ланнахов на плоту.

— Нельзя разговаривать с такими зверями! — доказывал Эрик. — Их можно только убивать! Или мы их, или они нас! Третьего не дано!

Ван Рийн покосился на него и пробурчал:

— Что это нашло на тебя, парень? Ты говоришь как заправский ланнах.

Эрик покраснел и ничего не ответил.

Ван Рийн продолжал:

— Думаю, что сейчас самое время сказать, что это перемирие было целью всего нашего сражения. Как ты думаешь, парень, а?

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь отважимся признать это, — пожал плечами Вейс.

— Нет, мой мальчик. Это не так. Думаю, что мы будем вынуждены пойти на это и даже сегодня. Нам остается только надежда на то, что, скажем, они не нафаршируют нас красным перцем живьем. В конце концов Трольвен и Совет договорятся. Но эти, здесь на плотах, — крепкие орешки. — Ван Рийн пожал плечами. — Да, настает время переговоров. До сих пор все шло гладко. Но вот момент, который ломает человеческие характеры. Йа! Сможешь ли ты пережить эти мгновения?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Около одной десятой всех плотов выбрались из общей кучи и сгруппировались в нескольких километрах от места сражения.

К ним присоединились те ледяные корабли, которые были еще исправны. Их палубы были полны ожидавшими в напряжении воинами. Это были корабли, захваченные дракхонами.

Другие плоты либо уже догорали, либо были повреждены градом каменных снарядов настолько, что уже и не были похожи на корабли, либо полностью были разрушены к тому времени волнами моря Ахан. Воины их покинули. Между островами кораблей плавало много лодок, разбитых, сломанных пополам, уничтоженных огнем, а иногда и абсолютно целых, но с мертвым экипажем.

Адмирал собрал офицеров Флота. В ходе Военного Совета выяснилось, что почти половина экипажа и кораблей уничтожена ланнахами. Множество плотов было повреждено так, что они оказались практически бесполезны. Если бы Флоту удалось выставить хотя бы половину своих обычных сил, это было бы для него большим счастьем.

Тем не менее, Флот располагал почти в три раза большим числом кораблей, чем ланнахи. Количество мужчин на обеих сторонах было более или менее одинаково, но, имея больше мест в трюмах, дракхоны имели значительно большее число женщин. Кроме того, корабли-плоты дракхонов были более надежды, чем ледяные корабли ланнахов, у них были лучшие экипажи, чем на захваченных плотах.

Короче говоря, дракхоны имели преимущество.

Помогая Ван Рийну перейти на захваченную лодку, Толк зловеще ухмыльнулся.

— На твоем месте, землянин, я не снимал бы доспехов, — сказал он. — Когда перемирие закончится, их снова придется одеть.

— Ах... — Торговец потянулся, надул живот и рухнул на сидение. — Ну, а если перемирие не будет нарушено? Тогда получится, что я должен буду носить этот проклятый корсет зря...

— Я заметил, — вставил Вейс, — что ни вы, ни Трольвен не взяли оружия.

Вождь ланнахов нервно погладил свою цвета красного дерева шерсть.

— Это для подчеркивания гордости Стада, — буркнул он. — Эти скоты не имеют права думать, что мы их боимся.

Лодка мгновенно отошла от плота, влекомая силой весел, приводимых в движение мускулами команды, и быстро понеслась по темно-оранжевым водам. Над ними кружились, пикируя, остатки примирившихся с дракхонами ланнахов, демонстрируя фигуры высшего пилотажа с тем, чтобы покрасоваться перед своими вождями. Их было около сотни, и только сейчас Вейс оценил, как это мало.

— Не думаю, что они пойдут на какие-нибудь длительные переговоры, — сказал Трольвен. — До сих пор это никому не удавалось. Они все понимают несколько иначе.

— Воины Флота — это такие же существа, как и вы! — загремел Ван Рийн. — Вам нужно было бы иметь больше братских чувств. Надеюсь, сегодня вы поняли, что им вполне можно дать по башке! И без всяких каких-то там расовых предрассудков!

— Такие, как мы? — возмутился Трольвен. Его глаза заблестели желтым огнем. — Слушай, землянин...

— Погоди, погоди, — остановил его Ван Рийн. — Я как-то не подумал, что у них нет периода размножения. Да, в этом есть принципиальное различие. Ну и ладно. Я должен подумать над этим. Сядь и заткнись!

Ветер играл волнами и лениво натягивал такелаж. Сквозь тянущиеся за ветром вереницы облаков солнце слало длинные, медленные лучи, которые танцевали огненными пятнами по морю. Воздух был холодным, влажным и пах солью. «Нелепо умирать в такой час, — подумал Эрик Вейс. — Однако еще труднее оставить Сандру, которая все

больше слабеет под ледяными ветрами Даврнаха. Молись за меня, любимая, пока ждешь встречи со мной. Молись за мою душу...»

— Оставим личные чувства, — сказал Толк. — Но что-то, однако, есть в словах вождя. Дело в том, как мы чужды дракхонам, так и они чужды нам. А чем мы чужды? Своими мыслями, своим образом мыслей? Я не собираюсь прикидываться, что понимаю все твои намерения, землянин. Да, я считаю тебя другом ланнахов, но у нас так мало общего, признайся. Я доверяю тебе только потому, что хорошо понимаю главный мотив твоих поступков — желание сохранить свою жизнь. Даже если я не вполне понимаю ход твоих мыслей, но могу допустить, что поведение это вызвано добрыми замыслами. В свою очередь, — продолжал он, — дракхоны для меня тайна. Как им можно доверять? Допустим, что будет достигнута мирная договоренность. Откуда мне знать, что они будут придерживаться ее? Может быть, у них нет вообще такого понятия, как «честь»? Точно так же как они не имеют никакого понятия о сексе! Либо даже если они захотят поддержать договор, то можно ли быть уверенным, что слова договора будут иметь для них такое же значение, как и для нас? Как герольд, знаток языков, я встретил много непонимания между разноязычными племенами. А о чем говорить, когда два племени имеют вообще разные инстинкты? Сомневаюсь также, — продолжал он, — можем ли мы даже доверять самим себе? Сможем ли мы придерживаться данных нами же обязательств? Хотя, если разобраться, мы не питаем ненависти ни к кому, даже к врагу, с которым воюем. Но ненавидим мошенничество, издевательства, вранье. Мы не сможем жить с сознанием того, что помирились с существами, которых даже боги презрели!

Он вздохнул и печально уставился перед собой, разглядывая приближающиеся плоты.

Вейс пожал плечами.

— Когда тебе пришло в голову, что они мыслят не так, как вы?

— При чем это, — изрек Толк. — Разве здесь есть какие-то сомнения? Это еще одно бревно на пути развития торговли между нами.

«Лично я, — подумал Эрик, — удовлетворился бы временным соглашением. Пускай только хоть на время согласятся рассмотреть разницу мнений и взглядов, на время, необходимое, чтобы известие достигло базы. А потом пусть хоть режут друг друга, мне не будет до этого никакого дела».

Он посмотрел вокруг себя, на крылатые фигуры, задумался над смыслом мира и войны, хаоса и триумфа — и над минутным единением этих существ в общем смехе и пении. Он подумал о практичном Трольвене, о мудром Толке, подумал о деловом и гордом Дельпе и его жене Родонис, которая была даже больше дамой, чем многие знакомые ему земные женщины. А эти маленькие, заросшие перьями дети, купающиеся в пыли и так любящие взбираться на колени...

«Нет, я не прав, — подумал он. — Необходимость окончательного завершения этой войны имеет для меня огромное значение».

Лодка проскочила между высокими бортами плотов. Сверху на них смотрели дракхоны, смотрели молча и, как показалось Эрику, без всякого интереса.

То там, то здесь кто-то из них плевал в воду. Стояла глубокая тишина.

Перед ними замаячил корпус флагмана. На мачтах были подняты вымпела, и отряд гвардии в ярких мундирах образовывал кольцо вокруг главной палубы.

Адмирал Теонакс ожидал перед входом в деревянный дворец, развалившись на мехах и подушках. Сбоку стоял капитан Дельп в порванном и обгоревшем боевом снаряжении.

На плоту царила тишина. Когда лодка остановилась и причалила к корме, Трольвен, Толк и воины охраны ланнахов почти сразу же перелетели на палубу. А через пару минут, вскарабкавшись и тяжело дыша, и земляне вступили на плот дракхонов.

Ван Рийн оглянулся вокруг:

— Что за гостеприимство! — заверещал он на языке дракхонов. — Даже трапа не бросили вниз! Я вынужден преждевременно впихивать свои старые уставшие кости в гроб, и все из-за вас! Это же немыслимо — влезть в

такое корыто! О, господи! Какое бремя я взвалил на себя, тяжелое и неблагодарное! Иногда я думаю, а не плюнуть ли на все и уйти на покой? Но что станет тогда с Галактикой? Будете жалеть, но будет уже поздно...

Теонакс иронически посмотрел на него:

— Среди множества гостей Флота ты не отличаешься хорошими манерами, землянин. У меня большой долг перед тобой. И я не забуду заплатить его.

Ван Рийн двинулся по доскам палубы к Дельпу, протягивая руки.

— Значит, наша разведка была правильной: это твоя работа? — загудел он. — Хотя я мог бы и сам догадаться. Никто во всем Флоте, за исключением тебя, не имеет и грамма мозга в голове. Я, Николас Ван Рийн, выказываю тебе всяческое уважение.

Теонакс замер, а его советники послушно приняли позу возмущения таким поведением землянина.

Дельп мгновение колебался. Потом взял руку Ван Рийна в свою и вполне по-земному пожал ее.

— Путеводная Звезда свидетель, как я рад вновь видеть твое толстое и хитрое лицо, — сказал он. — Ты знаешь, чего стоил мне твой поступок... И если бы не моя жена...

— В интересах дела не должно быть свидетелей, — весело заметил Ван Рийн. — Ах, да, добрая госпожа Родонис. Как она чувствует себя? Как дети? Помнят ли они дядюшку Ника и его сказки, которые я им рассказывал на ночь?.. Ну, например, о...

— Если можно перебить тебя, землянин, — произнес Теонакс с изысканной вежливостью, давай перейдем, с твоего позволения, к делу. Кто будет переводить? Ах, да! Я помню тебя, герольд.

Он недоверчиво посмотрел на ланнаха.

— Смотри же, сообщи своему господину, что согласие на эти переговоры выразил мой Главнокомандующий Дельп хир Орикан. Он не спрашивал моего позволения на эту встречу и не выслал вестника, чтобы испросить его. Если бы я узнал об этом вовремя, ни за что не согласился бы на это, Я прикажу обстругать доски в том месте, где по ним ступали эти разбойники. Но поскольку

Флот связан словом чести, послам ничего не грозит. Кстати, в вашем языке есть понятие «честь»? Я выслушаю, что ваш вождь готов сообщить нам.

Толк кивнул и перевел сказанное на язык ланнахов. Трольвен напрягся, и в его глазах вспыхнули молнии.

Стражники ланнахов гневно заворчали, схватив рукоятки оружия.

Дельп неловко переступил с ноги на ногу, а некоторые капитаны Теонакса сконфуженно отвернулись.

— Скажи ему, — изрек сурово Трольвен, — что мы позволим Флоту покинуть море Ахан, если это будет сделано тотчас же. Конечно, потребуются заложники.

Толк перевел.

Теонакс оскалил зубы и засмеялся.

— Сидят, понимаешь ли, там, на жалкой кучке плотов, и еще осмеливаются командовать!

Его фавориты захихикали. Капитаны же Флота, его советники, сохранили достоинство.

Дельп выступил вперед и произнес:

— Адмирал знает, что я вдоволь испил чашу этой войны. Этими руками, крыльями и хвостом убил многих воинов врага. Этими зубами выпускал кровь неприятелю. Тем не менее я говорю сейчас: давайте хотя бы выслушаем их.

— Что? — глаза Теонакса округлились от удивления. — Я надеюсь, что это только шутка!

Ван Рийн сделал шаг вперед.

— У меня нет времени на препирательства! — загудел он. — Послушай меня, а я изложу это самыми простыми словами, и даже ребенок поймет, что я хотел сказать и сможет объяснить тебе это. Посмотри туда! — Он махнул рукой в море. — Там плоты. Может быть, их не так много, но думаю, что достаточно. Или вы с ними договоритесь, или будете воевать дальше. Если будет заключен мир, то через некоторое время и вы будете иметь столько же плотов. Вот так! Вбей это в свою башку и подумай!

Вейс кивнул головой. Хорошо. Очень хорошо. Тот плот драккхонов — почему он ускользнул от его корабля с экипажем, набранным из одних сухопутных крыс? Драккхоны могли метать стрелы на более далекое расстояние,

либо сражаться в одиночку в воздухе. Однако они не хотели рисковать, пуская противника на палубу, ведь эти сумасшедшие дьяволы, ланнахи, могли запросто поджечь плот. А плот был домом, крепостью и местом жительства — обитание на плоту было единственным образом жизни, известным культуре дракхонов. Если большинство плотов будет уничтожено, исчезнет возможность рыболовства — основного источника продуктов питания. Это же так просто!

— Мы утопим вас! — заверещал Теонакс. Он вскочил со своего места, захлопал крыльями, его гребень скривился, а хвост стал прямым, как стальной прут. — Утопим весь ваш помет!

— Может быть, и так, — кивнул Ван Рийн. — Но разве этого нам нужно опасаться? Если мы сейчас сдадимся, то и так все погибнем. Но если мы отправимся в ад, а ваших заберем с собой как можно больше, чтобы чистить там наши сапоги и подавать холодные напитки, то это будет только к лучшему, не так ли, Адмирал?

Выступил Дельп, и в глазах его светилась тоска.

— Мы приплыли в Ахан не из желания убивать. Нас сюда привел голод. Вы не позволили нам ловить рыбу, ту, которая вам не нужна. Правда, мы заняли также немного ваших земель, но нам ведь нужен доступ к воде. В этом мы не можем уступить!

Ван Рийн пожал плечами.

— Есть и другие моря. Мы можем позволить вам пару раз забросить сеть, но потом вы должны уйти.

Отозвался один из капитанов Флота:

— Господин уловил суть дела, — медленно сказал он. — Это, может быть, путь к решению... В конце концов, море Ахан имеет не столь большое значение, а для ланнахов оно не существует вообще. Конечно, мы вынуждены будем заселить побережье и занять некоторые острова, которые будут источником дерева, камня и так далее. И, конечно же, нам понадобится порт в заливе Сагна для спасательных и ремонтных работ. Эти требования касаются обороны и самообеспечения, а не проблемы выживания, как например, доступ к воде. Поэтому, может...

— Нет! — крикнул Теонакс. Точнее сказать, завыл. Все замолкли, как громом пораженные. Адмирал минуту тяжело дышал, а потом обратился к Толку:

— Скажи своему... вождю, — он выдавливал из себя каждое слово, — что как высшая власть, я отказываю вам. Мы сумеем уничтожить ваши силы при самых небольших наших потерях. Я не вижу повода, чтобы уступать вам. Мы можем позволить вам занять вершины Ланнаха. Это наибольшая уступка, на которую вы можете рассчитывать.

— Невозможно! — взорвался герольд. И тотчас же быстро перевел слова Трольвену, который напряг хребет и даже клацнул зубами от гнева.

— Горы нас не удовлетворяют, — объяснил Толк немного спокойнее. — Мы объели их до голой земли, и это ни для кого не тайна. Мы должны иметь низины. И наверняка не отдадим вам ни пяди земли, с которой позднее вы смогли бы атаковать нас.

— Если вам кажется, что вы можете победить нас, не неся при этом катастрофических потерь, то можем попробовать! — крикнул Эрик Вейс.

— Уверен, что сможем! — взорвался Теонакс. — Мы сделаем это!

— Мой господин! — Дельп заколебался и на мгновение прикрыл глаза. — Адмирал, — произнес он через мгновение абсолютно нейтральным голосом. — Эта последняя битва наверняка означала бы конец нашего народа. То небольшое количество плотов, которое уцелело бы, стало бы добычей первой же банды пиратов с островов, которые встретятся нам, без сомнения, сразу же после битвы. Дурные вести разносятся быстро.

— Но уход в океан тоже наверняка погубит нас, — Теонакс немного успокоился. — Разве что мы сможем переправить рыбу и сладкие водоросли из моря Ахан на широкую воду.

— Это правда, мой господин, — произнес Дельп.

Он повернулся и посмотрел Трольвену в глаза. Оба смотрели друг на друга спокойно, и во взгляде каждого читалось уважение к сопернику.

— Герольд! — произнес наконец Дельп. — Скажи так своему вождю: мы не покинем море Ахан. Мы не можем

сделать это. Если вы будете продолжать настаивать на этом, мы вынуждены будем сражаться в надежде, что нам удастся уничтожить вас, не понеся особенно больших потерь. У нас нет выбора. Но мы могли бы, — продолжал он, — отказаться от намерения захватить как Ланнах, так и Хольменах. Можете парить на суше. Мы будем обменивать нашу рыбу, соль, дары моря, изделия ремесел на ваш камень, мясо, дерево, сукно и масло.

— Может быть, — вмешался Ван Рийн, — случаем, придет вам в голову и такая мысль: если дракхоны не будут иметь постоянной суши, а ланнахи судов, то им будет немного сложней воевать между собой, не так ли? После нескольких лет такой торговли и взаимного обогащения настанет момент, когда они начнут зависеть друг от друга, и вот тогда-то война будет уже немыслима. И если вы сейчас быстро обо всем договоритесь, то вскоре у вас появятся дополнительные хлопоты, пока не прилетит с Земли Николас ван Рийн с товарищами и все утрясет. У меня, скажу вам, цены такие низкие, что их можно считать подарком от святого Николая!

— Заткнись! — взревел Теонакс.

Он схватил за крыло командира стражи и показал на Дельпа.

— Арестовать этого преступника!

— Мой господин!... — Дельп отошел назад.

Стража заколебалась.

Воины Дельпа окружили своего капитана, принимая боевую стойку. Среди солдат, столпившихся на нижней палубе, пробежал шумок.

— Путеводная звезда свидетель, — произнес Дельп, — что я только предложил это... мой Адмирал имеет, конечно, последнее слово...

— И это слово — «нет»! — вскричал Теонакс, снова жестом приказывая страже взять под арест Дельпа. — Как Адмирал и как Глава дракхонов, я не согласен. Не может быть никаких договоров между Флотом и этими... этими никчемными грязными... животными! — Он опьянел от душившей его ярости. Над головой он поднял свои руки и растопырил пальцы, словно когти.

В шеренгах дракхонов усилился шум. Капитаны все еще оставались возлежать, сохраняя спокойствие, только в глазах их появилась угроза.

Ланнахи, которые не понимали слов, но почувствовали тон ответа, сгрудились в группку и сильнее сжали оружие.

Толк быстро перевел ответ приглушенным голосом. Когда он закончил, Трольвен вздохнул:

— К сожалению, должен признать, — начал он, — если хорошо взвесить слова этого сукиного сына, то он прав. Разве можно в самом деле думать, что две расы, две такие чужие расы, как наши, могут жить в мире друг возле друга? Искушение сорвать договоренность чересчур сильно. Они могут опустошить наши земли в то время, как мы путешествуем на юг. Они могут вновь занять наши города... а мы, в свою очередь, можем когда-нибудь вернуться на север с союзниками, нанятыми среди пиратов... среди всякого сброда только за то, что пообещаем им добычу, отнятую у дракхонов. Пройдет лет пять, и мы так или иначе вновь будем хватать друг друга за горло. Поэтому лучше закончить сейчас. Пусть боги решат, кто прав, а кто не заслуживает права на жизнь.

И он, с учетом ситуации, напряг мускулы, чтобы броситься в бой, если бы в этот момент Теонакс решил нарушить перемирие.

Ван Рийн поднял руки и заговорил. Его голос загудел, как колокол, размером, по крайней мере, с плот Адмирала. И стрелы, уже вложенные в тетивы, вернулись назад, в колчаны.

— Остановитесь! Подождите, черт вас побери, одну минуту! Я еще не все сказал вам, дураки!

Он кивнул в сторону Дельпа.

— У тебя в голове есть кое-что, парень. Может быть, среди вас есть еще кто-нибудь, у кого в голове имеются мозги, а не остатки заплесневелого чая, который продает конкурирующая со мной фирма? А если это так, то я должен сказать вам нечто важное. Я говорю на языке дракхонов, а ты, переводчик, побыстрее переводи, если желаешь остаться в живых. Этого еще на вашей планете никто никогда не слыхал. Я говорю вам, дракхоны и

ланнахи, — вы не чужие друг другу! Вы принадлежите к одной и той же расе, одинаковы и абсолютно равны по своей тупости!

У Эрика перехватило дыхание.

— Что? — прошептал он на английском языке. — Но цикл их воспроизводства...

— Убейте этого толстого червяка! — крикнул Теонакс.

Ван Рийн нетерпеливо отмахнулся от него и заорал с новой силой:

— Заткнись, идиот! Сейчас говорю я! Пусть оба народа сядут и выслушают то, что скажет им Николас Ван Рийн.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Эволюция разума на Диомеде остается еще в сфере предположений: не было времени до сих пор копаться в земле в поисках каких-то там окаменелостей. Однако, на основании биологических законов развития, а также общих принципов развития разумных существ, можно дедуктивным способом проследить путь развития вашей цивилизации в течение прошедших тысячелетий.

Районы, лежащие вблизи экватора, не знали длинных дней и ночей, которые так характерны для других географических широт; во время Равноночия солнце бежит по небу шесть часов и заходит на остальные шесть часов. Во время зимнего Солнцестояния наступает сумрак, а солнце находится либо едва над горизонтом, либо вообще не появляется. На Диомеде это создало идеальные условия для развития жизни. Среди разновидностей существ, живших в прошедших эпохах, нашлось одно: хищник, обитавший на деревьях. Как земная белка летяга, это существо отрастило себе перепонки, на которых перелетало с дерева на дерево.

Однако планета, имея небольшую плотность ядра, не обладала постоянной формой. Континенты поднимались из моря и погружались в воды океана в течение всего каких-то сотен или, может быть, тысяч лет. Воздушные

и океанские течения соответственно меняли свои направления. Здесь надо отметить, что в связи с сильным наклоном оси планеты и наличием большой массы свободной океанской воды диомеданские течения переносят больше тепла или холода, чем земные течения.

Вследствие этого в какой-то момент времени, когда — сейчас это не существенно — на равнинах произошли резкие климатические изменения. Леса исчезли, оставшиеся кое-где рощицы были разделены обширными сухими степями. И псевдолетуны вынуждены были отрастить себе настоящие крылья, чтобы перелетать из одного леса в другой. Приспособившись к изменившимся условиям, они начали охотиться на новых травоядных существ, которые появились в степях. Чтобы справиться с копытными, они стали крупнее и сильнее. Однако вместе с этим потребовалось и больше пищи для столь крупного тела, и поэтому они стали селиться везде, где можно было добыть много еды: на побережьях, в горах, на болотах, на равнинах. Благодаря своей подвижности, они все же сохраняли однородность расы, не разделяясь на несколько видов. Тем самым, отдельный индивид мог выжить в разных средах обитания в течение всей своей жизни, а это, в свою очередь, способствовало тому, чтобы не дать угаснуть искре разума.

На этом этапе по какой-то непонятной причине раса, вернее, часть ее, та часть, которая должна была занять главенствующее место, не родилась. Скорее всего, из-за геологических изменений континент, на котором она жила, был разломан, и образовался ряд небольших островов, которые были не в состоянии прокормить большое количество этих существ. А может быть, это не были геологические катаклизмы, а, к примеру, длительная засуха, кто знает... Как бы то ни было, началась миграция расы от экватора на север и юг. Там были лучшие земли, лучшие условия для охоты, но там был холод, который стал убивать их. И при наступлении очередной зимы они вынуждены были откатываться в тропики, чтобы выждать, пока на родине не наступит весна. Это не было инстинктивным действием, как у земных перелетных птиц. Существа были уже настолько разумны, что уже не руководствовались

инстинктом; были и приобретенные навыки. Изобретенные орудия труда еще больше способствовали развитию разума.

Однако ценой разума является значительное увеличение длительности детства по отношению ко всей продолжительности жизни. Гены не могут передавать знания, и каждое новое поколение должно усваивать их заново, а для этого нужно время. Из-за этого ни один вид не станет разумным, пока он сам либо среда, в которой он обитает, не создаст условий, способствующих тому, чтобы родители могли сохранить и обучить молодых в этот удлиненный период младенчества и неосознанного детства. Любовь матери в этом случае недостаточна; мать и так достаточно занята тем, чтобы следить за детьми, которые из-за своего чрезмерного любопытства могут причинить себе вред. Кроме того, она занята поисками пищи и ведением, пусть это и звучит смешно, домашнего хозяйства. Здесь должен помогать отец, иначе что ж еще должно удержать отца в семье, когда исчезает сексуальное влечение?

Инстинкт? Например, у некоторых птиц оба родителя воспитывают птенцов. Однако для разумных существ инстинкт не может быть единственным мотивом поведения. Отец должен иметь соответствующий эгоистический повод для того, чтобы остаться в семье, поскольку имеет уже столько сознания, что способен на этот самый эгоизм.

В случае с человеком дело было совсем просто: постоянное половое влечение. Отсюда возникла семья, а затем и возможность продления времени детства.

В случае диомеданцев это была миграция. Каждое племя каждый год пускалось в длинную и опасную дорогу. Лучше всего было путешествовать вместе, организованно. В конце такого путешествия к тропикам стаи распадались, существа занимались продолжением рода, но это не могло продолжаться длительное время, так как небольшие лесистые острова не могли обеспечить пришельцев достаточным количеством пищи.

Это примитивное ежегодное группирование, не вызванное слепым инстинктом, а представляющее плод сознательного решения, привело к возникновению многочисленных постоянных связей. Группы враждующие стали группами сотрудничающими. Только теперь суровые условия

длительных перелетов привели к тому, что тела самцов и самок видоизменились. Одно было приспособлено к сражению, другое — к ношению тяжестей. А отсюда же и выгода к поддержанию партнерства обеих полов в течение всего года.

Семьи на Диомеде чаще всего представляли собой целые кланы, происходящие от одной матери. В условиях долговременной беременности, продолжительного детства, постоянных изменений геологических и погодных условий, борьбы каждую зимовку в тропиках за сексуальных партнеров с чужими группами семейные кланы имели все условия для того, чтобы не дать угаснуть в себе искре разума.

В соответствии с этим сформировался язык, возникли новые инструменты, семьи стали поддерживать огонь и образовалось бесформенное и неуловимое нечто, которое называется культурой. Хотя диомеданец не имел никакого врожденного инстинкта поведения, он старался поступать так, как требовала сама жизнь. Так было легче всего. Здесь можно провести параллель с родом человеческим, которому вовсе не приказывает инстинкт удовлетворять сексуальное влечение только через супружество, хотя почти все земные народы поступают именно так. У землян возник своего рода инстинкт разума — семья. А у диомеданцев — инстинкт полета на юг для размножения. Но это не означает, что так обязательно должно быть!

Если где-то возникает временной цикл размножения, то он всегда регулируется каким-то простым, доступным механизмом. Например, для множества видов земных птиц период сексуальной активности вызывается увеличением продолжительности весеннего дня. Тепло и солнечный свет включают гормональные процессы, которые активизируют спящие половые органы. На Диомеде такое было невозможно, слишком большая разница в световом цикле в зависимости от географической широты. Однако, когда первобытный диомеданец начал мигрировать и из-за этого мог размножаться только в определенную пору года, поскольку дети должны были выжить, процесс эволюции вынудил его к упорядочению размножения.

Охотник по своей сути, иногда употребляющий растительную пищу — орехи, фрукты и дикорастущее зерно

— диомеданец работал урывками. Миграция требовала усилий, напряжения на длительный период времени; по крайней мере, сотни или тысячи поколений пережило формирование необходимых мускулов крыльев, не говоря уже о времени, необходимом для дальнейшего приспособления.

Такие усилия стимулировали некоторые железы, которые, включая гормональную систему, окончательно пробуждали половые органы. Исключение составляли кормящие матери, у которых молочные железы выделяли вещество, ослабляющее половое влечение. Во время перелета концентрация полового влечения нарастала, поскольку не было ни сил, ни времени, которое можно было бы посвятить на его растрачивание.

Уже в тропиках отдохнувший и оживший диомеданец наверстывал все, чего был лишен в течение года. Наверстывал так тщательно, что обратная дорога не оказывала существенного влияния на обессиленные органы.

Временами, я не берусь сказать более определенно, он мог почувствовать тягу к существу противоположного пола даже и на родине. Подавлялось это чувство так же сурово, как человек подавляет тягу к кровосмешению, и этому была причина: ребенок, рожденный до перелета, был обречен на смерть так же, как и его мать. Не то, чтобы средний диомеданец понимал такое сознательно, он просто одобрял запрет.

Тем не менее, несомненно, слабое продолжающееся весь год половое влечение было вначале подсознательной причиной для образования кланов и племен.

Когда путешествующий диомеданец наталкивался на племя, которое не соблюдало его самое страшное табу, он чувствовал физический страх.

Племя дракхонов является одним из многих племен, которые не испытывали необходимости миграции. Они начали искать источники питания в море, а не только на суше. Через много веков они усовершенствовали свои лодки в корабли с парусами и стали жить на них.

Это произошло скорее с целью обеспечения безопасности, чем для поисков пищи. Это давало приют, где можно было постоянно жить. Давало возможность строительства

и применения сложных инструментов, сбора и накопления знаний, давало возможность вести дискуссии о разных проблемах; короче говоря, давало свободу, которой не обладала ни одна из путешествующих рас, разве что в весьма ограниченной степени. Но если говорить о негативной стороне такого образа жизни, это был тяжкий труд под гнетом сформировавшегося класса аристократии.

Отсутствие необходимости тяжелых перелетов у этих народов привело к тому, что табу на половое влечение стало постепенно ослабевать. Теплые каюты и запасы еды, которой обеспечивало море, еще более усилили этот эффект. В конечном итоге возникла такая ситуация, когда племена перестали зависеть от времени года. Тем самым моряки сформировали систему супружества и воспитания детей, похожую на человеческую; не чуждо им было даже понятие «романтической любви».

Моряки стали считать представителей путешествующих рас бесстыдными, а те отвечали им тем же.

Мало того, прошло время, и уже ни одна из культур не была в состоянии представить себе, что та, другая, принадлежит к той же расе, что и она.

Ну так как, можно доверять представителям совершенно чужой расы?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Это о причинах вашей глупой разницы в убеждениях по поводу возникновения этой бессмысленной войны, — заключил Ван Рийн. — Но сейчас мы оставим это и перейдем к тому, чтобы трезво и мирно обсудить создавшееся положение.

Конечно, его гипотеза грешила неточностями. Он намеренно ограничился простейшими, многократно повторяющимися формулировками, рисуя одно, по его мнению, трезвое объяснение хорошо известных различий в вопросах размножения.

Ван Рийн потер руки и захохотал:

— Ну как? Вот подкинул я вам изюминку, а? Думаю, что никто другой не смог бы сделать такого! Конечно, еще долгое время вы будете считать, что те, другие, в этих делах ведут себя неестественно. Будете сами о себе друг другу рассказывать сальные анекдоты... Кстати, я знаю несколько таких, которые можно было бы легко перевести на ваши языки. Но вы всегда будете помнить, что принадлежите к одной расе. Мог бы каждый из вас быть примерным гражданином другого народа? На это пока что трудно ответить. Может быть, когда-нибудь, когда пройдет достаточно времени, вы сможете сблизить свои обычаи. Почему бы вам немного не поэкспериментировать? Нет, нет, я вижу, что эта мысль пришлась вам не по вкусу, значит, я больше ничего не скажу.

Он скрестил руки на груди и стал ждать — крупный, заросший, ободранный, покрытый заскорузлой, многонедельной грязью человек.

На скрипящих досках палубы, под красным солнцем и дуновением слабого бриза десятки крылатых воинов и капитанов дрожали перед лицом невообразимых вещей, которые они только что услышали.

В конце концов первым подал голос Дельп. Он заговорил медленно, глубоким голосом, словно боясь нарушить эту нависшую тишину.

— Да. Похоже, то, что ты сказал, землянин, имеет смысл. Я могу поверить в это...

После минутного молчания он склонил голову в направлении неподвижного, как скала, Теонакса.

— Мой господин, — сказал он, — это меняет дело. Считаю, что мы могли бы договориться... Они получат всю землю, а мы будем владеть морем Ахан. Сейчас, когда мы узнали, что они не дьяволы, не звери... Обычные гарантии, договоренность, обмен послами обеспечат продолжительность и надежность договора.

Толк заговорил шепотом на ухо Трольвену. Командир ланнахов кивнул головой.

— Да, я считаю так же, — сказал он.

— Удастся ли нам убедить Совет и кланы, господин? — спросил Толк.

— Герольд, если мы принесем выгодный договор, Совет объявит нас богами!

Толк перевел взгляд на Теонакса, который возлежал без движения посреди дворца. Поседевшая шкура съежилась на гребне герольда.

— Сначала мы должны целыми вернуться в Совет.

Теонакс поднялся.

Его крылья затрепетали в воздухе, издавая треск, словно ломались кости под ударами топора. На его морде появилась гримаса, зубы оскалились и сверкнули хищным блеском.

— Достаточно! — рявкнул он. — Мы должны закончить этот фарс!

Трольвену и эскорту ланнахов не потребовалось перевода. Схватив рукоятки оружия, они мгновенно образовали защитный круг. Их челюсти инстинктивно захлопнулись, словно куснули воздух.

— Мой господин! — Дельп вскочил на ноги.

— Успокойся! — заскрежетал Теонакс. Ты уже сказал достаточно. — Он посмотрел по сторонам. — Капитаны Флота, слушайте все, как Дельп хир Орикан предлагает заключить договор с существами более хитрыми, чем дикие хоры! Запомните это!

— Но, господин... — Один из старших офицеров поднялся с места, поднимая руки вверх в знак протеста. — Адмирал, мой господин, здесь же сейчас доказали, что они не звери... только другая...

— Допуская даже, что землянин сказал правду, что вообще вряд ли возможно, ну и что с того? — Теонакс насмешливо посмотрел на Ван Рийна. — Тем хуже! Известно, что дикие хоры не могут справиться со своими инстинктами, тогда как эти ланнахи ведут себя неприлично по своей собственной воле. И вы позволите им жить? Могли бы... могли бы торговать с ними... жить в их городах... Может быть, вы уже готовы отдавать своих дочерей на поругание?

Капитаны посмотрели друг на друга. Это было словно немой стон. Только Дельп решился заговорить вновь:

— Прошу покорно, чтобы Адмирал вспомнил об отсутствии выбора. Если мы будем воевать с ними до конца, то он может стать и нашим концом.

— Вздор! — взревел Теонакс. — Ты просто боишься их, или они тебя подкупили!

Толк все шепотом переводил Трольвену. Эрик Вейс с горечью слушал, что Командующий отвечал герольду.

— Если он придерживается такого решения, то, естественно, о договоре не может быть и речи, — говорил Трольвен. — Если бы мы даже договорились, он потом пожертвует своими послами, а о нашей судьбе даже не удосужится вспомнить. Когда он соберется с силой, то сразу же вновь возобновит войну... Да, это скорее всего. Улетим, пока он первым не прервал перемирие!

«Да, это так, — подумал Эрик. — Мир на этом закончится. Он погибнет под градом камней, а Сандра умрет в стане охотников. Во всяком случае, мы сделаем попытку...»

Он напрягся. Возможно, Адмирал не позволит им вернуться...

Дельп огляделся, заглядывая то в одно, то в другое лицо.

— Капитаны Флота! — закричал он. — Прошу вас подумать! Умоляю вас, объясните Адмиралу, что...

— Если кто-либо промолвит хотя бы одно предательское слово, он потеряет крылья! — крикнул Теонакс. — Может быть, кто-то желает моей отставки!

«Это было смелое заявление, — подумал Эрик Вейс. — Поставить все на карту. Конечно же, этому лису удастся это. В этом кастовом обществе никто не может поставить под сомнение его абсолютную власть, даже отважный Дельп. Капитаны могут колебаться, но никогда не нарушат традиции.»

Тишина стояла поразительная.

Нарушил ее Николас Ван Рийн сочными земными словами. Все вздрогнули. Теонакс присел на задних конечностях, на минуту напомнив кота с крыльями летучей мыши.

— Что? — взорвался он.

— Ты что, глухой? — вежливо поинтересовался Ван Рийн. — Не знал, что ты тут на ухо. Повторяю... — И он повторил всю тираду, дополнив ее несколькими новыми словами.

— Что это означает?

— Это земные выражения, — ухмыльнулся Ван Рийн. — Не знаю, смогу ли я точно перевести на ваш язык... Это означает, что ты...

Эрик Вейс не думал, что толстяк так хорошо знает язык дракхонов. Это были самые изощренные ругательства, какие он когда-либо слышал.

У капитанов перехватило дыхание. Некоторые инстинктивно схватились за оружие. Стража дракхонов на верхней палубе натянула луки.

— Убейте его! — закричал Теонакс, тыча пальцем в Ван Рийна.

— Нет! — Бас купца взорвался в ушах, и этот звук парализовал дракхонов. — Я парламентер! Пусть хоть волос упадет с наших голов, и Путеводная Звезда утопит вас в кипящих водах ада!

Это удержало дракхонов.

Теонакс не повторил приказа.

Стражники отпрянули и замерли на местах, а офицеры были напряжены и не могли произнести ни слова.

— Хочу вам еще что-то сказать! — продолжал Ван Рийн чуть ли не в два раза громче, чем пароходная сирена. — Я говорю всему Флоту, а вы уже сами спросите себя, чего добивается этот жалкий кусок дерьма. Он толкает вас на войну, в которой могут проиграть только обе стороны. Я говорю вам, он хочет рисковать вашими жизнями, жизнями ваших жен и детей, даже существованием всего Флота! Вы спросите, зачем? И я отвечу! Потому что он боится! Знает, что после нескольких лет торговли с моей фирмой, после моих низких цен, все начнет изменяться! Вы начнете сами думать! Сделаете глоток свободы! И постепенно власть ускользнет из его лап. А он является слишком большой свиньей, чтобы жить самостоятельно! Нет, он должен иметь охрану и рабов из всех вас, которыми может править, чтобы доказать самому себе, что не выскочил у мамки из-под хвоста, а является настоящим правителем. Он лучше пошлет Флот на верную гибель и сам погибнет, чем согласится на этот договор и потеряет все!

— Убирайся с моего плота! — брызгая слюной, зашипел Теонакс, весь трясясь. — Я никогда не подпишу этот договор!

— Хорошо, я уйду, — кивнул Ван Рийн. Он подошел к Адмиралу. Палуба загудела от его шагов. — Я уйду, а ты будешь воевать дальше, если хочешь этого. Однако я сначала задам тебе один вопрос. — Он остановился напротив его адмиральского величества и нацелился волосатым пальцем в царственный нос:

— Почему столько шума из-за каких-то странных обычаев ланнахов? Может быть, ты тайно сам занимаешься такими штуками, а?

Сказав это, он повернулся к Теонаксу спиной...

Вейс не заметил того, что произошло потом, так как на мгновение стражники и капитаны Флота перекрыли ему обзор. Он услышал только какой-то писк и рев Ван Рийна. И тут же перед взором Эрика развернулся ураган крыльев.

Что-то произошло!

Он бросился в массу стиснутых тел. Его ударили хвостом по ребрам. Едва почувствовав этот удар, он влепил кому-то кулаком в лицо, но сделал это лишь затем, чтобы убрать противника с дороги и увидеть...

Николас Ван Рийн стоял с руками, поднятыми кверху, окруженный несколькими десятками острых копий.

— Адмирал укусил меня! — орал по-дракхонски толстяк. — Я здесь посол, а эта свинья меня укусила! Где написано в правилах международных отношений, чтобы глава государства кусал заграничных послов, а? Разве земной президент кусает дипломатов? Это варварство! Понимаете, вар-вар-ство!

Теонакс отодвинулся назад, сплевывая и вытирая кровь с лица.

— Убирайся! — приказал он приглушенным тоном. — Уходи сейчас же, землянин!

Ван Рийн склонил голову:

— Идемте, друзья. Найдем себе такое место, где существуют более цивилизованные обычаи.

— Извините, сэр... Куда он вас?.. — Эрик подошел ближе.

— Неважно, куда, — раздраженно бросил Ван Рийн.

Трольвен и Толк присоединились к ним. За ними двинулся эскорт ланнахов. Они прошли размеренным шагом по палубе, стараясь не выдавать своей радости при виде замешательства, охватившего дракхонов от столь некрасивого поступка их предводителя.

— Вы должны были предусмотреть это, — прошептал Вейс. У него уже не было никаких сил, ни эмоций, за исключением чувства гнева из-за невероятной глупости шефа. — Это раса хищников. Разве вы никогда не видели, как они щелкают челюстями, когда злятся? Это движение... нужно было предугадать его!

— Ты прав, мальчик, — пожал плечами толстяк. — Но нет худа без добра. Посмотри на наших ланнахов, они прямо светятся от радости за такой ляпсус дракхончиков. И посмотри на его подданных, они не находят себе места от горя.

— Но они могли запросто убить тебя, разве не так?

Ван Рийн не счел нужным ответить.

Дельп догнал их возле фальшборта. Его гребень жалко свисал набок.

— Мне жаль, что все так получилось, — сказал он. — Мы могли бы жить в дружбе...

— Может быть, еще не все потеряно, — развел руками Ван Рийн.

— Что ты имеешь в виду, землянин? — Усталые глаза Дельпа смотрели на толстяка без тени надежды.

— Ты это сможешь скоро узнать! — Ван Рийн положил руку на плечо дракхона. — Ты отличный парень, Дельп. Мы могли бы найти тебе занятие, например, ты мог бы стать моим торговым агентом на этой планете. Конечно, за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, знай, что ты единственный, кого любят и уважают. Если что-то случится с этим адмиралишкой, и они ударятся в панику, человеком, который сможет привести их в чувство, будешь ты и только ты! Если они не дураки, то именно к тебе они должны будут обратиться за помощью. И если ты в такую минуту будешь действовать быстро, то сам станешь Адмиралом. А вот тогда-то мы еще раз сможем все обговорить по-настоящему, разве не так?

Отвернувшись от Дельпа, который остался стоять как вкопанный, он с обезьяньей ловкостью вскочил в корыто подъемника и приказал дракхонам быстро опускать их.

Оказавшись в лодке, он заорал:

— А сейчас, ребятки, гребите, как сумасшедшие!

Они были уже почти возле своего флота, когда Эрик заметил тучи крыльев, взметнувшихся с королевского плота. От волнения он сглотнул.

— Атака... Они уже начали? — Он проклинал себя за то, что голос его срывался в такой момент.

— Эх, парень, жаль, что меня там сейчас нет! — Ван Рийн выпятил грудь, стоя на корме лодки, и кивнул головой. — Думаю, что это не война. Это просто-напросто суматоха. Сейчас Дельп должен захватить власть в свои руки, и они успокоятся как миленькие.

— Но Дельп...

Ван Рийн пожал плечами.

— Если диомеданский белок является для нас ядом, — сказал он, — то наш для них тоже не сахар. А наш покойный ныне Теонакс укусил меня, между прочим, до крови. Это еще раз доказывает, что дурной характер доставляет его владельцу массу хлопот. Лучше действовать по моему примеру: если меня кто-то бьет, я подставляю другую щеку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Торговая база Галасоциотехнической Лиги не имела хорошего медперсонала; всего-то, что автодиагност, пара робохирургов и роботерапевтов, бедный выбор лекарств да еще ксенобиолог базы, в обязанности которого вменялось заниматься лечением. Так или иначе, шестидневный пост не грозит летальным исходом, если перед его началом человек был сильным и здоровым, а для перелета ему служили руки, ноги, крылья и хвосты двух народов, населяющих планету. При помощи биопрепаратов восстановление сил проходило успешно, а диета, начавшаяся с глюкозы внутривенно, через пару дней закончилась

увесистыми бифштексами с кровью. На шестой диомеданский день Эрик Вейс уже немного поправился, но еще неуверенно расхаживал по комнате.

— Закурим? — предложил молодой человек по имени Бенеган.

Когда экспедиция вернулась, его не было на станции, поскольку он посещал поселение аборигенов, с которыми торговали земляне. Только сейчас он обо всем узнал и с уважением предложил сигарету.

Эрик остановился, и халат обернулся вокруг его ног. Он постоял немного, а потом усмехнулся:

— Кажется, за все то время, пока у нас не было табака, я утратил привычку курить. Встает вопрос, а стоит ли ее возобновлять?

— Но, извините, сэр, разве не...

— Хотя нет! Дай мне сигарету! — Эрик сел на край кровати и осторожно затянулся. — Наверняка я еще восстановлю все свои привычки и приобрету парочку новых!

— Вы хотели рассказать мне о том, как было сообщено на станцию о случившемся, — напомнил Вейсу Бенеган.

— Ах, да. Это очень просто. Я придумал это за десять минут. Нужно было послать достаточно многочисленную группу диомеданцев с известием на бумаге, а также одного толкового переводчика, Толка, чтобы он мог расспросить о дороге к базе по ту сторону океана. Необходимо было также спроектировать большой плот, состоящий из легких дощечек, которые можно было бы привязать к хвосту. Каждый диомеданец мог нести один элемент, и когда нужно было, легко соединяли их в плот. Они отдыхали на нем, ловили рыбу, ели и так далее. В этой группе было также несколько специалистов из Флота, которые занимались сборкой плота и управлением. В это время года дождь идет часто, так что можно было собирать дождевую воду в емкости и пить ее. Проблемы с водой у них не было, впрочем, так же, как и с едой. Я был уверен, что с этой стороны все будет в порядке. Дракхоны ведь уходят в море на очень долгий срок, и никогда у них не бывает проблем с водой. Правда, они уходят на своих огромных плотах, но,

тем не менее, они приучены добывать воду в условиях длительного плавания. Не забывайте, Бенеган, что это — планета дождей. Кроме того, я настаивал на том, чтобы в группе было несколько женщин из расы ланнахов по причинам, которые тебе уже известны. Означало это то, что члены группы посланцев из обоих народов должны избавиться от вековых предрассудков. В перспективе этот факт должен изменить всю их жизнь гораздо больше, чем все впечатления, какие могли произвести на них земляне при помощи таких штучек, как доставка их обратно за один день. С этого момента — хотят они этого или не хотят — те, кто отправился в путешествие, станут зачинателями нового в обеих культурах. Они станут почвой под зерна диомеданского интернационализма. Но это пусть утешает Лигу, а не меня.

Вейс пожал плечами.

— После отлета посланников, — продолжал он, — мы могли только ждать. Мы лежали и ждали. После первых дней уже не было так плохо. Аппетит со временем пропадает.

Он погасил сигарету и передернулся от отвращения к никотину. После долгого воздержания от курения у него закружилась голова.

— Когда я увижу остальных? — спросил он. — Я уже выздоровел, и мне скучно. Хочу пообедать с друзьями, черт возьми!

— Собственно, сэр... — начал Бенеган, — кажется, что сэр Ван Рийн говорил что-то...

В это время в коридоре загрохотал голос:

— Ад и дьяволы! Бездельники! Кто будет работать?..

— ...О том, что он собирается навестить вас, — закончил Бенеган, съежившись от испуга при голосе шефа.

— Тогда беги отсюда, парень, — усмехнулся Эрик. — Ты слишком молод, чтобы слышать то, что будет здесь сказано. Мы — братья по крови, которые обманули смерть, присягнули в дружбе и так далее, и так далее, и тому подобное, вот-вот должны встретиться.

Юноша скрылся через другую дверь, а Эрик встал с постели. Ван Рийн ввалился в помещение через главный вход. Его фигура Юпитера немного округлилась, он опи-

рался на палку с золотым набалдашником. Волосы у него были вновь завиты в элегантные черные локоны, усы и бородка подстрижены в стрелку, кружевная рубашка и камзол были усеяны крошками табака, а ноги, напоминающие волосатые пни, торчали из гигантских сапог. Пальцы обеих рук были унизаны перстнями с бриллиантами, а на шее висела серебряная цепочка размером с хорошую якорную цепь.

Он махнул рукой, в которой держал вонючую сигару вместе с четырехслойным бутербродом, и зарычал:

— Ага, ты уже на ногах! Отлично, мой мальчик! Выздороветь можно лишь тогда, когда перестанешь хлебать этот помойный супчик! Знает ли этот сумасшедший ветеринар, сколько стоит мне каждый час, проведенный здесь? Какой куш попадет мне в руки, если я доберусь до дома, прежде чем эти шакалы конкуренты узнают, что Николас Ван Рийн несмотря ни на что жив и здоров! Только что я втолковывал инженеру станции в его высохший гриб, который он носит вместо головы, что если мой корабль не будет готов к старту завтра в полдень, то я привяжу его снаружи к обшивке корабля и прикажу взлетать. Ты сам тоже возвращаешься с нами на Землю, нет?

Эрик Вейс ответил не сразу.

За спиной Ван Рийна в комнате возникла Сандра. Она ехала в инвалидном кресле, такая бледная и худая, что у него заныло сердце. Ее волосы разметались на подушке, как легкое холодное облачко, и казалось, дотронься до нее — и ощутишь холод. Только глаза у нее были живые, огромные, как бесконечная зеленая глубина земных морей.

Она улыбнулась ему.

— Мисс... — прошептал он.

— А, — махнул рукой Ван Рийн. — Она тоже летит. — Он выбрал спелое яблоко из вазы, стоящей возле кровати Эрика, и смачно откусил. — Продолжим нашу прерванную прогулку; может быть, на борту не будет столько забав и развлечений, но все же... — он повернулся и глянул на девушку одним глазом.

— Отставим это на потом, когда вернемся на Землю, — улыбнулась Сандра.

— Но у вас может не хватить сил на такое путешествие... — испугался Вейс. Он сел на кровать — ноги не держали его.

— Хватит, — сказала она тихо. — Я должна только соблюдать предписанную диету и много отдыхать.

— А вот это самое худшее, что мы можем сделать, — буркнул Ван Рийн, доедая яблоко и выбирая апельсин.

Наступила неловкая пауза. Ван Рийн стал есть апельсин, бросая корки на пол.

— Даже с большего несчастья, — наконец подал он голос, — добрый господь бог может дать нам хорошую прибыль, если только на то будет его воля. Я не могу лично знать всех людей, работающих на меня, но многообещающие парни, такие, как ты, только зря теряют время на маловажных участках, похожих на эту планету. Я заберу тебя на Землю и найду хорошую работу в соответствии с твоими способностями.

«Коль скоро она забыла то холодное утро под горой Оборх, — подумал Эрик Вейс, — я сам могу вспомнить другие, менее приятные вещи и громко говорить о них. Час настал.»

Он был все еще немного слаб и немного дрожал, однако перехватил взгляд Ван Рийна и гневно произнес:

— Это, конечно же, для вас, сэр, простейший способ, чтобы восстановить чувство собственного достоинства. Подкупить меня теплым местечком, чтобы я забыл, как Сандра сидела с кисточкой в тесной каморке и падала от усталости, как отдала вам последнюю еду... и как я напрягал все силы для того, чтобы освободить нас, пленных, в том краю... Не прерывайте меня, сэр! Знаю, что вы тоже принимали в этом участие! Вы сражались во время морской битвы, но у вас не было выбора, не было, где спрятаться. И вы нашли выход, чтобы избавиться от невыгодного партнера. У вас талант к таким вещам. Вот вы и сделали несколько результативных предложений. Но к чему все это привело? — продолжал он. — В сумме это не больше, чем приказания для меня, типа «сделай это», «построй то». И я вынужден был делать все это, имея помощниками нелюдей и инструменты каменного века. Я должен был сам все проектировать! А теперь что

я слышу:«Заберу тебя на Землю!» Вся ваша роль, ваше руководство сводилось к прогулкам, к игре в кости, разговорам, тайной политике, обжираловке в то время, когда Сандра лежала без еды на Даврнахе! А все заслуги вы приписали себе! И сейчас я должен лететь на Землю, засесть в том грязном хлеву, который вы называете Бюро, и провести остаток своих дней, обивая баклуши и держа язык за зубами, когда вы будете похваляться приключениями на Диомеде! Что, не так? Возьмите себе свою должность и...

Эрик почувствовал на себе взгляд Сандры, полный сочувствия, и резко замолчал.

— Я ухожу из Компании! — наконец пробормотал он.

Во время всей этой речи Ван Рийн, наконец, прикончил апельсин и вернулся к бутерброду, затем громко икнул, облизал пальцы и затянулся сигарой.

— Если ты считаешь, что я раздаю теплые местечки, — загудел он неожиданно вежливо, — то ты великий оптимист. Я раздаю хорошие должности только потому, что считаю, что от толкового специалиста будет больше пользы, чем от какой-то бараньей головы, даже если эта голова сидит на Земле. Я буду платить тебе столько, сколько ты заслужишь своими трудами. И даю слово, что работы у тебя будет навалом.

У Эрика захватило дух.

— Вольному воля, можешь оскорблять меня, если хочешь, — продолжал Ван Рийн. — Я знаю тебя, парень, и поэтому не обижаюсь. Ты это делаешь не из-за того, чтобы сделать пакость старику. Поэтому-то я и не обижаюсь. Сейчас же я хотел бы покинуть вас, милые мои. Я еще не выяснил, кто же подложил бомбу в корабль. А вот когда я узнаю кто, вот тогда-то и займусь им. Вот будет потеха! Нет, постойте! Сначала я схожу и попрошу своего повара, чтобы он сделал мне небольшой бутербродик, так, с полбатончика. Похоже, черт побери, если я им не скажу, они здесь меня уморят с голода!

Он помахал волосатой рукой и удалился, как небольшое землетрясение.

Сандра подкатила на кресле ближе и положила руку на руку Эрика. Ее прикосновение было холодным, мяг-

ким, как падающий октябрьский листок, но огнем обожгло его кожу.

Словно сквозь туман он слышал ее голос.

— Я ждала такой реакции от тебя, Эрик. Да, многие имеют талант только на то, чтобы мешать другим. Конечно. Но он к ним не относится. Без него мы оба лежали бы сейчас на дне моря Ахан.

— Но...

— Жаль, что он вынуждал тебя выполнять вещи, которые требовали от тебя, а не от него, применения своего умения. Да, конечно же, вынуждал! Командиру нет необходимости делать все самому. Ему нужно только приказывать... убеждать, применять силу, понукать... и все для того, чтобы заставить других делать то, что нужно сделать, неважно, возможно это или нет. Ты говоришь, что его работа сводилась только к болтовне, шуткам и созданию внешнего эффекта, чтобы произвести впечатление на провинциалов-туземцев. Ну конечно же, это так! Ведь кто-то же должен был это делать! Мы были бы для них чудовищами, чужаками и неумехами, если бы не его разговоры. Смогли бы мы сами без него начать жалкими глупцами, а закончить почти королями? Ты говоришь, что он подкупал при помощи вещей, которые выиграл в фальшивые кости, врал, обманывал, интриговал как тайно, так и открыто. Это правда, но я не говорю, что это хорошо. Но и не говорю также, что он находил в таких действиях удовольствие. Можешь ли ты, однако, предложить хотя бы один другой способ, который сохранил бы нам жизнь? Либо хотя бы принести мир этим бедным измученным народам?

— Но... — Он отвел глаза и посмотрел в окно, на голый пейзаж за ним. Мелькнула мысль, что, может быть, было бы хорошо отдохнуть немного на менее суровой природе Земли. — Как знать, — сказал он в конце концов неохотно, цедя каждое слово. — Думаю... однако, что слишком быстро осудил его. Но мы тоже сделали немало, сама знаешь. Без нас он никогда бы...

— А я считаю, — прервала она его, — что без нас он нашел бы другой способ, как добраться до дома. А вот мы без него — вряд ли!

Он резко отпрянул назад. Ее лицо горело красным огнем, гораздо более ярким, чем мог вызвать солнечный блеск, проникающий снаружи.

«Она в конце концов женщина, — подумал Эрик с усталостью, которая внезапно охватила его. — Женщины отличаются от нас, мужчин, еще и тем, что их жизнь принадлежит будущим поколениям. А ее — в особенности, поскольку существование целой планеты может зависеть от ее ребенка, а она аристократка в высшем понимании этого слова. Отец будущего Великого Князя Гермеса может быть старым, толстым и неопрятным, толстокожим и лишенным всякой романтики; может увидеть в ней лишь эпизод в жизни. Это не имеет для нее значения, если она как женщина и аристократка видит в нем только отца своего ребенка.»

— Я... — Сандра смешалась, словно ее поймали с поличным. В ее взгляде светилась невысказанная мольба. — Думаю, что мне лучше сейчас уйти и дать тебе отдохнуть. — А после минутного молчания добавила: — Он не так силен, как утверждает. И я ему еще потребуюсь.

— Нет, принцесса, — сказал Эрик с неожиданной нежностью. — Это не ты ему, это он тебе нужен. Прощай, дорогая!

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Часть первая
ТРЕУГОЛЬНОЕ КОЛЕСО

Замечание по поводу лейтмотива

Некогда любой, даже совсем невежественный, ученый знал, что невозможно извлечь энергию из атомного ядра. Затем было открыто расщепление урана.

Когда-то легко было доказать, что передача в так называемых «лучевых ружьях» большой энергии делала такие ружья практически невозможными. А потом кто-то изобрел лазер.

В свое время всем было очевидно, что космические корабли должны отбрасывать массу, чтобы развить скорость. Поэтому их экипажи вынуждены переносить ускорения и перегрузки все время, пока они не окажутся в состоянии невесомости. Космонавты должны были расстаться с мечтами о маневрировании, подобном действиям корабля или самолета. Но люди оказались настолько непочтительны к традиционным представлениям, что открыли искусственные положительные и отрицательные гравитационные поля.

Кто бы стал спорить, что звезды совершенно недоступны, если мы будем тащиться со скоростью, меньшей скорости света. А большая просто не возможна. Уравнения Эйнштейна доказывали это, не оставляя и тени сомнения. Затем был открыт гиперпрыжок, и неожиданно наш рукав Галактики начали бороздить корабли со сверхсветовой скоростью.

Одно за другим исчезало «очевидно невозможное», наиболее фундаментальные законы природы оборачивались новыми сторонами, раз и навсегда установленные границы наших способностей стирались с бесцеремонностью и непочтительностью. Опрометчиво поступит тот,

кто станет утверждать, что существует абсолютное знание и абсолютно неразрешимые задачи.

И, тем не менее, я принадлежу к числу таких глупцов. Я утверждаю четко и недвусмысленно, что некоторые законы жизни являются вечными. Законы человеческой жизни, разумеется.

С известными оговорками они, вероятно, касаются всех разумных рас на всех населенных планетах во всей Вселенной, хотя на этом пункте я не настаиваю. Я утверждаю, что некоторые принципы жизни человека, сына Земли, неизменны.

Они включают:

1. Законы Паркинсона.

Первый. Работа захватывает всех, кто способен заняться ею. Другой вариант: работа заполняет все отведенное для нее время.

Второй. Расходы растут вместе с доходами.

2. Открытие Старджона. Девяносто процентов всего абсолютная ерунда.

3. Закон Мерфи. Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается.

4. Четвертое начало термодинамики: все делается медленно и стоит дороже.

Мое утверждение не является столь уж необоснованным, как может показаться с первого взгляда, ибо характеристики, подобные этим, входят в мою дефиницию человека.

Вэнс Холл, комментатор философии Ноева ковчега.

1

Нет!

Ребо, сын Легвора, губернатор марки Гирлигор, отшатнулся от рисунка, как будто тот ожил.

— Как вы могли об этом подумать? — выкрикнул он. — Сожгите эту штуку! Сейчас же! — он указал рукой на огонь в большой жаровне, отблески которого чуть

размывали мрак, окутавший приемный зал. — Я ничего не видел, и вы мне ничего не показывали. Понятно?

Дэвид Фолкейн уронил листок бумаги, на котором сделал рисунок. Тот медленно опустился на стол: атмосфера планеты была на четверть более плотной, чем земная.

— В чем... — его голос сорвался в какой-то глупый фальцет. Испуг сменился досадой. Он обхватил себя за плечи руками и твердо посмотрел на айвенгианца. — В чем дело? — спросил он. — Это всего лишь чертеж.

— Это Мелькино, — Ребо вздрогнул, произнося это слово. — А вы не только не принадлежите к Посвященным, но вообще не нашей расы.

Фолкейн уставился на него, но, потомок землян, он не мог понять выражения этого нечеловеческого лица. Освещенный тусклым красным светом, пробивающимся сквозь узкие окна, Ребо больше походил на льва, чем на человека. Тело его было в целом антропоидным: с двумя руками и двумя ногами, но туловище короткое и толстое, с длинными и тонкими конечностями, сильно наклоненное вперед, так что, несмотря на двухметровый рост, в своей обычной позе Ребо был чуть ниже Фолкейна. На руке у него было три пальца, каждый из которых имел один лишний сустав, оканчивающийся узким черным ногтем; большой палец находился на противоположной стороне ладони, не как у человека, а ноги оканчивались ступнями. Шерсть его цветом напоминала красное дерево и покрывала все тело, причем каждая шерстинка оканчивалась крохотным зубчиком, так что со стороны волосы были похожи на перья. У него была массивная голова с круглыми ушами, плоским лицом, без носа, с дыхательными отверстиями по углам большой челюсти, с огромными зелеными глазами удивительной чувствительности и почти женским ртом. Но наибольшее впечатление производили его рыжевато-коричневая львиная грива, обрамлявшая лицо и спускающаяся по мускулистой спине, и пушистый хвост, хлеставший по лодыжкам. Короткие чешуйчатые брюки и кожаная перевязь, на которой висел устрашающего вида топор, усиливали впечатление свирепости и дикости.

Фолкейн знал, что в этом большом черепе находится мозг, работающий ничуть не хуже, чем его собственный. К сожалению, этот мозг развивался не на Земле, и вдобавок к врожденным отличиям он формировался культурой, абсолютно чуждой человеку. Насколько возможно взаимопонимание в таком случае?

Юноша облизнул губы, ощутив сухость и прохладу воздуха Айвенго. Он положил руку на бластер, почувствовав его успокоительную тяжесть на своем бедре. Кое-как он подобрал нужные слова:

— Прошу прощения, если я чем-то обидел вас. Вы должны понять, что чужеземец по незнанию может нарушить закон. Но скажите мне, что я сделал не так?

Напряженная поза Ребо слегка расслабилась. Его глаза, чувствительные к инфракрасному излучению, внимательно осмотрели темные углы зала, совершенно непроницаемые для гостя. Никого не было ни в углах, ни за причудливо изогнутыми каменными столбами, лишь желтое пламя вспыхивало в жаровне, и едкий дым от горящего внеземного дерева поднимался к балкам потолка. Внезапно снаружи, как показалось, очень далеко отсюда, Фолкейну послышалось завывание ветра в Гирлигорском ущелье.

— Да, — сказал губернатор марки, — я понимаю, что вы действовали не по злому умыслу. И вы, со своей стороны, не должны сомневаться, что я отношусь к вам дружески — не только потому, что в данный момент вы являетесь моим гостем, но и из-за того свежего дуновения, которое вы внесли в нашу застоявшуюся жизнь.

— Которое мы, возможно, внесли, — поправил Фолкейн. — Поймите, будущее зависит от того, будем ли мы жить или умрем. А это, в свою очередь, зависит от вашей помощи.

«Неплохо сказано, — похвалил он сам себя. — Если бы Шустер мог услышать это. Возможно, тогда он перестал бы бубнить, что я до тех пор не стану настоящим торговцем, пока не научусь подбирать нужные слова».

— Я не буду в состоянии помочь вам, если с меня сдерут кожу, — резко ответил Ребо. — Сожгите эту штуку!

Фолкейн покосился на свой чертеж. Он изображал большую плоскодонную тележку на восьми колесах, в

которую были впряжены двадцать фастигов. Всю дорогу от космического корабля до замка он возбужденно представлял себе, как будет потрясен и обрадован этот дворянин. Он тешил себя надеждой, что больше не будет «Дэви-туда-Дэви-сюда», мальчиком на побегушках, помощником и не получающим вознаграждения личным слугой мастера Галасоциотехнической Лиги Мартина Шустера; нет, он станет Фолкейном с Гермеса — Прометеем, принесшим Ларсуму дар — колесо.

«Что же я сделал неверно? — подумал он с горечью и обидой непонятого семнадцатилетнего юноши. — Почему все, за что я берусь, не получается?»

Тем не менее он пересек комнату, шагая по инкрустированному полу, и бросил листок в жаровню. Тот вспыхнул и превратился в пепел.

Повернувшись, он увидел, что Ребо успокоился. Губернатор налил себе стакан вина из стоявшего на столе графина и выпил его одним глотком.

— Хорошо, — сказал он, — я приглашаю вас разделить мой обед. Было бы невежливо не предложить гостю подкрепиться.

— Вы знаете, что ваша пища — яд для моей расы, — сказал Фолкейн. — Это одна из причин, почему мы должны побыстрее перевезти груз из Гирлигора к нашему кораблю. Скажите, где ошибка в моем рисунке? Эту тележку легко построить. Это одно из наиболее важных изобретений, сделанных землянами. Вам оно принесет большую пользу. Вы перестанете быть...

Он вовремя спохватился, чуть не сказав «дикарями» или «варварами». Наследственная обязанность Ребо заключалась в том, чтобы удерживать варварские племена по ту сторону Касунианских гор. Ларсум был цивилизованной страной, с развитой агротехникой, металлургией, городами, дорогами, торговлей и с образованным дворянским сословием.

Но в Ларсуме не было известно колесо. Грузы переносились на спинах горожан, перевозились на животных, на лодках, тянулись волоком, на полозьях — зимней порой и никогда не транспортировались на колесных те-

лежках. Теперь, подумав об этом, Фолкейн вспомнил, что в стране не используются даже катки или ролики.

— Дело в том, что круглые предметы могут вращаться, — он с трудом подыскивал слова.

Ребо проследил за его жестами.

— Лучше никогда не говорить об этом, — он был по-солдатски прямолинеен. — Мелькино слишком священно для того, чтобы приносить низменную пользу. Закон запрещает мирское использование Мелькино. Наказание за нарушение закона — смертная казнь через снятие кожи, в противном случае Божий гнев обрушится на весь мир.

Фолкейну с трудом давался туземный язык. Информационные записи на борту «Как поживаете?» придали беглость его речи, но они не учитывали всех семантических тонкостей, так как их не выявила первая экспедиция на Айвенго. Слово, которое он перевел как «священный», имело какое-то отношение к религиозным обрядам, к могуществу, к чему-то трудноуловимому, но важному.

— Что такое Мелькино?

— Это... гм... округлость... Я не могу нарисовать, только Посвященные имеют право на это. Но это нечто совершенно круглое.

— Понимаю. Это круг — так мы его называем, или шар, если он имеет объем. Колесо также имеет круглую форму. Но, мне кажется, мы можем сделать колеса не совсем круглыми.

— Нет, — Ребо покачал львиной головой. — До тех пор, пока неправильность не настолько велика, чтобы колесо вообще перестало действовать, строительство его — это совершенно невозможная вещь. Даже если бы Посвященные разрешили его — а я отлично знаю, что они не разрешат как из-за враждебности к вам, так и из-за подчинения догме, — крестьяне будут в ужасе и убьют вас, — глаза Ребо сверкнули в направлении бластера Фолкейна. — Да, я понимаю, вы могущественны, у вас есть оружие, бросающее огонь. Но вас только четверо. Это ничто против тысяч воинов, которые будут стрелять из-за холмов и деревьев...

Фолкейн припомнил, что он видел в Аэске, во время своего долгого путешествия на Запад по Дороге Солнца,

и теперь, в крепости. Сельское хозяйство было основано на использовании остроугольных многоугольников. Мебель и утварь были квадратными или продолговатыми. А наиболее дорогие предметы, например золотой кубок Ребо, содержали, в крайнем случае, секции эллипса или небольшие дуги окружности.

Он почувствовал отчаяние.

— Но почему? — спросил он. — Что делает... гм... фигуру... такой священной?

— Ну, — Ребо удобно устроился в кресле, обернув вокруг него хвост. Он вертел в руке восьмиугольную рукоятку своего топора и не смотрел на Фолкейна. — Ну, это древний обычай. Я умею читать, конечно, но я не ученый. Посвященные могли бы объяснить лучше. Круг... или шар... это знаки Бога. В некотором роде они сами суть Бог. Их можно видеть в небе. Солнце и луны — это шары. Точно также и наша планета — шар, хотя и несовершенный. Посвященные говорят, что и планеты имеют ту же сферу, а звезды сидят на огромном шаре Вселенной. Все небесные тела движутся по окружностям. Круг и шар — это совершенные формы. Разве не так?! А все совершенное — это прямое проявление Бога.

Хотя человеческая колония на Гермесе давно обособилась от Земли, образовав собственное великое герцогство, там продолжали гордиться наследием земной культуры, поэтому Фолкейн вспомнил классическую древнегреческую философию и оценил логику, присутствующую в рассуждениях Ребо. Первым его побуждением было возразить: «Вы ошибаетесь! Ни одна планета или звезда не является совершенным шаром, их орбиты эллиптичны, а ваше чертово маленькое красное солнце — это карлик, а вовсе не центр Космоса. Я был там и все знаю!» — но Шустер научил его осторожности, и Фолкейн сдержал себя. Так ничего не добьешься, только усилишь враждебность жрецов, а возможно, вызовешь недоверие у Ребо, который все еще хотел быть другом.

Как он сможет отстоять свою идею, противоречащую трех или четырехтысячелетней традиции? Ларсум был государством, отрезанным горами, пустынями, океанами и воинственными дикарями от остального мира. Сюда

доходили только смутные слухи о том, что происходило за границами страны. С точки зрения Ребо, единственно правдоподобным объяснением их появления в Ларсуме является то предположение, что бесшерстые чужеземцы со странными клювами над ртами прибыли с какого-нибудь отдаленного континента. Помня сообщение первой экспедиции о том, как возмущены были Посвященные в Аэске, когда им сказали, что Корабль прилетел со звезд, как горячо они отрицали такую возможность, Шустер предупредил своих сотрудников, чтобы они избегали говорить на эти темы. Единственное, что теперь имело для них значение, это необходимость убраться с Айвенго раньше, чем они перемрут с голоду.

Плечи Фолкейна опустились.

— Во время своих путешествий мой народ усвоил, что нельзя спорить с религией других народов, — сказал он. — Хорошо, я понял, что колеса запрещены. Но что нам тогда делать?

Ребо взглянул на него своими умными глазами. Фолкейн понимал, что это не тупоголовый средневековый барон. Его цивилизация была древней, века культуры наложили свой отпечаток на представителей класса военных, на крестьян, ремесленников, торговцев, так же, как и на жрецов, писцов, поэтов, художников, инженеров, ученых, Посвященных. Ребо, сын Легвора, походил на древнего самурая, если какие-либо параллели с земной историей были вообще возможны. Он понял главный принцип использования колеса и...

— Понимаете, и я, и многие другие дворяне испытываем к вам не просто расположение, — тихо сказал Ребо. — Когда несколько лет назад приземлился первый корабль, известие об этом облетело всю планету. Многие из нас надеялись, что это ознаменует конец... утомительной ограниченности и закрытости нашего общества. Знакомство с цивилизацией чужеземцев принесет новые знания, новые возможности, новый образ жизни в наше государство, где ничего не менялось вот уже два тысячелетия. Я искренне хочу помочь вам, и не только ради вас, но и ради себя.

Из тактических соображений Фолкейн не осмелился сказать, что Галасоциотехническая Лига не заинтересо-

вана в торговле с Ларсумом и вообще с Айвенго. Здесь не было ничего такого, что иные миры не производили бы, ничего более дешевого или лучшего качества. Первая экспедиция была направлена на поиски места для организации склада и ремонтного пункта, и эта планета оказалась наиболее подходящей в данном районе Космоса. Экспедиция еще с орбиты определила, что Ларсум обладает наиболее передовой цивилизацией. Она приземлилась, вступила в контакт, изучила язык и образ жизни туземцев, а потом попросила разрешения построить большое здание, куда никто, кроме членов новых экспедиций, проникнуть не сможет.

Разрешение было дано с большой неохотой, власти пошли на это не столько из-за обильной платы металлами, которую им предложила экспедиция, сколько потому, что жрецы опасались неприятностей в случае отказа. Но, дав свое согласие, они потребовали, чтобы здание находилось на значительном удалении от столицы, очевидно, они хотели свести к минимуму число ларсумцев, которые могли бы соприкоснуться с новыми идеями. Закончив работу и дав произвольное название планете, экспедиция улетела. Ее наблюдения, включенные в информационные ленты, были переданы всем кораблям, которые могли оказаться в районе Плеяд. Каждый надеялся, что ему эти сведения не понадобятся. Но счастье изменило кораблю «Как поживаете».

Фолкейн сказал:

— Не вижу, чем вы можете помочь. Как иначе можно переместить эту штуку, если не на тележке?

— Нельзя ли ее разобрать, перенести по частям и снова собрать на вашем корабле? Я могу снабдить вас рабочей силой.

Нет! — черт возьми! Как объяснить ему устройство унифицированного термоядерного генератора, если он никогда не видел даже водяного колеса? Это невозможно. За исключением нескольких приспособлений, его невозможно разобрать, во всяком случае, требуются инструменты, которыми мы не располагаем.

— Вы уверены, что он так тяжел? Может быть, перетащить его волоком?

— По вашим дорогам, вряд ли. Если бы была зима, мы бы перевезли его на полозьях. Но еще до того, как выпадет снег, мы умрем с голода. Можно было бы переправить груз на барже, но рядом нет ни одной реки, а рытье канала займет слишком много времени.

Не в первый раз Фолкейн обругал строителей склада за то, что они не включили в резервное оборудование таких устройств. Кто же мог предвидеть, что «Как поживаете?» окажется неисправным? Или что он не сможет приземлиться рядом со складом? Но даже если бы кто-нибудь предвидел такие возможности, он решил бы, что тележку можно будет соорудить. Ксенологи заметили, что колеса здесь не известны, но не задались вопросом почему. Склад был укомплектован портативным краном, предназначенным для погрузки и разгрузки тяжестей. Вообще он был оснащен настолько хорошо, что не требовалось размещения в нем даже продовольственных запасов: любой корабль можно было отремонтировать и подготовить к полету в считанные дни.

— А не может ли другой корабль вашей нации прилететь и спасти вас? — спросил Ребо.

— Нет. Расстояние, которое мы покрываем в своих путешествиях, даже трудно представить. Мы отправились в отдаленные миры... страны... в поисках новых рынков. Опасаясь конкуренции, мы держали свой отлет в тайне. В месте назначения никто не знает, что мы должны прилететь, а наши хозяева дома будут ждать нас не раньше чем через несколько месяцев. К тому времени, когда они начнут беспокоиться и искать нас, а им потребуется много недель, чтобы проверить все места, где мы могли приземлиться, наши запасы продовольствия истощатся. Мы взяли так мало продуктов, чтобы влезло побольше ценностей для...

— Для взяток, — Ребо издал звук, отдаленно напоминающий хихиканье. — Да. Что ж, тогда надо придумать что-нибудь другое. Повторяю, я сделал все, чтобы вам помочь. Здание было построено главным образом потому, что на этом настаивал я, а я сделал это, надеясь увидеть больше ваших соотечественников, — он вновь ухватился за топор. Фолкейн давно заметил, что клинки у них при-

вариваются к рукояткам. Теперь он понял причину этого: заклепки были бы святотатством. Пальцы сомкнулись на рукояти, и Ребо резко добавил: — Я благочестив и набожен, но я не могу поверить, что Бог хочет, чтобы Посвященные заморозили всю жизнь в Ларсуме. До того, как Опрето соединил верх и низ, была эпоха героев. Эти времена вернутся, когда ослабнет сжимающая нас рука Посвященных.

Заметив, что сказал лишнее, он добавил:

— Не будем говорить об этом. Самое главное — доставить груз к вашему поврежденному кораблю. Если я или вы не сможем придумать дозволенного законом способа, может быть, это сделают ваши товарищи. Поэтому передайте им — губернатор марки Гирлигор не разрешает делать тележку... гм... но остается их доброжелателем.

— Что ж, спасибо, — пробормотал Фолкейн. Внезапно темнота в комнате начала сгущаться. — Я возвращаюсь завтра.

— Так быстро? Вы проделали долгий путь сюда, а беседа оказалась такой короткой и неудачной. Аэске далеко, а день или два не имеют существенного значения.

Фолкейн покачал головой.

— Чем быстрее я вернусь, тем лучше. Мы не можем терять времени.

2

Фастиг представлял собой животное чуть крупнее лошади, длинноухое, длинномордое, пушистое, с громким пронзительным криком и смолистым запахом. Хорошо отдохнувший и накормленный фастиг ждал в крестообразном дворе крепости. За ним стояли грузовой и запасной фастиги. Стражник держал их за узду. На стражнике были нагрудник из крепленой кожи, сеть железных нитей в виде шлема была вплетена в гриву, за спиной висело копье с широким лезвием. По вымощенному булыжником двору бродили обитатели замка: слуги в ливреях черного и желтого цветов, крестьяне, одетые в грязные коричневые

рубахи, безгривые женщины в свободных туниках. Вокруг возвышались четыре каменные здания, защищавшие крепость и связанные с наружной стеной, в которой были устроены ворота. В каждом углу квадратного двора в зеленоватое небо возносились крепостные стены и башни.

— Вы уверены, что не нуждаетесь в охране? — спросил Ребо.

— Разве одному ездить опасно? — удивился Фолкейн.

— Нет, думаю, что нет. Я хорошо охраняю район. Дай вам Бог счастливого и скорого пути.

Фолкейн пожал ему руку — это был древний ларсумский обычай. Длинные пальцы губернатора неуклюже обхватили человеческую ладонь, мгновение они смотрели друг на друга.

Громоздкий костюм, предохраняющий Фолкейна от холода, скрывал его юношескую стройность. У него были светлые волосы, крупные черты лица и голубые глаза. Вздернутый веснушчатый нос причинял ему множество тайных страданий. Сыну барона с Гермеса полагалось быть более изящным и энергичным. Даже младшему сыну, даже исключенному из герцогской военно-технической академии. Причина исключения была достаточно безобидна: проказа, которая и открылась-то по чистой случайности. Но отец решил, что ему лучше поискать счастья где-нибудь в другом месте. Поэтому Фолкейн отправился на Землю, и Мартин Шустер из Галасоциотехнической Лиги взял его в качестве ученика. Так, вместо ореола славы и приключений, которые, как он полагал, сопровождают межзвездного торговца, он столкнулся с нелегкой работой и еще более напряженной учебой. Поэтому он так обрадовался, когда мастер приказал ему ехать верхом одному и организовать перевозку.

У стен замка лепилась деревня: несколько домиков из скрепленных друг с другом бревен, с тростниковыми крышами. За деревней начиналась грунтовая дорога, пышно именуемая Дорогой Солнца. Она спускалась по холму в направлении далекой долины Треммина. Собственно, ее трудно было назвать дорогой. Ее грязная поверхность была неровной, поросшей сорняками и усеянной обломками скал, которые год за годом приносили сюда со

склонов окрестных холмов тающие снега. Впереди дорога огибала скалистую вершину и вновь постепенно начинала подниматься вверх.

Фолкейн взглянул на юг. На холме сверкал белоснежный склад, словно дверь рая перед Люцифером. Это было единственное свидетельство присутствия здесь землян. Жесткая серая трава и деревья с колючками покрывали холмы, кое-где паслись стада, охраняемые верховыми пастухами. За спиной Фолкейна, как стена поперек мира, возвышались снежные пики Касунианских гор. В небе висела большая враждебная луна. Солнце цвета угасающих углей слабо освещало горизонт впереди, там, куда он двигался.

Глухо свистел ветер, порывы его резали лицо. Фолкейн поежился. В это весеннее время в средних широтах северного полушария Айвенго обычно не случалось холодов: плотная атмосфера создавала парниковый эффект. Но кровавый цвет заката действовал угнетающе и заставлял острее ощущать прохладу. Раздвоенные копыта фастигов мрачно стучали по камням.

Позабыв на миг, что он Фолкейн с Гермеса, гордый торговый принц, путник извлек из кармана приемопередатчик и нажал кнопку. В сотнях километров от него загудел интерком.

— Алло, — сказал Фолкейн, — алло, «Как поживаете?». Кто меня слушает?

— Да, — послышался голос инженера Ромуло Паскаля. — Это вы, Дэви, мальчик? — спросил он по-испански.

Фолкейн так рад был этому голосу, что даже не обиделся на подобное обращение.

— Да, как дела?

— Все так же. Криш размышляет. Мартин снова отправился в город. Он сказал, что бесполезно вести переговоры с туземцами по поводу запрета на колеса, о котором вы рассказали нам вчера вечером.

Фолкейн представил себе, как латиноамериканец пожимает плечами. Паскаль, помолчав, добавил:

— Я сижу здесь и пытаюсь придумать, как можно доставить многотонный генератор без помощи колес. Может быть, использовать какую-нибудь огромную волокушу?

— Нет, мне приходило это в голову, и я обсудил эту возможность с Ребо: мы провели большую часть ночи, пытаясь найти выход. Мы пришли к выводу, что волокуши не годятся на таких дорогах.

— Вы уверены? А если мы соберем достаточное количество крестьян и их животных...

— Мы не сможем собрать их. Даже если Ребо поможет нам — все равно их не хватит для транспортировки волокуши. Помните, что сейчас сезон посева, столь важный для их полуголодного существования, к тому же Ребо должен охранять границы страны от варваров. Сам Ребо считает, что с таким грузом им не удастся одолеть подъемы.

— Вы говорили, что многие дворяне недовольны жрецами. Если они будут содействовать нам...

— Потребуется много времени, чтобы организовать эту поддержку, даже чересчур много времени. И Ребо полагает, что далеко не все осмелятся зайти так же далеко, помогая нам. Они недовольны, политика Посвященных сковывает их по рукам и ногам в то время, как перед ними лежит целый мир, где они могут дать выход своей энергии. Но ведь помимо религиозного благоговения они и физически зависят от Посвященных, которые исполняют в стране многочисленные технические и административные обязанности... и которые могут поднять простонародье против дворян, если дело дойдет до открытого столкновения между кастами.

— Да, Мартин, кажется, тоже так считает. Мы с ним вчера вечером обсуждали сложившееся положение и... Однако, Дэви, мы все же можем получить в свое распоряжение несколько десятков туземцев и несколько сотен фастигов, не нарушая этого проклятого закона. Я готов поручиться, что они протащат волокушку по любой дороге, используя вороты или лебедки.

— Ворот — тоже разновидность колеса, — напомнил Фолкейн инженеру.

— Черт побери, вы правы! Тогда остаются рычаги и гати. Индейцы майя возводили гигантские пирамиды, не зная колеса. Это потруднее, чем тащить генератор от Гирлигора до Аэске.

— О, конечно, это можно сделать в принципе. Но вот сколько времени это займет? Вы бы только взглянули на эти так называемые дороги... Задолго до окончания работы мы умрем от голода, — Фолкейн сглотнул. — На сколько дней нам хватит пищи? На сто?

— Примерно. Конечно, и сверх того мы сможем протянуть еще месяц или два...

— И все-таки нам не хватит времени, чтобы преодолеть на волокуше такое расстояние. Ручаюсь, что не хватит.

— Да... вы правы. Вы знакомы с местностью. Это была идея, предложенная отчаянием.

— Транспортировка груза даже на тележке будет непростой, — сказал Фолкейн. — Думаю, что мы сможем делать не больше двадцати километров за земные сутки. Конечно, в низинах дело пойдет быстрее, но все равно потребуется несколько месяцев.

— Как долго! Что ж, вероятно, ваши расчеты верны. Ведь всаднику необходимо больше недели. К тому же у нас возникнут и другие трудности. Мартин опасается, что даже если мы обойдем как-нибудь их проклятый закон, жрецы изобретут новый, лишь бы помешать нам.

Фолкейн ощутил сухость во рту.

— Это меня не удивляет, — и добавил с отчаянием в голосе, — почему они нас так ненавидят?

— Вы должны это понимать. Мартин объяснил вам перед отъездом.

— Да. И... Но я уехал через несколько дней после приземления. Вы же трое остались, у вас была возможность поговорить с туземцами, понаблюдать за ними.

Фолкейн взял себя в руки. Он был готов разреветься.

— Причина ясна, — сказал Паскаль. — Посвященные составляют верхушку этой застывшей цивилизации. Любые перемены могут только ухудшить их положение и укрепить влияние других классов общества. Поэтому из своих эгоистичных интересов они проповедуют консерватизм. Мартин говорил мне, что теократию всегда отличает ограниченность и узость взглядов. Посвященные достаточно умны, чтобы понять, что мы, пришельцы, представляем для них угрозу. Наши товары, наши идеи нарушают сложившееся в их обществе равновесие. Поэтому они делают

все, что только возможно, чтобы избежать прилета других чужеземцев.

— Но мы можем пригрозить им местью? Скажите им, что прилетит военный корабль и отправит их всех в ад, если откроется причина нашей гибели.

— Боюсь, что первая экспедиция сообщила им слишком много об истинном положении вещей. Хотя сегодня Мартин, может быть, попробует сблефовать. Я не знаю, что он собирается делать, но он сумел установить... ну, не то чтобы дружественные, но достаточно не недружественные отношения с младшими Посвященными через несколько дней после вашего отъезда. Он говорил вам, что читает им лекции? Не сдавайтесь, мальчик.

Фолкейн возмущенно вспыхнул.

— Я и не думаю, — выпалил он. — Это вы не сдавайтесь.

Засмеявшись, Паскаль еще больше испортил ему настроение. Фолкейн вздохнул.

3

Родившийся гнев притупил одиночество предстоящих часов. Поездка в замок Гирлигор обещала так много! Фолкейн был полон надежд, путешествие верхом на животном, купленном у богатого аэскеанца, по экзотической местности было как раз из ряда тех приключений, которые скрашивают жизнь торговца. Но Ребо развеял его надежды, и теперь местность вокруг казалась мрачной и зловещей. Мысленно Фолкейн перебирал один за другим планы, с каждым разом все менее выполнимые: перезарядить аккумуляторы, приводя генератор в движение вручную, перевезти его на воздушном шаре, чтобы с ними четверо землян могли противостоять миллиону ларсумцев. Отбрасывая один план за другим, он непрестанно видел перед собой лица отца и матери, чувствовал, как начинает жечь глаза, и отчаянно кидался на поиски очередной идеи.

Должна же существовать какая-то возможность транспортировки тяжелого груза без колес! И чего он только

не изучал в школе? Физика, химия, биология, математика, социотехника... чертова куча всего. Он, дитя цивилизации, расщепившей атом и путешествующий по Вселенной, и вот какое-то глупейшее табу может уничтожить его! Но это же невозможно! Он, Дэвид Фолкейн, обязан жить. Смерть не может добраться до Дэвида Фолкейна.

Красное солнце медленно поднималось в небе. Айвенго имел период обращения около шестидесяти земных часов. В полдень Фолкейн остановился, поел и немного поспал. Второй привал он устроил незадолго до захода солнца. Ландшафт становился все более суровым: вокруг были только холмы, ущелья, журчащие ручьи и дикие пастбища, усеянные рощицами колючих растений с бахромчатыми листьями. И никаких следов аборигенов.

Он проснулся, проспав несколько часов. Дрожа, выполз из спального мешка, разжег костер и раскрыл пакет с едой. Дым ударил в ноздри. Антиаллергены защищали его от контакта с протеином, сделавшимся смертельным вследствие миллионов лет обособленной эволюции. Он даже мог пить местную воду. Но ничто не спасет его, если он съесть что-либо туземное. Наскоро проглотив пищу, Фолкейн подготовил фастигов к дальнейшему пути. Так как ему все еще было холодно, он оставил переднего фастига на привязи, а сам нагнулся над костром, чтобы накопить в теле немного тепла.

Он посмотрел вверх. Где-то там были Земля и Гермес — более чем в четырехстах световых лет.

На востоке взошла вторая луна — крапчатый медный диск. Но даже без ее света можно было свободно двигаться и ночью. Сверкали звезды, а семь гигантских сестер — Плеяды — сияли настолько ярко, что холмы отбрасывали тени. Серый сумрак покрывал землю. Далеко на западе, казалось, фосфоресцировали снега Касунианских гор.

Трудно было поверить, что в такой красоте может таиться опасность. Да, в сущности, она появлялась очень редко. Тем не менее, когда космический корабль совершает гиперпрыжок через район, где межзвездная среда плотнее обычного, всегда имеется небольшая, но определенная вероятность, что один из его микропрыжков за-

кончится в такой точке пространства, где находится какое-то материальное тело. Если разность собственных скоростей корабля и этого тела значительна, оно может причинить немалый ущерб. А если вдобавок тело ударит в то место корабля, где расположен генератор, то произойдет именно то, что случилось с «Как поживаете?».

«Может быть, мне повезло, — с содроганием подумал Фолкейн. — Булыжник мог пройти сквозь меня». Конечно, с другими все было бы в порядке, они бы просто заделали дырку в обшивке. Но Фолкейн не считал такой вариант более предпочтительным.

Он восхищался тем, как капитан Мукерджи сумел посадить корабль. Выжимая последние крохи энергии из аккумуляторов, он дотащился до Айвенго. Посадка, осуществленная почти без энергии, на одной аэродинамике, требовала необычайного искусства. Естественно, им казалось более разумным приземлиться около Аэске — столицы, чем непосредственно в самом Гирлигоре. Не следовало пренебрегать мнением местных властей, которые могли посчитать это оскорблением и причинить определенные неприятности. Кто мог знать, что главная неприятность ждала их именно в месте посадки?

В итоге корабль приземлился без единого эрга энергии в аккумуляторах. Нечем было поднять хотя бы одну гравитележку. Аккумуляторы на складе оказались неприспособленными для транспортировки: они предназначались только для ремонтных работ. Отдельно атомный генератор бесполезен: он может работать только будучи установленным на корабле, в комплексе с другими механизмами и приборами. И тысяча километров разделяла сейчас генератор и корабль...

Что-то шевельнулось в зарослях. Один из фастигов закричал. Сердце Фолкейна дрогнуло. Он выпрямился и положил руку на рукоять бластера.

В круге света около костра появился туземец. Шерсть его взъерошилась от ночного холода, дыхание белым паром вырывалось из челюстей. Фолкейн разглядел, что туземец вооружен рапирой и... да, черт возьми, на его нагруднике был изображен круг! Пламя костра превратило его глаза в глубокие красные бассейны.

— Чего тебе надо? — воскликнул Фолкейн. Он успокоился, заметив, что рука айвенгианца протянулась вперед, к нему, в знак мира.

— Бог пошлет тебе добрый вечер, — ответил незнакомец глубоким голосом. — Я издали увидел твой огонь. Но я не ожидал встретить чужеземца. Я из отряда, выполняющего поручения Посвященных. Я Ведоло, сын Парно.

— Я... я... Дэвид, да, Дэвид. Сын Фолкейна.

— Ты навещал губернатора марки?

— Да. Как будто ты сам не знаешь! — сказал Фолкейн. — «Спокойнее, Дэвид. Не стоит так себя вести. Ведь все еще сохраняется надежда получить у Посвященных специальное разрешение на использование колес». — Ты поедешь со мной?

Ведоло нагнулся над костром, обернув хвост вокруг ног, его фигура неясно вырисовывалась сквозь пламя, а грива напоминала заросшую лесом гору, возвышающуюся на фоне Млечного Пути.

— Да, — согласился Ведоло, — все в Аэске знают, что ты направился сюда, чтобы проверить сохранность имущества, оставленного твоими товарищами в закрытом здании. Я надеюсь, все цело?

Фолкейн кивнул. Существа из железного века не смогли бы проникнуть сквозь стены, изготовленные из специального сплава, и тем более открыть замок Накамуры.

— Губернатор марки Ребо был очень добр ко мне, — сказал он.

— Это не удивительно, учитывая то, что мы о нем знаем. Если я правильно понял, вы должны доставить несколько частей из здания на корабль. Ребо поможет вам переправить их в Аэске?

— Если бы он мог! Главная деталь, в которой мы нуждаемся, слишком тяжела для здешних транспортных средств.

— Мои хозяева, Посвященные, думали об этом, — сказал Ведоло. — Они осмотрели ваш корабль и убедились в том, что поврежденная часть очень велика.

«Вероятно, это случилось после моего отъезда, — подумал Фолкейн, — возможно, Шустер, надеялся добиться

их расположения. И готов биться об заклад, лишь ухудшил наше положение, показав им множество круглых предметов, например, циферблаты на приборах. Их враждебность к нам еще усилилась, хотя они и не показывают вида. Но откуда об этом знает Ведоло, если он следовал за мной? И зачем он следовал? В чем его цель?»

— Твои товарищи на корабле объяснили, что у вас имеется какое-то транспортное средство, — сказал Ведоло. — И меня удивляет, почему ты возвращаешься так быстро и в одиночестве?

— Ну... это средство имеется только в проекте, и здесь мы столкнулись с определенными трудностями.

Ведоло пожал плечами.

— Я не сомневаюсь, что такие ученые люди, как вы, могут решить любую проблему. Вы владеете силой, которая, как мы считаем, может принадлежать только антителам... или антибогу... Например, ваше огненное оружие, которое демонстрировали первые пришельцы. Я не был тогда в Аэске, но мне рассказывали. Это то самое оружие, что висит на твоем поясе? Могу я взглянуть на него? — и Ведоло протянул руку.

Фолкейн насторожился. Он не понимал всех оттенков и интонаций ларсумского языка, настолько чужим и странным был его носовой тембр. Но что-то ему не понравилось, насторожило.

— Нет! — воскликнул он.

Тонкие губы разжались и обнажили острые зубы.

— Ты не очень вежлив со слугой Бога, — сказал Ведоло.

— Я... гм... эта штука опасна. Ты можешь пораниться.

Ведоло поднял и опустил руку.

— Смотри на меня, — сказал он. — И внимательно слушай. Вы, надменные пришельцы, многого не понимаете. Я должен кое-что объяснить тебе...

В плотной атмосфере Айвенго человеческое ухо приобретает особую чувствительность. К тому же Фолкейн был все время настороже. Иначе нельзя в незнакомом, враждебном мире. Поэтому, услышав шорох в кустах, он отпрыгнул в сторону одновременно со щелчком спущенной тетивы. Стрела воткнулась своим восьмиугольным наконечником в то место, где он только что стоял.

Ведоло вскочил на ноги, выхватывая меч. Фолкейн увернулся от удара.

— Убейте его! — крикнул Ведоло и сделал новый выпад. Фолкейн снова увернулся, и конец меча лишь рассек его одежду. Он выхватил бластер и выстрелил.

Блеснуло яркое пламя. Ведоло окутался дымом и упал с диким воплем. На мгновение Фолкейн ослеп. Он бросился к животным, охваченным паническим страхом. Во тьме он услышал чей-то крик:

— Я не вижу, я не вижу, мои глаза!

Фолкейн знал, что на айвенгианцев вспышка должна была подействовать гораздо сильнее, чем на него самого. Но через минуту они придут в себя, а в темноте они видят лучше человека.

— Убейте его фастигов! — послышался еще один голос.

Фолкейн несколько раз выстрелил. В смятении он подумал, что это хоть ненадолго задержит его врагов. Его ведущий фастиг закричал и лягнулся. Глаза животного, ярко-красные в темноте, неистово вращались. Фолкейн уклонился от удара копытом, ухватился одной рукой за седло и ударил фастига рукояткой бластера по длинному носу.

— Стой спокойно, зверюга! — закричал он и добавил: — Побереги свою жизнь!

В кустах послышался топот. Показалась львиноподобная голова. Увидев человека, воин закричал и метнул копье. Оно пролетело где-то рядом. Фолкейн был слишком занят — он забирался в седло — и не стал стрелять.

Наконец он кое-как уселся. Запасной фастиг закричал: две стрелы вонзились ему в живот. Фолкейн выстрелом из бластера разрезал привязь.

— Вперед! — закричал он и ударил пятками по бокам своего фастига. Тот помчался галопом, грузовой фастиг бежал следом, на привязи.

Мимо пролетел топор, над плечом просвистела стрела, еще рывок, и вот он уже вне пределов досягаемости убийц, на Дороге Солнца, на пути, ведущем назад, на запад.

«Сколько их было? — думал он. — Полдюжины? Они должны были оставить своих фастигов в отдалении, чтобы

незаметно подобраться поближе. Это дает мне некоторый выигрыш во времени, но у меня больше нет запасного фастига, а у них определенно есть.

Их послали устроить на меня засаду, это ясно. Моя задержка имела бы для экипажа смертельные последствия. Пока бы остальные гадали, что случилось со мной, пока бы меня искали, прошло бы немало времени. Туземцы не знают, но, бесспорно, догадываются о моем радиопередатчике. Но теперь это уже не имеет значения. Они догонят меня прежде, чем я смогу добраться до губернатора марки Ребо. Смогу ли я отбить еще одно нападение? И уж во всяком случае теперь мы можем забыть об особом запрете на использование колес», — подумал он с сарказмом.

4

Как поживаете?» опустился километром севернее Аэс-ке. С тех пор ноги тысяч туземцев протоптали к кораблю дорогу: айвенгианцы своим любопытством очень напоминали людей. Несмотря на близкую дорогу, капитан Кришна Мукерджи всегда ездил в город верхом.

— Вам тоже следует поехать верхом, Мартин, — нервно сказал он. — Особенно теперь, когда ситуация становится такой деликатной. Они могут посчитать святотатством, если вы прибудите к... гм... к Посвященным пешком.

— Святотатство, святотатство, — проворчал мастер Галасоциотехнической Лиги Шустер. — Я должен надорвать свое сердце и отбить крестец на одном из этих дьявольских животных, на этом живом подъемном кране? Однажды на Земле я ездил верхом и больше никогда не повторю подобной ошибки, — он небрежно махнул рукой. — К тому же я объяснил Посвященным и всем прочим, кто меня спрашивал, почему я всегда хожу пешком. Я не люблю церемоний и предпочитаю запросто разговаривать с народом. Однако в этих краях простота не входит в число добродетелей. Младших Посвященных она шокирует как нечто небывалое.

— Да, осмелюсь заявить, эта культура уязвима для новых идей, — сказал Мукерджи. — Их здесь не бывало так давно, что у ларсумцев, если можно так выразиться, отсутствуют соответствующие антитела, и их легко охватывает лихорадка. Но вожди Посвященных, видимо, осознают это. Если мы внесем в общество слишком много беспокойства своими замечаниями и вопросами, они не станут ждать, пока мы умрем с голода. Они могут организовать прямое нападение, и ни принятые нами меры предосторожности, ни страх перед ответной карательной экспедицией их не остановят.

— Не беспокойтесь, — сказал Шустер. Другой человек на его месте мог бы обидеться, даже кадет-политехник первого года службы не рискнул бы критиковать основы чужой культуры, а Шустер уже два десятилетия как был Мастером. Его лицо, широкое, с орлиным носом и гладкими черными волосами, продолжало улыбаться. — В своих разговорах с этими туземцами я ни разу не коснулся их религии. Не собираюсь делать этого и в дальнейшем. Я просто продолжу наш семинар, как будто ничто во Вселенной нас не беспокоит. Разумеется, если я смогу направить разговор в нужном направлении, — он собрал бумаги в папку и вышел из каюты — небольшого роста, коротконогий полный человек в жилете и кружевной рубашке, облегающих брюках и чулках, элегантный, словно он собрался на светский прием на Земле.

Выходя из люка и спускаясь по трапу, он с дрожью завернулся в плащ. Чтобы избежать боли в барабанных перепонках, внутри корабля поддерживалось айвенгианское атмосферное давление. Но температурная разница была очень велика.

«Бр-р-р... — подумал он, — я не собираюсь критиковать всемогущего господа Бога, но зачем он отнес большинство звезд к классу «М»?»

Перед его глазами от корабля до видимого края долины раскинулся мрачный полуденный ландшафт. Поля посинели от первых весенних ростков. Крестьяне — мужчины, женщины и дети — мотыжили почву на многочисленных участках. Квадратные глиняные хижины, в которых они жили, лепились друг к другу, фермы были очень малень-

кими. Семьи довольствовались тем, что им давали крошечные поля. Болезни и периодические неурожаи сохраняли численность населения постоянной.

«К дьяволу всякую пустую болтовню о культурной автономии, — подумал Шустер. — Этому обществу нужны радикальные реформы».

Он достиг главной дороги и двинулся к городу. Здесь было более интенсивное движение. По этой дороге в город доставляли пищу и сырье и вывозили изделия ремесленников. Профессиональные носильщики сгибались под такими грузами, что Шустеру даже подумать о них было тяжело. С грохотом и звоном фастиги тащили волокуши. Провинциальный дворянин со своей охраной проскакал мимо под гром рогов, простолюдины разбегались в стороны, спасая свои жизни. За те несколько земных недель, что прошли с момента приземления корабля, аэскеанцы утратили благоговейный страх перед пришельцами. Люди оказались не более странными существами, чем различные ангелы и духи, в которых они верили. Зато они были значительно более смертными. Конечно, они владели могучими силами, но такую же власть приписывали себе деревенские колдуны, а Посвященные вступали в контакт с самим Богом.

Город, которому в исторический период ни разу не грозили войны, был лишен стен. Тем не менее он был очень компактен: хижины, особняки, многоквартирные дома жались друг к другу вдоль кривых улиц. Толпы двигались к базарам, где жены владельцев лавочек распевали хвалебные песни о товарах своих мужей. Красные отблески, вырывавшиеся из хижин, освещали груды мехов, одежды и гривы туземцев. Слышались глубокие голоса айвенгианцев, топот ног, стук копыт и звон кузниц. Острые запахи раздражали ноздри.

С облегчением он добрался до одного из Трех Мостов. Охранник пропустил его беспрепятственно, и он перешел через мост. Только те немногие, у кого было неотложное дело к Посвященным, могли пройти здесь.

Река Треммина, грязная от стоков из тысяч домов, пересекала город. Дугообразные мосты соединяли остров в середине реки с остальным городом. Весь остров был застроен огромными ступенчатыми пирамидами Посвя-

щенных. На нижних ступенях пирамид размещались прекрасные белые здания с колоннами и порталами, где жили и работали Посвященное. К вершинам пирамид вели крутые лестницы. На вершине горел Вечный огонь, ярко сверкавший на фоне пыльного зеленого неба. Очевидно, из какого-то скрытого внутреннего источника поднимался природный газ. Все сооружение производило сильное впечатление.

«Интересно, сколько стоило его возведение бедным крестьянам, — подумал Шустер, — и как до сих пор Посвященные ограничивают их свободу?» Тот факт, что на планете в пустынях существуют еще тысячи варварских культур, говорит о том, что фараонизм столь же противоестественен для айвенгианцев, как и для людей.

Одетые в белое, седоголовые Посвященные и их ученики в синих плащах угрюмо расхаживали среди пирамид или торопились по своим делам. На приветственные возгласы Шустера они отвечали враждебными взглядами. Впрочем он не стал обращать на это внимания и поспешил в Дом Астрологов.

В просторной комнате вокруг стола сидели два десятка младших Посвященных.

— Добрый день, добрый день, — прогудел Шустер. — Надеюсь, я не очень опоздал?

— Нет, — сказал Херитаскор. Высокий, яркоглазый, он держался с достоинством, напоминавшем о высоком происхождении. Его отец был известным своей воинственностью губернатором. — Тем не менее мы с нетерпением ждем откровений, которые ты обещал нам в то утро, когда взялся читать список Книги Звезд.

— Что ж, — сказал Шустер, — тогда давайте начнем.

Он прошел к почетному концу стола и разложил там свои бумаги.

— Полагаю, вы усвоили те математические принципы, которые я объяснял вам в последние дни?

Несколько туземцев выглядели неуверенными, но большинство закивали головами.

— Да, — сказал Херитаксор. Голос его зазвенел. — Это великолепно.

Шустер достал толстую сигару и закурил, рассматривая слушателей. Он надеялся, что они говорят правду: ибо внезапно его небольшой проект, который был затеян как игра в расчете на приобретение друзей и внесение нескольких свежих идей в это застывшее общество, — этот проект стал жизненно важен. Вчера вечером Дэвид Фолкейн передал по радио сногсшибательную новость о табу, наложенном на колесо, и теперь...

Он подумал, что Херитаскор вряд ли станет лгать. Очевидно, у него достаточно хороший научный багаж, чтобы усвоить новые математические идеи. Математика и наблюдательная астрономия высоко развиты в Ларсуме. Так и должно быть, коли их религия учит, что астрология — один из способов постижения Божьей воли. Алгебра и геометрия тоже неплохо развиты и существуют издавна. Поэтому переход к новым разделам математики будет для туземцев не слишком сложен. Даже Скетуло, глава Посвященных, не возражал против чтения Шустером курса лекций, если только в нем не будет ставиться под сомнение общепринятая догма. Помимо чисто интеллектуального любопытства, это было бы практически полезно для жрецов, так как дало бы им возможность выполнять более сложные расчеты, а это, в свою очередь, еще более укрепило бы их контроль над экономикой Ларсума.

— Сначала я собирался развивать дальше те принципы, которых я коснулся накануне, — сказал Шустер. — Но потом подумал, что для вас будет интереснее услышать некоторые астрологические соображения. Видите ли, при помощи новых разделов математики можно предсказать положение лун и планет на небе гораздо точнее, чем это делалось вами до сих пор.

Шумное дыхание резко вырвалось сквозь стиснутые губы туземцев. Даже под одеждой было заметно, как напряглись их мускулы.

— В Книге Звезд имеются таблицы с результатами наблюдений за много столетий, — продолжал Шустер. — В последние часы я много раз перебирал их в уме. (На самом деле он просто ввел их в компьютер корабля.) Вот результаты моих расчетов.

Он выпустил облако табачного дыма. Мускулы его живота напряглись. Теперь каждое слово следовало подбирать с величайшей осторожностью: одна ошибка, и в его кишках будет торчать меч.

— Я колебался, показывать ли их вам, — сказал Шустер, — ибо на первый взгляд они противоречат Слову Бога, которое вы мне любезно разъяснили. Но, обдумав этот вопрос и изучив в поисках ответа расположение всех звезд, я почувствовал уверенность в том, что вы достаточно разумны, чтобы увидеть истину, скрывающуюся под обманчивой внешностью.

Он помолчал.

— Продолжай, — сказал Херитаксор.

— Позвольте мне приблизиться к предмету моего исследования постепенно. Это иногда бывает необходимо, чтобы выводы прозвучали убедительнее. Мы часто допускаем некоторые отступления от основной темы или договариваемся о каких-то условных терминах. Например, Посвященные в целом владеют большим имуществом, в том числе фабриками и другой собственностью. Известно, что все это принадлежит тому, что вы называете Святилищем. Вы прекрасно знаете, что Святилище — это не личность и не семья. Однако в юридических целях, в целях защиты собственности вы действуете так, будто это единая личность. Точно так же в расчетах земельных площадей вы используете тригонометрию, хотя отлично знаете, что ваша планета круглая... — некоторое время он продолжал развивать свою мысль, пока не почувствовал, что все присутствующие поняли, что такое мнимая математическая величина.

— Но какое отношение это имеет к астрологии? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Сейчас я перейду к этому, — сказал Шустер. — Какова истинная цель ваших расчетов? Разве она не двойная? Во-первых, вы хотите предсказать расположение небесных тел в определенный период, чтобы тем самым раскрыть общее устройство мира, ибо, изучая созданное Богом, вы надеетесь глубже постигнуть его сущность.

Когда необходимые наблюдения были сделаны, ваши предки отметили недостаточную убедительность картины

мироздания, в которой все планеты, включая и вашу собственную, вращаются вокруг солнца по окружностям; каждая луна кружится вокруг своей планеты, и, наконец, вращается сама небесная сфера. Каждая окружность получила свой эпицикл, а позднее на эпициклах появились эпи-эпициклы и так далее. И ныне картина устройства Вселенной выглядит настолько сложной, что астрологи отчаялись улучшить ее.

— Верно, — сказал один из Посвященных. — И на этом основании сто лет тому назад Курро Премудрый высказал предположение, что Бог не хочет, чтобы мы постигли истинную сущность устройства мира.

— Возможно, — сказал Шустер. — Но с другой стороны, может быть, Бог просто хочет того, чтобы вы воспользовались другим способом. Дикарь, стараясь поднять тяжелый камень, воображает, что Бог запрещает ему это делать. Но вы поднимаете его при помощи рычага. Точно так же мой народ открыл нечто вроде интеллектуального рычага, при помощи которого мы можем гораздо глубже проникнуть в сущность движения небесных тел, чем просто громоздить круги друг на друга.

Он попробовал пустить кольцо дыма, но потом решил не делать этого.

— Я ищу ясного ответа, — сказал он. — Но если даже такое предположение запрещено, тогда, конечно, я не стану говорить дальше.

Конечно же, он был уверен, что будет говорить. После долгого обсуждения и споров относительно возникших логических парадоксов Херитаскор заявил, что обсуждение заведомо ложной гипотезы не является незаконным. После этого Шустер познакомил свою аудиторию с законами Кеплера и законом всемирного тяготения Ньютона.

Это заняло несколько часов. Раз или два Херитаскор обращал внимание Посвященных на то, что обсуждение становится святотатственным. Но в целом класс слушал лекцию с восхищенным вниманием и задавал очень умные вопросы. Шустер решил, что это весьма одаренная раса, может быть, даже более одаренная, чем человеческая. В конце концов, вряд ли когда-нибудь человеческая аудитория воспринимала столь революционные идеи так быстро.

В конце лекции, устало склонившись над столом, он указал на лежащие перед ним бумаги и сказал охрипшим голосом:

— Позвольте подвести итог. Я показал вам мнимую картину того, как небесные тела движутся по эллипсам, повинуясь закону обратной пропорциональности квадрату расстояния. При помощи расчетов я показал вам, что эллиптические орбиты являются прямым следствием этого закона. Здесь, в этих бумагах, приведены более подробные расчеты и сопоставлены с наблюдениями из Книги Звезд. Если вы их проверите сами, то убедитесь, что результаты наблюдений объясняются без помощи эпициклов.

Но вспомните, я не утверждал, что на самом деле орбиты не являются круглыми, то есть круговыми. Я лишь говорил, что если представить такую картину, то предсказания положения небесных тел станут гораздо проще и точнее. Можете проверить мои утверждения и обсудить их со старшими Посвященными их теологическое значение. Я очень далек от намерения богохульствовать. У меня и без того проблем достаточно, — добавил он уже по-английски.

Когда он кончил, шума не было. Слушатели были так же вымотаны, как и он. Но позже, когда суть рассуждений начнет до них доходить...

Он вернулся на корабль. В кают-компании его встретил Паскаль.

— Где вы были так долго? — спросил инженер. — Я уже начал беспокоиться.

— В замке, — Шустер со вздохом опустился в кресло. — Уф! Саботаж — это чертовски трудная работа.

— О... я спал, когда вы вернулись в прошлый раз, и поэтому не смог сказать вам. Утром нас вызывал Дэви. Он на пути обратно.

— Думаю, он правильно делает, что возвращается. Мы ничего не можем предпринять, пока не получим одобрения сверху, а это потребует времени.

— Может, слишком много времени?

— А может, и нет. — Шустер пожал плечами. — Сейчас вы похожи на старого глупца в лодке.

— То есть?

— Старик спрашивает: «Откуда вы знаете, что она поплывет?» Потом говорит «Бу!» и отправляется в каюту злорадствовать. Будьте паинькой, принесите мне выпить, а потом я немного отдохну.

— Без ужина?

— Ну, принесите заодно и сэндвич. Нам следует экономить, надеюсь, вы помните об этом?

5

Шустера разбудил тревожный звонок. Он застонал, встал со своей койки и ощупью направился к ближайшему экрану. То, что он увидел, заставило его позабыть про сон.

Дюжина верховых стражников Посвященных выстроилась у трапа. Свет луны и Плеяд отражался на их копьях. Два ученика Посвященных помогали спешиться высокому худому туземцу. Шустер рассмотрел его белую гриву и увенчанный диском шест в руке.

— Фью! — сказал Шустер. — Надевайте парадные костюмы, парни. Местный Папа желает встретиться с вами.

— Кто? — зевнул Мукерджи.

— Скетуло, главный Посвященный, лично. Кажется, я забросил к ним большую шутиху, чем думал.

Шустер быстро оделся. Он был готов к встрече гостя, когда тот поднялся к люку.

— Мой господин, вы оказываете нам великую честь, — начал Шустер елейным голосом. — Если бы мы только знали о вашем визите заранее, мы бы соответствующим образом подготовились...

— Не будем тратить времени на лицемерие, — коротко ответил ларсумец. — Я хочу поговорить с вами наедине, не опасаясь, что нас услышат ничтожества или дураки, — он жестом приказал Паскалю закрыть внешнюю дверь. — Притушите ваши проклятые огни.

Мукерджи повиновался. Огромные глаза Скетуло раскрылись шире и остановились на Шустере.

— Вы здесь капитан, — сказал он. — Я буду говорить только с вами.

Торговец пожал плечами, но все же послушно двинулся вперед — по ларсумскому обычаю почетное место было сзади. Они зашли в помещение, которое в чрезвычайных случаях служило Шустеру конторой. Когда закрылась дверь, он повернулся к Посвященному и стал ждать.

Скетуло напряженно сидел на краешке кресла, приспособленного к форме тел айвенгианцев. Он продолжал держать в руке шест, и его золотой диск посверкивал в полутьме. Шустер опустился на стул и скрестил ноги в ожидании начала разговора.

Наконец прозвучал старческий голос:

— Когда я давал вам разрешение обучать юных астрологов, я не думал, что вы осмелитесь посеять среди них семена ереси.

— Мой господин! — возразил Шустер протестующим тоном. — Я ничего подобного не делал.

— О, вы искусно скрыли свои истинные намерения выдумкой о мнимых величинах. Но я редко видел кого-либо столь возбужденным, как те Посвященные, что пришли ко мне после вашего урока.

— Конечно. Ведь я действительно рассказал им о поразительных вещах.

— Скажите мне, — Скетуло скривил свои тонкие губы, — нам потребуется значительное время, чтобы подтвердить ваши утверждения. Но неужели ваши гипотезы на самом деле так хороши, как вы говорили?

— Да. Зачем мне дискредитировать себя выдумками, которые легко опровергнуть?

— Так я и думал. Мудро, мудро... — изможденная голова Скетуло закачалась. — У антибога есть немало способов для соблазнения душ...

— Но, мой господин, я сказал им, что это только мнимая истина.

— Да, вы так сказали. Вы сказали, что математическая истинность не делает ваше утверждение философской истиной, — Скетуло наклонился вперед и добавил яростно:

— Вы должны были знать, что неизбежно возникнет вопрос, как могут существовать два вида правды, и что в таком споре те, кто проводит свою жизнь среди наблюдений и чисел, придут в конце концов к выводу, что математическая правда и есть единственно верная.

«Конечно, я знал, — подумал Шустер. — Именно это навлекло на Галилея гнев инквизиции, — холодок пробежал по его телу. — Я не думал, что ты, старый дьявол, додумаешься до этого так быстро».

— Разрушая таким образом веру, вы утверждали меня во мнении, что вы и ваши люди являетесь агентами антибога, — заявил Скетуло. — Вы не должны больше оставаться здесь.

Надежда вспыхнула в Шустере.

— Поверьте, мой господин, и мы хотим того же самого. Чем быстрее мы получим необходимое со склада и улетим, тем лучше будет для всех нас.

— Ага! Но другие. Когда нам ждать третьего посещения, четвертого, когда прилетит целый флот?

— Бог даст, никогда. Люди из первого корабля говорили вам, что мы не заинтересованы в торговле...

— Да, они так говорили. Но не прошло и несколько коротких лет, как прилетел ваш корабль. Откуда мы знаем, что вы говорите правду?

«Нельзя спорить с фанатиком», — подумал Шустер и промолчал. Тут Скетуло снова удивил его, сменил тему разговора и спросил нормальным голосом:

— Как вы собираетесь доставлять сюда свой большой груз?

— О, это хороший вопрос, мой господин, — Шустер почувствовал, как у него вспотел лоб. Он вытерся рукавом. — У нас есть способ, но... гм... я боюсь предлагать его вам...

— Мы для того и остались одни, чтобы говорить откровенно.

Шустер глубоко вздохнул, взял листок бумаги и карандаш и объяснил туземцу устройство тележки.

Скетуло сидел совершенно неподвижно. Наконец он сказал:

— Для самых священных и тайных обрядов в глубине святилища у нас есть устройство, которое передвигается из комнаты в комнату таким же образом.

— Мы не будем шокировать население, — сказал Шустер. — Мы можем установить щиты, или занавеси до самого низу, или еще что-нибудь в этом роде, чтобы скрыть колеса.

Скетуло покачал головой.

— Нет. Все равно. Невинный ребенок играет круглым камнем. Варвары за Касунианскими горами используют круглые катки. То же самое украдкой делают и наши крестьяне, когда нужно переместить тяжелый груз, и никто не следит за ними. Вы не сможете скрыть от наиболее умных зрителей, что прячется за вашими покрывалами, а уж они расскажут остальным.

— Но имея официальное разрешение...

— Его не будет. Закон Бога ясен. Даже если Посвященные дадут вам разрешение, то и тогда простой народ будет охвачен священным страхом. Он уничтожит вас, несмотря на приказы.

О том же самом, со слов Ребо, предостерегал Фолкейн, и это доказывало, что старый жрец говорит правду. Дело не в упрямстве Скетуло, очевидно, он просто не мог дать разрешения.

Торговец вздохнул.

— Ну, что ж, мой господин, нет ли у вас другого предложения? Если вы предоставите нам достаточное число работников из поместий Посвященных, мы сумеем доставить груз волоком...

— Сейчас сезон посадки и обработки посевов. Мы не можем отрывать рабочих от полей, в противном случае нас ждет голод.

— О, мой господин, у нас с вами общий интерес — помочь кораблю скорее улететь. Наша фирма готова заплатить вам металлами, изделиями из них и даже искусственной пищей, годной для вашего типа жизни.

Скетуло ударил диском о стол, так что он зазвенел. Голос его стал пронзительным.

— Мы не хотим вашей платы! Мы не хотим вас! Беспокойство, которое вы посеяли сегодня, было послед-

ней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Если вы погибнете здесь вместе со своей проклятой ремонтной станцией, то, может быть, тогда ваши товарищи поймут, что здесь не самое подходящее место для посадки. В конце концов, мы выполним Божью волю... и даже пальцем не шевельнем, чтобы помочь слугам антибога!

Он встал. Его тяжелое дыхание, казалось, отражалось от стен маленькой металлической каюты. Шустер тоже встал, он полностью владел собой и довольно спокойно спросил:

— Правильно ли я вас понял, мой господин? Вы хотите, чтобы мы умерли?

Туземец возвышался над ним.

— Да!

— Ваша стража нападет на нас или вы возбудите против нас толпу?

Скетуло некоторое время стоял молча. Но наконец ответил:

— Ни то, ни другое, пока вы нас не вынудите к этому. Ситуация очень сложная. Вы знаете, что некоторые группы дворян и торговцев не без вашего влияния соблазнились новыми возможностями. Кроме того, хотя мы подавляем вас численностью, я боюсь, что ваше оружие принесет нам огромные потери, а за этим может последовать вторжение варваров. Поэтому вам придется ждать мирного конца.

— Пока вы не придумаете, как мирным путем перерезать нам глотки?

— Или пока вы сами не умрете с голоду. В любом случае с этого момента вам запрещено показываться в Аэске.

— Да? Это не такая уж оригинальная мысль, ведь в городе множество крыш и углов, где может спрятаться хороший лучник. Что ж, — Шустер спохватился и замолчал. Он подумал, не были ли его последние слова ошибкой. Нет. Он не мог предвидеть реакции Скетуло, но лучше знать, что тебя ожидает. Если бы он заранее знал то, что знает сейчас, он не позволил бы Дэвиду уехать одному. — «Надо предупредить мальчика, чтобы он опасался убийц», — Шустер криво улыбнулся. — Наконец-то мы поняли друг друга... Спасибо и за это...

На мгновение он подумал о том, что можно взять ларсумца в плен в качестве заложника. Но нет, это может только спровоцировать нападение. Скетуло с готовностью умрет за свою веру. Шустер с удовольствием предоставил бы ему такую возможность, но не хотел рисковать раньше времени. На Земле его ждали жена и дети.

Он проводил старика к люку и долго смотрел ему в след, пока топот копыт не затих под светом луны и звезд.

6

Фолкейну показалось, что он едет верхом уже целую вечность. Все, что было до этого, — сон, выдумка... Реальностью была боль в каждой клеточке тела и голод; язык одеревенел от жажды, глаза жгло от бессонницы, страх смерти опустошил его, не оставив ничего, кроме животного инстинкта: скорее добраться до замка Гирлигор. Он даже не мог вспомнить, зачем ему это.

На протяжении ночи он, конечно, останавливался. Фастиг гораздо крепче мула и быстрее лошади, но и он нуждается в отдыхе. Сам Фолкейн не осмеливался уснуть и садился в седло при первой возможности. Теперь его животные брели вдоль дороги, как пьяные.

Фолкейн повернул голову так, что хрустнули позвонки, и посмотрел назад. Он заметил своих преследователей, когда первые проблески зари осветили небо. Похоже, с этого момента минуло целое столетие. Нет, еще час назад солнца не было, ночь только начинала сереть, когда Плеяды скрылись за стенами Касунианских гор. Их было четверо или пятеро — трудно было определить в полутьме — и всего лишь в двух километрах сзади. Расстояние это все время сокращалось. Острия их копий сверкали в густой тени, покрывавшей долину.

«Так близко?»

Сознание опасности прибавило сил. Энергия рождалась в каком-то скрытом источнике, проясняла ум и обостряла чувства. Он почувствовал рассветный ветерок на щеках, услышал, как он шуршит в сухих ветвях кустар-

ников вдоль дороги, увидел, как снежные пики на западе краснеют под первыми лучами солнца. Он извлек из кармана маленький передатчик и нажал кнопку.

— Алло!

— Дэви! — послышался голос Шустера. — Что случилось? Вы в порядке?

— Пока, — с трудом проговорил Фолкейн. — Н... но боюсь, что ненадолго.

— Мы уже несколько часов пытаемся связаться с вами.

Он как раз вызывал корабль, когда произошло нападение, и контакт был установлен, но...

— Я так устал, что забыл о передатчике. Мои животные вот-вот околеют. А... а воины Посвященных догоняют меня.

— Успеете ли вы достичь замка до того, как они приблизятся на расстояние выстрела из лука?

Фолкейн покусал губу.

— Сомневаюсь. Осталось совсем немного, может, несколько километров, но... Что мне делать? Попробовать дойти до замка пешком?

— Нет, вас догонят и выстрелят в спину. Скорее следует остановиться.

— Один из луков в дальности не уступает моему оружию, и они могут напасть на меня с разных сторон одновременно. Здесь нет укрытия. Не видно даже ни одного дерева.

— Я знаю прекрасный трюк. Убейте своих животных и сделайте из их тел баррикаду.

— Это меня защитит ненадолго.

— Возможно. Но если вы действительно рядом с замком, то там должны увидеть вспышки от ваших выстрелов. Во всяком случае, это единственное, что мне приходит в голову.

— Х... х... х... — Фолкейн сжал зубы и помолчал немного, чтобы унять дрожь. — Хорошо.

Голос Шустера стал неуверенным:

— Я молюсь Богу, чтобы оказаться рядом с вами и помочь вам, Дэви.

— Я бы не возражал против этого, — Фолкейн сам удивился своему ответу. — Я кладу передатчик в карман, но оставляю его включенным. Может, когда вы услышите... Подбадривайте меня, ладно?

Он натянул поводья и спрыгнул на землю. Его фастиги стояли неподвижно, дрожа от истощения. Не без чувства вины он подвел вьючного фастига так, что он стал мордой к хвосту верхового. Затем сузил луч бластера и прожег животным головы.

Они неуклюже, как куклы, повалились наземь; вьючный фастиг издал нечто вроде вздоха, как перед сном, его глаза остались открытыми и странными в своей неподвижности. Фолкейн долго возился с ногами и головами животных, стараясь устроить стену, которая могла бы его защитить. Однако добиться ему удалось немногого. Тяжело дыша, он посмотрел на восток. Враги уже заметили его и перешли на рысь, заходя справа и слева, потом остановились, чтобы привязать фастигов. Так и есть — их было пятеро.

Солнечный диск показался над хребтом.

— Погоди, задержись немного, — просил Фолкейн солнце. Чем больше контраст, тем заметнее будет блеск выстрелов. Фолкейн несколько раз выстрелил.

Стрела вонзилась в тело фастига. Дэвид лег на живот и выстрелил в ответ. Он не попал в отступившего всадника. Осмотрелся по сторонам. Другой ларсумец нацелил в него стрелу с расстояния в полкилометра. Он сам тщательно прицелился и нажал курок. Из бластера словно высунулся сине-белый палец. Через мгновение послышалось «Крэк!», и ларсумец, отбросив лук, схватился за свою левую руку. Две другие стрелы просвистели рядом. Фолкейн выстрелил не целясь, заставив лучников немного отступить. Это было уже кое-что.

Однако в магазине бластера оставалось всего несколько зарядов. Если наемники Посвященных будут продолжать придерживаться той же тактики, заставляя его тратить заряды... Но откуда им знать, сколько их у него? Неважно. Они не успокоятся, пока не выполнят свое задание. Или, если ему повезет, он не перебьет их всех. Иначе он неминуемо погибнет. Тяжелая ситуация. Дэвид Фолкейн

оценил ее спокойно, без лишней суеты, решив, что сумеет захватить с собой в ад нескольких туземцев. — «Жаль маму и отца, — подумал он. — Жаль Марти Шустера. Если он выживет...»

Два противника мчались к нему наискось по поросшему травой склону. Их гривы развевались. Приблизившись на расстояние выстрела, они разделились. Фолкейн выстрелил в одного, но тот в этот момент наклонился, и Дэвид промахнулся. Второй пустил стрелу по высокой траектории. Фолкейн выстрелил и в него, но туземец совершил профессиональный маневр и отступил. Стрела вонзилась в землю в сантиметре от правой ноги Фолкейна.

«Отличная уловка, — подумал он со странным безразличием. — Интересно, встречался ли им раньше мой защитный прием или они только что придумали, как надо атаковать в такой ситуации? Не удивлюсь, если только что. Умные парни, эти айвенгианцы! А мы со всей нашей гордой цивилизацией не можем справиться с такой простейшей вещью, как табу на колесо.

Черт, если б можно было спокойно подумать над этим...»

Два других туземца быстро приближались, справа. Фолкейн сузил луч бластера, как только мог, чтобы увеличить дальность и выстрелил, тщательно прицелившись. Он попал в одного фастига, потом в другого; раны небольшие, но болезненные. Животные закричали. Всадники справились с ними и повернули прочь. Фолкейн вовремя обернулся, чтобы выстрелить по второй паре, но так как одновременно надо было уворачиваться от их выстрелов, последовали промахи с обеих сторон.

«...и точно установить, что такое колесо, а потом придумать что-нибудь, действующее так же, как оно...

Где же первый ларсумец, которого я ранил в руку? Погоди... его фастиг стоит без всадника в отдалении. Но где же он сам? Эти задиристые парни не из тех, что отказываются от своей цели из-за пустякового ранения.

...У меня были хорошие успехи по математике. Так говорили мне учителя. Почему же теперь я не могу восстановить в памяти то, что знал когда-то, чтобы воспользоваться этим сейчас? Готов поклясться, что на экзамене я решил бы эту проблему...

Похоже, что раненый пробирается ползком через густой кустарник, он хочет приблизиться вплотную и внезапно напасть.

...Конечно, это не экзаменационная комната. Строгий анализ невозможен в обстоятельствах, когда приходится думать о сохранении жизни. Очень сомнительно, что в таких условиях я сумею найти ответ; может, его подскажет подсознание...»

Четверо всадников собрались вместе на совещание. Издалека они напоминали игрушечных солдатов. Они стояли на вершине высокой гряды, шедшей параллельно дороге и полого спускавшейся к ней. Фолкейн не слышал ничего, кроме гула ветра. Солнце уже взошло, малейшие неровности отбрасывали в траве густые фиолетовые тени. Воздух все еще был ледяным, и дыхание вырывалось струйкой пара.

«...Посмотрим. Колесо — это своего рода рычаг. Нельзя ли воспользоваться другим? Погоди! Винт? Нет, как его приспособить? Если бы это было возможно, Ромуло Паскаль додумался бы сам.

Может разрезать колесо на части и прикрепить их в отдельности? Нет, я предлагал это Ребо, и он ответил, что устройство со стороны все равно будет иметь округлую форму...»

Всадники, очевидно, выработали какой-то план. Они подвесили луки к седлам и двинулись к нему цепью.

«...Что еще делает колесо кроме того, что обеспечивает механическое передвижение? В идеале оно касается поверхности только в одной точке. А есть ли другие фигуры того же типа? Конечно, их много. Но что толку от эллиптического колеса.

Эй, нельзя ли сделать гусеницу, ось которой будет перемещаться по эллипсу, причем ее поверхность будет двигаться ровно? М... м... м... нет, сомневаюсь я, что это выполнимо, особенно учитывая состояние здешних дорог и то, что у нас нет другого двигателя, кроме мускульной силы. Система быстро развалится на куски...»

Передовой наемник перешел на галоп. Фолкейн поймал его в прицел и ждал, когда он приблизится на расстояние, на котором выстрел будет смертельным. Передатчик щел-

кнул в кармане Фолкейна, но у него не было времени доставать его.

«...Всегда найдутся возражения — сложность, неэффективность, хрупкость — по поводу всего, что мне приходит в голову, вроде этой гусеницы. Может, Паскаль придумает что-нибудь. Но должно же быть какое-то простое решение!»

Пригнувшись к шее фастига, передний всадник был уже в пределах досягаемости. Да, в пределах! Фолкейн выстрелил. Заряд попал фастигу прямо в грудь. По инерции он пролетел по склону холма еще несколько метров, прежде чем упал. Всадник выпрыгнул из седла в момент падения и избежал попадания луча. Он коснулся земли, с акробатической ловкостью перевернулся в воздухе и исчез в кустарнике.

К тому времени, когда Фолкейн догадался о их замыслах, он уже выстрелил во второго противника. Второй фастиг с грохотом ударился о первого. Третий проскочил мимо, напуганный, но контролируемый.

— О, нет, не надейтесь, — прохрипел Фолкейн. — Я не собираюсь сам строить для вас укрытие...

Он позволил остальным проскочить мимо. Когда фастиги повернулись, подставив всадников под огонь, он пристрелил одного из них, испытав при этом мрачное удовлетворение. Четвертый увернулся от луча, спрыгнул на землю и, подбежав к мертвым животным, укрылся за ними.

Выстрелы Фолкейна падали на склон, но наемников надежно скрывали заросли, а сейчас, весной, — было еще слишком влажно, чтобы кустарник загорелся. Третий ларсумец достиг баррикады и перерезал горло своему фастигу. Тот забился в судорогах и умер.

Итак, три воина достигли своей цели. Теперь они были скрыты за сооруженной общими усилиями стеной, слишком толстой, чтобы прожечь ее бластером, достаточно высокой, чтобы за ней можно было укрыться и посылать в Фолкейна стрелы по крутой дуге. Конечно, цель не очень удобная...

Начали падать стрелы. Фолкейн сжался в комок, как только мог, и постарался укрыться под одним из убитых фастигов.

«...Нечто такое... способное вращаться и устойчиво нести груз, но не кругло...»

Стрелы падали. Их острия глубоко вонзались в почву и мертвые тела фастигов. Прошло какое-то время, обстрел продолжался; голова с львиной гривой выглянула из-за баррикады, чтобы оценить положение. Фолкейн уловил перерыв в обстреле, приподнялся на колене и выстрелил.

Он должен был попасть на таком расстоянии. Но не попал. Луч уперся в баррикаду, поднялся коричневый дымок. Ларсумец нырнул за укрытие.

Рука Фолкейна дрогнула, потому что он внезапно нашел РЕШЕНИЕ.

Он вытащил радио.

— Алло! — крикнул он. — Слушайте, я знаю, что делать!

— Делай все что угодно, Дэви, — ответил Шустер.

— Не мне. Я знаю, как нам вырваться отсюда...

Стрелы вновь начали падать дождем. Боль пронизала левую икру Фолкейна. Он уставился на стрелу, торчавшую из ноги, не сразу поняв, что произошло.

— Дэви? Вы здесь? — кричал ему через тысячу километров Шустер.

Фолкейн с трудом глотнул. Пока рана не слишком болела. А враги вновь прекратили огонь. Очевидно, они подбирались поближе.

— Слушайте внимательно, — сказал он в передатчик. Он упал на землю, и кровь из раны полилась на траву. Какой-то частью сознания он отметил, что человеческая кровь не имеет в этом мире своей обычной яркости, а кажется черно-красной. Кровь текла слабо, значит, крупные сосуды не были повреждены. — Вы знаете, что такое многоугольник постоянной ширины? — спросил он.

Ларсумец отважился выглянуть из-за укрытия. Фолкейн не выстрелил, тогда туземец вскочил на ноги, взмахнул рукой и снова спрятался. Дэвид был слишком занят, чтобы удивляться этому.

— Вы ранены, Дэви? — спросил Шустер. — У вас странный голос. Они все еще рядом?

— Замолчите, — сказал Фолкейн. — У меня мало времени. Слушайте. Фигура постоянной ширины, будучи

помещенной между двумя касательными к ней параллельными линиями, вращается так, что линии все время остаются касательными. Иными словами, ширина фигуры всегда одинакова — линии, проведенные от любых двух ее точек через середину, равны. Окружность, очевидно, одна из фигур этого класса. Но...

Пропавший ларсумец с раненой рукой выпрыгнул из-за кустов у дороги. В его правой руке был зажат нож. Фолкейн краем глаза уловил его движение, повернулся и потянулся к лежащему на земле бластеру. Нож описал в воздухе дугу. Фолкейн вскрикнул от боли: его рука оказалась приколотой к земле.

— Дэви! — крикнул в передатчик Шустер.

Фолкейн левой рукой дотянулся до бластера. Ствол ходил ходуном. Он выстрелил и промахнулся. Наемник перескочил через баррикаду, вытаскивая меч. Его первый удар пришелся мимо, очевидно, в момент выстрела воин закрыл глаза. Оружие ударило рядом с раненой ногой Фолкейна.

Человек вытащил нож, которым была пришпилена его рука, вскочил на ноги и напал с ножом в левой руке. Голос его перешел в крик:

— Окружность — не единственная фигура такого рода. Возьмите равно...

Прыжок Фолкейна достиг цели. Дэвид ударил ножом, но клинок отскочил от нагрудника туземца. Тот нанес ответный удар. Фолкейн тоже увернулся. Наемник воинственно размахивал своей рапирой.

— ...равнобедренный треугольник, — кричал Фолкейн. — Проведите дугу...

Послышался звук рога. Наемник испуганно отскочил. Со склона холма ларсумец послал в Фолкейна еще одну стрелу. Но раненая нога дала о себе знать, Фолкейн упал на колени, и стрела просвистела мимо.

Между тем стрела, пущенная кем-то с тыла, ударила всадника в грудь. Тот схватился за раненое место и упал. Уцелевшие наемники Посвященных указывали на круги на своих кирасах. Но всадники, появившиеся с запада, осыпали их градом стрел, и скоро все было кончено.

Ребо, сын Легвора, спрыгнул с седла, успев подхватить на руки потерявшего сознание Фолкейна.

7

Мукерджи вошел в кают-компанию, где Шустер в одиночестве раскладывал пасьянс.

— Где Ромуло? — спросил он.

— Сидит у себя и сходит с ума, — ответил Шустер. — Он пытается сделать то, о чем говорил Дэви перед тем как... — он поднял свое полное лицо. — Что слышно о парне?

— Ничего. Как только узнаю что-нибудь, я вам, конечно, сообщу. Его радио все еще включено. Я слышал, как рядом с ним ходили и что-то говорили туземцы. Но он молчит, а все остальные, очевидно, боятся говорящего ящика.

— О, боже, и я послал его туда.

— Вы не могли знать, что на него нападут.

— Я должен был знать, что самое безопасное место на планете — это наш корабль. Я должен был идти сам. — Шустер, ничего не видя, смотрел на карты. — Он мой ученик.

Мукерджи положил руку на плечо торговца.

— Но вы не должны заниматься повседневной работой. Даже сражения уже не для вас. Ваша голова необходима здесь.

— К чему мне теперь голова?

— Вы должны что-нибудь придумать. О чем вы говорили с этим крестьянином за несколько часов до восхода солнца?

— Я уговорил его отнести мое послание Посвященным. Эта услуга стоила мне ножа. Я прошу Херитаскора прийти сюда для тайных переговоров. Он второй по старшинству среди астрологов, он очень умен и, как мне кажется, относится к нам более дружественно, чем другие. Во всяком случае, у него нет такой фанатической ненависти к новшествам, как у Скетуло, — Шустер уви-

дел, что кладет червовую карту на бубновую и, выругавшись, смешал колоду. — Очевидно, Ребо увидел блеск выстрелов и покончил с наемниками. Но вовремя ли он пришел? Жив ли еще Дэви?

Зазвонил сканнер. Оба вскочили на ноги и подбежали к ближайшему экрану.

— Легок на помине, дьявол, — сказал Мукерджи. — Действуйте, Мартин. Я пойду в рубку и посижу у радио.

Шустер взял себя в руки и открыл люк. Высунувшись за борт, он вдохнул холодный утренний воздух, наполненный резкими запахами. Херитаскор взобрался по трапу и вошел в корабль. Его большое тело было плотно закутано в плащ, который он не снимал, пока за ним не закрылась дверь. Под плащом была обычная одежда Посвященного. Очевидно, он старался, чтобы его не узнали.

— Приветствую, — сказал Шустер, — и благодарю за то, что ты пришел.

— Твое послание не оставило мне выбора, пришелец, — сказал Посвященный. — Для блага Ларсума и веры я должен выслушать тебя, если ты клянешься, что дело твое важное.

— Вам... гм... запретили навещать корабль?

— Нет, но лучше не давать главе повода для запрещения.

Херитаскор прищурился и взглянул на экран, который казался ему слишком ярким, хотя на самом деле яркость его была уменьшена в целях экономии энергии в аккумуляторах корабля. Шустер провел Посвященного в свою каюту, приглушил освещение и подвинул гостю кресло.

Они сели и некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец Херитаскор сказал:

— Если ты повторишь свое утверждение, я вынужден буду назвать тебя лжецом. Но я думаю, что ты человек чести.

Шустер почувствовал смущение, его планы не вполне соответствовали представлению о честности.

— Ты должен знать, что многие Посвященные считают ошибочным решение Скетуло запретить новую математику и астрологию. Если бы он доказал, опираясь на Священное писание, на традиции или просто на здравый

смысл, что твои слова противоречат Слову Бога, все жрецы, конечно же, поддержали бы его в неприятии твоего знания. Но он даже не сделал попыток убедить нас — он просто издал приказ.

— Тебе разрешено обсуждать с ним этот вопрос?

— Да, правило гласит, что Посвященный может обсуждать любые вопросы в рамках доктрины. Но мы обязаны повиноваться приказам своих начальников, пока эти приказы являются законными.

— Я так и думал. Что ж... — Шустер потянулся за сигарой. — Вот что я хотел тебе сказать. Мне нужен союз с Посвященными, а не вражда. С целью добиться этого союза я хочу убедить тебя, что мы не только не представляем опасности для вашей веры, а наоборот, можем стать орудием ее дальнейшего укрепления и развития. Я хочу, чтобы ты внушил это остальным.

Херитаскор молча ждал продолжения. Его глаза сузились и загорелись.

Шустер закурил и принялся пускать облака дыма.

— Цель вашей астрологии заключается в том, чтобы установить волю Бога и план, по которому он создал Вселенную. А это означает, что высшей целью Посвященных является утверждение истинной природы Бога в той мере, в какой это может быть понятно смертным. Ваши теологи в прошлом сделали кое-какие выводы, но являются ли эти выводы окончательными? Разве больше нечего открывать?

Херитаскор наклонил свою львиную голову и проследил полет кольца дыма в воздухе.

— Конечно есть, что открывать. Должно быть. Ничего ценного в этой области не было сделано с тех пор, как была написана «Книга Домпо», и я сам часто рассуждал... продолжай, прошу тебя.

— Мы, пришельцы, не посвящены в вашу религию, — сказал Шустер. — Но и мы провели несколько столетий, изучая чудо божественного сознания. Мы тоже верим, по крайней мере, некоторые из нас, в единого Бога, бессмертного, вездесущего, всемогущего, совершенного... создавшего все вокруг. Возможно, наша теология отличается от вашей в решающем пункте. А может, и нет. И

могу ли я сопоставить вашу точку зрения с нашей? Если ты укажешь, в чем мой народ ошибается, я буду благодарен тебе и, если останусь жив, донесу ему правду. Если же, с другой стороны, я смогу доказать тебе, что в чем-то наша теология опередила вашу, то тогда ты поможешь понять остальным, что мы, пришельцы, не представляем для вас угрозы, а скорее, можем принести пользу.

— Сомневаюсь, что Скетуло и некоторые другие твердолобые Посвященные согласятся с этим, — сказал Херитаскор. — Но если новая истина действительно будет доказана, и кто-то посмеет отрицать ее... — он сжал кулаки. — Я слушаю.

Шустер не был удивлен поведением Херитаскора. В прошлом каждая земная религия, независимо от того, насколько она была завершена в теории, имела мыслителей, которые заимствовали идеи от соперничающих с ней религий. Он устроился поудобней, разговор должен был занять немало времени.

— Первый вопрос, который я хочу обсудить, — сказал он, — формулируется следующим образом: почему Бог создал Вселенную. Есть ли у вас ответ на этот вопрос? Хоть какой-нибудь?

Херитаскор удивленно взглянул на него.

— Нет. В Писании просто констатируется, что он это сделал. Разве мы можем рассуждать о причинах его поступков?

— Я считаю, что смеем. Если Бог всемогущ и неограничен в своем существовании, значит, он существовал вечно и задолго до того, как создал мир. Он бесконечен. Но мысль и существование само по себе конечны, не так ли?

— Ну... гм... да. Это звучит разумно. И мысль и существование сами по себе конечны.

— Так. Я думаю, ваши философы уже спорили о том, является ли реальным падение камня в пустыне, где его никто не видел и не слышал.

Херитаскор кивнул.

— Это старая загадка, о ней думали на бесчисленных планетах, я хочу сказать, в бесчисленных странах. Подо-

бным же образом Бог в своей высшей неограниченности не мог быть воспринят и осознан мыслью и не мог быть описан в словах. К моменту творения не существовало ни мыслящих, ни говорящих существ. Соответственно, в известном смысле, не существовало и самого Бога. Точнее, его существованию недоставало окончательной завершенности, так как оно не было наблюдаемым и осознаваемым. Но как может существование совершенного Бога быть несовершенным? Очевидно, не может. Следовательно, Богу было необходимо создать мир, чтобы стать наблюдаемым и осознаваемым, чтобы приобрести абсолютную цельность? Ты следишь за моей мыслью?

Херитаскор напряженно кивнул. Дыхание его участилось.

— Сказал ли я что-нибудь такое, что противоречит твоей вере? — спросил Шустер.

— Нет... мне кажется, нет. Хотя это так ново... Продолжай!

— Акт созидания, — сказал Шустер, затягиваясь, — логически должен включать в себя желание созидать, мысль о том, что будет создано, решение создавать и, наконец, саму работу по созиданию. В противном случае Бог действовал бы по капризу, а это абсурд. Но эти способности — желание, мысль, решение и работа — ограничены. Они неизбежно сосредоточены на одиночном акте созидания, они находятся вне безграничных возможностей, так как включают в себя вполне определенные действия. Следовательно, акт созидания означает известную ограниченность Бога, что невозможно признать, даже на время. И мы приходим к парадоксу: Бог должен был создавать и в то же время не мог создавать... Как разрешить этот парадокс?

— А как вы разрешили его? — Херитаскор выглядел несколько ошеломленным.

— Мы решили, что сам акт созидания совершался десятью разумными ипостасями-серафимами...

— Постой! — воскликнул Херитаскор. — Не может быть других богов, даже подчиненных главному, и в Писании ничего не говорится о том, что ангелы создали мир.

— Конечно. Ипостаси, о которых я говорю, это не боги и не ангелы, это обособленные проявления единого Бога так же, как грани алмаза являются проявлением алмаза, не будучи в то же время самим алмазом. Бог, безо всякого сомнения, имеет бесконечное множество проявлений, но десять серафимов — это все, что необходимо для логического объяснения факта созидания. Начнем с первого из них: желание и идея созидания должны были существовать в Боге вечно. Следовательно, они содержат в себе девять остальных, которые могут рассматриваться как атрибуты того, что будет создано...

8

Через несколько часов Херитаскор сказал Шустеру, что он больше не может. Он ушел в полубессознательном состоянии. Шустер провожал его, стоя в люке. Он чувствовал, что невероятно устал.

«Если наш разговор подействует на него и на остальных, то, может, мой собственный добрый Бог простит меня».

Шустер вернулся в корабль, навстречу ему торопливо шел Мукерджи, и его шаги гулко отдавались в металлическом переходе.

— Мартин! — крикнул он. — Дэви жив!

Мартин повернулся. Голова у него закружилась, он прислонился к переборке и проглотил комок в горле.

— Он вызвал нас, когда вы начали переговоры с этим брамином, — сказал Мукерджи. — Я не знал, можно ли прерывать вас, поэтому... Да, он был ранен в руку и ногу, но опасности нет: вы знаете, мы можем не беспокоиться из-за местных микробов... Он потерял сознание, и, я думаю, его обморок сразу перешел в сон. Из замка Ребо он говорил с трудом; сказал, что вызовет нас снова, когда немного отдохнет, и тогда подробнее объяснит свою мысль. Идемте же, мы с Ромуло распечатали бутылочку, чтобы отметить это событие!

— Это мне нравится, — сказал Шустер и пошел за капитаном.

Сделав несколько глотков, он почувствовал себя значительно лучше. Поставив свой стакан, он слабо улыбнулся.

— Приходилось ли вам пережить чувство освобождения, которое испытываешь, когда с вас снимается подозрение в убийстве? — спросил он. — Вот это я сейчас и чувствую.

— Перестаньте! — фыркнул Паскаль. — Вы не отвечаете за своего ученика.

— Нет, если не считать того, что я послал его туда, куда должен был пойти сам. Но вы говорите, что он в порядке?

— Если бы вас не было здесь, на корабле, все могло бы кончиться гораздо хуже, — сказал Паскаль. — Крис всего лишь космонавт, я — инженер, а Дэви — малыш. Нам нужен кто-то, кто нашел бы выход из этой дыры. А вы, мой друг, делаете это лучше всех.

— Да, у Дэви, кажется, была какая-то идея. Но я не знаю, какая именно. — Шустер пожал плечами. — А может и знаю. Я ведь тоже кое-что учил в школе, но подзабыл. Он ближе к своим школьным дням.

— Полагаю, что это хорошая идея, — сказал Паскаль с ноткой беспокойства. — Сам я не выработал приемлемого плана, но отбросил уже много безрассудных идей.

— Подождем и тогда посмотрим. Есть ли какие-нибудь новые подробности о положении в Гирлигоре?

— Да, я разговаривал непосредственно с Ребо после того, как Дэви показал ему, как пользоваться радио, — проговорил Мукерджи. — Все наемники перебиты во время нападения. Ребо говорит, что отдал такой приказ, когда заподозрил, что они из войск Посвященных. Если бы он взял их в плен, то вынужден был бы потом освободить или, по крайней мере, должен был бы вступить в переговоры со Скетуло. Кроме того, освобожденные наемники оповестили бы о случившемся Посвященных. Он избежал этой диалемы и может поклясться, что его действия были справедливыми и законными. На расстоянии полета стрелы он мог не разглядеть круги на их

одежде, и поэтому естественно, что он принял их за бандитов, а уничтожение бандитов входит в его прямые обязанности.

— Превосходно, — рассмеялся Шустер. — Ребо — находчивый парень. Если он найдет предлог для того, чтобы не посылать в город сообщение о случившемся, а я уверен в том, что он такой предлог отыщет, мы выиграем несколько дней до того времени, когда Скетуло заподозрит неладное и отправит своих людей на поиски. Иными словами, не говоря ни слова о случившемся, мы обернем тактику задержек, проводимую Скетуло против него самого, — он оглядел стол. — А время нам необходимо, во-первых, для того, чтобы приволочь сюда груз, а во-вторых, для того, чтобы дать разгореться волнениям среди Посвященных. Скоро они и думать перестанут о новых проволочках и затяжках.

— Будьте осторожны, они склонны к насилию, — предупредил Мукерджи.

— Не совсем, — ответил Шустер. — Нападение на Дэви было совершено украдкой, и я уверен, что Скетуло отречется от своих агентов, когда распространится весть об этом происшествии. Любое действие, связанное с открытым нарушением закона, обернется против него. Я дал таким туземцам, как Ребо, повод задуматься и принять решение о необходимости открытой борьбы. Как я уже заметил, время начинает работать против старого дьявола.

Паскаль взглянул на торговца:

— Что вы задумали?

— Ну, — Шустер вновь потянулся за бутылкой: жидкость, булькая, потекла в его стакан, — вначале, как вы знаете, я познакомил их с ньютоновской астрономией. Я ее представил как фиктивную гипотезу, но от этого она не стала менее революционной. Никто не сможет долго тешить себя сказками, что это всего лишь способ упростить математические расчеты... Рано или поздно они решат, что орбиты планет на самом деле эллиптические. Это пробьет такую брешь в их вере в окружность, что скоро подорвет основания всей религии. Скетуло предвидел это и именно поэтому запретил обсуждение ньютоновских идей. Но это

только оттянет неизбежный конец. Он не может запретить своим астрологам думать, а некоторые из них возмутятся запретом на дискуссии. Это вызовет напряжение среди Посвященных, которое отнимет у них столько времени и энергии, что Скетуло вынужден будет отказаться от попыток вредить нам.

— Прекрасно, — Мукерджи нахмурился, — но только это будет тянуться слишком долго. Потребуется пять — десять лет, пока в их умах созреет революция.

— Согласен. Тенденция развития помогает нам, но ее одной недостаточно. Поэтому я и пригласил сегодня Херитаскора. Мы с ним обсуждали теологические вопросы.

— Что? Но вы не сможете сменить религию в один день.

— О, конечно, я знаю это, — Шустер сделал глоток. Улыбка его стала шире. — Но я лишь указал на некоторые логические противоречия местной религии и рассказал ему о том, как это противоречие разрешилось у нас на Земле.

— Как это? — удивленно спросил Паскаль.

— Ну, вы знаете, что я интересовался историей науки и философии, много читал, а по семейным традициям хорошо знаком с «Каббалой».

— Что это?

— Система средневековой иудейской теософии. В той или иной форме в течение многих столетий она оказывала огромное влияние на христианство. Поверьте мне, это самое грандиозное построение, которое когда-либо создавало человечество при помощи логики на основе нескольких текстов. Ортодоксальное иудейство не признавало «Каббалу», считая ее ересью, но зато она полностью подходит к ларсумской религии. Например, в «Каббале» есть десять подчиненных проявлений Бога — обособленные проявления божественного совершенства. Они разделены на триады: в каждую троицу входит мужская сущность, женская сущность и их единство. Здесь не очень распространена нумерология, но когда я напомнил Херитаскору, что три точки определяют окружность, он проглотил это. Каждая из этих триад соответствует определенной части тела человека. Каждый серафим окружен остальными, что согласуется с

ларсумским символизмом, а полное их соединение порождает Вселенную. Ну, детали неважны. Дальше следует целая цепь умозаключений, долженствующих прояснить внутренний смысл творения, доктрину троичного воплощения, целую серию демонологических и магических представлений — сверкающая чепуха, однако даже сейчас она завораживает ум. Я все это сообщил Херитаскору.

— И? — быстро спросил Мукерджи.

— О, не так скоро. Потребуются месяцы. Я сообщил ему лишь важнейшие положения. Возможно, он разовьет их дальше. Это трудное дело. Но начало положено. Ларсумская философия еще слишком примитивна, она не привыкла иметь дело со сложными понятиями. Теоретически их религия представляет собой чистый монотеизм, но на практике осложнена верой в духов, упырей, заимствованных из народных суеверий. Однако теология должна совершенствоваться. Поэтому ее ждут волны интерпретаций, реформаций, контрреволюций, новых доктрин — все то, что мы, люди, на себе уже испытали. Как я уже говорил, на Земле большую роль в этом сыграла «Каббала». И тут она будет способствовать падению Посвященных и внесет струю свежего воздуха в Ларсум.

Шустер вздохнул.

— Боюсь, этот процесс будет кровавым, — закончил он. — Если бы я был уверен, что в конечном счете он приведет к улучшению, я бы никогда этого не сделал, даже ради спасения наших жизней.

Паскаль выглядел сбитым с толку.

— Это слишком тонко для меня, — сказал он. — Подействует ли это?

— Если нам удастся в ближайшие недели доставить сюда генератор, я уверен, подействует. Херитаскор не дурак, хотя он и прирожденный теолог. Да и вообще среди Посвященных немало умных голов. И они истосковались по работе. Новшества будут распространяться, как взрывная волна. Мне кажется, что скоро начнется открытое обсуждение. Законным порядком Скегуло не сможет его запретить, а Посвященные будут слишком возбуждены, чтобы повиноваться незаконным приказам. Так что этому старому дьяволу будет чем заняться до конца жизни!

9

Ребо, губернатор Гирлигора, натянул поводья своего фастига, стоящего на вершине холма Энсум. Рукой в металлической перчатке он указал вниз.

— Аэске.

Дэвид Фолкейн прищурился, всматриваясь вперед против солнца. Отсюда город казался темным пятном, пересеченным рекой, сверкающей как раскаленный металл. Но вот его глаза уловили знакомые очертания, и сердце юноши дрогнуло.

— Наш корабль, — выдохнул он. — Мы почти на месте.

Ребо всматривался в окружающие поля и фруктовые сады.

— Нигде не видно войск, — сказал он. — Я вижу толпы горожан, но никаких войск. Но, несомненно, Посвященные знают о нас. Либо они перестали интересоваться нами, либо уже не в силах отомстить.

— Вы этого ожидали?

— Я не был уверен. Поэтому я взял с собой такой большой отряд собственных воинов... — закованная в металл фигура выпрямилась в седле. Его хвост со свистом рассек воздух. — Они нарушили закон, а не мы, поэтому нас не мучают угрызения совести. Дворяне больше не намерены терпеть тиранию Посвященных. Мои воины будут жалеть, если сегодня им не придется окровавить лезвия.

— Но я такого сожаления не испытываю, — Фолкейн вздрогнул.

— Что ж, — сказал Ребо, — мирным или военным путем, но вы причинили им столько вреда, сколько я не сумел сделать за всю жизнь. Наш мир уже никогда не будет таким, как прежде. Даже такая простая вещь, как тележка, взрывает сложившееся равновесие. И я использую освободившиеся силы, чтобы преодолеть границы Касуниан-

ских гор, я изменю структуру государства. Ваши люди в любое время станут желанными гостями в Гирлигоре.

Фолкейн виновато улыбнулся.

— Я не буду лгать вам, мой друг, — сказал он. — Может быть, наши люди больше никогда не появятся здесь.

— Я слышал об этом, — ответил Ребо, — но не придал значение. Может, и не поверил. Теперь это неважно, — он гордо повысил голос. — Однажды наши корабли прилетят к вам.

Он взмахнул боевым топором, подавая сигнал. Колонна всадников раздалась, и тяжелая тележка, влекомая двадцатью фастигами, показалась на вершине холма. Генератор и подъемный кран, приспособленный сверху, сверкали в лучах солнца. Водитель спустил тормоз — плоскую доску, чтобы тележка не сорвалась со склона. Гремя, звеня, брякая и дребезжа, громоздкое сооружение покатило вниз.

Оно передвигалось на роллерах. Они размещались между планками, которые были снабжены квадратными подвижными колышками, позволявшими роллерам поворачиваться. Спереди и сзади были приделаны бамперы, предупреждавшие падение или наклон роллеров. Как только роллер появлялся с тыла, его подхватывали два крюка, подавая в продолговатые металлические ушки, которые перемещались в желобах, сделанных в каждой планке. Эти крюки прятались в паре перекрещенных уравновешенных рычагов, прикрепленных высоко у основания тележки. Рычаги удерживались на месте кожаными ремнями внутри рамы, которая предотвращала боковые смещения; они поворачивались вокруг столбов. Несколько рабочих тянули рычаги на себя. Они поднимались вверх. В самом верхнем положении тщательно подогнанные крючки выскальзывали из ушек роллера, который падал на деревянную крышу, наклоненную вперед. Два туземца, вооруженные палками, стояли тут, дополнительно регулируя движение роллера. Роллер громыхал вдоль направляющих бортов и соскальзывал на дорогу перед передним бампером. Тележка двигалась по нему, рычаги вновь подхватывали его, возвращали наверх, и цикл повторялся. И таких роллеров были десятки.

Каждый роллер имел три дугообразные стороны.

Постройте равносторонний треугольник и обозначьте его ABC. Поставьте острие циркуля в точке A и начертите дугу BC. Передвиньте ножку циркуля в точку B и опишите дугу AC, затем повторите то же самое, взяв в центр угол C — опишите дугу AB. У вас получится фигура постоянной ширины. Она будет катиться между параллельными плоскостями, касательными к ней.

В сущности класс фигур постоянной ширины бесконечен. А окружность — это только самая известная из них.

«Разумеется, — подумал Фолкейн, — у этих роллеров есть дугообразные стороны, представляющие часть окружности. Их придется заменить. Но это значит признать, что круг является лишь наименее совершенной фигурой своего класса. Пойдут ли на это туземцы? Во всяком случае, у Посвященных теперь будет достаточно проблем».

Он дернул поводья и поскакал вслед за тележкой к кораблю.

Часть вторая
НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ

Замечания по поводу определения родственности

До начала космических полетов господствовало мнение, что иные миры не пригодны для существования разумной жизни. Даже на планетах, подобных Земле, ход биологической эволюции мог оказаться таким, — а ведь эта эволюция зависит от множества случайных причин, — что человек вынужден будет обзавестись специальным снаряжением. А что касается иных разумных существ, то разве мы не были столь высокомерны, что утверждали, будто они должны быть абсолютно похожи на нас и по психологии, и культуре. Якобы только в таком случае мы найдем с ними общий язык? Открытия первых межзвездных экспедиций, казалось, подкрепляли эти утверждения.

Но, в конце концов, победила противоположная точка зрения. Мы поняли, что в Галактике имеется множество планет, которые будучи экзотическими в деталях, так же гостеприимны к нам, как и Земля. Мы встретили разумные существа, которые невзирая на свою нечеловеческую внешность, разговаривают и действуют как люди. Философ и воин, торговец и старый космический бродяга — мы знаем сотни вариантов телесного воплощения этих типов. Мы заключаем с ними сделки, ссоримся, работаем и развлекаемся, как могли бы это делать и с людьми. Так есть ли что-нибудь основополагающее в земной биологии и технической цивилизации?

Как обычно, истина оказалась где-то между крайними точками зрения. Большинство известных планет и в самом деле гибельны для человека. Но мы минуем их, они нас нимало не занимают. Из тех планет, которые располагают

свободным кислородом и жидкой водой, больше половины либо бесполезны, либо опасны для нас по той или иной причине. Но эволюция не является случайным процессом. Естественный отбор, функционирование постоянных законов природы дают эволюции определенное направление. К тому же Галактика настолько огромна, что даже случайные вариации условий все равно повторяются на миллионах планет. Поэтому мы не испытываем недостатка в новых Землях.

Аналогично обстоит дело и с психологией разумных существ. Нелюди остаются нелюдями. Такое существо сможет продемонстрировать нам лишь ту часть своей сущности, которую мы в силах понять. Поэтому оно часто кажется нам примитивным и даже комическим персонажем. Но поймите, что и вы произвели на него аналогичное впечатление. Хорошо, что люди не подозревают, на скольких планетах они являются объектом непристойных шуток.

Большинство рас имеет не меньше различий между индивидуумами, чем представители Хомо Сапиенс. Это частично скрадывает общую разницу между расами. Часто человек легче сходится с нечеловеком, чем с большинством своих соплеменников.

— Конечно, — заявил разведчик на Кетц-коатле о своем партнере, — он выглядит, как помесь капусты с подъемным краном. Конечно, он рыгает сернистой кислотой и спит в грязной луже. Но я могу доверять ему, я даже могу оставить его наедине со своей женой!

Ноев Ковчег. Введение в Софонтологию.

1

Нападавшие разместили свой флот на стандартной патрульной орбите. Иными словами, они ничем не маскировали своих намерений. Это свидетельствовало об их уверенности, от которой Дэвид Фолкейн ощутил легкий озноб.

По мере того как его спидстер приближался к Венессе, он вглядывался в возникающие на экране корабли. Один из них проскользнул мимо настолько близко, что потребовалось совсем незначительное увеличение, чтобы рассмотреть детали его конструкции. Корабль был гигантским и относился к классу Нова, и лишь немногие признаки свидетельствовали о том, что он сделан нечеловеческими руками. Его орудия вырисовывались на фоне тьмы и незнакомых созвездий, солнечные лучи сверкали на его боках, он был прекрасен, высокомерен и пугающ.

Но Фолкейн убеждал себя, что он не слишком напуган. И в то же время спрашивал себя, в какой мере он пытается сам себя обмануть.

Его приемопередатчик зазвенел — сработал сигнал универсального вызова. Он включил связь. Шкала допплеровского компенсатора указывала, что военный корабль пристроился к его спидстеру, уравняв с ним скорость и направление полета. С экрана на него смотрело — нет, конечно, это был не венессуанин, — но существо, принадлежащее к той же расе. Оно что-то забормотало.

— Прошу прощения, я не говорю... — Фолкейн замолчал. Завоеватели склонны к раздражительности, а этот парень, сидящий на борту вражеского корабля, может в любой момент при помощи ядерного оружия съесть континент, а потом использовать свой корабль как зубочистку. — Я сожалею о моем незнании вашего языка.

Краоканец что-то выкрикнул. Очевидно, он, она или оно не знало английского. Что ж, попробуем международный язык Политехнической Лиги...

— Вы говорите по-латыни?

Существо потянулось за вокализатором. Без его помощи люди и краоканцы с трудом произносили звуки чужого языка. Отрегулировав прибор, офицер сказал: — Вы говорите по-немецки?

— Как? — лицо Фолкейна вытянулось.

— Я немного изучал немецкий язык у главного капитана, — сказал краоканец гордо, но без особого соблюдения правил грамматики.

Фолкейн крепче ухватился за свое пилотское кресло и изумленно уставился на экран.

Если не считать враждебного тона, существо отнюдь не казалось неприятным. Его двухметровое тело напоминало тиранозавра, если, конечно, существуют тиранозавры с коричневой шерстью. Его спина оканчивалась большим ребристым гребнем, радужно переливавшимся в ярком свете ртутных ламп. Его руки напоминали человеческие, только каждый из четырех пальцев содержал один лишний сустав. Круглая голова, пушистые уши, маленькие глаза и глуповатое выражение лица производили забавное впечатление. Одежда краоканца состояла из нарукавной повязки, пояса с подсумками и прикрепленного к поясу оружия. Фолкейн порылся в памяти и определил, к какому из трех краоканских полов принадлежит офицер: так называемый передатчик, оплодотворяемый самцом и в свою очередь оплодотворяющий самку.

«Я должен был сразу догадаться, — подумал он. — Если бы даже в библиотеке Гарстанга не было информации о них. Самцы низкорослые, мелкие, они растят детенышей. Самки же принимают решения и созидают. Передатчики наиболее воинственны».

«Как этот, например, что следит за мной через ствол пушки». Он почувствовал себя одиноким. Дрожь и гудение корабля, запахи обогащенного кислородом воздуха и его собственного пота, все в искусственном поле тяготения — вся эта жизнь была хрупка, словно он был заключен в яичную скорлупу, за пределами которой была окоченелость. Власть Лиги кончалась за много парсеков отсюда, а эти незнакомцы объявили себя ее врагами.

— Отвечайте! — потребовал краоканец.

Фолкейн пытался вспомнить обрывки фраз на идиш, которые он слышал от Шустера во времена своего ученичества.

— Я... знаю... плохо... немецкий, — сказал он как можно яснее и медленнее. — Дайте мне... человека...

Краоканец оставался неподвижным.

— Черт побери, с вами ведь есть люди, — сказал Фолкейн. — Я знаю имя одного из них. Ут Хорн. Понимаете? Ут Хорн.

Краоканец переключил его на другого краоканца, склонившегося над электронной аппаратурой. Нечеловеческие

звуки доносились из интеркома. Это существо повернулось к Фолкейну.

— Я немного знаю латинский, — сказало оно. Несмотря на вокализатор, его акцент с трудом позволял понять сказанное. — Назовите себя.

Фолкейн облизнул губы.

— Я агент Политехнической Лиги в Гарстанге, — сказал он. — Я получил капсулу с извещением о вашем... гм... прибытии. В нем говорилось, что мне разрешается прилететь сюда.

— Так, — еще свисты и хрипы. — Действительно. Мы разрешаем одной шлюпке, невооруженной, приземлиться в Элан-Ррл. Если вы будете причинять беспокойство, мы вас убьем.

— Конечно, я не буду причинять беспокойство, — пообещал Фолкейн и мысленно добавил: во всяком случае, без надежды на успех. — Я направляюсь прямо к месту назначения. Вам нужно сообщить мой маршрут?

— Да, нужно.

Компьютер спидстера передал цифры на военный корабль.

Полет по маршруту был разрешен. Лазерные лучи передали другим кораблям предупреждение о необходимости следить за спидстером.

— Следуйте, — сказал краоканец.

— Но этот Ут Хорн...

— Коммандер Хорн увидится с вами, когда он этого захочет. Можете двигаться.

Экран почернел, и Фолкейн полетел дальше. Включились компенсаторы полей тяготения, поглощая возникающее ускорение.

Фолкейн тяжело вздохнул и посмотрел на экран. До сих пор, пока он удалялся от звезды Турмана, на небе господствовала Бета Центавра, немигающая яркая звезда, находившаяся на удалении двадцать светолет. Но теперь ярче всех светила Венесса. Это был не супергигант класса «В», а белая звезда класса «Ф-7». Кипящая протуберанцами, сверкающая короной, она производила достаточно сильное впечатление. Если защитные экраны спидстера не выдержат, ее радиация мгновенно пронзит борт корабля и уничтожит его.

«Что ж, — подумал Фолкейн, — я хотел стать лихим авантюристом. Вот и исполнилась моя мечта».

Он потянулся, чтобы немного размяться и снять охватившее его напряжение. Потом он почувствовал голод и отправился на корму, чтобы приготовить себе сэндвич. Пока он ел и курил трубку, волнение вновь охватило его. Ведь ему было всего двадцать лет.

Когда он получил свое свидетельство агента, он оказался самым младшим по возрасту из людей, занимавших эту должность. В сущности, это назначение было наградой ему за ту роль, которую он сыграл в событиях на Айвенго. Для того чтобы установить теперь подобный же рекорд в скорости получения мастера Лиги, ему нужно было совершить еще один подвиг или даже два. Послание Белджагора заставило его задрожать от радости.

Но теперь оказалось, что он вовлечен в нечто гораздо более серьезное, чем ему представлялось издалека. Тем не менее, будучи гордым отпрыском баронского рода Великого Герцогства Гермеса, он намеревался не упустить своего шанса.

Как минимум, если даже он ничего и не предпримет, а просто передаст известие о случившемся в сектор ВГ, уже это сделает его имя известным верхушке Лиги. Может, даже сам старый Ник ван Рийн услышит о Дэвиде Фолкейне и поймет, что тот напрасно не теряет время.

Он высокомерно усмехнулся. За последний год он сильно изменился. Хотя лицо его оставалось неизлечимо курносым, оно утратило пухлость и округлость, которые так его огорчали. «Я высок, светловолос, строен, — говорил он себе. — У меня превосходный вкус к одежде и вину. А женщины, — добавил он, — очень ценят эти качества. Если бы только я не был единственным человеком на этой проклятой планете!.. Что ж, может быть, этот загадочный Хорн привез с собой несколько женщин...»

В иллюминаторе вырастала Венесса, красноватый шар, испещренный зеленым и синим, усеянный отражениями солнца в маленьких морях. Фолкейн подумал: «Интересно, как называют планету ее обитатели? Будучи сами колонистами, чья цивилизация не обособилась в результате дол-

гого перерыва в космических полетах краоканцев, они, несомненно, имели единый язык. Почему Турман не совершил обычной в этих случаях процедуры: не указал туземное название в каталоге?

Вероятно, потому, что человеческая гортань не в силах произнести туземные звуки. Или, может, планету окрестили Венессой по иной причине. Черт побери, какая блестящая возможность была у открывателя! И какая девушка откажет тебе, узнав, что ты дал ее имя целому миру!»

На экране появился еще один боевой корабль, двигавшийся по сторожевой орбите. Фолкейн оторвался от своих мечтаний.

2

В давно миновавшие дни своей великой экспансии краоканцы никогда не основывали городов. Концепция подобных обособленных друг от друга поселений была им чужда. Тем связанным в единое целое поселениям, которые они создавали, краоканцы давали единые названия. «Справочник пилота по району Бета Центавра», заменявший Фолкейну Библию, информировал его, что Элан-Ррл — так приблизительно и звучало его название — расположен в средних северных широтах и отмечен радиобакенами Лиги.

Информационная кассета мало что могла сообщить ему об этой планете. Наиболее важные сведения касались озона и ультрафиолетовых лучей. Он надел костюм с капюшоном, маску с фильтром и перчатки. Крошечное поле космопорта устремилось ему навстречу. Он приземлился.

Некоторое время он стоял, пытаясь сориентироваться и приспособиться к незнакомой обстановке. Небо над головой было безоблачным, бледно-голубым, солнце слепило, он не мог даже взглянуть на него. Цвета сливались в яркое сияние. За иллюминатором холмистая равнина спускалась к озеру, от которого тянулись ирригационные

каналы, пересекавшие обработанную местность, усеянную сине-зеленым кустарником. Сучковатые, с кожистыми листьями деревья росли вдоль берегов каналов, по воде скользили моторные лодки с высокими бортами. Сельскохозяйственные машины на полях и антигравитационные лодки, время от времени пролетавшие над головой, видимо, были импортированы торговцами Лиги. На горизонте возвышался коричневый горный хребет.

Фолкейн ощутил навалившуюся тяжесть — сказывалась увеличенная на двадцать процентов, по сравнению с земной, гравитация. Ветер сдувал с него капельки пота. Но в сухом воздухе переносить жару было сравнительно легко.

В другом иллюминаторе вздымал луковицы своих башен Элан-Тррл. Их серый камень за прошедшие тысячелетия был изъеден непогодой. Фолкейн не заметил интенсивного уличного движения. «Вероятно, оно подземное», — подумалось ему. Его глаза с благоговением остановились на знакомых стеклянно-стальных фасадах зданий Лиги на краю космопорта. Очертания их дрожали в волнах горячего воздуха.

Рядом с его кораблем на поле космодрома стояли два других корабля. Один небольшой, по-видимому, принадлежал Белджагору; другой, стройный, вооруженный, построенный по образцу земного корабля-истребителя, должно быть, принадлежал захватчикам. В его тени на страже стояло несколько краоканцев. По-видимому, их предупредили о появлении Фолкейна, поскольку они остались неподвижными и ничего ему не сказали. Идя к зданиям, принадлежавшим Лиге, он спиной чувствовал их взгляды. Топот его башмаков одиноко звучал в тишине космопорта.

Дверь помещения фактории открылась перед ним. Воздух в вестибюле был таким же жарким, как и снаружи; свет был лишь чуть менее резким. Фолкейн с тоской подумал о холодном зеленом Гарстанге. И почему этот Белджагор не вышел его встретить?

Тяжелый бас сказал в интерком по-латыне:

— Вдоль по залу и направо.

Фолкейн прошел в главную контору. За столом сидел Белджагор, дымя сигарой. Над ним висела эмблема Гала-

социотехнической Лиги — космический корабль на фоне солнечной вспышки — и девиз: «Мы будем повсюду». Компьютеры, записывающая аппаратура и прочее оборудование были хорошо знакомы Фолкейну. А вот их хозяин — нет. Фолкейн никогда раньше не встречал джалильцев.

— Вот и вы, — сказал Белджагор. — Долго же вы добирались.

Фолкейн остановился и взглянул на него. У агента была антропоидная внешность. Коренастое тело, две ноги, две руки, одна голова и полное отсутствие хвоста. Рост у него был немногим более метра, на ногах имелось по три толстых пальца, на руках тоже было по три противопоставленных пальца. Его набедренная повязка была единственной одеждой, открывающей серую чешую и желтый живот. Нос Белджагора легче было представить на морде тапира, а уши напоминали крылья летучей мыши. Пучок красноватых ресничек торчал на макушке, а над глазами шевелилась пара мясистых чувствительных щупалец. Глаза были маленькими, как и у краоканцев. Фолкейн знал, что существа, которые хорошо видят в фиолетовой части спектра и не видят в красной, доступной человеку, не нуждаются в больших глазах.

Его полной противоположностью был сидящий рядом венессуанин. На его... нет, на этот раз — на ее хвосте... Белджагор указал на нее сигарой.

— Это Квиллипап, мой первый помощник и связной офицер. А вы... кстати, как вас зовут?

— Дэвид Фолкейн! — он осмелился лишь выкрикнуть свое имя. А что еще мог сделать простой агент перед лицом мастера Лиги?

— Хорошо, садитесь. Хотите пива? Вы, земляне, легко обезвоживаетесь.

Фолкейн решил, что в конечном итоге Белджагор не такой уж плохой парень.

— Спасибо, сэр. — Он опустил свое длинное угловатое тело в кресло.

Джалилец отдал в интерком какой-то приказ.

— Были какие-нибудь неприятности в пути? — спросил он.

— Нет.

— Я и не думал, что они будут. Из-за вас не стоило и беспокоиться. Но Хорн хотел, чтобы вы явились, а он, по-видимому, занимает в их флоте высокий пост, — Белджагор пожал плечами. — Не могу сказать, чтобы сам я жаждал вашего прибытия. Необлизанный детеныш! Если бы где-то поблизости находился более опытный человек, мы бы вызвали, конечно, его.

Фолкейн подавил в себе еще один приступ честолюбия.

— Сожалею, сэр. Но поскольку Лига действует в этом районе уже несколько десятилетий... я не вполне понимаю, что вы этим хотите сказать. В вашем сообщении говорилось только, что система Турмана подверглась вторжению сил краоканцев, которые потребовали от Лиги очистить весь район вблизи Беты Центавра.

— Кто-то должен предупредить штаб, — прорычал Белджагор, — а я не могу этого сделать сам. Я обязан оставаться здесь и наблюдать. Может, мне даже удастся убедить их изменить свои намерения. А ваш пост в вас не очень-то нуждается, — он некоторое время молча курил. — Но прежде чем вы улетите, я хочу, чтобы вы постарались сделать кое-какие наблюдения. Именно поэтому я послал за помощью в Гарстанг, а не на Рокслатл. Снарфен, вероятно, в десять раз умнее вас, но вы человек, а среди анторанитов несколько человек занимают высокие посты. Подобно Хорну, который передал, что хочет увидеться с вами, после того как я упомянул о вашем происхождении. Может, вам удастся понять, что произошло и наметить линию действий. Представители вашей отвратительной расы всегда понимают друг друга.

Фолкейн хмуро улыбнулся при последней фразе мастера.

— Анторанитьі... сэр?

— Захватчики называют свою базовую планету Анторан. Они ничего не сообщили о ней, кроме названия.

Фолкейн взглянул на Квиллипап.

— Нет ли у вас каких-нибудь идей насчет того, откуда они пришли?

— Нет, — сказала венессуанка в свой вокализатор. — Это не может быть мир, о котором известно, что он заселен нашей расой. Однако информация неполна...

— Не понимаю, как...

— Я объясню. За столетия до того, как ваш народ и племя мастера Белджагора вышли из состояния варварства, наши великие краоканские предки...

— Да, я знаю о них.

— Не прерывайте старших по званию, детеныш, — прохрипел Белджагор. — К тому же я не уверен, что вы хорошо знаете историю. Вам не повредит послушать ее вновь, даже если вы одолели одну-две книжки. — Его нос пренебрежительно дернулся. — Вы из компании «Солнечные пряности и напитки», верно? А они здесь бывают не часто. Тут нет для них ничего интересного. С того времени, как началась межзвездная торговля, Венесса не производит ничего, кроме наркотиков и флюоресцентных красок, не пригодных для вашей формы жизни. Я же здесь не только агент «Дженерал Моторс» с Джалила, но и представитель других компаний на аналогичных планетах. Поэтому я хорошо представляю себе ситуацию. Продолжайте, Квиллипап.

— Теперь вы прервали меня, — сердито заметила венессуанка.

— Когда говорю я, это не помеха, а разъяснение. Я сказал, продолжайте. Но говорите покороче. Не нужно ваших проклятых поющих хроник, слышите?

— Величие расы невозможно передать как следует без триумфальных баллад.

— Оставьте в покое величие расы.

— О, но ведь он вообще не представляет себе великолепие нашего прошлого.

Фолкейн заскрипел зубами. Где же, черт побери, обещанное пиво?

— Тысячи лет назад, — начала Квиллипап, — наша раса овладела тайной космических полетов и устремилась к звездам с целью колонизации иных миров. Долгим и величественным был этот поход, и легенды о героических экипажах не умолкали в веках. Например, Унги...

— Долой его, — приказал Белджагор, так как Квиллипап, по-видимому, уже собралась запеть.

Фолкейн подумал, что ее хвастовство является данью комплексу неполноценности. Дело в том, что краоканцы

так никогда и не смогли открыть принципов гиперпространственного движения. Они все еще летали на досветовых скоростях: десятилетия или столетия длились их полеты от звезды к звезде. К тому же для их жизни были пригодны сравнительно редкие звезды типа «А». Меньшие солнца, такие, как наше, были слишком холодны и тусклы, слишком бедны ультрафиолетовым излучением, которого требовала их высокоэнергетическая биохимия. Большие звезды типа Беты Центавра — класса «Ф-5» — обычно не имели планет. Поэтому краоканцам удалось найти лишь четырнадцать планетных систем, пригодных для колонизации.

— Постарайтесь представить себе достижения древних, — сказала Квиллипап. — Они не только преодолевали немыслимые звездные дали, они часто трансформировали атмосферу и экологию целого мира, чтобы сделать его пригодным для жизни. Ни одна другая раса не достигла в этом деле такого искусства.

«Конечно, не достигла, — подумал Фолкейн. — Современным космическим колонистам ни к чему заниматься планетарной инженерией. Если им не нравится планета, они улетают на поиски другой. Конечно, космонавты, двигавшиеся с досветовыми скоростями, не могли быть столь привередливыми».

Он должен был согласиться, что в краоканском прошлом было определенное величие. Люди вряд ли смогли бы столь длительное время заниматься таким грандиозным проектом: у них было больше индивидуальных интересов и меньше расовой гордости.

— Когда наступили Темные Века, — сказала Квиллипап, — мы не забыли прошлое. Но мы лишились всего и были едва способны поднять голову и взглянуть на звезды, сияющие с неба.

Согласно тому, что читал Фолкейн, это падение было постепенным, но неотвратимым. Сфера деятельности краоканцев со временем стала просто слишком обширной для таких медленных путешествий: расходы времени, энергии и ресурсов для достижения каждого следующего белого солнца невероятно возрастали. Так закончилась их космическая экспансия.

Аналогичная судьба постигла вскоре и торговлю между колониями. Перелеты стоили слишком дорого. Галасоциотехническая Лига существовала не только благодаря перемещениям в гиперпространстве, но и потому, что перевозить некоторые межзвездные товары стоило дешевле, чем производить их на каждой планете. Между тем в действиях древних краоканцев отсутствовал мотив получения прибыли, хотя их экономика подчинялась тем же законам, что и хозяйства иных миров.

Поэтому краоканцы прекратили строительство космических кораблей. Со временем большинство их колоний прекратило выходить в Космос, прекратились межпланетные путешествия. В некоторых колониях воцарились хаос и варварство. Венесса оказалась среди наиболее удачливых: цивилизация здесь сохранялась, правда, окостеневшая, но на довольно высоком технологическом уровне, сохранялась неизменной в течение более чем трехсот столетий. Потом сюда пришли турманцы. А теперь краоканцы получили сведения о своих потерянных братьях и мечтали о возрождении космического могущества своей расы.

А эти мечты требовали денег. Космический корабль стоит недешево, а Лига — не благотворительная организация. Пусть венессуанцы покажут себя достаточно кредитоспособными, и тогда космические постоялые дворы на любой планете Галактики будут выполнять их желания. Но не раньше.

Фолкейн оторвался от своих мыслей, заметив, что Квиллипап говорит о чем-то действительно важном.

— ...ни в хрониках, ни в традиционных преданиях не упоминается мир, который может быть отождествлен с Антораном. Фонетический анализ, а также те тайные записи и наблюдения, что мы сумели сделать, свидетельствуют, что эта планета была, очевидно, заселена с Дзуа. Но Дзуа оказалась одной из первых планет, где цивилизация пришла в упадок; и не сохранилось никаких записей о колонизации, проводившейся с нее. Возможно, что Анторан — пятнадцатая колония, забытая нами и никогда нигде не упоминавшаяся.

— Вы уверены? — вмешался Фолкейн. — Я хочу сказать, не может ли одна из известных краоканских планет иметь...

— Определенно нет, — сказал Белджагор. — Я был на всех этих планетах и знаю все их возможности. Такой флот — а меня специально взяли в Космос и показали, какой большой у них флот и что он может сделать, — так вот, такой флот не может быть создан без мощной промышленности, а такую индустрию невозможно спрятать от внимательного наблюдателя.

— Захватчики... что они говорят?

— Я уже сообщал вам: ни единого слова, которое могло бы послужить нам ключом. Они не принадлежат к вашей болтливой расе. У краоканцев слишком силен инстинкт племенной верности, чтобы нарушать правила безопасности.

— Но они должны по крайней мере объяснить причины своего появления здесь.

— Ах, это? Да. Они чертовски жаждут вернуть старые времена, возродить свою империю. И они хотели бы выкинуть Лигу из этого района, так как, по их словам, мы являемся бандой господ, эксплуататоров, взяточников, нарушителей чистых традиций прошлого и, я не знаю, чего там еще.

Фолкейн украдкой бросил взгляд на Квиллипап. Он не мог разобрать выражение ее лица, но спинной гребень — поверхность, охлаждающая тело, — был вздыблен, а хвост метался и свистел, рассекая воздух. Венесса не оказала захватчикам сопротивления. Вероятно, Квиллипап ничуть не будет сожалеть, если ее теперешних нанимателей вышвырнут вон.

Фолкейн осторожно сказал:

— Что ж, сэр, по-своему они поступают справедливо, не так ли? Это их дом, а не наш. Мы не сделали для краоканцев ничего такого, из чего нельзя было бы извлечь прибыль. И если они захотят иметь дело с нами, они должны будут изменить свои древние традиции...

— Ваш идеализм проник в мое нутро, но не хочу говорить в какую именно часть тела, — фыркнул Белджагор. — С какой стати Лига должна терять огромные деньги? Все ее имущество в этом районе будет конфисковано, вы слышали об этом? Они не разрешат нам торговать и с более холодными звездами. И не думаю,

чтобы они на этом остановились. Но чего хотят те люди, что находятся в их флоте?

— Да, — признался Фолкейн. Трудно было отрицать, что его раса — самая хищная во Вселенной. — В вашем послании упоминается некто по имени Ут Хорн. Звучит неплохо, напоминает дикий запад, ковбоев и бандитов.

— Я известил его, что вы уже здесь, — сказал Белджагор. — Он хочет поговорить с представителем Лиги, принадлежащим к его расе. Поэтому мы и послали за вами. Надеюсь, вы сумеете из него что-нибудь выжать.

Вошел слуга-робот с бутылками.

— Вот и пиво, — объявил Белджагор.

Робот открыл две бутылки. Квиллипап отказалась пить. Ее мышцы были напряжены, а хвост хлестал по ногам.

— За ваше здоровье, — не очень искренне сказал Белджагор и выпил с пол-литра.

Фолкейн высвободил рот из под маски и сделал то же самое. Потом выплюнул жидкость назад, закашлялся, задыхаясь и борясь с тошнотой.

— Что? — уставился на него Белджагор. — И какого дьявола... А, понятно. Я забыл, что ваше племя не усваивает джалильский протеин, — он хлопнул себя по бедрам. — Ха, ха, ха!

3

Людей можно встретить в любой точке Галактики, и поэтому все торговые посты Лиги имеют помещения, специально приспособленные для них. Фолкейн опасался, что анторанский офицер, пожелавший встретиться с ним, займет это помещение, и ему придется остаться в тесном спидстере. Но, к счастью, оказалось, что антораниты предпочитают свои космические корабли. Возможно, они опасались ловушки. Зато он теперь мог один хозяйничать в целой анфиладе комнат.

Его фон зазвенел, когда девятнадцатичасовой день Венессы уже подходил к концу. С экрана на него глядел человек в зеленом мундире. У него было жесткое лицо

с большими усами, причем настолько загорелое, что Фолкейн вначале принял его за африканца.

— Вы прилетели с другой станции Галасоциотехнической Лиги? — спросил он. Голос его звучал холодно, с гортанным акцентом.

— Да. Дэвид Фолкейн. А вы коммандер Хорн?

— Нет, капитан Бленк, начальник службы безопасности. Поскольку коммандер Хорн будет беседовать с вами, я вынужден принять меры предосторожности.

— Но я не знаю, что мы будем обсуждать.

Бленк улыбнулся. Казалось, улыбка причиняла ему боль.

— Ничего определенного, фримен Фолкейн. Мы хотим, чтобы вы кое-что передали руководству Лиги и кое в чем убедили своих начальников. Иными словами, будет выгодно обеим сторонам, если вы получите определенные личные впечатления, к которым не будут примешиваться восприятия представителей других рас. Придется или не придется сражаться Анторану, но мы войны не хотим. Коммандер Хорн надеется убедить вас, что мы не чудовища. Мы надеемся, что вы, в свою очередь, убедите в этом свое начальство.

— М... м... м... ладно. Где и когда мы встретимся?

— Думаю, лучше в вашем помещении. И мы уверены, что вы не будете настолько глупы, чтобы попытаться как-то сорвать переговоры.

— С военным флотом, висящим над моей головой? Не беспокойтесь! — сказал Фолкейн. — Как насчет обеда? Я проверил запасы: они лучше, чем на любом космическом корабле.

Бленк согласился подождать, установил время встречи через час и откланялся. Фолкейн дал задание кухонным роботам. Тот факт, что он будет обедать с врагом, вовсе не означает, что обед должен быть плохим. Конечно, космический ковбой, этот Ут Хорн, не отличит икры от крупной дроби, но Фолкейн готов был посмаковать за двоих.

Переодеваясь в официальный мундир с золотыми нашивками, он систематизировал свои наблюдения. По-видимому, во флоте захватчиков не очень много людей, но все они занимают ключевые посты. Несомненно, это именно

они научили анторанитов строить боевые корабли, они были стратегами и тактиками всех операций. Хорн согласился прийти сюда, потому что человек, попав на борт космического корабля, может увидеть очень многое — заметить те детали, которые ускользнули от Белджагора во время его визита к ним. Но Фолкейн постарается выкачать из них все, что можно.

Приземлился тендер, прибывший от патрулирующей на орбите флотилии. Когда пыль осела, Фолкейн с трудом разглядел единственного человека, шагавшего к зданию в сопровождении четырех охранников-краоканцев. Они заняли все посты у входа.

Проходили минуты, пока гость ждал в шлюзе замены озона обычным кислородом, а затем Фолкейн раскрыл внутреннюю дверь. Анторанит медленно снял лицевую маску. Фолкейн пошатнулся.

— Что? — выдохнул он. Она была не старше его самого. Мундир облегал фигуру, которая очаровала бы его, даже если бы он и не вел уже несколько месяцев холостяцкую жизнь. Иссиня-черные волосы мягко падали на плечи, обрамляя ее лицо с карими глазами, вздернутым носиком, самым прекрасным ртом, какой только...

— Но... — проговорил он.

В ее устах акцент Бленка звучал музыкой.

— Фримен Фолкейн? Я коммандер Хорн.

— Ут Хорн?

— Да, точнее, Ута Хорн с Неутейма. Вы удивлены?

Фолкейн ошеломленно кивнул.

— Видите ли, население Неутейма настолько малочисленно, что всякий, кто может, обязан помогать ближним и общему делу. К тому же именно мой отец отыскал всеми забытую планету и затеял этот крестовый поход. Краоканцы с их почтениям к предкам уважают меня в память об отце; более того, они привыкли, чтобы господствующее положение занимали женщины. Поэтому я, несомненно, необходима: всякий приказ, который я отдаю, исполняется без колебаний. Вы должны были и раньше встречать женщин-космонавтов.

— А, так вот что...

«Диктуя свое письмо ко мне, Белджагор использовал мужской род, — подумал Фолкейн. — Либо он лично не встречался с нею, либо настолько презирает людей, что не побеспокоился указать ее пол».

Фолкейн взял себя в руки, улыбнулся и отвесил самый галантный поклон.

— Хотел бы я, чтобы меня почаще так приятно удивляли, — замурлыкал он. — Добро пожаловать, коммандер. Садитесь. Что будете пить?

Она с сомнением посмотрела на него.

— Не уверена, что вообще буду.

— Оставьте. Обед без аперитива все равно что... гм... день без солнечного света, — он хотел сказать «постель без девушки», но это было бы слишком поспешно и вольно.

— Ах, я совсем не знакома с этим обычаем.

— У вас еще есть время познакомиться, — сказал Фолкейн и приказал ближайшему роботу принести все необходимое. Для себя он выбрал мартини, но если ее небо не привыкло к крепким напиткам, ей следует выпить что-нибудь послабее.

Она сидела выпрямившись. Он заметил, что ее коммуникатор у пояса был включен: несомненно, поддерживает связь с охранниками у входа. Услышав что-нибудь подозрительное, они ворвутся сюда. Однако вряд ли они смогут понять все тонкости плана, который лихорадочно обдумывал сейчас Фолкейн.

Он тоже сел. Она отказалась от предложенной сигареты.

— Видно, что цивилизация вас не развратила, — улыбнулся Фолкейн.

— Да, — невозмутимо согласилась она. — Я родилась и выросла на Неугейме. Если не считать этого путешествия, я покидала пределы нашей системы только в тренировочных полетах к ближайшим населенным звездам.

— Что такое Неугейм?

— Наша планета. Часть Анторанской системы.

— Что? Вы хотите сказать, что Анторан — это звезда?

Ута Хорн прикусила губу.

— Я не думала, что вы этого не знаете.

Несмотря на ее близость, а может, благодаря этой близости, мозг Фолкейна напряженно работал. «Ага! — подумал он. — Это кое-что говорит мне. Мы считали, что антораниты прилетели сюда с одной планеты, а их союзники — люди — просто авантюристы. Землян не называют солярианами. Но земляне и марсиане действуют сообща. Следовательно, вокруг Анторана вращается не одна населенная планета».

— Значит, ваша планета Неутейм. А сколько планет населено краоканцами?

— Это неважно! — отрезала она.

Он махнул рукой.

— Мне очень жаль, если я встревожил вас. Вот наши коктейли. Выпьем, чтобы лучше понимать друг друга.

Она отпила, сначала осторожно, потом с откровенным одобрением.

— Вы настроены дружелюбнее, чем я ожидала, — сказала она.

— Как я могу иначе относиться к вам?

Она покраснела от смущения и взмахнула ресницами, но, очевидно, не кокетничала. Он стал осторожнее: никогда не следует смущать свою жертву.

— Мы обсудим наши противоречия как цивилизованные люди и постараемся найти компромисс. Вы согласны?

— А вы имеете право подписывать соглашения?

Она не бывала в цивилизованном мире, но неплохо знала его законы.

— Нет, — сказал Фолкейн. — Но как очевидец, как человек, оказавшийся в центре событий, я вправе давать рекомендации, которые могут иметь определенный вес.

— Вы слишком молоды, чтобы иметь какое-нибудь влияние, — пробормотала она.

— О, да, — скромно согласился Фолкейн, — но не совсем так. Я немного поблуждал по Галактике, кое-что видел и кое-чего добился. Но поговорим-ка лучше о вас.

Она решила, что местоимение произнесено во множественном числе, и прочла нечто вроде лекции.

У Анторана действительно были планеты, колонизированные краоканцами с Дзуа. Хотя колонисты были вынуждены отказаться от межзвездных полетов, но они все

же продолжали поддерживать торговлю между планетами в течение тысячелетий и сохранили более высокий технологический уровень, чем на Венессе.

Около сорока лет назад Роберта Хорна с Новой Германии преследовал крейсер Лиги. Хорн предпринял хитрый маневр, чтобы сбить преследователей с толку, и пролетел так близко от Анторана, что уловил идущее от него радиоизлучение. Позднее он вернулся для исследований и обнаружил планеты.

— Да, он был объявлен вне закона, — вызывающе сказала Ута. — Он был вождем восстания землевладельцев... и таким вождем, которого впоследствии не осмелились амнистировать.

Фолкейн смутно помнил кое-что об этом. Что-то, связанное с тайным заговором жителей Новой Германии, потомков первопоселенцев, которые хотели вернуть власть, отобранную у них после введения конституции. Да, и Лига была вовлечена в эту историю: республиканское правительство предлагало ей более выгодные торговые условия, чем в свое время землевладельцы. Неудивительно, что девушка обвиняет Лигу во всевозможных грязных делах.

Он улыбнулся и вновь наполнил ее стакан.

— Я симпатизировал ему, — сказал он. — Видите ли, я — с Гермеса. Аристократия — моя любимая общественная система.

Глаза ее расширились.

— Вы благородного происхождения?

— Младший сын барона, — скромно сказал Фолкейн. Он не стал добавлять, что был отправлен для обучения на Землю, поскольку вел себя не совсем так, как подобает аристократу. — Вы заинтриговали меня. Продолжайте.

— В систему Анторана входит одна планета, которую краоканцы приспособили для жизни, однако для них она слишком далеко расположена от солнца и чересчур холодна. Но для людей она подходит. Это и есть мой мир, Неугейм.

«Гм, — подумал Фолкейн. — Это означает наличие, по крайней мере, еще одной планеты, подходящей по

своим условиям для краоканцев: такой большой военный флот, который, как поклялся Белджагор, они ему продемонстрировали, не мог быть построен на скорую руку без достаточных ресурсов и населения. А это, в свою очередь, означает наличие большой звезды с широкой биотермальной зоной. Что абсурдно! Каждая звезда типа «Ф» в этом районе посещалась кораблями Лиги; то же самое относится и к звездам типа «Ж»; и у них определенно не было обнаружено таких систем, как...»

— Мой отец тайно вернулся на Новую Германию, — сказала Ута Хорн. — Собрал добровольцев. В благодарность за помощь они получили от краоканцев планету Неугейм.

«Я совершенно уверен, что они в первую очередь мечтали о завоеваниях, — думал Фолкейн. — Да, я могу догадаться, откуда у краоканцев появилась идея возрождения фатерлянда. А если к этой идее добавить антилиговую пропаганду, то, естественно, возникает мысль о том, чтобы напасть первыми».

— Германские инженеры научили анторанитов строить корабли для полетов в гиперпространстве, — сказал он, — германские офицеры тренировали их экипажи, а германские тайные агенты собирали сведения о событиях за пределами системы. Черт побери, вы, должно быть, были очень заняты?

Она кивнула. Две порции напитка слегка изменили ее голос.

— Правда. Все второстепенно по сравнению с Крестовым походом. После него мы сможем и отдохнуть.

— А почему не сейчас? — спросил Фолкейн. — Зачем бороться с Лигой? Мы не возражаем против межзвездной экспансии краоканцев и ничего не имеем против любого социального строя, который вы установите на Неугейме.

— После всех вмешательств Лиги в прошлом?

— Ну, конечно, мы кое-что предпринимаем, когда затрагиваются наши интересы. Но, Ута, — он решил установить более фамильярные отношения, — Галасоциотехническая Лига не государство, и не правительство... Это всего лишь основанное на взаимной выгоде объединение меж-

звездных торговцев, которые друг к другу относятся гораздо подозрительнее, чем к кому-либо вне Лиги.

— Основа торговли — власть, — сказала она в ответ, цитируя Клаузевица. — Когда мы с нашими союзниками обезопасим этот район, возможно, тогда мы вновь позволим вам действовать в нем... на определенных условиях. Иначе вы легко сумеете навязать нам свою волю, если окажется, что наши интересы не совпадают...

— Лига не позволит этого, — предупредил он.

— Я думаю, Лиге лучше смириться, — возразила она. — Мы уже здесь, в этом районе, мы контролируем все линии коммуникаций. И в любом месте можем ударить из Космоса... Военный флот Лиги вынужден будет преодолеть много парсеков. Он обнаружит только, что его базы разрушены. А вот где наш дом, по-прежнему не будет известно!

Фолкейн торопливо пошел на попятную, он совсем не хотел разжигать ее гнев.

— У вас, несомненно, подавляющее преимущество, — сказал он. — Лига, конечно, сможет выставить гораздо большие силы, чем у вас, — вы, надеюсь, понимаете это, — но Лига может и решить, что цена победы будет слишком высокой и расходы превысят возможную прибыль.

— Так рассчитывал и мой отец перед своей смертью. Торговцы, живущие только ради денег, могут смириться. Люди благородного происхождения иные — они живут ради идеи, а не ради денег.

«Хотел бы я, — подумал Фолкейн, — чтобы ты высунула свой хорошенький носик из своего маленького королевства и посмотрела бы, как вынуждены трудиться аристократы», — но вслух сказал:

— Что ж, Ута, я с вами согласен. Вспомните, я ведь не только торговец, но и дворянин. Однако психология человека не так проста. Пэр может стать политиком со всем тем, что из этого следует. А торговец может оказаться идеалистом.

— Что? — она изумленно взглянула на него. — Как это?

— Неужели вы думаете, что мы работаем только ради денег? Если бы это было нашей единственной целью, мы

бы сидели у себя дома, в безопасности. Нет, нас влекут приключения, новые горизонты, борьба жизни с неодушевленной природой — самой Вселенной, величайшим противником всех нас.

Она нахмурилась, потом смягчилась.

— Я не совсем вас понимаю.

— Разрешите, я приведу несколько примеров.

4

Обед был сервирован в башенке на крыше, откуда было видно все вокруг. Ночью Венесса была прекрасна. На небе сияли две луны, маленькие и быстрые, превращавшие планету в фантазию из тусклого серебра и движущихся теней. Озеро сверкало, туземный город был похож на огромный цветок. Небо над головой было усеяно звездами, среди которых королевским бриллиантом выделялась Бета Центавра, ее сияние соперничало со светом лун.

Светлые блики скользили по загорелым щекам Уты Хорн, из проигрывателя мягко лилась Седьмая симфония Бетховена, в бокалах с шампанским плясали пузырьки. Обед неторопливо продвигался от закуски и консоме к рыбе, мясу, салату, а затем к сыру. Фолкейн непрерывно подливал вино. Они не пьянели — Ута, увы, была начеку, но оба испытывали приятную легкость.

— Расскажите мне что-нибудь, — попросила она. — У вас удивительная жизнь, Дэвид. Как у героя древних саг — но ведь это происходит сейчас, а значит, вдвойне интересно.

— Дайте подумать, — сказал он, вновь наполняя ее бокал. — Может, рассказать вам о том, как я разбился на бродячей планете?

— Что это?

— Свободная планета, без звезды. Их много блуждает в Космосе. Чем меньше масса, тем легче ей было освободиться, когда формировалась Галактика. Они обычно образуют группы... но, если быть честным, то обычно их и не встречаешь — Космос слишком велик, а они малы

и темны. Но по случайному совпадению на пути от Тау Кита к 70 Змееносцам я...

На самом деле приключение произошло с кем-то другим. То же самое можно было сказать о большинстве историй, рассказанных затем Фолкейном. Но он не видел причины, почему бы не рассказать хороший анекдот.

Он говорил, а она, ничего не подозревая, продолжала прихлебывать шампанское.

— ...и наконец я восстановил воздух, разогрев и очистив замерзший газ. И с радостью покинул эту планету!

— Я думаю, — она вздрогнула, — Космос страшен. Прекрасен, но и страшен. Мне больше нравятся планеты, — она посмотрела по сторонам. — Здесь не такая ночь, как у нас дома. Не знаю, что мне больше нравится и где лучше: на Неугейме или на Венессе. После наступления темноты, конечно, — добавила она со смехом, напоминающим рыдание. — Краоканские миры невыносимы днем.

— Неужели все? Ведь у вас по соседству их три!

— Пять, — поправила она. Потом поднесла ко рту руку. — Мой Бог! Я не должна была это говорить!

Он усмехнулся, хотя внутренне весь дрожал от возбуждения. Черт возьми! Пять планет... шесть, включая Неугейм, в температурной зоне, где вода остается жидкостью... вокруг одной звезды!

— Не имеет значения, — сказал он, — поскольку вы, очевидно, нашли способ сделать свою планету невидимой. Я хотел бы побольше узнать о вас, но не смогу, если вы не расскажите мне о своем доме, — он перегнулся через стол и взял ее за руку. — Все, что напоминает ваши сны, ваши мечты, и то, что делает вас такой очаровательной, если позволите так выразиться... Неугейм должен быть раем.

— Нет, это тяжелый для людей мир, — честно ответила она. — Уже после моего рождения мы вынуждены были перемещать свои поселки к полюсам, так как планета приблизилась к солнцу. Даже у краоканцев по этой же причине случаются неприятности, — она высвободила руку. — Но я не должна об этом говорить.

— Хорошо, поговорим о чем-нибудь нейтральном, — сказал он. — Вы рассказывали, что ночи здесь не такие, как у вас дома. Почему?

— О... другие созвездия, конечно. Отличия не очень велики, но заметны. К тому же из-за постоянных зорь мы никогда не видим звезд так ясно, как здесь. Я не должна больше говорить! Вы слишком наблюдательны, Дэви. Расскажите-ка мне о своем Гермесе, — она неотразимо улыбнулась. — Я тоже хотела бы проникнуть в ваши сны.

Фолкейн охотно рассказал о горах, диких пустынях, равнинах, усеянных стадами рогатых животных, серфинге и прибое...

— Что это значит, Дэви?

— Это купание в прибое, на гребне волны. Вы не знаете, как катят волны во время прилива и отлива? — он решил развеять ее недоверие шуткой. — А теперь, моя бедная невежда, вы снова выдали себя. На вашем Неугейме нет приливов.

— Ну и что? — сказала она. — Да, у нас нет луны. Океаны похожи на огромные спокойные озера.

— А разве солнце... — он оборвал себя.

— Очень далеко, крошечная огненная точка, я здесь никак не могу привыкнуть к солнечному диску, — внезапно Ута опустила свой бокал. — Послушайте, хотя вы молоды и очень милы, но хитры, как Сатана, — она встала. — Я лучше пойду. Я допустила ошибку, придя сюда.

— Что? — он вскочил на ноги. — Но ведь вечер только начался. Я надеялся, что мы отправимся в гостиную и немного послушаем музыку.

— Нет, — страдание и решимость отразились на ее лице. — Я слишком расслабилась. Я перестала следить за своим языком. Передайте Лиге наши слова. Прежде чем они выступят против нас, мы завладеем всеми краоканскими солнцами. Но если Лига поведет себя благоразумно, что ж, тогда мы будем готовы обсудить условия торговли, — она опустила глаза и покраснела. — Мне будет приятно, если вы вернетесь.

— Черт бы побрал политику! — простонал Фолкейн. Он тщетно пытался убедить ее изменить свое решение и в конце концов проводил до двери. Тут он поцеловал ей руку... и, прежде чем он смог продолжить так успешно

начатое дело, она прошептала «спокойной ночи!» и выскользнула.

Он налил себе крепкого виски, закурил трубку и бросился в кресло.

«Крысы! — размышлял он. — Гигантские мутировавшие крысы! Она осталась бы тут до утра, если бы я не начал выуживать у нее информацию.

Ладно, в конце концов, в штабе достаточно девушек. Да и я, вероятно, еще вернусь сюда...

...Как помощник агента, как простой наемник, в то время как Ута будет на самой вершине в межзвездной имперской иерархии. Она не станет презирать меня за это, но будет ли у нас шанс увидеться снова?»

Он затянулся и хмуро уставился на гравюру Хокусая, висевший на противоположной стене портрет старика. Старик улыбался ему, и Фолкейну захотелось щелкнуть его по носу.

Фолкейн понимал, что план неугеймцев грозит Лиге гораздо большим, нежели потеря торговыми принцами нескольких миллиардов. Допустим, этот план удается. Допустим, что могущественная Галасоциотехническая Лига побеждена и возникнет Краоканская Империя. Краоканцы могут не захотеть оставаться в своем секторе Галактики и налаживать мирные взаимоотношения со своими соседями. Хотя до сих пор они не представляли прямой угрозы для человеческой расы: наши условия существования им не подходят.

Но вот неугеймцы — не зря ведь они говорят о себе, как о крестоносцах. Стоит вспомнить историю человечества и представить, какой эффект произведет этот успех на банду, движимую идеями милитаризма. О, процесс будет медлительным, но, в конце концов, они увеличат свою численность, усилят индустриальную базу и возьмут под контроль все пригодные для жизни человека планеты по соседству. И, очевидно, жажда власти и славы, ненависть к торговцам и стремление следовать по пути отцов — все это приведет к войне.

Сейчас их можно уничтожить. Хорошая и крепкая взбучка дискредитирует землевладельцев; мир, меркантилизм и объединение с другими или просто конкурентная

борьба могут стать модными на Неугейме, а помощник агента, сыгравший в этом такую значительную роль, вполне может рассчитывать на звание мастера.

Тогда как простой гонец с плохими новостями...

— Отлично! — пробормотал Фолкейн. — Первый шаг в начинающейся борьбе — обнаружение их чертовой планетной системы.

Они не могут рассчитывать навсегда сохранить в тайне местонахождение своих баз. Это возможно лишь до тех пор, пока они не захватят весь райо́н. Однако, оставаясь скрытыми, их планеты тем самым надежно защищены от нападения. Краоканццы могут ограничиться чисто наступательными операциями, что даст им преимущества, намного увеличивая их действительные силы.

Тем не менее, если Лига решит бороться, она, несомненно, победит. В этом нет сомнений. Таким образом, тайна должна быть раскрыта тем или иным путем. А затем — ядерная бомбардировка из Космоса... Нет!

Землевладельцы рассчитывают на то, что Лига, прежде чем начать дорогостоящую войну за добычу, которая в ходе этой войны может оказаться уничтоженной, вначале подсчитает возможные доходы и расходы и, скорее всего, откажется от боевых действий. Пока местонахождение Анторана неизвестно, эта игра кажется его обитателям выигрышной. Но, независимо от того, на какие выгоды они рассчитывают, лишь безумные фанатики могут делать свой мир ставкой в игре. Бедная Ута! В какой глупейшей и дикой компании она выросла. Как бы ему хотелось познакомить ее с приличными людьми.

Хорошо, но где же эта дурацкая звезда?

Где-то не очень далеко отсюда. Ута ничего не выдала, сказав, что рисунок созвездий изменился ненамного. Древние краоканцы не могли преодолевать большие межзвездные расстояния, следовательно, их база должна быть где-то в этом районе, что позволяет их флоту контролировать в данный момент все внешние коммуникации.

Антoран должен быть большой и яркой звездой, лежащей на главной последовательности, не ниже, допустим, «Ж-О». Однако... Любая возможная звезда исключалась в соответствии с той информацией, которой располагает Лига.

Но, может... погоди минутку... может, она скрыта густой туманностью?

Нет. Было бы слышно радиоизлучение. И Ута говорила, что у них дома видны звезды.

Заря? Гм. Она упоминала о необходимости переселяться к полюсам, когда ее планета подходит слишком близко к солнцу. Это означает, что их поселки сначала были гораздо ближе к экватору. И даже там зори были хорошо видны: в любом направлении, сказала она. Это опять же означает высокоэнергетическую звезду.

Эксцентрическая орбита? Невероятно! Более одной планеты у такой звезды — неслыханно! Можно подумать, что...

Фолкейн выпрямился. Трубка выпала у него изо рта.

— Черт возьми! — пробормотал он.

Он начал торопливо рассчитывать. И опомнился только тогда, когда угольки из трубки чуть не прожгли ему брюки.

5

Дверь в контору и резиденцию Белджагора не успела полностью отвориться, как Фолкейн проскочил в нее. Но, войдя в вестибюль, он вынужден был остановиться. В маленькой комнате, выходившей в вестибюль, разговаривали два краоканца. Один был вооружен и имел нарукавную повязку, он был из числа захватчиков. Другой была Квиллипап. Увидев его, они замолчали.

— Приветствую вас, — сказала Квиллипап. — Что привело вас сюда?

— Мне необходимо видеть вашего хозяина.

— Он спит.

— Очень жаль, — Фолкейн двинулся внутрь помещения.

— Стойте, — крикнула Квиллипап. — Говорю вам, он спит.

— А я говорю вам, что мне очень жаль, но его придется разбудить.

Квиллипап преградила ему путь, ее спинной гребень поднялся. Анторанит подошел ближе, положив руку на рукоять бластера.

— Что у вас такое срочное? — медленно спросила Квиллипап.

— Очень важное дело, но вам я не могу его изложить.

Под ледяным белым искусственным светом повисло молчание. Фолкейн отчетливо слышал в ушах ток своей крови. Тело его напряглось. Он чувствовал себя беззащитным. Но вот Квиллипап, ни слова не говоря, отвернулась и увела своего собеседника. Фолкейн подождал, пока успокоится дыхание, и продолжил путь.

Ему не говорили, где в здании находятся жилые комнаты агента, но расположение помещений было стандартным. Дверь, ведущая в комнаты мастера, была закрыта. Он постучал, но никто не ответил. Он постучал вновь.

Очевидно, в спальне имелся экран, потому что послышался хриплый голос:

— Эй вы! Не воображайте, что я встану ради какого-то зловонного человека!

— Но это очень важно! — сказал Фолкейн.

— Важно, чтобы вы свалились с ближайшей скалы. Желаю вам дурной ночи, — и громкоговоритель, щелкнув, умолк.

«Наречие «важно» не сработало», — решил Фолкейн. Он заколотил в дверь сильнее.

— Прекратите это безобразие! — крикнул Белджагор.

— Конечно, прекращу, когда вы меня впустите, — ответил Фолкейн.

Бум! Насвистывая «Голубой Дунай», он вновь принялся стучать.

Дверь распахнулась. Из комнаты выскочил Белджагор. Фолкейн с интересом отметил, что мастер спит в ярко-красной пижаме.

— Вы наглый щенок! — вскричал агент. — Убирайтесь вон отсюда!

— Да, сэр, — сказал Фолкейн. — И вы тоже.

— Что?

— Я должен показать вам кое-что в моем спидстере.

Глаза Белджагора покраснели. Щупальца выпрямились. Он глотал воздух, пока его маленькое тело не стало круглым. Казалось, оно готово взорваться.

— Пожалуйста, сэр, — попросил Фолкейн. — Вы должны идти. Это крайне важно.

Белджагор выругался и взмахнул кулаком.

Фолкейн уклонился от удара, схватил мастера-торговца за воротник, второй рукой — за штанину и понес его, пинающегося и кричащего, по коридору.

— Я говорил вам, что придется идти, — терпеливо объяснял помощник агента.

Оба краоканца из вестибюля уже ушли, а те, что стояли у входа, не пытались вмешаться. Возможно, за их внешне невозмутимыми лицами скрывалось наслаждение необыкновенным зрелищем. Прилетев, Фолкейн не стал убирать трап своего спидстера, но люк закрыл. Сейчас, опознав хозяина, люк раскрылся перед ним. Он внес Белджагора внутрь, усадил его и подождал, когда шторм стихнет.

Джалилец наконец замолчал и уставился на него. Его морда слегка дергалась.

— Хорошо, — вздохнул Фолкейн. — Вы не хотите принять мои извинения. Вы отомстите мне. Вы свяжете меня моими собственными кишками. Что еще?

— Полагаю, у вас имеется объяснение, — сказал Белджагор голосом, похожим на скрип ногтя по стеклу.

— Да, сэр. Дело не может ждать. А я не решаюсь говорить о нем в другом месте. Кроме того, у вашей уважаемой Квиллипап слишком дружеские отношения с самозванными освободителями. В ваших помещениях ей легко нас подслушать.

Озон, проникший вместе с ними в спидстер, — сейчас его должно было быть меньше, чем днем, — наконец заменился кислородом. Фолкейн стянул маску. Белджагор бормотал что-то о земной атмосфере, которая годится лишь на то, чтобы разрывать легкие. Тем не менее агент успокоился поразительно быстро.

— Говорите, детеныш, — приказал он.

— Видите ли, — сказал Фолкейн, — я знаю, где находится Анторан.

— Что? — Белджагор на несколько сантиметров подпрыгнул в своем кресле.

— Они никогда не отпустят меня, если обнаружат, что я знаю это, — продолжал Фолкейн. Он уперся в переборку. Взгляд его скользил по иллюминаторам. Обе луны сели, и только Бета Центавра царила в небе. — Поэтому вам придется лететь со мной.

— Что? Невозможно! Если вы думаете, что я оставлю собственность «Дженерал Моторс» банде пиратов...

— Они, несомненно, сами вышвырнут вас при любом исходе переговоров, — перебил его Фолкейн. — Согласитесь с этим. Вам, конечно, не нравится капитуляция, но придется взять быка за рога и посмотреть правде в глаза.

— Вы знаете, где Анторан? Вы всерьез восприняли то, что Хорн сказала вам в шутку?

— Нет, сэр, она не собиралась давать мне какую-либо информацию. Она сообщила только то, что выросла в изолированном спартанском обществе. Она не сумела прибрать меня к рукам, — Фолкейн улыбнулся. — Конечно, не в буквальном смысле, а в переносном. Ее коллеги не рассчитывали на эффект, производимый алкоголем и дружеской беседой. Я думаю, они вообще не привыкли к подобным вещам. Может, они полагали, что меня очарует эта девушка, что я буду только таращить глаза и слушать, что она скажет. Мне кажется, что у них слишком романтические взгляды на жизнь. Чертовски опасные, но романтические.

— Ну? Ну? Что сказала Хорн?

— Немного. Анторан не планета, а звезда. Но лишь одна звезда в этом районе может удовлетворять всем известным мне данным, — Фолкейн дал Белджагору что-то пробормотать, потом указал на небо и сказал:

— Это Бета Центавра.

Агент взорвался. Он бегал по каюте, размахивая руками и неистовствуя. Фолкейн запоминал отборнейшие эпитеты, чтобы потом самому воспользоваться ими.

Наконец Белджагор настолько успокоился, что смог остановиться, поднять палец и сказать:

— Вы невероятный глупец. К вашему сведению, Бета принадлежит к голубым гигантам типа «В». Задолго до

наших космических полетов люди знали, что гигантские звезды не могут иметь планет. Этому препятствует угловой момент в соединении с огромной массой звезды. После того как был открыт полет в гиперпространстве, экспедиции к гигантским звездам и прямые наблюдения подтвердили это. Даже если предположить, что у такой звезды появятся планеты, они навсегда останутся необитаемыми. Гигантские звезды сжигают водород так быстро, что их существование ограничено миллионами лет. Миллионами, вы слышите, а не миллиардами. Бета Центавра не может быть старше десяти миллионов лет. Больше половины ее стабильной жизни позади. Она взорвется как сверхновая и превратится в белого карлика. Даже если у нее имеются планеты, на них не успеет развиться жизнь! А их, я повторяю, там нет и не может быть. Причины, по которым у меньшей звезды появляются планеты, вполне понятны. Большая протозвезда, конденсирующаяся из межзвездного вещества, окружена слишком мощным гравитационным полем для вторичного образования планет.

Я считал, что даже люди, закончившие только начальную школу, знают это. Я ошибался. Но теперь-то вы знаете, — голос его поднялся до крика. — И ради этого вы вытащили меня из постели?

Фолкейн заблокировал выход из каюты.

— Я и раньше это знал! — сказал он. — Анторанты всю свою стратегию построили на этом нашем предубеждении. Они рассчитывают, что к тому времени, когда мы обнаружим, что Бета Центавра является исключением, они уже овладеют всем районом.

Белджагор вновь опустился в пилотское кресло, скрестил руки и сказал:

— Ну что ж, продолжайте ваш фарс.

— Вот факты, — сказал Фолкейн. Он загибал пальцы. — Первое: анторанская система колонизирована краоканцами, которые не могут селиться на планетах холодных звезд, подобных солнцу. Второе: у Анторана шесть планет в зоне, где вода остается жидкостью. Вне зависимости от того, где пролегают их орбиты, зона эта должна быть очень широкой, а это, в свою очередь, снова приводит

нас к гигантской звезде с большой светимостью. Третье: внешняя из этих шести планет слишком холодна и бедна радиацией для краоканцев, но зато вполне пригодна для людей. Но на ней наблюдаются яркие зори даже в умеренных широтах. А для этого необходимо солнце, выбрасывающее частицы с чрезвычайно высокой энергией — это снова может делать только гигантская звезда.

Четвертое: эта населенная людьми планета, Неугейм, находится очень далеко от звезды. Доказательством этого являются следующие три не связанных между собой факта: а) с Неугейма солнце не имеет видимого диска; б) в океанах Неугейма нет солнечных приливов; в) год длится очень долго, думаю, не меньше двух земных столетий. Я знаю об этом, так как Ута проговорилась, что ее народ вынужден был переселяться к полюсам. Эксцентриситет планетной орбиты привел к тому, что умеренные широты стали слишком жаркими; может, к тому же слишком много ультрафиолетовых лучей пробило озоновый слой, доведя количество озона на поверхности до опасной концентрации, как, например, здесь. Однако первые поселения колонистов были организованы не менее чем сорок лет назад. Иными словами, радиус орбиты Неугейма изменяется так медленно, что колонисты все-таки селились на юге, зная, что потом эти поселки придется оставить. Думаю, они сделали это, чтобы разрабатывать залежи полезных ископаемых.

Но бог с ними, с ископаемыми. Несмотря на огромное удаление от солнца, Неугейм обитаем, а у его жителей очень глубокий загар. Какая звезда может поддерживать закон обратной пропорциональности квадрату расстояния в такой широкой шкале? Только голубой гигант! А Бета Центавра — единственный голубой гигант в нашем районе.

Он замолчал, охрипнув и мечтая о глотке пива. Белджагор восседал, как идол, если только можно представить себе, что кому-то понадобится такой идол. Проходили минуты. Над ними просвистела космическая шлюпка — вражеский посланник с неизвестным поручением.

Наконец, голосом, лишенным какого-либо выражения, Белджагор спросил:

— Но как у нее могли появиться планеты?

— Я думал над этим, — ответил Фолкейн. — Случайность, может быть, одна из немногих во Вселенной. Звезда захватила несколько бродячих планет.

— Чепуха. Одиночное тело не может захватывать спутников... — но это свое очередное возражение Белджагор произнес уже спокойно.

— Согласен. По-видимому, вот что могло произойти. Бета сконденсировалась в массивной туманности, вдвое большей ее по массе; Бог знает, сколько астрономических единиц имела эта туманность в диаметре. Мимо перемещалась группа бродячих планет. Поле тяготения Беты заставило их повернуть. Благодаря трению о вещество туманности, они не смогли снова унестись в пространство. Потеря ими энергии привела к тому, что гиперболические орбиты превратились в эллиптические. А может быть, в туманности имелся второй центр конденсации, позже слившийся с главной массой. А два тела определенно могут захватить спутников. Но, я думаю, что все объясняется трением в туманности.

Конечно, эллиптические орбиты оказались сильно эксцентричными. Трение немного уменьшило их вытянутость. Но Ута рассказала, что и теперь эксцентричность орбит доставляет немало беспокойства жителям планет. Это дает нам в руки дополнительный ключ.

— Гм... — Белджагор подергал носом, размышляя.

— На ранних этапах своего существования, благодаря вулканической деятельности, планеты выбрасывали газы и водяные пары, как и всякие другие субзвездные объекты, — продолжал Фолкейн. — Эти вещества замерзли в Космосе. Но Бета разморозила их.

Не знаю, как краоканцы обнаружили эти планеты. Может, они просто не знали, что голубые гиганты не могут иметь планет. А может, они послали автоматический зонд для астрофизических исследований и получили таким путем информацию. Как бы то ни было, они установили, что у Беты имеется пять пригодных для их обитания планет плюс одна непригодная. Затем началась колонизация. Конечно, это были стерильные планеты с ядовитой атмосферой. Но древние краоканцы были искусными планетными инженерами. Можно представить себе, как они поступили:

засеяли атмосферу спорами, способными при помощи фотосинтеза преобразовать ее, привезли другие формы жизни, которые должны были создать основу для экологии, и так далее. В таких условиях организмы развиваются экспотенциально, и всего лишь через несколько столетий планеты стали пригодными для обитания.

Фолкейн помолчал и пожал плечами.

— Через пять-десять миллионов лет Бета уничтожит все плоды их работы, — заключил он. — Но для них этого времени вполне достаточно.

— Да, — тихо согласился Белджагор.

Он поднял голову, взглянул человеку в глаза и сказал:

— Если это правда, мы обязаны сообщить обо всем Лиге. Военный флот, направившись прямо к Бете, застанет врага врасплох. И они не смогут оказать сопротивления.

— Уф! — Фолкейн подавил зевок. Усталость начала овладевать им.

— Но это всего лишь гипотеза, — сказал Белджагор. — И основана она лишь на слухах и догадках. Возможно, Хорн сознательно путает вас. Лига не может начинать операцию, полагаясь на сведения, которые могут оказаться неверными. Нам нужны позитивные доказательства.

— Верно, — кивнул Фолкейн. — Поэтому мы полетим оба, но в разных кораблях. Вы легко сможете объяснить, почему изменили свое решение и не останетесь здесь. Они не заподозрят вас, если вы разыграете приступ раздражительности.

Белджагор окаменел.

— Что вы говорите? Я самое терпеливое существо в Космосе!

— Так ли?

— Когда я думаю о том, с кем мне приходится иметь дело — с нахальными, как вы, глупыми и корыстолюбивыми, ничего не соображающими... — голос Белджагора поднялся до самых высоких нот. Фолкейн еще раз зевнул.

— Вот какова моя жизнь, — сказал в заключение агент. — Ну а что вы предлагаете делать дальше?

— Мы вылетим в направлении базы, — ответил Фолкейн. — Но как только окажемся за пределами действия

вражеских детекторов, повернем к Бете. Вы останетесь на безопасном удалении. Я же подлечу поближе к звезде и буду наблюдать. Потом вернусь к вам, и мы направимся к ближайшей дружественной планете.

— А зачем нам разделяться?

— Меня могут схватить. В таком случае — если я не присоединюсь к вам в условленное время — вы передадите все Лиге. Они смогут проверить мои выводы.

— Гм. Ха. Верно. Но почему вы добровольно берете на себя самую опасную часть дела? Сомневаюсь, что вы подходите для его исполнения.

— Сэр, — устало сказал Фолкейн, — я молод, но смогу управиться с инструментами. Этот спидстер построен для человека, вы не сможете управлять им достаточно эффективно, а он гораздо лучше приспособлен для оперативных действий и тайного шпионажа, чем ваш корабль. Поэтому у нас нет выбора. К тому же, — добавил он, — я всего лишь человек и простой служащий. А вы мастер — торговец с Джалила.

Сарказм его не был оценен. Белджагор выпрямился, на его поросячьи глазки навернулись слезы.

— Верно! — с чувством воскликнул он. — И как благородно с вашей стороны признать это! — он пожал руку Фолкейну. — Пожалуйста, не думайте обо мне дурно. Я порой бранюсь, иногда грубо разговариваю, частенько лопается мое терпение, но, поверьте, у меня нет никаких предубеждений к вашей расе. И люди обладают отличными душевными качествами. Да, некоторые из моих лучших друзей — люди!

6

Опасная зона началась в одном световом годе от цели: внутри сферы с этим радиусом кратковременные импульсы, посылаемые двигателем, работающим в гиперпространственном режиме, могли быть легко обнаружены. Корабль Белджагора остался за пределами этой сферы, его детекторы были включены на полную мощность. Не иск-

лючалась возможность, что и его могут обнаружить, хотя бы случайно. Фолкейну предстояло потрудиться, и немало, чтобы явиться к точке встречи, зная лишь направление. Но если Белджагор обнаружит излучение другого корабля, он не будет включать двигатели и подождет, пока неизвестный корабль удалится.

У Фолкейна такой возможности не было. На полной гиперскорости он двинулся к Бете Центавра.

Солнце впереди непрерывно разрасталось. Пользуясь увеличением, он мог внимательно рассмотреть его диск, усеянный ядерными бурями, сверкающий миллиардокилометровыми протуберанцами, голубой и адски ужасный. Бета в одиннадцать раз превышала Солнце по массе, — в тысячу четыреста раз — по светимости — и, несмотря на расстояние до нее в сто девяносто световых лет, была одной из самых ярких звезд ночного неба. Он попытался насвистывать мотив, но собственный свист казался ему невыразительным и ничтожным.

Ближе. Теперь он может включить фотокамеры. Фотоаппараты, компенсирующие аберрацию и эффект Доплера, покажут ему устойчивую картину созвездий. А планеты будут зафиксированы как движущиеся объекты. Ага, вот она! Фолкейн сменил курс и повторил наблюдения. Вскоре у него оказалось достаточно данных, чтобы ввести в компьютер.

Он обнаружил несколько планет, причем не все они, вероятно, были обитаемыми. Одна из них находилась приблизительно в тридцати семи астрономических единицах от солнца — расстояние, соответствующее положению Неугейма, также соответствовал размерам Неугейма и диаметр этой планеты. И в это время локаторы его корабля засекли излучение двигателей, работающих в гиперпространственном режиме.

Источник излучения находился недалеко и быстро приближался. По-видимому, какой-то патрульный корабль обнаружил его излучение и начал преследование.

Повернув обратно, Фолкейн закурил трубку и принялся размышлять. Он должен встретиться с Белджагором раньше, чем его догонят, но при этом преследователь должен находиться не ближе светового года.

Так ничего не получится...

Детектор отметил появление второго источника излучения. Фолкейн выругался. К нему приближался еще один корабль. Рассчитав его скорость и направление полета, он понял, что второй корабль не сможет его догнать, но зато легко может обнаружить Белджагора.

Конечно, можно было, выключив все приборы, затаиться, укрывшись в глубинах космического пространства... Гм... Если эти парни знают свое дело, они все равно установят его местонахождение, оказавшись на расстоянии в несколько миллионов километров. Они могут перейти на субсветовую скорость и уловить нейтронное излучение его генератора. Или просто разыскать его при помощи радара.

— Братец, — сказал себе Фолкейн, — ты хотел получить апельсин, так вот он.

Он вглядывался в космические пространства, где звезда сменялась звездой, пока все они не слились в единый поток Млечного Пути. Он вспомнил, как блестит на солнце листва деревьев, колебаемая ветром, и какое вкусное пиво он пробовал в маленькой шведской таверне, и как часто он радовался в кругу друзей, и как хороши были его знакомые женщины, и ощутил, что ему совсем не хочется быть героем.

«Не раздражать их, сдаться, иначе они начнут стрелять и проделают дыру у тебя между ушами».

Белджагор сможет доложить Лиге обо всем после того, как вражеские корабли повернут назад. Конечно, прямых доказательств у него не будет. Лиге придется вновь послать наблюдателей, которые тоже могут быть обнаружены. Используя сверхбыстрые корабли, наблюдатели, конечно, сумеют уйти, но враг уже насторожился и организует усиленную охрану своей планеты. Если начнется война, то она будет беспощадной, вся планета будет сожжена. Ута превратится в облачко раскаленного газа, а сам Фолкейн... Черт побери!

Почему не существует передатчика, посылающего сообщения быстрее радиоволн? Тогда он смог бы отправить сообщение, а потом остановиться. Черт бы побрал эти законы физики!

Спидстер дрожал и гудел от работающих на пределе машин. Фолкейн почувствовал страшную жажду. Но сейчас у него ни на что не было времени. «Думай, разрази тебя гром!»

Он не мог. Он бродил по рубке, ощущая во рту свой пересохший язык, потом открыл пакет с рационом, напился и снова взглянул на экраны. Наконец сказал: — «К дьяволу все!» — раскрыл последнюю свою бутылку с шотландским виски и отправился спать.

Он проснулся через несколько часов с готовым решением. Некоторое время он лежал, глядя в потолок, восхищаясь своей сообразительностью. В соответствии с расчетами вскоре он должен добраться до Белджагора. Значит, он находится в пределах действия детекторов, и джалиец, несомненно, следит за показаниями своих приборов. В таких обстоятельствах он не станет дремать.

Фолкейн соскочил с койки и уселся в пилотское кресло. Он выключил двигатели и перешел на субстветовую скорость. Через минуту — включил.

Пульсирующий код Лиги. Указательная стрелка детектора прыгала вверх — вниз, точка — тире, точка — тире. «Гипотеза подтверждена! Ф.» — Он повторил еще раз весь цикл, чтобы быть уверенным, что Белджагор не прозевает его сообщения. Еще раз повторил его. Белджагор должен догадаться, что «Ф» не что иное, как его подпись. Дай Бог, чтобы анториты не догадались, в чем дело: этот код хранился в строжайшем секрете.

Двигатели от такого обращения начали реветь. Фолкейн почувствовал запах сгоревшей изоляции и уловил зловещие нотки в реве двигателя. Он изменил направление полета под углом к прежнему, и теперь его корабль перемещался с постоянной скоростью.

Расчеты показывали, что первый корабль, двигавшийся за ним, пролетит более чем в световом годе от Белджагора. Второй корабль «любезно» изменил курс. Фолкейн включил автопилот, побрился, надел парадный мундир и съел наскоро приготовленный завтрак.

Затем он уничтожил фотографии, регистрационные записи, указатели курса и вахтенный журнал, и, проделав артистическую работу, заменил их фальшивыми: корабли

Лиги были оборудованы с расчетом на любую случайность.

Антораніт приближался. Это был корабль кометного класса с грозно выставленными орудиями. Сигналом прожектора он приказал Фолкейну остановиться. Фолкейн повиновался. Вражеский корабль уровнял скорости и лег в дрейф на безопасном удалении. Зазвенел сигнал вызова, и Фолкейн включил приемопередатчик.

Человек с тяжелой челюстью, явно воинского типа, с грудью, украшенной ленточками, глядел на него с экрана.

— Привет, — сказал Фолкейн. — Вы говорите по-английски или по-латыни?

— Да, — сказал человек. Он выбрал английский. — Назовите себя.

— Спидстер «Молниеносный» Галасоциотехнической Лиги из Трикорна в Хоупвилл, на борту находится один человек — наемник Себастьян Томб. А кто вы?

— Военный корабль Неугейма «Граф Хельмут Карл Бернгард фон Мольтке», командир — землевладелец Отто фон Лихтенберг. Говорит обер-лейтенант Вальтер Шмидт.

— Неугейм? Где, ради дьявола, этот Неугейм? Никогда о таком не слышал.

— Какова ваша цель? Почему вы убегали?

— Моя цель, — ответил Фолкейн, — поездка с моего поста на Трикорне на склад Лиги на Хоупвилле. Мне необходимо кое-какое оборудование. У нас произошло наводнение, вызвавшее много разрушений. А почему я убегал от вас? Боже, если за вами начнут охотиться, что вы сами будете делать?

— Вы решили, что мы относимся к вам недружелюбно? — спросил Шмидт. — Но, может, это вы — наш враг?

— Ха, нет. Проверьте ваши навигационные таблицы. Бета Центавра находится как раз на пути между Трикорном и Хоупвиллом. А я направлялся к Хоупвиллу, а не куда-то поближе, потому что нужное мне оборудование я смогу найти только там. Пролетая мимо Беты, я обнаружил неисправность в двигателях. (Неисправность существовала на самом деле, потому что он использовал двигатели для передачи сообщения.) Чтобы провести кон-

троль направления и скорости, я несколько раз менял курс и ускорение, как вы, очевидно, заметили. А потом, уф! я замедлил скорость и обнаружил еще один корабль, движущийся ко мне, но здесь не должно было находиться никаких кораблей. Может, это безобидная исследовательская экспедиция? Но я не был уверен. Может, это пираты, которые, как известно, существуют. Я попытался удрать. Но мои двигатели начали спонтанно включаться и выключаться. Я кое-как справился с ними и сменил курс, надеясь, что вы поймете, что я не нуждаюсь в компании, и оставите меня в покое. Но не тут-то было. Так я оказался здесь.

Фолкейн бросил раздраженный взгляд на человека на экране.

— Мне кажется, это вы должны дать объяснение, — пролаял он. — Что это за комедия с Неугеймом? Зачем военный корабль кружит вокруг голубого гиганта? На каком основании вы останавливаете мирный спидстер? Галасоциотехническая Лига будет извещена об этом!

— Возможно, — сказал Шмидт. — А сейчас остановитесь, к вам на борт прибудут наши люди.

— Черт возьми, вы не имеете права!

— Несколько наших атомных пушек нацелены на вас. Понятно?

— Да, — вздохнул Фолкейн.

Он подождал, пока корабли соединились переходным туннелем. Шмидт появился в сопровождении взвода солдат, немедленно направивших ружья на Фолкейна, и потребовал предъявить документы. Потом сказал:

— Очень хорошо, герр Томб. Может быть, вы говорите правду. Не знаю. У нас приказ. Необходимо интернировать вас на Неугейм.

— Что? — выкрикнул Фолкейн. Он сдерживал дыхание, пока не покраснел и не выпучил глаз. — Вы понимаете, кто я? Я полноправный служащий Политехнической Лиги.

— Тем хуже для вас, — сказал Шмидт. — Идемте, — он схватил Фолкейна за рукав.

Фолкейн высвободил руку, выпрямился и мысленно поблагодарил отца за то, что тот научил его аристократическим манерам.

— Сэр, — сказал он, и из каждого его слова изливался жидкий гелий, — если я пленник, то я протестую против беззакония, но вынужден повиноваться. Тем не менее даже на войне существуют какие-то законы и обычаи. К тому же я наследник барона из Объединенного королевства Новой Азии и Радагаха. Вы обязаны обращаться со мной с уважением, подобающим моему происхождению.

Шмидт побледнел. Он щелкнул каблуками, поклонился и отсалютовал.

— Так точно, мой господин, — выдохнул он. — Прошу прощения. Если бы вы только сказали это раньше... Землевладелец фон Лихтенберг имеет честь пригласить вас на чашку чая.

7

Замок Грауштейн был отнюдь не худшим местом в Космосе для содержания пленных. Снаружи он выглядел мрачновато, но был окружен лесами с первоклассной охотой. Пища была грубой, но съедобной, а местное пиво оказалось просто превосходным. Землевладелец Грауштейн делал все, чтобы его выдающийся и невольный гость чувствовал себя как дома. Во время долгих бесед с хозяином и редких поездок по планете Фолкейн приметил интересные торговые возможности, которые можно будет реализовать, если исход событий окажется мирным.

Иначе... Ему не хотелось даже обдумывать альтернативу. Но через несколько недель время начало давить на него свинцовым прессом.

Тем не менее Фолкейн был вполне спокоен, когда слуга постучал в дверь его комнаты и объявил о приходе посетителя. И когда она вошла, он поразился. Он даже не мог представить, что она настолько хороша.

— Ута! — прошептал он.

Она прикрыла за собой дверь и некоторое время смотрела на него. Темное дерево и гранитные панели обрамляли то место, где она стояла в ярком флюоресцентном освещении. Она была в платье, и если Фолкейну она показалась

прекрасной даже в мундире, то теперь его восхищение только возросло в астрономических размерах.

— Значит, это действительно вы? — сказала она.

— П... п... пожалуйста, садитесь, — пробормотал он.

Она продолжала стоять. Лицо ее оставалось спокойным, голос — ровным.

— Эти идиоты поверили вашим словам, что вы лишь случайно пролетали мимо и слишком много увидели. Они и не подумали проверить их. Я услышала о вас впервые вчера, после возвращения домой, в разговоре с землевладельцем фон Лихтенбергом. Судя по описанию... — казалось, она разучилась говорить.

Фолкейн осмелел.

— Военная хитрость, моя дорогая, — мягко сказал он. — Не моя сторона начала военные действия.

— Что вы сделали?

Он заставил себя успокоиться, извлек трубку и принялся чистить и набивать ее.

— Вы разоблачили меня, поэтому я могу рассказать вам все, — улыбнулся он. — Я кое-что понял из ваших слов и отправился для уверенности взглянуть лично...

— Это забавное маленькое существо, то, что улетело одновременно с вами... оно тоже все знало?

Фолкейн кивнул.

— Он уже давно все доложил штабу. Если Лига хотя бы наполовину так реалистична, как я полагаю, военный флот, которому вы не сможете оказать сопротивление, уже на подходе к системе.

Она сжала руки. Слезы стояли в ее глазах.

— И что же произойдет?

— Они должны направиться прямо сюда. Я жду их со дня на день. У вас в системе Бета Центавра осталось только несколько патрульных кораблей, ваш флот разбросан в районе дюжин звезд, верно? Лига не захочет бомбардировать планеты, но в таком случае...

Она гневно отпрянула. Он быстро подошел к ней, взял ее за руки и сказал:

— Нет, нет. Реалистическая политика, помните? Цель войны — не уничтожить противника, а навязать ему свою волю. Зачем нам убивать людей, которым мы можем

продавать товары? Мы просто захватим систему Бета Центавра, а потом договоримся об условиях освобождения.

Я не политик, но могу представить, что будет дальше. Лига потребует, чтобы вы сократили свои вооруженные силы до уровня, достаточного для обороны. И, естественно, мы определим свои условия торговли. Но это не все. Теперь, поскольку у краоканцев имеются космические корабли, они смогут лететь куда угодно и объединяться до тех пор, пока они будут делать это мирным путем. Мы надеемся продавать им корабли грузового и пассажирского типов по повышенным ценам, но из-за этого не стоит воевать. Неугейм сохранит у себя любой социальный строй, какой ему угодно иметь. Почему бы и нет? Но если вы все же попытаетесь сохранить эту никуда не годную систему угнетения, вы настолько скомпрометируете себя, что через десяток лет ваш же народ сбросит вас и призовет нас на помощь.

Он потрепал ее за подбородок.

— Я понимаю, — сказал он, — трудно расстаться с мечтой. Но почему вы через всю жизнь должны нести недовольство и зависть вашего отца?

Она расплакалась. Он успокаивал ее, и в глубине его души росла надежда.

Не то, чтобы он хотел жениться. Черт побери! В его-то возрасте! Однако...

Чуть погодя они оказались на балконе... спустилась ночь, яркая заря распростерлась на полнеба, затмевая звезды, из леса внизу струились странные мягкие запахи. В руках они держали бокалы, и она была рядом с ним.

— Можете рассказать, кто я, — сказал он ей, — и доставить мне большие неприятности. Может, меня даже расстреляют.

Бледное в мерцании света, ее лицо утратило выражение счастья, он услышал, как дыхание вырывается из ее груди.

— Это ваш долг, в соответствии с законами войны, — продолжал он. — Но это ни к чему не приведет — уже поздно; разве что Лига в отместку предъявит более жестокие требования.

— Что же мне делать? — спросила она.

Он радостно улыбнулся.

— Держать ваш милый рот закрытым, сказать всем, что вы ошиблись, и что Себастьян Томб не имеет ничего общего с Фолкейном. Когда наступит мир — что ж, вы совершенно независимы у себя дома. Вы сумеете помочь своим людям приспособиться.

— И стать торговцами? — спросила она с ноткой презрения.

— Я уже как-то заметил, — сказал он, — что мы не настолько низкие люди. Да, мы боремся за прибыль. Но даже рыцарь должен есть, а наш кусок хлеба добыт не убийством и не работорговлей. Взгляните на эти звезды. Они прекрасны. Но ведь и другим они также светят.

Она схватила его за руку. Он пробормотал:

— Трое торговцев на рассвете отправляются в море... — и, когда она вопросительно взглянула на него, он тихонько добавил:

Их стеньги позолочены солнцем, хотя
паруса разорваны в клочья,
Они сотязаются в скорости с ветром
вокруг Земли, чтобы вновь вернуться домой
со слоновой костью, обезьянами, павлинами,
воспоминаниями и хвастовством,
Чтобы продать все это с прибылью —
именно они заслуживают название Человек!

— Ох! — услышал он.

Эти стихи он прочитал, вспомнив школьные годы на Гермесе.

— Я никому не скажу, — услышал он.

И немного погодя:

— Можно мне побыть с вами еще чуть-чуть?

* * *

Когда через неделю прибыл флот Лиги и освободил его, Дэвид не очень этому и обрадовался.

Часть третья
ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

1

В покер неудобно играть втроем, поэтому экипаж разведочного торгового корабля «Сквозь хаос» запрограммировал бортовой компьютер для этой игры. Расчет с ним производился расписками. Будучи настроенным на средний уровень игры, компьютер на протяжении полета создавал в нем относительное равенство между выигрышами и проигрышами. Это предотвращало ссоры между членами экипажа.

— Две карты, — попросил механический голос. Дэвид Фолкейн сдал их, положив на экран сканнера, пристроенного на конце стола в кают-компании. Рука, появившаяся из ящика, сгребла карты и унесла их внутрь. Внизу, в бронированном помещении, в глубине корабля, мыслительные ячейки компьютера принялись оценивать новые варианты.

— Одну, — сказала Чи Лан.

— Благодарю вас, мне не надо, — пробормотал Эдзел.

Фолкейн сдал себе три карты и собрал их в руке. Его дела улучшились: две тройки тех же мастей, что и короли. У Эдзела, видимо, были хорошие карты, так как он ничего не меняет, а Чи, вероятно, пытается собрать флеш — карты одной масти; первый круг торговли, открытый компьютером, не внушал особого энтузиазма. Но Бестолочь — так экипаж прозвал компьютер — всегда себе на уме.

Стальная рука добавила к груде лежащих на столе фишек голубую.

— Черт возьми! — воскликнула Чи. Ее хвост вытянулся вдвое против обычной длины, шелковая белая шерсть встала дыбом на всем ее маленьком теле, и она швырнула карты на стол с такой силой, что он зазвенел. — Чума на тебя! Ненавижу твои криогенные кишки.

Эдзел невозмутимо удвоил ставку. Фолкейн вздохнул и сложил свои карты. Чи уже успокоилась, села на свой поднимающийся стул и начала по-кошачьи умываться. Фолкейн потянулся за сигаретой.

Бестолочь вновь повысил ставку. Драконья морда Эдзела не способна была менять выражение, исключая разве что резиноподобные губы, но его огромное тело, распростертое поперек всей каюты, напряглось. Он вновь принялся изучать свои карты.

Его размышления прервал тревожный звонок. Часть компьютера, всегда бывшая начеку, заметила что-то необычное.

— Я посмотрю, — сказал Фолкейн. Он встал и быстро пошел вниз по коридору. Это был высокий, мускулистый молодой человек, светловолосый, синеглазый, со вздернутым носом и широкими скулами. Даже здесь, Бог знает в каком количестве световых лет от ближайшего человека, он был одет в костюм, который оказался бы вполне уместным на любом великосветском приеме. Он говорил себе, что обязан придерживаться обычаев, как младший сын баронского дома на Гермесе, а в данный момент полномочный представитель Галасоциотехнической Лиги и все такое прочее, но дело просто было в том, что он все еще не избавился от определенной дозы тщеславия.

В штурманской рубке он взглянул на приборы. На экранах не было видно ничего необычного. Какого тогда дьявола забеспокоились приборы наблюдения? Так как компьютер был занят игрой, он ничего не мог сообщить ему. Может, оно и к лучшему... Он сунул сигарету в рот и увеличил изображение.

На западе сияло глубокое пурпурное небо, солнце навечно застыло в позднем полудне. Это был карлик класса «К-О» цвета догорающих углей, примерно в одну десятую светимости Солнца. Однако на расстоянии в треть астрономической единицы от Икрананки видимый

диаметр его почти в три раза превосходил солнечный и давал почти столько же радиации. Сквозь тусклый свет в прозрачном разряженном воздухе было видно еще несколько звезд. Спика, находившаяся на расстоянии трех парсеков, блестела, как белый бриллиант. Кроме звезд на небе были видны только стаи крылатых животных с кожистыми крыльями и над северным горизонтом — облако пылевой бури.

«Сквозь хаос» стоял на склоне холма, откуда открывался широкий вид на Чакору — дно бывшего моря, окрашенное в яркие тона: красные, зеленые и цвета индиго, усеянное низкими скулентами. Тут и там Фолкейн видел группы строений, сооруженных из ярких плетеных стеблей: каждая группа зданий была окружена каменной стеной — это были деревни и защитные укрепления сельскохозяйственных факторий. Было начало весны, растения приобрели зеленый и золотистый цвета. Рощи длинных, похожих на бамбук растений — некое подобие земных деревьев, порожденное этим миром, — раскачивались на ветру.

Склон холма был скалистым, выветренным, и лишь несколько кустарников росло между булыжниками. На вершине холма неясно вырисовывался крепостной вал Хайджакаты. У подножия возвышалась башня, охраняющая городскую стену и соединенная с ней туннелем. Рядом извивалась шедшая с востока грязная дорога. Она была совершенно пуста.

Нет, погоди. В трех или четырех километрах на дороге появилось облако пыли, оно быстро приближалось. Кто-то торопился к кораблю.

Фолкейн отрегулировал сканнер. Перед ним, как на ладони, крупным планом возникла картина погони.

С полдюжины икрананкийцев подстегивали своих зандаров. Большие, с коричневой шерстью, с толстым хвостом, двуногие животные взлетали по дуге, касались земли, напрягали ножные мускулы и прыгали вновь. Всадники потрясали копьями и саблями. Их раскрытые клювы свидетельствовали, что они яростно кричат.

Ветер унес в сторону пыльную завесу, и Фолкейн увидел того, кого они преследовали. И едва не проглотил свою сигарету.

— Нет, — услышал он собственный слабый голос. — Этого не может быть. Готов поклясться, что этого просто не может быть.

Его оцепенение прошло. Он повернулся и побежал на корму. При тяготении на шестьдесят процентов меньше земного он двигался, как испуганная комета. Он ворвался в кают-компанию, с трудом затормозил и закричал:

— Тревога!

Чи Лан перегнулась через стол и переключила компьютер на рабочую мощность. Эдзел бросил последнюю ставку и положил карты. Он выпрямился.

— Что случилось? — с ледяным спокойствием, как обычно в момент опасности, спросила Чи.

— Женщина, — выговорил Фолкейн. — За ней гонятся.

— Кто?

— Не я, черт возьми! Слушайте. Банда туземных всадников гонится за женщиной. Ее зандар показался мне уставшим. Они схватят ее раньше, чем она доберется сюда, и, Бог знает, что с нею сделают.

Пока Фолкейн говорил, Эдзел украдкой взглянул на карты Бестолочи. Полный дом! Он философски вздохнул и смешал карты. Вставая, он сказал:

— Попробуем переубедить их. Чи, оставайся здесь.

Цинтианка кивнула в ответ и засеменила на капитанский мостик. Эдзел пошел за Фолкейном к нижнему люку. Его раздвоенные копыта стучали по палубе. У выхода Фолкейн пристегнул оружейный пояс и сунул в карман плаща приемопередатчик.

Чтобы избежать задержки, они быстро скомпенсировали давление — снаружи оно равнялось трем четвертям земного на уровне моря. Но им хотелось бы, чтобы там было чуть побольше тепла и влаги. Сухой и холодный ветер ударил по слизистым оболочкам Фолкейна. Понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза адаптировались к воздуху. Эдзел подхватил его двумя огромными роговидными руками и усадил себе на спину, как раз за кентавровидным торсом. Все тело одинита было закрыто костяными пластинами, шедшими от головы до самого хвоста. Пластины в случае необходимости сдвигались, образуя прекрасную защиту. Его мускусный запах окутал Фолкейна.

— Наверное, прибыл еще один корабль, — сказал Эдзел, и бас его был ровен, как будто он продолжал играть в карты. — Несчастный случай?

— Может быть, — ответил Фолкейн сверху. — Хотя она очень странно одета. Возможно, она сбежала от варваров? Нам намекали на войну в горах Супхадерта.

Он с трудом различал высочайшие пики этого хребта, протянувшегося на востоке. Слева громоздились рыжевато-коричневые скалы, бывшие когда-то континентальным шельфом. Справа лежали зеленые поля Чакоры. За ними возвышался холм Хайджаката и их корабль, подобный сверкающему острию копья. Но вся эта картина была давно знакома и смертельно надоела. Фолкейн соскучился по активным действиям. Здесь не было никакой опасности: завидев Эдзела, местные бандиты тут же разбегались по домам, к маме с папой.

Он чувствовал, как работают мышцы Эдзела. Воздух гудел в ушах. Гремели копыта. И вот он уже ясно видит впереди себя девушку и ее преследователей. Резкие нечеловеческие голоса долетели до него.

Девушка взмахнула рукой и в последнем усилии пришпорила своего зандара. Икранканкийцы что-то кричали друг другу. Фолкейн уловил несколько слов — они говорили на катандаранском языке.

Один из них остановил своего зандара и отцепил висевший у седла самострел. Это было серьезное оружие. Руки туземца были слабее рук человека, но стрелы, которые метал самострел, в уменьшенном тяготении летели далеко. Он выстрелил. Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от распущенных темно-рыжих волос девушки. Доставая другую стрелу, туземец выкрикнул приказ. Еще два всадника отцепили свои самострелы.

— Дьяволы Плутона! — крикнул Фолкейн. — Они хотят убить ее!

Все его чувства обострились. Сквозь красную пыль, несмотря на тусклый свет, он отчетливо видел ближайшего туземца, словно стоял с ним лицом к лицу.

Ростом икранканкиец был около ста пятидесяти сантиметров. Телом он напоминал бочкообразного человека с осиной талией и невероятно длинными и тонкими конеч-

ностями. Все тело покрывала коричневая шерсть. Это было теплокровное и всеядное существо. Самки были живородящими, однако они не вырабатывали молока для своих детенышей. На тонкой шее туземца помещалась круглая голова, окруженная кольцом перьев, с блеклыми глазами, ослиными ушами и воробьиным клювом цвета янтаря. Ступни ног были обнажены, так что туземец тремя своими длинными пальцами мог держать стремя. На нем были одеты брюки, оканчивающиеся чем-то вроде гамаш, кожаный нагрудник с металлическими наплечниками, на груди которого был изображен зигзагообразный герб; с широкого пояса свисали кинжал и сабля. Пальцы левой руки с острыми ногтями сжимали самострел, а правая натягивала тетиву.

Фолкейн выхватил бластер и выстрелил вверх. Это был предупредительный выстрел, но вспышка на мгновение ослепила туземца, помешав ему прицелиться. Девушка радостно вскрикнула.

Всадники за ее спиной рассеялись. Все они были одеты и вооружены примерно одинаково. Эмблема фратрии на их груди не была знакома Фолкейну. Их предводитель выкрикнул какую-то команду, и они, вновь собравшись в группу, возобновили атаку. Стрела просвистела рядом с Фолкейном. Другая сломалась о защитные пластины Эдзела.

— Но... но... они решили убить и нас, — пробормотал одинит. — Разве их не предупредили, кто мы такие?

— Вперед! — крикнул Фолкейн.

Он родился и вырос на аристократической планете, все еще нуждавшейся в солдатах. Теперь тренировка, полученная им в юности, пригодилась. Сузив луч бластера для увеличения дальности стрельбы, он свалил одного из зандаров.

Эдзел поскакал вперед. Его массивное тело развивало скорость в сто пятьдесят километров в час. Сильный встречный ветер вынудил Фолкейна прикрыть глаза. Но в его вмешательстве больше не было необходимости: Эдзел уже оказался среди икрананкийцев. Первого всадника вместе с животным он сбил походя. За ним свалились еще двое. Хвостом он опрокинул на землю четвертого. Оставшиеся двое удирали по полю прочь.

Эдзел затормозил и повернул обратно. Противники в панике бежали, пострадавшие, казалось, были не способны двигаться.

— Ох, — сказал Эдзел, — надеюсь, я не причинил им серьезного вреда.

Фолкейн пожал плечами. Раса гигантов может позволить себе быть мягкосердечнее людей.

— Вернемся на корабль, — сказал он.

Девушка на взгляд Фолкейна была, пожалуй, излишне мускулистой. Но что за фигура! Высокая, крепкая, длинноногая, с прямой спиной... Ее одежда оставляла открытой большую часть тела и состояла из сапог, достигавших икр, меховой юбочки, фуфайки, напоминавшей блузку-безрукавку, и короткого голубого плаща. Вооружение ее было таким же, как у туземцев: к седлу был приторочен щит, а на рыжие волосы надет плоский шлем. Кожа у нее была очень белая. Черты лица отличались эллинской строгостью, смягченной большими серыми глазами и слегка широковатым ртом.

— Кто ты? — спросил Фолкейн. — И откуда ты, красавица?

Тяжело дыша, она грациозным движением смахнула со лба пот. Эдзел продолжал двигаться вдоль дороги. Она пришпорила своего зандара. Тот побрел рядом, слишком истощенный, чтобы пугаться своего необыкновенного соседа.

— Вы... вы... на самом деле из-за края мира? — спросила она. Ее английский язык отличался странным акцентом, которого ему никогда не приходилось встречать раньше.

— Да, — Фолкейн указал на корабль.

Она проследила за его взглядом.

— Хороший алгат! — слово было местным и приблизительно означало «магия, волшебство».

Обнаружив незаурядное хладнокровие, она отыскала взглядом своих врагов. Те восстановили порядок, но не стали возобновлять преследования. Один из них на невредимом зандаре поскакал к дальнему склону холма, остальные медленно последовали за ним.

Она дотронулась до руки Фолкейна, как бы желая убедиться в его реальности.

— До нас доходили только слухи, — тихо сказала она. — Мы слышали, что странный земец прибыл в летающей колеснице, и император запретил всем приближаться к нему. Но мы не знали никаких подробностей. Вы на самом деле из-за края мира? Может быть, с Земли?

— Я же сказал «да», — ответил он. — Но о ком ты говоришь? Кто такой земец?

— Человек. Разве ты не знаешь? Нас в Катандаране называют земцами, — она осмотрела его и как бы надела на себя какую-то маску. С медлительностью и осторожностью, причин которых он не понял, она продолжала: — Наши предки прибыли с Земли около четырехсот лет назад.

— Четыреста лет? — нижняя челюсть Фолкейна отвисла. — Но тогда еще не был известен полет в гиперпространстве...

— Очевидно, она имеет в виду икрананкийские годы, — сказал Эдзел, которого было трудно удивить. — Дайте подумать... с периодом обращения в семьдесят два стандартных дня... да, это составляет около семидесяти пяти земных лет.

— Но... я говорю... какого дьявола?

— Они летели в другое место, чтобы стать там... как это называется?.. да, колонистами, — сказала девушка. — Их корабль захватили пираты и высадили здесь... всего пятьсот человек.

Фолкейн попытался привести свои мысли в порядок. Словно издалека до него донеслись слова Эдзела:

— Несомненно, это была эскадра с Пиратских Солнц, залетевшая так далеко от своей базы в поисках хорошей добычи — большого корабля. Их не интересовал выкуп. И с их стороны было довольно милосердно найти обитаемую планету и высадить на ней пленников, вместо того чтобы убить их, — он потрепал девушку по плечу. — Не беспокойтесь, маленькая самка. Галасоциотехническая Лига уже давно доказала обитателям Пиратских Солнц ошибочность их образа жизни.

Фолкейн решил успокоить девушку.

— Да, — вмешался он. — Вот это будет сенсация! Когда об этом узнают на Земле, за вами вышлют корабль.

Она все еще следила за ним с каким-то странно печальным выражением лица.

— Ты на самом деле земец... я хочу сказать, землянин?

— На самом деле я гражданин Великого Герцогства Гермес, а мои товарищи по экипажу — выходцы с других планет. Но мы действуем от имени Земли. Меня зовут Дэвид Фолкейн.

— Я — Стэфа Карлс, лейтенант внутренних войск.... — она замолчала. — Но сейчас дело не в этом.

— Почему эти туземцы гнались за тобой?

Она слегка улыбнулась.

— Я думаю, не все сразу. Нам так много нужно рассказать друг другу, правда? — но тут выдержка оставила ее. Глаза ее распахнулись шире, улыбка засверкала в пятьдесят мегаватт, она захлопала в ладоши и закричала: — О, какое чудо! Человек с Земли — мой спаситель!

«Что ж, — подумал Фолкейн, слегка задетый за живое, — подождем», — он прекратил расспросы и молча любовался внешностью девушки. В конце концов он уже несколько недель не видел ни одного человека.

У корабля они привязали зандара к стабилизатору. Фолкейн подвел Стэфу к трапу, ведущему к люку. Чи Лан, подпрыгивая, встретила их.

— Что за чудная кошечка! — воскликнула девушка.

Чи взорвалась. В некоторых отношениях она была подобна Белджагору.

— Если вы попробуете потрогать или погладить меня, девушка, вряд ли вам тогда удастся сохранить свои пальчики в целости, — она набросилась на товарищей. — Что, во имя девять раз по девять дьяволов, происходит?

— Разве ты не следила за схваткой? — Поинтересовался Фолкейн. Под взглядом Стэфы он решил держаться мужественно. — Думаю, что мы хорошо поработали, разогнав этих бандитов.

— Каких бандитов? — выпалила Чи. — Я отсюда видела, что они направились прямо в город. Если вы спросите меня — если только у вас, безголовых чурбанов, хватит ума спросить меня — я скажу: вы прогнали

целый взвод солдат императора, того самого императора, с которым мы должны были заключить договор.

2

Они двинулись в кают-компанию. Идти в город теперь было опасно: там их могли обстрелять. Пусть придет Гурджанджи и потребует объяснений. Тогда они сами в ответ смогут потребовать, чтобы им кое-что объяснили.

Фолкейн налил себе и Стэфе шотландского. Эдзел взял четырехлитровое ведро кофе. Его буддистская религия не запрещала вина, но ни один корабль, тем более с особым поручением, не смог бы вместить достаточного количества напитков для Эдзела. Чи Лан, на которую алкоголь не действовал, закурила слабую наркотическую сигарету в мундштуке из слоновой кости. Все они нуждались в разрядке.

Девушка, прищурившись — она не привыкла к земному освещению, — поднесла стакан к губам и выпила.

— А-аа-ах! — задохнулась она.

Фолкейн похлопал ее по спине. Ругательства, которые она испускала между кашлем и всхлипываниями, заставили его покраснеть.

— Наверное, за три поколения вы утратили большую часть технологических знаний, — сказал Эдзел. — У пятисот человек, включая детей, не может сохраниться достаточного количества знаний, чтобы поддержать нужный уровень развития, а на корабле колонистов вряд ли имелась библиотека с микрофильмами.

Стэфа посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Я всегда думала, что Великий Грантер — отъявленный лжец, — сказала она. — Но вот теперь я вижу, что он мог в детстве видеть такое существо. Откуда вы?

Эдзел действительно представлял собой внушительное зрелище. Включая хвост, его четырехлапое тело имело добрых четыре метра в длину, руки, грудь и плечи были тоже соответствующих размеров. Сверкающая чешуя покрывала все его тело; спину, бока и живот защищали

костяные пластины. Крокодилья голова сидела на шее, длиной в целый метр, уши были костяные, а глаза закрывались костяными щитками. Но глаза эти были большие, карие и мудрые, а скошенный назад череп вмещал мощный мозг.

— С Затлака, — сказал он. — На моем языке это означает «земля». Люди называют мою планету Один. Ее так называли еще тогда, когда люди давали планетам земные названия. В наши дни планету именуют наиболее подходящим в туземном языке словом, так, например, эту назвали Икрананка.

— Вы хороши в схватке? — спросила Стэфа. Она ухватилась за рукоятку кинжала.

Эдзел заморгал:

— Пожалуйста, не надо. Мы очень миролюбивы. Мы так велики и так хорошо вооружены лишь потому, что Один порождает гигантских зверей. Понимаете, у нас солнце типа «Ф-5», в секторе Регула. Оно излучает столько энергии, что, несмотря на поверхностную гравитацию, в два с половиной раза превосходящую земную, жизнь может создавать там массивные тела и...

— Заткни свой фонтан, ты, болтливый варвар, — оборвала его Чи Лан. — У нас есть более важные дела.

Эдзел едва не утратил свое обычное хладнокровие.

— Друг мой, — прорычал он, — очень невежливо чернить другие расы. Да, мой народ — это простые охотники, и мы никогда не сражались друг с другом. А когда я учился планетологии на Земле, я заработал немало денег, исполняя роль фафнира в Сан-Францисской опере.

— ...а также выступая на карнавалах во время китайского Нового Года, — добавила Чи ядовито.

Фолкейн ударил кулаком по столу.

— Прекратите вы оба! — крикнул он.

— Но откуда на самом деле эта... гм... леди? — спросила Стэфа.

— Со второй планеты Эридана-А, — сказал Фолкейн. — Ее назвали Цинтией, в честь жены капитана корабля.

— Я слышала, что на самом деле она не была его женой, — пробормотала Чи.

Фолкейн снова покраснел и украдкой взглянул на Стэфу. Но та не смутилась, а принимая во внимание ее ругательства...

— К тому времени они достигли александрийского уровня развития технологии, но только на одном из континентов, — сказал он, — а также открыли научный метод познания. Но у них не было городов. Цинтианцы постоянно находились в торговых экспедициях. Поэтому они отлично ужились с Лигой.

Он заметил, что сам начал болтать, и замолчал.

Чи изящной шестипалой ладонью смахнула пепел со своей сигареты. Выпрямившись, она едва достигала девяноста сантиметров. Обычно Чи сидела на своих мускулистых длинных ногах и соответствующих передних конечностях. Голова у нее была непропорционально велика, кругла, с тупой черноносой мордочкой, аккуратными маленькими ушками и кошачьими усами. Если не считать темной маски вокруг огромных, сверкающих золотом глаз, она вся была покрыта белой ангорской шерстью. Ее тонкий голосок стал резким:

— Давайте начнем с выяснения вашего положения, фриледи Карлс. Нет, простите, лейтенант Карлс, не так ли? Я думаю, что ваши предки были высажены именно в этом районе.

— Да, — кивнула Стэфа. Она снова подбирала слова с осторожностью. — Вскоре они столкнулись с туземцами; иногда столкновения оканчивались войной, иногда нет. Люди сильнее и выносливее, чем икрананкийцы. А здесь всегда идут войны. Выгоднее и легче быть солдатом, чем потеть на полях и в шахтах, верно? С тех пор все земцы нанимаются в войска. Те, кто не может воевать, становятся квартирмейстерами.

Фолкейн разглядел шрам на ее руке. «Бедное дитя, — подумал он с жалостью. — Это ошибка. Она должна была бы танцевать и флиртовать на Земле, со мной, например... Девушка — слишком мягкое и слабое создание, чтобы...»

Глаза Стэфы сверкнули.

— Я слышала, как старики рассказывали о войнах за краем мира, — оживленно сказала она. — Мы унаследовали это?

— Что? Гм...

— Я хорошо сражаюсь. Видели бы вы меня в битве при Джанехе. Ха! Они напали на нашу линию. Один зандар наткнулся на мою пику. Я проткнула его, — Стэфа вскочила на ноги, выхватила саблю и взмахнула ею в воздухе. — Одним ударом я снесла голову всаднику. Он упал. Я повернулась и разрубила его соседа пополам — от глотки и до кишок. Другие всадники напали на меня слева. Я ударила одного щитом прямо в клюв. Потом...

— Пожалуйста, прекратите! — простонал Эдзел и закрыл уши руками.

— Мы должны обсудить положение, — торопливо добавил Фолкейн. — Вы враг или друг императора Катандарана?

Стэфа обуздала свой яростный порыв, села и протянула стакан, чтобы его наполнили вновь. Она опять заговорила осторожно:

— Земцы поддерживали первого Джадхади, когда рухнула старая империя. Они помогли ему сесть на Катандаранского Зверя, восстановили империю и расширили ее границы; с тех пор они служат личной гвардией императоров и являются стержнем их войск. Позднее некоторые из них стали завоевателями Рангакоры и Супхадерта, на востоке, в краю Сумерек. Это очень важный стратегический район. Оттуда можно контролировать дорогу, перебираться через горы, а вода, сбегающая с гор, делает эту область богатейшей в Чакоре.

— К дьяволу вашу грязную геополитику! — прервала ее Чи. — Почему вас преследовали солдаты императора?

— Гм... я не уверена... — в наступившем молчании Стэфа отпила из стакана. — Может быть, лучше вы сначала расскажете мне о себе. Возможно, тогда мы поймем, почему третий Джадхади держит вас здесь, а не в Катандаране. Или вы уже знаете это?

Эдзел покачал своей громадной головой.

— Нет, не знаем, — ответил он. — В сущности, мы и не подозревали, что с нами запрещено встречаться. Правда, намеки на это были. Нам казалось странным, почему нас до сих пор не пригласили в столицу и что так мало туземцев приходило взглянуть на нас и на ко-

рабль. Когда мы совершали облет на флиттере, то на некотором расстоянии вокруг заметили укрепления. Затем Гурджанджи заявил, что нам нельзя летать. Он сказал, что это зрелище вызывает панику среди населения. Я не хотел бы обвинять его в обмане, но причина запрета кажется мне слишком надуманной.

— Согласно приказу императора вы ограждены от всех, — сказала Стэфа. — В Хайджакату запрещен доступ всем иногородним, и никто не смеет покинуть этот район. Это вредит торговле, но... — Фолкейн уже собирался спросить, почему же она нарушила запрет, когда она сказала: — Ответьте мне, как вы оказались здесь? Почему вы вообще прилетели на Икрананку?

— Она темнит, — прошипела Чи на принятом в Лиге латинском языке.

— Понял, — ответил Фолкейн. — Но можно ли ее обвинять? Мы, неизвестные пришельцы, появившиеся внезапно, а последним контактом, который ее народ имел с галактической цивилизацией, была встреча с пиратами. Мы должны быть терпимыми и постараться показать ей, что действительно желаем им добра.

Чи взмахнула руками.

— О, Космос! — простонала она. — Будьте вы прокляты с вашими стадными инстинктами!

Фолкейн повернулся к ней спиной.

— Простите нас, — сказал он Стэфе по-английски. — Мы... обсуждали... хм... личные проблемы.

Стэфа улыбнулась, взяла его за руку и наклонилась так, что он ощутил ее дыхание.

— Я понимаю, Дэвид... Прекрасное имя Дэвид. И вы из-за края мира! Расскажите мне что-нибудь о себе..

— Ну, — начал, заикаясь, Фолкейн. — Мы торговые разведчики. Ищем новые рынки, — он надеялся, что его глупая ухмылка выглядит скромно. — Я... гм... сам это предложил...

И, не открывая торговых тайн, он пустился в разъяснения.

3

Николас ван Рийн встал из-за стола и побрел к прозрачной стене своего офиса. С огромной высоты он мог одним взглядом охватить путаницу городских башен, зеленых парков и скверов. Некоторое время он стоял, пыхтя сигаретой, потом, не оборачиваясь, сказал:

— Да, черт побери, кажется, в вашем проекте есть рациональное зерно, которое обещает неплохую прибыль. И вы как раз тот человек, который может осуществить это дело. Я слежу за вами с того момента, когда впервые о вас услышал — в связи с той историей на Айвенго. Вы тогда были, простите за выражение, молокососом. Теперь вы получили звание мастера Лиги и можете неплохо поработать для компании «Солнечные пряности и напитки». А я, бедный, одинокий и толстый старик, нуждаюсь в хороших работниках. Если вы привезете домой прекрасную яичницу с беконом, я прослежу, чтобы вы стали богатым.

— Да, — пробормотал Фолкейн.

— Вы пришли рассказать мне о том, как вы любите открывать новые миры, где имеется возможность приобретать новые туземные товары и продавать наши, пока туземцы еще не узнали о рыночных ценах. Отлично, только я полагаю, что вы способны на большее, мой мальчик. Я об этом думаю долгие-долгие ночи, когда ворочаюсь с боку на бок и не могу заснуть из-за своих беспокойных мыслей.

Фолкейн воздержался от замечания, что всем известно об изящной, светловолосой причине ночной бессоницы торгового принца.

— Что вы хотите этим сказать, сэр? — спросил он.

Ван Рийн потянул себя за эспаньолку и принялся внимательно рассматривать Фолкейна своими маленькими глазками, близко посаженными к огромному крючковатому носу.

— Скажу вам по секрету, — сказал он наконец. — Вы не выдадите мою тайну, а? У меня так мало друзей. Если вы разобьете мое старое слабое сердце, я лично сломаю вам шею. Понятно? Хорошо, хорошо. Мне нравятся парни, которые все сразу понимают. Когда Лига отыскивает новую планету, то все устремляются туда и начинают грызть друг другу глотки. Вы считаете, что сможете участвовать в этом соревновании. Увы, вы слишком молоды, слишком чувствительны. Но у вас есть одно преимущество. Пока вы только безвестный космический капитан, по вашим следам не идут шпионы. Поэтому... вы отправитесь открывать планеты для «Солнечных напитков и пряностей»! — он подошел и ткнул своим большим пальцем Фолкейна в ребра. Молодой человек вздрогнул. — Как вам это нравится, а?

— Но... но... ведь это...

Ван Рийн извлек из холодильника двухлитровую банку пива, наполнил стаканы и объяснил:

— Галактика, даже тот крошечный участок ее спирального рукава, который мы эксплуатируем, невероятно огромна. В поисках планет для возможной колонизации космические исследователи пропустили буквально миллионы планет, показавшихся им неинтересными. Многие из них даже не занесены в каталоги. Если возникнут особые обстоятельства, они останутся неизвестными еще в течение тысячелетий. Но, согласно законам статистики, мы можем предсказать, что тысячи из этих планет потенциально ценны для нас как рынки сбыта и как источники новых экзотических товаров. Вместо того чтобы эксплуатировать уже открытые планеты, почему бы не поискать новых... и потом сохранять свои открытия в тайне так долго, как это будет возможно?

Будет избран сектор, в котором пока слабы межзвездные сообщения: например, сектор Спики. Где-нибудь там оборудуем базу. Оттуда в сотнях направлений мы пошлем маленькие автоматические разведчики. Найдя планету, они со стандартной орбиты произведут наблюдения поверхности и, если найдут что-либо обнадеживающее, сообщат на базу. Туда отправятся экипажи торговцев-разведчиков для того, чтобы ознакомиться с обстановкой на месте. Они

соберут необходимую информацию, приземлившись на планету, заключат торговый договор и известят об этом ван Рийна.

— Трех членов экипажа, я думаю, будет достаточно, — сказал он в заключение. — Чем меньше экипаж, тем больше комиссионных. Вы, мастер Лиги, умеющий сопоставлять культуры и находить нужное решения. Планетолог и космобиолог. Они должны быть не гуманоидами. Различные способности — это ценно, к тому же в подобных экипажах меньше причин для взаимных обид и стычек. Я понимаю — лучше лететь в одиночестве, с хорошенькой девушкой, но когда вы вернетесь... ха, ха! — вы все наверстаете. И, может, даже раньше. Я приглашу вас на мою следующую маленькую оргию, мой мальчик, если вы возьметесь за эту работу.

4

Итак, вы установили, что здесь есть цивилизация, использующая металл, — кивнула Стэфа. — Конечно, не вы, а ваши роботы — ох, я никогда не верила Великому Грантеру, когда он толковал о роботах! — так вот, ваши роботы не видели нас, немногих земцев. Но почему они решили, что этой планетой стоит заняться?

— Любая землеподобная планета представляет значительный интерес, — сказал Фолкейн.

— Что? Эта планета подобна Земле? Великий Грантер...

— Любая планета, где человек может жить без специального снаряжения, называется землеподобной. Они не во всем одинаковы. Физические условия, биохимия, экология... Икрананка на самом деле имеет множество отличий от Земли. Масса — 0,394 земной, удельный вес — 0,815, диаметр — 0,783. Хотя ее солнце слабее, орбита планеты находится ближе к нему. Разумеется, приливное действие привело к тому, что одно полушарие Икрананки постоянно обращено к солнцу. Но медленное вращение вокруг своей оси свидетельствует, в свою очередь, о слабом магнитном поле, отсюда и сравнительно

слабое взаимодействие с заряженными частицами, которых звезда типа красного карлика вообще производит немного. Поэтому планета сохраняет относительно плотную атмосферу. К сожалению большая часть воды в таком случае переходит на холодную сторону планеты, превращая теплую сторону в пустыню. Но этот процесс требует времени, в течение которого успевает развиться и адаптироваться жизнь, основанная на протеинах, растворенных в воде.

— Но что вас здесь может заинтересовать?

— Многое. Роботы доставили изображение и образцы. В крайнем случае два новых напитка, несколько антибиотиков и потенциальные пряности, несколько видов дорогих мехов, и это далеко не все... Добавьте хорошо развитую цивилизацию, способную собирать для нас эти товары в обмен на вещи, которые она вполне может оценить.

Чи облизнула губы.

— А какие комиссионные! — разумеется по латыни.

Стэфа вздохнула.

— Я хотела бы, чтобы вы говорили по-английски. Но я верю вам. Почему вы приземлились в Хайджакате? Вы должны были знать, что самый большой город — Катандаран.

— Очень непросто быть пришельцем из Космоса, и поэтому не стоит с самого начала лезть в толпу, — ответил Фолкейн. — Мы решили предварительно изучить в этом глухом месте местный язык, обычаи и обстановку. Это дело с применением современных мнемонических технических новинок не требует длительного времени. А император, услышав о нас, прислал в качестве специального инструктора Гурджанджи. Недавно мы хотели отправиться в столицу, но, узнав об этом, наш учитель указал на множество причин, не позволяющих это сделать. И так продолжается уже три или четыре недели.

— Сомневаюсь, что нам что-либо удастся узнать, — пробормотала Чи.

— А что такое неделя? — спросила Стэфа.

— Забудьте об этом, — сказала Чи. — Послушайте, женщина, вы вовлекли нас в неприятности, которые могут нам стоить рынка.

— Что за глупости! — нетерпеливо воскликнула девушка. — Завоюйте их!

— Крайне аморальное занятие, — нахмурился Эдзел. — К тому же это не соответствует нашей политике — это экономически невыгодно.

— В конце концов мы дойдем до сути или нет, болтуны? — разозлилась Чи. — Почему солдаты преследовали вас, фриледи?

Зазвенел тревожный звонок. Компьютер через громкоговоритель сообщил:

— Со стороны города приближается отряд.

5

Фолкейн решил, что лучше быть вежливым и встретить императорского посланника-инструктора у люка. Он выразительно передвинул бластер вперед, поближе к руке.

Ожидая, он рассматривал стены на вершине холма. Они были сложены из камня без применения раствора: вода здесь была слишком дорогой, чтобы использовать ее при кладке. Зубчатая стена с башнями по углам окружала несколько десятков деревянных зданий. Хайджаката была, главным образом, торговым центром для местных фермеров и проходящих мимо караванов. Здесь находился сравнительно небольшой гарнизон. Как объяснил Гурджанджи, северные плоскогорья давно были очищены от варваров, населявших пустыню, поэтому Фолкейн предположил, что войска содержатся преимущественно на случай восстания. То, что он узнал об икрананкийской истории, сильно его встревожило.

«Это добавочное затруднение для нас, — думал он беспокойно. — Старый Ник не станет вкладывать деньги в это предприятие, пока здесь не возникнет относительно устойчивая структура, способная сохранять и поддерживать условия торговли. А Катандаранская империя кажется единственной, подходящей для этой роли на всей планете. Не будет торгового поста на Икрананке, не бу-

дет комиссионных для меня. Что за веселая беззаботная жизнь у нас, разведчиков!»

Его взгляд скользнул по приближающемуся отряду. В нем было несколько дюжин солдат в кожаных нагрудниках, вооруженных до зубов, которых у них, правда, не было, мечами, топорами, ножами, большими неуклюжими самострелами и алебардами. На одежде каждого было причудливое изображение фратрии Тирут: к ней относились все воины местного гарнизона. Во главе отряда гордо гарцевал Гурджанджи. Он был худ и сравнительно высок для икрананкийца, его сине-черная шерсть уже поседела, пара очков в золотой оправе забавно громоздилась на его клюве. Алый плащ спадал к его ногам, украшенный крестом — знаком императорской фратрии Деодакх. С его увешанного кисточками пояса свисал длинный кинжал. Фолкейн до сих пор еще не видел ни одного взрослого туземца без оружия.

Человек скрестил руки и склонил одно колено — таково было местное приветствие.

— Благороднейшему Гурджанджи и его родственникам — привет! — нараспев произнес он ритуальное приветствие. Он так и не научился правильно произносить гортанные булькающие звуки местного языка. Его речевой аппарат не был приспособлен к ним. К тому же в этом языке грамматика соответствовала фонетике. Но сейчас он говорил сравнительно гладко.

Гурджанджи не воспользовался формулой «Мир между нашими родами», он лишь сказал ему: «Поговорим», означавшее, что есть серьезный повод для разговора, и что он надеется, однако, обойтись без кровопролития. После чего он жестом отогнал злых духов, чего никогда не делал раньше.

— Прошу оказать честь моему дому, — пригласил его Фолкейн, так как в местном языке не было слова «корабль», а слово «повозка» казалось ему не совсем подходящим.

Гурджанджи оставил сопровождающих у входа и неуклюже взобрался по трапу.

— Я хотел бы, чтобы в помещении было более подходящее освещение, — попросил он. Туземцы не восп-

ринимали волн света короче желтых, зато диапазон их зрения включал и инфракрасные лучи. Поэтому освещение в корабле было слишком тусклым для Гурджанджи: его глаза с горизонтально расположенными зрачками не способны были адаптироваться в темноте, что, впрочем, и не требовалось на полушарии, постоянно обращенном к солнцу.

Фолкейн провел его в кают-компанию. Всю дорогу Гурджанджи ворчал, что здесь слишком жарко и плохо пахнет, что воздух сырой, и не может ли Фолкейн дышать в сторону. Икрананкийцы не выдыхали водяных паров. Продукты метаболического распада поступали у них обратно в кровеносную систему.

На пороге кают-компании он остановился, напрягся и поправил очки.

— Значит, вы на самом деле дали ей убежище! — прохрипел он.

Стэфа схватилась за саблю.

— Нет, нет, нет, — сказал Эдзел, кладя на ее руку свои невероятно сильные пальцы. — Разве хорошо так поступать?

— Садитесь, благороднейший, — сказал Фолкейн. — Хотите выпить?

Гурджанджи принял предложение выпить шотландское виски с явным оживлением. В этом отношении икрананкийцы были похожи на людей.

— Я считал, что вы пришли, как друзья, — сказал он. — Надеюсь, этому происшествию будет дано удовлетворительное разъяснение.

— Конечно, — сказал Фолкейн с напускной сердитостью. — Мы увидели, как женщину моей расы преследуют неизвестные, похожие на разбойников. Естественно, мы посчитали, что она с моей планеты.

Чи выпустила кольцо дыма и добавила шелковым голосом:

— Тем более что вы, благороднейший, при нас никогда не упоминали, что на этой планете существуют поселения людей.

— Ак-крр, — прокашлялся Гурджанджи. — Мне нужно было так много объяснить вам...

— Но вы, несомненно, понимали, что это нас заинтересовало бы, — настаивала Чи.

— Для вашей собственной пользы...

— Благороднейший, мы огорчены и обижены.

— Это всего лишь особая фратрия солдат.

— Очень важная для империи, с которой мы хотели бы торговать, основываясь на взаимном доверии.

— Она нарушила приказ императора...

— Какой приказ? Мы что, изолированы?.. О, благороднейший, это второе прискорбное открытие. Мы начинаем сомневаться, можно ли вам вообще доверять. Быть может, наше присутствие здесь нежелательно? Вы знаете, мы можем и улететь. Мы вообще никому не хотим навязываться и, в частности, мы не хотим навязывать наши товары.

— Нет, нет, нет! — Гурджанджи уже испытал некоторые образцы товаров, включая синтетические ткани и огнестрельное оружие. Каждый раз, думая об оружии, он тяжело дышал. — Это просто...

— Если быть откровенным, — сказала Чи, — наше отсутствие не будет долгим. Мы расскажем дома об этих земцах, и наши люди позаботятся об их отправке на планету с более подходящим климатом. Нашим владыкам на Земле не понравится, что Катандаран хранил в тайне информацию об этих бедных земцах. Может быть, с ними плохо обращаются? Боюсь, что на Земле все это произведет плохое впечатление.

Фолкейн был слишком сосредоточен на том, чтобы удержаться от смеха, и не успел насладиться зрелищем капитуляции Гурджанджи. Сам он не думал всерьез о возвращении земцев. Это бы слишком увеличило стоимость экспедиции до Андромеды-А. Так что открытие придется хранить в тайне.

Может быть... Нет. Он взглянул на Стэфу, сидевшую, гордо выпрямившись, у края стола. Свет играл в ее серых глазах и волосах, подчеркивая округлости ее тела. Он не собирался предавать ее своим молчанием. Это было бы бесполезно. Как только торговцы начнут прибывать сюда, они узнают обо всем, и какой-нибудь разговорчивый купец обязательно проболтается.

Гурджанджи дрожащей рукой поправил очки, извлек какой-то листок и уставился в него.

— Я должен известить императора, — сказал он. — Действительно должен. Но... в сложившихся условиях... возможно, мы придем к взаимопониманию.

— Надеюсь на это, — сказал Эдзел.

— Дело в том, — объяснил Гурджанджи, — что незадолго до вашего прибытия... ак-крр... возникла неприятная ситуация. Император завоевал Сугхарату. (В этом языке не было лицемерных слов типа «умиротворение».) Ключ ко всему району — город Рангакора. Он сильно укреплен, его трудно захватить поэтому император привлек свое первоклассное войско земцев для помощи при штурме под общим командованием... б... б...

— Роберта Торна, — коротко сказала Стэфа, выделяя губные согласные.

— Они действовали успешно...

— Вам следует поблагодарить их, — сказала Чи.

Гурджанджи выглядел смущенным и явно нуждался в дополнительной выпивке.

— Они действовали успешно, — заставил он себя продолжать. — Но потом — х-фф... Роберт Торн решил, что Рангакора может быть центром его собственного королевства. Он и его люди... хм... они оттеснили наши войска и заняли город. С тех пор они там и находятся. Мы... хм... до сих пор не сумели их... хм... удалить. В то же время земцы, оставшиеся в столице, начали волноваться. И тут появились вы, принадлежащие к той же расе, а может, и к той же фратрии. Можно ли удивляться, что император действовал... хм... если можно так сказать... с осторожностью?

— Так вот оно что! — изумился Фолкейн.

Некоторое время все сидели в молчании, только слышался шум воздуха, гонимого вентиляторами, нетерпеливое постукивание о стол мундштука Чи и астматическое дыхание Гурджанджи. Стэфа хмурилась, глядя вниз и обхватив рукой подбородок. Наконец она приняла решение, выпрямилась и сказала:

— Да, правда, это обидело земцев в Катандаране. Они поняли, что находятся под подозрением. Если подозрения

императора станут слишком велики, он захочет нас уничтожить. Не думаю, чтобы это было мудро с его стороны — кто может рассчитывать выйти живым из такой схватки? Но мы не хотим разрывать империю на части. В то же время мы не должны забывать о себе. Итак, до нас дошли слухи о пришельцах. Вы теперь знаете, что доступ сюда был закрыт. Но хайджакатцы успели разнести эту новость до того, как был наложен запрет. Да и сейчас еще крестьяне время от времени проскальзывают между постами. Мы в Железном Доме решили узнать, что означают эти слухи. Иначе мы уподобились бы слепым на горной тропе. Я решила добраться до этого места. Это была моя собственная идея, клянусь вам. Никто не знал об этом. Но патруль меня обнаружил.

На этот раз Гурджанджи не ухватился за возможность произнести очередную речь о верности и подчинении приказам. Или в этом не было смысла? Много раз на протяжении последних недель Фолкейн наблюдал, что икрананкийцы испытывают верность лишь по отношению к своим фратриям, а все остальное является для них лишь вопросом выгоды.

— Стоп! — он вскочил на ноги. Гурджанджи схватился было за меч, но Фолкейн принялся бегать взад и вперед по кают-компании и наконец произнес:

— Все это может обернуться неплохой перспективой для нас. Мы торговцы, и ваш император напрасно нас подозревает. Это в наших интересах — иметь дело с единым государством. Оружие корабля способно разрушить любую стену. Мы возьмем город Рангакору штурмом для императора.

— Нет! — воскликнула Стэфа. Она вскочила на ноги, в руке ее сверкнула сабля. — Вы грязный, мерзкий...

Фолкейн помолчал, ожидая пока она затихнет в объятиях Эдзела, потом спросил:

— Но что я такого сказал? Разве вы не на стороне императора?

— Я не позволю вам убивать земцев, — ответила она сквозь зубы, — я... — и она пустилась в долгое, насыщенное анатомическими подробностями описание того, что она сделает с Дэвидом Фолкейном.

— О, вы не поняли, — попытался он возразить. — Я никого не собираюсь убивать. Всего лишь обрушить две-три стены и напугать гарнизон.

— Тогда об этом позаботятся солдаты императора Джадхади, — мрачно сказала она.

— Хм... Мы защитим их. Заключим соглашение.

— Послушайте, — вмешался Гурджанджи, — только император имеет право...

Фолкейн сказал ему, куда император может засунуть свои права, правда, сказал это по-латыни. На катандаранском же он произнес:

— Амнистия земцам явится нашим главным условием помощи. С гарантией и охранными свидетельствами. Не думаю, что это слишком высокая плата. Но решать это должен император. Мы полетим к нему и обсудим это дело.

— Нет, подождите! — резко воскликнул Гурджанджи. — Вы не можете...

— А как вы собираетесь нас задержать, вы, засоня? — насмешливо спросила Чи.

Гурджанджи пустился в спор. Император будет недоволен нарушением его приказа. В Катандаране нет подходящего места для посадки корабля. Население неспокойно, и прилет корабля может вызвать волнение. И так далее, и тому подобное.

— Лучше пойдем на компромисс, — прошептал Эдзел. — Высокомерие порождает сопротивление.

После долгих колебаний Гурджанджи согласился, что в сложившейся ситуации может допустить полет, но не на корабле, а на флиттере. Он сравнительно невелик и способен незаметно приземлиться в императорском саду. А посылка вестника в Катандаран действительно займет очень много времени.

— К тому же оставшийся здесь корабль, — заметила Чи, — сможет вмешаться, если у вас будут неприятности.

— У нас будут неприятности? — спросил Эдзел.

— Не думаете ли вы, что я соглашусь жить в этой пыльной атмосфере? К тому же я ничем не смогу вам там помочь. Я здесь буду спокойно изучать записи и слушать музыку, пока вы будете там обделывать дела.

— Если ты собираешься слушать то, что называется цинтианской музыкой, я, несомненно, полечу.

— Мы отвезем вас домой, — предложил Фолкейн Стэфе.

Она было вскочила, но потом села с застывшим лицом.

— Вы чем-то обеспокоены? — спросил он.

— Н... н... нет, — ответила она по-английски. (Гурджанджи не знал этого языка). — Мои товарищи по казарме скроют мое отсутствие, даже если не поймут его причин. Это нетрудно сделать: икрананкийцы настолько глупы, что не могут отличить одного земца от другого. Но мы должны... я хочу сказать, что я не должна была покидать город. Я не могу появиться открыто и если прилечу с вами, меня заметят, — она подумала немного. — Вы приземлитесь быстро, прямо перед входом в Железный Дом, и я вбегу в него. Если вас спросят о причинах посадки, вы ответите, что ошиблись местом.

— Почему вы не хотите, чтобы вас заметили?

— Для меня это нежелательно, — она схватила Фолкейна за руку и придвинулась ближе.

— Пожалуйста, Дэвид. Вы были для меня таким хорошим другом. Но...

Она прослезилась.

— Я надеялась, что мы подружимся еще больше.

— Ну ладно, черт возьми!

Подготовка к полету закончилась быстро. Фолкейн надел теплую куртку, брюки, белый плащ и украшенную драгоценными камнями шляпу, которую он лихо надвинул на брови. По бокам свисали два пистолета: бластер и топнер — парализующее оружие. В нагрудный карман он сунул приемопередатчик — ионосфера планеты позволяла осуществлять связь между кораблем и Катандараном. Он захватил с собой чемодан с запасным оборудованием, одеждой и подарками для императора. Эдзел взял лишь коммуникатор, нацепив его на шею.

— Мы будем регулярно вызывать тебя, Чи, — сказал Фолкейн. — Если в течение восьми часов с этого момента от нас не будет известий, выводи гравитележку и лети к нам на помощь.

— Не понимаю, чего вы суетитесь, — пробормотала Чи. — Эта проклятая женщина уже испортила все дело.

— Секретный агент? Нет, не думаю. Но даже если узнают конкуренты, Старый Ник успеет достаточно выкачать из этой планеты и из этой империи. К тому же мы не можем допустить кровопролития.

— Почему бы и нет? — она фыркнула. — Ну, ладно. Я продолжу беседы с Гурджанджи. Чем больше информации мы получим, тем лучше.

Императорский посланник уже удалился в город со своим эскортом. Парапеты Хайджакаты были покрыты толпами туземцев, собравшихся посмотреть на отлет.

— Ох! — Стэфа схватила Фолкейна за руку, когда флиттер взлетел. Он не удержался от соблазна проделать несколько фигур высшего пилотажа и направился прямо на северо-запад, в Катандаран. С орбиты были сделаны отличные карты, а Гурджанджи описал все заметные ориентиры, которые должны им встретиться в пути.

Под ними километр за километром проносилась Чакора. Они летели над бесконечными красно-зелеными полями, зарослями низкого кустарника, иногда попадался караван грузовых четырехногих каракутов под охраной воинов на зандарах.

— Это шекхеджи, — заметила Стэфа. — Их фратрия занимается перевозкой товаров в этих местах.

Эдзел, массивное тело которого лежало между Фолкейном и Стэфой (чему Фолкейн был совсем не рад), спросил:

— Разве торговля — семейное занятие?

— Да, — ответила Стэфа. — Тот, кто рождается во фратрии Шекхеджи, становится караванщиком. Все деодакхи до того, как захватили Катандаран, были охотниками, теперь они чиновники. Тируты и другие, — например, мы, земцы, — солдаты. Рахиниждиане — писцы. И так далее.

— Но допустим, кто-нибудь не способен заниматься семейным делом.

— О, в каждой фратрии есть множество других занятий. Главное занятие, конечно, наиболее почетно. Но кто-то должен смотреть за домом, вести счета, заботиться

о фермах, если фратрия владеет ими, и так далее. Вы бы не стали передавать это чужакам, верно? К тому же молодежь, еще не посвященная в секреты фратрии, может покинуть ее и примкнуть к другой, если эта другая фратрия их примет. Эта одна из причин того, что земцы так обособлены. Мы не можем вступать в брак с икранканкийцами, — Стэфа хихикнула и сделала неприличный жест, — так что мы вынуждены оставаться со своими. С другой стороны, по той же причине мы вполне можем доверять своей молодежи. Ей некуда идти. Поэтому мы рано приобщаем ее к делам взрослых.

— Вероятно, существуют очень древние фратрии?

— Да. Королевства приходят и уходят, ни одно из них не продержалось дольше нескольких поколений, а кровное родство держится веками.

Слова Стэфы укрепили Фолкейна в его выводах. Туземцы обнаружили прочно укоренившуюся приверженность к своему клану, и это беспокоило Фолкейна. Если эта привязанность стала инстинктивной, то в таком мире трудно будет вести торговые операции. Но если ее можно разрушить, если икранканкийцы способны испытывать верность к чему-то большему, чем к семейству...

На горизонте показался Катандаран. Город более чем на двести километров отстоял от Хайджакаты, которая в свою очередь находилась на полпути к Рангакоре. Империя простиралась по плодородной Чакоре далеко на восток и юг.

На северо-западе извивалась река Джанджак — серебряная нить, окруженная поясом растительности, которая светилась на фоне темных восточных холмов и коричнево-красных западных пастбищ. Там, где река огибала бывший континентальный шельф и вливалась в широкое заболоченное озеро Урши, был построен Катандаран. Этот город с населением в полмиллиона производил внушительное впечатление. Здесь сменили друг друга множество цивилизаций так же, как в Риме, Константинополе, Пекине и Мехико: каждая из них добавляла свою долю стен, башен и зданий, и теперь крепостная стена окружала путаницу разнообразных строений, сооруженных преимущественно из камня. Древними были эти камни, древними были улицы,

извивающиеся между мрачными серыми прямоугольными фасадами. В дальнем конце города, на возвышенности, группировались строения, не иссеченные в течение тысячелетий песком пустынь, — создания новых правителей: мраморные, с куполами, крытые медью и украшенные абстрактной мозаикой. И этот район, подобно районам, сооруженным прежними властителями, имел свою собственную стену, защищавшую господ от народа.

На экране увеличивающего сканнера Стэфа показывала достопримечательности города, хотя флитер пока находился на таком удалении, что из столицы еще не был заметен. Фолкейн начал снижение. Засвистел ветер. В самый последний момент Фолкейн включил антигравитатор, и флиттер мгновенно замер над самой землей.

— До встречи, Дэвид,.. мы с тобой обязательно встретимся, — Стэфа прижалась к нему губами. Кровь ударила ему в лицо. Он вдохнул странно волнующий запах ее волос. Затем она выскочила в люк.

Земцы размещались в одном огромном здании поблизости от дворца. Оно выходило на вымощенную площадь так же, как и дома богатых горожан. Как и прочие здания, оно имело внутренний двор с единственным выходом наружу. Но какие-то воспоминания о Земле виднелись в заостренной железной крыше, остроконечных коньках, украшенных головами чудовищ, даже в железной двери. Несколько икрананкийцев глуповато уставились на флиттер. Точно так же поступили часовые у входа в казарму — огромного роста бородатые люди в кольчугах из цепей, позолоченных шлемах с плюмажами и плащах, развеваемых ветром. Но вот они схватились за оружие и закричали.

Стэфа подбежала к ним. Фолкейн взлетел. Он успел увидеть, как Стэфа скрылась в здании.

— Летим к императору, — сказал он. — Надеюсь, что там сначала спрашивают, а потом стреляют.

6

Снаружи у помещения для гостей зазвенел колокол.

— Войдите, — сказал Фолкейн.

Слуга в облегающей ливрее отодвинул толстый занавес, заменявший входную дверь в этой бедной деревом стране. Он поклонился и объявил, что император желает видеть посланцев Галасоциотехнической Лиги. Слуга был вежлив, но лишен раболепия, он не использовал никаких особых титулов, называя правителя, как например, «его сиятельство». Система наследственных занятий не способствовала выработке кастовой иерархии: поддерживаемый своей фратрией, привратник был так же горд и независим, как солдат или писец.

— Мой товарищ отсутствует, — сказал Фолкейн, — но я могу представительствовать один.

«Как действовать? — думал он про себя. — Мы уже неделю как заглушили моторы флиттера. Может, один из этих курьеров, что снуют взад и вперед, несет приказ сжечь нас живьем? Но надо идти. Я буду действовать, буду действовать, буду действовать».

Фолкейн отправился переодеться по случаю приема у императора. Комнаты, предоставленные ему, были достаточно просторны, если не считать низких потолков, и на туземный манер были даже роскошны. К сожалению, он не разделял мнения туземцев. Ему понравились украшающие стены великолепные меха, особенно когда он подсчитал, сколько они могли стоить на Земле. Но фрески не произвели на него впечатления, это была работа не ахти какого художника, к тому же сказывались особенности восприятия: половина цветов казалась ему сплошной чернотой. Голый пол был постоянно холоден. И Фолкейн никак не мог удобно устроиться на диване или в кровати, предназначенных для икрананкийцев.

С балкона на третьем этаже можно было разглядеть дворцовый парк. Он был похож на старый японский сад: скалы, низкие, слабые, угнетенные растения, необыкно-

венные фонтаны — они журчали внутри стеклянных колонн, чтобы избежать испарения. Из-за окружающей парк стены были видны лишь крыши ближайших зданий. На западе сквозь пыльную завесу утомленно светило оранжево-малиновое солнце. «Еще одна буря, — подумал Фолкейн. — Новая беда для скотоводов».

Неделя в императорском дворце могла бы оказаться интереснее, если бы империя была человеческой и декадентской. Катандаран не был ни тем, ни другим. В отчаянии Фолкейн пытался совершенствоваться в туземном языке, читая то, что было об'явлено здесь величайшим эпосом в мире. В нем, пожалуй, больше повторов и многословия, чем в Библии. Фолкейн включил передатчик.

— Алло, Эдзел, — сказал он по-латыни. — Как дела?

— Мы находимся у входа в нечто, похожее на таверну, — послышался голос одинита. — Как свидетельствует надпись, это Дворец утонченных наслаждений и крепкой выпивки.

— О, Боже, а я остался дома! Послушай, меня вызывает Большое Красное Колесо. Вероятно, для новых вопросов и отсрочек решения, хотя это никогда нельзя знать заранее. Поэтому держи радио включенным, но молчи, ясно? Насколько я могу судить, икрананкийцы не подозревают об этом средстве связи. Для нас это будет козырь про запас.

Если только им не рассказали земцы... Но нет, это кажется маловероятным. Будучи высаженными лишь с немногими пожитками и инструментами, столкнувшись с необычной культурой, их предки быстро забыли прежние искусства и навыки. Зачем делать пистолеты или еще что-нибудь, если вы и так вдвое сильнее туземцев? За исключением нескольких бытовых мелочей, люди не внесли в свою жизнь ничего нового, а их знания постепенно забылись.

— Хорошо, — сказал Эдзел. — Я постараюсь уверить капитана Падрика, что это безвредная магия. Мне все равно придется как-то успокоить его. Удачи!

Фолкейн вернулся в гостиную и последовал за слугой вниз по длинным коридорам и извивающимся аппарелям. Туземцы сегодня были активны — отовсюду слышались

топот ног, голоса, шелест одежды и бумаг. Вокруг сновали икранканкийцы: чиновники, торговцы, лакеи в ливреях, крестьяне в юбочках, скотоводы в шляпах и сапогах, посетители, прибывшие издалека, среди них был и купец из далеких теплых подсолнечных стран в сверкающем драгоценностями плаще — гул жизни и деятельности наполнял императорский дворец. Кухонные запахи напомнили Фолкейну, что он голоден. Он должен был признать, что местная кухня оказалась восхитительной и должна понравиться ван Рийну. Если...

У входа в тронный зал стояли на страже четыре земца, одетые и вооруженные так же, как и часовые у входа в Железный Дом. Они не делали на караул. Здесь не было такого ритуала, а люди слишком презирали туземцев, чтобы вводить его. Они и их сверкающее оружие точно окаменели. За ними Фолкейн разглядел дюжину тирутских лучников. Он подозревал, что их добавили в связи с событиями в Рангакоре. Трудно было винить Джадхади в том, что он больше не доверял в прежней мере своим гвардейцам.

И все же в его чрезмерной осторожности и недоверчивости было нечто, свойственное параноикам. Вместо того чтобы с радостью принять предложение Фолкейна о возвращении захваченного города, он целую неделю только задавал бессмысленные вопросы. Поскольку он ничего не терял, приняв предложение Фолкейна, и при этом никак не объяснял причины своего поведения, его поступки могли быть обусловлены не только крайней ксенофобией. Но в чем была причина ее и как следовало поступать в дальнейшем Фолкейну?

Проводник Фолкейна отбросил занавес, и Дэвид прошел в зал.

Джадхади ждал его, восседая на Звере, — химере из позолоченной бронзы. Фолкейн остановился, как требовалось, не доходя семи шагов. Он подозревал, что такую дистанцию установили, чтобы дать возможность земцам, находящимся в тронном зале, вмешаться, если посетитель попытается сделать смертельный выпад. Фолкейн с достоинством поклонился.

— Где твой товарищ? — резко спросил император.

Он был средних лет, шерсть его сохранила красно-черный цвет, а начинающий выпирать животик был скрыт под алой мантией. Одной рукой он сжимал украшенный драгоценными камнями скипетр, который, в сущности, являлся потерявшим свое первоначальное назначение копьем.

— Гвардейский офицер предложил нам совершить прогулку по вашему городу, благороднейший, — объяснил Фолкейн. — Не желая, чтобы мы отсутствовали оба...

— Какой офицер? — Джадхади наклонился вперед.

Ближайший земец — женщина, которая могла бы сойти за валькирию, если бы не была так изуродована шрамами, седовласа и грязна, словно старая растрескавшаяся лохань, положила руку на меч. Все находившиеся в помещении: писцы, советники, колдуны, младшие сыновья, изучающие науку управления, — все придвинулись ближе. Их глаза сверкали в полумраке.

— Его зовут Хаф Падрик, благороднейший.

— Ах... крр... Они скоро вернутся?

— Не знаю, благороднейший. Разве есть что-то спешное?

— Нет. Наверное, нет. Но мне это не нравится, — Джадхади повернулся к туземному гвардейскому офицеру. — Пусть их разыщут и вернут. Писцу — издать приказ о том, что земцам запрещены контакты с представителями Галасоциотехнической Лиги.

— Благороднейший! — другой земец, не стоящий на страже в тронном зале (в этом зале на всем его протяжении между полированными колоннами из ярко-зеленого камня было много свободных от дежурства земцев и отнакаджи), выступил на середину. Это был бородатый старик с совершенно белыми волосами, спускавшимися до плеч. Держался он очень прямо. Фолкейн встречал его и на предыдущих аудиенциях: его звали Гарри Смит, он был главой фратрии и ее представителем при императоре.

— Я протестую!

В зале стало очень тихо. Тени от свечей, вставленных в серебряные канделябры, колебались, и их огни отражались в полированном мраморе, блестящих мехах и богатых туземных тканях. Из курильниц тянулся дымок

ладана. Арфисты в дальнем конце зала прекратили брать аккорды, стоявшие перед Фолкейном роскошно украшенные часы, казалось, затикали громче.

Джадхади окаменел в своем кресле. Драгоценные глаза Зверя сверкали так же злобно, как и его собственные.

— Что ты сказал? — выдохнул император.

Смит, стоя перед ним по-солдатски прямо, ответил:

— Благороднейший, мы, земцы из твоей гвардии, как и все, негодуем по поводу неповиновения Роберта Торна. Он больше не является одним из нас, мы не желаем видеть в наших рядах ни его, ни его последователей. (При этих словах женщина из караула бросила на него свирепый взгляд.) Позволь нам только двинуться на Рангакору, и мы докажем тебе, что фратрия земцев всегда остается рядом с фратрией деодакхов точно так же, как это было в годы первого Джадхади. Но ты не веришь нам. Ты держишь нас без дела, ты шпионишь за каждым нашим шагом, ты позволяешь другим фратриям выполнять при дворе обязанности, которые с момента сооружения дворца исполняли только мы. Мы переносим это терпеливо, понимая, что тебе неведомо, насколько в нас силен голос крови. Тем не менее мы недовольны. Люди в Железном Дворце ворчат. Если ты открыто оскорбишь нас, я не отвечаю за последствия.

На мгновение их взгляды скрестились. А затем Джадхади взглянул на своего главного мага.

— Что скажешь ты, Нагаджир? — сердито спросил он.

Выступивший вперед икранаикиец в одежде со знаками своей магической власти не стал говорить об очевидном, — о том, что в этой комнате находится не меньше пятидесяти вооруженных земцев, которые немедленно отомстят за грубое обращение с их вождем. Наоборот, он хитро прохрипел:

— Это дело не стоит твоего внимания, о благороднейший. С твоими выдающимися гостями встречались всего лишь несколько гвардейцев. Какая разница, что они думают об этом посещении?

— Я говорю в твоих собственных интересах, — коротко добавил Гарри Смит.

Фолкейн решил, что пришло его время.

— Если будут продолжаться оттяжки, то положение станет слишком серьезным, не так ли? — спросил он. — Прими мое предложение, и мы возьмем Рангакору; откажешь — и мы отправимся домой. Каково будет твое решение?

— Кр-ррак! — император уступил. — Отменяю свой приказ, — сказал он Фолкейну. — Я не могу принимать решение с закрытыми глазами. Мы очень мало о вас знаем. Даже с самыми добрыми намерениями вы можете навлечь на нас злых духов. Из-за этого я и вызвал тебя сегодня. Объясни свои обряды Нагаджиру, чтобы он смог оценить их.

«Ох, нет!» — простонал про себя Фолкейн.

Тем не менее он нашел беседу интересной. Он давно уже удивлялся абсолютному отсутствию религии у туземцев, но не решался распрашивать об этом Гурджанджи. Он не смел расспрашивать о деталях и Нагаджира — проявлять невежество было так же опасно, как и пребывать в нем, — но некоторую информацию он все же сумел собрать косвенным путем. Утверждая не всегда искренне, что он не все понял, он осторожно наводил мага на интересующие его темы.

Лишь слабоумный или турист способен на основе знакомства с одной культурой делать выводы о целой планете. Однако всегда можно утверждать, что наиболее развитая культура имеет и наиболее сложную теологическую систему. Но теология Катандарана оказалась поразительно незрелой. Фолкейн не был уверен, можно ли вообще назвать эту мешанину религией. Здесь не было никаких богов — только обычный ход событий, ожидаемая последовательность вещей, происходящих с того момента, как первичный Огонь соединился с первичным Льдом и образовал Вселенную. Но было множество персонифицированных демонов и духов — назвать их можно было как угодно; они старались восстановить хаос. Главной их целью было нести разрушение. Их удерживали в рамках с помощью магии, включавшей сотни повседневных табу и обрядов, которые исполняли Нагаджир и его коллеги.

Но маги вовсе не обязательно должны были быть добрыми. Никогда нельзя быть уверенным, что их не

подкупили и что они не направляют свою волшебную власть на разрушение.

Мифология была так же параноидальна, как и весь образ мыслей икрананкийцев. И Фолкейн уже начал отчаиваться в возможности заключения торгового договора.

— Да, несомненно, — сообщил он, — мы в Галасоциотехнической Лиге могущественные волшебники. Мы глубоко проникли в законы, которые правят миром. Я был бы рад научить вас наиболее величественному обряду, который мы называем покером. А для отвращений несчастий мы можем продавать вам талисманы по неслыханно низким ценам. Мы, например, продадим вам волшебную траву — четырехлепестковый клевер.

Нагаджир, однако, пожелал узнать подробности. Магия Фолкейна могла оказаться менее эффектной, чем утверждает человек: разрушение искусно соблазняет людей и толкает их к гибели. Может даже оказаться, что это черная магия. Благороднейший должен понять, что нельзя исключать и такую возможность.

Не будучи Мартином Шустером, способным изменить любую религию, внеся в нее элементы Каббалы, Фолкейн нуждался в такой увертке.

— Я подготовлю общий очерк, благороднейший, который мы сможем изучить вместе. «Боже, помоги мне! — воскликнул он про себя. — Или, скорее, Чи Лан, помоги мне. Эдзел новообращенный буддист, и он вряд ли способен на что-нибудь, кроме успокоительных междометий, я больше рассчитываю на Чи — я видел, как она прекрасно гадает на картах. Я вызову ее, и мы что-нибудь придумаем...»

— Если вы сделаете аналогичный очерк, — проговорил он снова вслух, — ваших собственных верований, это будет очень ценный гуманитарный обмен.

Нагаджир широко раскрыл клюв. Джадхади поднялся в золотых стременах, потряс копьем и крикнул:

— Ты хочешь проникнуть в наши секреты?

— Нет, нет, нет! — вспотев, Фолкейн широко расставил руки. — Не нужно ничего, что составляет тайну фратрии. Только то, что знают все, кроме чужеземцев вроде меня.

Нагаджир успокоился.

— Это можно сделать, — сказал он, — хотя на это потребуется время.

— Сколько?

Нагаджир пожал плечами. Вряд ли кто-нибудь из них мог указать точное время. Хотя механические часы были известны им уже в течение нескольких столетий, а земцы внесли в них некоторые усовершенствования, катандаранцы использовали их лишь для уравнивания периодов работы. Рожденные в мире без ночей и времен года, туземцы с трудом представляли себе периоды более короткие, чем их семидесятидвухлетний год. Икрананкийцы работали, пока в этом была необходимость или пока они не уставали. Несомненно, такое отношение к работе способствовало хорошему пищеварению, но Фолкейну оно не нравилось.

— Я могу идти, благороднейший? — спросил он.

Джадхади разрешил, и Фолкейн удалился, испытывая сильное желание плюнуть благороднейшему в глаза.

— Принесите мне обед, — приказал он слуге, провожавшему его обратно, — материалы для письма и хорошую порцию выпивки.

— Какого сорта выпивка?

— Самого крепкого, конечно. Брысь! — и Фолкейн задвинул занавес, служивший ему дверью.

Кто-то схватил его за горло.

— Ах! — сказал он, пытаясь выхватить оружие и пинаясь.

Его нога ударила по голенищу сапога. Свободной рукой нападавший сжал его за запястье. Фолкейн был силен, но он не успел выхватить оружие, так как другой человек перехватил его свободную руку. Фолкейн пытался вдохнуть воздух. Перед ним появился третий человек. Он отодвинул скрывавший его щит и оттуда выглянуло лицо Стэфы Карлс. Правой рукой она поднесла к лицу Фолкейна влажную тряпку. Человек, сжимавший горло, разжал руку. Непроизвольно Дэвид набрал полные легкие воздуха; острый запах ударил в нос и увлек его во тьму.

1

Обычно, — говорил Хаф Падрик, — старый город — не самое безопасное место в мире. Помимо того что он был домом фратрий, которые специализировались в убийствах, воровстве и вооруженном грабеже плюс в менее антиобщественных занятиях типа азартных игр и проституции, так вот, помимо этого он был излюбленным местом пребывания остатков прежних родовых групп, сохранившихся после завоевания власти деодакхами. Земцы здесь ходят группами. Однако вы, Эдзел, сами по себе можете сойти за целую группу.

— Но я не хочу ввязываться в конфликт, — сказал одинит.

— Трудно в это поверить, — улыбнулся в ответ Падрик. В своем мундире, камзоле, брюках, сапогах, плаще, с мечом и кинжалом он выглядел внушительно. Падрик был молодым человеком высокого роста. Его красиво остриженные коричневые волосы окружали лицо, отличавшееся резкими чертами, на котором борода росла чуть ли не от римского носа. Беседовать с ним было интересно, и Эдзел, чье любопытство было пропорционально размерам его тела, не отказался от предложенной прогулки по городу.

Они вышли из ворот дворца и пошли по Новому Городу. На одинита бросали внимательные взгляды, но вид его уже не поражал. Новость о гостях императора распространилась широко, а образованный класс имел некоторые познания в астрономии.

— Уж не вы ли, люди, научили их этому? — спросил Эдзел, когда Падрик упомянул об этом обстоятельстве.

— Может лишь отчасти, — ответил земец. — Но они и без нас знали о планетах, вращающихся вокруг солнца, и даже о том, что звезды — это тоже солнца.

— Но откуда они могли узнать? При постоянном дне...

— Думаю, от рангакорцев. Жители этого города обладают большими познаниями. Он расположен ближе к

зоне сумерек, их исследователи могли проникнуть во тьму и там наблюдать звезды.

Эдзел кивнул. Атмосферная циркуляция могла сохранить на темном полушарии относительно высокую температуру. Даже у антиподов Подсолнечных земель температура вряд ли опускалась ниже пятидесяти градусов. По той же самой причине, а также потому, что планета эта была меньше Земли, а угловой диаметр солнца на ее небе значительно больше, здесь наблюдался менее резкий переход от одной климатической зоны к другой, нежели на Земле. И полюса, и зона сумерек не очень отличались от других климатических зон.

Туземцы, проникавшие в замерзшие земли, были ограничены в передвижении из-за слабого ночного зрения. Но после того как они соорудили склады топлива, у них появился материал для освещения. Вероятно, такие склады устраивались в целях добычи полезных ископаемых. Научная любознательность пришла позже.

— В сущности, — пробормотал Падрик, — Рангакора как город намного лучше, чем Катандаран. Более удобный и более... хм... цивилизованный. Иногда я думаю, что нашим предкам следовало бы встретиться с рангакорцами раньше, тогда бы они не примкнули к банде варваров, захвативших рухнувшую империю.

Он сжал губы и огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

За внутренней стеной поверхность резко понижалась. Здания становились все более дряхлыми, серые обветренные фасады теснились друг к другу, запертые двери были покрыты символами давно умерших цивилизаций. В районе рынка в лавках торговали туземки, расхваливая товары своих мужей: пищу напитки, одежду, шкуры, ремесленные изделия. В мастерских позади лавок звенело железо, вертелись гончарные круги и жужжали ткацкие станки. Но внутренности мастерских были недоступны взору прохожих, чтобы демон или случайный злой колдун не смогли навлечь зла.

Движение стало более оживленным. Всадники с хриплыми криками прокладывали себе путь по узким, занесенным песком улицам. Повозки крестьян, запряженные уп-

ряжками каракутов и нагруженные плодами Чакоры, проезжали мимо вереницы голых носильщиков с грузами на бритых спинах и уступали дорогу расхаживающим с важным видом шекхеджи-караванщикам. Плоскую телегу охраняло несколько вооруженных тирутов: на ней привезли склеенные стебли, более ценные, нежели бронза. Неуклюжие, так как им приходилось идти, а не прыгать, сквозь толпу пробирались зандары со своими всадниками-лачнакопами; прибывшие на рынок за покупками жители пустынь угрожающе размахивали копьями и враждебно смотрели вокруг из-под вуалей. Было очень шумно: резкие голоса икранканкийцев, звон, скрежет, скрип, топот ног, пыль и дым смешивались с тысячью странных запахов.

Никто не пытался преградить Эдзелу дорогу. Наоборот, многие старались вскарабкаться на стены. Сотни клювастых лиц испуганно смотрели на него с плоских крыш. Падрик высоко нес древко со знаменем деодакхов, и, конечно, до них доносились отдельные оскорбительные выкрики. Но в целом катандаранцы казались относительно спокойными.

— Кто это в коричневом плаще, вон в том переулке, делает нам странные знаки? — спросил Эдзел.

— Это колдун. Он отводит наше проклятие от соседей. Или пытается отвести.

Слова Падрика было трудно различить в общем гуле.

— Но я никого не проклинал.

— Кто может быть уверен? Они считают, что все новое связано с черной магией.

«Такое отношение, очевидно, преобладает и в высшем обществе, — подумал Эдзел. — Тогда понятно нежелание Джидхади вступать в союз с посланниками Лиги. Вернувшись, я должен буду обсудить это с Дэвидом».

Падрик показывал наиболее любопытные достопримечательности: статую пятитысячелетней давности, дворец, принадлежащий правителям из предыдущей династии и теперь превращенный в склад, здание со входом в виде раскрытого клюва. Эдзел заинтересовался импозантными строениями нескольких больших фратрий, где жили их руководители и куда члены фратрий собирались на совет. Хотя они и поддерживали новое правительство, но не

захотели переносить свои штаб-квартиры в Новый Город. Да и зачем? Империя, языки и цивилизации, приливы и отливы истории — все это эфемериды. Только фратрии сохраняются вечно.

— Дом Каменного Топора, — показал Падрик, — принадлежит даттаджирам. Их глава все еще владеет этим топором. Он с кремниевой головкой, никто не знает, когда он был сделан, но, очевидно, задолго до появления металлургии, — он зевнул. — Вам еще не наскучило? Отправимся лучше туда, где мы сможем найти настоящую жизнь. В Старый Город.

— А меня там не будут бояться? — спросил Эдзел. Он надеялся, что не будут. Его обижало, когда матери при виде его хватали детей и убегали. У них такие очаровательные пушистые детеныши, наверное, их так приятно подержать в руках.

— Нет, — ответил Падрик. — Там не боятся черной магии, так как многие из них сами черные маги.

Они двинулись вниз, мимо рухнувших стен. Дома становились все ниже и меньше, они жались друг к другу, балконы нависали над узкими улочками, так что в небе была видна лишь тонкая пурпурная полоска. Строители, жившие в лучшие времена, когда почва не была такой сухой, вымостили улицы булыжниками. Копыта Эдзела громко стучали о камни — это был тихий квартал, в котором закутанные в плащи туземцы спешили мимо по каким-то неведомым делам, а где-то тихо плакала невидимая арфа. Пока они спускались к бывшему морскому дну, Эдзел еще раз оглянулся назад на красноватые скалы над городом, они спускались все ниже и ниже к остаткам пристани, сохранившимся среди зданий и зарослей тростника, среди которых блестели воды озера Урши.

Падрик остановился.

— Как вы насчет выпивки?

— Что ж, мне нравится ваше пиво... — Эдзел внезапно замолчал. Приемопередатчик на его шее ожил, оттуда донесся голос Фолкейна.

— Что это за демон! — Падрик отпрыгнул. Его меч выскочил из ножен. Пара икранканкийцев, сидевших на корточках у входа, выронила чаши и исчезла внутри.

Эдзел переговорил с Фолкейном по латыни и успокаивающе помахал рукой.

— Не тревожьтесь, — сказал он. — Это наша собственная магия, вполне безопасная. Это... вроде заклинания против злых духов, которое мы произносим прежде чем войти в незнакомый дом.

— Это нелишне, — Падрик расслабился. — Особенно здесь.

— Но зачем вы ходите сюда, если здесь так опасно?

— Выпивка, игра, а если повезет, то и схватка. Кишки провоняли в казарме... Идем.

— Я... я, наверное, лучше вернусь во дворец.

— Что? Когда веселье еще только начинается? — Падрик потянул Эдзела за руку, с таким же успехом он мог сдвинуть гору.

— Может быть, в другой раз. Мой магический круг советует мне...

Падрик состроил обиженную гримасу.

— Какой же вы мне друг, если не хотите выпить со мной.

— Простите меня, — Эдзел капитулировал. — После того как вы были так добры ко мне, я не хочу оказаться невежливым.

К тому же он хотел пить, а Фолкейн не сказал, что нужно торопиться.

Падрик вошел внутрь, отодвинув полусгнивший кожаный занавес. К ним, бормоча хриплым голосом, с предложениями скользнула проститутка, но, увидев, кто это, отступила. Падрик засмеялся.

— К сожалению, эти девицы нам не подходят, — заметил он. — Но у нас предостаточно своих в Железном Доме.

Когда одинит вошел, в тесной прокуренной комнате воцарилась тишина. За плетенными столиками, занятыми постоянными посетителями, сверкнули ножи. Факелы, торчавшие из подсвечников, бросали неверный колеблющийся свет, тусклый и красный для Эдзела, яркий для туземцев — на потрепанную одежду, на птичьи лица и немигающие глаза. Падрик опустил свой флаг и поднял руку.

— Мир между нашими родами, — сказал он. — Вы знаете меня, я Хаф из гвардии, и много раз бывал здесь. А это гость императора... Он большой, но вежливый и не приведет за собой никаких демонов. Пусть будут прокляты демоны!

Пьяный в углу рассмеялся. Это немного разрядило атмосферу, посетители вернулись к своим напиткам, лишь изредка бросая взгляды на вновь прибывших, и их разговор теперь, несомненно, вертелся вокруг драконоподобного чудища. Падрик отыскал стул без спинки, а Эдзел уселся рядом с ним прямо на грязный пол. Владелец набрался храбрости и спросил, что им угодно. Когда Падрик величаво указал на Эдзела и сказал: — Напои-ка его, дружище, — икранаикиец поднял голову, подсчитал возможную прибыль и радостно потер руки.

Бренди, джин, арака или как вам будет угодно назвать принесенную жидкость, дистиллированную из неземных фруктов, была не намного крепче концентрированной серной кислоты. Но у нее был отличный сухой вкус. Эдзел для пробы отпил около литра.

— Я не жадный, — сказал он.

— Не стесняйтесь. Ради меня, — Падрик вытащил толстый кошелек. — Нам хорошо платят, я не могу за это обижаться на Сидящего на Звере.

— Меня кое-что интересует. Конечно, не все земцы живут в Железном Доме?

— Нет, нет. Здесь служат, получают жалование, женятся. Кроме того здесь располагается штаб-квартира фратрии. Но семейные живут в своих домах по всему Новому Городу, отправляются на наши ранчо или куда захотят. Обычно, выйдя замуж, женщины откладывают оружие. Мужчины ежегодно участвуют в учениях и, конечно, в случае войны объединяются в единое войско.

— Но тогда как же войска Роберта Торна осмелились на измену? Ведь оставшиеся дома семьи подвергнутся мести императора.

— Не совсем так. Если император тронет кого-либо из оставшихся, мы все поднимемся — от Гарри Смита до самого последнего барабанщика — и насадим его голову

на копье. К тому же много жен и детей ушло с ними. Это обычное явление., когда предстоит долгая осада или война. Женщины отлично охраняют лагерь, они легко справляются со слабосильными икрананкийцами, они наши квартирмейстеры, наши... — Падрик закончил перечисление их функций.

На Земле в таких примитивных условиях вряд ли кто бы выжил. Но здесь, поскольку местные микробы безопасны для людей, это оказалось вполне возможно. Одна из причин того, почему земцы становились преимущественно солдатами, заключалась в том, что до появления профилактических медицинских средств эпидемии косили местные армии сильнее, чем битвы.

— Сочувствую вашему поколению, — сказал Эдзел. — Когда вы все так тесно связаны, нелегко оказаться в конфликте со своими родственниками.

— Кто говорит, что мы в конфликте? — остановил его Падрик. — Этот дрожащий Смит? Во времена его молодости узы внутри фратрии были не так сильны. Если бы он был моим ровесником, он никогда не решился бы выступить против Торна, — он осушил свой стакан и приказал наполнить его снова. — Но, вероятно, Железный Дом достаточно верен своим офицерам, чтобы оставаться нейтральным.

Чтобы сменить тему разговора, Эдзел спросил, видел ли Падрик Стэфу Карлс со времени ее возвращения.

— Еще бы! — с энтузиазмом воскликнул Падрик. — Что за девушка!

— Приятная, хотя и импульсивная личность, — согласился Эдзел.

— Я не говорю о ее личности, хотя она сильна, как мужчина. За Стэфу!

Стаканы звякнули. Видя, что дракон оказался общительным, посетители еще больше осмелели. Вскоре один из приятелей Падрика, полупьяный икрананкиец, подошел к их столику и сказал: — Привет!

— Сидовин! — обрадовался земец. — Выпей с нами.

— Я должен вернуться, — сказал Эдзел.

— Не глупите. И не оскорбляйте моего доброго друга. Он мечтает познакомиться с вами.

Эдзел пожал плечами и выпил еще. К ним присоединились несколько других завсегдатаев. Вначале они пели, потом обсуждали ситуацию в Рангакоре — не очень горячо, правда, ибо никто в Старом Городе не беспокоился о судьбе этого паршивого императора. Потом трое или четверо из них подрались — это растопило последний лед, и начали произносить тосты. Они пили за свои фратрии, и за проституток, сновавших между ними, и в память доброго короля Аграша, и за реку Джанджак, которая поддерживает жизнь в Катандаране, и за озеро Урши, которое принимает в свои глубины столько бесчувственных тел, и за Хафа Падрика, так как он платил за выпивку, и.., наконец, они потеряли счет тостам. Веселье кончилось только тогда, когда большинство собутыльников уснуло прямо на полу.

— Я... должен... идти... домой, — сказал Эдзел. Ноги его подгибались, хвост, казалось, налился свинцом, а покачивание и головокружение мешали ему думать. Взмахами своего хвоста он переломал большую часть мебели. Но владелец не возражал, потому что тоже лежал пьяный.

— Да... да... согласен, — Падрик попытался выпрямиться. — Долг зовет.

— И очень неприятным голосом, — сказал Эдзел. — Друг мой, вы... ик... заблуждаетесь. Не нужно впадать в ошибку... и отожде... ствлять нирвану с аннигиляцией... — он не был фанатиком, но чувствовал, что настало время, когда его лучший друг, влачащийся рядом, должен быть посвящен в таинство буддизма. Поэтому обратную дорогу он разглагольствовал. Падрик пел песни. Туземцы шарахались с их пути.

— Итак... — тянул Эдзел, — воплощение вовсе не обязательно связано с кармой...

— Погодите, — Падрик остановился. Эдзел с трудом нагнул шею, чтобы посмотреть на него. Они были вблизи ворот Нового города.

— Что случилось?

— Я вспомнил о срочном деле, — земец с неожиданной быстротой протрезвел. На самом ли деле он пил столько, сколько остальные? Эдзел за ним не наблюдал. — Идите дальше один...

— Но я... как раз... хотел вам сообщить самое интересное.

— Позже, позже!

Ветер гулял по пустынным улицам, вздымая тучи песка. Никого не было видно.

«Странно, — подумал Эдзел. — Горожане, конечно, и раньше избегали меня, но не настолько». Час был неурочным для сна, обычно в это время все бодрствовали.

— Что ж, спасибо за... уф!.. интур... интересную беседу.

Эдзел протянул руку. Падрик торопливо и смущенно пожал ее и удалился.

Какое странное место! Эдзел впал в сентиментальное настроение и вспомнил далекий Один, родные широкие равнины под бриллиантово-ярким солнцем, где быстрые ноги мчали его многие километры, охоту, а после охоты костер, друзья, дети и самки... Но все это сейчас было так далеко от него. Его семья сблизилась с агентом Лиги, они хотели, чтобы он получил современное образование; и он получил его, и теперь он так изменился, что никогда уже не почувствует себя своим среди охотников. Он продолжал любить женщин, и весной был очень чувствителен к соблазнительным запахам, но как горько осознавать, что былая простота и невинность утрачены навсегда. Эдзел смахнул слезу и побрел дальше, покачиваясь из стороны в сторону.

— Он идет!

Эдзел остановился. Перед стеной, окружавшей Новый Город, была широкая площадь. Она кишела солдатами. Он не мог сосчитать точно, сколько их, ибо они начали двоиться, стоило ему вглядеться попристальнее. Но было ясно, что их очень много и что все они туземцы. Перед закрытыми воротами стояло несколько катапульт.

Группа всадников выехала вперед.

— Остановитесь! — крикнул их предводитель. Острие его копья казалось окровавленным в красном свете солнца.

— Я уже остановился, — резонно ответил Эдзел.

Имперские зандары были хорошо вымуштрованы, хотя этого и нелегко было добиться. Они двинулись двумя шеренгами в обход, окружая его.

— Благороднейший, — обратился к нему начальник кавалеристов. Он сильно нервничал. — Давайте поговорим. Стало известно, что готовится заговор против императора... ак-крр... поэтому очень желательно ваше присутствие.

Одинит приложил ладонь к животу — ритуальный жест вежливости — и поклонился. Его шея сгибалась до тех пор, пока голова не уперлась в землю. Это расстроило Эдзела, но он сохранил равновесие и вежливо ответил:

— К... конечно... все, что могу. Идемте!

— Кхм... пустая формальность, благороднейший, император желает, чтобы вы... гм... надели общепринятые знаки достоинства, — офицер знаком приказал выйти вперед одному из пехотинцев, который повиновался с видимым нежеланием. Он нес несколько цепей.

— Что? — Эдзел попятился. Мысли совсем перепугались в его голове.

— Стойте! — крикнул офицер. — Стойте на месте или мы будем стрелять!

Экипажи катапульт принялись настраивать свои орудия. Каждая из этих машин могла метнуть камень весом с Эдзела.

— Н... н... но что может случиться?

— Все, что угодно. Демоны способны на все. Ваш товарищ исчез, и вместе с ним много земцев. Узнав об этом, император заподозрил предательство и приказал окружить Железный Дом. Те, что находятся внутри, рассердились и отказываются сдаваться. Они стреляют в наших солдат!

Офицер провел ногтеобразным пальцем по своему кольцу из перьев. Ветер раздувал его плащ, зандар под ним подпрыгивал, самострелы были взведены и нацелены в Эдзела, копья направлены в грудь, солдаты замкнули вокруг одинита кольцо.

— Что? — черт бы побрал эту выпивку. И никаких антитоксикантов под рукой. Эдзел нажал кнопку приемопередатчика. — Дэвид? Где вы? Что случилось?

Ответом было молчание.

— Дэвид! Отзовись! На помощь!

— Стойте на месте, — приказал офицер. — Вначале свяжем вам запястья. Если вы невиновны, вам нечего опасаться.

Эдзел настроился на корабль.

— Чи? Ты здесь?

— Конечно, я здесь, — послышался язвительный голос. — Где же мне еще быть?

Эдзел подавил вспышку раздражения. От этого в голове у него слегка прояснилось. Он попытался объяснить положение.

— Меня берут в плен. Я ухожу, — сказал он. — Мирно. Ты прилетишь на корабле... Они хотят связать меня... возможно, мы вместе поищем Дэвида.

— Что ты несешь, — проворчала Чи. — Но я вылетаю немедленно.

Группа магов делала яростные движения руками. Эдзел повернулся к офицеру.

— Да, конечно... ик... я иду к императору.

По радио послышалось отдаленное бормотание. Чи говорила с кем-то. Эдзел протянул руку и раскрыл рот. Он хотел изобразить улыбку, но показал лишь устрашающий ряд зубов.

Офицер подтолкнул копьем несшего цепи пехотинца.

— А ну, вперед, — приказал он. — Исполняй свой долг.

— Сам иди вперед, — ответил тот.

— Что я слышу? Ты не выполняешь приказ?

— Да, — пехотинец отступил.

— О, идемте, чего же вы ждете, — сказал Эдзел. Он хотел встретиться с Джадхади и как можно скорее докопаться до сути дела. Он двинулся было вперед, но кавалеристы преградили ему дорогу. Офицер растерянно стоял в стороне. Его приказов не слушались.

— Хорошо, я помогу вам! — взревел Эдзел в нетерпении. Он поймал строптивого солдата, поднял его, отобрал цепи и снова поставил его на ноги. Тот в испуге упал и свернулся в комок.

Эдзел недоуменно уселся на хвост и задумался. Что-то у него не получалось.

— Как вы хотели укрепить это? — обидчиво спросил он, перебирая цепи. Чем больше он старался разгадать загадку, тем сильнее запутывался. Императорские солдаты как зачарованные смотрели на него.

Из приемопередатчика раздался крик:

— Эдзел! Уходи! Меня схватили!.

Послышались звуки драки и резкие удары. Внезапно наступила тишина.

На какое-то мгновение Эдзелу показалось, что он на корабле играет в покер: у него тройка и на столе тройка, и вместе они образуют флеш-рояль. Значит, надо повышать ставку. Пары алкоголя развеялись, и он понял, в каком положении оказался.

Лига учила своих космонавтов действовать быстро. Эдзел продолжал позванивать цепями, одновременно обводя взглядом площадь и оценивая обстановку. Прыжок налево, и, если повезет, он прорвется. «Только бы не причинить вреда этим бедным заблудшим душам, но я постараюсь этого избежать».

Он собрался с силами и прыгнул.

На его пути оказался кавалерист. Эдзел поднял его вместе с зандаром и швырнул на отряд копьеносцев. Их строй рассыпался. Он бросился в образовавшийся проход. Вокруг слышались крики, сыпался дождь стрел. Мимо ушей просвистел заряд, пущенный из катапульты. Офицер, вооруженный копьем, напал сбоку. Эдзел не увидел его вовремя. Конец копья ударил по приемопередатчику на шее одинита и сломал его. Эдзел мчался дальше, наращивая скорость. Зандары с всадниками быстро отстали от него.

Сплошная стена высотой в четыре этажа вдруг выросла перед ним. Эдзел на полной скорости подлетел к ней и запрыгнул наверх. Он ухватился за край и подтянулся. Грубая каменная поверхность давала возможность цепляться за неровности. Рядом ударил снаряд и осыпал его дождем каменных осколков. Эдзел взобрался на крышу, перескочил на следующую и, спрыгнув в переулок, поскакал по направлению к Старому Городу.

Конечно, никакой помощи он не ждал. Но в лабиринте древних улочек его нелегко будет выследить. Он направился к озеру Урши. Туземцам не на чем будет преследовать пловца, так как у них нет ничего, кроме нескольких грубых плотов. Он легко уйдет. А перебравшись на тот берег, он двинется через Чакору. Ни одно слово не достигнет Хай-

джакаты раньше него — черт бы побрал этот разбитый передатчик.

Но им еще послужит передатчик Чи, после того как он выручит ее из неприятности, в которую она попала. Они поднимут корабль, вернут себе флиттер из дворца и начнут разыскивать Дэвида. Если Дэвид еще жив. И если они сами останутся живы.

8

Возможно, в случившемся было что-то от катандаранской теории, которая гласит, что сверхъестественные существа постоянно стремятся к злу. Если бы Чи Лан находилась на корабле в тот момент, когда ее вызвал Эдзел! Но она, бескомпромиссный рационалист, сама отправилась навстречу своей неудаче. Большую часть времени она проводила с Гурджанджи. Оба испытывали желание узнать как можно больше о цивилизациях друг друга.

Она первой сделала предложение — которое ему не совсем пришлось по вкусу — о регулярных, заранее назначенных встречах. Единственные в Хайджакате часы так спешили, что Чи подарила Гурджанджи свои. После этого барабаны гремели и флаги приветственно поднимались с завидной регулярностью, и она всегда знала, когда отправляться на вершину холма для очередной беседы.

Компьютер, которому она дала задание напоминать о встречах, громко возвестил, что время подошло и надо собираться.

— Нельзя ли повежливее, — проворчала Чи, откладывая книгу. Она уверяла товарищей по экипажу, что цинтианские книги, во множестве наполнявшие ее каюту, были философскими трактатами, хотя в действительности это были сентиментальные любовные романы. Чи радовалась любой возможности почитать их.

— Меня не запрограммировали быть вежливым, — сообщил компьютер механическим голосом.

— Напомнишь, когда я вернусь. Хотя нет, не нужно. Кого интересует мнение машины?

— Никого, — ответил Бестолочь, всерьез воспринимавший даже риторические вопросы.

Чи вскочила с койки и приготовилась к встрече. Она взяла в руки передатчик и записывающий аппарат, приторочила маленький женский пистолет к поясу — вот и все, что ей требовалось.

— Резервные приказы, как обычно, — сказала она компьютеру и вышла из ракеты.

Бестолочь спокойно бормотал что-то про себя. Хотя в его память был введен катандаранский язык, резервный приказ означал, что он должен повиноваться приказам, объявленным голосом — по радио или кодом — только членов экипажа. Однако Чи вывела наружу громкоговоритель, на случай, если понадобится узнать, что наблюдают приборы корабля.

Люк закрылся за ней, и она спустилась по трапу. Один вход, непосредственно под стабилизатором, оставался постоянно открытым на случай экстренного взлета. Серьезной опасности от случайных туземцев экипаж не ожидал. Помимо их благоговейного страха перед кораблем, Чи учитывала, что этот вход ведет только в трюм номер четыре, сейчас совершенно пустой, и ни один икрананкиец не способен что-нибудь сломать там, а открыть вход дальше в помещение корабля сможет только член экипажа. Чи гордилась своей предусмотрительностью.

Малиновое солнце было ярче и светлее для ее глаз, чем для глаз Фолкейна или Эдзела. Тем не менее день показался ей сегодня пасмурным. Чи выругалась, когда невидимый ветер взъерошил ее шерсть, которую она расчесывала целый час, воздух сушил ее ноздри, как Фолкейн осушает бутылку шотландского виски, ветер был холоден, как сердце ван Рийна, и нес с Чакоры запах, напоминающий запах креозота. О, вернуться бы в Та-чин-чен-ри, в «Дом-жизни-под-небом», вновь оказаться в родном доме на вершине дерева, среди родных запахов леса. Зачем только она покинула его?

Из-за денег, конечно. Чего только не сделаешь за приличную плату! Чи поджала хвост и свистнула.

Часовые у ворот поднесли к клювам мечи в знак приветствия, когда маленькая фигурка прошла мимо них.

После того, как она их благополучно миновала, они скрестили пальцы и прошептали заклинания. Правда, до сих пор пришельцы не принесли никаких неприятностей, наоборот, они обещали немалые выгоды. Но демоны — известные лжецы.

Если бы Чи увидела их манипуляции, она б не удивилась бы и не обиделась. Она все больше и больше убеждалась в том, как консервативны эти икрананкийцы, как подозрительно они относятся ко всему новому. Это свидетельствовало только о том, что они находятся в донаучном периоде развития, несмотря на фантастически долгую письменную историю. Она еще не нашла для себя приемлемого объяснения этому явлению.

Чи легко скользила мимо плетеных хижин. У входа в одну из них сидела туземка и вкладывала пищу в рот ребенка. Эти икрананкийцы напоминали цинтиан. И у тех и у других отсутствовали молочные железы, и новорожденные сразу начинали принимать обычную пищу. Но на этом сходство кончалось. Жена икрананкийца — маленькое существо, лишенное гребня из перьев, неряшливое и раболепное. Женщина-цинтианка была гораздо крупнее самца и сильнее его, ей приходится носить своего детеныша по деревьям — хотя лес не является исключительным местом обитания этой расы. Наследование по материнской линии являлось нормой, во многих цинтианских культурах было распространено многомужие, а прошлое знало и самый настоящий матриархат. Чи считала, что именно поэтому ее планета является такой прогрессивной.

Она постучала в дверь дома, где жил Гурджанджи. Посланник сидел за столом со своим гостем, комендантом гарнизона Лалнакхом. Они играли в игру, которая заключалась в выбрасывании разноцветных палочек на стол, разделенный на квадраты.

Чи забралась на стол, едва не разрушив ветхое сооружение из палочек.

— Что это? — спросила она.

Лалнакх нахмурился. Гурджанджи, уже свыкнувшийся с ее бесцеремонностью, сказал:

— Мы зовем это акритель, — и объяснил правила, которые оказались достаточно сложными. В целом все зависело от того, как палочки расположатся при падении.

— Очень распространенная игра, — добавил Гурджанджи.

— Вы будете играть или нет? — воскликнул Лалнакх.

— Конечно, конечно. Дайте подумать, — Гурджанджи примостил очки на клюв и принялся изучать расположение палочек на столе. Чем менее вероятную конструкцию он сумеет построить, тем больше выиграет, но если он не сумеет достигнуть уровня, объявленного заранее, то и проигрыш его окажется существенным. — Думаю, что мне сегодня повезет, — кивнул он на стопку монет рядом с собой. — Попробуем, — он собрал свои палочки и принял решение.

— Не к чему гадать, — сказала Чи. — Когда можно узнать.

Лалнакх посмотрел на нее.

— Как это понимать?

— Не реальный исход игры, конечно, — сказала Чи. — Но вероятность его. Каковы шансы на выигрыш и оправдывают ли они риск.

— Но как, во имя Разрушения, это рассчитать? — спросил Гурджанджи.

— Играйте, черт возьми! — сказал Лалнакх.

Гурджанджи потряс свою кучку палочек и бросил их. Он сделал ход.

— Акк-р! — прохрипел Лалнакх.

Он швырнул на стол последнюю монету.

Гурджанджи подсчитал.

— Вы должны больше, — сказал он.

Лалнакх грубо выругался и принялся рыться в карманах. Он бросил Гурджанджи матово-белый диск.

— Возьмите его! Рангакорская работа. Я хранил его как талисман. Но демоны сегодня злы на меня.

Гурджанджи протер очки и прищурился. Чи тоже рассматривала диск. На медальоне был выгравирован четкий рисунок: с одной стороны венок, с другой — горный пейзаж. Часть покрывавшего диск серебра стерлась.

— Да ведь это посеребренная бронза, — сказала она.

— Одно из многих искусств, которыми они владеют, — ответил Гурджанджи. — Они помещают металл в ванну и... не знаю, что там происходит. Сильная магия. Я был там однажды в составе посольской делегации, и они дали мне в руки две проволочки, выходящие из какого-то ящика, и меня что-то укусило... Они смеялись, — он вспомнил о своем достоинстве. — Но в любом случае, будучи магическими, такие предметы ценятся очень высоко. Это одна из причин того, почему так желательно завоевание Рангакоры.

— В этом мы поможем вам, — подхватила Чи. — А впоследствии мы продадим вам столько посеребренных дисков, сколько вы захотите.

— Ах-кррр, понимаю, благороднейшая. Но не в моей власти принять такое... ук-кк-немедленное? — да, немедленное решение. Я всего лишь посланник императора.

— Но вы даете рекомендации, не так ли? — настаивала Чи. — Я знаю, что ваши курьеры скачут туда и обратно.

— У-к-к, действительно. Продолжим наши беседы?

В этот момент ожил передатчик:

— Чи? Ты здесь?

Голос Эдзела... но как он запинается и глотает слова, говоря по-английски. Неужели этот слюнтяй пьян? Чи надеялась, что рядом с ним нет земцев.

— Конечно, — ответила она более резко, чем ей хотелось.

Лалнакх отпрыгнул в сторону, вытаскивая кинжал. Гурджанджи стал делать охраняющие магические жесты, но соскочившие с клюва очки помешали ему выполнить ритуал.

— Что это за чума? — закричал Лалнакх.

— Где мои очки? — спрашивал, ползая по полу Гурджанджи. — Я ничего не вижу без очков. Какой демон унес их?

— Защитная магия, — быстро сказала Чи на катандаранском, в то время как из радиопередатчика доносился шум большой толпы. — Вам нечего бояться.

— Помогите мне найти очки, — просил Гурджанджи. — Мне нужны мои очки!

Лалнакх вырутался, поднял и протянул ему очки. Чи слушала Эдзела. Шерсть ее стала дыбом. Но самообладание, как всегда в таких случаях, не покинуло ее, и мозг работал как криогенный калькулятор.

— Немедленно, — сказала она и взглянула на икрананкийцев. Они напряженно и враждебно глядели на нее.

— Я должна идти, — сказала она туземцам. — Мой магический передатчик предупредил меня об опасности.

— Что за опасность? — спросил Лалнакх.

Гурджанджи, более осведомленный о чудесах, творимых инопланетянами, вытянул указательный палец.

— Это был голос чудовища! — сказал он. — Но ведь оно в столице...

— Да, — сказала Чи. Но прежде чем она успела сочинить правдоподобную историю, Гурджанджи заявил:

— Должно быть, это устройство для разговора на расстоянии. Я давно подозревал, что вы обладаете такой способностью. Теперь, благороднейшая, не оскорбляйте меня, отрицая очевидное. Он звал вас на помощь, не так ли?

Чи оставалось только кивнуть. Икрананкийцы придвинулись ближе, возвышаясь над нею. Она не хотела быть уличенной во лжи, это могло плохо отразиться на будущих взаимоотношениях, которые и сейчас были достаточно напряженными.

— Земцы восстали, — сказала она. — Они забаррикодировались в этом, как вы его называете, Железном Доме. Эдзел просит меня приехать и помочь справиться с ними.

— Нет, вы не должны этого делать, — сказал Лалнакх, а Гурджанджи добавил:

— Мне очень жаль, благороднейшая, но с тех пор, как ваш товарищ прибыл во дворец, я регулярно получаю приказы удерживать вас на месте.

— Пыльные бури и чума! — воскликнула Чи. — Вы хотите гражданской войны? Вы ее получите, если не подчините земцев своей воле. И как можно скорее, — шум из радиопередатчика стал громче. — Подумайте. Если бы мы хотели свержения Джадхади, разве бы я осталась тут с вами?

Они помолчали. Лалнакх выглядел неуверенно. Гурджанджи почесывал свой клюв.

— Схватка, — пробормотал он. — Определенно схватка....

Из приемника донесся рев. Звенел металл, раздавались крики, тяжелые удары, от которых дрожал передатчик.

Раздался пронзительный крик икрананкийца:

— Помогите, чудовище убьет меня!

Лалнакх взглянул на Чи. Солнечный свет, проникший в сумрачную комнату, кроваво блестел на его кинжале.

— Разве это по-дружески? — хрипло спросил офицер.

Чи схватилась за пистолет.

— Недоразумение, — сказала она. — Говорю вам: мы ваши друзья, и я застрелю всякого, кто назовет меня лгуньей.

Среди железного лязга вдруг явственно послышался громкий вопль Эдзела.

Чи спросила:

— Слышите? Разве он сражается?

— Нет, — сказал Лалнакх. — Он убегает.

Чи спрыгнула со стола.

— Я должна идти, — сказала она. — Надеюсь, вы не задержите меня?

Тут Гурджанджи удивил ее. Она всегда принимала его за нелепого рассеянного профессора, но сейчас он вытащил меч и спокойно сказал:

— Я деодакх. Если я не задержу вас, меня выгонят из фратрии.

Чи колебалась. Она не хотела убивать... Убийство сведет на нет все попытки заключить торговый союз. Парализующий выстрел?

Она забыла о Лалнакхе. Рука офицера описала дугу. Ее пистолетик был выбит сильным ударом кинжала. Лалнакх навалился на нее. Она едва успела крикнуть в передатчик предупреждение, как уже лежала, прижатая к полу.

— Хек-к-к! — выдохнул Лалнакх. — Лежите спокойно.

Он так дернул ее, что у нее зазвенело в голове, оторвал передатчик и отшвырнул его в сторону.

— Ну, ну, — упрекнул его Гурджанджи. — Не надо такой ярости, не надо. Какое несчастье, — он наклонился к Чи, зажатой в руках Лалнакха, и одновременно наступил на передатчик, раздавив его. — Я немедленно отправлю вестника с сообщением о случившемся. Пока он не вернется, с вами будут обращаться почтительно, насколько позволят обстоятельства.

— Погодите! — сказал Лалнакх. — Я глава гарнизона, а не вы.

— Но, мой друг, под угрозой находятся все возможные соглашения.

— Сомневаюсь в их реальности. Эти создания — демоны или ими владеют демоны. Но вы можете сами держать ее в заключении, а я позабочусь об охране. Я поставлю охрану у их летательного дома с катапультами. И если заявится этот гигант, они получат приказ убить его.

— Что ж, — сказал Гурджанджи, — это неплохая идея.

9

Фолкейн не потерял сознания полностью. Он воспринимал окружающее урывками, словно находился в крайней степени интоксикации... мозг его работал в дюжине различных направлений, воли не было совсем. Опираясь о стену, возле которой его посадили земцы, он смутно ощущал спиной ее твердость, чувствовал, как пол давит на подошвы его ботинок, как сух и холоден воздух в ноздрях, воздух, врывающийся в его легкие вместе с резким запахом наркотика, как стучит его сердце, он видел, как отражается красный свет на голом полу, как сереет в окнах тусклое небо, оно, казалось, качалось. Он видел большого светловолосого человека, который оглушил его, и другого, красноголового — который его поддерживал. Он подумал, что многие растения Икрананки могут иметь большую ценность для фармакологии, потом подумал о замке своего отца на Гермесе и о том, что должен чаще писать домой, а через полсекунды уже

думал о приеме, устроенном при дворе Ито Ямацу в Токио — это по законам ассоциации напомнило ему о нескольких знакомых молодых женщинах, а это, в свою очередь, навело его на мысли о...

— Помогите мне, Сузи, — сказали Стэфа Карлс. — Вскоре вернется его слуга. Или может войти кто-нибудь другой.

Она начала раздевать Фолкейна. Этот процесс мог бы смутить его, если бы он не был настолько одуревшим, или даже позабавить и развеселить, если бы это происходило при других обстоятельствах. И, конечно, если бы ей не помогал при этом светловолосый земец.

— Отлично, — Стэфа ткнула пальцем в узел на полу. Рыжеволосый развернул его, вытащив наряд земца. Одежда была грубой — брюки, обшитые кожей, и полевой мундир кавалериста. Она начала одевать Фолкейна. Работа была нелегкой, так как он безвольно висел в руках рыжеволосого.

Оцепенение постепенно проходило. Вначале он хотел было закричать. Но скорее врожденная осторожность, нежели рассудок, остановила его. Не время. Силы понемногу возвращались к нему, комната больше не вращалась, а когда они застегнут пряжку его пояса, на котором висит кинжал...

Стэфа сделал это. Он мог бы выхватить кинжал и всадить ей в спину, когда она наклонилась над ним. Но это было бы убийством. Он осторожно повернулся к рыжеволосому. Рука его скользнула по рукоятке кинжала, он выхватил его и ударил воина в грудь.

Кинжал не имел лезвия, это был лишь обломок, одна рукоятка, вставленная в ножны. Земец, несомненно, получил ссадину и тихо выругался. Фолкейн, пошатываясь, попытался добраться до двери. Он уже раскрыл рот, чтобы закричать. Но светловолосый схватил его за руку, а Стэфа достала влажную тряпку. С тигриной стремительностью она прыгнула вперед и впихнула ее ему в рот.

Вновь раскалываясь на куски, он увидел ее улыбку и услышал, как она бормочет:

— Хорошая попытка. У вас есть шансы стать мужчиной.

Она наклонилась, чтобы подобрать его пистолеты. Свет озарил ее волосы.

— Эй, — сказал светловолосый. — Оставь-ка это.

— Но это его оружие, — ответила Стэфа. — Я говорила вам, что оно может делать.

— Мы не знаем для какой черной магии оно служит. Оставь его, я сказал.

Рыжеволосый, потирая расцарапанную грудь, согласился с ним. Стэфа вызывающе оглядела их. Но для споров не было времени. Она вздохнула и подняла пистолеты.

— Отнесем это в его спальню — пусть думают, что он вышел, — а потом пойдем.

Двое людей тащили Фолкейна, держа его под руки. Он слишком одурел от наркотика, чтобы осознавать происходящее, и механически повиновался им. В приемной части дворца было немного народу. На лестнице они встретили его слугу, возвращавшегося с кувшином крепкого напитка. Икранканиец не узнал Фолкейна в новом мундире. Не узнал его и никто их встретившихся им дальше. Лишь один чиновник спросил, что случилось.

— Он слишком много выпил и опьянел, — объяснила Стэфа. — Мы отведем его в казарму.

— Позор! — сказал чиновник. Однако, видя перед собой троих вооруженных земцев, он не стал комментировать это событие дальше.

Через некоторое время Фолкейн понял, что его ведут к выходу в северной стене, сделанному на случай необходимой вылазки. Вид на город был скрыт рядом домов. Около двадцати земцев, большинство из которых были мужчины в боевом снаряжении, нетерпеливо ожидали их здесь. Четверо тирутов-часовых лежали связанные с кляпами в клювах. Люди выскользнули из города.

Ущелье реки Джанех лежало к западу от города, берега его заросли древовидными растениями, и снизу доносилось журчание воды. Здесь начиналась дорога, ведущая в горы. Вокруг простиралась пустыня, в ней высились скалы, крутые склоны которых были красными от окиси железа. В этой дикой местности земцы легко могли затеряться.

— Двигайся! — светловолосый дернул Фолкейна за руку. — Действие наркотика кончается?

— Кажется, да, — согласился тот.

С каждым шагом он приходил в норму. Но вряд ли можно было утверждать, что он чувствует себя хорошо в окружении этих убийц.

Через некоторое время они отыскали глубокое и узкое отвесное ущелье. Здесь их ждали пятьдесят добрых зандаров под охраной двух икрананкийских всадников. Некоторые из животных были вьючными, остальные верховыми и запасными. Отряд вскочил в седло. Фолкейн осторожно сделал то же. Туземцы оставили их и вернулись в город.

Стэфа возглавила отряд. Они поднимались вверх, пока не оказались на вершинах скал, в дюнах, где не росло ничего, кроме жалких кустиков. За их спинами зеленела долина реки Джанджак. Далеко внизу остался город, а дальше, до самого горизонта расстилалась плоская равнина Чакоры. Они повернули на восток и поскакали галопом.

Путешествие Фолкейна трудно было описать привычными земными словами. Вначале зандар Фолкейна прыгнул так резко, что всадника чуть не выбросило из седла: он испытал неприятное ощущение свободного падения, затем седло пошло вверх и ударило его. Он завалился направо. Человек справа помешал ему упасть. Затем зандар сделал следующий прыжок. Фолкейн откинулся назад. Он спасся лишь тем, что ухватил животное за шею.

— Эй, ты хочешь задушить своего зандара? — услышал он чей-то голос.

— О... чень... хо... тел... бы, — ответил Фолкейн между прыжками. Вокруг него сверкали шлемы, нагрудники, острия копий, щиты и плескались развеваемые ветром плащи, звенел металл, скрипела кожа, барабанили копыта. Запах пота людей и зандаров висел в воздухе. Пыль поднималась облаком. Дэвид мельком увидел впереди Стэфу. Она смеялась.

Он сжал губы. Во всяком случае хотел это сделать, но рот его был полон песка. Если только он переживет эту поездку, он обязательно изучит технику езды на зандаре.

Постепенно он начал свыкаться со скачками. Когда зандар опускался, нужно было слегка подниматься в стре-

менах и в то же время сжимать корпус животного согнутыми ногами. Когда движешься всем телом в ритме движений зандара, начинают работать такие мышцы, о существовании которых раньше и не подозревал. Физическая усталость вскоре уничтожила всякое желание думать о том, чем кончится это путешествие.

Несколько раз они устраивали отдых, меняли животных и наконец остановились на ночевку, разбили лагерь. С вьючных зандаров сгрузили немного провизии и позволили себе поесть и выпить по несколько глотков воды из фляжек. Затем расставили часовых, залезли в спальные мешки и уснули.

Фолкейн не знал, сколько времени он находился в горизонтальном положении, когда его начала поднимать Стэфа.

— Уйди, — пробормотал он, пытаясь снова нырнуть в спасительную темноту сна. Но она схватила его за волосы и потянула, призывая на завтрак.

Дорога стала полегче, и тело Фолкейна болело меньше. Он начал обращать внимание на окружающий ландшафт. Пустыня сменилась холмами, тут и там попадались плодородные участки. Солнце, светившее в спину, опустилось еще ниже, тени вытянулись далеко вперед, к горам Сугхараты, синеватая стена которых медленно вырастала на горизонте. Земцы почувствовали себя свободнее, они шутили, смеялись и иногда затягивали кровожадные песни.

Ближе к концу «дня» их догнал одинокий всадник с несколькими запасными животными. Фолкейн вгляделся в него. «Клянусь Сатаной, это Хаф Падрик!» Земцы приветствовали его, и он проехал в голову колонны, поближе к Стэфе.

Они все еще беседовали о чем-то, когда отряд остановился и начал разбивать лагерь на вершине холма, среди ярко-рыжих кустарников. Земцы не стали ложиться спать, разожгли костры и разлеглись вокруг них живописными группами. Фолкейн предоставил возможность одному из земцев расседлать своего зандара, обтереть его и пустить пастись поодаль. Сам же он уселся с сердитым и обиженным выражением лица, но вскоре встал, когда на него легла длинная тень. Рядом стояла

Стэфа. Он был вынужден признать, что она по-прежнему представляла собой приятное зрелище: рослая, с гибким, мускулистым телом, с чеканными по-королевски чертами лица. Более привычная к холоду, она разделась до блузы и юбки, и это несколько подняло его настроение.

— Присоединяйтесь к нам, — пригласила она.

— Разве у меня есть выбор? — хрипло ответил он.

Их взгляды встретились. Она застенчиво коснулась его руки.

— Мне жаль, Дэвид. Я не хотела угрожать вам. Особенно после того, как вы спасли меня. Вы заслуживаете лучшего обращения. Позвольте мне все объяснить?

Он охотно отправился за ней, хотя старался не показать это внешне. Они подошли к костру, где сидел Падрик, с наслаждением уписывающий мясо.

— Привет, — сказал земец. Ослепительная белозубая улыбка сверкнула в его бороде.

— Надеюсь вам понравилась поездка?

— Что случилось с Эдзелом? — потребовал ответа Фолкейн.

— Ничего. Когда я в последний раз видел его, он брел ко дворцу, пьяный, как пивовар. Подумав, что мне лучше уйти из города до того, как начнется шум, я отправился к озеру Урши, где прятал своих животных, и двинулся вслед за вами. И задолго до встречи увидел поднятую вами пыль, — Падрик протянул кожаную бутылку.

— Хотите выпить?

— Вы думаете, я стану пить с вами после того как...

— Дэвид, — попросила Стэфа. — Выслушайте нас. Не думаю, чтобы ваш большой друг попал в серьезные неприятности. Они не посмеют причинить ему вред, пока маленькое существо владеет кораблем. Или Джадхади поймет, что вы похищены, а не ушли по своей воле.

— Сомневаюсь, — сказал Фолкейн. — Черт их знает почему, но эти икрананкийцы видят заговор под каждой кроватью.

— Нет! Мы действуем для всеобщей пользы. Только выслушайте нас.

Стэфа жестом указала на седельное одеяло, лежавшее на земле. Фолкейн со стоном опустился на него. Стэфа

села рядом. Напротив за костром сдержанно рассмеялся Падрик.

— Скоро обед, — пообещал он, — так как насчет выпивки?

— О, дьявол, ладно! — воскликнул Фолкейн. Он глотнул из переданной ему бутылки. Обжигающая горло жидкость заставила его позабыть боль и притупила тревогу за Эдзела.

— Вы люди Роберта Торна, так? — спросил он.

— Теперь — да, — сказала Стэфа, — а сначала была я одна. Видите ли, Торн разослал повсюду икранканкицев-шпионов. Рангакорцы, если уж они должны быть завоеваны, предпочитают, чтобы это сделали земцы, а не деодакхи. Им легче найти общий язык с нами. Некоторые из их отрядов сражались с нами, кроме того, есть торговцы и... Не так уж трудно проникнуть сквозь ряды осаждающих, утверждая, что ты торговец вразнос, пришедший с плоскогорья. Или что-нибудь в этом роде...

«Никуда не годная служба безопасности, — размышлял Фолкейн. — Как это может быть у расы, которая подозревает каждого? Что ж, подобная приверженность к своей фратрии должна была вызвать ослабление связей между фратриями. Что, в свою очередь, способствует если не шпионажу, то многим другим способам просачивания информации».

— Люди Джадхади рассказывали о вас, — сказала Стэфа. — Я думаю, он предупредил высших офицеров, но один из них все же проболтался.

Фолкейн легко мог представить себе, как это произошло: тирут или яндаджи, получивший приказ деодакха хранить тайну от своих родичей, не удержался и выдал секрет.

— Вначале до нас доходили лишь смутные слухи. Но наши шпионы внимательно анализировали их. Мы не знали, что означают эти слухи, и решили выяснить. Город был погружен в сумерки, поэтому я сумела выбраться незамеченной, раздобыла нескольких зандаров и двинулась в путь. Патруль около Хайджакаты заметил меня. Моего запасного зандара убили стрелой. Я сама едва спаслась, — Стэфа засмеялась и потрепала Фолкейна за волосы. — Спасибо тебе, Дэвид.

— И, конечно, узнав, кто мы, и то, что мы находимся на стороне Джадхади, вы тоже решили выдать себя за его сторонницу, — добавил он, главным образом для того, чтобы удержать ее руку у себя на голове. — Но почему вы пошли на риск возвращения с нами в Катандаран?

— А что мне оставалось делать? Вы хотели разгромить нас. Я не представляла, как поступить в таком случае, но мне было известно, что в Катандаране немало людей охотно присоединились бы к нам в Рангакоре. К тому же я была уверена, что в Железном Доме никто не выдаст меня икрананкийцам, — Стэфа озорно улыбалась. — Ох, этот старый Гарри Смит сошел с ума. Он хотел предать меня суду. Но слишком многие были против этого. Он пытался удержать меня в казарме, пока не придумает какое-нибудь объяснение для всех. Это было его ошибкой. Я могла сидеть там и разговаривать, когда его не было поблизости. И я знала, с кем разговаривать, — со старыми друзьями, моими прежними возлюбленными.

— Что? — переспросил Фолкейн растерянно. Падрик выглядел самодовольным.

— Мы составили план, — продолжала Стэфа. — И ждали удобного случая для начала действий. Хаф нанял нескольких своих собутыльников в старом Городе, чтобы они купили животных и припрятали их. У нас было достаточно денег. Потом он познакомился с вами. Конечно, мы не могли захватить вас в присутствии Эдзела, проще было как-нибудь удалить его. Когда Эдзел ушел с Падриком, мы решили начать. Один за другим наши люди находили повод, чтобы выскользнуть из казармы. Мы направились к вам на квартиру. Нас ожидало ужасное разочарование: вас там не оказалось. Но мы узнали, что вы на аудиенции у императора, поэтому ждали и надеялись. Остальное вы знаете.

Фолкейн повернулся и внимательно посмотрел на девушку.

— В чем смысл этого фантастического трюка? — спросил он.

— Помешать вам помочь Джадхади, — сказал Падрик. — Может, даже договориться с вами о помощи нам. В конце концов, мы же все люди.

— Но и земцы в Катандаране тоже люди.

— Но мы делаем это и для них, — возразила Стэфа. — Почему мы должны быть фратрией наемных солдат, когда можем владеть собственной страной?

— И лучшей страной, чем эта, — добавил Падрик.

— Это замысел Роберта Торна, — согласилась Стэфа. — Он надеялся, что все земцы оставят Джадхади и присоединяться к нам, как только узнают о том, что мы сделали. Прольется много крови. Но это нужно сделать, — голос ее зазвенел, — наше дело стоит таких жертв.

— Но зачем было обманывать меня? — горько спросил Фолкейн. — Разве я не говорил вам, что вы все можете вернуться на Землю?

— Ох! Я совсем забыла об этом.

— Слишком поздно, — рассмеялся Падрик. — К тому же я не уверен, что хочу улететь. Жизнь на Земле, должно быть, сильно отличается от нашей жизни, и отличается в худшую сторону.

— Хорошо, — сказал Фолкейн. — До сих пор ваш план удавался. Вы подняли суматоху в столице. Вы приостановили нас: пока мои друзья не отыщут меня, они не будут действовать. Вы могли даже вбить клин между нами и Джадхади. Но не думайте, что мы будем делать за вас вашу грязную работу.

— Я хотела бы, чтобы вы были с нами, — проворковала Стэфа, гладя его по щеке.

— Перестаньте! Я пришел, чтобы прекратить войны, а не поддерживать их.

— Неважно, — сказал Падрик. — Пока ваш корабль не вмешивается, мы побеждаем, а он не будет вмешиваться, пока вы у нас.

— Друзья освободят меня, разрушив ваши проклятые стены.

— Они попытаются, — сказал Падрик, — но найдут вас изрезанными на куски. Мы их об этом предупредим.

Говоря это, он даже не улыбнулся для приличия.

— Было бы очень жаль, — мурлыкала Стэфа, — ведь наша дружба только начинается, Дэви.

— Мясо готово, — сказал Падрик.

Фолкейн взял себя в руки. Он не собирался оставаться пассивным дольше, чем это было необходимо. Однако еда, питье и красивая женщина помогли ему воспринимать сложившуюся обстановку с самообладанием, которым мог гордиться сам Эдзел.

«Эдзел, старый чешуйчатый приятель, жив ли ты? Ты должен уцелеть. Все, что тебе надо сделать сейчас, это связаться по радио с Чи и попросить о помощи».

Беседа за едой была вполне дружеской. Падрик после нескольких кружек оказался отличным парнем, а Стэфа сверкала, как сверхновая звезда. Единственное, что вызвало недовольство Фолкейна, так это то, что они быстро закончили ужин и разошлись к своим спальникам набираться сил перед завтрашней дорогой.

Его часы остались во дворце вместе с другими вещами, но, насколько он мог судить, земцы обладали хорошо развитым чувством времени. Древние временные циклы Земли все еще управляли ими. Час на сборы после подъема, шестнадцать часов движения с короткими перерывами, час на устройство лагеря и шесть часов отдыха, разделенные на две смены караула. Хотя в этой пустыне вроде нечего было опасаться.

По мере того как опускалось солнце, местность становилась все более зеленой, и скоро они уже двигались по предгорьям Супхадерта, покрытым растительностью, напоминавшей по виду мхи; журчали ручьи, на ветру шевелились густые заросли перьевых растений. На севере громоздились горы, окрашенные в цвета расплавленного золота. На востоке тоже возвышались горы, сверкавшие красными тонами. Фолкейн видел снежные пики и ледники. Небо над ними меняло окраску от пурпурного цвета к глубокому черному, на нем блестели десятки звезд и планет. Они находились уже на краю зоны сумерек.

Пояс сумерек объяснялся не только наличием атмосферной диффузии, дававшей достаточно света. Икрананка имела эксцентрическую орбиту и слегка раскачивалась на своем пути вокруг солнца. Пояс сумерек смещался по поверхности один раз за семидесятидневный год. В настоящее время сумерки отступили, и солнце стояло над восточным горизонтом. Склоны отражали так много тепла,

и так много инфракрасного излучения получала поверхность, что здесь было даже теплее, чем в Катандаране. Осадки, выпавшие в холодный сезон, растаяли, и по склонам вниз струились реки. Фолкейн понял, почему все стремились обладать Рангакорой.

Он подсчитал, что отряд был в пути около пяти земных дней, пройдя примерно четыреста километров до того, как они повернули к югу по западному краю Чакоры. Перед ними высился горный хребет, и они вынуждены были взбираться по снежному конусу Маув-Гандра. Фолкейн привык к седлу и пустил зандара скакать самостоятельно, восхищаясь открывающимися видами и вспоминая о последнем разговоре у лагерного костра. Падрик ушел вперед, оставив его наедине со Стэфой. Точнее, не совсем наедине: уединения нет, когда вокруг снуют люди. «И все же, — подумал он, — мой плен имеет свои приятные стороны...»

Они обогнули обрыв, и перед ними предстал город Рангакора.

Город был сооружен у дороги, на небольшом плато. Дальше за городом дорога поднималась вверх, к небу, а с этой стороны опускалась к бывшему морскому дну. Это древнее дно туманно поблескивало, словно болото, золотом и зе́ленью. Вблизи стен Рангакоры протекала река. Большая ее часть скрывалась в лесу, но как раз над городом она срывалась со скалы водопадом, сверкавшим ореолом брызг, образующих радугу. Фолкейн затаил дыхание.

Земцы остановились и собрались вместе. Поднялись щиты, взлетели вверх сабли, тетивы самострелов были натянуты, копья подняты. Фолкейн понял, что сейчас не время восхищаться пейзажем.

Растительность вокруг города была вытоптана. Всюду горели костры, стояли палатки, развевались знамена. Крошечные на таком расстоянии, люди Джадхади сидели группами вокруг города, из которого их изгнали.

— Попробуем прорваться, — сказал Падрик. Его слова перекрыли гул ветра и водопада. — Люди Торна увидят нас и сделают вылазку.

Стэфа пришпорила своего зандара и приблизилась к Фолкейну.

— Мне не хотелось бы, чтобы вы убежали и сдались им, — улыбнулась она.

— О, дьявол! — сказал Фолкейн, который как раз собирался сделать это.

Она привязала веревку от своего седла к узде его зандара. Другая девушка привязала веревку к его ноге.

— Боевое построение! — скомандовал Падрик. — В атаку! — его сабля сверкнула.

Зандары двинулись вперед. Из лагеря имперских солдат донеслась тревожная барабанная дробь. Кавалерийский отряд помчался наперерез атакующим. Флажки на остриях их пик хлопали на ветру.

10

Будучи так же склонными к нарушению заведенного порядка, как и большинство других рас, икрананкийцы нуждались в тюрьмах. В Хайджакате тюрьма располагалась вблизи рыночной площади. Решетка, составленная из прочных прутьев, установленных тесными рядами, отгораживала внутреннее помещение от улицы. Если узник жаждал света, он мог отдернуть дверной занавес, но деревянная решетчатая дверь все равно оставалась закрытой. В камере имелись соломенный матрац и несколько глиняных чашек. Чи разбила одну из них и попыталась осколками перепилить решетку, но безуспешно. Это свидетельствовало о том, что если даже ее тюремщики и были сумасшедшими, то глупцами они не были.

Звон и бряканье оторвали ее от этого занятия. Дверь отворилась, занавес отдернулся, открыв пурпурный диск солнца, сверкнули очки Гурджанджи.

— Я как раз думала о вас, — сказала Чи.

— Правда? — голос чиновника звучал ровно. — Могу я спросить, что именно вы обо мне думали?

— О, нечто веселое и несколько замедленное, связанное с кипящим маслом и расплавленным свинцом. Что вы хотели?

— Я... ук-к-к... я могу войти? — занавес отдернулся шире. За спиной посланника Чи увидела несколько вооруженных стражников, а еще дальше — горожан, спешивших за покупками. Карантин до минимума сократил торговлю. — Я хочу выяснить, достаточно ли хорошо с вами обращаются.

— Что ж, в дождь крыша не протекает.

— Но ведь к западу от Супхадерта дожди вообще неизвестны.

— Верно, — взгляд Чи коснулся сабли на боку Гурджанджи. — «Может, остаться с ним наедине и попытаться... Нет, он отразит атаку и позовет на помощь». — А почему мне не дают мои сигареты? Это такие огненные палочки. Вы видели, как я брала их в рот.

— Они в вашем доме, благороднейшая, и хотя ваш дом не протестует против охраны, он отказывается впустить нас внутрь. Я уже пробовал.

— Доставьте меня туда, и я отдам приказ.

Гурджанджи покачал головой.

— Нет, к сожалению. Вы можете использовать неизвестные нам силы. Когда настоящее... ак-крр... прискорбное недоразумение разъяснится, тогда, — да, благороднейшая. Я отправил курьера в Катандаран, и вскоре должен прийти ответ.

Решив, что разрешение войти получено, он вошел. Солдаты закрыли дверь на неуклюжий висячий замок.

— Тем временем появится бедный Эдзел и будет убит вашими горячими головами, — посетовала Чи. — Задерните занавес, вы, дурень! Я не желаю, чтобы эти ослы глазели на меня.

Гурджанджи повиновался.

— Теперь я ничего не вижу, — пробормотал он.

— Это не моя вина. Садитесь. Да, вот здесь матрац.

— Эх... к... к... гм... я должен...

— Давайте, — настаивала Чи, — пока мы пьем вместе, мы, по крайней мере, не являемся смертельными врагами. — Она налила крепкий напиток в глиняную чашку.

Гурджанджи выпил и позволил налить себе вновь.

— Я не вижу, чтобы вы сами пили, — сказал он. — Может, вы хотите напоить меня?

Чи со вздохом подумала, что не стоит и стараться.

Она все больше напрягалась. Ее мозг усиленно работал, наконец она расслабила мышцы и сказала:

— Здесь нечем заняться, не правда ли? — она взяла чашку и выпила. Гурджанджи не видел выражения ее лица в этот момент. — Фу!

— Вы клевещете на нас, — продолжала она, — у нас были самые дружественные намерения. Однако если мой друг будет убит, ждите отмщения.

— Крр-ек... он будет убит, если только впадет в ярость. Против воли коменданта я расставил глашатаев, которые должны предупредить его, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, что он будет благоразумен.

— Но что вы собираетесь с ним сделать? — спросила Чи и добавила: — Он должен что-то есть, — Гурджанджи моргнул, и Чи поспешила предложить: — О, выпейте еще.

— Мы... ак-крр... мы и для него можем приготовить помещение. Все зависит от указаний, которые я получу из столицы.

— Но если Эдзел направился сюда, он вскоре будет здесь. Допивайте, и я снова вам налью.

— Нет, нет, для такого старика, как я, уже достаточно.

— Я не люблю пить одна.

— Но вы еще не много выпили, — сказал Гурджанджи.

— Но я меньше вас, — Чи осушила свою чашку и наполнила ее снова. — Я хочу, чтобы вы оценили мои способности.

Гурджанджи наклонился вперед.

— Хорошо. В доказательство моего искреннего стремления к дружбе я присоединяюсь к вам.

Чи легко разгадала его тайную мысль: «Пускай напьется, может, что и выболтает». Она утвердила его в этой мысли, изобразив легкое икание.

Он отпил еще, и Чи добавила. В продолжение следующего часа речь его становилась все более бессвязной.

Но в отличии от Чи, он, казалось, сохранял трезвость. Он все пытался убедить ее, что именно Фолкейн — организатор недавних беспорядков в Катандаране. Когда она с гневом отвергла это обвинение, он сменил тему разговора.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — сказал он. — О ваших способностях, например.

— Я... способнее вас... — сказала Чи.

— Да, да, конечно.

— Нам... м... ного...

— Да, и вы это доказали...

— И я... к-к... рр... асивее...

— У-к-к-к... вкусы так различаются, вы знаете, вкусы различаются. Но должен признаться, что вы очаров...

— Разве... я не пр-рек... расна? — усы Чи дрожали.

— Наоборот, благороднейшая. Пожалуйста, прошу вас...

— Я х... х... орошо пою... вот послуш... айте меня... — Чи встала, держа в руке чашку, размахивая хвостом и покачиваясь. Гурджанджи зажал уши.

— Чинг, чанг, гули, гули, васса.

Чинг, чанг, гули бум.

— Какая чудесная мелодия! Но боюсь, что мне пора идти, — Гурджанджи пошевелился, сидя на матраце.

— Не ух... дите, стар... ый... ик... дру... жище, — попросила Чи. — Не ос... ляйте меня одну...

— Я скоро вернусь. Я...

— Упп! — Чи, покачнувшись, навалилась на него. Чашкой она задела очки Гурджанджи, и они свалились с его клюва. Чи попыталась их схватить вместе с чашкой. Раздался звон.

— Помогите! — закричал Гурджанджи. — Мои очки!

— Прос... ти... те... — Чи барахталась среди осколков.

Вбежали стражники. Чи отступила. Гурджанджи от внезапного яркого света замигал.

— Что случилось, благороднейший? — спросил солдат?. Его меч был обнажен.

— Не... сч... стный случай... — бормотала Чи. — Из... в... няюсь.

— Назад! — меч повернулся к ней, второй охранник принялся убирать осколки.

— Это случилось ненамеренно, — сказал Гурджанджи, производя пассы против демонов. — Я думаю, вам лучше лечь спать.

— А я советую вам подлечиться. Заведите докторов, как у нас, пройдите курс лечения у окулиста, и вам не нужны будут очки, — Чи сама удивилась своему сочувствию. Имперский советник был богат и, несомненно, имел запасные очки.

И действительно, Гурджанджи сказал:

— Спасибо, у меня есть запасные. Отведите меня домой.

Он поклонился Чи и вышел. Она свалилась на матрац и закрыла глаза.

— Слишком светло. Задерните занавес, — попросила она.

Стражники повиновались, потом снова закрыли дверь на замок. Чи подождала несколько минут, встала, продолжая имитировать безмятежный храп...

Жидкость тяжело болталась у нее в животе. Но на работе ее мозга алкоголь совершенно не отражался. Этанол — обычный продукт цинтианского метаболизма. И... пользуясь темнотой и слепотой Гурджанджи, она зажала в ладони несколько больших осколков стекла, сунув их затем под матрац.

Она разорвала чехол матраца на куски, чтобы обмотать руки и защитить их от порезов, и начала работу в дальнем конце камеры.

Стекло было не очень твердым. Его края оказались недостаточно острыми, чтобы хорошо резать. Поэтому Чи пришлось заострить концы, расслаивая стекло, — Академия Лиги давала множество практических навыков, — но через некоторое время осколки становились слишком малы, чтобы держать их в руке.

— Ад и проклятье! — прошептала она, когда один из осколков сломался окончательно.

— Что это? — послышался голос снаружи.

— Хр... р... р... — ответила Чи.

Человек давно изошел бы потом и бросил работу, но Чи философски смотрела на усталость и возможные неудачи. К тому же ей было нужно меньшее отверстие, чем человеку. Слава Богу, что она завершила работу прежде, чем ее инструмент пришел в полную негодность.

Теперь изогнуть спину, напрячь мускулы рук и ног со всей силой, которую представители ее вида накопили во время полетов с ветки на ветку в родных лесах. Уф!.. раздвинув прутья, она протиснулась сквозь них и оказалась перед внешней плетеной стеной. Ее нос уперся в грубую поверхность стены. Преодолевая боль, дрожа от холода, она атаковала ее зубами и когтями. Одно за другим волоконца рвались.

«Быстрее, пока никто не заметил!»

Появилось отверстие, сквозь него был виден безлюдный переулок, часть лишенной окон стены дома, залитой красноватым солнечным светом. Чи протиснулась в отверстие и побежала.

Городские ворота могут надежно охраняться, а могут и не охраняться вовсе. Но в любом случае, направляясь к ним через весь город, она будет замечена. Кто-нибудь остановит ее, ей могут выстрелить в спину из самострела. Она промчалась мимо тюрьмы и кинулась бежать через площадь.

Туземцы пронзительно закричали. Кухарка присела среди купленных ею товаров. Из мастерской выскочил кузнец с молотком в руке. Стражники побежали за ней. Впереди, в центре города, было небольшое строение, похожее на киоск. Чи запрыгнула внутрь.

Грубо высеченные ступени вели вниз, в колодец. Влажный ветерок повеял ей в лицо. Вход быстро исчез из вида, она находилась в туннеле, проложенном в скале и освещенном через большие интервалы укрытыми лампочками. Чи остановилась, чтобы прикрутить фитили поверх двух ламп. Хотя ей затем пришлось ощупью добираться до следующего освещенного места, но у икрананкийцев задержка будет еще значительнее. До нее донеслись их крики, резкие и искаженные эхом. Не осмелившись вступить в темноту, они отправились назад за факелами.

К этому времени она уже была на дне колодца. Короткий каменный коридор привел ее в комнату с источником посередине. Женщина-туземка выпустила из рук рукоятку ворота и с криком отпрянула к стене. Чи не обратила на нее внимания. Выход отсюда, когда город не находился в опасности, не охранялся. Чи приметила это

еще раньше, когда Гурджанджи показывал ей окрестности. Она спрыгнула со стены в кустарник и песок.

Оглянувшись назад, она увидела суматоху на стенах Хайджакаты. Увидела она и родной «Сквозь хаос»; его вершина четко вырисовывалась на фоне неба. Мгновение она колебалась: не попытаться ли достичь корабля. Оказавшись на его борту, она будет неуязвима. Или она просто может выкрикнуть приказ, чтобы корабль взлетел и подобрал ее.

Нет. Копья и щиты звенели вокруг корпуса звездолета. Везде были расставлены катапульты. Она не сумеет приблизиться незамеченной на расстояние слышимости, не успеет произнести условной фразы, прежде чем ее схватят. А Бестолочь не запрограммирован на действия без прямого приказа, какими бы ни были показания его детекторов.

«Ну, ладно. Хорошо бы отыскать Эдзела», — Чи двинулась в путь. Довольно долго она брела параллельно дороге, ведущей в Хайджакату, скрываясь в окружающей дорогу растительности.

В знойном воздухе неподвижно стояла стена тонкой пыли, и с каждой минутой Чи ощущала все большую жажду. Она пыталась отвлечься, обдумывая, как лучше опровергнуть статью, которую она читала перед отлетом с Земли в «Журнале ксенологии». У автора, похоже, вместо мозгов был мясной салат, а вместо глаз — вареные яйца.

Тем временем подошла пора напиться и передохнуть. Она двинулась по полю к зарослям тростника. Там мог оказаться ручей. Она пробиралась осторожно, словно тень среди теней, пока не наткнулась на ферму.

Эдзел был здесь. Он стоял, зажав в лапах похожее на свинью животное, которое истошно визжало. Эдзел терпеливо говорил, обращаясь к кому-то за закрытыми воротами фермы:

— Но, мой друг, вы должны сообщить мне свое имя.

— Чтобы ты использовал его в демонических заклинаниях? — сказал изнутри хриплый мужской голос.

— Нет, обещаю вам. Я хочу дать вам расписку. Или скажите, кому мне потом заплатить. Мне нужна пища, но я не хочу ее красть.

Из бойницы вылетела стрела. Эдзел вздохнул.

— Ну, что ж, если вы это так воспринимаете...

Чи вышла из зарослей.

— Где вода? — хрипло спросила она.

Эдзел вытаращил глаза.

— Ты? Дорогой друг, во имя Вселенной, что случилось?

— Идиот, оставь свою вежливость. Разве ты не видишь, что я умираю от жажды?

Одинит попытался ощетиниться. Но так как у него не было волос, это ему не удалось.

— Всегда нужно говорить вежливо. Знала бы ты, чего можно достигнуть вежливостью. Я бежал день и ночь...

— ...и обежал всю планету? — усмехнулась Чи.

Эдзел перестал спорить и показал ей ручей. Вода была мутной и пахла болотом, но Чи пила с упоением. Теперь она понимала волнение, в которое приводил Фолкейна бокал шампанского. Потом она села и привела себя в порядок.

— Обменяемся новостями.

Пока она говорила, Эдзел свежевал животное. Для этого у него не было никаких инструментов, но он в них и не нуждался. Выслушав рассказ Чи, он печально взглянул на нее и спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Вызывать корабль, конечно.

— Но как?

Чи только сейчас заметила, что передатчик Эдзела разбит. Они молча смотрели друг на друга.

11

Гурджанджи приладил свои запасные очки. Они не были такими удобными, как старые. Окружающее он видел смутно. «Но так лучше, — подумал он. — Эта штука настолько огромна. И полна волшебства. Да, я убежден, что в сложившихся обстоятельствах лучше не видеть ее слишком ясно».

Он сглотнул, собрал свое имущество и сделал шаг вперед. Солдаты следили за ним, стоя поодаль с испуганным выражением лиц. Это слегка нервировало Гурджанджи.

— Я должен показать, что мы, деодакхи, не знаем страха.

Однако он никогда не пришел бы сюда, если бы не Лалнакх. Комендант вел себя, как пустынный варвар. Гурджанджи знал, что тируты не сдержаны на язык, но не до такой же степени! Все-таки это цивилизованная фратрия. Однако Лалнакх так бранился и бушевал по поводу бегства пленницы, что... Да, с практической точки зрения этот случай не способствует укреплению репутации Гурджанджи. Но гордость за свою фратрию требовала ответить на брань спокойно и с достоинством: «Я иду советоваться с летающим домом. Осмелится ли комендант сопровождать меня? Нет? Отлично». — Конечно, сейчас следует промолчать, но, вернувшись, можно будет намекнуть кое-кому, что благородный Лалнакх побоялся идти. Да, свое моральное превосходство необходимо доказывать даже с риском для жизни.

Гурджанджи с трудом проглотил комок в горле.

— Благороднейший, — позвал он. Собственный голос показался ему незнакомым и довольно странным.

— Вы обращаетесь ко мне? — ответил ровный, без выражения, голос сверху.

— Ак-кр, да.

Еще раньше чужеземцы рассказывали Гурджанджи, что летающий дом может говорить и думать. Но они могли обмануть его. Может, внутри кто-нибудь скрывается? Если это так, то там прячется странная личность, ничего не желающая делать.

— Ну? — сказал Гурджанджи, когда молчание затянулось слишком надолго.

— Я жду продолжения, — безразлично ответил дом.

— Я хочу, благороднейший, выяснить ваши намерения.

— Мне не указали, что нужно делать.

— Значит, вы ничего не будете предпринимать?

— Я веду наблюдения и обрабатываю их на случай, если они потребуются позже.

Гурджанджи облегченно вздохнул. Дело обстоит так, как он и думал. Весьма довольный, он спросил:

— Допустим, вы увидите, что один из членов вашего экипажа в опасности. Что вы будете делать?

— То, что мне будет приказано, в пределах моих возможностей.

— И ничего больше? Я имею в виду... Крре... ек... не будете ли вы действовать по собственной инициативе?

— Нет, пока не получу словесный или кодовый приказ. Иначе можно наделать ошибок.

Еще более успокоившись, Гурджанджи вдруг ощутил исследовательский пыл. У всех имеется определенное интеллектуальное любопытство. И, конечно, нужно применять свои открытия на практике. Если вновь прилетевший земец и два его жутких товарища будут убиты, что ж, тогда летающий дом останется здесь. Гурджанджи повернулся к стоявшему поблизости офицеру.

— Отведите всех подальше, — сказал он. — Мне нужно обсудить секретные вопросы.

Тирут подозрительно взглянул на него, но повиновался. Гурджанджи снова повернулся к кораблю.

— Однако вы не совсем пассивны, — сказал он. — Вы разговариваете со мной.

— Я так сконструирован. Я логически мыслю и способен поддерживать беседу.

— Ах-крр, разве вы, как бы это сказать, не скучаете здесь?

— В моей конструкции не предусмотрена такая возможность. Мой мозг сохраняет постоянную активность, анализируя наблюдения. Когда нет свежих данных, я рассматриваю логические возможности, возникающие при игре в покер.

— Что?

— Покер — это игра, в которую играют у меня на борту.

— Понятно. Ук-к-к, ваша отзывчивость чрезвычайно приятна.

— Меня инструктировали быть вежливым и гостеприимным по отношению к вашим людям. «Инструктировали» — самое близкое по значению слово, которое я могу

отыскать в катандаранском словаре. Меня не инструктировали не отвечать на вопросы. Я сделал из этого вывод, что могу отвечать.

Возбуждение охватило Гурджанджи.

— Вы хотите сказать, что я правильно вас понял, благороднейший, что ответите на любой мой вопрос?

— Нет. Поскольку меня инструктировали служить интересам экипажа и поскольку эти солдаты вокруг меня означают, что экипаж вступил с вами в конфликт, я не могу сообщить вам информацию, которая увеличила бы ваши силы.

Гурджанджи почувствовал разочарование, поняв, что летающий дом не расскажет ему, как делать бластеры. Тем не менее задавая умные вопросы, со временем можно будет кое-что узнать.

— Вы можете давать советы, касающиеся безвредных для вашего экипажа дел?

Дул холодный ветер, кружа песок и раскачивая кусты. Спрятанный в доме компьютер размышлял. Наконец он ответил:

— Эта проблема находится на пределе возможностей моего логического мышления. Я не вижу причины, почему бы не ответить на ваши вопросы. В то же время наша экспедиция имеет целью приобретенье богатства. Лучшее решение, которое я могу найти, это брать с вас плату за советы.

— Но как?

— Вы можете принести меха, лекарства и другие ценности и положить их у открытого люка, который вы, вероятно, видите. Какой совет вы желаете получить?

Гурджанджи задумался. Он знал, что у него появилась редчайшая возможность узнать что-то действительно существенное. Если только он сумеет придумать... Погоди. Он вспомнил замечание Чи Лан в доме Лалнакха перед ее арестом.

— Мы играем в игру под названием акритель, — медленно сказал он. — Вы можете подсказать мне, как в нее выиграть?

— Объясните правила.

Гурджанджи объяснил.

— Да, — сказал корабль, — это просто. Выигрывать все время без шулерства невозможно. Но, зная шансы и вероятности различных расположений, которые могут возникнуть в игре, вы можете поступить в соответствии с ними и в длительной игре всегда окажетесь в выигрыше при условии, что ваши противники этих вероятностей не знают. А они наверняка не знают, поскольку вы об этом спрашиваете, и поскольку для их расчета требуется знание высшей математики. Принесите бумагу и письменные принадлежности, и я продиктую вам таблицу вероятностей.

Гурджанджи сдержал себя, чтобы не проявить свою радость слишком явно.

— Что вы хотите за это, благороднейший?

— Я не знаю точно. Разрешите, я оценю информацию, которой я располагаю, чтобы определить цену...

Летающий дом задумался, потом назвал, какое количество товаров потребуется.

Гурджанджи заявил, что это его разорит. «Дом» ответил, что в таком случае ему не следует покупать информацию. Он не пожелал торговаться, поскольку, несомненно, найдутся и другие, которые посчитают, что цена не так уж велика.

В конце концов Гурджанджи уступил. Конечно, ему придется занять денег, чтобы накупить такую кучу товаров, но из-за карантина, сократившего рынок в городе, цена будет не слишком высокой. Когда-нибудь он покинет свою жалкую деревушку и вернется в Катандаран, а уж там игра пойдет по настоящим ставкам.

— Вы выяснили что-нибудь, благороднейший? — спросил офицер, когда Гурджанджи направился в город.

— Да, — ответил он. — Очень важная информация. Я дам за нее взятку, но сделаю это из своего кармана, в интересах императора. Ак-кр... проследите, чтобы никто не разговаривал с летающим домом. Он наделен смертельной магической силой.

— Конечно, благороднейший! — вздрогнув, ответил офицер.

12

Герои приключенческих книг могут переносить тяжкие испытания — без психохимических средств, без сна, вообще, без каких-либо телесных потребностей, и они всегда готовы на новые подвиги. Реальный человек создан иначе. Проведя двенадцать часов без сна, Фолкейн и в спальном мешке чувствовал себя усталым и больным. Он не был ранен во время прорыва через линии, но стрелы нападавших пролетали рядом, а Стэфа зарубила саблей вражеского всадника за мгновение до того, как он дотянулся до Фолкейна своим копьем. Люди Роберта Торна предприняли вылазку, сломили сопротивление имперских солдат и провели вновь прибывших в Рангакору. Фолкейн находился на волосок от смерти. Его нервы все еще были напряжены.

Стэфа была очень весела, показывая ему дворец. Он должен был признаться, что дворец восхитил его. В нем было больше света и воздуха, чем в любом помещении Катандарана, он поражал своей красотой и к тому же содержал в себе бесчисленные богатства, накопленные за прошедшие тысячелетия. Тут даже были внутренние двери: бронзовые, украшенные рельефными изображениями, окна из относительно прозрачного стекла и паровые обогреватели.

Они вышли из мастерской гальванопокрытия, составляющего государственную монополию и размещавшуюся прямо во дворце, и отправились на балкон. Фолкейн был поражен успехами местных физиков: свинцово-кислотные батареи, медный провод, начальные эксперименты с чем-то, напоминающим лейденскую банку. Он понимал, что это общество ближе к людям, чем Катандаран.

— Здесь Торн, а с ним король, — сообщила Стэфа. Она провела Фолкейна к перилам. За ним следом шли два его охранника. Это были дружелюбные молодые парни, но они никогда не оставляли его одного и постоянно держали оружие наготове.

Торн опустил медную подзорную трубу, в которую он глядел, и кивнул:

— Вражеский лагерь с каждой сменой караула становится все неряшливее. Противник совершенно деморализован.

Фолкейн взглянул в указанном направлении. Дворец представлял собой единое здание в несколько этажей и с большим количеством окон. Он располагался вблизи от вершины холма. Вокруг дворца не было стен, только сад, а за ним — город. Подобно Катандарану, Рангакора была очень древним городом, полностью выстроенным из камня. Дома представляли собой симфонию мягких белых, желтых и красных тонов. Они словно смотрели наружу, а не внутрь, у них были заостренные, крытые черепицей крыши и грациозные колонны, Фолкейну они напоминали земные здания эпохи раннего Возрождения. Улицы были сравнительно широкие, мостовые выложены крупноразмерным булыжником, по ним двигалось множество уменьшенных расстоянием фигурок, слышался слабый стук колес и топот ног. От печных труб вверх тянулись дымки, по небу плыло несколько облаков. За городом серо-синие холмы поднимались к Маув-Гандру, чья снежная вершина сверкала золотом в вечном солнечном закате. Справа гремел водопад: белый, зеленый, в радугах и брызгах, он пробивал свой путь вниз, в Чакору, которая отсюда, казалось, ярко сверкала жизнью.

Взгляд Фолкейна остановился на осаждавших. Их палатки и костры усеяли плато за городскими укреплениями, в стороне бродили стада домашних животных, а там, где собрались солдаты, сверкал металл. Узнав о восстании, Джадхади прислал значительные подкрепления.

— Их гораздо больше, чем вас, — сказал Фолкейн.

Роберт Торн рассмеялся. Это был коренастый седобородый человек с пылающими голубыми глазами. Его лицо было покрыто старыми боевыми шрамами, поверх расшитой драгоценностями куртки на поясе висела видавшая виды сабля.

— Не торопитесь с выводами, — сказал он. — Мы приготовили запасов больше, чем они в состоянии собрать со всей страны. Пусть посидят немного. Может,

прибудут остальные земцы. Даже если не прибудут, то к следующему периоду сумерек они будут голодны, больны и склонны к грабежу, мы легко разобьем их. Они и сами знают это. У них не хватит выдержки, — он повернулся к стройному молодому краснокожему икрананкийцу в костюме шафранового цвета с позолоченным ожерельем: — Король Урсала, вот человек из-за края мира, о котором я вам говорил.

Монарх наклонил свою птичью голову.

— Приветствую, — сказал он на диалекте, который было нетрудно понять. — Мне давно хотелось встретиться с вами. Но лучше бы это произошло в более дружественной обстановке.

— Она вполне возможна, — намекнул Дэвид.

— Нет, если ваши друзья попытаются исполнить свою угрозу подчинить нас Катандарану, — сказал Урсала. Его ровный тон смягчил резкость выражений.

Фолкейн почувствовал себя неловко.

— Гм... мы ведь чужеземцы, и конкретных данных о вашем мире у нас не было. И разве так уже плохо присоединиться к империи? Вам бы здесь ничего не угрожало.

Урсала взъерошил кольцо своих перьев и надменно ответил:

— Рангакора уже был городом, когда Катандаран выглядел всего лишь деревушкой. Еще несколько поколений назад деодакхи были пустынными варварами. Их путь — не наши пути. Мы не настраиваем фратрию на фратрию, не требуем, чтобы сын обязательно овладел профессией отца.

— Как это? — Фолкейн был ошеломлен.

Стэфа кивнула.

— Фратрии здесь — всего лишь объединения семей, — сказала она. — Они не совпадают с гильдиями.

— Я говорил вам об этом, благороднейший, — самодовольно сказал Торн. — Под защитой земцев...

— О которой мы не просили, — прервал его Урсала.

— Нет, но, если бы я не решился на это, здесь теперь восседал бы вице-король империи.

— Думаю, что вы лучше, чем грубые варвары, — вздохнул король. — Иршари слишком долго благоприятствовали нам. Мы позабыли искусство войны. Но будем откровенны... Вы потребуете плату за свою защиту — в земле, сокровищах и власти.

— Конечно, — сказал Торн.

Чтобы прервать возникшее напряженное молчание, Фолкейн спросил, кто или что такое Иршари.

— Создатели и владыки Вселенной, — сказал Урсала. — Разве вы за краем мира так же суеверны, как и те, в западных землях?

— Что? — Фолкейн сжал кулаки. Дрожь возбуждения охватила его. Он засыпал Урсалу вопросами.

Полученные им ответы опровергали все созданные ранее предположения. Рангакора имела высокоразвитую стандартную религию: с богами, требовавшими жертвоприношений и лести, но в целом благосклонными. Единственной могучей силой зла был тот, кто убил Зурната Ярчайшего, и Зурнат ежегодно возрождался после того, как другие боги опускали его тело в залив.

Но почему у остальных икрананкийцев такие параноидальные представления о зле?

Почему западные культуры считали Космос исключительно враждебным началом?

Мозг Фолкейна напрягся, ему казалось, что сейчас он решит проблему, над которой думал последние недели. На дневной стороне Икрананки не было смены времени года. Не было смены жизненных ритмов, лишь одна бесконечная борьба за выживание в медленно деградирующей природе. Любое изменение в ней вело к худшему: землетрясение, песчаные бури, чума, ящур, высыхающие колодцы. Неудивительно, что туземцы с подозрением относятся ко всему новому. Неудивительно, что они чувствовали себя уверенно только в окружении членов своей семьи — фратрии. Неудивительно, что цивилизация была нестабильна, и что так часто нападали варвары.

Рангакора, находившаяся на краю зоны сумерек, знала дождь и снег, знала смену дня и ночи — полутьму. Там были известны целые созвездия, когда ее люди проникли на темную сторону планеты, они хорошо изучили ночное небо.

Но тогда...

Нет. Рангакора была маленькой и изолированной. Она не имела сил для создания империи. А ван Рийн, узнав о раздорах и варварах на этой планете, захочет иметь дело только с устойчивой империей. Помощь Рангакоре была бы донкихотским жестом, но Лига не воюет с ветряными мельницами. Освобожденная Рангакора снова будет захвачена, как только улетит космический корабль. А других посещений не будет.

Но постоянное благотворное влияние Рангакоры было бы очень полезно межзвездным торговцам. Как же найти компромисс?

Фолкейн в отчаянии взглянул на небо. Когда же, во имя ада, появится «Сквозь хаос»? Несомненно, Чи и Эдзел пытались отыскать его. Значит, с ними что-то случилось.

Он заметил, что Урсала что-то говорит ему, и вышел из своей задумчивости.

— Прошу прощения, благороднейший.

— Мы не используем почетные титулы, — сказал король. — Только враги нуждаются в умиротворении. Я просил вас рассказать о вашем доме. Это, должно быть, удивительное место, а лишь Иршари знают, как мне нужно отвлечься.

— Ну, гм...

— Мне тоже интересно, — сказал Торн. — В конце концов, если мы, земцы, вынуждены будем оставить Икрананку, то это многое изменит. Нам придется уходить из Рангакоры...

Высказывая это предположение, он не выглядел слишком счастливым.

Фолкейн глотнул. Если людей эвакуируют на Землю, он станет героем, но ван Рийн вышвырнет его из отряда торговцев-разведчиков. Несомненно, ему дадут другую работу: приятная безопасная должность третьего помощника на каком-нибудь заброшенном торговом посту с замечательной перспективой к пятидесяти годам стать вторым помощником и еще через десять лет быть выброшенным с крохотной пенсией.

— Ну, наше солнце светит гораздо ярче, — сказал он. — Стэфа, вы видели, как освещены наши помещения.

— Я чуть не ослепла, — пробормотала девушка.

— Постепенно вы бы привыкли, но поначалу придется быть осторожным, выходя из помещения. Солнце обожжет вашу кожу.

— Адские условия! — вырвалось у одного из охранников Фолкейна.

Фолкейн решил, что нужно усилить впечатление.

— Только в первое время, — успокоил он. — Потом вы приспособитесь, и ваша кожа станет жесткой и темно-коричневой.

— Что? — Стэфа приложила руку к щеке. Ее рот раскрылся.

— Там, должно быть, жарко, — проницательно сказал Урсала.

— Не очень, — сказал Фолкейн. — Но во многих местах, конечно, теплее, чем здесь.

— Как же вы это выдерживаете? — удивился Торн. — Я бы изошел потом.

— Ну, в самое жаркое время вы могли бы сидеть в помещении. Мы умеем устанавливать в помещении нужную температуру.

— Значит, я должен буду сидеть и ждать, когда переменится погода? — пролаял Торн.

— Я помню, — вмешалась Стэфа. — Воздух у вас влажный, как на болоте. На Земле всегда так?

— Это зависит от того, где вы находитесь, — ответил Фолкейн. — К тому же мы научились управлять погодой.

— Хуже некуда, — сказал Торн. — Если я буду потеть, то я тем более не хочу это делать по чьему-то капризу, — вдруг его лицо прояснилось. — Но мы будем бороться с теми, кто изменяет погоду, и убивать их.

— Боже, конечно нет! — сказал Фолкейн, пояснив. — Убийство на Земле запрещено.

Торн прислонился к перилам и, разинув рот, ошарашенно спросил:

— Но что я тогда буду там делать?

— Ну... вы бы несколько лет учились... Земных лет, конечно, в пять раз более длительных, чем икрананкийские. Изучили бы математику, натуральную философию, историю и... хотя теперь, когда я думаю об этом, мне это

кажется затруднительным. Но не беспокойтесь. По окончании учебы вам подыщут работу.

— Какую работу?

— М... м... м... конечно, не высокооплачиваемую. Видите ли, обращение с машинами требует навыка, привычки, а вы их не имеете. Думаю, вы сможете стать... — Фолкейн задумался в поисках туземных слов, — поварами, или привратниками, или еще кем-нибудь.

— Я, который правит городом? — Торн покачал головой и что-то забормотал про себя.

— Но где-то вы все же должны воевать, — возразила Стэфа.

— Да, к сожалению, — согласился Фолкейн.

— Почему «к сожалению»? Вы странный человек, — Стэфа повернулась к Торну. — Не унывайте, кэп! Мы будем солдатами. Если Великий Грантер не лгал, там много мест, где можно получить хорошую добычу.

— Солдатам не разрешается захватывать добычу, — сказал Фолкейн. Они выглядели ошеломленными. — К тому же солдатам нужен большой навык в обращении с машинами. В вашем возрасте его трудно приобрести.

— Иршари... огня... — прошептал Торн.

— Мы должны будем собрать совет фратрии немедленно, — встревоженным голосом сказал один из охранников.

Торн выпрямился и взял себя в руки.

— Сейчас это будет нелегко сделать, — сказал он. — Когда осада будет снята, и мы встретимся со своими людьми, тогда посмотрим. Урсала, мы с вами должны наладить связь между нашими силами.

— Да, думаю, это необходимо, — неохотно согласился король. Он повернул голову к Фолкейну. — До свидания. Надеюсь, что когда-нибудь мы поговорим подробнее.

Торн попрощался с отсутствующим видом, он о чем-то глубоко задумался. Они ушли.

Стэфа облокотилась на перила. На ней была короткая куртка. Ветерок развевал ее распущенные бронзовые локоны. Выражение ее лица было мрачным, но Фолкейн вспомнил некоторые ее реплики и почувствовал, как уча-

стился его пульс. Он должен скрасить нарисованную картину.

— Я хочу сказать, что Земля не такая уж плохая, — начал он. — Вам она понравится. Такая хорошенькая девушка, да еще с таким экзотическим происхождением... вы произведете сенсацию.

Она продолжала задумчиво смотреть на сторожевые башни. В ее голосе звучало презрение:

— Да, вначале... но надолго ли?

— Ну... моя дорогая, для меня вы всегда будете восхитительны.

Она не ответила.

— Какого черта вы там задумались? — поинтересовался Фолкейн.

Она сжала губы:

— Я думаю над тем, что вы сказали. Когда вы освободили меня, я сочла вас настоящим мужчиной. Но можете ли вы что-нибудь, когда рядом с вами нет вашего чудовища, а в руках... да... машины? Вы не можете ездить верхом на зандаре. Да и не научитесь никогда. Способны ли вы сделать что-то без посторонней помощи?

— По крайней мере одно, — попытался он пошутить.

Она пожала плечами.

— Я не сошла с ума, Дэвид. Только разочаровалась. Правда , это моя вина, что я раньше не замечала различий между нами. Именно эти различия и делают вас таким красивым.

«Боже!» — простонал про себя Фолкейн.

— Пойду, поищу Хафа, — сказала Стэфа.

Глядя ей вслед, Фолкейн потер подбородок. Он укололся о пробивавшуюся щетину. Конечно, так и должно быть. Кончилось действие последней дозы энзима, препятствующего росту волос. Вряд ли на Икрананке найдется бритва. Несколько дней он будет испытывать зуд, пока не отрастет новая борода.

«Девушка рассуждает правильно», — подумал он про себя без горечи. Конечно, многое в этом неудачном путешествии произошло по его вине. Если Чи и Эдзел попали в беду, в этом тоже его вина: ведь он был капитаном. Через четыре месяца, если они к тому времени

не вернутся, на базе распечатают конверт с маршрутом их полета и отправят спасательную экспедицию. Она выручит его, если он к тому времени будет жив. В данный момент он не был уверен, что хочет этого.

Внезапные громкие крики привлекли его внимание. Он перегнулся через перила и посмотрел за городскую стену. Казалось, над его головой разразился гром.

Эдзел!

Одинит галопом мчался по дороге. Его чешуя сверкала, он ревел громче водопада. Во вражеском лагере поднялась паника. С башен Рангакоры донесся барабанный бой. Люди и икрананкийцы бежали к стенам.

— Живой демон! — крикнул кто-то за спиной у Фолкейна. Он оглянулся и увидел, что два его охранника с пепельно-серыми лицами глядят на страшное видение. Можно было бежать. Он скользнул к двери.

Но вернулась Стэфа. Она схватила его за руку и всей тяжестью повисла на ней.

— Будьте бдительны! — крикнула она. Охранники вышли из оцепенения, выхватили из ножен сабли и повели его обратно. Он почувствовал слабость.

«Что случилось? — удивился он. — Где же корабль?»

Теперь оставалось только ждать. Катандаранская кавалерия собралась вновь и напала. Эдзел рванулся вперед. Копья отскакивали от его защитных пластин, всадники взлетали в воздух от его ударов, зандары в страхе разбегались. Его можно было остановить только огнем катапульт. Но полевая артиллерия не была готова к стрельбе по инопланетным существам, тем более когда прямо на нее скачет живой дракон. Артиллеристы побежали от орудий.

Ужас распространялся как термоядерная реакция. Через несколько минут армия Джадхади превратилась в кричащую толпу, в панике бегущую вниз по плато. Эдзел некоторое время гнался за ней и остановился только тогда, когда убедился, что она действительно ушла. Когда последний пехотинец исчез из виду, одинит повернулся и поскакал обратно через опрокинутые повозки, мимо бегающих зандаров и каракутов, брошенного оружия, пустых палаток и дымящихся костров. Он радостно размахивал хвостом.

Он скакал вверх, к воротам. Фолкейн не слышал, что он ревел, но мог себе это хорошо представить. Люди почувствовали, как у них подгибаются колени. Прибежал запыхавшийся посланец и сказал, что его вызывают. Фолкейн шел по пустынным улицам, все гражданское население Рангакоры спряталось по домам и молилось богам. Молодой человек подошел к городской стене.

Прогулка по городу успокоила его. Стоя рядом с Торном, Урсала и Стэфой перед линией солдат и глядя вниз на друзей, он понял, что снова обрел способность соображать. С близкого расстояния он разглядел за гигантскими плечами одинита мех Чи. Они живы! Слезы выступили у него на глазах.

— Дэвид! — взревел Эдзел, — я знал, что найду тебя здесь. Почему меня не впускают?

— Я пленник, — ответил Фолкейн по-латыни.

— Нет, — сказал Торн. — Говорите на английском либо катандаранском, чтобы я мог понимать, или уж молчите.

Поскольку наконечники копий вокруг казались необыкновенно острыми, Фолкейн повиновался. К общему чувству недовольства жизнью добавилось теперь и то, что все услышали о положении их корабля. Вот теперь-то он прочно застрял. Его затошнило.

Торн нетерпеливо сказал:

— Эй, у нас может быть общая цель. Давайте вместе выступим на Хайджакату, отнимем у них эту летающую штуку, а оттуда двинемся на Катандаран.

Голос Урсала стал ледяным:

— Иными словами, вы хотите оттуда управлять моим городом?

— Мы должны помочь нашим братьям, — сказал Торн.

— На пути сюда я перехватил курьера, — сказал Эдзел. — Боюсь, я слишком напугал его, но мы прочли депешу. Земцы, которые были в городе вне стен Железного Дома, объединились и напали с тыла. Объединенные силы земцев прорвали осаду Железного Дома и вырвались из города. Они двинулись к... как же это называется... к какой-то чакоранской деревне и позвали с собой всех членов фратрии. Джадхади не осмелился напасть на

них имевшимися в его распоряжении силами. Он собирает подкрепления из различных гарнизонов.

Торн потянул себя за бороду.

— Я знаю своих людей, — сказал он. — Они уйдут раньше, чем император соберет свои силы. И куда же они двинутся? Конечно же, сюда, — его лицо прояснилось. — Клянусь Разрушением! Нам остается только сидеть и ждать, и все будет так, как я хотел.

— Кроме того, — предупредила Стэфа, — мы не можем доверять Фолкейну. Как только он вернет себе летающую машину, он будет делать все, что захочет, — она бросила на Дэвида враждебный взгляд. — Думаю, в таком случае он нападет на нас.

— Единственное, чего я хочу, это убраться с вашей планеты, — сказал Фолкейн. — И как можно дальше.

— А потом? Ваши вонючие торговые интересы связаны с Катандараном. Вместо вас придут другие, подобные вам. Так что лучше задержитесь, дружок, — она перегнулась через парапет, сложила ладони рупором и закричала:

— Уходите или мы бросим вам голову вашего друга.

Чи встала между спинными пластинами Эдзела. Ее тонкий голос едва долетал до них сквозь гул водопада:

— Если вы это сделаете, мы обрушим на вас стены города.

— Нет, подождите, подождите, — сказал Урсала. — Будем благоразумными.

Торн провел взглядом по лицам собравшихся на городской стене. На воинах блестел пот, языки облизывали пересохшие губы, клювы были раскрыты, и перья взъерошены.

— Мы не можем сделать вылазку, — сказал он вполголоса. — Наши люди слишком испуганы, а большинство зандаров разбежались. Но мы можем удержать его на расстоянии. Когда соберется вся фратрия — да, тогда нас будет достаточно. Нам следует подождать.

— И сохранить мне жизнь для заключения соглашения, — быстро добавил Фолкейн.

— Конечно, конечно, — усмехнулась Стэфа.

Торн издал приказ. Инженеры начали наматывать трос катапульты. Эдзел услышал скрип и отступил.

— Держись, Дэвид! — крикнул он. — Мы тебя не оставим.

«Сказано хорошо, но пока от этого мало толку», — подумал Фолкейн. Торн не просто хотел удержать Рангакору, он намеревался и его использовать для пользы своей фратрии. Если земцы поддались влиянию икранаккийцев и усвоили их хроническую подозрительность, они никогда не отпустят его на корабль. Они скорее сделают его постоянным заложником на случай прилета других космических кораблей. А укрепившись здесь, они попытаются свергнуть гегемонию деодакхов. Им это может удастся. Фолкейну оставалось надеяться, что спасательная экспедиция сумеет заключить договор: в обмен на него Лига откажется от Икранаккии. Он знал, условие будет выполняться: нельзя торговать с враждебной цивилизацией. А когда ван Рийн узнает, что такой потенциальный рынок потерян, он пнет Фолкейна так, что тот улетит на Луну.

В какую гнусную историю он впутался!

Охранники отвели его во дворец, где находилась тюрьма. Эдзел собрал животных, не успевших сорваться с привязи, поел и приступил к осаде города в гордом одиночестве.

13

Чи Лан удалось незаметно добраться до восточной стены. Катандаранцы располагались слишком далеко, чтобы вытоптать здесь кустарник, а рангакорцы не успели срезать или прополоть его. Тут было достаточно высоких растений, чтобы скрыть ее приближение. Присев на корточки, она глядела на темный утес, облако, двигавшееся по пурпурному небу, казалось, опрокидывало его прямо на нее. Острые чуждые растительные запахи щекотали ноздри. Ветер был холоден, с противоположной стороны доносился рев водопада.

Отсюда, из тени, трудно было разглядеть подробности. Но она мысленно намечала маршрут. Как обычно, стена

не была покрыта штукатуркой, камни были плотно прижаты друг к другу, но дожди и морозы за несколько тысячелетий выщербили их. По ним можно было взобраться наверх.

Мускулы Чи напряглись. Она подпрыгнула, уцепилась пальцами рук и ног, подтянулась и поползла. Холодная и грубая поверхность стены царапала ей живот. Ей мешали двигаться веревка, которую она разыскала в брошенном лагере, и два кинжала у пояса. Тем не менее, не проявляя никаких чувств, она карабкалась вверх.

Когда ее пальцы ухватились за верхний край стены, она на мгновение заколебалась. Через равные промежутки здесь стояли часовые. Но... она подтянулась, протиснулась между зубцами и замерла. Справа и слева она видела ближайших к ней часовых. Один был икрананкиец, другой — человек. Их плащи развевались так же сильно, как знамена на вершинах башен. Но они ее не видели.

Теперь быстро! Чи спрыгнула с парапета. Как и следовало ожидать — любой сколько-нибудь сведущий военный инженер предусмотрел бы это — несколько метров пустого пространства разделяло внешнюю стену и ближайшее здание. Когда прекратилась торговля с внешним миром, движение здесь остановилось. Она не боялась встречи со случайным прохожим, но все равно предпочла развить максимальную скорость. Последние метры она буквально пролетела.

Свернув в ближайший переулок, Чи ненадолго остановилась отдышаться. Вдруг послышался топот ног и хриплые голоса. Ухватившись за оконную раму, она вскарабкалась на крышу здания.

Отсюда открывался широкий вид. Огромное красивое солнце освещало улицы, по которым двигалось несколько туземцев. Через несколько часов после появления Эдзела они все еще были слишком потрясены, чтобы работать.

«Посмотрим... Дэвида, очевидно, держат во дворце, по всей вероятности, вон в том претенциозном здании в центре города», — она наметила дорогу по крышам и решила пересекать улицы в самых узких и пустынных местах. Чи двинулась в путь.

Осторожность требовала времени, но это была недорогая цена. Самое трудное препятствие ждало ее в конце. Четыре широкие улицы отделяли ее от дворца, на них было оживленное движение. Кроме посыльных, спешивших с поручениями, здесь находились группы икранан-кийцев, похожих на людей в том отношении, что они пытались извлечь выгоду из близости ко двору правителей. Чи провела несколько часов за трубой в наблюдении, прежде чем подвернулся шанс продолжить путешествие.

По улице дребезжала тяжелая карета, направляющаяся к королевскому дворцу, а перед ней двигался пожилой туземец в чиновничьем мундире. Чи соскользнула в пространство между соседними домами. Мимо прошлепали каракуты, проскрипела телега, ее корпус скрыл Чи от толпы. Она нырнула под телегу и побежала на четвереньках. Ей пришлось пробежать около трех метров, чтобы добраться до старика. Он мог ее заметить, но поблизости тянулся сад, и, в крайнем случае, его живая изгородь и беседки скрыли бы отважную Чи. Но она надеялась, что в этом не будет необходимости.

Она преодолела открытое пространство за полсекунды. Приподняв край долгополого платья старика, она нырнула под него и опустила ткань.

Старик остановился.

— Что? Что? — услышала она и повернулась вместе с ним, стараясь не попасть ему под ноги. — Крр-ек? Что? Готов поклясться, я слышал... нет, нет... мк-к-к... — и он поплелся дальше.

Решив, что они достаточно углубились в сад, Чи оставила его и спряталась за ближайшим кустом. Сквозь листву она увидела, что старик вновь остановился, поправил одежду, почесал голову и потащился по боковой аллее, что-то бормоча.

Чи обошла сад. Когда кто-то проходил мимо, она пряталась так, как это умеют только лесные жители. Наконец ей представилась еще одна удачная возможность.

Она обходила северную сторону дворца. От стены ее отделяли заросли псевдобамбука. Никого не было видно кроме часового-туземца, шагавшего по траве. Он должен был все знать. Чи пропустила его мимо себя и прыгнула.

Летящий живой снаряд заставил икрананкийца упасть на живот. В мгновение ока она оказалась у него на плечах, левой рукой схватила его за горло, а правой вытащила нож.

Она прижала острие к его горлу и прошептала:

— Только пикни, мой друг, и ты превратишься в кусок холодного мяса. Только такое мясо мне не нравится. Вряд ли ты вкусен.

Ослабив хватку, она позволила ему повернуть голову, чтобы он смог ее увидеть. Солдат издавал судорожное бульканье. Неприятно увидеть на себе демона с серой маской на лице, пусть даже и маленького.

— Быстрее, если хочешь жить, — приказала она. — Где пленный земец?

— Ак-к-к-ук-к-к...

— Не ври, — Чи уколола его острием. — Ты знаешь, о ком я говорю. Высокий желтоволосый безбородый человек. Говори или умрешь!

— Он... он в... — слова не шли из горла, солдат сделал слабую попытку встать, но Чи моментально лишила его сознания. Еще будучи в Хайджакате, она хорошо изучила анатомию икрананкийцев, насколько это было возможно сделать без вскрытия. Это была довольно слабая раса.

Когда солдат вновь пришел в себя, он был вполне готов для сотрудничества. Он был слишком напуган, чтобы лгать, Чи в свое время провела достаточно допросов, чтобы быть уверенной в этом. Она определила направление и поняла, что нашла то, что искала. Два земца охраняли помещение, заняв пост перед массивной бронзовой дверью.

— Спасибо, — сказала Чи. Скомкав обрывки солдатского мундира, она засунула ему в рот кляп, связала информатора веревкой и откатила в заросли. Когда она уходила, он пришел в себя.

— Я уверена, что тебя скоро найдут, — сказала Чи. — Вероятно, когда начнут поливать сад.

Она скользнула прочь. Теперь нужно было спешить, но силы оставили ее. Скрытное проникновение в этот проклятый город, лишенный ночи, совершенно вымотало ее. Чи требовалось отдохнуть. Открытое окно давало возможность пробраться в комнату, которая может быть необита-

емой. Но, чтобы добраться до окна, нужно было миновать охранников, слуг, чиновников, торговцев, просителей, сновавших по длинным коридорам, вбежать по лестнице, улучив момент, когда она будет пуста, в надежде, что никто не появится, прежде чем она найдет следующее укромное место, и так далее... К тому времени, когда она достигла балкона, чьи тонкие колонны упирались в нужный ей карниз, ее нервы были напряжены до предела.

Она взобралась по колонне на крышу и пробралась по черепице к месту, расположенному как раз над окном комнаты, которая служила темницей Фолкейну. Солдат сказал ей, что эта комната находится между вторым и третьим балконами с северной стороны. Плюс два этажа вниз по совершенно гладкой стене. Но у Чи остался довольно длинный кусок веревки, а на крыше торчало немало труб. Она закрепила веревку за ближайшую трубу, взглянула в сад, чтобы удостовериться, что ее никто не увидит, и скользнула вниз.

Спустившись, она посмотрела в окно. Причудливая решетка из позеленевшей от времени бронзы позволяла ей пробраться внутрь. Но для человека отверстия были слишком малы. Почему она не догадалась отыскать в катандаранском лагере пилу? Она протиснулась сквозь решетку и постучала в стекло за ней. Ответа не было. С комментариями, которые трудно было ожидать от такого пушистого существа, она разбила стекло рукоятью кинжала и вползла внутрь. Осмотревшись, она втянула за собой веревку.

С точки зрения икрананкийца, комната была хорошо обставлена, но человеку она показалась бы темным и холодным склепом. Фолкейн мирно спал, свернувшись клубком. Чи подошла к кровати, зажала ему рот — люди так эмоциональны! — и только затем потрясла его за плечо.

Он проснулся.

— Апп... апп...

Чи прижала палец к губам. Глаза Фолкейна прояснились, он кивнул, и она отпустила его.

— Чи! — потрясенно выдохнул он и обхватил ее руками. — Какого дьявола?

— Я прокралась сюда тайно, идиот! А ты решил, что я подкупила всю эту банду? Давай лучше подумаем, как тебе выбраться отсюда.

Фолкейн разинул рот.— Ты хочешь сказать, что не знаешь этого?

— Откуда мне это знать?

Он встал с разочарованным видом.

— Мне тоже.

Присутствие духа оставило Чи. Она опустилась на пол.

Фолкейн наклонился, взял ее на руки и нежно прижал к груди.

— Спасибо тебе, ты старалась... — пробормотал он.

Ее хвост свистнул в воздухе. Голосу Чи вернулась обычная твердость:

— Не думаю... Все, что нам надо, это сбежать отсюда. Тогда мы сможем где-нибудь забиться, чтобы спокойно ждать спасательную экспедицию.

Фолкейн покачал головой.

— К сожалению, нет. Как мы встретимся с ними? Они, конечно, обнаружат «Сквозь хаос», но к тому времени, когда мы достигнем укрытия, нас так начинят железом, что Джадхади сможет обвинить Торна в нашем исчезновении. Вспомни, как эти туземцы стояли друг за друга перед лицом чужеземцев.

Чи немного подумала.

— Я смогла бы пробраться в пределы досягаемости детекторов нашего корабля.

— М-м-м, — Фолкейн провел рукой по волосам. — Нет, ты не сможешь сделать этого. Иначе почему ты до сих пор не попыталась? Там нет никакого укрытия, — гнев поднялся в нем. — Дьявольски не везет, что передатчик Эдзела тоже разбился! Если бы мы могли вызвать корабль...

Голос его дрогнул. Он пошатнулся и сел на кровать. Чи следила за ним круглыми желтыми глазами. Молчание становилось невыносимым.

Вдруг Фолкейн сжал кулаки и воскликнул:

— Черт возьми! Да!

Он вспомнил то, что изучал в детстве. Да, его опьянили наркотиком, похитили, ему, можно сказать, надавали оп-

леух, и он ничем не мог ответить обидчикам. Это огорчало его. Теперь, найдя выход, он снова почувствовал себя мужчиной. Сохраняя внешнее спокойствие, он ликовал от радости.

— Слушай, — сказал он. — Ты можешь выбраться обратно из города, даже если этого не смогу сделать я. Но ваши с Эдзелом шансы на долгое выживание не очень велики. Вероятность моего освобождения еще меньше. Если же мы совершим побег прямо сейчас, если не побоимся сломать себе шеи...

Чи не стала оспаривать его план. Она подумала, произвела в уме кое-какие расчеты и кивнула в ответ.

— Согласна.

Фолкейн принялся одеваться, но внезапно остановился:

— Ты не хочешь сначала немного вздремнуть?

— Нет, я чувствую себя вполне сносно. А ты?

Фолкейн улыбнулся. Сон освежил его. Кровь быстро бежала по жилам.

— Готов драться со всеми, мой друг.

Одевшись, он подошел к двери и постучал в нее.

— Эй! — закричал он. — На помощь! Несчастье! Крайне важно! Открывайте же скорее, вы, тупоголовые идиоты!

В скважину просунули ключ. Дверь широко распахнулась. В проеме стоял бородатый земец огромного роста с обнаженным мечом. Его товарищ ждал сзади, на безопасном расстоянии.

— Ну?

— Мне нужен ваш начальник, — пробормотал Фолкейн. Все, что угодно, лишь бы подойти поближе. Он поманил стражника. — Я вспомнил нечто ужасное.

— Что? — донеслось из бороды.

— Вот что... — Фолкейн обхватил плащ стражника по обе стороны броши-защелки и свел руки. Они сомкнулись на гортани. Одновременно Чи нырнула в дверь и прыгнула на второго земца.

Первый ткнул мечом вперед, но ноги Фолкейна там уже не было. Он подпрыгнул в воздух и нанес ему сокрушительный удар в голову. Солдат взвыл от боли и завалился на спину без сознания. Фолкейн позволил ему

упасть и бросился ко второму земцу, на которого уже вскарабкалась Чи. Земец издавал фырканье и судорожно ловил ртом воздух, но Чи не могла одна справиться с ним.

Фолкейн ударил его по горлу ребром ладони. Охранник упал.

Он был тяжело ранен. Убедившись в этом, Фолкейн почувствовал облегчение. Он втащил обоих в комнату и переоделся в мундир одного из них. Но кругом было слишком много народу. Какая-то туземка сунула к ним голову и закричала. Что ж, нельзя требовать, чтобы все удавалось. Фолкейн подобрал саблю охранника и побежал, размахивая ею и крича:

— Кровь и кости! Все назад!

Земцы валились друг на друга. Дорога была свободна.

Вот и электротехническая мастерская. Фолкейн ворвался в нее. Из-за столов, загроможденных различной аппаратурой, на него уставились двое ученых и несколько учеников.

— Все вон отсюда! — сказал Фолкейн.

Они было замешкались, но Фолкейн подтолкнул Главного Философа Королевства Рангакора своей саблей. Его сразу поняли. Он захлопнул дверь и набросил задвижку.

Сквозь массивную металлическую дверь доносился шум, с каждой минутой делавшийся все более громким: голоса, топот ног, звон оружия, гром барабанов. Он осмотрелся. Через окно комнаты выбраться нельзя, но в дальнем конце комнаты оказалась вторая дверь. Он запер ее и тотчас же принялся нагромождать возле нее мебель. Сложив все, что смог в кучу, Фолкейн обвязал это взятой у Чи веревкой, чтобы баррикада была прочнее. Они будут ломиться только в одну дверь... там, где им покажется легче.

Закончив работу, он вернулся, тяжело дыша. Чи тоже была занята. Она скорчилась в центре комнаты на полу среди невероятной мешанины батарей, разносортных деталей и обломков, наматывая спиралью проволоку и неодобрительно глядя на банку конденсаторов. Она могла лишь догадываться о емкости, сопротивлении, индукции, вольтах и силе тока в этом устройстве.

Обе двери дрожали от ударов кулаков и ног. Фолкейн караулил ту из них, которую не успел забаррикадировать. Он раскачивался на ногах, расслабляя мускулы. За его спиной Чи вертела в руках искроразрядник: он почувствовал слабый запах горелого.

Снаружи прозвучал человеческий голос:

— Освободите дорогу! Мы разнесем эту дверь, если вы не уберетесь с дороги!

Чи и не подумала оторваться от своей работы.

Шум снаружи замер. После недолгого затишья послышался топот, и в бронзу ударил какой-то тяжелый предмет. Дверь зазвенела и прогнулась. Таран ударил снова. На этот раз послышался треск, сопровождаемый проклятиями. Фолкейн усмехнулся. В качестве тарана они использовали балку из плетеных прутьев, но вряд ли с ее помощью они добьются успеха. В образовавшуюся щель были видны несколько земцев в полном боевом облачении, на лицах их была написана ярость.

— Тю-тю! — сказал Фолкейн. Кто-то закричал:

— Кузнеца сюда! — ему показалось, что он узнал голос Хафа Падрика. — Эй вы там, тащите сюда кузнеца. Пусть захватит молот и зубило.

Вот это уже другое дело, но и кузнецу потребуется время. Фолкейн повернулся, чтобы помочь Чи.

— Как ты думаешь, силы тока в этих батареях будет достаточно? — спросил он.

— О, да, — она взглянула на единственный верстак, который они не использовали при строительстве баррикады. На нем она соорудила импровизированный телеграфный ключ. — Расстояние до корабля составляет не более четырехсот километров, верно? Даже такой хлюпик, как Эдзел, преодолел его в несколько стандартных дней. Меня больше беспокоит, сумела ли я правильно выбрать длину волны?

— Ну что же, возьми ее приблизительно, а затем используй прилегающий диапазон. Знаешь как? Изменяя длину проволоки.

— Конечно, знаю! Разве мы в твоей комнате не обсудили уже все детали? Лучше перестань болтать и займись каким-нибудь полезным делом.

— Это не для меня. Я ведь сангвиник по натуре, — ответил Фолкейн. Он неуклюже вертел в руках щипцы странной формы, явно не приспособленные для человеческой ладони, и попытался расставить батареи в ряд. — А вот и лейденская банка, хотя на этой планете ее следовало назвать рангакорской банкой.

Дверь снова зазвенела и зашаталась. Фолкейн оглянулся. Прошло около часа с момента появления в его камере Чи. Черт возьми, не так уж много времени, чтобы сыграть роль местного Генриха Герца. Чи заканчивала свою работу. Наконец, скорчившись над неуклюжей грудой аппаратуры, она взяла ключ и кивнула Фолкейну. Через щель разрядника полетели искры. Чи начала передачу — кодом Лиги. Невидимые и всепроникающие радиоволны полетели в окружающее пространство.

Теперь все зависело от того, сумела ли она найти правильную частоту. Времени на поиск оставалось совсем немного. Через одну-две минуты дверь рухнет. Фолкейн вернулся к своему посту.

Задвижка отлетела. Дверь распахнулась и, сверкая мечом, в помещение ворвался земец.

Фолкейн скрестил с ним лезвие своей сабли. Зазвенела сталь. Как и следовало ожидать, земец был абсолютным невеждой в искусстве фехтования. Фолкейн мог убить его при желании в первые же секунды схватки, но он не хотел крови. К тому же, удерживая этого парня в дверях, он мешал ворваться остальным.

— Хочешь повеселиться? — спросил он земца между ударами лезвий. В нем постепенно нарастал гнев.

«Точка, точка, тире, точка... Лететь к Рангакоре, приземлиться в пятидесяти метрах от южных ворот города. Точка, тире, точка...»

Земец подставил бок для удара. Фолкейн не воспользовался его оплошностью. Между тем противник отскочил в сторону, и рядом с ним из двери появился второй земец. Фолкейн продолжал удерживать первого, нанеся второму жестокий удар ногой. Тот захрипел и упал на руки стоявших за ним. Мгновенно повернувшись, Фолкейн успел отбить меч первого противника и, сделав выпад, ранить его в руку. Послышался звон упавшего меча.

Не успев вытащить свою саблю, он, повернувшись, едва избежал удара третьего воина. Сделав шаг вперед, Фолкейн применил прием каратэ. Земец с серым лицом и сломанной рукой рухнул на колени, а Фолкейн наконец высвободил свое оружие. Оно зазвенело, отбивая удар следующего противника.

Глаза гермесианца бегали по сторонам. Первый человек, которого он ранил в руку, уже отполз в сторону. Кровь, струившаяся из его раны, оставила необыкновенно яркую дорожку. Второй раненый без чувств распластался у стены. Фолкейн вгляделся в лицо очередного противника. Это был юноша с покрытыми легким пушком щеками. Он сам еще недавно был точно таким же. Фолкейн сказал:

— Если ты постоишь смирно в сторонке, я позволю оказать помощь раненым.

Парень в ответ выругался и двинулся на него. Фолкейн отбил удар.

— Ты что, младенец, жаждешь смерти? — спросил он. — Спокойно. Я тебя не укушу. Я миролюбивый человек, пока меня не трогают.

Он выбил саблю противника и опустил свою. Парень, растерянно глядя на него, отступил в толпу людей и икранканкийцев, заполнявших коридор. Фолкейн пнул раненого.

— Уходи, — сказал он.

Раненые поползли мимо него.

Вперед выступил Хаф Падрик. В его руке была сабля, но он опустил ее. Лицо его было искажено.

— Как ты это делаешь? — прохрипел он.

— Это очень удивительная магия, — сказал Фолкейн. — Я перебью всех, если вы не оставите меня в покое.

«Точка, тире, точка, тире...»

— Чего ты хочешь от нас? — спросил Падрик.

— Для начала напиться. А потом поговорить.

Фолкейн попытался облизнуть губы, но ничего не получилось. Черт бы побрал этот воздух!

— Да, поговорим, — сабля Падрика опустилась еще ниже. Затем в мгновение ока он ударил ею по ногам Фолкейна.

Тренированное тело гермесца среагировало на удар раньше, чем Дэвид осознал опасность. Он высоко подпрыгнул, ведь тяготение здесь составляло всего две трети земного. Лезвие сабли свистнуло где-то внизу под подошвами башмаков. И прежде чем противник успел убрать оружие, на него приземлился Фолкейн, вырвав тяжестью своего тела саблю из рук Падрика.

— Дурак! — крикнул Дэвид. Его левый кулак устремился вперед. Падрик упал на спину, нос его превратился в кровавое месиво. Фолкейн подумал, что для этого носа теперь потребуется пластическая операция — если когда-нибудь агенты ван Рийна организуют здесь соответствующую службу.

Икрананкиец метнул в него копье. Фолкейн изловчился и перехватил его в воздухе. Этим он выиграл еще минуту.

Еще одна минута прошла, пока Падрик вставал и растворялся в толпе. И еще одну минуту толпа молча смотрела на него. Затем он услышал трубный голос Роберта Торна:

— Дорогу лучникам! — и понял, что его конец близок.

Толпа расступилась. Появилось с полдюжины икрананкийских лучников, которые принялись налаживать свои самострелы. Когда вперед вышла Стэфа, Фолкейн изобразил на лице самую дьявольскую улыбку из своего репертуара.

Она остановилась и с изумлением уставилась на него.

— Дэвид, — выдохнула она. — Ни один человек в мире не смог бы... а я даже не подозревала.

— Теперь вы знаете, — поскольку ее кинжал был в ножнах, он рискнул потрепать ее по щеке. — Я умею не только обращаться с машинами. Меня научили и многому другому.

Слезы показались на ее серых глазах.

— И все же вы должны сдаться, — попросила она. — Что вы можете сделать против стрел?

— Вот что, — ответил он, бросая саблю и хватая Стэфу. Она вскрикнула и попыталась высвободиться, но он был сильнее. Держа ее перед собой, он сказал лучникам:

— Убирайтесь, вы, недоноски!

Запах ее волос кружил ему голову. Чи невозмутимо продолжала передачу.

Стэфа кричала, потом умолкла. Он почувствовал, как она напряглась в его руках. С гордостью она сказала:

— Нет, нет, вперед и стреляйте!

— Это невозможно, — пробормотал он.

— Возможно, — она слабо улыбнулась ему. — Или вы думаете, что земцы боятся смерти больше вас?

Лучники прицелились.

Фолкейн покачал головой.

— Что ж, — сказал он и даже заставил себя рассмеяться. — Когда ставки высоки, люди уступают, — гул, вначале отдаленный, а потом все более близкий, не казался опасным. — Конечно, я не смогу использовать вас в качестве щита. Я отъявленный лжец, а для вас можно найти лучшее применение...

Он поцеловал ее. Она ответила. Ее руки двинулись за его плечи и обвились вокруг шеи.

Это было приятно и к тому же давало выигрыш в несколько лишних секунд...

— Демон! Демон! — закричали люди и икрананкийцы, обращаясь в бегство. Громовой рев сопровождался грохотом падающей штукатурки и камней.

Стэфа не присоединилась к бегущим. Но она высвободилась из объятий Фолкейна, и в руке ее сверкнул кинжал.

— Что это? — воскликнула она.

Фолкейн облегченно вздохнул. В голове его стоял звон. Но он умудрился ответить на удивление ровным голосом:

— Это наш корабль. Он приземлился, поднял на борт Эдзела и теперь над нами демонстрирует свою мощь, — он взял ее за руку. — Идемте, выйдем наружу, чтобы он смог нас заметить и принять на борт. Я прямо-таки смертельно хочу сухого мартини.

14

Конференция состоялась на нейтральной территории, в независимой чакорской деревне, находившейся между катандаранскими и рангакорскими землями. Независимость ее заключалась в том, что деревня платила дань обеим сторонам. Заботясь о том, чтобы соблюсти формальности и никого не обидеть, Фолкейн предложил, чтобы на открытии конференции председательствовал вождь этой деревни. Церемонии казались ему бесконечными. Глаза Фолкейна скользили по причудливым рисункам на плетеных стенках хижины Совета, мимо туземцев, сидевших на корточках со своими копьями, — своего рода почетный караул — к каменному столу, за которым проходили переговоры. Он очень хотел бы оказаться сейчас совсем в другом месте. Сдержанный шум и беготня доносились до него через открытую дверь, там терпеливо лежал огромный Эдзел. Там братались солдаты, что сопровождали вождей многочисленных фратрий.

О самих вождях этого сказать было нельзя. Король Урсала кончил зачитывать длиннейший список жалоб и требований и теперь ерзал, поскольку император Джадхади начал излагать свои претензии. Гарри Смит свирепо поглядывал на Роберта Торна, тот отвечал ему тем же. Вождь земцев все еще порицал членов своей фратрии за участие в восстании. Вождь деревни шуршал заметками, несомненно, готовясь произнести длинную речь.

«Что ж, — подумал Фолкейн, — это была твоя собственная идея, парень. И в свое время тебе тоже придется произносить речь».

Когда над ними завис космический корабль, и голос Эдзела потребовал общего примирения и заключения торгового договора, враждующие стороны согласились. Они не знали, что у них имеется выбор, что Фолкейн никогда не станет стрелять по ним, но он не видел причин, побуждающих его сообщить им об этом. Несомненно, Чи Лан, находившаяся в небе над ними в кресле пилота, была

занята больше, чем Эдзел, подавлявший своим присутствием собравшихся. Но к чему эти бесконечные речи? Суть дела предельно ясна. Джадхади жаждет овладеть Рангакорой и чувствует, что он больше не может доверять земцам. Большинство земцев тоже стремятся овладеть Рангакорой, прочие хотели бы сохранить существующее положение или получить соответствующую компенсацию, но не видят путей к достижению этого. Каждая группа чувствует, что остальные готовы предать, вероломно напав. Урсала хочет, чтобы все чужеземные дьяволы убрались из его города, к тому же ему необходима гарантия независимости. А Фолкейн хочет... да, он сказал бы им. Он разжег трубку и сосредоточился на мыслях о Стэфе, которая ждала его в деревне. Отличная девушка, конечно, но лишь для развлечения. В спутницы жизни она не годится.

Прошел еще час.

— ...выдающийся представитель торговцев из-за края мира Дэвид Фолкейн.

Его скука пропала. Он бодро вскочил на ноги, улыбнулся и неторопливо начал:

— Благодарю вас, благороднейший. Выслушав столько замечательных ораторов, я и не подумаю состязаться с ними. Я лишь изложу свою позицию в нескольких словах...

Как он надеялся, такое скромное начало должно вызвать всеобщую симпатию к нему. Дэвид продолжил:

— Мы прибыли сюда с намерением предложить вам покупать у нас товары, некоторые из них я вам уже продемонстрировал. Цены очень низкие. И что же произошло? На нас напали и попытались уничтожить. Сам я был вероломно захвачен в плен и подвергся унижениям. Наша собственность была незаконно реквизирована. Откровенно говоря, благороднейшие, вы должны быть счастливы, что никто из нас не убит, — он дотронулся до своего бластера. — Вспомните, мы представляем огромную силу, которая постоянно заботится о своих людях и мстит за них... — «Когда это ей выгодно», — добавил он про себя, заметив, как перья на теле Джадхади взъерошились от страха, а Смит добела сжал пальцы в кулак.

— Спокойствие, спокойствие, — сказал Фолкейн. — Мы настроены вполне дружелюбно. Кроме того, мы хо-

тим торговать, но нельзя же торговать, воюя. Это одна из причин созыва настоящей конференции. Если противоречия между вами удастся устранить, что ж, это будет выгодно Лиге и вам тоже. Ведь вам нужны предлагаемые нами товары?

— Итак, — он склонился вперед, опершись о стол, — Я считаю, что компромисс вполне возможен. Каждый что-нибудь теряет и что-то получает, а как только начнется торговля, вы станете настолько богаты, что ваши сегодняшние потери покажутся вам смехотворными. Вот общее представление о том соглашении, которое я предлагаю вам заключить. Во-первых, Рангакора получает все гарантии независимости, но в то же время отказывается от своих требований компенсации убытков...

— Благороднейший! — одновременно воскликнули, вскочив, Джадхади и Урсала.

Фолкейн жестом потребовал тишины.

— Пусть задаст вопрос король Урсала, — сказал он.

— Наши убытки... наши посевы уничтожены... деревни разграблены... здания разрушены... — Урсала замолчал, собрался с мыслями и сказал с достоинством: — Мы не агрессоры.

— Я знаю, — ответил Фолкейн, — и симпатизирую вам. Однако разве вы не собирались сражаться за свою свободу? Теперь вы ее имеете. Это что-нибудь да стоит. И не забудьте. Лига гарантирует соблюдение договора, если вы его заключите. И если в договоре будет пункт о вашей независимости, Лига гарантирует и ее. — «Это не совсем правда. Но это и не имеет практического значения», — он кивнул Джадхади. — По моему мнению, благороднейший, вы должны были бы возместить причиненный ущерб. Но я обошел это требование в интересах достижения компромисса.

— Но мои границы! — возразил император. — У меня должны быть прочные границы. К тому же у меня вполне законные притязания на Рангакору. Мой великий предок, первый Джадхади...

Фолкейн героическими усилием удержался от того, чтобы не высказать, что следовало бы сделать с его великим предком, и ответил спокойным голосом:

— Подумайте как следует, благороднейший. Вы угрожали жизни агентов Лиги. Странно было бы, если бы Лига не потребовала определенного возмещения. Уступка Рангакоры — не самое сильное наказание, — он выразительно посмотрел на свой бластер, — и Джадхади задрожал. — Что касается обороны ваших границ, то Лига поможет вам в этом. Не забудьте, что мы к тому же будем продавать вам огнестрельное оружие, и вы больше не будете нуждаться в услугах земцев.

Джадхади сел. По его лицу было видно, что он напряженно пытается сообразить, как извлечь наибольшую выгоду.

Фолкейн взглянул на Торна, пытавшегося что-то сказать.

— Утрата Рангакоры — это и ваше наказание, — сказал он. — Вы знаете, что ваши люди похитили меня.

— Но что нам делать? — воскликнул старый Гарри Смит. — Куда нам теперь идти?

— На Землю? — проревел Торн.

Фолкейн постарался доказать, насколько чуждой окажется Земля для этих «потерпевших кораблекрушение». Так что они вовсе не желали быть репатриированными. Дэвид отнюдь не чувствовал себя виноватым. Ведь они действительно будут более счастливы здесь, в мире, в котором родились. И если земцы останутся здесь, торговцы ван Рийна попытаются сохранить это в секрете. Через одно или два поколения — дольше удержать секрет все равно будет невозможно — их дети и внуки смогут постепенно врасти в галактическую цивилизацию, как вросла в нее раса Эдзела.

— Не обязательно, если вы не хотите этого сами, — сказал Фолкейн. — Но вспомните, каким было ваше основное занятие здесь, на этой планете, до сих пор? Солдатская служба. Кое-кто из вас содержит фермы, ранчо или городские дома. Почему бы вам не продолжать заниматься этим же? Чужеземцы нередко владеют собственностью в разных странах. Что вы должны сделать, так это основать свою собственную нацию. Не на какой-то обособленной территории, конечно, все земли вокруг заселены. Но вы можете стать странствующей нацией.

Прецеденты имеются: кочевники или цыгане на древней Земле. Или на Цинтии, где существуют нации странствующих торговцев, не закрепленных на определенной территории. А что касается работы, что ж — вы воины, а планета полна варварами, поскольку на Икрананке начнет действовать Лига, потребуется охрана для ее караванов. Вы получите хорошие деньги за свою службу, разбогатеете...

Он с улыбкой посмотрел на собравшихся:

— В сущности, вы все разбогатеете.

— Миссионеры... — произнес Эдзел в наступившей тишине.

— О, да, я совсем забыл, — сказал Фолкейн. — Не думаю, что кто-нибудь станет возражать, если наши корабли изредка будут привозить на Икрананку вероучителей. Нам хочется объяснить вам свою религию.

Это замечание выглядело настолько несущественным, что все согласились. Но, несомненно, впоследствии оно принесет больше перемен в жизни аборигенов, чем машины или лекарственные препараты. Катандаранцы, скорее всего, воспримут буддизм, который несравненно удобнее их собственной демонологии. Вместе с проникающими к ним научными знаниями, эта религия избавит их от комплекса враждебности к соседям. В результате возникнет стабильная культура, с которой ван Рийн вполне сможет иметь дело.

Фолкейн распростер руки.

— Такова суть моих предложений, — заключил он. — То, что я вам предложил, на Земле называется равновесием неудовлетворенности. Но вскоре Лига принесет вам больше удовлетворения, чем вы можете себе вообразить.

Торн покусал губу. Ему нелегко было отказаться от мечты о собственном королевстве.

— Допустим мы откажемся? — сказал он.

— Что ж, Лиге нанесен ущерб, — напомнил ему Фолкейн. — Мы настаиваем на его возмещении. Мои требования минимальны, не так ли?

Он уломал их в конце концов, он знал заранее, что это ему удастся. Пряник торговли и кнут войны; они не

могли знать, что угроза войны — сплошной блеф. И они обязательно подпишут предложенное им Соглашение.

Но, конечно, они сделают это только после того, как ожесточенно поторгуются, выскажут взаимные обвинения и попреки, поспорят по поводу деталей и произнесут множество речей... о Боже, эти речи! Фолкейн сделал шаг к выходу.

— Я понимаю, что это нелегко усвоить так сразу, — сказал он. — Почему бы нам не сделать перерыв? После того, как все отдохнут и подумают, мы сможем снова собраться.

В сущности, ему хотелось вернуться к Стэфе. Он обещал ей прогулку в космическом корабле; а Эдзел и Чи подождут здесь. Когда собрание согласилось сделать перерыв, Фолкейн первым оказался у дверей.

15

Металл звенел. В иллюминаторах сверкали звезды в бесконечной космической ночи. Красная искра — солнце Икрананки, медленно угасала на экранах.

Глядя на нее, Фолкейн вздохнул.

— Целый мир, — пробормотал он. — Миллионы жизней и столько же надежд. Хочется когда-нибудь вернуться туда и посмотреть, какие изменения мы принесли в их жизнь.

— Я знаю, почему тебе хочется вернуться, — хихикнула Чи Лан. — Но у нас с Эдзелом нет и такой причины. Мы с нетерпением ждем возвращения на Землю.

Лицо Фолкейна прояснилось. Он тоже ждал конца пути и причитающейся премии.

— ...поэтому двигай своими ленивыми ногами, — закончила Чи.

Дэвид прошел вслед за ней в кают-компанию. Эдзел был уже здесь, он раскладывал монеты и фишки аккуратными кучками.

— Понимаете, — сказал Фолкейн, усаживаясь, — мы совсем новая порода живых существ. Не успокоители.

Мы — возмутители спокойствия. Подозреваю, что вся наша карьера и впредь будет состоять из последовательности ужасных ситуаций, которые мы должны будем повернуть к себе выгодной стороной.

— Заткнись и тасуй карты, — сказала Чи. — Первым ходит валет.

Прошло два неинтересных круга, а потом Фолкейн ухватил флеш. Он сделал ставку. Эдзел поддержал. Чи приняла ее. Компьютер повысил ставку, Фолкейн повысил снова. Чи промолчала, а компьютер принял это предложение. Бестолочь стал хорошим игроком, и Дэвид знал это, но, учитывая его прежний стиль игры и флеш на руках, можно было продолжать. Он не менял свои карты. Компьютер попросил одну карту. Черт возьми! Проклятая машина наверняка имела четверку королей! Фолкейн бросил свои карты.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Ну, твоя взяла.

Немного позже то же самое случилось с Чи, но обошлось ей еще дороже; ее замечания накаляли атмосферу.

Очередь Эдзела настала, когда остальные двое были повержены. Дракон и компьютер все повышали ставки, пока у Эдзела не выдержали нервы и он предложил раскрыться.

— Вы выиграли, — послышался механический голос. Эдзел опустил полный дом. Челюсть его отвисла.

— Что? — воскликнула Чи. Хвост ее встал вертикально. — Ты блефовал?

— Да, — ответил Бестолочь.

— Но, погоди, ты играл по распискам, и мы ограничили тебя, — вмешался Фолкейн. — Ты никак не мог блефовать!

— Если вы осмотрите склад номер четыре, то найдете там множество мехов, — сказал Бестолочь. — Много мехов, драгоценностей и пряностей. Хотя стоимость всего этого не может быть определена точно, пока рынок не стабилизируется, все же, несомненно, что она велика. Я получил эти товары в обмен на расчет вероятностей для туземца по имени Гурджанджи и теперь готов играть не по распискам, а за наличные.

— Но, но, но... — ведь ты только машина!

— Я не запрограммирован для того, чтобы предсказать какое решение вынесет по этому делу суд, — сказал Бестолочь. — Однако я полагаю, что в коммерческой и индивидуалистической цивилизации все законно приобретенные ценности принадлежат лицу, заработавшему их.

— Боже, — слабым голосом сказал Фолкейн, — я думаю, он прав.

— Но ты не личность! — закричала Чи. — Перед законом ты не личность!

— Я получил эти товары, преследуя цели, которые вы запрограммировали для меня, — ответил Бестолочь, — а именно для игры в покер. Логика говорит, что с реальными ставками я буду играть в покер лучше.

Эдзел вздохнул.

— Это тоже верно, — согласился он. — Если мы хотим, чтобы он играл с нами в честную игру, мы должны дать ему возможность полностью следовать силлогизмам. Иначе программирование станет невероятно сложным. К тому же... честь спортивной игры...

— Хорошо, — угрюмо сказала Чи, — я все равно у тебя выиграю.

Конечно, она не сумела исполнить свою угрозу. И никто не сумел. Обладая таким богатством, Бестолочь мог позволить себе играть по крупной. Если экипаж и не спустил все комиссионные, полученные за операцию «Икрананка», то, во всяком случае, им был нанесен значительный ущерб.

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Часть первая
УБЕЖИЩЕ

1

Капитан Бодахур Терранс воспринял сообщение как и подобает мастеру Ложи Объединенного братства Космонавтов. Он выслушал его, задав лишь несколько уточняющих вопросов, и затем спокойно сказал:

— Хорошо, Ямамура. Пожалуйста, продолжайте наблюдение. Я думаю, что необходим постоянный контроль.

Но когда дежурный инженер покинул его каюту — известие было из числа тех, что не рекомендуется передавать по интеркому — он сделал большой глоток виски, сел и уставился на пустой экран.

Капитан совершил немало далеких путешествий, многое повидал, но, несмотря на свое быстрое продвижение по службе и непростой жизненный путь, он был еще достаточно молод, чтобы почувствовать холод смерти, выслушав свой смертный приговор.

На экране светило такое множество холодных звезд, что только астроном мог бы распознать некоторые из них. Терранс вглядывался в Млечный Путь, пока не отыскал полярную звезду. Валгалла находилась где-то в том направлении. Он, конечно, не мог разглядеть Солнце, звезду типа «Ж»: на таком расстоянии без мощных оптических инструментов, гораздо более сильных, чем имеющиеся на борту «Гебы», это было просто невозможно. Но он чувствовал определенное удовлетворение, сознавая, что его взгляд направлен в сторону ближайшей базы Лиги в этой, почти неисследованной, области галактического рукава. Там дома, корабли, люди в уютной зеленой долине Фрейи.

Корабль вибрировал, перемещаясь в четырехмерном пространстве, на гиперскорости, намного превышающей скорость света и тем не менее недостаточной, чтобы его спасти.

— Что ж... обязанность капитанов — в первую очередь думать о других, — Терранс вздохнул и встал.

Некоторое время он изучал свой внешний вид — моральное состояние коллектива всегда крайне важно, тем более теперь. Повседневному серому корабельному мундиру он предпочитал парадную форму: синий китель и брюки с золотым шнуром. Как житель планеты Рамамундджан он носил тюрбан, заколотый пряжкой с эмблемой Галасоциотехнической Лиги: корабль и солнечный луч.

Он прошел по коридору к каюте хозяина. Оттуда как раз выходил стюард, державший поднос. Терранс сделал знак, чтобы тот оставил дверь открытой, вошел и, щелкнув каблуками, поклонился.

— Прошу прощения за вторжение, сэр, — сказал он. — Могу ли я поговорить с вами? Весьма срочное дело!

Николас ван Рийн поднял двухлитровую кружку, только что принесенную стюардом. Несколько его подбородков содрогнулись под эспаньолкой, когда он сделал четыре шумных глотка, казалось заполнивших звуком всю каюту — от стола, заваленного бумагами, до драгоценного гобелена бразильского производства, висевшего на противоположной стене. Что-то похожее на Моцарта струилось из магнитофона. Светлоглазая, светловолосая и чуть ли не в три раза моложе ван Рийна, развалившегося в кресле, на кушетке свернулась Джерри Короед. Терранс, который был женат, но давно не появлялся дома, заставил себя смотреть только на торговца.

— Ах! — ван Рийн со стуком опустил кружку на стол и вытер пену с усов. — Клянусь чумой и сифилисом, первая кружка в начале дня особенно хороша. Она так же холодна и приятна, как... гм-м... черт побери, какое слово мне нужно? — он ударил себя по лбу волосатым кулаком. — С каждой неделей я все больше тупею. Ах, Терранс, когда вы станете бедным и одиноким, старым и толстым, и вся ваша сила оставит вас, вы оглянетесь назад и вспомните меня, и вы пожалеете о том, что были

так суровы ко мне. Но будет слишком поздно, — он вздохнул и почесал мохнатую грудь. В близкой к тропической температуре, которую торговец заставлял поддерживать у себя в каюте, он нуждался лишь в саронге — набедренной повязке на своем могучем теле. — Ну, какие еще глупости заставляют вас отрывать меня от дела?

Тон его был добродушным. Он и в самом деле постоянно находился в хорошем настроении с тех пор, как они спаслись от аддеркопов. Как было не радоваться? Для рядовой космической яхты, даже оборудованной сверхмощными механизмами, уйти от трех крейсеров было не просто удачей, а чудом. Ван Рийн все еще держал четыре зажженные свечи перед статуэткой святого Дисмаса. Правда, он швырял посуду в стюарда, если тот, по его мнению, слишком поздно приносил выпивку, и ежедневно разносил кого-нибудь на корабле, но все это было для него нормой.

Джерри Короед подняла бровки.

— Твое первое пиво, Ники? — промурлыкала она. — В самом деле? Два часа назад...

— Да, но это было до полуночи. Если не по Гринвичу, то на какой-нибудь планете уже была бы полночь. Значит, начался новый день, — ван Рийн взял со стола свою длинную трубку и принялся ее раскуривать. — Ладно, садитесь, капитан Терранс, устраивайтесь поудобнее. Вы как будто начинены динамитом, вам не хватает выдержки. Когда я был космонавтом, мы сами решали свои проблемы. А теперь, гром и молния, приходите вы и просите вытереть вам нос. Нужно иметь твердый характер, — он похлопал себя по животу, — итак, что же случилось?

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, сэр.

Терранс видел, как побледнела Джерри. Она не была трусихой — на отдаленных планетах, типа Фрейи, таковые почти не встречались. Она согласилась участвовать в этом рейсе, хотя знала, что путешествие будет опасным. Возможно, она пошла на это ради того, чтобы совершить путешествие вместе с одним из торговых принцев компании «Солнечные пряности и напитки», самой могущественной в Лиге. Такая возможность сулила слишком много, чтобы честолюбивая девушка добровольно отказа-

лась от нее. Она отлично держалась во время стычки и последующего бегства, хотя смерть не раз была где-то рядом. Но они все еще находились далеко от ее планеты, среди неизведанных звезд, и враги продолжали охотиться за ними.

— Ступай в спальню, — сказал ей ван Рийн.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала она. — Я хочу знать правду.

Маленькие черные глаза ван Рийна, посаженные близко к носу, вспыхнули.

— Грязь и параша! — взревел он. — Что за чудовищный бред! Когда я приказываю прыгать, каждая лягушка обязана прыгать!

Джерри в негодовании вскочила на ноги. Не вставая, ван Рийн шлепнул ее по соответствующему месту, раздавшийся звук прозвучал, как пистолетный выстрел. Она открыла рот, подавившись возмущенным криком, и выскочила в соседнюю комнату. Ван Рийн знаком подозвал стюарда.

— Потребуется еще пиво, — сказал он Террансу. — Ну, ладно, не стойте, делая безумные глаза! У меня нет времени на глупости, даже если вы мне заплатите. Я должен пересмотреть ценники на перец и мускатный орех для Фрейи, прежде чем мы туда прибудем. Ад и дьявол! Этот идиот мог получить на планете на десять процентов прибыли больше, не меняя объема торговли! Черт бы его побрал! О, добрые духи, услышьте меня и помогите бедному старому человеку управиться с делами, когда у него в помощниках идиоты с овсянкой вместо мозгов!

Терранс с большим трудом сдержался.

— Сэр, я получил доклад Ямамуры. Вам не сообщали, что во время стычки в наш корабль попали. Снаряд разорвался вблизи машинного отделения. Конвертер оказался неповрежденным, однако после того, как брешь заделали, инженеры решили его проверить. Выяснилось, что перегорело больше половины цепей генератора инфразащиты. Мы можем заменить лишь немногие из них, и если будем продолжать двигаться на гиперскорости, весь конвертер сгорит за пять часов.

— Ах, та-а-ак... — ван Рийн сразу стал серьезным. Щелчок зажигалки, когда он принялся прикуривать, показался Террансу необычно громким. — А нельзя ли остановить конвертер для починки? В гиперпространстве мы будем слишком маленьким объектом, и никаким вонючим аддеркопам нас не обнаружить. Ну как?

— Нет, сэр. Я уже сообщил, что у нас нет запасных частей. Это яхта, а не военный корабль.

— Но мы должны продолжать движение в гиперпространстве! На какой скорости мы можем двигаться, чтобы оказаться в пределах слышимости Фрейи, прежде чем наша машина взорвется?

— Одна десятая полной скорости. Потребуется шесть месяцев.

— Нет, дорогой капитан, это слишком долго. Так мы никогда не достигнем Валгаллы, да и аддеркопы отыщут нас.

— Я тоже так считаю. К тому же у нас на борту не хватит запасов продовольствия на шесть месяцев пути, — Терранс взглянул на стол. — Мне кажется, мы можем направиться к одной из ближайших звезд. Правда, там вряд ли отыщется планета с индустриальной цивилизацией, которая помогла бы нам отремонтировать конвертер. Но, в конце концов, пригодная к обитанию планета там может найтись.

— Нет! — ван Рийн так энергично затряс головой, что его черные жирные локоны закрутились на плечах. — Чтобы столько мужчин с одной женщиной провели всю жизнь на какой-то мусорной свалке, где нет ни одной виноградной лозы!.. Предпочитаю получить снаряд аддеркопов и погибнуть как джентельмен, черт побери!

Появился стюард.

— Вы что, заснули?! Пива, и пусть господь Бог проклянет вас! Я должен подумать, а как думать, если мой рот пересох, как пустыня в летнюю жару?!

Терранс тщательно подбирал слова. Нужно было напомнить ван Рийну, что в Космосе хозяин один — капитан. Ему принадлежит решающее слово. И, однако, старому дьяволу не стоило противоречить: никто лучше его не умел выпутаться из любых передряг.

— Я готов обсудить любое предложение, сэр, но не могу взять на себя ответственность, подвергая корабль риску вражеской атаки.

Ван Рийн встал и заходил по комнате, извергая непристойности и вулканические голубые облака дыма. Проходя мимо ниши со святым Дисмасом, он скинул свечи на пол. Казалось, что в нем нажали на какой-то спусковой крючок. Он вернулся к капитану и заявил:

— Да! Индустриальная цивилизация, может, существует и там. Не одни паразиты аддеркопы бродят в этом секторе пространства. Мы здесь можем встретить даже другой корабль! Нет? Передайте Ямамуре, пусть повысит чувствительность нашего детектора так, чтобы он мог уловить трепыхание крыльев комара в моей конторе в Джакарте на Земле. Затем мы пойдем требуемым курсом и будем вести поиски на меньшей скорости.

— А если мы встретим корабль? Он может оказаться вражеским, вы это понимаете?

— Тогда мы его захватим.

— В любом случае, сэр, мы теряем время. Преследователи отыщут нас, если мы будем двигаться по поисковой спирали. В особенности, если мы начнем гоняться за экипажами нелюдей, которые никогда не слышали о человеческой расе.

— Мы займемся и этим, если потребуется. А у вас есть более надежный план?

— Ну... — Торренс замялся.

Вошел стюард с кружкой свежего пива. Ван Рийн выхлебал его.

— Думаю, вы правы, сэр, — проговорил Терранс. — Я пойду и...

— Девственно! — проревел ван Рийн.

— Что? — вздрогнул Терранс.

— Девственное! Вот то слово, что я искал. Первое пиво приятно, как девственность, идиот!

2

В дверь каюты позвонили. Терранс вздохнул. Он надеялся немного поспать. Ему пришлось провести на палубе столько часов, что он затруднялся их сосчитать. Но когда корабль плутает во тьме в поисках какого-нибудь другого корабля, который случайно мог оказаться в этом районе, в то время, как охотники на тебя самого бродят где-то поблизости...

— Войдите...

Это была Джерри Короед. Терранс глотнул воздух, вскочил на ноги и поклонился.

— Миледи! Что... как... какой сюрприз. Я могу чем-нибудь быть вам полезен?

— Пожалуйста, — она взяла его за руку, ее платье мерцало и было невероятно коротким. — Ван Рийн никак не признается. (Но взгляд Джерри сказал Террансу, что все объяснения надуманы.) — Я пришла к вам, мистер Терранс, и если у вас есть чувство жалости, вы выслушаете меня.

Он указал ей на кресло, предложил сигару и закурил сам. Сделав несколько затяжек, он немного успокоился и присел напротив Джерри.

— Если я смогу быть чем-нибудь полезен, миледи Короед, я буду счастлив. Ги-м... фримен ван Рийн....

— Он спит. Но он ни в чем не может упрекнуть меня. Я не подписывала контракт или что-нибудь в этом роде, — ее раздражение выразилось в сухой усмешке. — О, я согласна, мы все его служащие — как формально, так и по существу, и я не противлюсь его желаниям. Просто он не захотел ответить на мой вопрос, а если я не узнаю правду, я начну визжать.

Терранс взвесил доводы за и против. Информация, полученная лично, несколько более подробная, чем та, которую получил экипаж, ее, возможно, действительно чуточку успокоит.

— Как хотите, фриледи, — сказал он и рассказал, что случилось с конвертером. — Мы не можем сами исправить его, — объяснил он. — Если мы не перестанем двигаться на полной скорости, конвертер расплавится еще до прибытия на Валгаллу. Тогда мы, лишившись энергии, окажемся обреченными на верную смерть. Но если мы будем двигаться медленнее, что сохранит нам конвертер, то до Валгаллы мы будем добираться полгода, а у нас нет достаточных припасов для столь долгого путешествия. К тому же аддеркопы, несомненно, сумеют выследить нас через одну-две недели.

Она вздрогнула.

— Почему? Я не понимаю, — она некоторое время смотрела на кончик своей сигареты, пока к ней не вернулось спокойствие, а вместе с ним и чувство юмора.

— Капитан, я — лишенная наивности девушка с Фрейи. Я умею считаться с фактами. Но вы лучше меня знаете, что Фрейя — отдаленная планета, находящаяся на окраине человеческой цивилизации. У нас нет никаких космических средств связи, кроме торговых рейсов кораблей Лиги, а они никогда надолго не задерживаются в порту. Я, в сущности, ничего не знаю о принципах ведения войны и политических интригах. Никто не объяснил мне, что наше путешествие является чем-то большим, нежели простой разведывательной экспедицией, но я никого не спрашивала. Почему аддеркопы так встревожены и пытаются нас поймать?

Терранс попытался представить себе общую картину, прежде чем ответить. Будучи космонавтом Лиги, он вынужден был сделать над собой определенное усилие, чтобы осознать, как мало значат для колонистов их враги. Слово «аддеркопы» было фрейанским, это было презрительное название поставленных вне закона и изгнанных с планеты около ста лет назад колонистов. С тех пор, однако, фрейанцы никогда не встречались с ними и никак не контактировали. Уйдя в глубины Космоса, где-то за Валгаллой, беженцы осели на какой-то никому не известной планете. Через некоторое время число их сильно возросло, увеличилось и количество их военных кораблей. Но Фрейя по-прежнему была слишком сильна для

них, и они не осмеливались напасть на эту планету. К тому же у Фрейи не было никаких межпланетных предприятий, что не давало ей повода для беспокойства за свои космические корабли.

Терранс решил подробнее описать ситуацию, даже если придется повторить некоторые общеизвестные факты.

— Что же, — сказал он. — Аддеркопы не глупы. Кто-то информирует их обо всем происходящем. Они узнали, что Галасоциотехническая Лига решила начать торговые операции в этом районе Космоса. Такое положение их не устраивает, так как это положит конец их грабительским набегам на планеты в этом секторе, выжиманию дани и жульнической торговле. Конечно, Лига не компания святых, мы боремся с ними потому, что пиратство наносит ущерб нашей торговле. Аддеркопы решили не объявлять нам открытой войны, а нападать на передовые посты, чтобы вынудить нас отказаться от своих планов. У них преимущество в знании давно обжитого ими сектора Космоса. И мы уже были на грани того, чтобы поставить крест на этом участке пространства и попытать счастия в других местах. Фримен ван Рийн решил предпринять последнюю попытку. Противодействие этому оказалось настолько велико, что он был вынужден сам возглавить экспедицию.

Полагаю, вы представляете, как он действует. Используя свое изощренное искусство подкупа и обмана, он собрал всю, даже самую незначительную информацию, которой обладали пленники Лиги и сопоставил факты. В результате мы получили ключ к недоступному ранее участку. Мы прибыли туда, нащупали нейтринный поток и, следуя по нему, обнаружили колонизированную людьми планету. Как вы, вероятно, знаете, это, несомненно, оказалась планета аддеркопов.

Если мы доставим Лиге информацию обо всем увиденном, враждебные действия аддеркопов удастся пресечь. Лига может послать к их планете несколько военных кораблей звездного класса и пригрозить бомбардировкой. Они, понимая это, постарались нас обнаружить, несколько боевых крейсеров окружили нас, но все-таки нам удалось от них ускользнуть. Они владеют кораблями устаревшей

конструкции, поэтому мы смогли оставить преследователей далеко позади. Но я уверен, что они продолжают нас искать. Весь их флот сейчас находится в поиске. Наш корабль постоянно создает вибрацию гиперпространства, которую можно обнаружить на расстоянии до светового года. Поэтому, если аддеркопы наткнутся на нашу волну и по ней определят наше местонахождение, нам конец.

Джерри глубоко затянулась, но внешне оставалась спокойной.

— Каковы ваши планы?

— Контрманевр. Вместо того чтобы пытаться достичь Фрейи, мы предприняли спиральных поиск на средней скорости, увеличили число оборотов и чувствительность наших детекторов. И если мы обнаружим чужой корабль, то используем все возможности нашей машины, чтобы догнать его. Если это окажется враждебный нам корабль — что ж, у нас имеются лазерные пушки в орудийным башнях, мы попытаемся захватить его или уничтожить. Может случиться, что это будет корабль негуманоидов. Доклады ученых, сообщения обсерваторий, сведения пленников говорят о наличии в этом районе трех или четырех различных рас, овладевших секретом передвижения в гиперпространстве. Аддеркопы сами не очень хорошо о них осведомлены. Космос чертовски велик.

— И если корабль окажется негуманоидным?

— Будем действовать по обстоятельствам.

— Понятно, — она кивнула, посидела молча и улыбнулась ему. — Спасибо, капитан. Вы настоящий друг. Вы не представляете себе, как помогли мне.

Терранс сдержал глуповатую ухмылку.

— Я счастлив, фриледи.

— Я направляюсь с вами на Землю. Вы об этом знаете? Фримен ван Рийн обещал мне там хорошую работу.

«Он всегда обещает», — подумал Терранс.

Джерри придвинулась к нему.

— Я надеюсь, на пути к Земле мы познакомимся с вами поближе, капитан. Или даже прямо сейчас...

В этот момент прозвучал сигнал тревоги.

«Геба» была яхтой, а не пиратским фрегатом, однако, когда на ее борту находился ван Рийн, это различие почти

исчезало. Яхта двигалась быстрее многих военных кораблей, она располагала детекторами повышенной чувствительности, а ее экипаж был хорошо знаком с тактикой погони.

«Геба» была способна уловить гиперэмиссию другого корабля задолго до того, как ее собственная вибрация могла быть обнаружена. Оставаясь невидимкой, она скорректировала траекторию, установила верный курс и, используя всю мощность своих двигателей, устремилась в погоню за обнаруженным кораблем. Если бы чужой корабль сохранил собственную скорость, то встреча состоялась бы через три-четыре часа. Но корабль незнакомцев предпринял попытку уйти. «Геба», соответственно, изменила курс и продолжала догонять свою медлительную добычу.

— Они боятся нас, — сказал Терранс. — И направились отнюдь не в сторону планеты аддеркопов. Оба эти факта свидетельствуют, что они не аддеркопы и у них есть причины бояться чужаков, — он угрюмо покачал головой, так как во время предыдущих полетов ему приходилось посещать планеты, подвергшиеся налету космических пиратов.

Видя, что преследователь сокращает дистанцию, преследуемые вышли из гиперпространства. Их конвертер уменьшил подачу энергии до минимума, скорость упала ниже световой, и чужой корабль превратился в крошечную точку в бесконечном пространстве. Случалось, что этот маневр помогал: преследователь, потратив некоторое время на тщетные поиски, отправлялся своей дорогой. «Геба», однако, была готова к маневру. Знание сверхсветового вектора с координатами выхода из гиперпространства дало ее компьютерам возможность точно определить местоположение добычи. Яхта двинулась в этот участок и прочесала его, время от времени возвращаясь в обычное пространство, чтобы попытаться уловить нейтринное излучение, которое производит любой атомный двигатель. Правда, излучение атомного двигателя похоже на нейтринное излучение звезд, но благодаря статистическому анализу компьютеры обычно точно выделяли его. И на этот раз местонахождение корабля было установлено до-

вольно быстро. Яхта двинулась туда... и вот вокруг нее вновь сверкающее небо, а на обзорных экранах вырисовывается корпус чужого корабля.

Он в несколько раз превосходил «Гебу» размерами и по форме напоминал цилиндр с тупо закругленным носом, массивными конусами двигателей, многочисленными нишами для вспомогательных шлюпок и единственной орудийной башней. Физические законы обусловливали то, что конструкции всех межзвездных кораблей были близки, однако любой космонавт с первого взгляда определил бы, что этот корабль построен технически не очень развитой цивилизацией.

Сверкнул огонь. Даже несмотря на автоматическое затемнение экрана, Терранс был ослеплен. Приборы показывали, что чужак выстрелил в них, но роботомониторы «Гебы» перехватили снаряд ракетами. Нападение было на удивление слабым и медлительным: чужак оказался не военным кораблем. Он так же проигрывал по сравнению с яхтой, как сама она сама по сравнению с боевым крейсером аддеркопов.

— Прекрасно, теперь после этой глупости мы сможем их спокойно обработать, — сказал ван Рийн. — Вызовите их по телекому и найдите общий язык. Быстрее! Объясните, что мы не причиним им вреда, что мы хотим попасть в Валгаллу, — он немного поколебался и добавил: — Мы можем им хорошо заплатить.

— Возможно, возникнут трудности, — сказал Терранс. — Наш корабль построен людьми, а из людей они, вероятно, встречали только аддеркопов.

— Что ж, если потребуется, мы сможем взять их на абордаж и заставить отвезти нас! Если мы будем медлить, как проклятые засони, то нас поймают!

Терранс хотел сказать, что сейчас они в безопасности: аддеркопы были далеко позади быстрейшего из земных кораблей. Те не подозревали, что яхта вышла из гиперпространства, а когда поймут это, у них не будет ни малейшего представления о том, где же ее искать. Но потом Терранс сообразил, что не все так просто. Если переговоры с чужаком затянутся надолго, например, на неделю — корабли аддеркопов прочешут этот район и станут их карау-

лить. Они не прекратят поиск, по крайней мере, в течение месяца, а к тому времени на «Гебе» начнет ощущаться нехватка продовольствия. И когда яхта будет вынуждена перейти в гиперпространство, ее обнаружат и без труда уничтожат. Единственный шанс на спасение заключался в том, чтобы организовать рейс к Валгалле как можно быстрее, используя внезапность, которая может отчасти компенсировать уменьшившуюся скорость.

— Мы использовали все частоты, сэр, — доложил Терранс. — Но до сих пор не получили никакого ответа, — он с беспокойством добавил: — Не понимаю. Они должны видеть, что их вызывают, и понять, что мы хотим вступить с ними в переговоры. Почему они не отвечают? Ведь это им ничем не грозит!

— Может, они покинули корабль? — предположил офицер-связист. — Возможно, у них имеются шлюпки для передвижения в гиперпространстве.

— Нет, — Терранс покачал головой. — Мы бы это заметили... Продолжайте их вызывать, фримен Батанкур. Если в течение часа мы не получим ответа, будем брать их на абордаж.

Экран приемопередатчика продолжал оставаться темным, но когда часовая отсрочка уже заканчивалась, и Терранс надевал космический скафандр, Ямамура доложил, что нейтринное излучение на корме чужака значительно усилилось. Там происходил какой-то процесс, требовавший затрат очень большого количества энергии.

Терранс защелкнул свой шлем.

— Мы посмотрим сами, что это такое.

Он назначил людей в отряд захвата. Ван Рийн, громко ругаясь и протестуя, остался на борту яхты за капитана и проводил Терранса к главному шлюзу. Плавно, как скользящая в воду обтекаемая акула («В конце концов, — напомнил себе изумленный капитан, — старый боров был космонавтом, награжденным голубой лентой»), «Геба» двинулась к чужаку.

Но тот неожиданно исчез. Отдача заставила яхту содрогнуться.

— Везельвул и ботулизм! — взревел ван Рийн. — Они снова ушли в гипер. Ну, у них это не выйдет!

Конвертер скрипел, но давал нужную энергию, и вскоре яхта нагнала чужака. Ван Рийн проделал это с блеском. Терранс вынужден был признать, что выполненный маневр труден даже для опытного пилота. Яхта уклонилась от поражающего луча чужака и приклеилась к его корпусу необыкновенно прочным силовым полем. Затем ван Рийн выключил конвертер, который мог просто не выдержать напряжения. Однако огромная туша чужака сохранила при этом сверхсветовую скорость, увлекая за собой «Гебу». Соединенные корабли мчались быстрее света к неизвестным созвездиям.

Терранс выругался, сделал перекличку своих людей и выбрался наружу.

Ему еще никогда не приходилось захватывать чужой корабль, но он полагал, что это не труднее, чем проникнуть в покинутое экипажем судно. Выбрав место, он приказал первым делом закрыть его защитным полем, чтобы предотвратить утечку воздуха: пока необходимости уничтожать чужой корабль не было. Резаки его людей изрыгали пламя, синие искры срывались фонтанами и исполняли в невесомости сложный танец. Остальная часть отряда стояла наготове, держа в руках бластеры и гранаты.

Два корабля продолжали падать в бесконечность. Без компенсирующей электроники обзорных экранов небо было неузнаваемо — искажено аберрацией и эффектом Доплера. Людям казалось, что они умерли и несутся навстречу Судному дню. Терранс пытался сосредоточиться на практических делах. Как они будут общаться с чужаками, когда проникнут на их корабль? Особенно, если при этом придется застрелить несколько из них.

Внешняя оболочка наконец была разрезана, и Терранс с интересом стал изучать ее внутреннюю структуру. Все было непривычно, ничего подобного он раньше не встречал. Несомненно, эта раса вышла в Космос совершенно самостоятельно, независимо от человечества, хотя в целом их корабль действовал на основании тех же физических законов. Но в деталях корабль существенно отличался от земных аналогов. Что это за вязкая, но прочная субстанция, образовывающая внутреннюю оболочку чужака?

И проходят ли в ней контуры и схемы? Больше им находиться вроде бы негде.

Последняя преграда была преодолена. Террнас с трудом сглотнул и посветил внутрь. Темнота и пустота удивили его. Войдя внутрь, он повис в воздухе: искусственное тяготение было отключено. Экипаж прячется где-то и...

И...

3

Терранс вернулся на яхту через час. Он нашел ван Рийна сидящим рядом с Джерри.

Девушка что-то говорила, но, посмотрев внимательно в лицо капитана, замолчала.

— Ну? — сварливо спросил торговец.

Капитан прочистил горло. Его голос, казалось, принадлежал другому человеку.

— Думаю, что вам лучше взглянуть самому, сэр.

— Вы отыскали экипаж в его вонючем аду? На что они похожи? Что это за корабль?

Терранс решил сначала ответить на последний вопрос.

— Похоже, этот корабль предназначался для перевозки животных с различных планет. Должен сказать, что такого чудовищного набора зверей я не видел даже в зоопарке Солнечной системы на Луна-Сити.

— На кой сифилис мне это?! Где тот, кто собирал этих животных, где его прикрытые фиговыми листочками дружки?!

— Как вам сказать, сэр, — Терранс опять сглотнул. — Думаю, они скрылись от нас. Спрятались среди других животных.

4

Между главным шлюзом яхты и отверстием, прорезанным в корпусе чужака, был проложен туннель. Через него накачали воздух и провели освещение. Манипулируя гравитационными генераторами, Ямамура установил на чужом корабле силу тяжести величиной примерно в одну четверть земной, но при этом ему не удалось придать кораблю «горизонтальное» положение: палубы кораблей были наклонены под разными углами.

Даже в условиях пониженной силы тяжести ван Рийн двигался неуклюже. Он остановился с салями, зажатой в одной руке, и сырой луковицей — в другой, и стал рассматривать добычу. Вероятно, здесь находилась рубка управления, удивляло, что она оказалась ближе к корме, чем к носу. Экраны действовали, глаза существ, меньшего роста, нежели человек, нашли бы их вполне удобными. Они показывали ту же картину созвездий, что и на «Гебе», очевидно, работая на аналогичных земным оптических компьютерах. Контрольная панель образовывала полукруг у передней стены. Полукруг был слишком велик, чтобы им мог управлять один человек. Но, по-видимому, конструктор считал иначе, так как в центре стояло только одно кресло.

Короткие металлические стержни торчали из пола с обеих сторон кресла, отверстия для болтов показывали, что здесь могли бы крепиться другие. Однако сами кресла отсутствовали.

— Я думаю, пилот сидел в этом кресле, когда они двигались в автоматическом режиме, — Терранс заколебался. — Штурман и связист соответственно здесь и здесь. Я не совсем уверен, но, скорее всего, у них был помощник пилота, хотя крепления кресла в дальнем конце рубки свидетельствуют о том, что там находится резервный офицер, всегда готовый вступить в действие.

Ван Рийн пожевал луковицу и потянул себя за бороду.

— Чертовски велика эта панель, — сказал он. — Раса кровожадных спрутов? Посмотрите, как сложно.

Он махнул салями в сторону панели. Консоль, покрытая чем-то вроде флюоресцирующего пластика, имела мало кнопок или переключателей, но зато на ней располагалось множество плоских прямоугольников, площадью не менее двадцати квадратных сантиметров каждый. И некоторые из них были вдавлены. Очевидно, это был пульт управления приборами. Осторожная попытка показала, что нужно приложить очень большое усилие, чтобы вдавить такой квадратик. Эксперимент закончился тем, что открылся один из грузовых люков и, прежде чем Терранс, напрягая силы, поставил пластину на место, большая часть воздуха улетучилась из корабля. Стало ясно, что опасно, не разобравшись, включать приборы незнакомого корабля, тем более в открытом Космосе.

— Они должны быть сильными, как лошади, чтобы управляться со всем этим, — заметил ван Рийн. — Об этом многое свидетельствует.

— Но не все, сэр, — возразил Терранс. — Экраны как будто предназначены для карликов около метра ростом, — он указал на полку с инструментами, не превышающими размерами пуговицы. На каждом была цифра (или буква, или идеограмма?). Знаки отдаленно напоминали старые китайские иероглифы. — Человек не смог бы пользоваться ими. Во всяком случае без должной тренировки и большого напряжения. Конечно, обладать глазами, приспособленными для мелкой работы, еще не значит быть карликом. А вот этот переключатель невозможно достать с пола, не обладая длинными руками, — встав на цыпочки, он дотронулся до выключателя, расположенного как раз над гипнотическим креслом пилота.

Переключатель щелкнул.

С кормы донесся рев. Он внезапно усилился, и от неожиданного толчка Терранс отлетел назад. Пытаясь удержаться, он схватился за полку у задней стены. Тонкий металл полки согнулся, но выдержал.

— Каракатица и болван! — взревел ван Рийн.

Упершись своими колонноподобными ногами в пол, он дотянулся до переключателя и вернул его в прежнее

положение. Рев прекратился, восстановилась привычная сила тяжести. Терранс прошел к высокой двери, ограниченной широкой аркой, и крикнул в коридор:

— Все в порядке! Не беспокойтесь! Мы овладели положением!

— Что это за проклятая чертовщина? — потребовал ответа ван Рийн.

Терранс с трудом взял себя в руки.

— Думаю, выключатель двигателей, — его голос дрожал. — Полное ускорение без всякой компенсации. Конечно, в гиперпространстве это не опасно, вероятно, в целом ускорение не превышало одного «же». А в нормальном пространстве оно возросло бы в несколько раз. Это приспособление для внезапного быстрого ухода и... и...

— И вы с вашими мозгами из прокисшей подливки, с баллонами вместо пальцев, дернули этот выключатель?!

Терранс почувствовал, что краснеет.

— Откуда я мог знать, сэр? Я нажимал с силой менее полукилограмма. Двигатель не должен включаться так легко! Кто бы мог подумать, что выключатель поддастся! Особенно после тех усилий, которые мы прикладывали к плиткам на пульте?!

Ван Рийн посмотрел более внимательно.

— Я вижу здесь предохранительную защелку, — сказал он. — может быть, они используют этот выключатель на планетах с большой гравитацией? — он указал на отверстие в центре панели около сантиметра в диаметре и пятнадцати сантиметров глубиной. На дне находился маленький ключ. — Наверное, это другое специальное защитное приспособление, а? Более безопасное, чем переключатель над креслом. Потребуются щипцы с узкими губками, чтобы достать его оттуда, — он почесал свои напомаженные локоны. — Но здесь нигде поблизости не видно таких щипцов, я не вижу ни крюка, ни скобы для них.

— И не ищите, — сказал Терранс. — Когда они очищали помещение, было вынесено все. Там, в машинном отделении, осталась лишь груда обломков, расплавленный металл и обоженный пластик, рваное постельное белье, разбитая мебель — все, что, по их разумению, могло

дать нам ключ к разгадке их внешности, они утащили вниз и уничтожили. Для сжигания использовали свой конвертер, это и вызвало сильное нейтринное излучение, которое заметил Ямамура. Они работали быстро, словно черти.

— Но ведь они не разрушили необходимые машины и оставили инструменты? Тогда им было бы проще взорвать корабль вместе с нами. Я, как свинья, потел от страха, что они это сделают. Для бедного старого грешника испариться в радиоактивном взрыве за триста световых лет от виноградников Земли — не лучший способ кончить свои дни.

— Нет... Как можно заключить из первого поверхностного осмотра, они не уничтожили ничего жизненно важного. Конечно, полностью мы не можем быть в этом уверены. Группе Ямамуры потребуется неделя, чтобы в общих чертах установить, как функционирует их корабль, не говоря уже о мелких деталях управления. Но я согласен, что экипаж не собирался совершать самоубийство. Они поймали нас в ловушку, возможно, даже не подозревая об этом. Мы крепко привязаны к их кораблю и летим куда-то, вероятно, по направлению к их звезде, под прямым углом к нужному нам курсу.

Терранс направился к выходу.

— Видимо, нам следует заняться их зверинцем, — предложил он. — Ямамура собирается установить какое-то оборудование, которое поможет нам отличить экипаж от настоящих животных.

5

Главный трюм занимал почти половину огромного корпуса корабля. Вверху тянулся коридор, внизу были мостики, которые шли вдоль длинного ряда помещений. Помещений-клеток было девяносто шесть, и все они были одинаковыми. Каждая имела пять метров в ширину, вмонтированные в потолок светящиеся пластины, пол, покрытый упругим пластиком. В некоторых клетках вдоль стен

были установлены полки и параллельные прутья — очевидно, для животных, привыкших ползать или лазать. В задней стене каждой клетки находились хорошо укрытые механизмы. Ямамура не разрешал трогать их, но сказал, что они, по-видимому, служат для регулировки состояния атмосферы, а также температуры и гравитации, гигиенических устройств и других элементов «обстановки» жилой клетки.

Передняя стена, выходящая в коридор, и верхний мостик были сделаны из прозрачного вещества. В стену были вмонтированы люки с воздушным шлюзом, прочно запертым простым, но надежным механизмом. Рукоятки и колесики механизма выходили как вовнутрь клетки, так и наружу. Лишь несколько помещений пустовали. Терранс и ван Рийн шли по затемненному коридору мимо чудовищ, и свет дюжины различных солнц освещал их — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой...

Существо, похожее на гигантскую акулу, но с усами, развевающимися у него над головой, плавало в заполненном водой аквариуме среди водорослей. В следующей клетке находилось множество мелких крылатых рептилий, они ползали, перелетали с места на место. На противоположной стороне коридора четверо млекопитающих бродили в желтоватом тумане: прекрасные создания с тигровой шкурой, они передвигались на всех четырех лапах, время от времени вставая на две. Тогда становились заметны убирающиеся когти между пальцами, похожими на обрубки, и клыкастые хищные пасти.

Затем люди прошли мимо клеток с полудюжиной лоснящихся красноватых животных, похожих на шестилапых выдр, резвившихся в бассейне. Очевидно, наступила пора кормления: механизмы выбросили в лоток какую-то массу, и звери принялись рвать ее клыками.

— Автоматическое кормление, — заметил Терранс. — Я думаю, пища специально синтезируется на месте в соответствии с биохимией каждого вида. Это, по-видимому, относится и к экипажу. Мы не нашли на корабле ничего, похожего на камбуз.

Ван Рийн содрогнулся.

— Ничего, кроме синтетики? Нет даже крошечного стакана джина перед обедом? — он вздрогнул. — Хм-м,

вероятно, мы открыли новый отличный рынок, и пока они разберутся в ситуации, мы сможем драть с них втридорога.

— Вначале надо их отыскать, — сказал Терранс.

Ямамура стоял в центре трюма, направив на одну из клеток различные приборы и измерительные инструменты. Джерри находилась рядом, подавая ему детали по первому требованию и включая переносной аккумулятор.

— Что тут происходит? — спросил ван Рийн.

Главный инженер повернул к нему невозмутимое лицо.

— Я приказал членам группы подробнее изучить корабль, сэр, — сказал он. — Я присоединюсь к ним, как только фриледи Короед приобретет некоторую сноровку в обращении с этими инструментами. Она вполне способна выполнить такую работу, в то время как от остальных потребуются все их специальные знания... — он заговорил медленнее и печально улыбнулся. — Боюсь, что нам понадобится не менее месяца для того, чтобы раскрыть их секреты, учитывая наши ограниченные ресурсы.

— У нас нет месяца, — сказал ван Рийн. — Вы замеряете условия в каждой клетке?

— Да, сэр. Они, конечно, помечены, но мы не в состоянии прочесть надписи, поэтому и приходится выполнять эту работу. Я сопоставлю гравитацию, состав атмосферы и ее давление, температуру, спектр освещения и так далее. Это затяжная работа, которая требует многочисленных математических расчетов. К счастью, нам нет нужды проверять каждое помещение, да и большинство из них.

— Нет, — сказал ван Рийн. — Очевидно, этот корабль не мог быть создан птицами или рыбами. В любом случае необходимо наличие чего-то наподобие рук.

— Или щупалец, — Ямамура кивнул в сторону ближайшей клетки. Она была залита тускло-красным светом. Там находилось несколько существ черного цвета, непрерывно двигавшихся. Они имели квадратные тела на четырех лапах, из этих тел возвышались другие, покрытые костяным панцирем. Эти существа были похожи на кентавров. Под безлицыми головами располагались шесть тонких липких рук, разделенных по две в три группы. Две руки оканчивались бескостными, но невероятно сильными пальцами.

— Подозреваю, что это и есть наши застенчивые друзья, — сказал Ямамура. — Если это так, то у нас вряд ли будет достаточно времени... Они дышат водородом под большим давлением и живут в условиях тройной гравитации. Температура внутри клетки около семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

— Они единственные, кто находится в таких условиях? — спросил Терранс.

Ямамура пристально посмотрел на него.

— Понимаю, что вы имеете в виду, капитан. Нет, не единственные. Я обнаружил еще три помещения с аналогичными условиями. Но в них, несомненно, находятся животные: змеи и тому подобные существа, которые не могли построить корабль.

— Но тогда эти люди-осьминоги не могут быть экипажем, — робко сказала Джерри. — Экипаж собирал животных с других планет, зачем ему свои?

— Они могут быть взяты с собой в путешествие, — сказал ван Рийн. — У нас на «Гебе» тоже есть кот и несколько попугаев. Или можно предположить, что существует несколько планет с водородной атмосферой и близкими условиями. Ведь существует же Фрейя, Земля и другие планеты с кислородной атмосферой. Это ни о чем не говорит, — он повернулся к Ямамуре как огромный вращающийся глобус. — Но, послушайте, раз экипаж перед вашим прибытием выпустил наружу весь воздух, почему бы не проверить их резервные танки? Если мы найдем там воздух, которым дышат эти засони...

— Я думал над этим, — сказал Ямамура. — И это было первым, что я приказал своим людям проверить. Но они ничего не обнаружили. Да я на это и не надеялся. Так как первое, что они обнаружили, была передвижная труба синтезатора, я подумал, что синтезатор способен восстанавливать воздух, утраченный кораблем.

— Когда мы уйдем, — Ямамура вздохнул, — если только мы уйдем, они откроют шлюзы, и наш воздух выйдет наружу. Синтезатор включится и восстановит в корабле привычную для них атмосферу. А может, им вполне подходит кислородная.

— Да, — сказал Терранс, — я думаю, нужно осмотреть все и еще раз поискать разумных хозяев этого корабля.

Ван Рийн покатился за ним.

— Как устроен разум у этих безмозглых чужаков? — ворчал он. — Почему они затеяли этот дурацкий маскарад?

— Это не так уж глупо, — сухо заметил Терранс. — Мы летим вместе с их кораблем и не знаем, как его остановить. Они рассчитывают, что нам это надоест и мы оставим их в покое или попадем в освоенный ими район. А там, весьма вероятно, какой-нибудь военный корабль, или что они там имеют, обнаружит нас и приблизится, чтобы узнать, что происходит, — он замолчал, остановившись перед клеткой. — Вот это да!..

В клетке находилось животное, похожее на слона, но с хрупким телосложением, что указывало на более низкую, чем на Земле, гравитацию его родины. Кожа его была зеленого цвета и покрыта редкой чешуей. Вдоль спины росла жиденькая полоска волос. Глаза, которыми животное пристально смотрело на них, были встревоженными и загадочными. Оно имело слоновий хобот, оканчивающийся кольцом псевдопальцев, которые могли быть не менее сильными и чувствительными, чем человеческие.

— Возможно ли существование однорукой разумной расы? — пробормотал Терранс и сам же себе ответил: — Так же, как и двурукой. Отсутствие второй руки компенсируется огромной силой. Этот хобот может согнуть железный прут.

Ван Рийн, нахмурившись, молча прошел мимо клетки с пернатыми копытными и остановился перед следующей.

— Посмотрите на этих монстров, — сказал он, — что-то похожее есть на Земле. Как же они называются?.. Квинтелла? Нет, гориллы или шимпанзе?

Терранс ощутил комок в горле. В двух соседствующих клетках находилось четыре существа. Они были двуногими: с короткими ногами и длинными руками. Стоя, в высоту они достигали почти двух метров, а размах рук этих существ был не менее трех метров. Такое существо вполне могло управлять контрольной панелью в одиночку. Запястье толщиной в бедро человека заканчивалось пропорци-

ональными пальцами, из которых четыре противостояли большому пятому. Трехпалые ноги были предназначены для ходьбы и устроены, как человеческие. Тело покрывала коричневая шерсть. Головы их были сравнительно невелики, остроконечны, имели массивные носы и крошечные сверкающие глазки, глубоко посаженные под густыми бровями. Пока они бесцельно бродили взад и вперед, Терранс заметил, что животные разделяются на самцов и самок. В углах каждой клетки находились светильники, и свет их был знакомым — желтовато-белым светом звезды типа солнца.

Он заставил себя сказать: — Я сомневаюсь, что это хозяева корабля. Такие мощные челюсти требуют сильно развитых мускулов, которые должны прочно прикрепляться к черепу, а это, соответственно, уменьшает вместимость черепной коробки.

— Предположим, что у них мозги в животе, — сказал ван Рийн.

— Что ж, у некоторых людей так и есть, — пробормотал Терранс. Когда торговец подавился, он поспешно добавил: — Нет, в самом деле, сэр, в это трудно поверить. Нервные связки будут слишком длинными. Все животные, которые мне известны и которые имеют центральную нервную систему, наделены мозгом, расположенным вблизи органов чувств, а последние обычно находятся в голове. Конечно же, малый размер мозга еще не говорит о том, что он не развит. Их мозг может функционировать совсем по-иному.

— Уксус и перец! — закричал ван Рийн. — Может! Может! Может!

Они продолжали двигаться мимо клеток со странными созданиями, когда ван Рийн сказал: — Мы немногого добьемся, изучая их атмосферу и освещение. Спрятавшись, экипаж мог слегка изменить их, а чуть погодя восстановит привычные условия, при этом не причинив себе особого вреда. И гравитация тоже могла быть немного изменена: на двадцать-тридцать процентов.

— Я надеюсь, что они дышат кислородом, хотя... Ой! — Терранс остановился. Через мгновение он понял, что ему показалось странным у нескольких животных, нахо-

дившихся под оранжевым светом. Они были покрыты хитиновой броней, похожей на военный шлем квадратной формы. Четыре короткие ноги, оканчивающиеся ступнями с острыми когтями, поддерживали их массивные тела, а ресницы походили на кустики щупалец. Казалось, в существах нет ничего примечательного, во всяком случае не больше, чем в любом другом неземном животном. Но из-под шлемов выглядывали странные глаза: они были огромными и походили на человеческие или на глаза осьминогов.

— Черепахи, — фыркнул ван Рийн, — или броненосцы.

— Не повредит, если Джер... мисс Короед проверит условия их существования, — сказал Терранс.

— Напрасная трата времени.

— Не понимаю, как они едят. Я не вижу никакого рта.

— Эти щупальцы похожи на капиллярные присоски. Готов поклясться, что они паразиты или пиявки-переростки, или нечто похожее на моих конкурентов. Идемте дальше.

— Что мы будем делать после того, как предположительно установим экипаж корабля? — спросил Терранс. — Попытаемся связаться с каждым по очереди?

— От этого будет мало проку. Они и спрятались потому, что не хотят разговаривать. Пока мы не докажем им, что не являемся аддеркопами... Но трудно сообразить, как это можно будет сделать.

— Подождите! Почему же они в конце концов спрятались, если уже вступали в контакт с аддеркопами? Ведь им в таком случае вряд ли что-нибудь могло помочь!

— Я думал, что уже объяснил вам, черт побери! — сказал ван Рийн. — Для удобства давайте назовем эту неизвестную расу иксянами. Итак, иксяне уже некоторое время странствуют в Космосе, но Космос велик, и они еще никогда не встречались с людьми. Затем в этом секторе, где никогда не было гуманоидов, появились аддеркопы. Иксяне услышали об этой ужасной нации, тоже вышедшей в Космос. Они приземлялись на примитивных планетах, где высаживались аддеркопы, беседовали с туземцами, может быть, даже издалека следили за лагерем аддеркопов или сумели захватить их одиночный корабль.

Так они узнали, кто такие люди и как они выглядят, но больше не выяснили ничего. Они не хотят, чтобы люди узнали о них, поэтому остерегаются любых контактов. Может, они еще не готовы к войне, не знаю. Терранс, мы должны продемонстрировать экипажу иксян наши честные намерения, чтобы они доставили нас на Фрейю и доложили своим вождям, что не все люди похожи на этих грязных аддеркопов. В противном случае, однажды проснувшись, мы можем обнаружить, что наши планеты атакованы аддеркопами или иксянами и, прежде чем этой войне придет конец, мы потеряем биллионы кредитов! — Он потряс кулаками в воздухе и взревел, как раненый бык: — Наш долг — предотвратить зло!

— Наш первый долг — вернуться домой живыми, — сказал Терранс, — у меня там жена и дети.

— Тогда перестаньте с глупым видом пялиться на Джерри. Я первым ее приметил.

Они продолжили поиски. Четыре существа ростом с человека, похожие на гусениц с толстыми лапами, ползали по полу клетки в зеленом свете. Тела их были темно-синими, с серебристыми пятнами. Другие существа походили на кентавроподобных животных, но были приземистее и имели по две руки. На руках отсутствовали большие пальцы, однако шесть других, расположенных полукругом, вполне могли заменить человеческую руку. Но наличие рук еще не доказывает разумности. На Земле, кроме обезьян, некоторые рептилии и амфибии имеют руки такие же, как у людей, или даже лучше. Однако круглые плоские головы этих существ, большие яркие глаза под перьевыми антенами неизвестного назначения, маленькие челюсти и тонкие губы выглядели многообещающе. «Обещающе что?» — подумал Терранс.

6

Трое земных суток спустя он неторопливо брел по центральному коридору, направляясь к машинному отделению корабля иксян.

Коридор представлял собой большой полуцилиндр, выложенный тем же резиноподобным пластиком, что и клетки, отчего шаги его были неслышными, а сорвавшееся с губ слово не отражалось от стен. Но все же стены передавали какую-то глубинную вибрацию, почти невоспринимаемое ухом гудение машин гиперпространства, несших корабль сквозь тьму к неизвестной звезде и выдающих свое присутствие любому охотнику, находящемуся на расстоянии не далее светового года. Светильники, установленные людьми, были расположены далеко друг от друга, и он двигался сквозь полутьму. В коридор выходили помещения без дверей,некоторые из них были заполнены снаряжением, и хотя форма большинства инструментов казалась странной, а содержание контейнеров довольно загадочным, они внушали уверенность, что этот корабль не «Летучий голландец», что он был обитаем. Однако многие помещения были пустыми, и в них явно никто не жил. Не осталось никаких личных вещей экипажа. Книги и микрофильмы сохранились, но знаки на них были совершенно непонятными. Пустые места на полках свидетельствовали о том, что все иллюстрированные книги были уничтожены. Можно было заметить следы на стенах, где раньше висели картины. В личных каютах, в большом помещении, которое, по-видимому, служило кают-компанией, в машинном отделении, в мастерской — повсюду только крепления указывали на то, что тут была мебель. В стенах кают-компании были встроены длинные низкие ниши и маленькие уютные углубления, но когда все постельные принадлежности оказались сожжены в раскаленном добела котле, как догадаться, каковы они были, эти постели, и для кого они предназначались? Одежда, украшения, посуда — все было ликвидировано. Одно помещение, вероятно, являлось туалетом, но вся сантехника тоже была уничтожена. Другое могло служить для научных занятий, в частности, для изучения пойманный животных, но и там царило опустошение, так что человек не мог ничего понять.

«Клянусь Господом, они заслуживают восхищения!» — подумал Терранс, охваченный приступом душевного подъема. Захваченные существами, которых они имели все основания считать отвратительными чудовищами, чужаки

могли избрать героическую смерть — атомный взрыв, который уничтожил бы оба корабля. Вероятно, они бы так и поступили, если бы их корабль не был зверинцем. Увидев в этом надежду на спасение, они ухватились за нее и реализовали свой план с невероятной быстротой, которой вряд ли мог добиться кто-либо из людей. Теперь они сидят где-то на виду, ожидая, пока чудовища не уберутся или пока военный корабль с родной планеты не освободит их. Они не знают, что их захватчики не аддеркопы, не знают, что этот сектор не скоро будет наполнен пиратскими кораблями: бандиты не осмеливаются так близко приближаться к Валгалле. При имеющейся у них информации чужаки действовали вполне логично. Но сколько нервов им это стоило?!

«Я хотел бы найти их и подружиться с ними», — подумал Терранс. Иксяне могут стать отличными партнерами землян, или жителей Фрейи, или Рамамунджана, или даже всей Галасоциотехнической Лиги. С кривой усмешкой он подумал: «Держу пари, их не так легко надуть, как надеется старый Ник. Они сами его надуют. Хотел бы я на это посмотреть! Впрочем это мои личные проблемы», — он снова впал в уныние. — «Если мы не преодолеем это недоразумение как можно быстрее, не будет ни нас, ни их. И очень скоро. Хорошо, если имеются еще три-четыре дня в запасе».

Коридор оканчивался лестничной площадкой, с которой двери вели налево и направо. Одна из дверей, как Терранс знал, шла в машинное отделение, где мощный ядерный конвертер питал энергией все системы корабля и двигатели: гравитационный и гиперпространственный. Принципы, на которых они работали, были ему знакомы, но большинство машин оставалось загадками, выполненными в металле и пластике. Он открыл вторую дверь, в мастерскую. Основную часть оборудования, несмотря на разрушения, можно было идентифицировать: токарный станок, сверлильный станок, осциллограф и кристаллический тестер. Ямамура сидел за импровизированным верстаком и спаивал узлы электронной аппаратуры. Рядом с ним стояло несколько приборов. Лицо Ямамуры осунулось, руки его дрожали. Он очень долго работал, не давая

себе отдыха, и лишь стимуляторы не позволяли ему уснуть от усталости.

Когда вошел Терранс, Ямамура разговаривал со связистом Батанкуром. Весь экипаж «Гебы» под руководством Ямамуры разгадывал загадку иксян, изучая их корабль.

— Я обнаружил основное электрическое оборудование, сэр, — докладывал связист. — Они не пользовались энергией конвертера непосредственно, как мы. Очевидно, их методы поглощения отличаются от наших. Они используют трансформаторы и получают переменный ток. Там же, где нужен постоянный ток, они пропускают переменный через плитки прессованного вещества, по виду напоминающие окись меди. Плитки закрыты защитным экраном, и, поскольку они находятся под высоким напряжением, внешний кожух так разогрет, что познакомиться с их устройством ближе практически невозможно. Все это оборудование кажется мне довольно примитивным.

— Или просто отличным от нашего, — вздохнул Ямамура. — Наш конвертер работает на легких элементах. Его преимущество в том, что он дает ток непосредственно. Они могут использовать другой конвертер — на тяжелых элементах, требующих гораздо меньшей очистки. Я припоминаю: на Земле когда-то пытались сделать такой же, но отказались, выяснив, что это непрактичная технология. Возможно, иксяне лучшие инженеры, чем мы. Такая система конвертера имеет свои достоинства, не говоря уже о том, что не нужно экономить горючее. Для корабля, странствующего среди неисследованных планет, это большое преимущество. Может быть, оно покрывает недостатки системы. Мы просто не знаем.

Покачивая головой, он смотрел на провода, которые держал в руках.

— Мы чертовски мало знаем, — сказал он и добавил, увидев Терранса: — Ладно, продолжайте, фримен Батанкур. И помните: торопись медленно.

— Из боязни повредить корабль? — спросил Терранс.

Ямамура кивнул.

— Иксяне должны были сообразить, что у такого маленького корабля, как наш, не хватит мощности, чтобы тянуть в гиперпространстве их махину, — сказал он. —

Поэтому они могли решить, что мы не станем тащить их с собой. Они могли расставить в своих механизмах мины-ловушки. Мы должны быть предельно осторожными.

— Это держит экипаж в напряжении.

— Так даже лучше. Гм-гм... что ж, сэр, я подготовил основную аппаратуру.

А так как Терранс ничего не ответил, то пояснил: — Я приспособил ее для исследования этих существ. Особенно тех, кто дышит водородом.

Терранс покачал головой.

— Начнем с тех, кто дышит кислородом. В сущности, они живут в условиях настолько близких к нашим, что мы можем просто войти к ним в клетку. Я имею в виду гориллоидов, так мы их с Джерри прозвали. Это поросшие шерстью двухметровые, двуногие уродцы с обезьяньими лапами.

Ямамура состроил обезьянью рожу.

— Такие мощные звери! Вы заметили у них какие-то проблески разума?

— Нет. Но мы и не ждали, что иксяне так легко откроются. Мы с Джерри много раз проходили мимо клеток со всевозможными животными, подавая им знаки, мы рисовали картинки, в общем, делали все, что могли придумать, стараясь объяснить им, что мы не аддеркопы. Конечно же, ничего из этого не вышло. Все животные хоть как-то реагируют на наше присутствие, кроме гориллоидов... Впрочем это еще ничего не доказывает.

— Но каких еще животных вы имеете в виду? Я был занят все это время.

— Ну, тех, что мы называем тигровыми обезьянами, потом кентавров с щупальцами, элефантоида, зверьков в шлемах и гусениц. Эти последние ползают. Я знаю, тигровые обезьяны и зверьки в шлемах вряд ли подойдут, да и элефантоид тоже. Только у гориллоидов подходящий размер и отлично устроенные руки, к тому же они дышат кислородом, и мы можем начать с них. Следующие по вероятности, я думаю, гусеницы и кентавры со щупальцами. Но гусеницы хотя и дышат кислородом, привыкли к высокой гравитации, и их атмосфера, находящаяся под высоким давлением, будет действовать на нас, как нар-

котик. И в том, и в другом случае придется работать в скафандрах.

— А гориллоиды что-то не очень добродушно выглядят.

Терранс взглянул на верстак.

— Что вы, собственно, собираетесь предпринять? — спросил он. — Я был слишком занят своими делами, чтобы ознакомиться с планом в деталях.

— Я приспособил некоторые медицинские приборы, — сказал Ямамура. — Например, офтальмоскоп. На некоторых частях механизмов нанесены знаки. Кроме того, в приборах используется свет. Так что иксяне должны иметь глаза не хуже, чем наши. Затем я взял прибор, прослеживающий нервные пути. Он проецирует все данные на этот экран, и в результате мы можем увидеть уменьшенное изображение нервной системы проверяемого. Сопоставляя эту картину с общей анатомией тела, мы сумеем определить симпатическую и парасимпатическую системы или их эквиваленты. Я на это надеюсь. Мы изучим мозг, а уровень развития мозга в какой-то степени определяется уровнем развития всей нервной системы. На мне это устройство сработало. А вот сработает ли оно на другом существе, да еще не дышащем кислородом, не знаю. Но попробуем.

— Да, мы можем только попытаться, — устало подтвердил Терранс.

— Полагаю, старый Ник ходит и размышляет, — сказал Ямамура. — Я давно его не видел.

— Он не захотел помогать мне и Джерри, — сказал Терранс. — Заявил, что наши попытки вычислить иксян будут тщетными, пока мы не докажем им, что нашли их. И только после того, — добавил он, — как единственным понятным языком станет жестикуляция пистолетом.

— Возможно, он прав.

— Он не прав! То есть логически, возможно, и прав, но не психологически... или морально. Он сидит в своей каюте с батареей бутылок и ящиком сигарет. Кок, который помогал нашим людям, был вызван на яхту готовить для него гурманские блюда. Можно подумать, его не беспокоит то, что он может оказаться взорванным в любую минуту.

Терранс вспомнил присягу и свой офицерский чин. Сейчас, на краю гибели, все это показалось ему полной бессмыслицей. Но привычки оказалась сильнее. Он сглотнул и резко сказал:

— Мне очень жаль. Прошу забыть все сказанное мной. Когда вы закончите, фримен Ямамура, мы испытаем гориллоидов.

7

Шестеро мужчин и Джерри стояли в коридоре с бластерами наготове. Терранс очень надеялся, что им не придется стрелять.

Он махнул рукой четверым, стоявшим за его спиной.

— Порядок, парни!

Терранс облизнул пересохшие губы, сердце его колотилось.

Быть капитаном и мастером Лиги приятно, но наступает момент, когда за привилегии приходится платить.

Загудел мотор, дверь отворилась, и он прошел в клетку гориллоидов.

Разница в давлении была незначительной, и он не ощутил беспокойства. Но зато, попав в нормальное гравитационное поле, он словно получил удар, ведь все это время он находился в поле тяготения, составлявшем всего четверть «g». Терранс пошатнулся, едва не упав, и вдохнул теплый воздух, полный незнакомых запахов. Привалившись к стене, он глядел на четырех двуногих монстров. Их покрытые шерстью коричневые тела казались невероятно огромными, вздымаясь над ним ввысь. Глаза, прикрытые густыми бровями, недоверчиво смотрели на него. Ему не хотелось стрелять, совсем не хотелось. Нельзя было предугадать, как ультразвук подействует на их нервную систему. А если это действительно были члены экипажа, то он мог совершить самое худшее — причинить вред разумному существу. Он чувствовал себя таким маленьким и хрупким... И только рубчатая рукоять пистолета внушала уверенность.

Ближайший самец взревел — мощный звук вырвался из его груди — и двинулся вперед. Его заостренная голова приближалась, странные щели на шее приоткрывались и закрывались, как сосущие рты. Губы раздвинулись, обнажая белые зубы.

Терранс отступил в угол.

— Я постараюсь увести этого от остальных, — тихо сказал он. — И тогда берите его.

— Понятно, — сказал один из космонавтов, разматывая аркан. Трое остальных расстилали и расправляли на полу специально сплетенную сеть.

Гориллоид остановился. Вскрикнула самка. Самец, казалось, получил от нее указания. И жестом, удивительно похожим на человеческий, он отстранил остальных сородичей и направился к Террансу.

Капитан выхватил пистолет и дрожащей рукой навел его на приближающееся существо.

Надежда на то, что удастся раскрыть маскарад, показалась ему смехотворной. Он отпрыгнул назад. Гориллоид с рычанием последовал за ним. Терранс двигался недостаточно быстро. Рука животного разорвала на нем куртку и оставила длинную царапину на груди. Он упал на четвереньки, морщась от боли. В воздухе мелькнул аркан. Пойманный гориллоид рухнул, и его падение сотрясло клетку.

— Хватайте его! Следите за руками! Так!

Терранс поднялся на ноги. За свалкой, в которой четверо мужчин старались связать ревущее и бьющееся животное, он увидел остальных гориллоидов. Они столпились в противоположном углу, басовито ревя. Казалось, клетка превратилась во внутренность барабана.

— Утащите его, пока не вмешались остальные! — крикнул Терранс.

Он вновь поднял свой пистолет. Если они разумны, то должны понять, что он им не опасен и можно нападать. Гориллоиду между тем искусно связали руки, обмотали арканом вокруг его могучего торса и закрепили скользящим узлом, а потом набросили сеть. Беспомощное в ее цепких ячейках животное потащили к выходу. Шаг за шагом к ним подбирался второй самец. Терранс стоял

неподвижно. Он слышал звериный вой и крики людей, чувствовал боль раны. И с неестественной четкостью видел приближающуюся пасть, полную зубов, способных откусить ему голову, маленькие, тупые, красные от ярости глаза и огромные четырехпалые руки.

— Все в порядке, капитан!

Второй гориллоид не двигался, затем внезапно сделал выпад. Терранс кинулся в люк, гигант последовал за ним. Капитан вылетел в коридор и направил на него свой пистолет... Но гориллоид остановился, задрожал, осмотрелся вокруг с выражением, похожим на замешательство, и отступил назад в камеру. Терранс закрыл люк, потом с содроганием опустился на пол.

Джерри склонилась над ним.

— Что с вами? Вы ранены?

— Ничего страшного, — пробормотал он. — Давайте сигарету.

Она достала из кармана сигарету и с удивительной живостью проговорила:

— Это всего лишь кровоподтек или глубокая царапина. Но ее нужно тщательно простерилизовать. Может попасть инфекция.

Он кивнул, но продолжал оставаться на месте, пока не докурил сигарету. Чуть ниже по коридору люди Ямамуры привязывали гориллоида к металлической раме. Невредимый, но беспомощный, тот ревел и старался укусить инженера, приближающегося к нему с оборудованием. Вернуть его в клутку будет не легче, чем извлечь из нее.

Терранс встал. Сквозь прозрачную стену он видел самку гориллоида, яростно рвущую что-то на куски, и понял, что оставил в клетке свой тюрбан. Он вздохнул.

— Вначале лазарет, — решительно заявила Джерри. Она взяла его за руку, они пересекли входной зал, прошли туннель и оказались в пониженном поле тяготения «Гебы», которое предпочитал ван Рийн. Они почти не разговаривали, пока Джерри помогала Террансу снять куртку, смазывала рану дезинфицирующим веществом, жгущим как огонь, и перевязывала его. Потом она предложила ему выпить.

Они направились в кают-компанию, к их удивлению и к разочарованию Терранса, там у стола, инкрустиро-

ванного красным деревом, сидел ван Рийн, одетый в кружевную накидку и в свой обычный саронг. В одной руке он держал бутылку, в другой — сигарету. Перед ним лежала папка с бумагами.

— А, это вы... — сказал он, взглянув на них. — Что случилось?

— Испытываем гориллоида, — Терранс упал в кресло.

Так как стюард отправился на корабль чужаков в составе группы капитана, то Джерри пошла за напитками. Из соседней комнаты донесся ее вызывающий голос:

— Капитан Терранс чуть не погиб при этом! Может быть, вы, в конце концов, пойдете взглянуть, Ник?

— Чтобы глазеть, словно турист с глазами трески? — усмехнулся торговец. — Я не делаю тайны из того, что уже слишком стар и жирен для охоты на обезьян. И у меня нет достаточных технических знаний, чтобы вертеть ручки приборов Ямамуры, — он выпустил клуб дыма и добавил: — Это не моя работа, я не специалист, и у меня нет университетских дипломов, я учился в школе. Но я изучил науку, как заставлять людей работать на себя и как извлекать выгоду из их действий.

Терранс выдохнул долго и медленно. Напряжение спало, и он почувствовал невероятную усталость.

— Что вы проверяете, сэр? — спросил он.

— Доклады специалистов о корабле иксян, — ответил ван Рийн. — Я приказал им дать подробные отчеты обо всем увиденным на корабле. Где-то в их отчетах может отыскаться ключ к решению загадки. И если гориллоиды не иксяне, то я не вижу иного способа исключить их из числа подозреваемых, кроме испытаний Ямамуры.

Терранс потер глаза.

— Результаты будут не очень достоверными, — сказал он. — На корабле большинство приборов управлялось сильными и огромными руками. И в то же время некоторые инструменты так малы, что... О, я понимаю, чужаки тоже были бы поражены разнообразием наших инструментов. Я имею в виду, что одна и та же раса использует и кузнечный молот, и гравировальную иглу.

Джерри вернулась с двумя порциями крепкого шотландского виски с водой. Взор Терранса следовал за ней.

В обтягивающей блузке и короткой юбочке она была очень привлекательна. Она села ближе к нему, чем к ван Рийну, и глаза торговца сузились.

Однако ван Рийн заговорил мягко:

— Я буду рад, если вы перечислите мне всех возможных кандитатов в иксяне и объясните, почему вы так считаете. Я, конечно, их видел, но в моих мыслях нет ясности, и, может быть, ваши наблюдения дадут мне необходимый толчок.

Терранс кивнул.

— Что ж, — сказал он, — кентавры с щупальцами кажутся мне наиболее вероятными претендентами. Вы знаете, кого я имею в виду? Они живут в красном свете и при половинной гравитации. Неяркое солнце и низкая температура позволяет их планете удерживать водородную атмосферу: они дышат смесью водорода с азотом. Вы знаете, как они выглядят: тело носорога, торс с головой, прикрытый костным панцирем, и щупальца с пальцами. Подобно гориллоидам, они достаточно велики, чтобы с легкостью управлять кораблем. Все остальные дышат кислородом. Животные, которых мы называем гусеницами, представляют собой длинные многоногие существа серебристо-синего света со специфическими руками и разумным лицом. Должно быть, они родом с большой планеты. В их клетке довольно сильное тяготение, но это не может быть отвлекающим маневром столь долгое время. Если они привыкли к меньшему тяготению, их организм давно бы сдал. В их атмосфере кислород смешан с азотом в равной пропорции, а давление превышает земное в двенадцать раз. Температура высокая — около пятидесяти градусов. Их планета по массе должна приближаться к Юпитеру и находится так близко к звезде, что весь водород уже улетучился. Это сделало их эволюцию весьма отличной от земной. Элефантоид живет на планете с вдвое меньшей гравитацией, чем на Земле. Он один в свой клетке. Его хобот примечателен наличием чувствительных пальцев. Он дышит воздухом, слишком разряженным для нас: это доказывает, что уровень гравитации в его клетке установлен правильно, здесь нет обмана.

Терранс сделал большой глоток.

— Остальные живут в условиях, близких к земным, — заключил он. — Поэтому я хотел бы, чтобы иксяне оказались среди них. Но, к сожалению, за исключением гориллоидов, все они мало похожи на космонавтов. Зверьки в шлемах...

— Кто они? — спросил ван Рийн.

— О, вы должны помнить, — сказала Джерри. — Восемь или девять существ, похожих на горбатых обезьян, с горбами немного выше головы. Они ползают на когтистых лапах. С их помощью они всасывают пищу — жидкое вещество, которое синтезирует для них машина. У них нет ничего похожего на работоспособные руки — щупальцами можно делать только некоторые простейшие операции, — но мы должны испытать их, так как глаза у них развиты лучше, чем это бывает у паразитов.

— У паразитов не может развиться интеллект, — сказал ван Рийн. — Надо установить, действительно ли они являются паразитами в своей обычной среде, и тогда можно будет вычеркнуть их. Кто еще?

— Тигровые обезьяны, — сказал Терранс. — Это хищники, отдаленно напоминающие медведей. Большую часть времени они проводят на четвереньках, но иногда становятся на ноги, и у них есть руки. Правда, неуклюжие, лишенные больших пальцев, с рудементами когтей, но зато все четыре конечности имеют ладонь. Могут ли четыре руки без больших пальцев заменить две человеческие? Не знаю. Я слишком устал, чтобы соображать.

— И это все? — ван Рийн поднес бутылку ко рту. Осушив ее, он откинулся в кресле, рыгнул и выпустил облако черного дыма через свой величественный нос. — Кого вы будете испытывать следующим, если гориллоиды не оправдают надежд?

— Я бы выбрала гусениц, — сказала Джерри. — Несмотря на давление в их атмосфере. Потом... кентавров со щупальцами. Потом, может быть...

— Идиотский выбор! — ван Рийн ударил кулаком по столу. Бутылка и стаканы подпрыгнули вверх. — Сколько времени понадобится, чтобы проверить всех? Часы? А сколько часов понадобится, чтобы подготовить аппаратуру для каждого испытания? Ямамура скоро упадет от

истощения, кем мы сможем его заменить? А аддеркопы все ближе! У нас нет времени для этого метода! Если гориллоиды не окажутся иксянами, то нас может выручить... мы должны проанализировать факты, имеющиеся в нашем распоряжении, и найти иксян.

— Давайте, — сказал Терранс, осушая стакан, — а я пойду вздремну.

Ван Рийн покраснел.

— Правильно, — сказал он, фыркнув. — Будьте как все остальные. Бездельничайте и играйте, танцуйте и пойте, развлекайтесь целыми днями, потому что здесь есть бедный старый Николас ван Рийн, и он взвалит всю работу и все беспокойство на себя. О, дорогой святой Дисмас, почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь другой в этом мире сделал что-нибудь полезное?!

8

Терранса разбудил Ямамура. Установили, что гориллоиды не были иксянами. Они оказались дальтониками и не могли управлять механизмами. Мозг их был мал по своей массе, а по сложности он соответствовал мозгу собаки.

Терранс стоял на капитанском мостике, он уже свыкся с мыслью о своей обреченности.

Никогда прежде Космос не казался ему таким прекрасным, как сейчас. Терранс не был хорошо знаком с местными созвездиями, но его тренированный глаз нашел созвездия Персея, Возничего и Тельца. Они находились в направлении Земли и не были сильно искажены. В том же направлении лежал Рамамунджан, где позолоченные купола городов поднимались из утреннего тумана, чтобы поймать первый луч солнца, всходившего из-за Ганди. Можно было распознать отдельные звезды: рубиновую Бетельгейзе и янтарную Спику — звезду пилотов, которой он так часто любовался в полетах. С другой стороны небо было покрыто мелкими морозными огнями звезд в безоблачной и бесконечной тьме. Это Млечный Путь опоясывал небо

своим холодным серебром: зеленовато сверкали туманности, другие Галактики раскручивали спирали на краю видимости. Он меньше думал о планетах, на которые ступал, даже о своей собственной, чем об этой дали, ничем не ограниченной. Конец был близок. Взрыв будет мгновенным, так что они не успеют ничего почувствовать. Лучше испариться в чистоте этого взрыва, чем уйти в подземные темницы аддеркопов.

Он отбросил сигарету. Его рука ласково коснулась приборов управления. Он знал каждую кнопку и рукоятку так же хорошо, как своих пять пальцев. Это был его корабль. Он совсем не походил на корабль чужаков, где огромная бессмысленная панель требовала одновременных действий карлика и гиганта, где управление двигателем, если оно не закрыто огромным ключом, включалось от легкого прикосновения пальцев, где...

Звук знакомых шагов заставил его обернуться. От неожиданности он весь напрягся. Когда же он увидел, что это действительно Джерри, тело его расслабилось, и только кровь продолжала колотиться в висках.

— Что привело вас сюда? — спросил он, и голос его прозвучал мягче, чем он сам того ожидал.

— О... то же, что и вас, — она взглянула на экран. С того времени, когда они захватили корабль чужаков, а может, он захватил их, красная звезда на носовом экране заметно выросла. Теперь она зловеще горела перед ними на расстоянии всего в один световой год. Джерри состроила гримасу и повернулась к ней спиной.

— Ямамура переделывает аппаратуру, — тихо сказала она. — Никто не обладает достаточными знаниями, чтобы помочь ему, а он уже шатается от усталости и бессоницы. Старый Ник сейчас в своей каюте курит и пьет. Он только что прикончил одну бутылку и начал другую. Там так дымно, что хоть топор вешай. Хозяин не говорит ни слова. Только иногда бормочет что-то себе под нос на каком-то малайском языке. Я этого не вынесу.

— Нам остается только ждать, — сказал Терранс. — Мы сделали все, что могли. Теперь подождем испытания гусениц. Мы проведем их в скафандрах в их собственной клетке. Будем надеяться, что они не нападут на нас.

Он тяжело опустился на стул.

— К чему волноваться? — сказала Джерри. — Я знаю положение дел не хуже вас. Даже если гусеницы окажутся иксянами, нам потребуется несколько дней, чтобы доказать это. Сомневаюсь, есть ли у нас на это время. Если мы в течение двух дней не повернем к Валгалле, нас обнаружат и уничтожат. А если гусеницы также окажутся животными, мы уже не успеем испытать третий вид. К чему в таком случае волноваться?

— Ничего не остается делать... — сказал Терранс.

— Есть что делать! Только не извиваться отвратительно и тщетно, словно загнанные в угол крысы. Давайте честно признаемся, что мы обречены, и проведем оставшееся время, как подобает людям?

Удивленный Терранс перевел взгляд на Джерри.

— Что вы имеете в виду?

Руки ее взметнулись.

— Это зависит от того, что предпочитает каждый. Может быть, вам захочется привести в порядок свои мысли или что-нибудь вроде того.

— А как насчет вас? — спросил он, чувствуя биение своего сердца.

— Я не мыслитель, — она печально отвернулась. — Боюсь, я слишком легкомысленна. Я люблю радости жизни. Но мне не везет, и я никак не могу найти друга, который наслаждался бы ими вместе со мной.

Он схватил ее за обнаженные плечи и повернул лицом к себе. Его руки ощутили бархат ее кожи.

— Вы уверены в этом? — спросил он, еще не веря своему счастью. Она закрыла глаза и стояла, наклонив голову и полураскрыв губы. Он поцеловал ее, и через секунду она ответила на его поцелуй.

В это мгновение на пороге появился ван Рийн. Он стоял с сигаретой в руке и с оружием на поясе и смотрел, пока сигарета не выпала из его пальцев.

— Та-ак! — заревел он.

— Ой! — взвизгнула Джерри.

Она высвободилась из объятий капитана. Волна гнева поднялась в Террансе. Он сжал кулаки и шагнул к ван Рийну.

— Та-ак! — повторил торговец. Переборки, казалось, дрожали от его голоса. — Проклятый уксус, я пришел вовремя! Я просиживаю часы, напрягая свой мозг, чтобы спасти ваши бесполезные жизни, а вы, предательская помесь грязной змеи с серым клещом, заводите здесь шашни с моей секретаршей, нанятой на мои кровные деньги! Химеры и дьяволы! На колени и просите прощения, иначе я раздавлю вас и превращу в собачий корм!

Терранс остановился в нескольких сантиметрах от ван Рийна. Он был выше торговца, намного легче, но зато на тридцать лет моложе.

— Уходите! — резко сказал он.

Ван Рийн побагровел. Он замер на несколько секунд.

— Ладно, черт возьми, — наконец проговорил он. — Дьявол и смерть, он достаточно потрепал мне нервы!

Его левый кулак описал полукруг. Терранс уклонился, но еле удержался на ногах. Его собственный кулак ударил торговца в живот, проделал короткий путь в жире, натолкнулся на тугой мускул и отскочил. Тогда ван Рийн пустил в ход правый кулак. Космос взорвался вокруг Терранса. Он взлетел в воздух, перевернулся, упал и остался лежать неподвижно.

Когда к нему вернулось сознание, ван Рийн поддерживал его голову и протягивал бренди, который принесла испуганная Джерри.

— Ну вот, парень, успокойся. Маленький глоток бренди, а? Вот так-то лучше. Вы потеряли один зуб, вставьте его на Фрейе. Можете сделать это за счет компании. Это сделает вас счастливее, не так ли? А теперь, Джерри, дай ему стимулирующую таблетку. Пошли к ложу, парень. Вот так, поднимайся. Тебе не следует пропускать эту забаву.

Поддерживая Терранса одной рукой, торговец поставил его на ноги. Капитан повалился на ван Рийна, но стимулирующая пилюля уже приглушила боль, головокружение тоже прошло. Сквозь разбитые губы он произнес:

— Что случилось? Что вы имеете в виду?

— Я знаю, кто такие иксяне... Я пришел за вами, чтобы вместе вытащить их из клетки, — ван Рийн подтолкнул Терранса и прошептал тихо: — Не говорите никому о

происшедшем, иначе мне придется слишком часто драться. Но я люблю иногда пощекотать себе нервы, как сегодня. Когда я окажусь дома, то думаю перевести вас с яхты и поручить командовать торговым отрядом. Как вам это нравится, а? Ну, идемте, у нас много работы.

Терранс побрел за ним в крайнем замешательстве. Когда они подошли к зоологическому трюму, ван Рийн знаком подозвал космонавтов, стоявших на страже. Те присоединились к торговцу, и их тяжелые шаги замерли перед одним из люков.

— Это? — спросил Терранс. — Но я... думал...

— Вы думали то, на что они и надеялись, — сказал ван Рийн. — Их тактика была хорошо продумана. Она сработала бы где угодно, но только не у Николоса ван Рийна. Ну а теперь пригрозим им своим оружием. Надеюсь, этого будет достаточно. При помощи рисунков мы сумеем объяснить, как раскрыли их тайну. Потом они отвезут нас к Валгалле, которую мы покажем им на астрономических картах, уже подготовленных капитаном Террансом. Они будут выполнять наши требования, как пленники, но во время путешествия мы сможем найти с ними общий язык и доказать им, что мы не аддеркопы, что мы хотим быть друзьями и торговать с ними. О'кей! Начинаем!

Он прошел в люк, схватил одного зверька в шлеме и вытащил его наружу.

9

У Терранса не оставалось времени ни на что, кроме своей работы. Вначале он заделывал пробоину в корабле чужаков, после того как продукты и оборудование были перенесены на него с «Гебы». Затем потребовалось направить яхту в противоположную сторону: через несколько часов ее конвертер взорвется, что заставит аддеркопов прекратить погоню. Затем они отправились в путь, и, хотя иксяне вели корабль туда, куда им было приказано, за ними все равно нужно было следить, чтобы они не приняли

самоубийственного решения. Остальное время уходило на выработку общего языка. Терранс, кроме того, должен был присматривать за своими людьми, успокаивая их и нейтрализуя возникающие страхи. И еще он обязан был следить по детектору, не появится ли вражеский корабль. Он постоянно находился в напряжении.

Он мало спал и не мог высвободить часа, чтобы подробно побеседовать с ван Рийном. Но он знал, что торговца ведет счастливая судьба, и решил довериться ей.

Валгалла превратилась в небольшой желтый диск, затмивший все остальные звезды.К ним подошел патруль Лиги; им выделили эскорт, и они на небольшой скорости двинулись к Фрейе.

Командир патруля сообщил, что хочет побывать у них на борту. Терранс остановил его:

— Когда мы окажемся на орбите, фримен Агилин, я буду рад принять вас. Но теперь ваше присутствие внесет дезорганизацию в наши ряды. Вы понимаете меня, я надеюсь.

Он выключил телескоп чужаков, с которым научился обращаться.

— Пойду, приведу себя в порядок. Не мылся с тех пор, как мы оставили яхту, — сказал он. — Продолжайте, фримен Лафар, — он поколебался, — и... гм... фримен Джукх-Варклакх.

Джукх что-то промычал. Он был слишком занят, чтобы разговаривать. Гориллоид сидел в кресле пилота, протягивая свои огромные руки к приборам и направляя корабль по гиперболической орбите. Варклакх — зверек в шлеме — сидел у него на плече. У него не было голосовых связок, и он лишь помахал щупальцами, потом вытащил этими щупальцами ключ из отверстия. Остальные щупальцы остались погруженными в массивную шею гориллоида, получая питание от его кровеносной системы и посылая чувствительные импульсы в моторно-нервную систему составного пилота корабля.

Вначале такое сочетание организмов казалось Террансу вампирическим. И хотя предки зверька в шлемах действительно паразитировали на предках гориллоидов, сейчас это было не так. Они стали симбиотами. В этом случае зверьки

являлись зоркими глазами и разумом, а гориллоиды — силой и руками. Ни один из видов не мог существовать самостоятельно, а в комбинации они образовывали новый вид. Привыкнув к этой мысли, Терранс уже не видел в зверьке, взбиравшемся на плечи гориллоида, ничего странного, так же как ничего странного не видел во всадниках на лошадях, изображенных на исторических картинах. А когда эти существа в костных шлемах уяснили, что не все люди являются их врагами, они изменили к ним свое отношение.

«Несомненно, они думают о тех новых любопытных породах животных, которые мы сможем продавать им для зоопарка», — подумал Терранс. Он шлепнул Варклакха по плечу, потрепал Джукха по шерсти и вышел из рубки.

Обтирание губкой и свежая одежда сняли усталость. Он подумал, что надо предупредить ван Рийна, и постучал в дверь его каюты.

— Войдите, — послышался бас. Терранс вошел в каюту, заполненную синим дымом. Ван Рийн сидел перед пустой бутылкой бренди, одной рукой сжимая сигарету, другой обнимая Джерри, свернувшуюся у него на коленях.

— Садитесь, садитесь, — сердечно поприветствовал капитана ван Рийн. — Где-то в углу есть недопитая бутылка.

— Я должен сообщить вам, сэр, что скоро мы примем на борту капитана эскорта. Профессиональная вежливость. Он хочет взглянуть на икс... гм-м... на торгу-контанакх.

— Ладно, зовите его на борт, — сказал ван Рийн нахмурившись. — Только пусть он захватит с собой бутылку и не задерживается слишком долго. Я хочу на Землю, я болен от пребывания в Космосе. Черт побери, я готов босиком бегать по мягкой земле Фрейи!

— Может быть, вы хотите переодеться? — намекнул Терранс.

— Ой! — взвизгнула Джерри и побежала к каюте, которую иногда посещала и где хранились ее вещи. Ван Рийн осмотрел свой саронг и скрестил волосатые ноги.

— Если этот капитан желает взглянуть на иксян, пусть смотрит на иксян. А мне так удобнее, значит, таким я и

останусь. И я не хочу, чтобы он узнал, каким образом я выяснил, кто такие иксяне. Это поможет мне в создании нового торгового синдиката. Понятно?

Его глаза сузились.

— Да, сэр.

— Хорошо. Сиди, парень. Помоги мне привести мой корабль в порядок. У меня нет вашего образования. Я работаю с тринадцати лет и нуждаюсь в помощи. Я хочу, чтобы мои слова были такими же элегантными, как моя логика.

— Логика? — повторил Терранс удивленно. Он наклонил голову главным образом потому, что дым уже начал есть ему глаза. — Я думал, вы просто угадали.

— Что? Вы так мало меня знаете?! Нет, нет и нет, черт побери! Николас ван Рийн никогда не гадает! Я знал, — он дотянулся до бутылки, сделал величественный глоток и добавил: — Я понял это после того, как Ямамура установил, что гориллоиды не являются иксянами. Тогда я сел, напряг свой мозг и решил рассмотреть создавшуюся ситуацию в целом. Видите ли, я шел путем исключения. Элефантоида я исключил сразу. Он был только один. В крайнем случае, один пилот сможет вести корабль в Космосе, но он не сможет приземлиться. Он не сможет отлавливать диких животных, заботиться о них и так далее. И к тому же, если что-то испортится, он будет совершенно бессилен.

Терранс кивнул.

— Я думал об этом, но с точки зрения космопилота, — сказал он. — На этом основании я тоже склонен был исключить элефантоида. Но, должен признаться, мне не пришло в голову, что собирание зверей не под силу одному космонавту.

— К тому же он был слишком велик, — сказал ван Рийн. — Что же касается тигровых обезьян, то я, как и вы, никогда не принимал их всерьез. Может быть, их предки и были меньшими по размеру и прямоходящими, но потомки вернулись к передвижению на четырех ногах. Разумные существа не могут быть так узко специализированы. Маленький мозг, внешность хищника, кошачьи когти — этого достаточно. Гусеницы казались мне подходящими, но до

тех пор, пока я не вспомнил, как вы включили двигатель. Этот тумблер, не будучи закреплен особым ключом, сдвигался слишком легко, чтобы не включиться от собственного веса при утроенном тяготении... или, во всяком случае, всегда сохранялась опасность, что он включится. А вспомните полку, которую вы так легко погнули. На планетах с утроенной гравитацией не может быть таких непрочных вещей.

— Остались кентавры со щупальцами, — продолжал он. — Кентавры были опасны для нас, ибо смесь водорода с кислородом взрывается. Я внимательно читал отчеты специалистов, надеясь, что обнаружу что-нибудь, что позволит снять с них подозрение. И, черт возьми, я нашел! Видите ли, у иксян были замедлители из окислов меди, установленные без защитных кожухов. А окись меди и водород под действием не очень высокой температуры, возникающей при прохождении тока, разлагается на воду и чистую медь. Следовательно, корабль построен существами, дышащими чем угодно, только не водородом.

Он улыбнулся.

— У вас слишком высокое образование. Вы забыли школьный курс химии.

Терранс щелкнул пальцами и выругался.

— Итак, путем исключения мы пришли к зверькам в шлемах, — сказал ван Рийн. — Но они не могли быть строителями корабля. Да, они могли держать некоторые инструменты, например, этот ключ, спрятанный на дне отверстия, но и только. Они такие медлительные и маленькие. К тому же у маленьких животных не может быть достаточно большого мозга, да и хорошие глаза встречаются не часто. А между тем у этих существ в шлемах превосходные глаза, не хуже наших. Они похожи на человеческие. Я вспомнил, что в каюте иксян есть большие и маленькие ложа. Может быть, койки для двух видов спящих? И я подумал: не является ли череп человека подобием черепахи с броней? А сам человек может быть уподоблен паразиту, ведь он питается за счет других. Во всяком случае, я таких знаю. Возьмите, например, Джуна Хирлемана из Венецианской компании чая и кофе.

Но не меня. Так я доказал то, что требовалось доказать... — самодовольно заключил ван Рийн.

Охрипнув от длинной речи, он схватился за бутылку. Терранс посидел еще немного, но так как торговец не был склонен продолжать разговор, он встал и вышел.

Джерри встретила его у двери. В сверкающем платье с глубоким декольте и длинным разрезом она была ошеломляюще хороша. Терранс запнулся, но ее взгляд скользнул мимо, как будто его не существовало.

— Шуба из марсианского котика, — сонно пробормотал ван Рийн. — Марсианские огненные жемчуга. Квартира в Звездном Городе.

Джерри прижалась к ван Рийну и провела рукой по его волосам:

— Вам удобно, Ники, дорогой? — проворковала она. — Я могу для вас что-нибудь сделать?

Ван Рийн подмигнул Террансу.

— Вас ждут в рулевой рубке, — сказал он капитану. — Вы не так стары, толсты и одиноки, как я, — у вас есть семья.

— Гм-м... да, — сказал Терранс. — Вы правы.

Он закрыл за собой дверь и вернулся в рулевую рубку.

10

Общеизвестно, что структура общества определяется его технологией. Но в абсолютном смысле совершенно разные культуры могут использовать одинаковые инструменты, исходя из той предпосылки, что без космических кораблей не может быть звездной торговли. Раса, привязанная к одной планете, обладающая обширными познаниями в технической, торговой и военной областях, неизбежно склоняется к коллективизму под тем или иным именем. Свободное предпринимательство нуждается в обширных пространствах.

Автоматизация сделала производство дешевым, а стоимость энергии неожиданно упала с изобретением протонных конвертеров. Управление гравитацией и овладение

гиперпространством открыло Галактику для эксплуатации. Эта эксплуатация служила также предохранительным клапаном: гражданин, считавший, что правительство слишком угнетает его, мог эмигрировать куда угодно. Это обстоятельство усиливало влияние либеральных планет. А это, в свою очередь, сказывалось на уменьшении угнетения в других мирах.

Межзвездные расстояния огромны, каждая звездная раса имела свое представление о культуре, поэтому всеобщего союза не было. Не было и войн — войны стали слишком разрушительными, и обе стороны лишались шанса уцелеть. Никаких братских отношений между нациями не устанавливалось, но в целом равновесие было стабильным. По-прежнему была велика потребность в товарах. Имелись предложения и от старых миров.

В таких условиях быстро развивался межзвездный капитализм. Ограниченный клановыми интересами, он вынужден был образовывать свои союзы и делить сферы влияния. Могучие компании объединялись, чтобы уничтожить конкурентов, взвинчивать цены и производить более качественные товары. Правительства были ограничены своей планетной системой, они не могли контролировать звездных торговцев и вскоре вовсе отказывались от этого.

Эгоизм — могущественная сила. Правительства, официально провозгласившие своей политикой альтруизм, были разделены. В этих условиях Галасоциотехническая Лига стала суперправительством, раскинувшимся от Канопуса до Полярной звезды, включающим в себя множество рас. Эта мощная горизонтальная структура стирала политические и культурные границы. Лига проводила свою собственную политику, заключала договоры, строила базы, вела малые и большие войны, способствовала распространению цивилизации и установлению всеобщего мира. Но конечной целью всего этого было получение прибыли!

Часть вторая
ТЕРРИТОРИЯ

1

Джей Дэвидсон проснулась, словно от толчка. Свист повторился, достаточно сильный, чтобы проникнуть сквозь каменную кладку, металл и изоляцию и достичь ее барабанных перепонок. Она села в темноте, пытаясь сообразить, что происходит. В последний раз она слышала этот дикий вой в Чебенде, и тогда это был шум двух дерущихся отрядов. Но в тот раз она была спасена, посажена на флиттер, окружена вооруженной охраной, а проводником ее стал сам седой Старейшина. То, что она видела и слышала затем, доносили до нее телекамеры, наблюдавшие за сверкающими ледяными полями внизу. Разукрашенные тигровыми полосами воины, убивающие и умирающие сами, были для нее лишь фигурками на экране. Ей было жаль их, но в то же время они не были для нее реальностью: она была уверена, что больше никогда не увидит их, эти атомы, исчезавшие потому, что исчезал их мир.

Но теперь такой знакомый свист звучал где-то рядом.

Этого не могло быть!

Прогремел взрыв. Она услышала, как мелкие осколки падают на крышу, ее кровать зашаталась. Внезапно свист стал еще отчетливее, громче, его сопровождали удары барабанов, звяканье металла и грохот разбиваемых предметов. Атакующие, по-видимому, взорвали дверь машинной секции и ворвались внутрь. Но где они взяли порох?!

Где же, как не в городе Бусулонго!

Значит, Старейшины решили, что людей нужно истребить. Страх смерти ледяной волной окатил Джей. Волна прошла, оставив обиду и боль, как будто Джей была

ребенком, которого ударили без причины. Почему же они так поступили с ней, ведь она пришла помочь им?!

Топот ног послышался рядом с той частью купола, где были созданы земные условия.

Итак, туземцы восстали и явились с оружием в руках. Она слышала их свирепые вопли. Затем схватка перекинулась дальше, в машинное отделение. Зазвенели мечи, томагавки разрубали кости, гневно заговорил пистолет, который она дала Уулобу. Но она понимала, что ее отряд долго не продержится. Другого клана поблизости не было, а сами Старейшины никогда не принимали участия в схватках. Но в оазисе находились сотни мужчин шанга, в то время как в миссии едва ли набралось две дюжины верных людям т'келанцев.

Хоть дверь машинной секции оказалась пробитой, проникнуть внутрь секции было нелегко: она была надежно укреплена в соответствии с местными условиями. Но как только стену разрушат... Джей вскочила на ноги. По дороге к платяному шкафу она дотронулась до выключателя: вспыхнул свет. Узкая загроможденная комната, так хорошо знакомая ей, показалась чужой в белом свете. «Это потому, что я испугана, — сообразила она. — Словно я очнулась в ожившем ночном кошмаре!»

Нервы и мускулы Джей действовали помимо ее воли. Она натянула теплое платье, тяжелую верхнюю одежду. Надевая перчатки, она подсоединила их провода к электрической обогревательной сети, встроенной в костюм. Теперь — специальные сапоги, резервуар с восстановителем воздуха, аккумулятор, пистолет и патроны, на ее плечи лег шлем, но лицевая пластина его пока оставалась открытой.

Проверка воздушных замков обогревательной системы — все! Условия Т'Кела смертельны для людей. Температура в эту летнюю ночь в средних широтах составляет около шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию. Давление азотной составляющей атмосферы действует, как наркотик. В воздухе нет водяных паров, и он мгновенно иссушает легкие, а аммиак сжигает их. Любого из этих факторов достаточно, чтобы убить человека. Вдыхая кислородную составляющую местного воздуха, человек мо-

жет продержаться несколько минут, а потом неминуемо потеряет сознание.

К тому же тут оказались шанга, убивающие людей и их помощников, и у них имелся порох, которым они взрывали стены.

Джей повернулась. «Остальные!» Интеркома не было: две дюжины людей не нуждались в нем. Она постучала в дверь соседней комнаты. Никто не откликнулся.

— Откройте, вы, идиот! — закричала она, стараясь перекричать звуки, доносившиеся снаружи. — Выходите, мы можем уйти только этим путем!

— Как я могу открыть? Вы сами закрылись, черт вас побери!

— Конечно, конечно... — сообразила она. Испуг и нарастающий шум схватки мешали ей думать. Она же закрыла дверь со своей стороны. Раньше, во время ее пребывания в миссии, в этом не было нужды. Но потом прилетел Николас ван Рийн, поселился рядом с ней, и ей хватило пары часов, чтобы устать отбиваться от его медвежьих авансов.

Она отодвинула задвижку.

Вкатился торговец. Подобно большинству эсперсиан, Джей была высокого роста, но ему она доставала только до шеи. Плечи его заполнили дверной проем, а огромный живот оттопыривал костюм. Обвешанный разными приспособлениями, он выглядел еще потешнее, чем тогда, когда накануне в кружевах и оборках направлялся к куполу. Большой крючковатый нос торчал из открытого шлема, принюхиваясь к запаху крови в воздухе.

— Ха! — крикнул он ей. Жирные черные локоны, заботливо завитые, раскачивались из стороны в сторону, смазанные чем-то усы и борода торчали в разные стороны наподобие рогов. — Что за чертовщина, ад бы ее побрал! Что за суматоха? Я считал, что туземцам можно доверять.

— Это другие... — пояснила Джей. — Идемте, нам нужно присоединиться к остальным.

Ван Рийн резко кивнул, так что несколько его подбородков задрожали, и позволил ей увести себя. Личные каюты секции миссии, занимаемой людьми, выходили в общий проход: двери открывались в коридор и в две

соседние каюты. Каюта Джей находилась в конце последнего ряда, а на противоположном конце коридора находилось машинное отделение. Незамужняя, любящая уединение, она сама выбрала это отдаленное помещение.

Кают-компания находилась на другом конце купола. Выйдя из своей каюты, Джей увидела, что двери остальных комнат распахнуты. Закрытыми остались лишь незанятые помещения, построенные специально для таких гостей, как ван Рийн и члены его отряда.

Итак, все уже, очевидно, собрались в кают-компании! Джей побежала.

Тяжкие шаги ван Рийна, гремевшие за ней, напоминали землетрясение. Гравитация на Т'Кела была примерно такой же, как на Земле и Эсперсе.

«Единственный совпадающий природный фактор», — с отчаянием подумала Джей. На мгновение перед ней мелькнули картины родной планеты, обращавшейся вокруг звезды, называемой Мир. Поля пшеницы, отдаленные синие горы, красно-золотой флаг независимого Мира, взвивающийся к облачному небу, и гордая мечта, создавшая их общину. За ее спиной послышался грохот, пол под ногами задрожал. Она упала. Грохот повторился, потом раздался оглушительный взрыв. Буквально все здание заколебалось.

Хватаясь руками за пол, она повернулась. Голова ее болталась в шлеме. Вкус крови во рту смешался с привкусом дыма. Она бросила взгляд вдоль коридора, пытаясь рассмотреть что-нибудь сквозь затянувшую все тьму. Стена рядом с ее комнатой оказалась расколотой. В полутьме двигались какие-то фигуры.

— Они взорвали стену, — тупо сказала она.

— Закройте шлем! — взревел ван Рийн.

Она поспешно опустила лицевую пластину. Голос торгового принца доносился словно издалека, хотя он преобразовывался в мощном усилителе. Джей охватило оцепенение, оно сковало ее мышцы и одурманило мозг.

— Они взорвали стену, — повторила она. Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой.

В проломе появился первый туземец. Он задержал дыхание, опасаясь обжечься земным воздухом. Между тем из-за его спины в пролом со свистом проникала

губительная т'келанская атмосфера. Приземистая обнаженная фигура застыла в напряжении, держа в руках странной формы лук. Большие, с длинным разрезом глаза сверкали в свете земных ламп.

Эсперанский техник выскочил из-за поворота.

— Джей! — крикнул он. — Фримен ван Рийн! Где...

В этот момент басовито прогудела спущенная тетива лука. Заостренная стрела прорвала его космический костюм. Через мгновение коридор был уже полон летящих из темноты стрел и копий. Джей и ван Рийн остались лежать. Техник же повернулся и убежал.

Видавший виды личный бластер ван Рийна словно прыгнул к нему в руку. Лежа, он выстрелил в направлении пролома. Огненный луч опалил дыру в стене, тени за ней исчезли, но крики и звон продолжали доноситься оттуда.

Запах аммиака ударил в ноздри Джей.

— Сифилис и чума! — проревел ван Рийн. — Не знаю, может, вам и нравится дышать этой вонью... — он встал на колени и тщательно закрыл лицевую пластину на шлеме. Его маленькие, черные, глубоко посаженные глаза внимательно оглядывали ее. — Ну, ну, приободритесь. Вы хорошенькая девушка с такой ладной фигуркой. Только не нужно так коротко стричь волосы. Не будем терять время.

Он потянул ее за плечо, поставил на ноги и повернулся в сторону кают-компании, в то же время непрерывно держа под прицелом бластера пробоину.

— Уф, уф, — бормотал он. — Все это не для бедного толстого старика, которому лучше было бы сидеть в своей уютной конторе на Земле и дымить сигарой, держа стаканчик джина в руке. Тем более что эти проклятые крикуны, которым он собирался помочь, намереваются убить его. Да, они жаждут выколоть ему глаза. Но служащие всех торговых баз настолько глупы, что бедному Николасу ван Рийну приходится отправляться за сотни световых лет от дома и искать новые возможности для торговли. Иначе конкуренты, как бешеные волки, на клочки разорвут его компанию «Пряности и напитки» и заставят его на старости лет заниматься проституцией... Ох, ох, ох...

Джей затрясла головой, когда он поставил ее на ноги. Сознание к ней вернулось, ноги больше не дрожали. Они

добрались до двери кают-компании, но Джей тщетно давила на кнопку: дверь не открывалась.

— Закрыто, — сказала она растерянно.

Ван Рийн с такой силой заколотил в дверь, что та зашаталась.

— Откройте! — взревел он. — Гром и кости! Что за шутки?!

Из-за поворота коридора выскочил туземец. Ван Рийн повернулся, но Джей вовремя ухватилась за его бластер.

— Не стреляйте, это Уулобу.

Т'келанец, по-видимому, истратил все патроны, так как в его руке остался один томагавк. Три других туземца бежали за ним с поднятыми мечами и топорами. Их юбки были украшены гербами с изображением круга в квадрате — гербами клана Шанга.

— Стреляйте в них!

Бластер ван Рийна выплюнул струю пламени. Один из туземцев упал, остальные повернулись, намереваясь убежать. Уулобу крикнул и метнул свой томагавк. Обсидиановое лезвие ударило заднего шанга, и тот завалился на бок, обливаясь кровью. Уулобу потянул за веревку, связывающую его запястье с томагавком, и, вернув оружие себе, снова метнул его.

Ван Рийн повернулся к двери.

— Эй вы, искусанные термитами трусы, впустите нас!

Пока он ругался, Джей сообразила, что могло произойти. Она начала стучать по его спине почти так же сильно, как он сам бил в дверь, пока ван Рийн не остановился и не повернулся к ней.

— Они не оставили бы нас здесь, — сказала она ему. — Но они, должно быть, решили, что мы убиты, так как Карлос видел нас там, в коридоре, лежащими на полу, осыпаемыми множеством стрел и копий. Их уже нет в кают-компании. Они заперли дверь, чтобы удержать туземцев, а сами через другой выход ушли к космическим кораблям.

— Черт возьми, это возможно! Но что нам теперь делать? Может, прожечь дыру в двери, чтобы последовать за ними?

Уулобу заговорил на гортанном наречии района Бусулонго:

— Все наши убиты, небесная женщина. Сражение кончилось. Шум, который мы слышим, производят шанга, грабящие миссию. Если они найдут нас, то забросают стрелами. Два пистолета не остановят их, но я думаю, что мы можем выбраться между железом, которое движется, и обогнуть купол.

— Что он бормочет? — спросил ван Рийн.

Джей перевела.

— Думаю, что он прав, — добавила она. — Единственное, что мы можем сделать, — это уйти через машинную станцию. И нам лучше поторопиться.

— Да. Пусть он идет вперед. Вы будете прикрывать отступление.

Они двинулись в обратном направлении. Иней уже выбелил стены, пол сделался скользким, так как водяные пары на т'келанском морозе моментально замерзали. Брешь в стене машинной станции зияла, как огромная черная пасть. Вдали Джей слышала треск, звон и возбужденные крики. Дело многих лет пошло прахом.

«Но почему?» — с болью спрашивала Джей себя и не находила ответа.

Уулобу, лучше видевший в темноте, нежели люди, первым вступил в брешь и двинулся вперед среди неясных контуров механизмов. Здесь стояли различные средства передвижения: четыре наземных машины и множество флиттеров. Вдобавок ко всему это длинное помещение было загромождено специальным оборудованием, которое эсперсиане пытались использовать для спасения планеты. Большая часть оборудования была разбита, превращена в обломки, разбросанные по машинному залу.

Они добрались до прямоугольного, тускло светившегося выхода. Джей направилась к нему, но задела ногой какой-то брошенный иструмент, и тот зазвенел.

Мгновенно у входа возникла дюжина теней. Они проскользнули вовнутрь и растаяли в темноте, прежде чем ван Рийн успел выстрелить. Уулобу взвесил в руке томагавк и достал нож.

— Теперь нам придется пробиваться с боем, — сказал он без сожаления.

— В атаку! — закричал ван Рийн и рванулся вперед, но несколько туземцев выбежали наперерез ему. В темноте блестели металл и полированные борта машин. Бластер землянина сверкнул огнем. Один из туземцев вскрикнул, другой схватил ван Рийна за руку и попытался вырвать оружие. Ван Рийн оттолкнул его, но туземец продолжал висеть у него на руке, мотаясь взад и вперед.

Уулобу присоединился к дерущимся, нанося удары с хищной радостью. Джей вытащила свой пистолет, стрелявший пулями. В темноте сверкнули зубы и глаза туземца. Пролетело короткое копье, едва не угодив ей в грудь. Но даже после этого ей было нелегко нажать на курок. Звук выстрела громом отдался у нее в черепе.

Вокруг царило безумие: толкающиеся, царапающиеся, стреляющие, падающие, борющиеся и кричащие. Вновь и вновь Джей слышала голос Уулобу, боевой клич клана Авонго. Ван Рийн ревел, как труба:

— Святой Дисмас да поможет нам! Вот вам, паршивые собаки!

И вдруг все внезапно кончилось. Огнестрельное оружие сделало свое дело. Джей лежала на полу, тяжело дыша, и слышала, как убегает последний шанга. Где-то стонал раненый воин, пока Уулобу не нашел и не перерезал ему горло.

— Вставайте, — сказал ван Рийн, — некогда отдыхать.

Уулобу помог Джей встать. Он был слишком маленького роста, чтобы опереться на него, но в это время ей протянул руку ван Рийн. Они вышли в ночь через пролом в стене.

От ограждения ничего не осталось, над ними раскинулся небесный купол Т'Кела. Наверху сверкали незнакомые созвездия, взошла большая луна. Она была почти полной и бросала тусклый медный свет на равнину. На запад и на юг тянулась ровная степь, покрытая редкими кустиками, похожими на земную полынь с низкими жилистыми стеблями и серебристыми листьями. Прямо на севере возвышалась черная стена гор Бусулонго, вырисовывающаяся на фоне Млечного Пути. Город, скрытый ее вершиной, выдавал себя только очертаниями башен, похожими на зубы. Несколькими километрами восточнее бежала амиачная река Найгивола. Джей заметила отблески на ее поверхно-

сти. Деревья оазиса, в котором расположились лагерем шанга, образовали густое темное пятно. Холмы, уходившие к северу от Бусулонго, блестели ледяными вершинами.

— Внимание! Быстрее! — прорычал ван Рийн нетерпеливо. — Если остальные решили, что мы мертвы, то они могут улететь без нас!

Они бегом, изнемогая от усталости, обогнули купол станции. Два огромных, суживающихся к концам цилиндра блестели в свете луны — это были грузовые корабли миссии. Рядом с ними стояла роскошная яхта, на которой прибыл с Земли ван Рийн с помощниками. Несколько мертвых шанга валялись вокруг. Ночной ветер шевелил их мех.

Очевидно, беглецам пришлось сражаться. Трапы кораблей были уже убраны, люки задраены. Когда они почти добежали до кораблей, взревели двигатели.

— Эй! — взорвался ван Рийн. — Вы, тупоумные твари, подождите меня!

Первой взлетела яхта и, подобно молнии, унеслась в небо. Воздушная волна отшвырнула ван Рийна. Затем поднялись грузовые корабли. Ван Рийн упал, покатился, переворачиваясь с грохотом. Наконец его тело, преодолев несколько метров, замерло в неподвижности.

Джей поспешила к нему.

— Что с вами? — с тревогой спросила она. Он, конечно, был отвратительно старым, неотесанным человеком, но ее охватил ужас при мысли, что придется остаться совсем одной на этой враждебной планете.

— О-о-о! — простонал ван Рийн. — Святой Дисмас! Я подарил тебе новый цветной витраж в домашней часовне. Теперь я думаю, что лучше разбить его.

Джей взглянула вверх. Космические корабли, сверкнув, как звезды, исчезли.

— Они не увидели нас, — сказала она.

— А я не понял, — фыркнул ван Рийн.

К ним присоединился Уулобу.

— Шанга слышали шум. Они скоро придут сюда и найдут нас. Нам нужно бежать.

Ван Рийн не нуждался в переводе. Осторожно ощупав себя, словно боясь потерять что-нибудь ценное, он встал и двинулся к куполу.

— Возьмем флиттер! — сказал он.

— Нет! Наземные машины имеют гораздо больший запас хода, — сказал Джей. — Нам нужно будет продержаться, пока не вернется какой-нибудь корабль.

— И все время эти искусанные паразитами туземцы будут на нас охотиться? — пробормотал ван Рийн. — Прекрасная перспектива!

— Мы пойдем на запад и найдем мое племя, — сказал Уулобу. — Я не знаю, где сейчас Авонго, но другие кланы орды Рокулэло должны находиться между Узкой Землей и Бесплодными Землями.

Они вошли в машинную секцию. Джей споткнулась о чье-то тело и содрогнулась. Неужели она действительно кого-нибудь убила?!

Наземные машины имели прямоугольную форму и восемь колес, причем задние были на гусеничном ходу. Аккумуляторы оказались заряжены, их энергии могло хватить на многие тысячи километров движения по горным дорогам. Внутри имелись регенераторы воздуха и запасы продовольствия для шести человек на два месяца, шесть коек, кухня и туалет, набор карт и навигационное оборудование, приемник и передатчик. Здесь было все, что необходимо для длительного путешествия по планете данного типа.

Ван Рийн протиснулся сквозь незапертую дверь и плюхнулся на сиденье водителя. Джей расположилась рядом с ним. Уулобу тоже вошел, но у него закатывались глаза и дрожали усы. Только Старейшины Т'Кела могли ездить на таких машинах без неприятных последствий. Но Джей вспомнила, что в полевых экспедициях, когда внутри кабины устанавливались земные условия, туземные проводники и охранники размещались на ее крыше и переговаривались с членами экипажа по интеркому. Таким образом было уже преодолено много километров, сделано немало открытий, разработана программа помощи этому миру. А теперь...

Могучая рука ван Рийна толщиной с человеческое бедро осторожно дотронулась до приборов управления.

— В своей компании я всегда использовал специалистов, — сказал он. — Я не похож на этих ворюг и

проходимцев. Но нам иногда приходилось... гм-гм... у конкурентов кое-что взаймы, поэтому я знаю, как... а!

Машина ожила. Ван Рийн задействовал воздушную подушку, чтобы не громыхать колесами. Но их уже обнаружили. Четыре шанга выскочили из дверей купола. «Там их должно быть не менее сотни», — прикинула Джей. Ван Рийн оскалился.

— Вы любите веселые игры? — спросил он у девушки. Он отыскал включатель фар.

Луч высветил туземного воина и ослепил его. Шанга застыл, четко вырисовываясь на темном фоне. Это был т'келанец, типичный представитель данной местности: на этой планете имелось несколько рас, обитавших в разных ее частях, но их было не больше, чем на Земле.

Приземистая фигура туземца имела рост около ста пятидесяти сантиметров. Его организм был приспособлен к извлечению и аккумулированию любой жидкости, которую он мог отыскать на этой высохшей планете. Ноги и руки т'келанца были почти такими же, как у человека, но только с четырьмя пальцами и толстыми синими ногтями. Шерсть, покрывавшая тело целиком, была ярко-оранжевой с полосами черного цвета. На груди чернел треугольник. Голова была круглой, с заостренными ушами и желтыми кошачьими глазами, с двумя мясистыми щупальцами на лбу, единственной ноздрей, пересекавшей широкий нос, и безгубым ртом, полным острых белых зубов. Воин держал в руках меч в виде заостренного рога, расписанный цветами орды Ягола, принадлежавшей к роду Шанга.

— Бип, бип, — сказал ван Рийн и бросил машину вперед.

Воин едва успел отскочить в сторону, его товарищи попытались напасть. Джей мельком успела заметить одного шанга с костяным свистком во рту. Ягола никогда не издавали воинственных криков, но имели склонность к музыке. Несколько копий ударилось в борт машины, но через мгновение она оказалась уже далеко от них — она неслась со скоростью ста километров в час, оставляя за собой хвост пыли, словно комета.

— Куда теперь? — спросил ван Рийн. — Может, отправимся к тому городу в горах? Вы говорили, что там живут местные шишки.

— Старейшины? Нет! — воскликнула Джей. — В случившемся, по-видимому, именно они и виноваты.

— Ха! Но почему?

— Не знаю, не знаю. Раньше они казались надежными. Но кроме них никто не мог организовать нападение. У нас никогда не было врагов, ни в одном из кланов. Как только мы уяснили биохимию, мы тотчас синтезировали медикаменты и снабжали ими аборигенов, мы никогда не отказывали им в помощи, — Джей вдруг обнаружила, что кричит. Она сжала ладонями шлем и попыталась взять себя в руки.

— Ну, ну, все в порядке, — сказал ван Рийн и потрепал ее по плечу. — Вы храбрая и хорошенькая девушка. Успокойтесь и будьте, пожалуйста, повеселее.

2

Т'Кел совершает оборот вокруг своей оси за тридцать часов и несколько минут. Угол наклона его оси составляет несколько градусов. Когда машина остановилась, отъехав километров сто от купола, была уже ночь, и беглецы решили разбить лагерь. Уулобу вытащил спальный мешок, внутри машины создали земные условия, после чего земляне, сняв защитные костюмы, растянулись на койках. Джей настолько утомилась, что даже не слышала могучего храпа ван Рийна.

Пробудилась она с рассветом. Красное солнце, поднимающееся на востоке, цветом напоминало гаснущие угли костра. Размером оно было не менее половины диаметра Солнца, как оно видится с Земли или Мира — если глядеть с Эсперы. Свет его был тусклым, густые тени таились в каждой щели или углублении, а горизонт терялся во мраке. Небо было безоблачным, но на юге плясали плюмажи пыльных бурь, вокруг расстилалась голая, лишенная даже редкой растительности полупустыня, усеянная булыжниками. На севере виднелись сверкающие поля. Мимо на кожистых, покрытых перьями крыльях пролетел крупный хищник, питающийся падалью.

Джей сидела на койке, ее тело ныло. Вспомнив случившееся ночью, она ощутила пустоту в груди. Хотелось снова забраться под одеяло и уснуть. И спать до тех пор, пока не придет спасение, если оно когда-нибудь придет.

Она заставила себя встать, умыться и надеть брюки и блузку. Освежившись, она почувствовала голод и, вернувшись в главное помещение, начала готовить завтрак.

Запах кофе разбудил ван Рийна.

— А-а-ах! — ему не хотелось вылезать из теплой постели, но, протянув руку, он схватил чашку. — Молодчина! — он подозрительно принюхался. — Но почему без бренди? После всех передряг мне нужно бренди!

— У нас нет спиртных напитков, — выпалила она.

— Что?! — некоторое время торговец не мог вымолвить ни слова, молча уставившись на нее. Челюсть его отвисла, усы задрожали. — У нас нечего выпить? — переспросил он. — Но почему? Почему? Почему? Это же сверхнаглость. Кто ответственен за это? Клянусь дьяволом, я позабочусь, чтобы его вышвырнули из Лиги с волчьим билетом!

— У нас есть кофе, чай, молоко и фруктовые джюсы, — сообщила Джей. — Воду будем получать, растапливая наружный лед. Химические фильтры удалят из него аммиак и прочие примеси. И никто не имеет право брать с собой в экспедицию спиртные напитки, фримен ван Рийн.

— Имеет, если он достаточно цивилизован. Проверюка я запасы продовольствия, — он принялся рыться в ближайшем багажном отделении. — Сухое мясо, сухие овощи, сухое... Смерть и разрушение! — завопил он. — Ни одной банки икры! Вы решили погубить меня?

— Скажите спасибо за то, что вы до сих пор живы.

— Но не в таких условиях. Ага, кое у кого хватило мозгов положить сигареты, — ван Рийн разорвал несколько сигарет и набил табаком трубку, которую извлек из кармана. Когда он разжег ее, Джей с отвращением вдохнула дым и отправилась на кухню, где принялась греметь посудой гораздо сильнее, чем это было необходимо.

Сидя у откидного столика возле широкого окна, ван Рийн с трудом глотал овсяную кашу и разглядывал невзрачный пейзаж снаружи.

— Уф, что за ужасное место. Похоже на ад с потухшими печами. Как давно вы находитесь здесь?

— Около года. Работаю биотехником, — она решила, что лучше не раздражать его. — А эсперанская миссия функционирует здесь уже несколько лет.

— Да, я знаю. Хотя не очень хорошо представляю себе проделанную работу. Я здесь нахожусь всего лишь несколько дней, как вы помните. А любая планета настолько велика и характеризуется настолько сложной обстановкой, что разобраться в ситуации за столь короткий срок просто невозможно. К тому же у меня было немало своих дел.

— Я очень удивилась, когда вы прилетели. Вы ведь занимаетесь пряностями и напитками, не так ли? Но здесь нет ничего похожего, ничего, что могло бы понравиться человеку. Мы здесь можем усвоить протеины и некоторые другие биохимические компоненты — они для нас не опасны, но в них отсутствуют необходимые для нас вещества, например, некоторые аминокислоты, и они поэтому отвратительны на наш вкус.

— Но моя компания торгует и с нелюдьми, — принялся объяснять ван Рийн, — сравнительно недавно один мой работник раскопал доклад экспедиции, обнаружившей эту планету пятнадцать лет назад. Галактика так велика, что никто не в силах уследить за всем, что в ней происходит. Мы постоянно отстаем от событий. Так вот, в этом докладе упоминалось вино, которое производят туземцы.

— Да, они называют его «кунгу», и большинство кланов этого полушария его употребляют. Они выращивают ягоды и некоторые другие растения, дающие нить и волокна. Причем туземцы отнюдь не являются земледельцами, это раса хищников и кочевников, исключая разве Старейшин. Но они обычно засевают некоторое количество земли и спустя определенное время возвращаются туда для сборки урожая.

— Как вы, наверное, знаете, первые исследователи этой планеты прилетели с Торы. Их планета похожа на Т'Кел, хотя и не так отвратительна. Торане захватили с собой местные семена, но обнаружилось, что из-за ряда экологических причин эти растения не приживаются нигде,

кроме своей планеты. «Ага, — сообразил Николас ван Рийн. — Есть шанс завязать неплохую торговлю с Торой». — Так как мне не удалось отыскать на Земле подходящего человека, которому можно было бы доверить это дело, пришлось мне отправиться сюда самому. О, как горько быть настолько одиноким! — заговорил ван Рийн с пафосом. И его волосатая ручища легла на руку Джей.

— Уулобу возвращается! — воскликнула она и, высвободившись, выскочила из-за стола. «Как раз вовремя», — добавила она про себя.

Т'келанец вприпрыжку бежал по равнине, убитое им небольшое животное свисало у него с плеча. Он был одет иначе, чем шанга, — на нем красовалось ожерелье из окаменевших раковин и свободная юбка с гербом клана Авонго орды Рокулэло. Кажаная сумка на поясе была наполнена жидкостью.

— Он отыскал источник аммиака, — громко сказала Джей, так как ван Рийн встал из-за стола и собирался, обогнув его, подойти к ней. — Вы знаете, они для этого используют щупальца на лбу. Эти щупальца чувствительны даже к минимальному содержанию паров аммиака в атмосфере. Этот мир невероятно сух. Если не считать огромного количества замерзшей воды, конечно. Везде на этой планете вы обнаружите лед. Часто ледники тянутся на сотни километров. Ведь максимальная температура здесь не выше сорока градусов мороза. Но этот лед не только не пригоден для местной жизни, но и смертельно опасен для этого мира.

Ван Рийн хмыкнул и повернулся к окну. Уулобу добежал до машины и сказал в интерком:

— Небесная женщина, я обнаружил следы охотников, ведущие на запад, к Лумбабару. Это могут быть только Рокулэло. Думаю, мы легко отыщем их. Я раздобыл мяса и утолил жажду.

Уулобу принялся собирать хворост для костра.

— Что он сказал? — спросил ван Рийн. Она перевела. — Какая нам польза от союза с варварами? Нам нужно дождаться прибытия помощи.

— Если она придет, — сказала Джей. — Когда обо всем случившемся узнают на Эсперсе, сюда, конечно,

пришлют экспедицию, чтобы на месте выяснить причины происшедшего. Но они не подозревают, что мы живы, и вряд ли будут торопиться.

— Мои люди поторопятся, — заверил ее ван Рийн. — Я кое-что значу в Галасоциотехнической Лиге, черт ее побери! Как только на Земле получат известие, оттуда вылетит военный корабль, вооруженный до зубов. Не позднее, чем через месяц.

Ван Рийн продолжал размышлять:

— Конечно, они не смогут обыскать всю планету. Они знают, что я находился в районе этого проклятого Бусулонго, я именно здесь приземлился. Я думаю, что эти Престарелые, или старцы, или как вы их там называете, достаточно соображают в космических делах, чтобы ввести в заблуждение экипаж какой-нибудь правдоподобной историей, если только мы не сумеем остаться здесь, в пределах действия передатчика. А это расстояние на планете красного карлика очень невелико вследствие особенностей ионосферы. В то же время мы не должны приближаться к врагам, иначе они будут охотиться за нами, устраивать нам ловушки, бросать бомбы или что-нибудь... Так или иначе, но они, в конце концов, сумеют убить нас, даже если мы не будем вылезать из машины. Следовательно, мы должны быть постоянно готовы к отражению нападения, находясь по соседству с Бусулонго. Вы правы, нам лучше всего отправиться на поиски соплеменников ваших друзей.

— Но мы не сможем заставить их воевать с представителями их же расы! — возразила Джей.

Ван Рийн покрутил усы.

— Это еще почему?

— Не знаю... мне кажется... если даже нам это удастся, то это будет безнравственно.

— Гм-м... — он некоторое время разглядывал ее. — Вы, эсперсиане, идеалисты, как я слышал. Ваши предки высадились на планете, чтобы организовать идеалистическую коммуну, и вы продолжаете их дело, несмотря на грубую реальность, да? Ваша миссия помощи этой планете не рассчитана на прибыль. Это ваше стремление приносить добро...

— Это наша межзвездная политика, — согласилась Джей с чувством гордости за свою культуру. — Помогая другим расам, мы получаем взамен их доброе отношение к нам и постепенно убеждаем их взглянуть на окружающий мир иначе, по-нашему. Если у Эсперсы будет много друзей, мы станем сильны, неподвластны чужим влияниям и свободны от необходимости содержать большую армию.

— Из того, что я увидел здесь, можно сделать вывод, что вряд ли вам удастся найти последователей на Т'Келе.

— Да.. вы правы... Это настоящие хищники. Но ведь и человек начинал как хищный примат, верно? И т'келанцы несколько тысячелетий назад в этой местности создали высокую земледельческую культуру. Выращивали злаки и корм для мясных животных, которых разводили. Город Бусулонго — реликт этой культуры. Ледяной Век уничтожил эту культуру почти повсюду, воцарились дикость и варварство. Но если им создать необходимые условия, я уверена, автохтоны возродят свою культуру. У них никогда не было наций в нашем понимании этого слова. У них слабо развиты общественные отношения. Но мы уверены, что они смогут создать цивилизованное общество с помощью заимствованной технологии.

— Из того, что вы мне рассказали, ясно, что эти змеи, сидящие на четвереньках, вовсе не жаждут идти путем, намеченным для них вами.

Джей промолчала, пытаясь представить себе, как змеи могут сидеть на четвереньках, потом кивнула:

— Вероятно. Но я тогда не могу понять, почему старейшины всегда так много помогали нам...

— Наверное, тому есть какое-нибудь объяснение. Ну, что ж, попробуем установить его.

— Ну... может быть.. но как...

Ван Рийн погладил ее по голове.

— Оставьте философию мне, девочка, — самоуверенно сказал он. — Вам нужно только готовить еду и оставаться такой же хорошенькой.

Уулобу разжег между тем костер и бросил в огонь глаза убитого им животного. Его мрачная молитва доносилась до них даже сквозь стенки машины. Ван Рийн прищелкнул языком.

— Не очень-то перспективная ситуация, — сказал он. — Вы, конечно, цивилизуете их, если сумеете. Но предпочел бы, чтобы их копья, бросаемые в нашу машину, не имели наконечников из закаленной стали, — он снова разжег трубку и сел рядом с Джей. — Я хотел бы разобраться в ситуации. Объясните мне. Кое-что я слышал, но не вредно и повториться, — он потрепал ее по колену. — К тому же пока вы будете говорить, я смогу наслаждаться зрелищем ваших губок...

Джей встала, чтобы принести еще одну чашку кофе, потом села подальше от ван Рийна. Она принудила себя говорить спокойно:

— Что ж, начну с того, что это не совсем обычная планета. Необычна она не по физическим параметрам. Я имею в виду, что здесь нет особых отклонений. У звезды-карлика типа «М» на расстоянии в половину астрономической единицы находится планета с массой, на сорок процентов превышающей земную...

— Так много? Вероятно, у нее низкая плотность и в недрах содержится мало металлов.

— Да, звезда очень стара. Она имела слишком мало тяжелых атомов в те времена, когда формировались планеты. Собственная плотность Т'Кела — 4,4. Здесь имеется, конечно, некоторое количество меди и железа. Я уверена, что на таких планетах и жизнь развивается медленнее. Их солнца излучают так мало ультрафиолета, даже в период вспышек, что первым органическим соединениям не хватало энергии для быстрых реакций. Тем не менее жизнь естественно возникла, но в океанах жидкого аммиака.

— Да. В таких случаях она обычно развивается путем фотосинтеза, использующего аммиак и двуокись углерода для образования углеводородов и азота, которым дышат здесь живые существа, — ван Рийн постучал по своему крутому лбу. — Кое-что еще сохранилось в этой старой башке. Но почему эволюция протекает здесь не так, как на Торе?

— Никто не может сказать с уверенностью. Возможно, существуют какие-то катализаторы. В любом случае, даже при таких низких температурах, как здесь, какой-то

процент воды остается в океанах, входя составной частью в молекулу гидроокиси аммония. Клетки растений на Торе и на Т'Келе содержат аналог хлорофилла, который выполняет такую же работу — связывает газообразную двуокись углерода и разлагает воду на углерод и свободный водород. Животные обеспечивают противоположный процесс почти так же, как и на Земле. Но вода, которую они высвобождают, остается в их тканях, удерживаемая специальными молекулами. Когда организм погибает и разлагается, его составные части усваиваются растениями. Во всех мирах, подобных этому, вода играет роль азотных органических веществ на планетах земного типа.

— Но свободный кислород, выделяемый растениями, должен разлагать аммиак!

— Да, это медленный процесс, очень медленный, главным образом потому, что твердый аммиак плотнее жидкого. Он опускается на дно озер и океанов, которые защищают его от действия кислорода и воздуха. Конечно, постоянно происходит непрекращающаяся конвекция. Путем ряда последовательных реакций аммиак и кислород образуют азот и воду. Вода замерзает. В результате моря сокращаются в размерах, воздух становится все беднее кислородом, и пустыни расширяются. Так могло произойти и на Торе. Но там установилось определенное равновесие. Появились бактерии, связывающие азот, они-то и остановили наступающую засуху еще много миллионов лет назад. Так мне когда-то объяснили, почему Торе повезло. Она несколько больше Т'Кела. Атмосфера ее плотнее, поэтому сохраняет больше тепла. Парниковый эффект на таких планетах зависит от наличия двуокиси углерода и аммиака. Несколько тысяч лет назад Т'Кел миновал критическую точку. Было потеряно огромное количество аммиака, в результате чего действие парникового эффекта ослабло. Когда температура снизилась, все большее количество аммиака стало замерзать и опускаться на дно океанов и морей, где он оказался хорошо защищен от таяния. Это вызвало катастрофическое изменение климата, температура упала так низко, что теперь уже и двуокись углерода сжижается и даже замерзает, по крайней мере, в холодное время года. В атмосфере по-прежнему все еще содержит-

ся какое-то количество водяных паров, но их очень мало. Парниковый эффект выражен совсем слабо.

Растительная жизнь в результате катастрофы сильно пострадала, вы можете себе представить насколько. Местные растения не могут обходиться без основных своих «строительных материалов» — двуокиси углерода и аммиака. Вслед за растительной жизнью хиреет и животная. Очень быстро огромные пространства, равные по площади земным континентам, превращаются в пустыни. Я говорила вам, что в результате уже погибла туземная земледельческая культура. И хуже всего то, что вымерли бактерии, связывающие азот. Мы выяснили это в итоге геологических исследований. Они погибли полностью, не выдержав зимних температур, так что не стало фактора, поддерживающего равновесие при окислении аммиака. С каждым годом пустыни Т'Кела все больше разрастаются, а год здесь составляет всего шестнадцатую часть земного. Эволюция, конечно, пыталась приспособить местные организмы к происходящим изменениям, но они происходили слишком быстро. Мы считаем, что все обитатели Т'Кела, в том числе и туземцы, обречены на гибель. Через десять тысяч лет здесь вообще не останется жизни.

Хотя она все это давно знала, рассказывая, она вновь испытала потрясение. Наконец ван Рийн мягко спросил:

— У вас имеется какая-то программа спасения?

— О, да! Мы начали работу. Завершили исследования и уже были готовы вызвать инженеров. Принципиальное решение проблемы, конечно, заключается в том, чтобы восстановить все связывающие азот бактерии. В наших лабораториях был выведен чрезвычайно продуктивный штамм. Но чтобы выжить здесь, он нуждается в некоторых изменениях местной экологической обстановки, и это требует значительных преобразований химизма почв. Мы решили растопить лед и провести электризацию воды. Кислород должен был при этом высвободиться в атмосферу. Некоторое его количество пошло бы на сгорание местного углеводорода. Т'Кел богат нефтью, горение высвободит двуокись углерода, что значительно усилит парниковый эффект. К химической энергии добавилась бы энергия атомных станций, которые мы собирались по-

строить; они должны были осуществлять электролиз воды.

— Большая работа, — сказал ван Рийн.

— Огромная! Самый большой проект, когда-либо задуманный на Эсперсе. Тем не менее план был детально разработан и снаряжение приготовлено. Мы знали, что сумеем осуществить его!

— Если только туземцы не попробуют провести эксперименты над инженерами, подобные тем, что они проводят за обеденным столом, — добавил ван Рийн.

— Да, — Джей низко склонила светловолосую голову. — Их враждебность сделает наш план невыполнимым. Нам необходимо согласие всех жителей. Туземцы должны объединиться, чтобы работать с нами по всей планете. А город Бусулонго контролирует почти четверть Т'Кела! Что же нам делать? Я думала, что они — наши друзья...

— Может, нам удастся отыскать соплеменников Уулобу и кое-что разузнать, прежде чем нас выследят? — предложил ван Рийн.

3

Местность была неровной, но все же их машина достаточно быстро продвигалась вперед. Неожиданно Уулобу что-то прокричал. Из машины через смотровое стекло они увидели, что он высунулся из-за ветрозащитного козырька и указывает на север. Посмотрев в ту же сторону, они заметили большое облако пыли.

— Перегоняют животных, — сообщил Уулобу. — Правьте туда, небесные люди.

Джей перевела его слова, и ван Рийн развернул машину.

— Мне казалось, что они занимаются только охотой, — сказал он. — Там стадо?

— Люди этой орды находятся в своем развитии где-то посредине между монгольскими пастухами древности и американскими охотниками на бизонов, — объяснила она. — Правда, они так и не одомашнили «изиру» или «бабиле-

ло» полностью. Когда-то, до ледникового периода, эти животные были домашними, но теперь земля уже не может прокормить необходимого людям количества питающихся растениями животных. Теперь они только контролируют миграции животных и защищают их от хищников.

— Гм-м... а что представляют из себя эти орды?

— Это трудно объяснить. Ни один человек так и не смог понять их структуру до конца. Не потому что т'келанская психология непостижима. Но она все же не является человеческой, а наша миссия была так загружена сбором планетографических сведений, что у нас не нашлось времени на более тщательные психологические исследования. Слова «прайд», «клан», «орда» — это лишь приблизительный перевод туземных терминов, и к тому же очень не точный, я в этом уверена. Точно так же, как Т'Кел — это не истинное название всей планеты. Слово «Т'Кел» на языке Бусулонго означает «эта земля».

— О'кей, не нужно забивать мой старый бедный мозг ненужными и, очевидно, бесполезными сведениями. Главное я уяснил. Но послушайте, фриледи Дэвидсон... можно мне называть вас Джей? — добавил ван Рийн льстиво. — Мы с вами находимся в одной лодке, выплывем или утонем вместе, хотя тут для этого и маловато воды, поэтому давайте будем друзьями, а? — он потянулся к ней. — Можете называть меня Ники.

Она отодвинулась.

— Я не могу запретить вам называть меня так, как вам нравится, фримен ван Рийн, — сказала она, и это было произнесено очень холодно, прямо-таки ледяным тоном.

— Ох-ох! Такая молодая и такая неприветливая! Видно, одинокому старику придется и дальше в одиночестве переживать свое горе, — ван Рийн вздохнул. — Кстати, почему здесь не оказалось ни одного ящика пива? Всего только ящик — хоть на час или на два я мог бы залить пожар в моем желудке. Разве это так много, спрашиваю я вас?

Дальше они двигались в молчании.

Вскоре они достигли стада «изиру» — горбатых и острохвостых животных, похожих на земных коров. Джей, по опыту предыдущих наблюдений оценила их число в

несколько тысяч. При той редкой растительности, что была вокруг, они должны были преодолевать много километров в день.

Группа туземцев издали заметила машину и поскакала к ним навстречу. Они ехали на «бесами», которые выглядели как большие приземистые антилопы с мордой тапира и одним-единственным рогом. Туземцы были одеты так же, как Уулобу, но вместо ожерелья из раковин у них были медальоны из кожи. Ван Рийн остановил машину. Туземцы подъехали. Оружие они держали наготове, луки их были натянуты, короткие копья подняты.

Уулобу спрыгнул с машины и приблизился к ним, вытянув вперед руку.

— Счастья в охоте, силы, здоровья и потомства, — традиционно приветствовал он их. — Я сын Толы Уулобу, Авонга, Рокулэло и теперь сопровождаю небесных людей.

— Вижу, — холодно ответил старший, седой воин. Младший воин улыбнулся и особым образом взмахнул луком. Уулобу схватился за томагавк. Старший сделал примирительный жест, и Уулобу слегка расслабился.

Ван Рийн внимательно следил за этой сценой.

— Что они говорят? И что означают эти глупости с оружием?

— Лучник сделал оскорбительное предложение Уулобу, — с несчастным видом объяснила Джей. — Он предложил убрать оружие, прежде чем закончится церемония. Это свидетельствует о том, что они считают Уулобу недостойным уважения.

— Ах, так... Очень грубые люди. Нигде нет гарантированного мира, кроме как в свой орде. Но почему они так пренебрежительно относятся к Уулобу? Разве он, будучи у нас на службе, не заработал уважения?

— Боюсь, что нет. Я спрашивала его об этом однажды. Уулобу единственный т'келанец, с которым я могу говорить о таких вещах.

— Да? Как это получилось?

— Из всех туземцев, которые служили в миссии, он был наиболее нам близок. Видите ли, мы спасли его от ужасной смерти. Мы как раз получили лекарство против местной разновидности столбняка, когда он заболел. Поэ-

тому он испытывает к нам благодарность. Есть и экономические причины. Все наши помощники в силу различных обстоятельств бедны. Или засуха уничтожила дичь на их территории, или же их изгнали с родной земли, или еще что-либо подобное, — Джей покусала губу. — Они, да, они поклялись нам в верности согласно своим традициям... вы знаете, как храбро они сражались за нас. Но это было делом их чести. Уулобу — единственный т'келанец, испытывающий к нам нечто вроде привязанности.

— Черт побери, у вас у всех рыбьи головы и мозги макрели! Всегда надо начинать с исследования психологии аборигенов. Эта дурацкая планетография могла бы и подождать. Протухшие, провонявшие макрелью головы... — ван Рийн никак не мог успокоиться. Наконец он замолчал и потребовал продолжить перевод.

— Старшего зовут Ньяронго, он глава их прайда, — продолжала Джей. — Остальные, конечно же, его сыновья. Они принадлежат к клану Гангу. Это та же орда, что и Уулобу, Авонго. Формальности соблюдены, и они теперь приглашают нас в свой лагерь. Они по-своему достаточно гостеприимны. На свой манер, подчеркиваю. И только после того, как установлено, что у гостей честные намерения.

Всадники отъехали. Уулобу вернулся.

— Они должны спешить, — сказал он по интеркому. — Солнце вспыхнет сегодня, а до укрытия еще далеко. Нам лучше следовать за ними на некотором расстоянии, чтобы не напугать животных. Так и сделаем, небесная женщина.

Он взобрался на машину. Джей перевела его слова ван Рийну, и тот двинул вездеход вперед.

— Вы должны о многом рассказать мне, — начал торговец. — Вначале объясните, почему туземцы так пренебрежительно относятся к тем, кто работает в вашей миссии?

— Что ж... Уулобу говорил, что все, кто приходит к нам, не имеют земли. Они не удержали охотничьих территорий своих предков. Это привело к тому, что их престиж резко упал в глазах окружающих, что привело, в свою очередь, к утрате респектабельности. Престиж на-

ших помощников очень страдает также из-за того, что мы не позволяем им участвовать в схватках. Поэтому распространился слух, что все они — трусы.

— Воинственная культура, а?

— Н... нет, здесь какой-то парадокс, у них нет войн и даже нет кровной мести в нашем понимании. В стычках принимают участие очень мало туземцев, но происходят они постоянно. Я полагаю, что это определяется их политической организацией. Или нет? Мы наблюдали то же самое в отдельных частях Т'Кела, в племенах, организованных совсем по другому принципу, нежели орды.

— Рассказывая это, не будете ли вы так любезны приготовить мне маленьких сэндвич?

Джей подавила раздражение и направилась к кухонному столу.

— Как я уже говорила, мы не проводили тщательных исследований психики местных туземцев. Но мы знаем, что основная общественная единица на всей планете одна и та же. Эту первичную организацию мы называем прайдом. Состав прайда определяется соотношением полов. На одного мужчину приходится три женщины. Вместе живут старший мужчина, его жены и их дети среднего возраста. Все мужчины, а также женщины, не имеющие детей, участвуют в охоте, хотя только мужчины сражаются с другими т'келанцами. Маленькие... гм-м, дети помогают в работе по лагерю. То же делает вдова отца главы прайда, если она есть. В такой прайд входит около двадцати туземцев. Это максимальное количество, способное прокормиться на территории, которую можно обойти пешком. Эта планета слишком пустынна.

— Да, я вижу. Т'Келанский прайд соответствует земной семье. Это универсальная единица, верно? Думаю, что более крупные единицы организованы иначе, не так, как на Земле?

— Да, самые отсталые аборигены объединяются только в прайды, но общество Бусулонго — так мы называем туземцев из здешней орды — наиболее передовое в культурном отношении в северном полушарии, имеет более сложную социальную структуру. Десять или двенадцать прайдов образуют то, что мы называем «кланом». Входя-

щие в него туземцы происходят от одного общего предка и контролируют большую территорию, по которой они двигаются вслед за своими полудикими стадами. Кланы, в свою очередь, объединяются в орды, каждая из которых собирается на ежегодное совещание в каком-нибудь традиционном оазисе. Там они договариваются, торгуют и заключают браки — юноши получают жен. Там образуют новые орды или разрешают споры — судом или схваткой. Среди кланов часто происходят стычки как из-за вопросов чести, так и по более прозаическим причинам, например, из-за источника аммиака. Браки всегда заключаются внутри орды. У каждой орды — своя одежда, обычаи, боги и так далее.

— Между ордами не бывает войн?

— Нет, если не считать ужасных стычек, которые происходят во время переселения орд. И хотя между представителями разных орд нередко случаются схватки, между ними не бывает организованных войн... думаю, они просто экономически не в состоянии содержать армию во время войны.

— Ум-м... полагаю, что причина скрывается где-то глубже. Когда люди намерены воевать, они не заботятся о том, хватит ли им пищи. Сомневаюсь, чтобы в этом отношении т'келанцы отличались существенно от людей. Возможно, в этом вопросе и заключается ключ к решению всей проблемы. Только нам необходимо будет узнать, как этим ключом пользоваться.

— Ну, — сказала Джей, — Старейшины стараются предотвращать войны. Среди прочего они также разрешают большинство споров, возникающих между ордами.

— Ах, да, эти парни на горе. Расскажи мне о них.

Джей приготовила сэндвич и протянула его ван Рийну. Тот с шумом принялся жевать. Она села и стала глядеть в окно: кустарники, булыжники, облако пыли под тускло-красным светилом, темная масса стада, бредущего впереди, всадники, прискакавшие назад, чтобы разнять дерущихся животных. Далеко впереди был виден Лубамбар — ледяной хребет, вершины которого сверкали на фоне тусклого неба. Сквозь гул мотора до Джей доно-

сились крики животных. Машина качалась и подпрыгивала: Джей ощущала все неровности почвы.

— Старейшины — это реликт былой цивилизации, — сказала она. — Они держатся за свой город и сохранили крупицу знаний, хотя и позабыли большую их часть. Их образ жизни не естественен для т'келанцев. Я думаю, что несколько тысячелетий, на протяжении которых те, кому не нравился город, ушли и присоединились к кочевникам, в то время как отдельные кочевники, считающие город средоточием мудрости, поселились в нем. Эти миграции привели к определенной генетической селекции. Старейшины отличаются от остальных по своей психологии. Думаю, они очень скрытные.

— На что они живут? — спросил ван Рийн с набитым ртом.

— Они выполняют разные обязанности, требующие специальных знаний, а также производят товары, за которые им платят. Среди них есть писцы, ведущие записи, врачи, искусные металлурги, ткачи и изготовители пороха. Правда, порох они используют в основном для фейерверков, хотя у них имеется несколько пушек. Остальные считают их волшебниками, главным образом потому, что они могут предсказывать солнечные вспышки.

— И до вчерашнего дня они были настроены к вам дружески?

— По-своему, конечно. Они должны были долго готовить нападение на нас — подкупить шанга и снабдить их порохом для взрыва нашего купола. Но все же я не могу понять, почему? Я убеждена, что они поверили нам, когда мы объяснили, что хотим спасти их расу.

— Да, несомненно. Но, возможно, вначале они не поняли всех последствий, — ван Рийн кончил жевать, рыгнул, поковырял в зубах ногтем и замолчал, о чем-то задумавшись. Джей старалась подавить нахлынувшую тоску по дому.

Через некоторое время ван Рийн ударил по контрольной панели так, что она зазвенела.

— Черт возьми! — взревел он. — Подходит!

— Что? — от неожиданности Джей вздрогнула.

— Но я все еще не вижу, как это использовать... — сказал он.

— О чем это вы?

— Помолчите, фриледи...

Он снова вернулся к своим мыслям. Медленно текли часы.

К вечеру на горизонте появился лес. Он покрывал предгорья Лубамбар. В этом месте амиачная река делал изгиб и волны ее слегка увлажняли почву. Деревья были низкорослыми и причудливо изогнутыми, с усеянными колючками синими стволами и густой листвой зеленовато-серого цвета. Листочки были маленькими. Высокие кусты собирались в плотные заросли, заполнявшие пространство между деревьями. Всадники заставили своих изиру углубиться в лес. Оставив на опушке часовых, они двинулись дальше к северу компактной группой из пятнадцати туземцев. Впереди они гнали стадо. Женщины держали на руках мохнатых детей. Они отличались от мужчин более низким ростом и мягкими чертами лиц. Несмотря на шерстяной покров и постоянную температуру тела, т'келанцы не были млекопитающими: матери отрыгивали пищу для детей, еще не имевших зубов.

Вел группу Ньяронго. На его боку висел меч, в одной руке он держал копье, а в другой — щит. Его большие желтые глаза внимательно и настороженно осматривали местность. Младшие сыновья прикрывали группу с флангов, держа стрелы на тетивах луков. Ван Рийн направил машину по следам туземцев.

— Они ждут неприятностей? — спросил он у Джей.

Девушка оторвалась от своих невеселых мыслей.

— Они всегда ждут неприятностей, — ее тон был мрачен. — Я ведь говорила, что это раздражительная, очень склонная к ссорам раса, войн нет, но есть множество кровавых стычек. Возможно, сегодня эти предосторожности — лишь дань традиции. Они собираются разбить лагерь вместе с другими прайдами своего клана. Стада такой величины требуют, чтобы все гангу охраняли его.

— Вы говорите, что они — охотники, а не пастухи.

— Большую часть времени так оно и есть. Но, видите ли, когда солнце вспыхивает, многие из изиру и бабилело впадают в панику. Многие из них получают такие сильные ожоги, что погибают. Это происходит потому, что в их

организме не выработалась защита от ультрафиолетовых лучей. Кланы не могут допустить столь крупных потерь в стаде. Поэтому в такие сезоны, как этот, в сезон вспышек, они держатся вблизи стад и загоняют их на территории, где имеется тень или есть убежище, где густой лес или что-то подобное может предотвратить панику среди животных.

Ван Рийн презрительно указал на опускающийся к горизонту красный диск.

— Вы хотите сказать, что эта угасающая зола может кому-то повредить своей радиацией? Даже бабочке она ничем не грозит...

— Конечно, если это земная бабочка. Но вы знаете, что такое карлики типа «М». Они часто вспыхивают и могут увеличивать свою активность в сотни раз. В наши дни содержание кислорода в атмосфере упало так низко, что озоновый слой не задерживает ультрафиолетового излучения. Из-за того, что местные породы бедны металлами, магнитное поле планеты очень слабое. Заряженные частицы, вылетающие из солнца в момент вспышки, свободно проникают сквозь него и достигают поверхности. К этому еще добавляется фон космического излучения. Вас или меня это может не беспокоить, так как человек привык переносить значительно большие дозы радиации. То, что для нас является нормой, для т'келанцев смертельно.

— Понятно. Может, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что на планете отсутствуют месторождения радиоактивных минералов — источников радиоактивного излучения. На Торе, например, вспышки не беспокоят местных туземцев. Наоборот, в эти дни они устраивают праздники. Но вы правильно сказали, что Торе повезло больше, чем Т'Келу.

Джей вздрогнула.

— Как суров Космос! Мы на Эсперсе верим: нужно объединиться, чтобы бороться со Вселенной совместными усилиями.

— Прекрасная философия. Жаль только, что мы для нее не годимся. Вы очень хорошая девочка, вам кто-нибудь уже говорил об этом?

Ван Рийн положил руку на ее плечо. Она почувствовала, что не в силах сопротивляться — слишком мрачна была надвигающаяся солнечная буря.

Через час они достигли лагеря. Горбатые кожаные шалаши были воздвигнуты на ровном участке вблизи аммиачного ручья. У входов горели костры, поддерживаемые подростками. Женщины суетились у костровых котлов, мужчины разлеглись рядом, держась за рукоятки своего оружия. Появление машины встревожило лагерь, но никто никуда не побежал. Мужчины прогуливались, стараясь сохранять выражение незаинтересованности и равнодушия к необычному явлению.

«Или они на самом деле равнодушны?» — спросила себя Джей. Она смотрела на толпу, на несколько сотен нечеловеческих лиц, глаз, на сверкающие наконечники копий, на раздуваемую ветром шерсть. Ни один звук не доносился снаружи.

«Они поступают одинаково, — подумала она. — Везде, в любом клане, в любой орде, с которой мы встречались, было всегда одно и то же: сначала интерес к внешнему виду машин, потом равнодушная вежливость, как будто им все равно, несут ли машины добро или зло. Они благодарят, но не очень горячо, за то, что сделано для них. Они часто при этом настаивают, чтобы от них приняли плату, но никогда не приглашают на свои обряды и праздники. А их дети порой бросают в землян камнями...»

Ньяронго выкрикнул какую-то команду. Его прайд начал разбивать собственный лагерь. Постепенно все зрители разошлись.

Ван Рийн взглянул на солнце.

— Они уверены, что сегодня будет вспышка?

— О, да. Если Старейшины сказали, то так оно и будет. Это нетрудно предсказать, если у вас есть закопченное стекло или маленький телескоп, позволяющий наблюдать за поверхностью звезды. Свет ее так тускл, что легко заметить пятна и свечение — совсем не такое, как у звезды типа «Ж». Признаки приближающейся вспышки у нее очень характерны. Любой начинающий астроном может с точностью до дня предсказать вспышку у звезды-карлика

типа «М». Гелиографические сигналы разносят весть о ней от Бусулонго до самой отдаленной орды.

— Действительно, эти старые чудаки скорее всего унаследовали свои эмпирические знания от более древних племен. Точно также, как вавилоняне знали о движении планет. Да... черт возьми, кажется, начинается!

Солнце склонилось к западному хребту, его разбухший диск стоял над вершинами... Тонкий, ярко-красный завиток медленно выполз с одной из его сторон. Животные закричали. Среди туземцев пронесся шум. Мужчины хватали животных за уздечки и останавливали их. Женщины тащили котлы и малышей в палатки.

Вспышка разрасталась и становилась все ярче. Свет разливался по затемненным холмам, по всей равнине. Небо начало бледнеть, ветер усилился и зашумел листвою деревьев, загоняя испуганных животных под длинный навес из шкур, укрепленных на столбах. Одно из животных помчалось прочь, но мгновенно крайний воин размотал свое лассо и ловким броском остановил его, повалив на землю. Два других воина помогли втащить животное под навес. Для человеческих глаз вспышка была терпима, и их не нужно было ничем защищать. Лучи становились все ослепительнее, казалось, солнце разбрасывает раскаленные брызги. Излучение разрасталось, умирало и появлялось вновь. Хотя Джей и видела эту картину прежде, но тут вдруг обнаружила, что сжимает руку ван Рийна. Он затянулся и выпустил густое облако дыма.

Уулобу спустился с машины. Джей услышала, как он спросил у Ньяронго:

— Я могу вам чем-нибудь помочь перед лицом главного Бога?

— Нет, — ответил патриарх, — отправляйся с женщинами в шалаш.

Зубы Уулобу сверкнули, шерсть на спине поднялась. Он схватился за томагавк.

— Не надо! — крикнула Джей в интерком. — Мы — гости!

Несколько мгновений два т'келанца смотрели в глаза друг другу. Копье Ньяронго было направлено в горло Уулобу. Затем Уулобу отступил.

— Мы гости, — сказал он приглушенно. — В другой раз, Ньяронго, мы поговорим с тобой об этом.

— С тобой, безземельным... — вождь сдержался. — Ладно, между нами мир, и сейчас не время нарушать его. Но мы, гангу, сами заботимся о своих стадах и пастбищах. Никакая помощь нам не требуется.

Все еще напряженный, Уулобу прошел в ближайший шалаш. Вскоре последнее животное было загнано в убежище. Входной клапан крепко завязали, чтобы животные находились в темноте.

Вспышка между тем превратилась в неровное пятно света вокруг солнечного диска. Увеличиваясь в яркости, становясь интенсивно-оранжевой, она продолжала быстро расти. Ветер все усиливался.

Главы прайдов медленно прошли к центру лагеря. Они образовали один внутренний круг, неженатые воины стали снаружи — во второй. Ньяронго поднял рог и затрубил. Вверх взметнулись копья, затем мечи и томагавки.

Т'келанцы начали танцевать все быстрее и быстрее по мере того, как усиливалось свечение. Тучи стрел взметнулись к солнцу.

— Что они делают? — спросил ван Рийн. — Изгоняют дьявола?

— Нет, — ответила Джей. — Они не верят, что это возможно. Они бросают ему вызов. Они всегда предлагают ему спуститься и вступить в борьбу. И это для них не дьявол, а сам Бог.

Ван Рийн кивнул.

— Да, так и должно быть, — сказал он как бы себе самому. — Когда Бог отказывается выполнять свои обязанности, его не пытаются подкупить, нет, ему угрожают. Да, все сходится.

Мужчины закончили танец и с торжественной медлительностью направились к своим шалашам. Все дверные клапаны вскоре были завязаны. Лагерь был пуст, он словно замер под лучами восходящего солнца.

— Ха! — сказал ван Рийн, вскочив на ноги. — Мой скафандр!

— Что? — Джей удивленно уставилась на него.

— Я хочу выйти. Что вы стоите, словно у вас язык прилип к гортани, черт возьми! Давайте сюда мой скафандр!

Джей заставила себя повиноваться. К тому времени, когда громадная фигура была, наконец, облачена в скафандр, солнце уже опустилось до самых хребтов и утроило свое излучение. Теперь вспышка уподобилась второму солнцу, не круглому, а продолговатому, в форме языка пламени. Белые, длинные тени ползли по равнине, которая приобрела неестественно бронзовый цвет. Ветер поднимал пыль и сухие листья, задувал костры, хлопал полотнищами навесов.

— Когда я дам знак, — сказал ван Рийн, — вы включите интерком на полную мощность, чтобы они могли вас услышать. Скажите этим, так называемым мужчинам, чтобы они выглянули из шалашей и взглянули на меня, если у них не затрясутся поджилки, — он посмотрел на нее. — И не надо быть слишком вежливым при этом, понятно?

Прежде чем она смогла достойно ответить, он уже оказался у шлюза. Он выбрался из машины и добежал до центра лагеря, откуда помахал ей рукой.

Джей облизнула губы. Что еще собирается делать этот идиот? Месяц назад он и не слышал об этой планете. Он не пробыл на ней и недели. Практически всю информацию о Т'Кел он получил от нее за последние десять-одиннадцать часов. И он воображает, что знает, как нужно себя вести?! Если после его выходки толстое брюхо ван Рийна не будет набито стрелами и копьями, то, значит, нет справедливости во Вселенной! Неужели он думает, что она готова погибнуть вместе с ним?!

Возвышаясь огромной черной статуей на фоне пылающего неба, ван Рийн снова взмахнул рукой.

— Смотрите, люди гангу, у кого хватит храбрости! Смотрите на мужчину издалека, который бросает вызов гневающемуся Богу!

Ее голос глухо разнесся по лагерю. Ван Рийн кивнул. Она прищурилась, чтобы получше рассмотреть, что он собирается делать. Щуриться ей пришлось из-за контрастности, а не из-за яркости света. Излучение по-прежнему составляло всего несколько процентов по сравнению с

тем, которое получает Земля. Но вспышки с температурой в миллион градусов и выше излучались как раз в той части спектра, к которой туземцы были особенно чувствительны. Она подумала, что ультрафиолета маловато даже для того, чтобы покраснела кожица земного ребенка, но вполне достаточно, чтобы нанести смертельные ожоги этим несчастным скитальцам ада.

Ван Рийн извлек свой бластер. С нарочитой неторопливостью он несколько раз выстрелил в звезду. Вспышки казались совсем слабыми на фоне разгоравшегося светила. А что же теперь?

— Нет! — закричала Джей.

Ван Рийн отодвинул лицевую пластинку своего шлема. Он давал представление, показывая всем резкие черты своего лица, выступавшего из шлема в ярком свете вспышки. Он начал гротескно танцевать, задрав к небу свой большой нос.

Но...

Торговец закончил выступление непередаваемым жестом, вновь закрыл свой шлем, выстрелил еще дважды в небо, остановился с поднятыми руками и стоял так, пока солнце не зашло за горизонт.

Вспышка еще некоторое время после захода солнца освещала листву деревьев. Когда наступили сумерки, ван Рийн направился обратно к машине, и Джей поспешила впустить его. Он снял шлем, отдуваясь и ругаясь на доброй дюжине языков. Иней уже начал застывать на его скафандре.

— Ох! — простонал он. — И нет даже стаканчика виски, чтобы согреть мои старые бедные кости!

— Вы могли умереть! — прошептала Джей.

— О, нет, нет! Николас ван Рийн умрет совсем не так! Я планирую в возрасте ста девятнадцати лет быть застреленным разгневанным мужем. Холод оказался не слишком велик, а на несколько минут я смог задержать дыхание. Но впустить этот аммиак в шлем! О, ужас и налоги! — он побрел в ванную и начал с фырканьем умываться.

Погасли последние лучи вспышки. Небо оставалось розовым, так что видны были только наиболее яркие

звезды. Тяжелые частицы солнечного излучения должны были достичь планеты где-то через час. Один за другим на поляне стали появляться туземцы. Вновь разгорелись костры, выбрасывая в темноту снопы искр.

Ван Рийн вышел из ванны.

— Отлично, я готов, — сказал он. — Теперь надевайте свой скафандр и идите за мной. Мы должны поговорить с ними.

Направляясь в круг, образованный темной линией шалашей, Джей вынуждена была проделывать себе дорогу среди женщин и юношей. Их кольцо смыкалось за нею, она видела отражение огней в их глазах и знала, что они окружены со всех сторон. Успокаивала идущая рядом громоздкая фигура ван Рийна и топот ног Уулобу сзади.

«Ненадежное прикрытие!» — подумала она, глядя на мужчин, ожидающих их у источника аммиака. Они собрались там, как только увидели выходящих из машины людей. Ее глазам они представлялись сплошной черной массой, неразличимой на фоне леса. Костры с обоих сторон, превращавшие для т'келанцев ночь в день, слабо освещали только передний ряд. Время от времени пламя, раздуваемое ветром, полыхало, вверх взлетали искры и вдаль уносились клубы дыма. Иногда она видела обсидиановый заостренный наконечник копья, меч из рога, топор или железный кинжал. Лес за лагерем слабо шелестел: она слышала испуганные крики изиру, блуждающих вокруг в полутьме. Во рту у нее пересохло.

Главы прайдов стояли впереди. Многие из них были совсем молодыми, старики редко встречаются в пустыне. Ньяронго казался наиболее древним среди них. Он стоял с копьем в руке, приоткрыв рот, его щупальца дрожали, юбка развевалась на ветру.

Ван Рийн остановился перед ним. Джей заставила себя подойти поближе и встретила пристальный взгляд Ньяронго. Уулобу присел на корточки возле ее ног. Гомон, словно предвестник бури, прошел среди воинов.

Но ван Рийн невозмутимо ждал, пока наконец Ньяронго первым не нарушил молчание.

— Почему ты бросил вызов солнцу? Ведь до сих пор ни один небесный человек этого не делал!

Джей торопливо перевела. Ван Рийн оставался недвижим в своем скафандре.

— Скажите ему, — начал он, — что я прибыл сюда совсем недавно. Скажите ему, что небесные люди считают ненужным бросать вызов солнцу, но я не согласен с ними.

— Чего вы добиваетесь? — спросила она. — Малейшая ошибка может погубить нас!

— Верно. Но бездействие погубит нас наверняка, не так ли? — он похлопал ее по плечу. — Черт бы побрал эти перчатки! Без них было бы значительно приятнее. Во всяком случае, вы должны мне верить, Джей, Николас ван Рийн не стал бы таким старым и толстым, побывав на сотне планет, если бы не умел находить выход из любого положения. Верно? Поэтому переводите то, что я говорю, и произносите резко. Не оскорбляйте их, но говорите пожестче. Понятно?

Голос ее дрожал.

— Да. Сама не знаю почему, но я буду выполнять ваши указания. Если... — она преодолела страх и повернулась к ожидавшим ответа туземцам. — Этот небесный мужчина, — сказала она, — не из нашего народа, а из гораздо более могущественного, чем мой. Он велел мне сказать, что мы, небесный народ, не позволяем себе бросать вызов солнцу, а он осмеливается это сделать.

— Вы никогда не осмеливаетесь? — прервал ее кто-то. — Что это значит?

Джей пустилась в импровизацию.

— Яркое солнце не вредит нашим людям. Мы часто говорили об этом. Разве никто из вас не слышал этого?

Некоторое время все молчали, потом разукрашенный рубцами одноглазый патриарх неохотно сказал:

— Я слышал это в прошлом году, когда ты или кто-то из ваших лечил детей моего прайда.

— Теперь вы видите, что это правда, — заметила Джей.

Ван Рийн протянул руку и схватил ее за рукав.

— Эй, что происходит? Разговаривать должен я, а вы своими глупостями можете все испортить.

Она не позволила себе рассердиться и пересказала ему весь разговор. Он удивился и, извинившись, сказал:

— Прошу прощения, девочка. Вы все прекрасно проделали. Теперь я должен сказать речь. Вы будете переводить каждое слово, как только я его произнесу, хорошо?

Он наклонился вперед и, размахивая указательным пальцем перед самым носом Ньяронго, резко сказал:

— Ты спрашиваешь, почему я вышел под пылающее солнце? Чтобы показать вам, что я не боюсь его огня. Я плюнул на ваше солнце, и оно зашипело. Мое солнце может съесть ваше за завтраком и попросить добавки, черт возьми! Этот ваш маленький уголек дает слишком мало света, чтобы видеть, его не хватает даже на то, чтобы напугать ребенка моего народа!

Т'келанцы загомонили и придвинулись ближе, потрясая оружием. Ньяронго возмущенно ответил:

— Да, мы давно заметили, что ваш небесный народ почти слепой!

— Тебе приходилось стоять в свете фар наших машин? Ты ослеп при этом, верно? Ты не продержишься на Земле и минуты. Хлоп — и ты уже облако дыма!

В ответ Ньяронго сплюнул и сказал:

— А вы вынуждены закрываться от нашего воздуха!

— А вот осмелишься ли ты глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет? Видишь, вы слабее нас!

Молодой и высокий мужчина, видимо, глава прайда, вышел вперед. Его усы дрожали.

— Я посмею!

— Отлично! Я дам тебе его понюхать, — ван Рийн повернулся к Джей. — Помогите мне управиться с этим проклятым аппаратом для восстановления воздуха. Я не хочу, чтобы в мой шлем еще раз проник аммиак.

— Но... — она беспрекословно повиновалась, отвинчивая выпускной клапан аппарата, висевшего на спине ван Рийна.

— Направьте ему в лицо, — приказал он.

Вожди стояли неподвижно. Джей представила, какую боль предстоит испытать туземцу. Она никак не могла поднять шланг.

— Двигайтесь! — заорал ван Рийн. Она повиновалась, и земной воздух рванулся вперед.

Воин вскрикнул и зашатался. Он тер нос и слезящиеся глаза... Еще мгновение он держался, затем упал на руки окружающих... Джей закрыла клапан, ван Рийн сказал:

— Я так и знал. Слишком много кислорода и особенно водяных паров. Торианцы не выдерживают нашего воздуха, и я решил, что и эти парни не выдержат. Скажите им, что он скоро будет в порядке.

Джей передала его заверения. Ньяронго ответил:

— Я слышал об этом. Зачем вы показали парню, что дышите ядом?

— Чтобы доказать, что мы так же сильны, как и вы, — ответил ван Рийн. Джей перевела.

— Мы еще сильнее. Мы можем загнать вас в вашу конуру, как собак, если только захотим.

Его слова вызвали бурю. Вверх взлетело оружие. Ньяронго поднял руку, призывая к тишине. Все замолчали, слышались только отдельные возгласы да вздохи женщин, доносившиеся из темноты. Старый вождь с гордостью сказал:

— Я знаю, что вы владеете оружием, которого нет в нашем мире. Значит, вы обладаете знаниями, которых нам не хватает, и никто из нас никогда не скрывал этого. Но это не значит, что вы сильнее. Т'келанец силен уже потому, что у него имеется лук, который убивает на расстоянии. Мы — охотничий народ, а вы — нет, несмотря на ваше оружие.

— Передайте ему, — приказал ван Рийн, — что я голыми руками справлюсь с самым сильным их бойцом. Так как я должен носить этот костюм, который защищает меня от укусов, он может пользоваться оружием.

— Он убьет вас! — запротестовала Джей. Ван Рийн хитро посмотрел на нее.

— В таком случае я умру за самую прекрасную даму на этой планете, — его голос дрогнул. — Может быть, тогда вы пожалеете, что не были добры к бедному старику.

— Я не могу!

— Вы должны, черт возьми! — он схватил ее за руку так сильно, что она скривилась от боли. — Я знаю, что делаю!

Она передала вызов. Ван Рийн швырнул бластер к ногам Ньяронго.

— Если я проиграю, победитель возьмет его, — сказал он.

Дюжина воинов выступила вперед. Ньяронго проревел что-то, восстанавливая порядок. Он осмотрел всех претендентов по очереди и указал на одного из воинов.

— Это мой сын, Кусалу. Он будет защищать честь прайда и клана.

Т'келанец ростом был ниже ван Рийна, но почти так же широк. Могучие мускулы перекатывались под его шерстью. Он двинулся вперед, сверкая зубами, держа в одной руке томагавк, а в другой — кинжал. Остальные мужчины расступились, образовав широкий круг. Уулобу отвел Джей в сторону, его руки дрожали.

— Я мог сразиться с ним сам, — прошептал он.

Ван Рийн поворачивался, как огромная пантера, а Кусалу кружился вокруг него. Его обезьяньи руки свисали почти до земли. Огонь сквозь лицевую пластину высвечивал резкие черты лица ван Рийна.

— Не можешь... — поддразнил Кусалу ван Рийн.

Кусалу закричал и со страшной силой метнул томагавк. Левая рука ван Рийна среагировала с невообразимой скоростью. Он поймал оружие в воздухе и дернул его на себя. Шнур, который был привязан к томагавку, натянулся. Кусалу был вынужден податься к своему противнику, и ван Рийн бросился в атаку.

Кусалу увернулся и отпрыгнул в сторону, сверкнуло лезвие его кинжала. Ван Рийн перехватил его руку с кинжалом своей правой рукой, левой же вновь сильно потянул за шнур. Кусалу упал на одно колено. Ван Рийн завернул ему руку за спину. Все т'келанцы вскрикнули.

Кусалу вывернулся и разрубил шнур. Сплюнув, он что-то крикнул и снова пошел в атаку. Ван Рийн хитро ударил его ногой в живот, отдернув ногу прежде, чем Кусалу успел поймать ее, затем нанес т'келанцу удар куратэ по шее.

Кусалу зашатался, но удержался на ногах. Ван Рийн снова увернулся от удара кинжала. Он отступил. Кусалу мгновение стоял, выжидая, затем бросился вперед. Схватка завершилась внезапно — ван Рийн неожиданно пере-

бросил противника через плечо. Тот с грохотом упал. Ван Рийн ждал. У Кусалу оставался еще кинжал, он встал и стал приближаться к ван Рийну, из его ноздрей струилась кровь.

— О, моя дорогая! — пропел ван Рийн. Кусалу приготовился его ударить, но ван Рийн перехватил его руку, вывернул ее и нажал.

Кусалу закричал. Ван Рийн нажал сильнее и сказал:

— Проси пощады.

— Он скорее умрет! — взвизгнула Джей.

Ван Рийн вырвал нож из ослабевшей руки противника и отбросил в его в сторону. Удар кулаком в живот — и т'келанец зашатался. Торговец продолжал безжалостно наносить удары, пока тот не упал. Ван Рийн отошел в сторону. Джей с ужасом смотрела на него.

— Все в порядке, — успокоил он ее, — я же не сильно его побил.

Ньяронго помог сыну встать. Двое воинов увели его. Среди т'келанцев послышались причитания. Ничего подобного Джей раньше не приходилось слышать.

Ван Рийн и Ньяронго встали друг против друга. Вождь очень медленно заговорил:

— Ты доказал свою правоту, небесный мужчина. Для безземельного ты дерешься очень хорошо. И ты хорошо поступил, что не убил его.

Джей между всхлипываниями переводила с туземного. Ван Рийн ответил:

— Скажите, что я не убил юношу потому, что в этом не было нужды. Скажите, также, что я владею огромной территорией у себя, — он указал вверх, где на вечернем небе горели звезды. — Скажите ему, что мои охотничьи территории там, черт возьми!

Выслушав его, Ньяронго чуть ли не жалобно спросил:

— Но чего он хочет в нашей земле, какова его добыча здесь?

— Мы пришли помочь... — Джей остановилась и перевела вопрос ван Рийну.

— Ха! — сказал он злорадно. — Сейчас мы поговорим об индюках! — он присел на корточки у костра. Отцы

прайдов присоединились к нему, их сыновья подошли ближе. Уулобу радостно прошептал Джей:

— Они принимают нас как друзей!

— Я пришел не для того, чтобы грабить ваши земли и убивать вашу дичь, — елейным голосом сказал ван Рийн. — Нет, я хочу заняться делом, выгодным для обеих сторон. Ясно, что племена должны торговать друг с другом, они же не могут сами производить все необходимое.

— О да, конечно, — Джей села рядом с ним. — Их отношения с городом построены на принципе «услуга за услугу», я вам уже говорила это.

— В таком случае они поймут меня. Скажите им, что старики из города завидуют нам. Скажите, что они натравили шанга на наш лагерь. Говорите правду, ничего не приукрашивая.

— Что? Но я думала... считала... разве вы не хотите создать у них впечатление о нашем могуществе? Мы должны признаваться, что спасаемся бегством?

— Ну, скажите, мы совершаем... как это говорится в военных коммюнике... совершаем запланированный переход на заранее приготовленные позиции.

Джей повиновалась. Щупальца поднялись над головами туземцев, зрачки сузились, а руки потрясали оружием. Ньяронго с сомнением сказал:

— Вы хотите найти у нас убежище?

— Нет, — ответил ван Рийн, — скажите им, что мы пришли предупредить их, потому что если их уничтожат, мы не сможем заключить с ними выгодную сделку. Скажите им, что шанга захватили в купóле наше оружие и движутся сюда со своими дружественными кланами. На территорию Рокулэло.

Джей подумала, уж не ослышалась ли она.

— Но мы не... мы не... у нас не было другого оружия, кроме личного. А все личное оружие унесли при отступлении.

— Они что, знают об этом, эти туземцы?

— Но... разве они поверят вам?

— Моя хорошенькая блондиночка, даю вам слово, что они поверят.

Запинаясь, она выговорила эту ложь. Реакция была ужасной. Лагерь взорвался. Все забегали, потрясая копьями, зарыскали, словно волки. Один Ньяронго остался сидеть, но и у него шерсть встала дыбом.

— Это действительно так? — спросил он.

— А зачем иначе шанга нападать на нас с помощью Старейшин? — задал встречный вопрос ван Рийн.

— Вы очень хорошо знаете, зачем, — сказала ему Джей. — Старейшины могли подкупить их, сыграв на суеверии, и, возможно, пообещали им сделать ножи из нашего металла.

— Да, возможно, и так, но вы переводите старику только то, что сказал я. Переведите ему, что шанга напали на нас ради наших бластеров и что Старейшины снабдили их ножами и порохом. Скажите им, что седобородые на стороне орды шанга... как ее называют?

— Ягола.

— Да. Скажите им, что все кланы шанга движутся на запад и собираются согнать Рокулэло с их земель.

Ньяронго и все остальные, еще сохранявшие спокойствие, слушая Джей, похоже, не нуждались в дополнительных разъяснениях. Как она уже рассказывала ван Рийну, война не была в обычаях т'келанцев. Но им были знакомы стычки при переселении племен на новые охотничьи территории. А на умирающей планете такое случалось довольно часто. Когда территория орды становилась совершенно безжизненной, ее обитатели вынуждены были куда-нибудь переселяться или умирать с голоду.

— Шанга решили захватить как можно больше земель и при помощи украденного оружия повсюду установить свое господство.

— Я не думаю, что они такие страшные чудовища, — сказал Ньяронго.

— Это неправда, — по-английски выразила свой протест ван Рийну Джей. — На них нельзя клеветать так ужасно, что...

— Ну, ну, это обычная пропаганда... — ответил ван Рийн. — Предложите Ньяронго вместе с нами отправиться в Бусулонго, собрав подкрепления, и проверить, правда это или нет.

— Вы хотите, чтобы они вцепились друг другу в глотки? Я никогда не приму в этом участия! Я скорее умру...

— Послушайте, моя ласковая, еще никто пока не убит. Может, никто и не будет убит. Я все объясню позже. Но сейчас... Мы должны ковать железо, пока оно горячо. Они чрезвычайно возбуждены, так что давайте же примем решение о выступлении, — ван Рийн приложил руку к сердцу. — Вы думаете, что старый, страдающий одышкой, любящий комфорт, трусливый Николас ван Рийн хочет разжечь на планете войну? Неверно. Удобное кресло, стакан джина, венесуэльская сигара, тихая музыка на борту его яхты и мирное странствие в компании танцовщиц — вот и все, чего он хочет. Разве этого много? Поэтому будьте умницей и помогите мне.

4

В замешательстве она позволила ему делать все, что он задумал. В ту же ночь во все кланы орды Рокулэло отправились вестники.

Они выступили в темноте, еще до восхода солнца; в поход двинулись только мужчины: женщины и дети оставались в лагере. Все были закутаны в просторные накидки и бурнусы, бесами накрыли одеялами, чтобы защититься от ужасной чесотки, которая обычно охватывала т'келанцев в это время года. Большинство заряженных после вспышки частиц попадало на дневную сторону планеты, но магнитное поле планеты было достаточно сильным, чтобы перераспределить выпавшие частицы по всей планете, в том числе и на противоположную ее сторону.

Несмотря на добавочное снаряжение, отряд двигался довольно быстро. Выглядывая в окно машины, Джей видела тусклое свечение обеих лун, ползущие бесформенные тени и отблески на оружии. Сквозь гул двигателей она слышала, как туземцы окликали друг друга; доносился глухой топот подкованных копыт.

— Видите ли, — начал свою лекцию ван Рийн, — я в этом мире недавно, но мне приходилось бывать на многих

иных мирах и о множестве других мне приходилось читать в отчетах. Мое дело постоянно требует этого. Всегда можно отыскать какие-нибудь любопытные параллели. У меня собралось достаточно данных, чтобы понять образ мышления туземцев. Вы же, эсперсиане, похоже, не обладаете подобным опытом. Как и большинство других колоний, вы находитесь далеко от основных галактических путей и еще не научились разбираться во взаимоотношениях между племенами. Это видно хотя бы из того факта, что вы сразу же, по прибытии сюда, не предприняли психологических исследований. Никогда не поступайте так в будущем, Джей. Всегда сначала определите, с кем вы имеете дело. Вселенная слишком жестока.

— Вы, кажется, знаете, о чем говорите, Ник, — согласилась она. Он просиял и поднес к губам ее руку. Она что-то пробормотала о необходимости подогреть кофе и убежала.

Вернувшись из кухонного отсека, она села рядом с ним на переднее сиденье и попросила:

— Что ж, расскажите мне об образе их мышления. Как работает их мозг?

— Вы были уверены, что они подобны воинственным племенам прошлого, — начал он. — На первый взгляд так оно и кажется. Они разумны, обладают языком, помогают вам и могут с вами разговаривать. Вам показалось, что они вас легко понимают. Но вы забыли, что сознание является лишь небольшой частицей личности. Сознание помогает нам получать то, чего мы желаем. Но наши желания — это потребность в пище, убежище и семье. Все наши мотивы идут из глубины. Нет никакой логической причины для того, чтобы мы продолжали жить, а мы живем. Инстинкты возникли в результате длительной эволюции живых существ. Мы были когда-то животными и были очень долго, пока, наконец, не научились думать, — ван Рийн показал глазами вверх, — и не получили в подарок душу. Вы должны были сначала уяснить себе этапы эволюции, пройденные туземцами, чтобы понять... Люди, как говорили мне специалисты, начали эволюционировать, когда площади лесов сократились настолько, что древние обезьяны — наши предки — стали хищни-

ками. Они стали ходить прямо, на задних ногах, и у них освободились руки. Когтей и мощных зубов, например, как у львов, у них не было, и поэтому им пришлось изобретать оружие. Так возникли мы, Хомо Сапиенс, с нашими хищными инстинктами. Но они у нас довольно поверхностны, мы по-прежнему всеядны и можем выжить, если понадобится, питаясь одной брюссельской капустой. Наши предки некогда были мирными поедателями орехов, задолго до того как со временем стали охотниками. Это до сих пор оказывает воздействие на нашу психику. В отличии от людей т'келанцы всегда были хищниками. Очевидно, не очень сильными. У них нет мощных когтей и зубов, у них они, пожалуй, даже слабее, чем у людей. Поэтому в ходе эволюции у них тоже сформировались руки и выработалось умение изготовлять оружие, а это привело к возникновению разума. Однако у них никогда не было вегатарианских предков, как у нас, и их инстинкт убийства гораздо сильнее, чем у нас. К тому же они, в сущности, не являются общественными существами. Хищники не могут ими стать. Если в какой-нибудь местности появляется слишком много хищников, дичь исчезает, черт возьми! Кофе готов?

— Наверное, — Джей сходила за кофе.

Ван Рийн выпил его, не обращая внимания на то, что кофе был очень горячим, горячим настолько, что любой другой человек обжег бы гортань.

— Я начинаю понимать, — сказала Джей с растущим воодушевлением. — Поэтому у них и не сформировались нации, и они не вели войн между собой. Крупные организации для них всегда были противоестественны. и необязательны. Бороться и умирать за орду для т'келанцев все равно, что человеку умереть... за карточный клуб.

— Гм-м, я не раз наблюдал убийства за карточным столом. Но вы уловили основную мысль. Прайд совершенно естественен здесь, как для человека обычная семья. Клан, с его кровными узами, — лишь одна ступенька удаления. Он возбуждает т'келанцев, вероятно, в такой же степени, как человека — его страна. Но орды? Нет, орды демонстрируют все неудобства крупной организации. Конечно, клан или прайд — это еще не государство. Люди

тоже устраивают между собой гражданские войны и семейные скандалы. У т'келанцев сильнее развиты инстинкты борьбы, чем у нас. Здесь хватает схваток, но никто не воспринимает их слишком серьезно. Вы говорили мне, что здесь нет кровной мести. Это означает, что тот, кто убивает других, не совершает ничего дурного. В сущности тот, кто убивает, — настоящий мужчина, а тот, кто не убивает и не сражается, кажется им ненормальным.

— Именно поэтому... они не воодушевились нашими планами? Планами эсперсианской миссии?

— Отчасти. Дело не в том, что от вас они ожидали опасности. Вы никого не обидели и были даже полезны, поэтому никто не беспокоился. Право, они не в состоянии понять ваше поведение. Они считают, что в вас есть что-то ненормальное, и испытывали к вам легкое презрение. Я же доказал, что я силен так же, как они, если не сильнее. Это импонирует их инстинктам. Тем самым я заставил их отнестись ко мне с уважением и выслушать меня.

Ван Рийн отставил пустую чашку и взял трубку.

— Еще одно обстоятельство, которое вы упустили из виду. Это территория, — сказал он. — Многие животные на Земле обладают инстинктом защищать занимаемый ими участок. И люди тоже. Но у хищников этот инстинкт гораздо сильнее выражен, потому что они не могут прокормиться на ягодах и кореньях. Их жизнь зависит от добычи. Изгнанные со своей территории, они неминуемо погибнут. Вы же видели, что туземцы, которые не смогли удержать свою территорию, шли к вам, а не искали других земель. Поэтому вы и выступили с проповедью, что вам не нужна земля. Ха! Они восприняли это как ложь — может, именно в этом и была причина нападения шанга? — или как проявление ненормальной слабости.

— Но разве они не поняли? — спросила Джей. — Неужели они посчитали, что мы, даже внешне отличающиеся от них, будем действовать так же, как и они?

— Я думаю, что цивилизованные т'келанцы поняли бы это, — ответил ван Рийн. — Однако вы имели дело с наивными варварами.

— За исключением Старейшин. Я уверена, что они поняли...

— Может быть, это и так. Вполне возможно. Но вы же стали для них смертельной угрозой. Разве вы этого не видите? Они были летописцами, врачами, высококвалифицированными ремесленниками, специалистами по солнцу в течение многих веков. Вы пришли и стали делать то же самое, что и они, только гораздо лучше. Что же вы от них ожидали?! Что они станут целовать ваши ноги? Вы забыли, что они — хищники! И они начали борьбу.

— Но мы не собирались подменять их!

— Вспомните, — сказал ван Рийн, тыча в нее трубкой, — разум — это всего лишь жалкий слуга инстинкта. Старейшины здесь слабее всех. Они могут удерживаться лишь в одном месте, за стенами. Они не охотятся, поэтому не нуждаются в тысячах квадратных километров. Но это вовсе не значит, что у них отсутствует инстинкт территории. Ха! Они увидели только одно: Бусулонго — их территория, и вы хотите выселить их с нее!

Джей сидела, ошеломленно глядя в ночное небо. Прошло немало времени, прежде чем она смогла возразить.

— Но мы же объяснили им, и я уверена, что они поняли. Мы растолковали им, что их планета без нашей помощи погибнет!

— Да, да. Но прирожденный боец боится смерти меньше, чем другие существа. К тому же смерть ожидает планету через много тысячелетий. Это для них слишком долгий срок, чтобы пробудить какие-то эмоции. Зато угроза, которую представляли для них вы, оказалась вполне реальной. И вся ваша болтовня о взаимопомощи планет для них ничего не значит. Думаю даже, что они не просто не поняли. Хищники практически не объединяются, разве что в самом юном возрасте. Для них взаимопомощь не имеет реального смысла, так как у них нет соответствующего инстинкта. Орды ни в коем случае не являются нациями. Альтруизм остается за пределами их умственного горизонта. Ваш альтруизм только заставил их относиться к вам с подозрением. Старейшины в какой-то степени, возможно, поняли ваши мотивы, но ни в коей мере не разделили их. Вы никогда не сможете организовать этих туземцев, уж скорее вы построите карусель на кольцах Сатурна.

— А вы организовали для них войну! — в гневе воскликнула Джей.

— Нет. Я только дал им общую цель. Они поверили в то, что я им сказал об оружии в куполе. При их образе мыслей это казалось самым естественным, самым правдоподобным. Конечно, у нас было оружие — оно есть у всех людей. Конечно, вы использовали бы его при необходимости — все бы так поступили. Следовательно, у вас такой возможности не было — шанга захватили купол слишком быстро. В результате этого Ягола организовали заговор против Рокулэло, и это тоже вполне соответствует их образу мыслей.

— Но к чему вы их сейчас принуждаете? — она больше не могла удерживать слез. — Штурмовать горы? Они ничего не смогут сделать без Старейшин!

— Смогут, если Старейшин заменят люди.

— Но... но... нет, мы не можем... мы не должны...

— Может, и не придется, — сказал торговец. — Посмотрим. Ну, ну, не расстраивайтесь. Сейчас Ники вытрет вам глаза...

Она положила голову ему на руки и разрыдалась.

5

Гора Бусулонго, как сказочное чудовище, постепенно вырастала над равниной. Утес громоздился на утес, между ними были видны осыпи, покрытые ледниками, которые тянулись вплоть до пиков, вырисовывавшихся на фоне солнечного диска. Джей никогда раньше не ощущала так сильно холода и мрака этого мира. Она ехала по тропе, ведущей в город, на однорогом животном, укутанном одеялами, чтобы предохранить его от тепла человеческого тела, проникавшего даже сквозь костюм. Порывы ветра, свистевшего между скалами, били, словно кулаком, и развевали знамя, которое вез на конце копья ехавший впереди Уулобу. Оглядываясь назад, она видела уходящую вниз тропу, а на ней — Ньяронго и с полдюжины других воинов, которым разрешили ехать рядом с отрядом. Плащи

их развевались по ветру, копья поднимались и опускались в такт прыжкам животных, цвет их шерсти был неразличим в сумерках, но ей казалось, что она видит жесткие выражения их лиц. Далеко внизу, у подножия горы, осталось их войско — пятьсот вооруженных и разгневанных воинов Рокулэло. Но сейчас они были скрыты пылью. И если она погибнет наверху, они смогут только отомстить за нее, а этого она не хотела.

Она вздрогнула и направила своего бесами к соседнему животному, которое пыхтело и ворочалось под тяжестью ван Рийна. Их колени соприкоснулись.

— Наконец-то у меня есть компания, — сказала она, понимая всю нелепость своего замечания. Но ей хотелось что-нибудь сказать, чтобы перекричать ветер. — Слава Богу, вспышка окончилась быстро.

— Да, мы успели вовремя, — ответил торговец. — Всего лишь три дня потребовалось на дорогу от Лубамбару до Бусулонго — мы движемся гораздо быстрее, чем я ожидал, и к тому же мы собрали немало союзников.

Она печально оглянулась назад. Всю дорогу ван Рийн развлекал ее и преуспел в этом больше, чем она ожидала. Но вот они прибыли. Шанга отступили в горы, преследуемые Рокулэло. Атакующие остановились, не желая встречаться с артиллерией Старейшин. Договорились о переговорах, но она не представляла себе другого исхода, кроме кровопролития. Старейшины могут отпустить их группу назад, как и обещали, могут и не отпустить, но в любом случае ей казалось, что до рассвета множество воинов превратятся в падаль.

«Да, — вынуждена была признать она себе, — теперь я боюсь возвращения на Эсперсу! Что ждет меня там, если я вернусь живой? Десять лет исправительного заключения! За развязывания войны!.. Или я убегу с Ники и больше никогда не увижу дома, никогда... никогда... Но заставить этих молодых охотников умирать!..»

Она натянула стремена, подсознательно желая сорваться с тропы в пропасть. Ван Рийн поймал ее за плечо.

— Спокойно, — проворчал он. — Нам нужно перехитрить тех, кто наверху. Это будет чрезвычайно сложнее, гораздо труднее, чем управиться с этими варварами.

— А мы сумеем? — спросила она. — Они в силах отразить любое нападение. У них имеются большие запасы. Я уверена, что они могут выдержать дольше, чем мы...

— Если мы заблокируем их на месяц, этого будет достаточно. Затем прилетит корабль Лиги.

— Но они тоже могут послать за помощью. Используя для этого гелиографы.

И она указала на одну из решетчатых башен вверху. Ее зеркала тускло сверкали в красном свете солнца. Только т'келанец мог различить другие зеркала, разбросанные в разных направлениях по равнинам и холмам.

— Или между нашими линиями проскочит гонец, — добавила Джейн, — наши линии настолько тонки, что через них способна проскочить вся орда Ягола.

— Может, да, а может, и нет. Посмотрим. А теперь не мешайте и дайте мне подумать.

Они ехали дальше в молчании, нарушаемом только свистом ветра. Через час они подъехали к стене, сооруженной поперек тропы. Непроходимые скалы из логрита возвышались с обеих сторон. Вход охраняли два примитивных орудия. А возле них стояли четыре солдата из гарнизона с зажженными фитилями. Стражники в кожаных шлемах и нагрудниках, вооруженные пиками и луками, патрулировали стены. В сумерках поблескивало оружие.

Уулобу, самоуверенный, благодаря уважению, завоеванному им среди воинов, выехал вперед.

— Дайте дорогу могущественному небесному народу, который снизошел до беседы с вашими патриархами! — потребовал он.

— Пф! — фыркнул командир отряда. — Известно, что небесные люди храбростью напоминают выпотрошенных янгулу!

— Нет, они обладают мужеством разгневанного маковеле, — сказал Уулобу. Он провел пальцем по лезвию своего кинжала. — Если тебе нужны доказательства, вспомни, кто задержал Старейшин в горах?!

Воин издал возбужденный возглас, но потом, овладев собой, сказал:

— Вы можете пройти и будете в безопасности, пока мир между нами не нарушится.

— Не вздумай тут трепаться, — резко сказал ван Рийн. — Мы проедем и возьмемся за этих пугал, пошлем их, куда они заслужили.

Джей не решилась прервать его. У Ники много хороших качеств, если бы он еще избавился от своей вульгарности! Но у него, у бедняги, была нелегкая жизнь. Никто не протянул ему руку дружбы...

Ван Рийн проехал по тропе между пушками и стал подниматься дальше вверх.

Тропа вышла на широкую террасу перед городской стеной. Из бойниц выглядывали дула пушек. Два взвода солдат демонстрировали дисциплину и выдержку, ранее не встречавшиеся им в ордах. Глаза Джей отметили три фигуры у входа. Они были одеты в просторные белые балахоны, а шерсть их поседела от возраста. Они высокомерно смотрели на прибывших.

Она поколебалась.

— Это писцы, — сказала она.

— Никаких разговоров с секретарями и служащими, — сказал ван Рийн. — Будем говорить только с боссами.

Джей облизала губы и сказала:

— Глава небесного народа требует немедленных переговоров.

— Он их получит, — сказал один из Старейшин без выражения, — но вы должны оставить здесь свое оружие.

Ньяронго оскалил зубы.

— Ничего не поделаешь, — напомнила ему Джей. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что по закону Отцов никто, кроме Старейшин и воинов, рожденных в городе, не может пройти через эти ворота с оружием, — и ее кобура, так же, как и кобура ван Рийна, опустела.

Она видела, насколько тяжело разоружение дается Рокулэло, и вспомнила, что говорил ей ван Рийн об инстинкте. Разоружение для т'келанцев — это символическая кастрация. Со смелым выражением лица они побросали оружие, спешились и с напряженными спинами прошли в ворота вслед за ван Рийном. Джей заметила, как у них сверкали глаза — словно у пойманных зверей, когда они проходили через ворота.

Город Бусулонго поднимался каменными прямоугольными террасами, черными и громоздкими, над сторожевыми башнями. Улицы были узки и запутаны, полны звона кузнечных молотов и ветра. Обитатели города сторонились варваров и подбирали свои одежды, как бы опасаясь к ним прикоснуться. Три сопровождающих их члена Совета не проронили ни слова; молчание становилось все напряженнее по мере того, как они углублялись в город. Джей с трудом сдерживалась, чтобы не закричать.

В центре города возвышалось прямоугольное здание высотой метров в двадцать: без окон, с вентиляционными отверстиями и единственной дверью. Стражники у входа со свистом обнажили свои мечи и взмахнули ими в знак приветствия, когда члены Совета входили в здание. Джей услышала позади себя приглушенные возгласы. Рокулэло следовали за людьми, и она подумала, что от них будет мало проку. Освещенная факелами пещера в конце коридора была специально предназначена для того, чтобы поражать воображение охотников с равнины.

На семиугольном помосте сидели шесть одетых в белое стариков. Стена за ними была покрыта мозаикой, яркой даже в полутьме, с изображением вспыхнувшего солнца. Дыхание Ньяронго тяжело вырывалось сквозь стиснутые зубы. Он вспомнил о могущественной власти Старейшин.

«Правда, — подумала Джей, — он должен вспомнить, что люди совершают чудеса не хуже, но представления, сформировавшиеся в течение многих поколений, не так-то легко поколебать».

Их проводники сели. Вновь прибывшие остались стоять. Молчание становилось все напряженнее, Джей несколько раз сглотнула и произнесла:

— Я говорю от имени Николаса ван Рийна, патриарха небесного народа, который объединился с кланом Рокулэло. Мы пришли требовать правосудия.

— Правосудие здесь, — ответил высокий худой туземец в центре помоста. — Я Акуло, сын Блубо, глава Совета, говорю от имени города Бусулонго. Почему вы подняли на нас копье?

— Ха! — хмыкнул ван Рийн, когда ему перевели вопрос. — Спросите этого старого гиппопотама, почему они первыми затеяли эту заваруху?

— Вы лицемерите, — сказала Джей.

— Я говорю то, что думаю. Переводите. Я очень хорошо знаю, почему они так сделали, но послушаем, как они будут выкручиваться.

Джей перевела вопрос. Ноздри Акуло раздулись, он пробормотал:

— Странно. Старейшины никогда не ввязывались в ссоры на равнине. Когда вы напали на шанга, мы дали им убежище, но таков старый обычай. Мы с радостью выслушаем ваш спор и вынесем решение, но в борьбе участвовать не будем.

Джей опередила ван Рийна, с возмущением выпалив:

— Они взорвали наши стены! Кто, кроме вас, мог снабдить их порохом?

— Ах, да, — Акуло дернул себя за усы. — Я понял тебя, небесная женщина. Все произошло совершенно естественно. С разрешения Совета мы задолго до вашего прибытия сюда продавали порох для волшебства и праздников. Шанга купили у нас много пороха. Мы не спрашиваем, зачем он им. Его-то они и могли использовать против вас.

— Что он говорит? — неторопливо спросил ван Рийн. Джей объяснила. Тут выступил Ньяронго — требовалась известная смелость, чтобы возразить старейшинам.

— Несомненно, отцы клана Шанга поддержат вашу сказку! Ложь — скромная плата за оружие, подобное вашему!

— О каком оружии ты говоришь? — прервал его советник.

— Арсенал небесного народа, который шанга захватили, чтобы обратить его против моей орды, — выкрикнул Ньяронго. Его рот скривился. — Это тоже не касается бескорыстных Старейшин?!

— Но... Нет! — Акуло наклонился вперед, и голос его уже не был таким ровным, как раньше. — Правда в том, что город Бусулонго не делал ничего для организованного нападения на лагерь небесного народа. Небесный народ

слаб и беспомощен — это законная добыча. К тому же они явились причиной смуты между кланами, нарушив законы Отцов...

— Законы, благодаря которым разжирел город Бусулонго? — прервала его Джей.

Акуло хмуро глянул на нее, но продолжал, обращаясь к Ньяронго:

— Благодаря совершенному нападению, шанга получили большой запас металла. У них будет много хороших ножей. Но это не настолько увеличило их силы, чтобы они могли вторгнуться в чужие земли, если их не будет подгонять отчаянье, страх и голод. Мы здесь, в горах, думали об этом и не хотим, чтобы это случилось. Забота старейшин заключается в том, чтобы сохранить существующее равновесие. Небольшое количество металла, попавшее в руки шанга, не нарушило его. У небесного народа никто не видел оружия, кроме того, что они носили с собой. Они забрали его, когда убежали. У них в куполе не было никакого арсенала. Ваш страх ни на чем не основан, Рокулэло.

Джей перевела его речь ван Рийну почти дословно. Он кивнул.

— Отлично. А теперь скажите им то, что я велел.

«Я зашла слишком далеко, чтобы отступать!» — с отчаянием подумала она.

— Но у нас было резервное оружие, — выпалила она. — Много оружия, сотни штук. Только мы не успели им воспользоваться, так как нападение было слишком внезапным.

Воцарилась тишина. Члены Совета с ужасом уставились на нее. Пламя факелов дрогнуло, и тени забегали по стенам. Вожди Рокулэло следили за происходящим с огромным удовольствием, самоуверенность отчасти вернулась к ним.

Наконец Акуло, заикаясь, проговорил:

— Но вы говорили... я однажды сам спрашивал, но вы сказали, что у вас лишь несколько...

— Естественно, — ответила Джей. — Мы хотели сохранить наше оружие в тайне.

— Шанга никому не говорили об этом.

— А чего вы от них ожидали? — Джей немного подождала, чтобы до всех дошло, и продолжала: — Вы не найдете тайник, даже если обшарите весь оазис. Они сейчас не встретили наше нападение огнем, значит, оружие находится далеко отсюда. Вероятно, они спрятали его в земле Ягола, чтобы использовать позже.

— Мы проверим это, — сказал другой Старейшина. — Стража!

Появился часовой.

— Приведи представителя наших гостей.

Джей передала ван Рийну смысл происходящего, пока они ждали.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Но сейчас начнется самое щекотливое дело, а это будет гораздо менее приятно, чем щекотать вас.

— Вы невозможны! — ответила она, покраснев.

— Нет, всего лишь невероятен... А вот и они.

Высокий т'келанец в одежде шанга вошел в комнату. Он скрестил руки и взглянул на Рокулэло.

— Это Масету, сын Бтузи, — представил его Акуло, наклонившись вперед. Он был напряжен, как и остальные его коллеги. — Небесный народ сообщил нам, что вы захватили в лагере много ужасного оружия. Это правда?

Масету вытаращил глаза.

— Конечно же, нет! Там не было ничего, кроме пустого пистолета, который я показал тебе, когда ты спустился к нам на рассвете!

— Значит, Старейшины на самом деле заключили союз с шанга! — выкрикнул т'келанец из отряда ван Рийна.

Немного сбитый с толку, Акуло собрался с силами и сказал резко:

— Ладно. В конце концов, зачем отрицать очевидное?! Город Бусулонго заботится о счастье всего мира, в том числе и о вашем. Но эти лукавые чужеземцы стали разрушать наши старые обычаи. Разве не они склонили вас напасть на другую орду?! Какая же у них была причина путешествовать в ваших землях? Чего они еще хотели? Да, Совет предложил шанга уничтожить их лагерь и изгнать с нашей земли.

Хотя биение сердца, казалось, заглушало ее слова, Джей передала все ван Рийну, и тот сказал, сурово сжав губы:

— Итак, они признали это перед нами! У них наготове история, способная обмануть землян, чтобы они никогда не возвращались на эту планету. «Они не собираются отпускать нас живыми, иначе никто не поверит их сказке», — подумал ван Рийн вслух. Но он не сказал Джей ни слова для передачи туземцам.

Акуло обратился к Масету.

— Итак, вы утверждаете, что небесный народ лжет и вы не нашли никакого арсенала?

— Да, — Масету обменялся взглядом с Ньяронго. — Ваш народ беспокоится, чтобы мы не направили это оружие для захвата ваших пастбищ? Вам нечего бояться. Идите с миром и дайте нам покончить с чужеземцами.

— Мы ничего не боимся, — ответил Ньяронго. Тем не менее в его взгляде появилось сомнение.

Старейшины нетерпеливо зашевелились на помосте.

— Достаточно, — сказал Акуло. — Мы видим, какое смятение приносит в наш мир небесный народ. Вызвать стражу! Пусть их убьют. Да будет мир между Шанга и Рокулэло. Все разойдутся по домам, и на этом дело завершится.

Джей закончила перевод одновременно с окончанием речи Акуло.

— Ботулизм и бюрократы! — взорвался ван Рийн. — Не так быстро! — он засунул руку под резервуар на спине и извлек бластер. — Всем оставаться на своих местах!

Ни один т'келанец не шевельнулся, хотя между ними пробежал ропот. Ван Рийн прислонился спиной к стене и взял под наблюдение дверь.

— Теперь мы поговорим по-дружески.

— Закон нарушен! — выкрикнул Акуло.

— Но и вы нарушили закон, подготавливая нападение шанги на нас, — ответила Джей. Она чувствовала облегчение. Не то чтобы бластер решил все проблемы. Но теперь они не убьют их так просто.

— Спокойнее! — пробасил ван Рийн.

Эхо отразилось от каменных стен. В помещение вбежало несколько человек. Увидев в руках ван Рийна бластер, они застыли на месте.

— Входите, присоединяйтесь к остальным, — пригласил их ван Рийн. — У меня хватит зарядов на всех.

— Ну вот, сейчас как раз настало время поговорить, — сказал он Джей. — На что годятся ваши мозги? Скажите им, что Николас ван Рийн произнесет речь. Потом дайте мне знак, чтобы я начал.

Она передала им сказанное. Толпа воинов слегка расслабилась. Акуло, Ньяронго и Масету кивнули одновременно.

— Послушаем, — сказал Старейшина. — Сразиться мы всегда успеем.

— Хорошо, — гигантская фигура ван Рийна шагнула вперед. Он ораторским жестом обвел вокруг стволом бластера. — Во-первых, вы должны узнать, что я организовал весь этот шум для того, чтобы можно было с вами поговорить. Если бы я пришел сюда один, вы забросали бы меня камнями, и никому из нас это не принесло бы пользы. Следовательно, я должен был прийти сюда в сопровождении воинов. Пусть Ньяронго подтвердит, что, если понадобится, я могу сражаться, как разгневанный кредитор. Но, может быть, в этом и нет нужды?

Джей предложение за предложением переводила его речь, затем подождала, пока глава клана Гангу подтвердил, что люди — сильные бойцы. Ван Рийн воспользовался общим изумлением, чтобы начать словесное наступление на аборигенов.

— Теперь обдумайте сложившееся положение. Допустим, шанга лгут, а на самом деле они овладели арсеналом оружия. Тогда они приобретут такую силу, что даже город будет зависеть от них, вместо того, чтобы быть первыми среди равных, как было раньше. Нет? Чтобы предотвратить это, необходимо соглашение между Старейшинами, Рокулэло и нами, людьми, которые смогут использовать еще более мощное оружие и остановить Яголо, когда прибудет наш спасательный корабль.

— Но у нас же нет такой добычи, — настаивал Масету.

— Так ты говоришь, — сказала Джей, которая начала понимать замысел ван Рийна, — что такой добычи у вас

нет. Ну, Старейшины и Рокулэло, рискнете ли вы поверить ему на слово?

На помосте воцарилось молчание.

Ван Рийн продолжал:

— Теперь предположим, что лгу я и никакого оружия в куполе не было. Тогда Старейшины и Шанга должны будут действовать совместно. Люди с корабля, который прилетит с моей территории, а моя территория — все небо, полное звезд, — этим людям они должны будут рассказать какую-нибудь выдумку о том, почему купол разрушен. Все, кроме меня и этой хорошенькой куколки, благополучно спаслись, поэтому все равно станет известно, что напали шанга. Мой народ разгневается, что упущена прибыль, ради которой мы много лет трудились. Они обвинят Старейшин в том, что те использовали шанга для нападения, и, может быть, разнесут на кусочки всю эту гору. Но, может, шанга поклянутся, что Старейшины здесь ни при чем и оправдают их. Верно? Тогда на протяжении многих лет шанга, а благодаря им и Яголо, будут связаны с городом Бусулонго. И они, конечно, станут оправдывать Старейшин отнюдь не бескорыстно. Как вы думаете, Рокулэло, как к вам тогда станут относиться Старейшины? Насколько они будут беспристрастны? Ведь шанга станут шантажировать их. Вам необходимы люди, чтобы поддерживать равновесие!

Уулобу щелкнул зубами и крикнул:

— Это правда!

Но Джей следила за Ньяронго. Вождь медлил, обмениваясь взглядами с вождями остальных прайдов. А потом сказал:

— Да, так может случиться. Никто не хочет оказаться обманутым. И надо смотреть в будущее. Могут наступить плохие времена для Яголо. Тогда они двинутся в другие земли... и единственной ошибки в предсказании вспышки солнца будет достаточно, чтобы ослабить нас и подготовить Яголо к вторжению.

Вновь наступило молчание. Джей слышала треск факелов и гул ветра за дверью. Акуло, не двигаясь, смотрел на ствол бластера ван Рийна. Наконец он произнес:

— Ты сеешь раздоры с великим искусством, чужеземец. Ты надеешься, что мы отпустим такого опасного

человека, как ты, а также этих отцов прайдов, ставших твоими союзниками, живыми?

— Да, — с помощью Джей ответил ван Рийн убежденно, — потому что я не сею раздоры, а лишь доказываю, что вы не можете верить друг другу и нуждаетесь в людях, чтобы поддерживать порядок. Ибо, видите ли, когда люди, заинтересованные в мире, с их мощным оружием окажутся здесь, Яголо с их несколькими пистолетами ничего не смогут сделать. Или, если они говорят правду и не имеют оружия, все равно у вас нет причин объединяться с ними, если люди вернутся с миром и не будут требовать мести за разрушенный купол. В любом случае с приходом людей восстановится равновесие между городом и ордами. Что и требовалось доказать.

— Но почему небесный народ так стремится закрепиться здесь? — спросил Акуло. — Вы хотите выполнять функции города Бусулонго? Но вначале вам придется истребить нас всех до единого здесь, в горах!

— В этом нет необходимости, — сказал ван Рийн. — Мы получаем прибыль совсем другим путем. Я расспрашивал эту леди по дороге сюда, и она многое мне объяснила. А теперь я хочу рассказать вам... Гм-м... Джей, сейчас ваша очередь, я не знаю, как вам удастся это объяснить, они ведь не знают биохимии.

— Вы хотите сказать... Ник, неужели вы нашли выход?!

— Да, да, да, — он потер руки. — Мне пришлось порядком поразмышлять. Итак: моя компания берет на себя операцию на Т'Кела. Вы, эсперсиане, поможете нам на первом этапе, а затем можете тратить свои деньги на какой-нибудь другой планете. А Николас ван Рийн будет извлекать деньги отсюда.

— Но как же?

— Я вам говорил, что мне нужно вино кунгу. К тому же, мне кажется, здесь можно организовать неплохую торговлю шерстью, и все кланы будут доставлять мне эти товары. А я буду продавать им аммиак и нитраты с тех планет, где имеется азот, в обмен на местные товары. Они будут нуждаться в нас для улучшения своей почвы. Им потребуются бактерии, чтобы получать связанный азот. Вы пока-

жете им, как это делается. А затем им понадобится много аммиака и нитратов. Конечно, у них будут образовываться излишки товаров, на которые они смогут покупать различные приспособления, особенно оружие. Ни одно существо с охотничьим инстинктом не устоит перед возможностью купить оружие, для этого они согласятся на то, чтобы временно стать фермерами и... И по мере того как моя фактория будет продавать им инструменты, машины, вещества, они станут все более и более цивилизованными, как вы этого хотели. И вот на всем этом «Солнечная компания пряностей и напитков» здорово погреет руки.

— Но мы пришли сюда не для того, чтобы эксплуатировать их!

Ван Рийн хихикнул, покрутил усы и, щелкнув по лицевой стороне плаща, сделал гримасу и сказал:

— Может быть, вы, эсперсиане, и не захотите, зато я собираюсь их эксплуатировать. И они поймут меня, эти кланы, разве вы не видите? Благотворительность находится вне их понимания, зато выгоду они понимают очень хорошо, и они еще будут радоваться, что надули нас на ценах за вино. Не будет больше не неприязни, не подозрительности к людям, поскольку люди придут сюда зарабатывать деньги. Понятно?

Она ошеломленно кивнула. На Эсперсе они никогда не рассуждали подобным образом. Община всегда смотрела на Лигу с высокомерием — сверху вниз. Но люди в ней вовсе не были фанатиками, и если это единственная возможность реализовать замысел, то тогда...

— А Старейшины, — заметила она, — как вы расположите их к себе? Введение такого количества новых элементов изменит всю местную политику и жизнь.

— О, я подумал и над этим. Нам понадобится множество туземных агентов и чиновников, проверенных парней, которые будут вести записи, расширять нашу торговлю, распространяя ее на новые территории. Для этого потребуется много молодых Старейшин... Ох и глупое название... Что касается остальных Старейшин, то мы даже можем поддержать престиж города. Вспомните, что здесь потребуется разрабатывать нефтяные залежи, строить электролизные фабрики. Фабрики будут производить водород, а

сжигание нефти даст электричество. Я построю здесь заводы, научу старейшин управлять ими и затем продам им на условиях долговременной выплаты. Эта перспектива должна вполне их удовлетворить... — он задумчиво уставился в темный угол. — Гм-м... как вы думаете, стоит ли брать с них двенадцать процентов или остановиться на пятнадцати?

Джей несколько раз вздохнула и начала подыскивать слова на языке города Бусулонго.

6

Перед заходом солнца они спустились с горы. Позади слышались приветственные возгласы, впереди дружественно мерцали костры лагеря. Местность казалась намного приветливее, чем утром. Была какая-то особенная прелесть в этих ночных равнинах, по которым бродят свободные кочевники. Те несколько недель, которые им придется ждать прибытия корабля, похоже, будут не так уже неприятны, скорее, наоборот, они могут оказаться чересчур веселыми.

— Другое преимущество, — говорил ван Рийн Джей, — это то, что работа, приносящая прибыль, имеет гарантию того, что она будет длиться долго. Очень долго. Вы считаете, что ваше правительство осуществит свой замысел? Ба! Правительство — это подонки. Любое изменение настроения, идеологии и — пуф! Кончится ваш проект. Но когда в дело замешана прибыль, положение стабилизируется. Политики приходят и уходят, а личность остается.

— О, нет! Этого не может быть, — возразила она.

— Что ж, у нас будет достаточно времени в машине, чтобы обсудить и то и другое, — сказал ван Рийн, — я думаю, что можно будет попробовать получить алкоголь из кунгу. Мы подмешаем его к фруктовым джюсам и будем пить вино, достойное человека, черт возьми!

— Я... не могу... Ники, ведь мы останемся вдвоем...

— Вы еще слишком юны. Вы хотите сказать, что бедный старик может показать вам, что такое молодость?

— ван Рийн бросил на нее хитрый взгляд. — О'кей, попробую.

Джей, вспыхнув, отвернулась. «Придется мне быть начеку до прибытия корабля», — подумала она.

Впрочем можно и немного расслабиться, в конце концов, он действительно интересная личность...

Часть третья
РАЗГАДКА

«Арго» грандиозный вновь волны сечет,
В трюме заслуженный приз унося.
Новый Орфей вновь песни поет,
В которых и смерть, и любовь, и печаль.
И Улисс новый бросает вновь
Калипсо ради родных берегов.

Перси Биши Шелли

Некогда жил король, возгордившийся перед иноземными торговцами. Теперь уже неважно, что он там сделал: это было так давно и на другой планете, и, кроме того, дедушки уже много лет нет в живых. Гарри Стенвик и я подвесили короля за штаны на высочайшем минарете на виду у всего народа, и имя Галасоциотехнической Лиги было прославлено на той земле. Затем мы совершили набег на склад Компании Пряностей и Напитков и там поклялись в вечном братстве.

Находятся такие, кто заявляет, что у Николаса ван Рийна имеется криогенный компьютер, обслуживаемый техниками, который ему заменяет сердце. Может быть, это и так. Но он никогда не забывает хороших работников. И я не могу отыскать иной причины, по которой он пригласил меня на обед; кроме того, должен был прийти Гарри, и вряд ли у нас был шанс когда-нибудь увидеться еще.

Флиттер высадил меня на вершине Крылатого Креста, где находится, как утверждает ван Рийн, его маленький скромный домик. Облака летней пыли скрывали здания, протянувшиеся до самого горизонта. Чикаго уже зажег свои бесчисленные огни. Я находился очень высоко, и поэтому до моих ушей доносился лишь отдаленный шум машин. Мимо кустов роз и жасмина я прошел к двери.

Когда дверной робот удостоверил мою личность и открыл дверь, я обнаружил за ней Гарри. Мы сердечно обнялись.

Потом некоторое время разглядывали друг друга.

— Ты не очень сильно изменился, — солгал он. — Все такой же хилый и неприятный, как и раньше. Метановая атмосфера беспокоит?

— Там, где я был в последний раз, дышат аммиаком, — поправил я его. — Опять длительные переходы без ночевок, случайные пули и бесконечная торговля по мелочам. Ты тоже выглядишь отвратительно — лоснящимся и самодовольным. Как Сигрид?

Как и большинство мужчин, Гарри в конце концов начал семейную жизнь. У него она сложилась удачно, он построил дом на скалах под Хардингер-фиордом и растил там мастифов и сыновей. Что касается меня... но это к делу не относится.

— Хорошо. Она шлет тебе поцелуй, а к нему в придачу коробку домашнего печенья. В следующий раз ты должен добиться длительного отпуска и навестить нас.

— А парни?

— Тоже ничего, — легкий норвежский акцент резал ухо. — У Пера были неприятности, но сейчас все уже кончилось. Он тоже сегодня здесь.

— Что ж, очень хорошо. Когда я в последний раз видел старика, я спрашивал его о твоем старшем сыне. Он был тогда учеником на борту одного из кораблей ван Рийна и летал где-то в районе созвездия Геркулеса. Но с тех пор прошло много лет. Да, если посчастливится выжить, можно быстро продвинуться в Лиге. У него, я слышал, уже звание мастера?

— Да, получил совсем недавно. Плюс искусственное бедро и интересные воспоминания. Идем же, присоединимся к ним.

«Гм-м, — подумал я, — значит, старый Ник по-прежнему экономит на домашних харчах. У него достаточно собственных анекдотов, и незачем было собирать ребят, если они не нужны ему для какой-то цели. Добрые дела, в конечном итоге, обязательно приносят выгоду старику».

Мы прошли через фойе, затем через несколько бесконечно длинных комнат и оказались в дальнем конце гости-

ной. Здесь, у экрана, занимавшего всю стену, сидели трое мужчин. Экран был прозрачен, и на нем были видны небо и город. Только один из сидевших встал при нашем появлении. Он расположился немного в стороне, и в его фигуре чувствовалась напряженность отдыхающего тигра. Он был мне незнаком: смуглолицый, худощавый, на поясе — бластер, немало, видимо, послуживший своему владельцу.

Николас ван Рийн еще глубже погрузился в кресло, поднял пивную кружку и проревел:

— Ха! Добро пожаловать, капитан! Выпейте с нами немного перед обедом, — после этого он потянул себя за бородку и пробормотал: — Мануэль так много говорил сегодня, что я устал, разбираясь в его английском. Думаю, я заслужил небольшую выпивку.

Я поклонился ему, как полагалось кланяться торговому принцу, повернулся и протянул руку Перу Стенвику.

— Прошу прощения за то, что не встаю, — сказал он. Лицо его все еще было бледным и изможденным — здоровье еще вернется к нему, но молодость уже никогда. — Меня слегка покалечили.

— Я слышал, — ответил я. — Не волнуйся, все наладится. Мне страшно подумать, сколько в моем организме заменных органов, но пока важнейшие части остаются целыми.

— О, да, я уже почти здоров. Спасибо Мануэлю. Да, Мануэль Филипп Гомес. Мой помощник.

Я представился с соблюдением всех формальностей в соответствии с тем, что я знал о нравах этих бледных, но высокомерных колонистов с дальней окраины Галактики — из области Арктура. Мануэль тоже был безукоризненно вежлив. Поздоровавшись, он повернулся, чтобы удостовериться, что повязка на ноге Пера не сползла. Он не сел и не взял свой стакан кларета, пока мы с Гарри не уселись. Слуга, живой человек, а не робот, — в этом ван Рийн был расточителен — принес наши заказы: аквавит для Гарри и мартини для меня. Пер вертел в руках стакан с вермутом.

— Долго ли ты пробудешь дома? — спросил я его после обмена любезностями.

— Столько, сколько понадобится, — тотчас ответил Гарри.

— Не очень долго, я думаю, — с не меньшей быстротой сказал ван Рийн. — Ровно столько, сколько потребует лечение, и ни днем больше. Он молод и силен, и поэтому нечего бездельничать!

— Прошу прощения, синьор, — сказал Мануэль мягко и равнодушно, но в то же время в его голосе послышался звон сталкивающихся звезд. — Я не хотел бы противоречить начальникам... но долг обязывает меня знать, в каком состоянии находится мой капитан. Доктора так невежественны. Я надеюсь, синьор, что накануне Рождества вы не откажете ему в небольших каникулах?

Ван Рийн поднял руки.

— Все считают меня каким-то апокалипсическим зверем! — простонал он. — Я же всего лишь бедный одинокий старик, пытающийся удержаться на поверхности в море горестей. Я отыскал многообещающего парня, я следил за ним, когда он еще ходил в мокрых штанишках, поскольку издавна знал его семью. Я дал ему дорогостоящее образование в надежде, что он потом поможет мне. А он хочет запереться в своем домашнем изоляторе, и в результате несколько моих новых планов станут добычей волков — конкурентов.

— Да поможет Бог этим волкам, — улыбнулся Пер. — Не беспокойтесь, сэр. Я буду готов, как только потребуется.

— Эй, эй! Я ничего не требую. Я слишком стар и толст. Мне очень жаль, что у нас случились неприятности, но подождите, вы тоже состаритесь и превратитесь в бедных старых вонючек вроде меня. Тогда вам станут недоступны удовольствия! Абдал! Абдал! Ты, существо с желеобразными ногами, неси выпивку. Ты дождешься, что мы высохнем от жажды! Мой стакан давно пуст!

— Неужели ты снова хочешь увидеть Каин? — спросил Гарри, взглянув на ван Рийна.

— Конечно, — ответил за него Пер. — И он ищет настоящего человека! Ведь это целый мир, отец! Разве ты не помнишь?

Гарри взглянул на экран и кивнул. Я поспешил прервать наступившее молчание:

— В каких районах ты побывал на этой планете, Пер?

— Почти нигде, — ответил он. — Эта планета совершенно не исследована. Мы успели нанести на карту только несколько участков.

— Как? И вы не делали съемки с орбиты?

— Нет, нас больше интересовали мхи и травы, — сказал Пер.

Не говоря ни слова, Мануэль извлек из кармана маленькую коробочку и, открыв ее, протянул мне. В ней лежало несколько зеленовато-синих листочков. Я попробовал один. Удивительный вкус оказался у этого растения, не передаваемый словами и пробудивший во мне глубочайшие воспоминания. Очевидно, оно возбуждало самые потаенные участки коры головного мозга.

— Химический состав мы установить не сумели, поэтому и не удается синтезировать алкалоид искусственно, — сказал ван Рийн, закуривая сигару. — Ба! Мои химики ничего не делают целыми днями, только развлекаются в лаборатории и злоупотребляют алкоголем. А что касается шкур, то Лу Песку из компании «Петри» согласен покупать их у меня. Этот параноик повсюду разослал своих шпионов и за месяц истратил пятнадцать тысяч только на то, чтобы узнать, где находится эта планета.

— Откуда вы знаете, сколько он потратил? — спросил Гарри. Ван Рийн постарался придать лицу самодовольное выражение, но в то же время он явно скромничал.

Пер с беспокойством сказал:

— Я никогда и нигде не называл ее координаты. Она находится в созвездии Пегаса. Карликовая звезда типа «Ж-9», светимость — в половину солнечной, имеет восемь планет, одна из которых — с природными условиями, близкими к земным. Открыл ее Брандер. Он решил, что это любопытная планета, и опустился на поверхность, чтобы изучить ее детальнее. У него было мало времени, поэтому он успел лишь ознакомиться с языком туземцев той местности, где высадился, и провести некоторые исследования в области биохимии и планетографии. Именно он привез сведения о встречающихся там мхах и травах. Поэтому меня направили для организации постоянного торгового пункта.

— Это был его первый рейс в качестве капитана, — сказал Гарри, хотя это было известно всем присутствующим.

— Возникли неприятности с туземцами? — спросил я.

— Неприятности — не то слово, — ответил ван Рийн. И добавил слово, не предназначенное для деликатных ушей. Он буквально нырнул в пивную кружку и вскоре вынырнул, отфыркиваясь, как морж. — После всего, что я для них сделал, святые ввергли меня в такую разорительную историю!

— Но нам казалось, что вы будете довольны, — сказал Пер.

— Ах, вам так казалось? — ван Рийн ткнул в него волосатым пальцем. — Нет, мы всегда должны быть твердо уверенными, парень, иначе нам придется слишком часто терять дорогостоящие корабли.

— А также настоящих людей, — прошептал Мануэль так тихо, что его с трудом расслышали.

— Я читал доклады людей Брандера, — сказал ван Рийн, — а также изучил ваш отчет. Мне кажется, что я понял, в чем дело. Когда побываешь на стольких планетах, на скольких побывал я, капитан, легко отыскиваются аналоги для новых явлений. Однако я не уверен... Я иной раз думаю, что Бог шутит с нами. Хорошо, это только невинные шутки. С нами, смертными. Поэтому я не дам своего заключения до тех пор, пока не услышу из ваших уст рассказа о том, как все происходило. Доклады, даже по видеоэкрану, не дают ощущения реальности. С вами я снова переживу все события, все схватки, все, что теперь недоступно бедному старику.

И это говорил человек, без посторонней помощи освоивший Берту, Диомед и Т'Кел!

— Что ж, — Пер покраснел и принялся медленно вертеть в руках стакан. — Я могу рассказать сравнительно немного. Вы все видели достаточно, так что я... Это же всего лишь пустяковый эпизод.

— Ничего себе пустяк, — сказал ван Рийн.

Пер сжал губы.

— Прошу прощения. Вы правы. Ведь там погибли люди. Я поинтересовался.

— К какому типу относится эта планета? «Земные условия» — это что, шутка? Так обычно говорят чиновники в земных офисах, если обнаружится, что на планете можно хотя бы дышать без скафандра.

— И если удастся выдержать местную гравитацию в течение получаса, — добавил ван Рийн.

— Что ж, Каин не так уж плох в низких широтах, — сказал Пер. Лицо его расслабилось, стремительные жесты, которые он делал, напомнили мне о его матери. — Планета размером с Землю, средний радиус орбиты несколько больше астрономической единицы. Атмосфера плотнее на пятнадцать процентов, что создает сильный парниковый эффект. Период обращения составляет двенадцать часов, спутников нет. Угол наклона — тридцать два градуса, — и это делает сложной картину смены времени года. Мы высадились на сорок пятом градусе северной широты среди холмов. Стояло лето. Ближайший пруд по утрам замерзал, на склонах лежали снежные сугробы, но в целом было не так уж плохо для планеты звезды типа «Ж-9».

— Это Брандер дал ей такое имя — Каин? — спросил я.

— Да. Не знаю почему, но оно ей чертовски подходит.

Снова наступила тишина. Мануэль взял пустой стакан своего капитана и вышел. Через минуту он вернулся с полным. Пер не спеша выпил.

— Неприятностей не избежать, — успокоил его ван Рийн. — Вы научитесь.

— Но начало было таким обнадеживающим! — пожаловался Пер. — Даже язык, казалось, усваивался сам собой. В самом деле, мы очень легко и быстро выучили язык туземцев, — он повернулся ко мне. — Нас было двадцать человек в экипаже «Королевы Марии». Это прекрасный скоростной, но маловместительный корабль. Нам и не требовался больший, ведь мы должны были только основать первый торговый пост и внедрить идею необходимости постоянной торговли среди автохтонов. Мы имели обычный набор товаров, материалов и инструментов, оружия и бытовых предметов: ножницы, точильные камни и тому подобное. Но украшений было немного, так как ксенологи Брандера не сумели составить точное представ-

ление о том, что любят или хотя бы предпочитают туземцы. Каждый воин, по-видимому, одевался и наряжался, как ему нравилось. По крайней мере в земле Улаш, которая так и осталась единственной территорией, изученной ими достаточно основательно.

— И, конечно, ее изучение было проведено не особенно тщательно, — пробормотал ван Рийн. — Так бывает всегда.

— Земледельческая культура? — спросил я.

— Примитивная цивилизация, — ответил Пер, — маленькие участки, очищенные от леса и обработанные плугами. В Улаш имеется зачаточная металлургия: выплавляются медь, золото, серебро — все это делается на неолитическом уровне. Сами миллианы занимаются только охотой. Они привлекают себе в помощники некоторых лугалов.

Я с растущим интересом изучал изображение. Фоном служил мрачный холм, на котором среди разбросанных там и сям валунов пробивалась бледно-зеленая трава. Справа виднелась долина, заросшая густым лесом. Небо было бледным, оранжевый солнечный диск искажал цвета.

— Это Шивару, — сказал Пер. — Один из наших туземных друзей.

Шивару стоял прямо и напряженно смотрел в объектив. Он был около двух метров ростом, как сказал Пер. Телосложением он напоминал высокого человека с широкой грудью. Рыжевато-коричневая шерсть покрывала тело до самого кончика элегантного хвоста. Голова мало походила на человеческую: на макушке виднелся черный гребень, зеленые глаза с длинными и узкими зрачками, круглые подвижные уши, плоский нос, очень похожий на кошачий, толстогубый рот с торчащими клыками и челюстью, сужавшейся книзу в виде буквы «V». На нем было нечто, напоминающее львиную шкуру, и ожерелье из необработанных драгоценных камней. В левой руке он сжимал боевой топор с обсидиановым лезвием, за поясом у него торчал стальной нож, полученный, очевидно, от землян.

— Они более или менее млекопитающие, — продолжал Пер, — хотя имеются отличия в анатомии и химизме, как

и следовало ожидать. Сложная система эндо и экзотермических реакций в крови регулирует температуру тела.

— Потоотделение — довольно редкое явление для обитателей холодных планет земного типа, — заметил ван Рийн. — Если долго приглядываться к новой вещи, то обязательно найдешь аналог чему-то, встречавшемуся раньше. Эволюция образует систему параллельных линий.

— Но всегда наблюдаются и отклоняющиеся линии, — добавил я. — Брандер анатомировал их тела?

— Нет, ему не пришлось, — ответил Пер. — Миллианы прислали ему столько мертвых тел лугалов! Чего он и не просил. А лугалы, несомненно, принадлежат к тому же виду, — он вздрогнул. — Надеюсь, что они не убивали лугалов специально для землян.

Между тем мое внимание переключилось на существо, скрывающееся за Шивару: это был другой каинит — приземистый, коротконогий, с коричневой шерстью. Лоб и подбородок его были недоразвиты, нос почти не выделялся. Это существо было голым и несло тяжелый вьюк, колчан со стрелами, лук и два копья, торчащие из-за мускулистой спины. Я видел, что его кожа сильно натерта тяжестями, которые ему, по-видимому, часто приходилось перетаскивать.

— Это лугал? — спросил я.

— Видите ли, на этой планете имеются два вида, и чем дольше продолжается эволюция, тем больше было у них шансов совместно дожить до наших дней. Миллианы превратили лугалов в рабов — по крайней мере в Улаше, а если судить по нашим разведочным данным, то и по всему Каину.

— Не очень-то хорошо они обращаются с этими бедными лугалами, а? — спросил Гарри. — Но я не стал бы доверять рабу с оружием в руках.

— Нет, лугалам вполне можно доверять, — возразил Пер. — Как собакам. Они выполняют самую тяжелую работу. Миллиане — и мужчины, и женщины — являются колдунами, художниками, охотниками и тому подобное. Вся культура создана миллианами, — нахмурившись, он отпил из стакана. — Хотя я не вполне уверен, можно ли применять к ним слово «культура».

— Как так? — ван Рийн поднял брови над своими маленькими черными глазками.

— Ну... у этих миллианов нет ничего, похожего на нации, племена или любой другой вид общественной организации. Семейная группа распадается, когда самец становится слишком стар, чтобы удержать семью. Молодые самцы отделяют и уводят нескольких молодых самок. Их лугалы всюду ходят вместе с ними, как собаки. Насколько я мог понять, семьи только случайно контактируют друг с другом. Изредка происходит меновая торговля, время от времени несколько семей объединяются для охоты на особо крупного зверя, да еще случаются стычки между отдельными индивидуумами. И это все.

— Но этого не может быть, — возразил я. — Разумные расы нуждаются в большем, хотя бы для передачи традиций. Ведь что-то должно стимулировать развитие мозга! Его развитие не может протекать как чисто биологический процесс!

— Меня это тоже смущало, — ответил Пер. — Я много общался с Шивару и с другими каинитами, время от времени посещавшими наш лагерь. Мы старались понять друг друга. Они оказались ни чуть не менее любопытны, чем мы, и тоже старались извлечь выгоду из торговли. Ну и работенка нам досталась! Целая планета — два или три миллиарда лет своеобразной эволюции. И у них возник своеобразный язык. Для начала люди Брандера составили весьма скромный по объему словарь. Мы не углублялись особенно в обсуждение деталей их существования. Хотя речь порой заходила об особенностях их образа жизни. К концу, однако, передо мной кое-что забрезжило. Оказалось, что, несмотря на свой придурковатый вид, лугалы далеко не глупы. Может, они и менее сообразительны, чем их хозяева, но, во всяком случае, разница между ними не слишком велика. И в любом из их патриархальных селений — в пещере или под навесом в лесу — всегда больше лугалов, чем миллианов. Каждый член семьи, даже ребенок, имеет по нескольку рабов. Миллианы не образуют ни кланов, ни племен, но нечто подобное наблюдается у лугалов.

Лугалов посылают с поручениями в другие семейства миллианов — с товарами для обмена, с известиями и по

иным делам. Они возвращаются назад с такими же поручениями. Миллианы выращивают лугалов вполне сознательно — у них имеются некоторые практические сведения по генетике. Лугалам временами разрешается побездельничать, особенно когда нет срочной работы. Точно так же люди разрешают побегать собакам. У лугалов есть свои знахари и колдуны. Было бы ошибкой считать, что хозяева обращаются с ними жестоко. Может, по нашим стандартам так оно и есть, но Каин — жестокая планета, и даже жизнь самих миллианов не так уж легка. Разумный лугал там ценится очень высоко. Он назначается старшим среди других лугалов, учит маленьких детей миллианов ремеслу, и в некоторых случаях хозяин даже советуется с ним, как поступить в той или иной ситуации.

Некоторые семейства миллианов разрешают таким лугалам ночевать и питаться в их жилищах, как мне рассказывали. И потом, лугалы очень преданы своим хозяевам. То, как обращаются с прочими лугалами, для них ничего не значит. Такой лугал с радостью помогает выбраковывать слабых или наказывать ленивых.

Таким образом, я как будто бы нашел ответ на главный вопрос: у миллианов существует общественная жизнь, у них есть нечто большее, чем семьи — объединения, но не напрямую, между миллианами, а косвенно, совместно с лугалами. Миллианы — созидатели и новаторы, лугалы — хранители традиций, осуществляющие связь между поколениями. Я берусь утверждать, что такие отношения существуют между ними столь долго, что биологическая эволюция закрепила непрерывную связь этих двух видов.

— Ты говоришь о них так спокойно и дружелюбно, — сказал Гарри, — как будто забыл, как они поступили с вами.

— Но вначале они были нам неплохими помощниками, — по голосу Пера я понял, как тяжело он переживает случившееся. — Гордые, как Сатана, черствые, но не жестокие, приходя в лагерь они всегда приносили подарки и никогда не требовали платы. Два или три раза предлагали помочь в работе, прислав лугалов. В этом не было особой необходимости, да и при наличии у нас мощных машин эта помощь была просто смешна, но они ведь этого не пони-

мали. Когда же сообразили, то были страшно поражены. Так, во всяком случае, считаю я. Трудно быть полностью уверенным в этом, так как миллиане не могли представить себе кого-то более могущественного и более сильного, чем они. Обычно каждое существо считает себя высшим созданием в мире, но они признали нас равными себе. Я не пытался объяснить им, откуда мы прибыли на самом деле. — «Из другой страны». Для практических целей такое утверждение вполне подходит. Шивару особенно заинтересовался нами. Он был уже немолод. Большинство его детей уже выросло и выделилось из семьи. В среде миллиан он считался богатым и передовым, так как постоянно экспериментировал, пытаясь внедрить скотоводство как источник дополнительного получения продуктов питания, наряду с охотой, и его советы всегда внимательно выслушивались другими миллианами. Однажды я взял его с собой в полет на флиттере, и он радовался и был счастлив, как ребенок. В следующий раз он привел трех своих жен, чтобы они тоже порадовались ощущению полета.

Время от времени мы ходили охотиться. Боже, посмотрели бы вы, как он гнался за каким-нибудь огромным рогатым животным, вскакивал ему на спину и валил одним ударом топора! Затем его лугалы свежевали добычу и тащили ее в лагерь. И, поверьте мне, мясо было чертовски вкусным! В биохимии местных напитков не хватает некоторых наших витаминов, но, в целом, человек вполне может употреблять их в пищу. Очень много времени мы с ним проводили в беседах. Может, это покажется вам странным, фримены, но я никогда раньше не разговаривал ни с каким другим существом подолгу. Мы старались пополнить свой словарь, лучше понять друг друга, и оба были так увлечены этим, что забывали порой о еде, пока Мануэль или Черкез — так звали главного лугала Шивару, сухого и старого каинита, напоминающего мне дружелюбных, старинных гномов из детских сказок — пока один из них не являлся за нами. Иногда я с удивлением замечал, что любуюсь его красотой. Каиниты хорошо сложены и грациозны, как кошки, но смертельно опасны, когда приходят в бешенство. Это мы тоже со временем узнали.

У нас было любимое место под сенью скалы на склоне холма, за лагерем. Скала за нашими спинами была теплой, она казалась мне еще теплее, когда я глядел на ее шершавую поверхность и видел свое дыхание, белым облачком всплывавшее на фоне жемчужного неба. Высоко над нами в поисках добычи кружил хищник, потом птица кидалась в сторону (в разряженном воздухе я отчетливо слышал свист ветра в ее крыльях) и скрывалась за вершинами деревьев внизу, в долине. Листва деревьев имела множество цветовых оттенков, как будто здесь стояла бесконечная осень. Шивару сидел на корточках, обхватив хвостом колени, у его ног лежал топор. Черкез и один или два других лугала горбились на некотором удалении от нас. Лугалы никогда не уходят далеко от своих миллиан. Иногда к нам присоединялся Мануэль, это случалось, когда он не был занят на строительстве. Помните, Мануэль, вы иногда бывали с нами.

— Да, капитан, — сказал Мануэль.

— В тот раз, — продолжал Пер, — глубокий голос Шивару звучал все звонче и звонче, он был полон планов на будущее. Никаких вопросов о торговом договоре не обсуждалось — у них не было организации, с которой мы могли бы заключить такой договор, — но он видел, как его люди приносят то, что нам надо, в обмен на то, что мы им предлагаем. И он был достаточно умен для того, чтобы понять, какое воздействие на их существование окажет наличие на их земле постоянного торгового пункта, общего места встреч для обмена. Начнется более тесное общение семей, пустит корни идея объединения. Он прозревал будущее, заглядывая далеко за рамки тех ограниченных понятий, к которым был приучен с детства. Например, он считал, что большая группа миллиан, трудясь вместе, сможет наиболее плодотворно воспользоваться нерестом на реке Мокунья. Можно будет соорудить большие каноэ и отправиться на поиски новых охотничьих угодий. Ну и тому подобное. Потом его уши задвигались, что свидетельствовало об особом внимании, усы задрожали, он наклонился вперед и начал расспрашивать о людях. Из какой страны мы прибыли? Какая там водится дичь? Как мы обзаводимся семьей и воспитываем детей? О, он взрывал-

ся целыми фонтанами вопросов! Постепенно, по мере расширения нашего словаря, вопросы его становились все более отвлеченными. Мы начали рассматривать законы психолигии и какое-то время были абсолютно поглощены этим занятием.

Я нисколько не удивился, узнав,что его культура не имеет религии. Вообще он с трудом уразумел, о чем я его спрашиваю. У них практикуется колдовство, но они рассматривают его скорее как разновидность технологии. Они не знают анимизма, у них нет аналогов антропоморфизма. Миллиане очень хорошо усвоили, что они господствуют над любым животным и растением на планете. Мне кажется также, хотя я в этом и не уверен окончательно, им знакома идея переселения душ. Но все эти вопросы их мало интересуют, как, впрочем, и проблема собственного происхождения. Жизнь, по их мнению, это то, что существует. Мир — это такой феномен, в котором необходимо либо господствовать, либо оказаться порабощенным. Шивару интересовался, почему я задаю вопросы о таких очевидных вещах.

Пер покачал головой.

— Вероятно, в этом была моя первая ошибка.

— Нет, капитан, — мягко сказал Мануэль. — Откуда вы могли знать, что у них нет души?

— Нет ли? — пробормотал Пер.

— Оставим это теологам, — сказал ван Рийн. — Мы платим им за то, чтобы они решали подобные вопросы. Продолжайте, мой мальчик.

Я видел, что Пер старается взбодриться.

— Я попытался объяснить Шивару идею Бога, — продолжил он свой рассказ. — Уверен, что мне это удалось. Шивару выглядел удивленным и обеспокоенным. Вскоре после этого он ушел. Упоминал ли я, что миллианы используют барабаны как средство связи на больших расстояниях? Всю ночь я слышал грохот барабанов, несшийся из долины, далеко на западе на холмах раздавался ответный рокот. В течение недели никто нас не навещал. Но Мануэль, бродивший по окрестностям, видел множество следов. За нами все время наблюдали, и я почувствовал некоторое облегчение, когда вновь появился Шивару. Вместе с ним

прибыло несколько других туземцев: Ферегхир, Тилитур — не менее влиятельные среди соплеменников, чем Шивару. Они направились прямо ко мне. Я знал об этом, так как их приметили наши автоматы, рубившие неподалеку лес. Мы использовали в строительстве множество местных материалов, в том числе и бревна. Деревья обрубались силовым лучом, грузились на гравитационные тележки, и затем из везли на строительство. Воздух был полон гула и грохота, озона и треска, сильный ветер пронизывал меня, словно луч лазера. В воздухе висели тучи пыли, и я с трудом различал наш корабль и навесы около него: солнечный свет едва пробивался на площадку. Они подошли ко мне, эти трое высоких охотников, в сопровождении вооруженных лугалов. Шивару пальцем поманил меня.

— Идем, — сказал он, — тут не место для миллиан.

Я посмотрел ему в глаза. Они были непроницаемы, как будто он глядел сквозь стеклянную стену, разделявшую нас. Правда сказать, у меня по коже пробежал озноб. Я был совершенно безоружен. Мы все были совершенно безоружны, за исключением Мануэля — вы знаете новомексиканцев, — и я боялся, что совершу непоправимую глупость, если отправлюсь за оружием. На языке улаш я приказал Тому Буллису заменить меня на капитанском мостике и попросил Мануэля пойти со мной. Если аборигены вбили себе в голову, что мы хотим причинить им вред, вряд ли их успокоит, если я стану при них говорить по-английски — на языке, которого они не понимают. Не было сказано ни слова, пока мы не оказались вдали от пыли и шума стройки, на нашем излюбленном месте у скалы. Она уже не казалась мне такой теплой.

— Я приветствую вас, — сказал я миллианам, — и прошу поесть и отдохнуть с нами, — это была местная формула вежливости для гостей. Но я не услышал ответа.

Вместо него Тилитур взмахнул копьем, которое он держал в руке, и спросил — не грубо, но с какой-то неприятной интонацией в голосе:

— Зачем вы пришли в Улаш?

— Зачем? Но ты же знаешь — торговать.

— Нет, подожди, Тилитур, — вмешался Шивару. — Ты не то спрашиваешь, — он повернулся ко мне. — Кто вас

послал? — задал он вопрос. — И я должен вас спросить, фримены, знаете ли вы, что такое Черный голос?

Я не собирался увиливать от ответа. Ясно было, что мы что-то сделали неправильно, совершили ошибку, но у меня не было ни малейшего представления, в чем она заключалась. Ложь или увертки могли только ухудшить положение, хотя могли, может быть, и несколько улучшить его. Я видел, как солнце блестит на лезвиях топоров, и радовался, что рядом со мной стоит Мануэль. Шум лагеря почти не доносился до этого места: либо мы отошли далеко, либо ветер усилился. Я заставил себя взглянуть Шивару в глаза.

— Ты знаешь, что мы находимся здесь ради оставшихся дома товарищей, — начал я.

Скулы под его шерстью напряглись, к тому же я не очень хорошо понимал выражение лиц туземцев. Но раздвинувшиеся губы Ферегхира обнажили клыки, так бывает, когда миллиан встречает врага. Тилитур держал копье наготове. В докладах Брандера сообщалось, что в присутствии друзей миллианы так себя не ведут. Шивару, однако, понять было нелегко. Могу поклясться, он о чем-то сожалел. Но о чем?

— Вас послал Бог? — спросил он.

Это был завершающий штрих той сумасшедшей картины. Я засмеялся, хотя никакого веселья не ощущал. В голове у меня звенело. Я испытывал определенную семантическую трудность. Дело в том, что в Улаше используется несколько разновидностей повелительного наклонения. Приказ отца сыну отличается от приказа другому миллиану, побежденному в схватке, и оба они отличаются от распоряжений, отдаваемых лугалу, и так далее, причем различия эти настолько велики, что их классификация с трудом давалась нашим психолингвистам. В общем, миллианы хотели знать, являюсь ли я рабом Бога. Конечно, не время было растолковывать им историю наших религий, к тому же я не слишком силен в этом. Я только сказал:

— Нет, мы не рабы Бога. Бог — это символ, в чье существование верят некоторые из нас, но далеко не все. И он, совершенно точно, не отдавал мне никаких приказов.

Это удивило их. Дыхание со свистом вырывалось сквозь клыки Шивару, гребень на его голове поднялся, хвост хлестал по ногам.

— Тогда кто же послал вас? — почти закричал он. Я мог бы перевести этот вопрос и так: «Кто ваш хозяин?»

Я услышал щелчок — это Мануэль раскрыл кобуру. За спинами миллианов лугалы приготовили топоры и копья. Можно представить себе, как тщательно я подбирал слова для ответа.

— Мы все свободны и являемся равноправными членами общества, — сказал я. Или, может быть, слово, которое я употребил, означало «содружество»? Я не мог разъяснить им особенности нашей семантики. — В нашей стране, — сказал я, — нет лугалов. Вы видели, что на нас работают машины. Нам вообще не нужны лугалы.

— Ах-х-х! — сказал Ферегхир, взмахнув копьем. Мануэль взвел курок.

— Я считаю, что вам лучше уйти, — сказал он туземцам. — Мы не хотим убийства.

Брандер не раз демонстрировал туземцам действие нашего оружия, мы тоже. И туземцы застыли, не двигаясь, и стояли так, показалось нам, целую вечность. Шерсть на лугалах встала дыбом. Они были готовы броситься на нас по первому слову своих хозяев. Но это слово не было произнесено. Трое туземцев обменялись взглядами, и Шивару сказал безжизненным голосом:

— Мы должны обсудить это.

Они повернулись и пошли по высокой шуршащей траве, лугалы последовали за ними. Барабаны гремели день и ночь.

Между собой мы долго обсуждали происшедшие события. В чем дело? По земным стандартам миллиане были примитивны и необразованы, но далеко не глупы. Так, Шивару не был особенно удивлен, что мы по внешнему виду отличаемся от жителей Каина. Например, то обстоятельство, что мы живем коллективом, а не отдельными семьями, показалось ему только странностью и хотя заинтриговало его, но не шокировало. И, как я говорил вам, хотя многочисленные сообщества не были приняты у миллиан, время от времени они все же объединялись. В

таком случае, что же им не нравится в нас? Игорь Уженков, офицер «Королевы Марии», высказал, пожалуй, самое правдоподобное объяснение:

— Если они считают нас чьими-то рабами, то, значит, наш хозяин должен быть еще могущественнее. Может, они опасаются, что мы готовим базу для вторжения?

— Но я же сказал им, что мы не рабы! — ответил я.

Можете себе представить, как я ворочался всю ночь под нашим навесом. Должен ли я собрать свои механизмы, найти другой район и начать все заново? Это означало бы потерю всего, чего мы добились. Причем изучение еще одного языка было бы самой легкой проблемой, суть заключалась в том, что перемещение мало что нам дало бы. Полеты на флиттерах показали, что повсюду на Каине господствует один и тот же образ жизни. Так было на Земле в палеолитическую эпоху.

А вдруг мы каким-то образом нарушили не простое табу, а нечто фундаментальное? Я не знал этого. Сомневаюсь, что и Мануэль проводил в постели больше двух часов в сутки. Он был занят укреплением нашей обороны, тренировкой людей, проверкой постов и их бдительности. Но следующий контакт с туземцами внешне был совершенно мирным. На рассвете меня поднял часовой, сообщивший, что явилась группа туземцев. Ночью поднялся туман, влажная дымка затянула горизонт, так что в трех шагах трудно было что-либо различить. Выйдя наружу, я услышал треск припаркованного поблизости трактора — единственный отчетливый звук в царившей вокруг глухой тишине. Тилитур и еще один миллианин стояли в окружении пятидесяти лугалов. Их шерсть была покрыта влагой, оружие блестело от инея.

— Они двигались ночью, капитан, — заметил Мануэль. — Для лучшей скрытности. Несомненно, где-то рядом скрываются другие.

Он послал со мной взвод охраны.

Я приветствовал туземцев в соответствии с обязательным ритуалом, как будто ничего не случилось. И вновь я не получил от них никакого ответа. Тилитур только сказал:

— Мы пришли для торговли. За ваши товары мы дадим вам меха и травы, которые вам так нравятся.

Это было удивительно. Тем более, что наш торговый пост был построен лишь наполовину. Но я не мог отказаться от того, что, возможно, являлось оливковой ветвью мира.

— Хорошо, — сказал я. — Идемте, посидим и поговорим.

«Хороший ход, — решил я, — совместная еда накладывает определенные обязательства на участвующих в ней. Это справедливо как для Земли, так и для Каина».

Тилитур и его товарищ, Вогзахан, теперь я вспомнил и его имя, даже не поблагодарили меня за приглашение, но вошли в корабль и сели за стол в кают-компании. Я решил, что это произведет лучшее впечатление, чем обед под навесом, к тому же в корабле было не так холодно. Я приказал принести бекон и яйца — пищу, которую, как я знал, любили каиниты. Они сразу перешли к делу.

— Сколько вы можете продать нам?

— Это зависит от того, что вы намереваетесь купить и что у вас имеется на обмен, — ответил я, соревнуясь в ними в любезности.

— Мы ничего не принесли с собой, — сказал Вогзахан, — потому что не знали, согласитесь ли вы с нами торговать.

— Почему же нет? — спросил я. — Ведь для того мы и пришли. Между нами нет споров и недоразумений, не так ли?

И хоть бы один из них моргнул своими зелеными глазами.

— Нет, — сказал Тилитур. — Никаких споров. Мы хотим купить пистолеты.

— Такое оружие мы не продаем, — я вынужден был сразу покончить с этим вопросом, чтобы больше не хитрить. — Однако мы можем предложить вам ножи и множество других полезных инструментов.

Они немного помрачнели, но спорить не стали, наоборот, тут же принялись обсуждать условия обмена. Гости хотели получить как можно больше и не особенно торговались, не пытались сбить цену. Но они хотели взять товар в кредит. Они сообщили, что наши товары требуются им немедленно, сбор же туземных товаров для

обмена потребует много времени. Это поставило меня в неловкое положение. С одной стороны миллианы до сих пор действовали честно и, насколько я могу судить, всегда говорили правду. К тому же я не хотел отказывать им. С другой стороны... Ну вы все понимаете не хуже меня. Я льщу себя надеждой, что мне удалось дать им дипломатический ответ. Я сказал им, что мы нисколько не сомневаемся в их добрых чувствах. Мы знаем, что миллиане — хорошие парни, но всегда может произойти что-нибудь неожиданное, и в результате мы понесем огромные убытки.

Тилитур хлопнул по столу рукой и фыркнул:

— Какие-то странные опасения. Хорошо, мы оставим вам наших лугалов, пока не будет собрана требуемая плата. Лугалы стоят очень дорого. Но вы должны будете отвезти товары туда, куда мы укажем.

Я решил, что на таких условиях можно отдать половину запрошенных товаров.

Пер замолчал и закусил губу. Гарри наклонился и взял его за руку. Ван Рийн проворчал:

— Да, черт возьми, никто не может предвидеть всего, что может случиться, но всегда следует ожидать худшего. Ты поступил правильно, мой мальчик. Абдал, еще выпивки, или ты считаешь, что мы на Марсе?

Пер вздохнул.

— Мы погрузили товары в гравилодку, — продолжал он. — Мануэль сопровождал ее на вооруженном флиттере на всякий случай в качестве предосторожности. Но ничего не произошло. Примерно в пятидесяти километрах от лагеря миллиане попросили наших людей остановиться на берегу реки. Здесь стояло каноэ, и не одно. Около них находились несколько миллианов. Стало ясно, что они намереваются дальше перевозить товары самостоятельно. Мануэль спросил, есть ли у меня какие-либо возражения.

— Нет, — ответил я, — какая разница? Они хотят сохранить в тайне место назначения. Они нам, очевидно, больше не доверяют.

За Мануэлем я видел на экране смотревшего на нас Вогзахана. Наши коммуникаторы и раньше очень нрави-

лись посетителям лагеря, но на этот раз мне показалось, что по его лицу промелькнула не улыбка, а усмешка.

Я был занят обеспечением и размещением лугалов. При них всегда находились один или два охранника. Не то чтобы я ожидал серьезных неприятностей. Я слышал, как хозяева сказали им: «Оставайтесь здесь и делайте все, что прикажут земляне, пока мы не вернемся». Тем не менее меня тревожило, что в лагере находится целая свора этих домашних «собак» миллиан.

Они сидели по-звериному. Когда ночью загремели барабаны, они беспокойно задвигались по павильону, который мы отвели им, и стали переговариваться на языке, о котором в отчете Брандера не было никаких сведений. Но на следующее утро они снова были спокойны. Один из них даже спросил, не могут ли они помочь нам в работе. Я едва не рассмеялся, представив себе лугала за пультом управления пятисотсильного трактора, и сказал, что мы им благодарны, но их помощь пока не требуется. Они должны только терпеливо ждать.

Несколько раз на протяжении последующих трех ночей я пытался завязать с ними беседу, но из этого ничего не вышло. Они отвечали мне, однако ответы их были маловразумительными.

— Где вы живете? — спросил я.

— Там, в лесу, — отвечал лугал, глядя на пальцы ног.

— Что за работу вы выполняете дома?

— Ту, что велит делать миллиан.

Я отступился.

Тем не менее глупыми они не были. Мы заметили какие-то игры, в которые они играли, используя глиняные фигурки. Их значения я так и не смог разгадать. На рассвете они строились в ряд и затягивали бесконечную печальную песню, которая заставляла ощущать меня дрожь в ногах. Большую часть времени они спали или сидели, уставившись в пустоту. Затем вдруг собирались в небольшие группы и, обхватив друг друга за плечи, о чем-то шептались.

Ну... я чувствую, что рассказываю слишком долго. На нас напали незадолго до рассвета, на четвертый день.

Впоследствии я узнал, что в нападении участвовало около ста миллианов и Бог знает сколько лугалов. Они

собрались отовсюду на эту проклятую территорию, называемую Улаш, созванные барабанами. Их разведчики обнаружили наши пикеты, и град стрел обрушился на них. Большей части отряда удалось ворваться внутрь лагеря. Однако я не могу рассказать слишком много. Я оказался ранен... — лицо его исказилось. — Что за проклятье! И это в первом же самостоятельном полете!

— Продолжай, — сказал Гарри. — Ты не рассказал нам подробностей.

— Их немного, — Пер вздохнул. — Первые же крики разбудили меня. Я сунул ноги в сапоги, набросил куртку, одновременно шаря руками в поисках оружия. В это время в полную мощность взревели сирены. Сквозь их вой я услышал около своего навеса выстрелы из бластеров.

Я выскочил наружу. И словно попал в огромный черный кипящий котел. Сверкали выстрелы, гудели сирены, раздавались крики туземцев. Я ощутил ужасный холод. Свет звезд отражался в инее, покрывавшем холмы. Я на мгновение удивился: как много звезд в небе и какие они яркие.

Затем Уженков включил прожектора на «Королеве Марии»: внезапно над нашими головами вспыхнуло солнце, слишком яркое даже для нас. Каким же оно должно было показаться каинитам! Я думаю, сплошной сине-белой стеной. Нападавшие кишели между нашими навесами — высокие охотники в леопардовых шкурах, приземистые коричневые гномы, топоры, копья и дубины в руках. А я видел только одно — человека, распростертого на земле. Пальцы его сжимали пистолет, а голова была размозжена... ужас!

Я поднес ко рту громадный мегафон, который всегда ношу с собой на всякий случай, и принялся отдавать приказы, пробираясь к кораблю. Хотя у нас имелось мощное оружие, нас было всего двадцать, даже меньше, против всего Улаша.

Наше укрепление было предназначено для обороны. Два человека спали в корабле, остальные — под навесами вокруг него. С полдюжины человек быстро пробились на корабль, остальные пытались прорваться к нему. Мы должны были выручить их, и как можно быстрее, иначе могло оказаться, что помогать будет некому.

Я видел, как наши парни показались из своих укрытий вблизи посадочных стабилизаторов. Даже теперь у меня перед глазами бегущий Зурковский, так и не застегнувший свою парку, которая болталась вокруг его голых ног. Он никогда не спал в пижаме. Да, в такие напряженные моменты порой замечаешь множество несущественных деталей. Наконец, ошеломленные ярким светом, каиниты стали разбегаться. Они не ожидали такой мощной солнцеподобной вспышки, не ожидали рева сирен, звук которых ужасен даже для привычных ушей. Несколько каинитов лежали раненые или убитые.

Площадку словно захлестнул ревущий поток тел. На меня напали сзади. Я упал им под ноги. Нападавшие перепрыгнули через меня, и я остался в тисках лугала. Он лежал на моей груди и старался разорвать мне горло зубами и руками. Черт возьми! Это создание оказалось невероятно сильным. Сантиметр за сантиметром он подбирался к моему горлу. Затем появился еще один лугал. Он подобрал дубинку упавшего каинита и ударил меня по первому подвернувшемуся месту — по ноге. Я ощутил чудовищную боль и бессильную ярость. А затем я провалился во тьму.

Оказалось, что лугалы-заложники освободились. Я должен был предвидеть это. Даже без особого на то приказа они не могли оставаться в стороне, когда сражались их хозяева. Но, вне сомнения, они получили приказ. Тилитур и Вогзахан провели нас. Они получили безвозмездно большую партию товара и к тому же разместили своих подчиненных в самом нашем лагере.

Но, разумеется, их план не удался. Они не представляли себе нашей реальной силы. Да и как они могли себе ее представить?! Мануэль собственноручно убил обоих напавших на меня лугалов. Для этого ему потребовалось всего два выстрела. Наши парни создали кольцо огня, и нападавшие наконец разбежались. Но они сильно навредили нам. Я пришел в себя в корабельном лазарете. Мануэль сидел рядом со мной, словно беспокойный ворон.

— Как дела? — спросил я.

— Вы должны отдохнуть, синьор, — ответил он. — Пусть Бог простит меня, я приказал доктору накачать вас

стимуляторами. Нам срочно требуется ваше решение. Немедленно. Несколько человек ранено, двое мертвы, трое исчезли. Враги отступили, и я думаю, они увели с собой пленных.

Меня положили на носилки и вынесли наружу. Я не испытывал боли, но голова у меня кружилась. Вы представляете, как себя чувствуешь, когда ты по горло набит наркотиками. Мануэль сказал мне, что мою левую ногу зашили. Но в этот момент главное было совсем не в этом... Гувер и Мурамото погибли. Буллис, Чанг и Зурковский пропали.

Наш лагерь в лучах оранжевого солнца был неестественно спокоен. Мои люди очистили его, пока я был без сознания. Трупы нападавших лежали в ряд. Двадцать три миллиана — это число будет преследовать меня до конца моих дней — и уж не знаю, сколько лугалов. Вероятно, не меньше сотни. Меня пронесли мимо. Я осмотрел мертвых, но никого не узнал.

Наши пленники были собраны в главном котловане фундамента. Около ста лугалов и только два миллиана. У одного был ужасный ожог от бластера, и наши медики дали ему болеутоляющее. Большинство раненых, очевидно, было унесено отступающими. При таком количестве конструкций и машин, стоящих вокруг, это нетрудно было сделать. Мануэль объяснил, что остановил нападение заложников-лугалов парализующим лучом, который оказался наилучшим оружием в сложившейся ситуации. Невозможно заставить лугала сражаться за своего хозяина, даже под угрозой смерти, если лугал парализован.

Я узнал второго, невредимого миллиана. Его уложил парализующий луч. Это был Кочихар, старший сын Шивару, навещавший нас вместе с отцом один или два раза.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Затем я спросил его:

— Почему? Почему вы это сделали?

Было морозно, пар вырывался из моего рта и ветер относил его.

— Потому что они предатели, воры и убийцы по своей натуре, — сказал Уженков на языке туземцев, — так же, как и все на Улаше, — группа Брандера позаботилась

в свое время о том, чтобы собрать все слова, относящиеся к понятиям о чести и бесчестии.

Уженков плюнул на Кочихара.

— Мы будем охотиться на них, как на диких зверей, — добавил он. Гувер приходился ему двоюродным братом.

— Нет, — сказал я, потому что среди пленников прошел ропот, свидетельствующий о том, что они готовы на любые, даже самые безумные поступки. — Не говорите так...

Уженков замолчал, и вновь среди этих волосатых существ послышался гул голосов.

— Нет, Кочихар, — сказал я, — твой отец был моим хорошим другом. Во всяком случае, я в это верил. Чем же мы обидели его и других ваших соплеменников?

Гребень на голове Кочихара поднялся, он обернул свой хвост вокруг тела и фыркнул:

— Вы должны уйти отсюда и никогда больше не возвращаться! Иначе мы будем убивать вас в лесах, обрушим на вас холмы, прогоним через ваш лагерь рогатых зверей, отравим источники и сожжем всю траву под вашими ногами. Уходите и не смейте возвращаться сюда!

Я готов был взорваться, голова у меня раскалывалась от боли. Но я сдержал себя и сказал в ответ:

— Мы не уйдем, пока не вернут всех наших товарищей. В лагере имеется барабан, который твой отец подарил нам до своей измены. Вызови своих, Кочихар, и скажи им, чтобы вернули пленных. Только после этого мы вступим в переговоры.

Я замолчал, а он все смотрел на меня не отвечая. Я поманил Мануэля.

— Нет смысла продолжать этот разговор, — сказал я. — Нужно организовать прочную оборону. Вторично нас не должны захватить врасплох. И пошлите на поиски флиттеры. Их отряд не мог уйти далеко.

Мануэль может рассказать, как он спорил со мной. Он утверждал, что посылка флиттеров будет напрасной тратой энергии, которая нам теперь так необходима, верно?

Мануэль выглядел смущенным.

— Я, действительно, не согласился с планом, предложенным капитаном, — сказал он. — Я на самом деле считал, что разведка с воздуха бессмысленна, мы ничего

не обнаружим среди сотен гектаров лесов, холмов и ущелий. Они могли разделиться на несколько групп, эти дьяволы. Но даже если они продолжали двигаться вместе, инфракрасный локатор вряд ли установит их присутствие под густым покровом леса. Но я не люблю противоречить своему капитану.

— О, вы не противоречили, — сказал Пер и уголок его рта приподнялся. — Я чуть не сошел с ума. Бушевал и кричал на вас. Потребовал, чтобы вы немедленно исполняли приказ и подняли в воздух все флиттеры. Вы отсалютовали и пошли, но я остановил вас. Вы не должны были вылетать лично. Вы слишком необходимы на корабле. Я хотел послать на разведку человека, имеющего опыт жизни в лесу, который сумел бы отыскать следы в зарослях даже сверху, с флиттера. Со мной творилось что-то неладное, словно мой мозг все глубже и глубже погружался в какой-то водоворот.

— Посмотрим, как заставить этого обросшего шерстью ублюдка сотрудничать с нами, — сказал я.

— Меня слегка обидело, что капитан так себя вел, — произнес Мануэль. — И хотя время от времени на различных планетах в случае крайней необходимости... впрочем, оставим это...

— Я хотел каким-нибудь образом снизить моральный дух наших пленников, — продолжал Пер. — Теперь я вижу, что в этом не было необходимости. Каиниты не знают нашего чувства солидарности. Они рассуждают так: если Кочихар и его лугалы попали в наши руки, тем хуже для них. Зато Шивару достаточно хорошо изучил психологию землян, чтобы сообразить, как много для нас значит потеря людей.

Я посмотрел вниз на Кочихара. Его зубы сверкнули. Он не издал ни звука, ни сделал ни одного движения, хотя, не понимая по-английски, он сообразил, что происходит нечто важное. Я говорил, словно пьяный, и как пьяный пытался тщательно подбирать слова.

— Кочихар, — сказал я. — Я приказал охотиться с флиттеров за вашими людьми и отбить наших друзей. Смогут ли воины противостоять летающей машине? Смогут ли они укрыться от глаз, которые видят от горизонта

до горизонта? Ваши люди дорого заплатят нам, если тотчас не вернут пленных. Бери барабан, Кочихар, и сообщи им об этом. Твой отказ будет тебе дорого стоить. Я приказал любыми средствами сломить твою волю.

Я произнес отвратительную речь. Но Гувер и Мурамато были моими друзьями. Буллис, Чанг и Зурковский тоже были моими друзьями, если они все еще были живы. Я все время боялся потерять сознание. И я на самом деле лишился чувств тотчас по возвращению на корабль. Я еще слышал, как док бормотал что-то о том, как трудно лечить пациента, напичканного наркотиками, которые могли бы свалить и верблюда. Но слова доносились до меня откуда-то издалека, пока мне не стало казаться, что я превратился в электрон, пойманный осциллографом. Тьма стала зеленой и...

Потом мне рассказали, что я находился без сознания сорок часов. Что было дальше, пусть расскажет Мануэль.

К концу своего повествования Пер совсем охрип. Он откинулся в кресле, и я увидел, как он побледнел. Одной рукой он придерживал повязку, вермут плескался в стакане, который он держал в другой руке. Гарри, преисполненный беспомощного гнева, готовый испепелить ван Рийна, смотрел на него. Торговец сказал:

— Ну, ну. После такого происшествия я заставил его еще рассказывать, да? Но скоро обед, и нет лучшего лекарства, чем натуральный бифштекс. А как только он сможет ходить, он явится в мой дом в Джакарте, и мы устроим там хорошенькую оргию.

— О, огонь ада! — вспылил Пер. — Не стоит стараться. Я все равно испорчу вам весь праздник.

— Ну, сынок, — постарался я его успокоить. — Ты же был в хорошем настроении полчаса назад. И через полчаса ты снова будешь в отличном расположении духа. Вновь переживать подобные моменты — самое тяжкое наказание из всех, налагаемых Иеговой. Я тоже испытал это. Послушай, Пер, если бы ван Рийн считал, что миссия провалилась по твоей ошибке, ты не пил бы здесь сегодня с нами. Ты продавал бы сейчас мясо людоедам.

Ответом мне была слабая улыбка.

— Ну, дон Мануэль, — сказал ван Рийн, — теперь мы слушаем вас.

— Вы льстите мне, синьор, я не дон, — ответил тот вежливо, академично и не совсем покорно. — Мой отец был охотником в Сьерра-лес-Боскес, а я отправился в Космос вместе с наемниками Роджерса и стал там сержантом. Потом я перешел на службу к вам. Я знаю не больше, чем Пер, — он колебался. — И я не могу ничего добавить к описанию случившегося на Каине.

— Не говорите глупостей, — сказал ван Рийн, приканчивая третий или четвертый литр пива и приказывая знаком, чтобы принесли еще. Мой собственный стакан тоже наполнился, звезды и город снаружи стали немного покачиваться. Я достал трубку, чтобы хоть немного протрезветь.

— Я читал официальные доклады вашей экспедиции, — продолжал ван Рийн. — Они сухи, как статистические сводки. А мне нужны детали. Те самые мелкие подробности, которые никогда не попадают в отчеты. Наподобие тех, что привел в своем рассказе Пер. Я должен представить себе эту планету во всей ее реальности. Может, тогда мой старый котелок отыщет разгадку. Ибо мой личный опыт велик, существует множество планет, где я, Николас ван Рийн, падал мордой в грязь. А на них, хо-хо, помещаются целые моря грязи! Эволюция создает любопытные параллели, а также наклонные линии, как сказал кто-то сегодня вечером. Какая линия параллельна эволюции на Каине? Рассказывайте, Мануэль. Смелее. Шутите, пойте песни, стойте на голове, если хотите, но рассказывайте.

— Как пожелаете, синьор, — ответил тот. Голос его был ровным. — Когда моего капитана унесли, я стоял в задумчивости, пока Игорь Уженков не произнес:

— Ну, так кто же поведет флиттер?

— Никто, — сказал я.

— Но мы получили приказ.

— Капитан ранен и испытал потрясение. Нам, собственно, не следовало поднимать его с постели, — ответил я и сам спросил у стоящих рядом людей: — Разве я не прав?

После некоторого колебания они согласились со мной. Я наклонился над краем ямы и еще раз спросил Кочихара, будет ли он передавать о наших условиях.

— Нет, — ответил тот, — нет, что бы вы со мной ни делали.

— Я ничего не собираюсь с вами делать, — сказал я. — Сейчас вам принесут еду.

Так и сделали. Остаток дня я провел, шагая по сугробам, лежавшим на склонах холмов. Да, это была окоченевшая земля, то устремляющаяся вниз долинами, то вздымавшаяся холмами и кончавшаяся на горизонте зубцами далеких гор. Я вспомнил о доме и об одной девушке по имени Долорес, которую я когда-то, очень давно, знал. Мои люди ничего не делали, они толпились, судачили, и к вечеру дыхание намерзло инеем на их парках.

Я говорил с каждым по очереди и не спеша отбирал тех, которые были мне необходимы для выполнения задания. Все они были хорошими специалистами, но мало кто из них имел хоть какой-то охотничий опыт. Сам я не смог бы выследить каинитов, так как они пересекли широкую полосу скального грунта, на котором совершенно не оставалось следов. Но Хамид ибн Рашид и Жак Нголо в свое время были охотниками. Мы собрали все необходимое для погони, потом я отправился на корабль взглянуть на капитана. Он лежал тихо.

Я почти ничего не ел и очень мало спал. Когда я вновь вернулся к яме, уже наступила темнота. Силуэты четверых людей, оставленных для охраны, отчетливо выделялись на фоне звездолета.

— Вы свободны, — сказал я, извлекая свой бластер. Их шаги замерли вдали.

Темные фигуры, скрывающиеся на дне ямы, шевелились и бормотали. Послышался голос:

— А, ты вернулся. Пришел меня пытать?

У этих каинитов глаза видят в темноте не хуже кошачьих. Я всегда считал, что они хихикают, видя, как мы слепнем после захода солнца.

— Нет, — сказал я, — только караулю вас.

— Ты один? — фыркнул он.

— С этим, — я показал на бластер.

Туземец замолчал. Холод все больше и больше пронизывал меня. Я не думаю, чтобы каиниты мерзли, хотя мороз усиливался. Звезды медленно мерцали над моей

головой, и постепенно я начал отчаиваться в успехе своего плана. Доносился только тихий шепот наших пленников, остальной мир застыл в ледяном безмолвии.

Наконец это случилось, и все произошло с дьявольской быстротой.. Лугалы все время безостановочно двигались. И вдруг они бросились на меня. Один встал другому на плечи, и так они дотянулись до края ямы. Они шли на смерть, как они считали, но я промахнулся. Лугал, бросившийся на меня, был изумлен тем, что все еще жив. Если бы я не промахнулся, на меня набросились бы и другие.

Два лугала оказались на мне, я старался оторвать их руки от своего горла. Тяжелые кулаки били меня по животу и голове. Один из них заткнул мне рот, мешая кричать. Тем временем часть пленников выбралась из ямы и убежала.

В конце концов я высвободил одну ногу и ударил лугала. Он покатился, крик боли застрял в его горле. Я обернулся и рубанул другого по горлу ладонью. Когда он обмяк и свалился, я вскочил на ноги и закричал. Мгновенно завыла сирена и зажглись прожектора. Люди бежали от корабля и навесов.

— Назад! — крикнул я. — Не ходите туда, там темно!

Несколько лугалов не успели убежать. Они отступили к дальней стене ямы, когда прибежали вооруженные люди. Своими телами они прикрывали раненого миллиана от наших пистолетов. Но мы стреляли вслед бежавшим. Правда, это было бесполезно.

Охранники выстроились вокруг котлована. Я шарил по земле в поисках бластера. Его не было. Кто-то забрал его, если не Кочихар, то кто-нибудь из лугалов, который все равно отдаст его Кочихару. Жак Нголо подошел ко мне.

— Плохо, — сказал он, узнав в чем дело.

— Дьявольски не повезло, — согласился я с ним. — Но мы будем преследовать их.

Я встал и стянул свою парку. Под ней был шлем и специальный космический костюм, который защитил меня в борьбе. Я сбросил его, так как теперь он будет мне только мешать. Хамид ибн Рашид присоединился к нам. Он принес мне мои припасы и запасной бластер. Я взял их, и мы втроем начали преследование.

Слава Богу, раньше нам не приходилось использовать очки ночного видения. Они делают мир ясным и четким, но каким-то уж очень нереальным, словно все происходит во сне. Компасом нам служил инфракрасный следоискатель, игла прибора, дрожа, указывала направление, куда скрылась группа каинитов. Мы вскоре увидели их, увидели, как они пересекают безлесную часть холма, прячась за булыжниками. Мы припали к земле, чтобы они нас не увидели на фоне неба.

Мы задыхались от бега к тому времени, когда достигли края леса, но продолжали двигаться под прикрытием деревьев, чтобы не выпустить каинитов из поля действия прибора. Прибор между тем начал мерцать, потому что деревья мешали улавливать тепловое излучение тел туземцев. Мы осторожно двигались среди кустарников, раздвигая ветки.

Через час мы углубились в долину. Повсюду росли высокие деревья. Небо было скрыто листвой, и я вынужден был до предела увеличить напряжение в своих очках. Картина начала проясняться. Каиниты двигались своим обычным шагом, уверенные в том, что им удалось оторваться от нас. Но, даже не соблюдая особых предосторожностей, они почти не оставляли следов. Вскоре мы подошли поближе и надобность в инфракрасных приборах отпала.

Наконец мы вышли на луг. Примятая трава указывала, что туземцы проходили здесь совсем недавно. На этом лугу они сделали то, чего я опасался с самого начала. Их отряд разделился на четыре группы, и каждая двигалась своим путем.

— Которую выберем? — спросил Нголо.

— Нас трое, значит, мы должны следовать за тремя группами, — ответил я.

— Бисмилла! — выругался ибн Рашид. — С бластером или без него, я бы не хотел идти в одиночку. Но чему быть, того не миновать.

Мы провели в обсуждении дальнейших действий некоторое время, и к тому моменту, когда мы разделились, восток начал сереть. Очевидно, лугалы двинулись в путь к домам своих хозяев, а рабы Кочихара сопровождали

его. А именно Кочихар и был нам нужен. Я предполагал, что самая большая группа — его, так как меня атакавали принадлежавшие ему лугалы. Поэтому следу я решил двигаться сам. Хамид и Нголо тоже хотели идти по нему, но я воспользовался своей властью и отстоял эту честь, чтобы народ Нового Мехико никогда не мог сказать, что Мануэлю Гомесу недостает храбрости.

Теперь между нами и беглецами было настолько большое расстояние, что можно было смело пользоваться радиопередатчиками для переговоров друг с другом и оставшимися в лагере. В последующие часы эти переговоры очень помогали мне, взбадривая. Ведь я вел медленное, тупое и трудное выслеживание охотников в их собственном мире. И я не уверен, что мне бы это удалось, если бы их отряд состоял только из миллиан и лугалов, которые бывают заняты на охоте. Но, к счастью, на нас напали лугалы — крестьяне, шахтеры и домашняя прислуга, они были менее осторожны и не так умелы.

Позже, утром, меня вызвал по радиопередатчику Нголо.

— Мой отряд подошел к навесу около пещеры, — сообщил он. — Я сижу на дереве и вижу, как их встречают женщины и дети миллиан. Они движутся к навесу. Я думаю, что это жилище хозяина, и они дальше не пойдут. Должен ли я вернуться на луг и двигаться по другому следу?

— Нет, — сказал я, — к этому времени след окажется уже слишком холодным. Отступайте на место, где вас никто не увидит, и вызывайте флиттер.

Через несколько часов сердце радостно забилось у меня в груди: я увидел дерево с явными следами выстрелов из бластера.

Это Кочихар практиковался в стрельбе.

Я вызвал Хамида и спросил, где он.

— На берегу реки, — ответил тот. — Они здесь недавно переплавлялись. Теперь стою и думаю, как перебраться на другой берег.

— Дальше не ходите, — сказал я. — Я уже близко. Возможно, так близко, что они могут увидеть флиттер и насторожиться.

Думаю, это был единственный разумный выход.

Несколько раз я останавливался для еды и отдыха. Стимуляторы помогали мне выдержать долгий и тяжкий путь. Наверное, презиравшие людей каиниты поразились бы проделанной мною работой. К вечеру след был настолько свеж, что я замедлил ход и стал двигаться со змеиной осторожностью. Здесь, в низине, даже после захода солнца, воздух был менее холодным, чем на холмах.

Около полуночи мой инфракрасный детектор отметил присутствие источника излучения, более мощного, чем человеческое тело. Я прошептал эту новость по рации и приказал прервать связь, чтобы нас не услышали. Затем я двинулся вперед.

Наконец я оказался на краю небольшой поляны.

Здесь горел костер, отбрасывая пляшущие тени на стены большого прямоугольного сооружения без окон, скрытого деревьями. Два миллиана склонились над своими копьями. Из отверстия в крыше пробивался свет.

Я осторожно достал свой парализующий пистолет. Два тихих выстрела — и стражи упали. Я перебрался через открытое пространство, укрылся в тени здания и стал ждать.

Но ничего толком услышать не удалось. А кожаный занавес на двери мешал мне рассмотреть внутренность помещения. Я осторожно отодвинул его и заглянул в образовавшуюся щель. Густой дым наполнял помещение, но я смог рассмотреть, что это была длинная комната, все стены которой были увешаны прекрасными мехами. Около десятка миллиан, в основном мужчин, сидели на корточках вокруг огня, который горел в яме и слабо освещал их свирепые и плоские лица. В углу сгрудились несколько лугалов. Среди них я узнал Черкеза и обрадовался тому, что он уцелел в битве. Лугалов из отряда Кочихара, по-видимому, отправили в бараки. Сам Кочихар рассказывал своему отцу, Шивару, о своем бегстве.

И хотя момент был совсем неподходящим для радости, я дал обет поставить множество свечек перед святыми. Ибо все случилось так, как я и предполагал: Кочихар не отправился домой, а явился на заранее условленное место встречи. Зурковский, Чанг и Буллис находились здесь же. Они сидели в дальнем конце комнаты, кашляя от дыма. Они были прикрыты шкурами.

Кочихар кончил свой рассказ и взглянул на отца, ожидая одобрения. Хвост Шивару раскачивался взад и вперед.

— Странно, что они так заботились о тебе,— сказал он.

— Они подобны слепым детенышам, — фыркнул Кочихар.

— Не уверен... — пробормотал Шивару. — Их сила велика. И мы не знаем, что они делали в прошлом, — голос его внезапно стал резким, он резал, как нож. — Или нет? Повтори, Кочихар, как хозяин отдал приказ, а они поступили по-другому.

— Но это ничего не значит, — сказал другой миллиан, седой, покрытый шрамами туземец. — Сейчас мы должны решить, какую пользу можно извлечь из пленных. Ты считаешь, что их следует обменять на наших лугалов и Гумаша. Кочихар говорит, что он остался у них. Но я спрашиваю, зачем нам это? Лучше выставить тела пленных там, где земляне смогут их найти. Это будет нашим последним предупреждением.

— Правильно, — сказал Вогзахан, который тоже сидел среди собравшихся. — Тилитур утверждает, что они слепы и глухи.

— Вначале надо попробовать обмен, — сказал Шивару. — Если он не удастся... — его клыки сверкнули в свете огня.

— Убьем одного для примера, а потом вступим в переговоры, — гневно сказал Кочихар. — Они угрожали мне тем же.

Гул пробежал среди туземцев. Они переругивались, огрызаясь, словно звери в зоопарке, и я с ужасом подумал, что они могут сделать с нашими товарищами. Капитан говорил нам, что ни один из миллиан не имеет власти над другими. Как бы того ни хотел Шивару, не в его силах помешать другим сделать так, как им вздумается.

Я должен был принять решение немедленно. Бластер был бесполезен. Пока я буду стрелять в одних — другие успеют схватить оружие, благо оно у них всегда под рукой. К тому же я боялся задеть людей. Можно воспользоваться парализующим пистолетом. Но раньше, чем я разберусь с миллианами, лугалы раскроят мне череп топорами. Оставаясь на месте, я мог бы заблокировать

здание, так как оно имело лишь один выход. Но Зурковский, Чанг и Буллис остались бы в их руках заложниками.

То, что я сделал, было, несомненно, глупостью, ибо мне далеко до моего капитана. Сначала я проскользнул в лес и вызвал лагерь.

— Вылетайте как можно скорее, — сказал я и оставил передатчик включенным для указания направления. Затем я обошел полянку и отыскал дерево, нависающее над сооружением. Я взобрался на него и подполз к дымоходу. Очки защищали мои глаза, но дым проникал в нос. Это было нестерпимо. Время тянулось страшно медленно, но наконец я услышал нарастающий гром. Наши флиттеры падали с неба, подобно ястребам.

Миллиане закричали. Двое или трое из них побежали к дверям, чтобы посмотреть, что происходит. Я уложил их из парализующего пистолета, но один из них успел крикнуть:

— Здесь земляне!

Я вновь заглянул в дымовое отверстие. В помещении царила суматоха. Кочихар пронзительно крикнул и извлек бластер. Я выстрелил в него, но промахнулся — слишком много тел находилось между нами, синьоры, другой причины я не вижу.

Тогда я взял пистолет в зубы, ухватился за край дыры и спрыгнул вниз. Коснувшись пола, я вскочил на ноги. Черкез попытался схватить меня за горло. Ударом ноги я отправил его в угол и принялся стрелять из пистолета. Кочихара нигде не было видно. Я стал прокладывать путь к пленникам. Со свистом опустился топор Шивару. Благодаря милости Божьей, я успел уклониться от удара, тотчас же повернулся и усыпил его. Потом проскользнул между двумя туземцами, но третий прыгнул мне на спину. Я ударил его по голове, и он упал. Отшвырнув в сторону какого-то лугала, я увидел наконец Кочихара. Он приближался к пленникам. Они пытались убежать от него, слишком ошеломленные, чтобы защищаться. На лице Кочихара была написана ненависть. Он неумело целился в них из бластера.

Тут он краем глаза увидел меня и развернулся в мою сторону. Рявкнул бластер, в полутьме сверкнула вспышка

выстрела. Но я успел упасть на одно колено и спустил курок. Луч бластера обжег мою парку, но Кочихар свалился. Я наклонился, подобрал бластер и встал рядом с нашими людьми.

Вогзахан метнул в меня топор, но я успел сжечь его в воздухе. Потом вновь поднял парализующий пистолет. Через одну-две минуты все было кончено. Граната обрушила переднюю стену здания. Каиниты падали под огнем множества парализующих пистолетов. Мы не стали ждать, пока они придут в себя, и поспешили в свой лагерь.*

Вновь наступила тишина. Мануэль спросил, можно ли закурить и, вежливо отклонив предложенную ван Рийном сигарету, достал коричневую сигарку из своего портсигара. Это был любопытный и необычный, отделанный серебром ящичек, изготовленный на не знакомой мне планете.

— Уф! — выдохнул ван Рийн. — Однако это не вся история. Вы писали в отчете, что они посетили лагерь еще раз.

Пер кивнул.

— Да, сэр, — сказал он. — Мы уже почти закончили приготовление к отлету, когда появился Шивару в сопровождении других миллиан и их лугалов. Они медленно шли через лагерь, оглядываясь по сторонам, гребни на их головах были напряжены, хвосты вытянуты. Я думаю, наши выстрелы разочаровали бы их. Я приказал держать их под прицелом и вышел из-под навеса. Я приветствовал их с соблюдением всех требующихся условностей.

Шивару ответил мне очень серьезно. Он говорил, с трудом подбирая слова. Нет, он не извинялся. В языке Улаша нет таких слов. Он поманил Черкеза и сказал:

— Вы хорошо обращались с нашими пленными.

— Ха! А что мы должны были с ними сделать? Съесть их, что ли? — спросил я.

Черкез передал ему кожаный мешок.

— Я принес подарок, — сказал Шивару и достал из мешка голову Тилитура. — Мы вернем вам все товары, которые сумеем собрать, — пообещал он, — а если вы дадите нам время, мы за все заплатим двойную цену.

Боюсь, что после такого количества пролитой крови я не счел этот дар слишком отвратительным. Я только сказал, что мы не любим таких подарков.

— Но мы обязаны восстановить свою честь в ваших глазах, — сказал он.

Я пригласил их поесть, но они отказались. Шивару поторопился объяснить, что они не считают себя в праве пользоваться нашим гостеприимством, пока их долг не выплачен полностью. Я ответил им, что мы скоро улетаем, хотя это и так было видно по состоянию нашего лагеря. Они были напуганы, поэтому я сказал им, что мы или другие люди еще вернемся, но прежде нам надо отвезти домой раненых. Это тоже было ошибкой. Упоминание о причененных нам несчастьях невероятно расстроило туземцев. Они только пробормотали что-то невнятное в ответ, когда я попросил их объяснить свое агрессивное поведение. Я решил больше не поднимать этого вопроса — ситуация и без того была достаточно щекотливой, и они ушли с явным облегчением.

Мы еще некоторое время пробыли там, пытаясь выяснить причину случившегося, главным образом потому, что все равно в дальнейшем придется посылать людей на Каин. Всю дорогу домой мы спорили. Где была допущена ошибка? И почему позже отношения начали налаживаться? Мы до сих пор не поняли этого.

Глаза ван Рийна блеснули.

— И какова же ваша гипотеза? — спросил он.

— О, — Пер развел руками. — Уженков высказал такую мысль. Туземцы решили, что мы подготавливаем вторжение. Когда же мы доказали, что используем щадящие методы: не мучаем захваченных пленных, обороняемся парализующим оружием, а не каким-либо другим, смертельным, — они убедились в своей неправоте.

На лице Мануэля не дрогнула ни одна мышца, но нос ван Рийна, подобно носу боевого корабля, развернулся в его сторону.

— У вас другое мнение, а? Давайте выкладывайте.

— Мой долг не позволяет мне противоречить моему капитану.

— Почему же тогда вы не выполнили его приказ на Каине? Значит, у вас было свое мнение, черт побери! Говорите!

— Если синьор настаивает... Но я не ученый, у меня нет книжных знаний. Я просто подумал, что понимаю... понимаю миллиан. Они немногим отличаются от тех, с кем я воевал, будучи наемником.

— Как это?

— Всю свою жизнь они проводят рядом со смертью. Храбрость — вот что им необходимо для того, чтобы выжить, и храбрость они ценят больше всего. Они наблюдали, как мы пользуемся машинами, своим оружием, действующим на расстоянии, как мы слепы ночью, как большинство из нас беспомощны в лесу — и они посчитали, что у нас совсем нет храбрости. И поэтому они презирали нас и не считались с нами, думая, что мы лишены души и никогда не поймем их. Следовательно, мы являемся законной добычей, которой можно завладеть, применив хитрость или оружие, — Мануэль расправил плечи. Голос его загремел так, что я подскочил на стуле. — Когда же они увидели, как ужасен бывает человек, когда они поняли, насколько они слабее нас, мы в их глазах превратились из преследуемой добычи в равных им или даже высших существ.

Ван Рийн с шумом затянулся.

— Были еще какие-нибудь мнения? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил Пер. — Это наши основные точки зрения.

Ван Рийн загоготал.

— Ну что ж, располагайтесь посвободнее, фримены. Не вертитесь, как ангелы на конце иглы. Отдыхайте и пейте. Вы оба неправы.

— Прошу прощения, — прервал его Гарри, — но осмелюсь напомнить, что вы там не были.

— Нет, во плоти я там не был, — торговец шлепнул себя по пузу. — Здесь слишком много плоти. Но сегодня вечером я побывал на Каине, вернее, побывал там этот старый мозг. Он, конечно, порядком проржавел и пропитался алкоголем, но хранит в себе столько информации о Вселенной, сколько, может быть, и не стоит вся Вселенная. Теперь я вижу параллели: Ксаваду, Дуибар, Тамета, Разрушенные Земли... точной аналогии, конечно, не существует... однако я представил себе всю картину и

понял смысл случившегося. Впрочем полной аналогии и не требуется. Вы дали мне столько ключей, что я смог решить проблему при помощи одной только логики.

Ван Рийн замолчал. Он явно ждал, что мы начнем его уговаривать рассказывать о своих выводах. Видя это, мы с Гарри принялись за свои напитки, а потом снова наполнили бокалы. Ван Рийн побагровел, тяжело вздохнул и, видимо, решив проявить свой характер в другой раз, рассмеялся.

— Ладно, вы выиграли, — сказал он. — Расскажу вам коротко и быстро, потому что скоро обед, если только кухня не провалилась ко всем чертям. Ключом всей проблемы для меня оказались лугалы. Вы называли их рабами, и в этом была ваша ошибка. Они не рабы, а домашние животные!

Пер выпрямился.

— Не может быть! — воскликнул он. — Я хочу сказать, что они говорят на обычном языке и...

— Да, да. Я даже готов предположить, что они знают высшую математику. И все же это только прирученные животные. Что такое раб? Человек, который вынужден волей или неволей исполнять то, что ему прикажет другой человек. Верно, Гарри? Гарри говорил, что он не смог бы доверять рабу, имеющему оружие в руках, и я с ним вполне согласен. Ибо человеческая история полна восстаниями рабов, бегством рабов, убийством рабами жестоких хозяев и так далее. Но зато вы, Гарри, доверяете своим дорогостоящим псам с их зубами! Когда ваш ребенок мал и мочится в пеленки, вы оставляете его одного в комнате с собакой в качестве охранника. Вот где разница. Раб может повиноваться, а может и не повиноваться... Перед собакой такая проблема не стоит. Ее гены запрещают ей поступать иначе.

Вы сами упомянули о том, что миллианы долго и основательно выращивали лугалов, изменяя их наследственность так, что изменилась сама природа лугалов. Так оно и должно было быть. Если бы лугалы были не животными, а рабами, им бы тоже не доверяли. Вы предположили также, что миллианы могли иногда притворяться, но не развили эту мысль до конца. Ибо все, что вы рассказали

здесь о миллианах, доказывает, что по своей натуре они являются ДИКИМИ животными.

Дикими животными, которых можно уподобить тиграм или буйволам. У молодых миллиан отсутствует инстинкт повиновения своим родителям. В течение долгого времени они содержали лугалов для выполнения грязной работы, задолго до того, как те стали разумными. Готов биться об заклад, что они выращивают их, как муравьи выращивают тлей. Вспомните, вы не видели ни одного лугала, не зависящего от своего хозяина. Как нет общественности или стадности у миллиан, так нет и свободной воли у лугал. Так и должно было получиться.

Это разрушает вашу теорию о страхе перед вторжением людей. Не имея какого-либо представления об армии, они не могли вообразить себе и вторжения. Дикое животное не станет смирным, если его побьют. Это по поводу вашей теории, Мануэль Гомес. Человек с комплексом превосходства будет лизать вам сапоги, если вы докажете ему, что превосходите его силой. Но у хищника нет даже представления о гордости.

Ну так что же произошло в действительности? Люди высадились на планете. У миллиан не было ни малейшего опыта общения с другими расами. Они, естественно, решили, что вы рассуждаете, как они. Когда они ближе познакомились с людьми, то что же они увидели? Люди получают приказы. Как это может быть?! Ни один миллианин не подчинится приказу, даже если над ним стоят с топором. Ха! Значит, эти чужеземцы — лугалы особого рода. Готов поклясться: очень скоро Шивару решил, что на корабле все лугалы, за исключением юного Пера. Ведь, в конечном итоге, все приказы исходили от него. Некоторые, например, Мануэль, — это только старшие лугалы и всего. Покорные животные.

А когда Пер упомянул о Боге...

Ван Рийн с раздражением перекрестился.

— Я не богохульствую, — сказал он, — но все знают, что наше представление о Боге — это отражение нас самих. Даже когда мы признаем, что выполняем его волю, даже тогда мы молчаливо надеемся, что он не воспринимает всерьез наши так называемые человеческие слабо-

сти, гнев, гордыню, зависть, обжорство, похоть и все прочее, что только и делает нашу жизнь привлекательной.

Пер сказал о Боге. Он признал его господином. Но это означало, что и Пер — лугал, животное! Ни один миллиан не допустит существования над собой мистического господина, как и любого другого. Об этом свидетельствует сам факт отсутствия у них религий, хотя у лугалов она, по-видимому, имеется.

Поразмыслив над услышанным, Шивару вернулся к другим миллианам, чтобы расспросить их. И что же он узнал? Он всегда был уверен, что всякий повинующийся — лугал. И вот Пер сообщил, что и он не лучше остальных. Слова Пера о том, что ни он, ни любой другой член экипажа не имеют хозяина, выпустили демона из бутылки!

Ну, ну, спокойно, малыш. Ты ведь не мог знать этого. Знание дается недешево. Бедные миллиане это поняли. Можете себе представить, как они были встревожены. Известно, что собаки иногда срываются с цепи. И, несомненно, на Каине случалось, что лугалы набрасывались на своих хозяев и причиняли им немало бед, прежде чем были убиты. Миллиане видели все ваше могущество и знали, каким опасным оно может быть. Вероятно, решили они, эта порода лугалов сошла с ума и истребила своих хозяев. Иначе как же может существовать лугал без хозяина?! Итак, что вы станете делать, друзья, если вы живете в одиноком деревенском доме, а по соседству расположилась стая бешеных собак, убивающая людей?

Ван Рийн опустошил свою кружку пива. Некоторое время мы размышляли над его словами.

— Ваше объяснение мне кажется несколько натянутым, — сказал Гарри.

— Нет, — щеки Пера горели от возбуждения. — Все сходится. Фримен ван Рийн выразил словами то, что я всегда чувствовал, узнав как следует Шивару и его прямодушие. Складывалось такое впечатление, что он не видел некоторых вещей, не мог понять определенные идеи, хотя его мыслительные способности вроде не хуже моих. Да...

— Ну вот, двое из них решили захватить вас врасплох, — сказал ван Рийн, — и попытаться надуть прежде, чем

напасть на вас: они не были уверены, что атака удастся. С их точки зрения, вы были животными, чьи предки уничтожили расу своих людей — хозяев. Именно поэтому встревоженные миллиане попытались смести вас с лица своей земли. Это им не удалось, тогда они попытались воспользоваться пленниками в качестве рычага, изгоняющего вас с их земли. Но на этот раз их опередил Мануэль.

— Но почему они изменили свое мнение о нас? — спросил Пер.

— Да, здесь вам повезло. Ты отдал приказ. Твои люди не подчинились ему. Лугалы могут сойти с ума, могут убить своего хозяина, но их природа не позволяет им не выполнить приказа. Если они не делают этого, значит, они настолько безумны, что не способны совершать последовательных действий, то есть действовать успешно. Ваша стратегия благополучно сработала. К тому времени ваши люди убили не больше миллиан, чем это было необходимо, а сошедшие с ума лугалы так бы не поступили. Следовательно, вы не могли быть домашними животными, здоровыми или больными. А поэтому вы — дикие животные. Мозг каинита — узкий мозг, и как вы сами говорили, он не в состоянии представить третьего рога на голове быка. Поскольку вы доказали, что вы не лугалы, следовательно, вы — миллиане.

Поняв суть, Шивару решил, что поступил с вами нечестно. В глубине души он чувствовал себя ответственным за все. Вы сами говорили, что у миллиан есть представление о честности по отношению к другим миллианам. К тому же он не хотел упускать выгоду от торговли с вами. Он убедил в этом своих друзей и попытался исправить содеянное.

Ван Рийн потер руки.

— О, хо,хо! Какими отличными партнерами они будут для нас! — взревел он. Мы сидели некоторое время, обсуждая эту возможность, пока дворецкий не пригласил нас к обеденному столу. Мануэль помог Перу встать.

— Мы проинструктируем всех, кто отправится на Каин, — сказал Пер. — Мы докажем им, что не являемся дикими животными, что мы люди.

— Но, капитан, — сказал Мануэль, высоко подняв голову, — ведь в действительности мы и есть дикие животные!

Ван Рийн остановился и некоторое время смотрел на нас. Потом он яростно покачал головой и, подобно медведю, побрел к прозрачной стене.

— Нет, проворчал он, — только некоторые из нас.

— Как это? — удивился Гарри.

— Здесь, в этой комнате, мы действительно таковы, — сказал ван Рийн. — Мы поступаем так, а не иначе потому, что считаем свой выбор правильным. Никаких других причин нет, верно? Если нас превратить в рабов, будет не очень мудро давать нам в руки оружие, верно? Как много было в истории Земли рабов, облеченных полным доверием своих хозяев! Были даже армии рабов, вспомните янычар! А сколько людей сегодня в душе являются домашними животными? Они хотят, чтобы кто-нибудь другой сказал им, что нужно делать, и чтобы кто-нибудь другой позаботился об их нуждах и защитил как от других, так и от самих себя. Почему все подлинно свободные человеческие общества оказываются такими недолговечными? Не потому ли, что так редко рождаются люди, подобные диким животным.

Он взглянул на город, сверкающий и мерцающий бесчисленными огнями под звездным небом, теряющийся за горизонтом вследствие кривизны планеты.

— По-вашему, они там действительно свободны? — воскликнул он и презрительно махнул рукой.

Оглавление

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. 6
ГЛАВА ВТОРАЯ. 10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. 18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. 25
ГЛАВА ПЯТАЯ. 29
ГЛАВА ШЕСТАЯ. 34
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. 41
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. 50
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. 57
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. 67
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. 78
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. 89
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. 92
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. 102
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. 110
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. 121
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. 125
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. 135
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. 143
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. 153
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. 158
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 165

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Часть первая
ТРЕУГОЛЬНОЕ КОЛЕСО 174
1 175
2 184
3 189
4 195
5 203
6 208
7 216
8 221
9 226

Часть вторая
НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ 229
1 230
2 235
3 243
4 251
5 256
6 264
7 270

Часть третья
ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ 274
1 274
2 283
3 288
4 290
5 292
6 303
7 311
8 323
9 330
10 341
11 348
12 353
13 364
14 377

15 382

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Часть первая
УБЕЖИЩЕ 386
1 386
2 392
3 400
4 401
5 404
6 411
7 417
8 423
9 427
10 432

Часть вторая
ТЕРРИТОРИЯ 434
1 434
2 445
3 454
4 476
5 481
6 494

Часть третья
РАЗГАДКА 496

Литературно-художественное издание

Пол Андерсон
Война крылатых людей

Ответственный за выпуск
И. Гусейнов

Редактор
Н. Бархатов

Корректор
Н. Суворова

Амбер, Лтд. 665830, г. Ангарск, 76—9.

Лицензия ЛР № 070335 от 28.01.92.
Сдано в набор 10.11.93. Подписано в печать 14.12.93.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Тип Таймс.
Усл. п. л. 28,56. Уч.-изд. л. 29,9. Тираж 50 000 экз.
Зак. 1691.

Издание осуществлено при содействии
издательства «Фактор», Тверь

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской
полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.